

Пили Ден
Йен Воррес

ПОДЛИННАЯ ЦАРИЦА ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

АРХИВ

Воспоминания
очевидцев

СЕРИЯ «АРХИВ»

Лили Ден

ПОДЛИННАЯ ЦАРИЦА

Йен Воррес

**ПОСЛЕДНЯЯ
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ**

Санкт-Петербург
Издательский Дом «Нева»

2003

*Исключительное право публикации книги принадлежит
Издательскому Дому «Нева».*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Перевод с английского
В. В. Кузнецова

Lili Dehn
THE REAL TSARITSA
London, Thornton Butterworth, 1922

Ian Vorres
LAST GRAND DUCHESS
The Memoirs of Grand Duchess Olga Alexandrovna
London, Hutchinson, 1964

Ден Л., Воррес Й.

Д 33 Подлинная царица. Последняя Великая Княгиня. — СПб.: Издательский Дом «Нева»; М.: «ОЛМА-ПРЕСС», 2003.
— 447 с. («Архив»).

ISBN 5-7654-2895-9
ISBN 5-224-04759-5

История династии Романовых всегда привлекала и продолжает привлекать внимание исследователей. Трагическая судьба последнего императора Николая II и его семьи, а также всех членов царствующей династии, невинно погибших или вынужденных покинуть свою страну и жить на чужбине, часто становилась объектом для различного рода фальсификаций.

Воспоминания Лили Ден, подруги императрицы Александры, и младшей сестры Николая II Ольги Александровны, которые легли в основу повествования книги, помогут развеивать многочисленные мифы о семье Романовых.

ББК 84.4

ISBN 5-7654-2895-9
ISBN 5-224-04759-5

© В. В. Кузнецов, перевод, 2003
© Издательский Дом «Нева», 2003

Лили Ден

ПОДЛИННАЯ ЦАРИЦА

**Воспоминания приближенной
Государыни Императрицы
Александры Федоровны**

ЦАРСКОЕ СЕЛО

*Ее Императорскому Величеству
убиенной Государыне Императрице Всероссийской
Александре Феодоровне*

Adieu, c'est pour un autre monde!¹

Капризный рок на трон тебя вознес,
К ногам твоим поверг он царство,
В наследство дав бесчисленные мытарства,
Взамен нектара — чашу горьких слез.
Могла ль ты знать, что минут годы счастья
И разобьется твой державный челн
О риф, возникший средь кровавых волн
В годину черную ненастья.
Как ты сумела все это сносить,
Когда убийство вороном кружило
И чернь твою пролить алкала кровь?
К Престолу Божию молитвы возносить
Душе твоей что придавало силы?
Святая вера: Бог — это любовь!

Освальд Норман (Перевод В. К.)

¹ До встречи в ином мире (фр.).

Часть I

СТАРАЯ РОССИЯ

ГЛАВА I

Родилась я в живописном поместье на юге России, принадлежавшем моей бабушке и дяде. Мой отец, Исмаил Селим-бек Смульский, происходил из литовских татар. Дед моей бабушки, урожденной Катерины Хорват, приехал в Россию из Венгрии по приглашению Императрицы Елизаветы Петровны, дабы помочь ей в освоении Южной России. Полковник Хорват — наполовину серб, наполовину венгр — был назначен на должность командующего войсками Юга страны. Согласно семейному преданию, когда он впервые прибыл в Россию, его привели на вершину высокой горы и велели взглянуть на простиравшиеся вокруг поля и леса.

Повинуясь приказу, полковник Хорват стал любоваться открывшейся его взору панорамой. Каково же было его удивление, когда спутник моего прапрадеда сказал:

— Глядите во все глаза, господин полковник. Все, что вы видите, отныне принадлежит вам. Вотчина эта дарована вам Государыней Императрицей!

Подарок был поистине Царский, но, когда я появилась на свет, от тогдашних владений прапрадеда осталось лишь несколько поместий. Дарованные земли располагались по берегам Днепра в Малороссии. Предки мои стали типичными русскими дворянами, которые ни перед чем не останавливались ради удовлетворения своих прихотей. Бытует легенда, будто один из моих предков приглянувшуюся ему охотничью собаку выменял на лесное угодье!

Ревовка¹, где я родилась, располагалась неподалеку от других поместий, во владение которыми мы вступили благодаря усилиям князя Голенищева-Кутузова, героя войны, спасшего Россию

¹ На карте Херсонской губернии село это обозначено как Ревовка. (Прим. переводчика.)

от вторгшихся в ее пределы французов. Наша чудная старинная усадьба была окружена большим парком, прорезанным аллеями. По краям аллей были высажены липы, в их ветвях пели соловьи. В эту самую минуту, когда я пишу настоящие строки, я мысленно вдыхаю незабываемый аромат лип, вспоминаю красоту и мирную тишину окружавшей меня природы. Поистине то был волшебный край. В поместье царили благоденствие и счастье. Село теснилось к помещичьей усадьбе. Предки мои погребены в сельской церкви. Выстроившиеся аккуратными рядами хаты белили каждую неделю. Кровли их были крыты камышом. На фоне белых стен яркими пятнами выделялись цветочные клумбы. Перед каждой хатой росли вишни. То был край вишневых садов, белоснежных мазанок и бесхитростных радостей.

С семейством нашим крестьяне находились в самых хороших отношениях. На бабушку, госпожу Хорват, они смотрели как на свою благодетельницу. Если у кого-то случался пожар, она помогала погорельцу постройиться, снабжала селян топливом. Участью своей крестьяне были вполне довольны. В услужении у бабушки еще оставались селяне, которые некогда были нашими крепостными. В старину было принято оставлять за невестой в качестве приданого известное количество крепостных. Десять крестьян, которым пришлось сопровождать бабушку в Ревовку, обожали свою барыню. «Твердят, будто мы были несчастными рабами, — говорили они. — А ведь о нас заботились. И помещик был для нас что отец родной».

Зато, если какой-то крестьянин или крестьянка занимали привилегированное положение, то они чаще всего превращались в тиранов. Я слышала про одну красивую крестьянскую девушку, ставшую наложницей очень знатного помещика, которая перещеголяла любого самодура. Она заставляла своих родных стирать ее белье и требовала, чтобы полоскали его только в проточной воде. Если же ей казалось, что нижние юбки плохо подкрахмалены, то секли розгами всю ее родню. Самим нам даже в голову не приходило, чтобы белье стояло колом от крахмала. Полагаю, что подобная жестокость — характерная черта всех, кто из грязи вылез в князи.

Бабушка моя, урожденная баронесса Пилар, ставшая госпожой Хорват, была милейшей души человек, и я любила ее всем своим детским сердцем. Она обожала рассказывать мне сказки, примеру ее следовала и наша старая няня. Гуляя по берегу реки и

восхищаясь нежной красотой лилий, я в который раз слышала предание о том, что когда орды татар нападали на село, женщины и дети бросались к реке и прятались под широкими листьями водяных лилий до тех пор, пока налетчики не покидали деревню.

Жители Ревовки были очень суеверны и искренно верили в ведьм и колдунов. Никто не сомневался в том, что у некоторых женщин бывают хвосты и что они наводят порчу на коров. Горе той женщине, которая чересчур убивалась по умершему мужу! Ведь он в таком случае превратится в огромную змею, а та через трубу проникнет в хату, наводя страх на ее обитателей. Некоторые из этих историй производили на меня жуткое впечатление. По душе мне были милые обычаи и обряды, приуроченные к определенным временам года. Обряды эти, увы, остались в прошлом, при большевиках уступив место иным, кровавым обрядам, составляющим сущность пресловутого ленинского учения.

Запомнились мне своеобразные способы гадания. В новогоднюю ночь деревенские девушки подходили к дверям какой-нибудь хаты и внимательно прислушивались. Та из них, до слуха которой доносилось мужское имя, должна была непременно выйти замуж в этом же году. Существовали и другие способы узнать свою судьбу. К примеру, девушка бросала через голову сапожок и по той форме, которую он примет, упав наземь, узнавала, с какой буквы начинается имя ее суженого. Другие девушки пытались поймать лунный свет в полотенце. Были и другие милые и наивные поверья. К примеру, в день св. Екатерины ставили в воду вишневые ветки. Если к Рождеству голые ветки зацветут, то жди сватов.

Празднества в день Ивана Купалы происходили у реки. Праздник этот наверняка восходит к древним временам. Ведь языческие обычаи искоренить не так-то просто. На берегу реки разводили огромный костер. Сельские девушки с венками на голове прыгали через огонь, а затем бросали венки в воду, как бы в дар божеству речных струй. Наутро они отправлялись искать свои венки. Те из девушек, которым посчастливилось отыскать свой венок на берегу, узнавали, где живет их суженый.

По поверью, аисты приносят счастье. Чтобы привлечь внимание птиц, крестьяне помещали на крышу колесо от телеги. На них-то и вили аисты свои гнезда. К величественным этим птицам селяне относились как к своим друзьям. Стоило аистенку выпасть из гнезда, его тотчас подбирали и, не считаясь ни с какими трудностями, вновь водружали на крышу хаты.

Бабушка моя обожала вышитые работы. У нее постоянно трудились десять—пятнадцать мастериц. Она не жалела ни времени, ни средств на то, чтобы возродить это старинное искусство на юге России. Ей удалось убедительным образом доказать, что великое переселение народов с Востока на Запад оставило свой след даже в узорах вышивок: она нередко видела похожие узоры на античных коврах и изделиях венецианцев.

Ни одна из вышивок не была продана бабушкой. Едва работа над изделием завершалась, к нему прикрепляли бирку, на которой указывали срок начала и окончания работы. Затем его убирали в сундук, в котором уже хранились вышитые изделия изысканной работы. Большое количество таких изделий бабушка преподнесла Великой Княгине Елизавете Федоровне, старшей сестре Государыни Императрицы, после того как та приняла православие. Бабушка моя была удостоена чести стать крестной матерью Великой Княгини. Полагаю, что крестница по достоинству оценила бабушкин подарок. Вышивки действительно были чудные. Узор вышивки заранее никогда не рисовали, лишь считали количество стежков. Вот каким кропотливым способом создавалось вышитое изделие. Некоторые излюбленные узоры моей бабушки повторяли рисунки на пасхальных яйцах, которые сначала покрывались воском, а затем раскрашивались. Другим источником вдохновения художниц были узоры снежинок. Бабушка повсюду и неустанно искала все, что носит декоративный характер, и поиски ее неизменно увенчивались успехом. Я люблю вспоминать то славное время, тех прилежных девушек-вышивальщиц, те добрые отношения, которые существовали между мастерицами и их хозяйкой. Как тяжело сознавать, что после революции все это погибло, что огромные сундуки с вышитыми изделиями были взломаны, а их содержимое растащили все кому не лень. Более того, нынче считают великим грехом призвать крестьянина потратить свой досуг с пользой.

При всей ее покладистости бабушка могла проявить свой характер и указать кому надо на дверь. Моя старая няня не раз рассказывала, как один из наших соседей, некий князь, предлагал бабушке руку и сердце. Этот господин, в уверенности, что произведет впечатление своей знатностью и богатством, приехал в усадьбу в карете, запряженной шестеркой лошадей. Бабушка чрезвычайно учтиво встретила его... и отказала. После того как незадачливый жених уехал восвояси, по какой-то неведомой при-

чине его лошади по дороге потеряли подковы. Подковы оказались из чистого серебра, они как бы свидетельствовали об огромном состоянии владельца лошадей. Проезжая по селу, князь и его фореиторы проявили неслыханную щедрость. Князь был высокомерен и заносчив. Жил в роскошном особняке, в котором насчитывалось с полсотни комнат. Дважды в год устраивал бал, для чего приглашал оркестр из Петербурга, до которого было четверо суток пути. Однако, по мнению князя, никто, кроме моей бабушки и членов нашей семьи, не был достоин общения (даже в качестве партнерши или партнера в танцах) с ним самим и его родственниками, поэтому балы были весьма немногочисленны. В танцевальном зале кружилось всего несколько пар. Зато высокое происхождение тех, кто удостоивался приглашения, не вызывало сомнений.

Серебряные подковы, дорогостоящие музыканты и прочие пустяки стоили денег, а поскольку все мужчины из этой сверхаристократической семьи служили в гусарских полках, то разорение семейства стало неизбежным результатом расточительства. Двери особняка оказались заколоченными, столичные оркестры перестали в нем звучать, а прежние его обитательницы — представительницы нежного пола — нашли приют в институте для благородных девиц из разорившихся семейств.

Двоюродная теть, баронесса Нина Пилар, в моих детских воспоминаниях предстает как романтическая фигура. Имя ее было овеяно своеобразным ореолом, подобно всем, кто причастен к жизни двора. Она была фрейлиной Императрицы Марии Александровны, супруги Императора Александра II. Она появилась при дворе, едва ей минуло шестнадцать. Опекала ее графиня Тизенгаузен (тоже моя двоюродная тетушка), обер-гофмейстерина двора, воспитавшая Феликса Сумарокова, деда князя Феликса Юсупова. Ходило много сплетен относительно происхождения старика Сумарокова, которого младенцем передала графине Тизенгаузен одна из ее ближайших подруг. Но никто не мог сказать ничего определенного, и тайна рождения Сумарокова так и осталась нераскрытой.

Императрица Мария Александровна любила тетку Нину, да и Государь был добр к ней до тех пор, пока бедная девушка не стала невинной жертвой случая и костюмерши. Император был давно увлечен княжной Долгорукой. Однажды, когда моя юная тетушка, выглядевшая особенно привлекательной в новом наряде, про-

гуливалась по набережной Невы, она неожиданно услышала чей-то голос. Слова, с которыми к ней обратились, звучали очень ласково и интимно. Она резко обернулась и, на свою беду, узнала Императора! Началось объяснение. Оказалось, что у княжны Долгорукой точь-в-точь такой же, как у моей тетушки, туалет, а поскольку ростом и сложением обе девушки походили друг на друга, то произошла досадная ошибка.

Императрица постоянно недомогала, но ее двор отличался утонченной элегантностью, и моя юная тетушка была одной из признанных законодательниц моды.

Как у большинства хорошеньких женщин, у тетушки Нины был роман, однако замуж она так и не вышла. Ее волшебным принцем стал Великий Князь Николай, с которым она была тайно обручена. Однако, когда Великий Князь обратился к Государю с просьбой разрешить ему жениться на своей избраннице, Император, так и не простивший юную фрейлину, по чьей вине он совершил промах, согласия ему не дал.

Бедные влюбленные встретились в Швейцарии во время поездки в эту страну Императрицы, за которой ухаживала тетя Нина. Там оба сказали друг другу последнее «прости» и кинули обручальные кольца в озеро. Великий Князь не смог забыть своей возлюбленной, и — хотя со временем женился на другой — когда моя тетушка скончалась, он пришел проводить ее в последний путь. Молча стоял он, печально глядя на гроб, в котором покоились останки той, с которой были связаны его юношеские мечты и надежды.

По существу, тетушка Нина пожертвовала собственным здоровьем ради спасения жизни Государыни. Однажды, когда Ее Величество, в сопровождении моей тетушки находясь в Швейцарии, ехала в экипаже, на них налетела крестьянская повозка. Защищая Императрицу, тетя Нина поднялась и получила сильный удар оглоблей в грудь. Спустя некоторое время на этом месте образовалась раковая опухоль, однако моя тетушка пережила свою Августейшую повелительницу, которая несколько лет спустя скончалась в Петербурге. Согласно легенде, в день смерти Царицы все увидели в небе над Зимним дворцом светящийся крест — как бы символ ее физических и нравственных страданий.

Впоследствии тетя Нина стала фрейлиной Императрицы Марии Федоровны, а затем обер-гофмейстериной двора Великой Княгини Елизаветы Федоровны. Великая Княгиня очень привя-

залась к моей тетушке, а после ее кончины обратилась к моей матушке с просьбой занять должность покойной сестры. По семейным обстоятельствам матушка отказалась от этой чести, но нередко навещала Великую Княгиню и ее супруга, Великого Князя Сергея Александровича. Помню мамин рассказ о том, до чего же убивалась Великая Княгиня после трагической смерти мужа и как, отрешившись от мирских радостей, стала настоятельницей основанной ею Марфо-Мариинской обители в Москве.

Детство мое прошло главным образом в поместье бабушки. В Ревовке мы жили довольно патриархальной жизнью — простой и размеренной, — которой, увы! не суждено возродиться. Мне, русской, очень больно сравнивать тогдашних крестьян с нынешними. Обычно крестьянин был добр по природе и совершенно невежествен. Дать ему образование оказывалось делом чрезвычайно сложным. Всякий раз, как бабушка пыталась уговорить крестьян, арендовавших у нее землю, отдать своих детей учиться, она получала неизменный ответ: «Грамота мужика не накормит. Наши родители прожили без грамоты, проживут и наши сыновья».

Вера в аристократию была у них безграничной, во всем крестьяне полагались на своих помещиков. Но, на свою беду, русский крестьянин подвержен влиянию разных краснобаев и бумагомазак. Этим-то и объясняется невероятный успех революционной пропаганды и лживых обвинений, распространявшихся в обществе с целью подорвать престиж Царской Семьи в глазах простого народа. Не могу не признать и нашей вины в том, что мы не попытались бороться с этой опасностью, хотя и знали о ее существовании. Единственной прослойкой общества, которая пыталась с помощью контрпропаганды устранить источник опасности, были так называемые «черные сотни». Попытки этих людей оказались безуспешными, они не получали никакой поддержки по той простой причине, что *никто не верил, что масса народа может восстать*. Русские аристократы, не в состоянии преодолеть классовые предрассудки и исполненные граничащей с самоуверенностью веры в самих себя, подобно французским аристократам 1789 года отказывались признавать и даже допускать, что их положение может оказаться шатким!

Крестьянин юга России, каким я его знала, обладал поэтической, бесхитростной душой. Мы часто наблюдали после ужина, как селяне выгоняли своих лошадей на наши пастбища, как сковывали им ноги цепями, чтобы те не убежали. Все эти работы

неизменно сопровождалась пением, потом крестьяне плясали под лунным светом, заливавшим окрестные луга и леса. Жителям Ревовки были присущи многие своеобразные обычаи, о которых будет любопытно узнать английским читателям, которые видят в России нынешнего дня нелепое, ядовитое образование, а не орхидею, выросшую среди вечных снегов, — сравнение необычное, но, на мой взгляд, верное. Во многих отношениях наша страна представляла собой экзотическое явление: свехутонченность уживалась с невежеством, а чуть ли не восточная роскошь соседствовала с бедностью. Это была страна крайностей, где эмоции и страсти или же не знали предела, или же подавлялись с неслышанной жестокостью.

Было время, когда невозможно было представить себе, чтобы наш семейный кучер, который всякий раз поворачивал лошадей домой, лишь потому, что на дороге ему встретилась белая собака, мог стать большевиком, которому ничего не стоило зверски убить своих хозяев, вместо того чтобы уберечь от несчастья, которое приносит встреча с предвестником беды!

Должна признаться, что моя бабушка была не в меньшей мере суеверна, чем ее кучер. Она твердо верила в сны, и всякий раз, когда ей снилось нечто особенное, посылала в село за старухой, умевшей толковать сны. Помню, что одно из ее сновидений привело к драматическому исходу: бабушка уволила со службы одного очень преданного слугу, который, как ей причудилось во сне, пытался ее убить. Она решительно потребовала, чтобы он больше не попадался ей на глаза, и беднягу отправили в другое имение. Думаю, произошло это потому, что несколько раз сны ее оказывались вещими.

Наши крестьяне поверяли бабушке все свои радости и печали. Когда кто-нибудь из них вступал в брак, нас неизменно приглашали на свадьбу. Ритуал приглашения был всегда одинаков. Одетая в национальный костюм, украшенная цветами и лентами, невеста приходила вместе со своей подружкой в людскую, где ее встречала бабушка. Девушка опускалась на колени и трижды кланялась, чтобы тут же засвидетельствовать, какую честь мы окажем ее семейству своим присутствием. Получив заверение со стороны бабушки, что мы придем на свадьбу, невеста, радостно улыбаясь, удалялась. После свадьбы, которую обычно играли в воскресный день, все гости шли к нашему дому и собирались на террасе. Оркестр из деревенских музыкантов исполнял своеоб-

разные, но очень красивые мелодии. Гости пели, танцевали без усталости. Неизменным подарком молодым была корова. Когда я выходила замуж, то получила от наших служащих, которые презошли самих себя, целых двух волов!

В сочельник мы постились до первой звезды. Когда звезда появлялась, нам подавали обильный ужин из пятнадцати блюд. Причем непременно рыбных. На стол под скатерть клали сено, чтобы напомнить трапезующим о скромности помещения, в котором родился Богомладенец. Было заведено, чтобы дети относили рождественский ужин своим друзьям и близким. Все окна в барском особняке были закрыты шторами, но одно окно оставляли открытым, и когда в безмятежном небе появлялась первая звезда, в честь рождения младенца Иисуса окно освещалось. Тотчас в имение гурьбой приходили дети, несшие в руках бумажные фонарики с изображением Христа. Процессия походила на огненный поток. Более красивого зрелища, чем эта вереница ребятшек, я в жизни больше не видела.

Наступал Новый год — событие, радостное для всех. Собравшиеся на террасе селяне поздравляли нас с праздником, бросая нам под ноги пригоршни пшеницы как символ благополучия. Затем мы наблюдали за процессией наших работников, проходивших мимо нас вместе со своими подопечными. Сначала выступали конюхи, которые вели под уздцы лошадей — вычищенных, ухоженных и к тому же украшенных золочеными коронами и множеством лент. Потом шагали скотники вместе с волами, глядевшими на нас серьезными глазами, рога их в честь Нового года были позолочены; овец сопровождали пастухи. Замыкала кортеж птичница, которая шла следом за индюком, утопающим в лентах.

В первый Новый год после революции в имение к нам, как и в прежние годы, пришли селяне. Но на этот раз не было ни процессии работников, сопровождавших животных, ни улыбающихся лиц, ни пригоршней пшеницы. Мы увидели злобно ухмылявшихся крестьян, которые в очень грубой форме заявили, что отныне нам здесь не принадлежит ничего, поскольку хозяева теперь они. Однако нужно отдать нашим людям должное: наиболее благонамеренных в этой толпе не было. Хозяйничало самое отребье, которое, в свою очередь, находилось под влиянием подонков городского общества. Я без колебаний заявляю, что движущей силой процесса разрушения России были и поныне остаются евреи.

После того, как с полей сходил снег, дети и молодежь песнями приветствовали приход весны. Взявшись за руки, они водили хороводы, сами символизируя весну человечества. Эти песни звучали в Пасху — этот чудный праздник Воскресения Христова и пробуждения природы. В Великий Четверток до самой полуночи в церквах читались Евангелия, все молящиеся держали в руках зажженные свечи. Владения моей матушки находились в гористой местности, и мы могли наблюдать живописное зрелище, когда на Пасху селяне живым потоком двигались к храму. Храм находился на середине склона, и к нему со стороны двух селений поднимались крестные ходы, обозначенные сотнями огоньков.

Для такого ребенка, как я, наделенного богатым воображением, Ревовка была сущим кладезем впечатлений. У нас была своя Белая Дама, трагический призрак, который имел обыкновение бродить по парку и качаться на ветвях липы. Некогда она была возлюбленной одного из моих двоюродных дядей, которую похоронили в парке. Никто не знал в точности о ее судьбе, но рассказывали, что она была прекрасна и несчастна. На могиле ее лежала каменная плита без всякой надписи: бедное создание наложило на себя руки, спасаясь от бремени любви и жизни. Но природа оказалась добрее людей: над ее могилой вырос огромный куст диких роз. Он протягивал свои ветви к холодным камням и осыпал их лепестками-слезами, оплакивая всеми забытую, лишенную покаяния душу.

Такая же забытая могила была и в поместье моего отца — некогда охотничьим угодье польских королей. В ней покоилась наложница одного из королей, которая, подобно красавице из Ревовки, покончила с собой; но у нее был мятежный дух, и в летние месяцы она часто бродила по парку и по дому. Видели, как она торопливо бежит к зеленым купам деревьев. Стуча каблучками алых туфелек, она взбегала вверх по лестнице, воздушная, прозрачная, как утренний туман.

Какие сны мне только не снились, но разве могло мне когда-нибудь прийти в голову, что уготовано мне Судьбой. По своей природе я была робкой, но, видя перед собой пример силы и самоотверженности, стала смелой и я. Мне довелось увидеть и испытать подлинное значение самоотверженной, бескорыстной любви, познать утешение и красоту религиозного чувства. Не хочу сказать, чтобы я была неверующей — среди русских вы редко встретите действительно неверующих людей, поскольку религи-

озное чувство мы впитываем с молоком матери, — но я еще не понимала значения слова «вера».

Я всегда с нетерпением ожидала паломничества, которое мы ежегодно совершали в Чигиринский монастырь, находившийся в сорока верстах от Ревовки. Обычай требовал совершать паломничество пешком, но нас неизменно сопровождала карета. Монастырь славился своей чудотворной иконой Божией Матери, которую турки, разорившие Чигирин, увезли с собой. Однажды безутешная монахиня, шагавшая вдоль берега реки, увидела какой-то предмет, который плыл по реке. Это икона Божией Матери возвращалась в свою обитель. С того времени в стенах монастыря стали твориться чудеса, и к нему хлынули паломники. Мне нравился Чигирин. Находившийся посреди густого соснового леса, он дышал миром и покоем. Но ветер, который не уважает ни монахов, ни мирян, был подчас враждебен по отношению к святой обители. Он выметал из расселин в стенах песок, выполнявший роль природного известкового раствора, и монахини каждый день на своих плечах носили мешки с песком, чтобы исправить повреждения. Доставка песка было особым послушанием для насельниц Чигиринской обители, а иногда и наказанием, хотя я полагаю, что эти бесхитростные создания едва ли его заслуживали.

Возможно, я уделила слишком много внимания праздникам, привидениям и незамысловатым событиям провинциальной жизни. Но сделала я это для того, чтобы объяснить многие происшедшие впоследствии эпизоды, которые иначе английская публика не поймет. Эпизоды эти не следует рассматривать с чисто английской точки зрения. Мы — народ своеобразный, не похожий ни на какой другой, и страна наша — это край крайнего мистицизма и укоренившихся предрассудков. Это — страна чудес, где твердо верят, что святые образы источают слезы, где в каждой деревне есть свой провидец и святой. Сев в автомобиль, Англию можно объехать вдоль и поперек за какую-то неделю, поэтому-то Англия описана гораздо подробнее, чем Россия. С Россией все обстоит иначе. Это край огромных расстояний, густо населенных городов и чуть ли не пустынных территорий, которые простираются на тысячи верст. Нельзя сравнивать образ жизни населения английского Тутинга с образом жизни обитателей Тобольска или противопоставлять обычаи жителей Москвы с манчестерскими. Наше воспитание в корне отличается от английско-

го. Действительно, мы граждане мира, поистине космополиты. И все-таки русский всегда останется русским. Государыня рассказывала мне, что, впервые приехав в Россию, она чрезвычайно удивилась тому, что русские слуги не понимают, зачем нужно красить графитом каминные решетки. Когда она жила у бабушки, королевы Виктории, в Виндзорском дворце, она привыкла видеть сверкающие каминные решетки. В Петрограде же она подобного не наблюдала. Мы значительно отличаемся от англичан даже в таких мелочах, а ведь вы вряд ли найдете англичанку чистых кровей, которая не знала бы, для чего служит жидкий графитный состав. Однако нас не следует осуждать за равнодушное отношение к этому средству. Все дело в мировоззрении. Если говорить о различиях в мировоззрении, то наилучшим примером их иллюстрации, на мой взгляд, будут слова одного из авторов публикации в «Дейли мейл». Они свидетельствуют о справедливости моего мнения, поскольку данный автор наделен особым даром понимать расовые и психологические различия:

«У нас в Англии принято посмеиваться над тем, что нам свойственно называть местными предрассудками. Позвольте заверить, что этот номер не пройдет у вас в Африке. (Насколько я понимаю, речь идет о Марокко.) То, что однозначно воспринимается как детская галлюцинация в Хэмпстеде или Ньюкасле, является самой настоящей реальностью здесь, под этим бескрайним синим небом. Если вы путешествуете у себя дома, то можете не верить многим истинам, которые вам не дано понять, но в Африке вы научитесь верить всему».

Не справедливо ли это и по отношению к России?

ГЛАВА II

Мое детство и раннее девичество мирно проходили в Ревовке и в Крыму. Но любила я Ревовку и всякий раз, отправляясь в гости к дяде, жившему в Ливадии, брала с собой горсточку земли со своей родины. Важным событием в жизни обитателей Ревовки был приезд из Сибири дядюшки Хорвата, раз в год навещавшего мою бабушку. Он был начальником Сибирских железных дорог и занимал должность, которая соответствовала должности вице-короля Ирландии. Он был типичным представителем рода Хорватов — высокий, пронизательные добрые глаза — и отличался

большим умом. Когда он приезжал, я совсем не ложилась спать. Помню, как мы встречали рассвет. До Ревовки дядюшка добирался лишь в три часа утра. До чего же трогательно было видеть их встречу с бабушкой. Они были очень привязаны друг к другу, да и я относилась к нему как к самому большому другу и любимому родственнику.

В школе я не училась. Первым моим наставником был священник, но, так как я почти не знала русского (дома мы всегда говорили по-французски), а он не знал французского, я мало что сумела усвоить. Зато за меня взялась мисс Райп, английская гувернантка. Мне представляется, что она находила нас весьма отсталыми людьми. Наш старый дом охранял ночной сторож. Его покашливание и тяжелые шаги я воспринимала как колыбельную. Всякий раз как сторож отправлялся на лодке в город, он довольно необычным способом «вызывал» горничную моей бабушки. Это был неграмотный крестьянин и время измерял по-своему. Он подходил к окну комнаты, в которой жила служанка, и сообщал ей о том, что в небе взошла такая-то и такая-то звезда. Посредством нехитрых расчетов девушка могла судить, сколько ей еще можно нежиться в постели.

Зима в Ревовке была чудесной порой года. Мне нравилось ощущение праздника, которое она вызывала, и я любила кататься на старинных саниах — с узорами, с золочеными деталями. Сани современные — с коврами и медвежьими полостями — были не такими нарядными. У англичан сани всегда ассоциируются с волками, они воображают, что поездка зимой на саниах в России непременно сопряжена со смертельной опасностью. Опасность, которую представляют собой волки, превращается в легенду. А между тем в нынешние времена серые встречаются лишь в местностях, удаленных от населенных пунктов. Правда, в Ревовке придерживались старинного обычая и на ночь перед воротами конюшен вешали зажженные фонари, с тем чтобы отпугивать волков. Но однажды вечером, гуляя по парку, я ненароком встретила волка. Прежде мне никогда еще не доводилось сталкиваться нос к носу с этими хищниками, поэтому я решила, что крупное серое животное — это собака. Я окликнула ее, бросилась к «миллой собачке», чтобы поближе с нею познакомиться, но животное лишь взглянуло на меня исподлобья недобрыми зелеными глазами, а затем повернулось и потрусило рысцой прочь. Придя домой, я рассказала о встрече со странной собакой. Каково же было

мое удивление, когда мой рассказ вызвал всеобщую тревогу, и несколько человек отправилось взглянуть на следы животного. Оставшиеся на снегу отпечатки оказались типично волчьими, но нашего незваного гостя и след простыл.

Когда я была еще молоденькой девушкой, в России начали проявляться признаки недовольства, вскоре приведшие к революции. В 1905 году, когда я гостила в Ливадии у одного из моих дядей, который служил управляющим имениями Императора в Ялте, нам довелось познакомиться с методами, к каким прибегали в своей подрывной работе революционные агенты. Теперь хорошо известно, что ядовитые семена революции были посеяны в основном в Ялте, но тогда было просто ужасно наблюдать лодки, разукрашенные красными флагами, и слышать звуки «Марсельезы», доносившиеся со стороны моря: дядя запретил проводить на суше всякие политические сборища. Однажды обнаружили, что золотые двуглавые орлы, обозначающие границы Царских владений, сломаны и сброшены на землю, но этот акт вандализма сочли делом рук евреев и самых горячих голов из числа студенчества. В Крыму разгорались страсти. Во дворце Великого Князя Константина в Ореанде, по какой-то причине пришедшем в упадок, работало несколько подпольных типографий. Мне давно хотелось побывать в этом полуразвалившемся особняке, и однажды я уговорила своих кузенов сходить туда со мной. Предприятие это было рискованное, но мы сочли, что наше непослушание может быть с лихвой вознаграждено открытием каких-нибудь подземных ходов, за изучение одного из которых мы тотчас же и принялись. Приближаясь к концу прохода, мы слышали отдаленные голоса, нарушавшие тишину. Перепуганные до смерти, мы не знали, что нам делать: то ли скрыться, то ли, собравшись с духом, идти дальше и узнать, что это за звуки и откуда они доносятся. Любопытство в конце концов преодолело малодушие. Мы осторожно двигались вперед до тех пор, пока не увидели большой костер, освещавший темноту. Решив, что мы добрались до преддверия ада, мы кинулись бежать прочь и, невзирая на опасность наказания, сообщили дядюшке о местонахождении преисподней. В известном смысле это действительно была преисподняя, поскольку стало известно, что тайная типография находится под землей, что злобная пропаганда против существующего строя была обязана своим происхождением Ореанде.

Хотя именно евреи больше всех мучили воду, скорпион, жаливший власть, подчас и сам получал укусы, а в 1905 году дело дошло до погромов. Многие утверждают, что революция началась с расправ над еврейским населением после того, как солдаты, вернувшиеся с русско-японской войны, позабыли о дисциплине и принялись немилосердно притеснять евреев.

Моя мама, которая вторым браком была за офицером полка, расквартированного неподалеку от нашего имения, узнала о начавшихся беспорядках в тот самый момент, когда мы подъезжали к городу. Она сначала не поверила, что это возможно, но затем убедилась, что предупреждение было не напрасным. Сначала мы увидели людей, мчавшихся по полям куда глаза глядят, а когда добрались до населенного пункта, то увидели нечто невообразимое. Погромщики били окна, грабили еврейские лавки, вытаскивали оттуда товары, а вожаки громил, невзирая на протесты бедных иудеев, швыряли их толпе. Особенным спросом пользовались белые и черные одежды, применяемые при богослужении: утверждали, будто кусок такой ткани, если его надеть на голое тело, защищает от болотной лихорадки.

На следующий день, гуляя по парку, я оказалась возле стены, проходившей рядом с аллеей, пересекавшей парк. К своему удивлению и ужасу, я услышала невероятные высказывания, которыми делились между собой прохожие.

— Сейчас мы возьмемся за жидов, — произнес один из них, прибавив непечатное слово, — а потом примемся за других. На то у нас есть приказ. Скоро наступит черед помещиков!

Выяснилось, что громила не бросал слов на ветер. Спустя несколько дней вокруг нашей усадьбы начались пожары и грабежи. С веранды нашего дома было видно расширяющееся кольцо огня. Наши крестьяне предупредили, что на очереди наша усадьба. Однако беда обошла нас стороной. Правда, одним из первых было уничтожено поместье госпожи Чеботаревой, крупной помещицы и сторонницы революционных преобразований. Впоследствии ее сослали в Сибирь. Судьба сыграла с нею злую шутку, но, на мой взгляд, справедливость восторжествовала!

Когда волнения утихли, на свет появилась Дума, где впервые встретились представители всех классов населения. На усмирение восставших крестьян были направлены войска. Многих из бунтовщиков солдаты секли розгами. Слава богу, среди бунтовщиков наших крестьян не оказалось. Мне отвратительна была

мысль о том, чтобы пороть людей. Несмотря на мой юный возраст, я понимала, что наш класс повинен во многих несправедливостях и поэтому мы обязаны сделать все от нас зависящее, чтобы исправить зло. Однако порка оказалась наиболее эффективным и наиболее понятным средством против бунтовщиков. Порка — варварское наказание, особенно в глазах английской публики. Однако она оказалась сущим пустяком по сравнению с жестокими и утонченными расправами, которыми впоследствии ответили выпоротые злоумышленники тем, кто их порол.

Вскоре совсем иные события заставили меня забыть о бунтах и наказаниях. Вместе с бабушкой мы отправились в Петроград, где начались приготовления к моей свадьбе. Когда меня представили ко двору, я уже была обручена. Женихом моим был Карл Ден, принадлежавший к старинному шведскому дворянскому роду. Его предки обитали в северных провинциях еще со времен крестовых походов. Представители их семейства были в основном генералы и офицеры, находившиеся на Царской службе. Карл Ден принимал участие в подавлении Боксерского восстания, а во время осады Пекина он первым из офицеров поднялся на стену Запретного Города, чтобы выступить на защиту посольств западных стран. За свой подвиг он был награжден орденом Св. Георгия (русский эквивалент Креста Виктории), а послы ряда стран, имевших свои представительства в Пекине, ходатайствовали о его награждении орденом Почетного Легиона.

Вернувшись в Петроград, Карл был представлен Императору, который назначил его офицером своей яхты «Штандарт», а также офицером Гвардейского экипажа, многие из которых были удостоены личной дружбы Государя.

Капитана Дена очень любили маленький Цесаревич и Великие Княжны, он часто играл с ними в детской и получил прозвище «Пекинский Ден». Государь и Императрица с большим интересом отнеслись к его помолвке, и Ее Величество доверительно сообщила моей матушке, что желала бы познакомиться со мной лично.

О нашей помолвке было официально объявлено в 1907 году, но прежде, чем нас приняла Императрица, нам пришлось месяц ждать. Великая Княжна Анастасия Николаевна хворала дифтеритом, и Государыня ухаживала за дочерью — сначала в Александ-

ровском, затем в Петергофском дворце, где они находились в полной изоляции от остальных членов Императорской Семьи до тех пор, пока не миновала опасность инфекции.

Прекрасно помню свою первую встречу с той, которую мне суждено было полюбить беззаветно и чья неизменная дружба была для меня одной из самых больших радостей в жизни. Однажды июльским утром мы с бабушкой приехали в Петергоф, где на вокзале нас ждали мой жених и придворная карета. Я буквально тряслась от страха и была настолько взволнована, что едва обратила внимание на Карла!

Вскоре мы добрались до Александрии, но, поскольку Императрица все еще опасалась заразить кого-нибудь, было условлено, что меня представят в Зимнем саду, примыкавшем ко дворцу. Во дворце нас приняла гофмейстерина Императрицы княгиня Голицына, походившая на свой собственный портрет и настолько строгая, что все боялись малейшей оплошности при соблюдении правил придворного этикета. Однако с нами она была очень любезна и приветлива. Мне почему-то показалось, что мое простое белое платье от Брессак и шляпка, украшенная розами, пришлись ей по вкусу. Мы направились к Зимнему саду, и в этот момент на одной из аллей я заметила даму, которая остановилась и внимательно посмотрела на меня. Она была невысокого роста, простодушное детское лицо, большие обворожительные глаза; ее можно было принять за школьницу. Дама эта оказалась Анной Вырубовой, чье имя впоследствии неизменно связывали с именем Распутина и чья дружба с Императрицей послужила причиной для множества ни на чем не основанных слухов и скандальных историй.

Я так же пристально посмотрела на нее, и вместе с княгиней мы продолжили путь к Зимнему саду. Здесь было множество красивых тропических цветов и пальм. Казалось, что мы попали в райский сад. Во всяком случае, так думала я, пока не увидела прозаически удобные садовые стулья и не заметила игрушки и кукольный домик. Лишь тогда я поняла, что нахожусь не в райском, а в абсолютно земном саду!

На фоне густой зелени стояла высокая-стройная женщина. Это была Императрица! Сердце у меня забилося, я с восхищением смотрела на нее. Я даже не представляла себе, насколько она прекрасна. Никогда не забуду ее красоту, открывшуюся мне в то июльское утро, хотя гораздо глубже в мою память врезался трога-

тельный и святой образ Государыни, вынесшей множество невзгод и страданий.

Государыня была одета в белое. Шляпка драпирована белой вуалеткой. У нее было нежное белое лицо, но, когда она волновалась, щеки ее покрывались бледно-розовым румянцем. Рыжевато-золотистые волосы, синие глаза, наполненные печалью. Гибкий, тонкий, как тростинка, стан. На шее великолепное жемчужное ожерелье. При каждом движении головы в бриллиантах ее серег вспыхивали разноцветные искры. На руке простой перстенок с эмблемой свастики — излюбленным ее символом возрождения, — с которой впоследствии было связано множество всяких домыслов и предположений, будто Императрица была склонна к оккультизму. Эти неумные люди просто не понимали, что на самом деле значила для нее эта эмблема.

Княгиня Голицына тотчас оставила нас одних. Государыня протянула бабушке и мне свою руку, и мы ее поцеловали. Глядя на нас милой улыбкой, Императрица проронила:

— Садитесь, прошу вас. — Затем обратилась к капитану Дену: — Когда же состоится свадьба?

Моей нервозности как не бывало. Страха я уже не испытывала. Мне даже показалось, будто Императрица сама стесняется. Но, как я узнала впоследствии, Государыне, как и ее кузине, герцогине Файфской, была свойственна застенчивость в присутствии незнакомых лиц. Однако в Петрограде светская чернь усматривала в этом немецкую заносчивость! То же самое, вслед за клеветниками, говорили даже некоторые английские авторы.

Государыня довольно долго беседовала с бабушкой: ей хотелось узнать новости о своей сестре, Великой Княгине Елизавете Федоровне. Затем поговорила с моим женихом, и я заметила, что по-русски она говорит с заметным английским акцентом. Потом она обратилась ко мне, назвав меня смущенной героиней нынешнего утра, и с удовольствием отметила мой интерес к игрушечному домику.

— А где вы намерены провести свой медовый месяц? — спросила Императрица с лукавой искоркой в синих глазах. Мы ответили. — Ах вот что!.. Надеюсь, очень скоро мы с вами снова увидимся. Я совершенно одинока. Не могу встречаться ни с мужем, ни с детьми. Поскорей бы закончился этот несносный карантин, тогда мы снова сможем быть вместе.

Наша встреча продолжалась больше получаса. С моей бабушкой и со мной Государыня беседовала по-французски и не пыта-

лась перейти на немецкий. Затем поднялась, чтобы попрощаться, и мы поцеловали ей руку.

— Очень скоро мы с вами снова увидимся, — повторила она. — Непременно сообщите мне, когда вы вернетесь.

Я вернулась в Петроград сама не своя от счастья. То не было тишеславной радостью человека, принятого Императрицей. Счастье мое было совсем иного рода. Я почувствовала душой, что обрела друга, человека, которого смогу полюбить и который, как я смела надеяться, сможет полюбить меня! Я была так переполнена эмоциями, что, придя домой, бросилась в изнеможении на постель прямо в платье и шляпке и тотчас уснула. Спала я до четырех часов дня.

Два месяца спустя, покинув дом тетушки в Ливадии, я вышла замуж.

Перед отъездом в Крым Государь принял капитана Дена и благословил его чудной иконой в окладе из позолоченного серебра. Императрица тоже благословила его иконой, а в день свадьбы мы получили от Их Величеств радиogramму с пожеланиями счастья. Эта радиogramма, как мы впоследствии узнали, вызвала множество разговоров и завистливых взглядов, поскольку связь по радио, тогда еще находившаяся в зачаточном состоянии, как все полагали, должна применяться лишь для важных официальных сообщений.

Медовый месяц мы провели на Кавказе, среди виноградников, где прожили три недели. Наступила осень, окрасившая природу в багряные и золотистые тона. Я была в восторге от дикой прелести той горной местности. Мне хотелось услышать все легенды и сказания, связанные с нею и с ее обитателями. Мне мнилось, будто я слышу стук копыт кентавров, скачущих в ночной тиши по каменистым тропам. Гагры оказались идеальным для медового месяца селением, и мне было даже жаль возвращаться к себе в Ревовку, хотя там нас ждал поистине королевский прием со стороны бабушки и ее арендаторов-крестьян.

Хотя от села до ближайшей железнодорожной станции было два с половиной десятка верст, вся дорога от нее и до самого имения была освещена горящими бочками со смолой, а на каждом повороте дороги нас встречали хлебом-солью. Само собой, поездка наша несколько затянулась, а в конце пути нас ждал свадебный подарок — пара волов.

Моя замужняя жизнь началась при самых благоприятных обстоятельствах. Карл обещал мне, что всегда будет служить в личной охране Государя, и я в душе была убеждена, что мое будущее будет неразрывно связано с судьбой Императорской Семьи. Убежденность эта отнюдь не основывалась на каких-то меркантильных расчетах, у меня и в мыслях не было извлекать какую-то материальную выгоду из того расположения, которое питал Государь к моему мужу. Моя первая встреча с Императрицей произвела на меня неизгладимое впечатление. Хотя и было бы смешно видеть что-то печальное в том чудном видении, которое представало моему взору в Зимнем саду Александрии, тем не менее у меня возникло предчувствие чего-то рокового, связанного с личностью Государыни. Время показало, что мое предчувствие не было беспочвенным.

Нашим первым семейным очагом был Аничков дворец, резиденция Вдовствующей Императрицы Марии Федоровны, где были расквартированы гвардейцы, но затем мы переехали в Царское Село. Дом наш находился напротив дворца, неподалеку от полковых казарм. Офицеры личной охраны были людьми весьма живописными: каждый из них носил форму того полка, из которого он был отобран в Сводно-пехотный полк. Особой формы полк не имел. Состоять в нем было само по себе великой честью.

Часто, когда муж дежурил, я прогуливалась по огромному Царскосельскому парку. Дворец восходит к временам Екатерины Великой¹, и все торжественные приемы происходили именно в нем. Семья Государя Императора Николая II Александровича жила в Александровском дворце — белом здании, построенном в стиле неоклассицизма. Дворец имел четыре подъезда. Один из них использовался исключительно Их Величествами, два других — во время приемов, а через четвертый входили и выходили лица из свиты Государя. Дворец со всех сторон был окружен парком, в котором были выкопаны живописные пруды и каналы, находилась китайская беседка и мост, соединявший Екатерининский парк с Александровским.

Молодая замужняя женщина, к тому же имевшая множество добрых родственников и друзей, я была вскоре принята в светское общество. В 1907 году, спустя всего два года после оконча-

¹ Екатерининский дворец начали строить еще при Императрице Елизавете Петровне, а закончили при Екатерине II. (Прим. переводчика.)

ния русско-японской войны, было не до веселья, поскольку еще многие семьи носили траур по погибшим, поэтому те лица, которые искали увеселений при дворе, были разочарованы. Государыня придерживалась того мнения, что война еще слишком свежа в памяти всех, чтобы предаваться развлечениям. Она была совершенно искренна, но ее взгляды не встретили сочувствия в светских кругах. Светская чернь, враждебно настроенная против Государыни, заявляла, будто Императрица Всероссийская принадлежит обществу, а не себе самой. И обязанность ее заключается в том, чтобы исполнять роль великолепного носового украшения на увеселительном корабле: война, дескать, позади, а свету нужны все новые и новые удовольствия и пустые забавы.

Петроградское общество состояло из отдельных партий; каждый великокняжеский двор имел свою собственную клику. Особенно падким на удовольствия, пожалуй, был двор Великой Княгини Марии Павловны, супруги Великого Князя Владимира Александровича. Великие Князья в большинстве своем жили веселой жизнью. Как правило, они обладали красивой внешностью — совсем как герои романов. Многие из них были большими поклонниками императорского балета, а также танцовщиц из этого балета.

Даже в 1907 году, когда в Петрограде жизнь, как полагали, была скучна, люди не отказывали себе в дорогостоящих удовольствиях. По воскресеньям ходили смотреть балет, а по субботам — в Théâtre Français¹ — очень модное место встречи влюбленных, где чересчур глубокие декольте дам сочетались с изобилием ювелирных изделий. После спектакля было принято отправиться в ресторан Кюба или в «Медведь», где слух ужинающих услаждали музыканты великолепного румынского оркестра. Никто не думал уходить из ресторана раньше трех утра, а офицеры обычно оставались и до пяти! Иногда, возвращаясь под утро домой, я сравнивала рассвет, который наблюдала в Ревовке, с петроградскими зорями. Те же перламутровые, розовые и серебристые тона окрашивали небо; только на юге России вы не видели ночных бабочек с крылышками, опаленными пламенем страстей. Я была еще совсем юна и наслаждалась жизнью, но подчас меня охватывало мрачное предчувствие: не к добру это суетное веселье, не к добру.

¹ Французский театр (фр.).

Средством общения в петроградском обществе был английский язык: на нем неизменно говорили при дворе. Некогда было модно заводить немецких нянь; в 1907 году вошло в моду нанимать англичанок, и многие русские, не знавшие английского языка, говорили по-французски с английским акцентом! Чрезвычайно популярен был торговый центр Дрюса, где встречались с друзьями, покупали английское мыло, парфюмерию и платья. Привычка приобретать все «от Дрюса» была заимствована у двора, где особым спросом пользовались английские товары. В Петрограде особой жизнью жило еврейское сообщество и финансовые круги, но ни с теми, ни с другими мы не соприкасались.

Большое разнообразие в жизнь общества после окончания японской войны вносили благотворительные базары. Один из таких базаров Великая Княгиня Мария Павловна неизменно устраивала в помещении Дворянского собрания — огромного здания, где множество ультрамодных дам из великосветского общества продавали всевозможные красивые и дорогие безделушки. Великая Княгиня Мария Павловна (урожденная герцогиня Мекленбург-Шверинская) располагалась в центре зала за своим собственным столом, за которым и продавала разные изделия. Это была высокая, представительного вида дама, правда не такая красивая, как супруга Великого Князя Кирилла Владимировича, которой я иногда помогала в торговле. Каждая Великая Княгиня имела свой собственный столик, расположение которого указывало на ее положение в обществе. Благотворительные базары представляли собой как бы светские вечера, где можно было блеснуть своими туалетами. Нередко участницы таких базаров меняли туалеты по три раза в день. В воздухе стоял густой аромат духов, повсюду множество цветов, а дамы, продававшие вещи, устав, подкреплялись лучшими сортами шампанского.

У Государыни был свой столик в Дворянском собрании, и однажды я участвовала в распродаже. Чтобы не заказывать какие-то предметы в Париже или Лондоне, многие изделия Императрица изготавливала собственноручно. В этой привычке проявлялись простота и естественность ее натуры. На ее столике не было ни одного бесполезного предмета. Она была верна своей природе, природе всех потомков королевы Виктории. Подобно английской королеве Марии, она любила шить. Так же как и она, Государыня вязала много красивых шерстяных изделий для такого рода благотворительных базаров.

ГЛАВА III

С Анной Вырубовой, о которой было столько разговоров, я познакомилась сразу после своего приезда в Царское Село. Она приходилась мне отдаленной кузиной, поскольку ее дед и моя бабушка были родственниками.

Говорить об Анне Александровне мне чрезвычайно трудно, поскольку в обществе сложилось в отношении нее определенное и весьма предубежденное мнение. В Англии ее считают коварной, как Борджиа, героиней фильмов, чувственной истеричкой, любовницей Распутина и злым гением Императрицы Александры Федоровны. Полагают, что политическое ее значение можно сравнить с влиянием Сары Дженнингс или Екатерины Дашковой, не говоря уже о роли в жизни двора.

Если я отмету все эти обвинения в ее адрес, то меня упрекнут в слепоте и необъективности и сочтут недостойной всяческого доверия. И все же, каковы бы ни были последствия, я расскажу об Анне Вырубовой, какой я знала ее со дня нашего знакомства в 1907 году и до мартовского дня 1917 года, когда нас обеих по приказу Керенского разлучили с Царской Семьей, оставшейся в Александровском дворце.

Отец Анны, статс-секретарь А. С. Танеев, был главноуправляющим канцелярией Его Императорского Величества, и все ее родственники были связаны со службой Императорской Семье. Она вышла замуж в том же году, что и я, но до брака была влюблена в генерала Орлова, командовавшего уланами, большого друга Императрицы. Справедливо или нет, но Ее Величество сочла, что генерал Орлов слишком стар для Анны, и, хотя генерал любил ее и желал лишь одного — жениться на ней, Анна подчинилась воле Императрицы и приняла предложение лейтенанта Вырубова. Их венчали в придворном храме в Царском Селе. Брак их оказался неудачным. Как мне представляется, Императрица приняла особое участие в жизни Анны потому, что чувствовала себя косвенно повинной в ее семейной трагедии.

К своим обязанностям Государыня относилась крайне ответственно, и самыми яркими особенностями ее характера были добросовестность и обостренное чувство справедливости. Ей было не трудно проявить больше доброты к женщине, к которой она и без того была привязана и которая так явно страдала. Анна принадлежала к тому типу женщин, у которых вечно такой вид, словно кто-

то их обидел. Невольно хотелось отнестись к Анне по-матерински, как-то развлечь ее, услышать от нее доверительные признания и посмеяться над ее преувеличенными радостями и печальми.

Внешне Анна совершенно не похожа на ту Анну Вырубову, какую изображают в фильмах и в книгах. Более того, она совсем не такая, какой мы ее видим и в более серьезных описаниях, посвященных ей. Она среднего роста, каштановые волосы; большие, красивые серо-голубые глаза, отороченные длинными ресницами; небольшой вздернутый носик. У нее детское лицо — белое и румяное. В отличие от вампира Анны, какой ее изображают в романах, она, увы, очень полная. Но у нее чарующая улыбка, красивый рот. Она была слабой, податливой и в то же время привязчивой, цепкой — как плющ, обвивающийся вокруг дерева. Императрица относилась к ней, как относятся к беспомощному ребенку. Анна была чрезвычайно добродушной, всегда готовой помочь ближнему, она не могла себе представить, что кто-то способен причинить людям зло. Эта добродетель Анны (а я полагаю, что такое свойство следует считать добродетелью) и привела в конечном счете к ее падению. Она была слишком доверчивой и поэтому слишком подвержена чужому влиянию. Она обожала Императорскую Семью, была предана ей так, как были преданы Стюартам их сторонники, однако — я сделаю заявление, которое, возможно, будет воспринято читателями с усмешкой, — она не оказывала на нее никакого политического влияния. Ей было просто не под силу сделать это. Императрица ласкала Анну, поддразнивала, бранила ее, но никогда не интересовалась ее мнением, за исключением вопросов, касавшихся благотворительности.

Правда, Императрицу и ее приближенную объединяла религия. Окруженные неприязнью и завистью, они разделяли общие религиозные пристрастия, и, поскольку Анна не могла найти общего языка с враждебным окружением, Государыня неизменно вставала на защиту своей протекции. Анна рассказывала мне, что многие фрейлины недолюбливали Императрицу только потому, что Ее Величество дружит с ней. Хотя она неоднократно заявляла Императрице, что если бы ей, Анне, была предложена какая-то официальная должность при дворе, то все завистливые и враждебные разговоры тотчас бы стихли, Государыня даже не стала рассматривать подобное предложение.

Позднее, когда я сблизилась с Государыней, она объяснила мне причину своего отказа.

— Я никогда не дам Анне официального места при дворе, — заявила она. — Она моя подруга, и я хочу, чтобы она ею осталась. Неужели Императрицу можно лишить права, какое имеет любая женщина, — права выбирать себе друзей? Уверяю вас, Лили, своих немногочисленных друзей я ценю гораздо больше, чем многих лиц из моего окружения.

Через четыре года после своего замужества Анна Вырубова попала в железнодорожную катастрофу. После этого она смогла ходить только на костылях, тело ее было изуродовано, но даже после этого клеветники не оставили ее в покое, а некоторые злые языки в Петрограде утверждали, будто Анна Вырубова не только наперсница Государыни, но и любовница Императора! После несчастного случая Государыня подарила Анне карету и пару лошадей и часто выезжала вместе с нею. Анна Вырубова поселилась в небольшом красивом домике, некогда принадлежавшем Императору Александру I. Проведя утро во дворце, обедала она обычно у себя дома. Дети любили ее, как любили Анну все, кто ее знал, и наилучшим доказательством ее полнейшей безвредности служит тот факт, что после революции никому в голову не пришло приговорить ее к смерти. Уж если бы она действительно была таким опасным существом, то наверняка новые власти тотчас бы расправились с ней. Однако Анна Вырубова жива и поныне и, возможно, когда-нибудь захочет сказать слово в свою защиту².

Как-то в понедельник, вскоре после моего замужества, я получила записку от Анны, которой она приглашала меня пообедать у нее в тот же вечер. Капитан Ден несколько дней находился в Петрограде, и, поскольку мне было довольно одиноко, я приняла ее приглашение с готовностью. Обед прошел очень весело, приглашено было несколько офицеров, среди гостей была и Эмма Владимировна Фредерикс, дочь министра Императорского двора. В половине десятого послышался стук колес и возле дома остановилась карета. Анна тотчас вышла из комнаты, и спусти-

¹ В действительности крушение произошло 15 января 1915 года. (Прим. переводчика.)

² А. А. Танеева (Вырубова) скончалась в Финляндии в 1964 году, написав мемуары на английском языке. На наш взгляд, большую ценность представляют ее «Страницы из моей жизни» («Русская Летопись». Кн. IV. Париж, 1922), значительная часть которых была перепечатана в книге «Царственные мученики в воспоминаниях верноподданных». М.: Сретенский монастырь, «Новая книга», «Ковчег», 1999. (Прим. переводчика.)

несколько минут дверь открылась и, к нашему большому изумлению, в столовую вошли Их Величества и Великие Княжны. Все они смеялись, так как внезапный этот визит был заранее устроен Императрицей. Сев на стул, она предложила всем последовать ее примеру и жестом подозвала меня к себе.

— Я же вам говорила, что очень скоро мы с вами снова увидимся, — проговорила она с улыбкой, а затем очень дружелюбно и непринужденно стала со мной беседовать.

У меня снова появилось предчувствие. — странное необъяснимое предчувствие какой-то грядущей беды, но в той ярко освещенной, наполненной веселыми людьми столовой было нелепо думать о какой-то трагедии, а когда меня представили Государю, от моих мрачных мыслей не осталось и следа.

Я впервые получила возможность разговаривать с Его Величеством и нашла его столь же располагающим к себе и приветливым, как и Ее Величество. Добрые глаза Государя, его улыбка произвели на меня неизгладимое впечатление. Казалось, Царя окружала аура доброжелательства, а непринужденные чарующие манеры Императора признавали даже его враги. Что же касается господина Керенского, то он отметил, что Государь был одной из самых благородных личностей, с какими только ему доводилось встречаться.

Государь, который как две капли воды был похож на своего двоюродного брата, английского короля Георга V, был остроумным собеседником и к тому же наделен тонким чувством юмора. В его обществе я и сама чувствовала себя в своей тарелке. Меня представили Великим Княжнам, тогда еще совсем девочкам, с которыми мне впоследствии удалось близко подружиться.

Поскольку Императрица высказала пожелание сыграть в карты, мы сыграли две или три партии. Императрица была большой любительницей «альмы», но ей свойственна была маленькая, но простительная слабость: она не любила проигрывать! В соседней комнате Император играл в домино, потом Эмма Фредерикс пела, причем аккомпанировала ей Императрица. Ее Величество была великолепной пианисткой и играла с удивительным подъемом, но ее крайняя застенчивость зачастую мешала ей проявлять свое искусство в присутствии посторонних. В полночь Императорская Семья распрощалась с нами, и Ее Величество шепнула мне:

— До свидания, до завтра.

Своего обещания Государыня не забыла. На следующий день мне было велено явиться во дворец. Это был вторник. Помню, как я этому обрадовалась. «Все хорошее происходит во вторник», — твердила я. Я это заметила уже давно.

После встречи с Ее Величеством в домике у Анны я часто ездила в Царское Село. Вместе с Великими Княжнами мы катались на американских горах, установленных в одном из помещений дворца. Мы целыми часами развлекались, получая от катания огромное удовольствие. Я совершенно забывала о том, что я замужняя женщина, которая через несколько месяцев собирается стать матерью. Однако Ее Величество, по-видимому, догадалась, что я в положении, и однажды, после того как Государыня и Анна понаблюдали за нашими забавами, последняя отвела меня в сторонку.

— Лили, — проговорила она, — мне нужно вам кое-что сказать. Ее Величеству благоугодно, чтобы вы были особенно осторожны. — Анна шаловливо погрозила пальчиком: — Так что больше никаких американских гор!

В последующие месяцы Государыня проявляла чрезвычайную заботу обо мне. Она настаивала на том, чтобы за мною наблюдал ее личный врач. За две недели до появления на свет моего ребенка, когда Императорской Семье предстояло отправиться в плавание на яхте «Штандарт», мой муж получил приказ взять отпуск и остаться со мной. Этим вниманием к себе я была обязана Ее Величеству. Как и в случае с радиограммой, эпизод этот вызвал мелочную зависть и множество пересудов.

Однако младенец не спешил появляться на свет, и когда Императорская семья вернулась в Царское Село, первыми словами Его Величества, с которыми он обратился к моему мужу, были следующие:

- Ну как, родился ребенок?
- Пока нет, Ваше Императорское Величество.
- Ну ничего, Ден, не волнуйтесь. Такое часто случается.

Но на следующее утро у меня родился сын. Вскоре после этого ко мне пришла Анна Вырубова, чтобы от имени Императрицы справиться о нашем здоровье. Она принесла с собой две чудные иконы и пакет, завернутый в шелковую бумагу, украшенную розами. В пакете оказался легкий пуховый платок. К моему несказанному счастью, Анна сообщила мне, что Ее Величество благоволит стать крестной матерью моему малышу.

Это была огромная честь, но тут возникли трудности, поскольку Дены, чтобы унаследовать известные суммы, должны были креститься по лютеранскому обряду. Императрицу уведомили об этом, и хотя тогда она не стала возражать, впоследствии мне пришлось убедиться, как прониклась она религией ее новой родины. Во время первого крещения Ее Величество присутствовала лично и держала на своих руках младенца, которого называли Александром-Леонидом. Государыня подарила мне чудную брошь, украшенную сапфиром и бриллиантами, и множество всякой всячины. В течение семи лет вопрос о религиозной принадлежности ребенка не обсуждался. Однако после того, как прошел этот срок, Ее Величество призналась, что самое большое ее желание в том, чтобы Тити (так она называла моего сына) принял святое православие.

— Это больше чем желание, Лили, — проговорила она, серьезным взглядом посмотрев на меня. — Это мое повеление. Я настаиваю на том, чтобы мой крестник был православным. Его нужно крестить до Рождества.

Эта спокойная твердость служила, на мой взгляд, убедительным свидетельством того, насколько русской стала Государыня Императрица. Некоторые станут утверждать, будто большинство неопитов обычно становятся фанатиками новой веры. В данном случае все было иначе. Благодаря своей добросовестности и dokonальности, о которой я уже отзывалась как об одной из главных ее черт, Государыня была более русской, чем большинство русских, и в большей степени православной, чем большинство православных. Ее любовь к Богу и ее вера в Его милосердие были для Государыни важнее любви к мужу и детям. Она находила наивысшее утешение в религии еще в те времена, когда ее окружали великолепие и блеск Царской власти. И в горькие годы заточения, на пути к Голгофе, Императрица черпала силы в своем религиозном чувстве. Если же она действительно встретила свою кончину в том зловещем екатеринбургском подвале, то, я уверена, именно горячая вера поддержала Государыню в смертный час. Однажды Ее Величество призналась, что не решалась выйти замуж за Государя до тех пор, пока не почувствовала, что не пойдет против своей совести, если примет его предложение, сказав с полной убежденностью: «Твоя страна будет моей страной, твой народ — моим народом и твой Бог — моим Богом».

Во второй раз Тити крестили в Феодоровском Государевом соборе. В Царское Село я приехала из Ревеля, и таинство крещения

состоялось в восемь часов утра. На первой службе присутствовали Великие Княжны Мария Николаевна и Анастасия Николаевна. Государыня же, которой накануне нездоровилось, прибыла вместе с Его Величеством и свитой ко второй службе, после чего они причастились Святых Тайн Христовых. Тити пришлось присутствовать на обеих службах, но он оказался молодцом и все это время бережно и уверенно держал затепленную свечу.

После богослужения мы вернулись во дворец, и Ее Величество была взволнована гораздо больше, чем во время первого крещения. Я убедилась, как заботила ее необходимость смены религии все эти годы. Она поведала мне о том, какое она испытывает облегчение и радость оттого, что теперь с ее крестником все обстоит благополучно. Ее Величество подарила мальчику чудный образ св. Александра и крестик, на котором были выгравированы ее инициалы.

Но я должна вернуться назад — я отвлеклась от своего повествования, чтобы представить свидетельство того, насколько русской была в душе своей Государыня. Все показное ей было совершенно чуждо. Узнав Императрицу, было невозможно сомневаться в ее искренности.

Ее Величество была всегда очень мила и с моим Тити. В детях она души не чаяла и часто приходила ко мне в дом, чтобы понынчить младенца и насвистеть ему мелодию. Это ее развлекало. Государыня уверяла меня, что Тити узнает ее свист и всегда открывает глазки, заслышав его. Помню, утром после лютеранского крещения Ее Величество нанесла мне неожиданный визит.

— Я пришла, чтобы взглянуть на малыша, — проговорила она. — Позвольте, я схожу за ним в детскую.

Следом за Государыней я поднялась наверх. Она вынула Тити из кровати и принесла в гостиную. Усевшись на ковер, она около часа играла с ребенком.

Пожалуй, я не ошибусь, если скажу, что наша дружба с Государыней приобрела особенно яркий характер после рождения моего Тити. Именно тогда Ее Величество впервые назвала меня Лили. С этим именем во время революции было много недоразумений, в этой моей подписи бдительные «стражи революции» пытались найти какой-то тайный смысл.

В том году Императорская Семья какое-то время провела в Финляндии, муж мой должен был сопровождать их. Мы же с сыном отправились к его родителям. Зимой я жила в Петрограде,

мне доводилось часто встречаться с Императорской Семей, и я их всех полюбила. Жили они очень простой жизнью: по вечерам Государь нередко играл в домино, а мы вместе с Ее Величеством и Их Высочествами рукодельничали. Они вели поистине семейную жизнь, именно такая жизнь была им всем по душе как личностям. Но петербургский свет, с которым у Ее Величества не было ничего общего, косо смотрел на такого рода образ жизни Царской Семей.

Я впервые встречала Рождество в Петрограде и поэтому решила устроить своему сыну елку. В сочельник я вернулась домой с покупками под вечер, а в шесть часов прибыл посыльный, принесший большую коробку, полную всяких сюрпризов. Это был подарок от Ее Величества. Такую же коробку она присылала и на Пасху, и всегда в шесть часов. Подарки приходили настолько точно в срок, что мой муж нередко прятал коробку, приговаривая при этом, что обо мне забыли. Но меня не проведешь — Государыня не из тех, кто забывает друзей!

Мы получили приглашение провести рождественский день вместе с Императорской Семей. Во дворце стояла огромная рождественская елка. Великие Княжны и Цесаревич от души веселились и делили рождественские подарки. У Ее Величества была своего рода слабость: она непременно хотела, чтобы свечи на елке задувала она сама. Она гордилась тем, что особенно сильной струей воздуха ей удавалось погасить самую верхнюю свечу.

И вот теперь я должна рассказать о подлинной Царице, Императрице, чья истинная сущность известна лишь немногим, — Царице, которая была самой обманной и несчастной из людей.

Я верю всем сердцем, что время — лучший из всех историков — все расставит по местам и прольет свет на то, что было покрыто мраком. Уже теперь, правда медленно, но верно, люди начинают сомневаться в том, что русская Императрица была пособницей немцев и экзальтированной истеричкой, как утверждали клеветники. Она не опустилась до того, чтобы оправдываться перед злопыхателями и лжецами, распространявшими гнусные слухи по всей России.

Для таких натур, как Императрица, подобного рода испытания посылаются свыше. И ей не оставалось ничего иного, кроме как переносить эти испытания. Но я видела в ее глазах слезы, когда Их Величества узнали о гибели «Гемпшира» с лордом Кит-

ченером на борту¹. Это не были крокодиловы слезы. Ее Величество испытывала подлинную печаль как женщина и как Императрица, которой поведали о смерти отважного воина. Однако всякий раз, когда ее имя упоминают в Англии, обыватели, ничтоже сумняшеся, роняют: «Ах, это она позаботилась о том, чтобы потопили „Гемпшир“». К тому же она еще была и любовницей Распутина, разве не так?»

Пособница немцев, любовница Распутина! Неужели такой эпитафии заслужила эта женщина — друг, которого я знала, Императрица, которую я почитала, как ее подданная? Я прекрасно понимаю, что излишняя горячность может только повредить памяти Государыни, но тем не менее я не могу удержаться от того, чтобы не рассказать о Ее Величестве — такой, какой я видела ее в домашней обстановке, какой она запечатлелась в наших сердцах.

Я читала и слушала почти все обвинения, выдвинутые против нее; я не принадлежу к числу маститых писателей и почти ничего не смыслю в политике, но зато могу утверждать, что я достаточно хорошо изучила представительниц своего пола. В те жуткие дни смуты Императрица разговаривала со мной как женщина с женщиной. Она то и дело возвращалась в мыслях к своему девичеству, к жизни с бабушкой, королевой Викторией, и несчастному детству в Гессен-Дармштадте.

Государя она полюбила на всю жизнь. Она сама призналась мне, что он был первой ее любовью, но чем больше становилась ее любовь, тем сильнее становился страх, что она может оказаться недостойной своего избранника. Выйдя замуж, она всецело отдала себя России и сочла, что ее священный долг — заботиться о ее благе. Однако Их Величества всегда были в большей степени супругами, чем Императором и Императрицей. Они жили счастливой семейной жизнью, у них были простые вкусы, они избегали посторонних, им претила всякая популярность. И вот это стремление к уединенной жизни послужило причиной многих клеветнических измышлений, объектом которых становилась Царская Семья.

Ее Величество рассказала мне, что, увидев ее слезы во время свадьбы брата, злые языки стали утверждать, будто то были слезы

¹ 21 мая 1916 года английский крейсер «Гемпшир», на борту которого находился военный министр Англии лорд Китченер, направлявшийся в Россию, был потоплен немецкой субмариной. (Прим. переводчика.)

досады, будто она расстроилась из-за того, что отныне ей нельзя будет командовать братом.

— Но, Лили, я совсем не досадовала. Я плакала оттого, что вспомнила маму. Ведь после ее смерти это был первый праздник в нашем доме. Мне казалось, что я вижу ее на каждом шагу.

Она поведала мне о том, каким унылым был их дворец, как строга дисциплина, иногда ослаблявшаяся порывами нежности со стороны отца, с каким нетерпением она ожидала поездки в Виндзор. Мне кажется, что именно тесное общение с бабушкой послужило невольной причиной того, что в характере Ее Величества появилась свойственная раннему периоду Викторианской эпохи особенность. Во многих отношениях Государыня была викторианкой; вместе с бабушкой она разделяла приверженность закону и порядку, верность семейному долгу, неприязнь ко всему «модерновому». Свойственна была ей и расчетливость Кобургов, которая так раздражала светскую чернь. Русские аристократы никак не могли взять в толк; с чего это их Императрице вздумалось вязать шарфы и шерстяные платки и дарить им эти вязаные изделия или же отрезки на костюмы. У них было совершенно другое представление о том, каким должен быть Царский подарок. Им было невдомек, с какой любовью вязала Государыня этот несчастный шарф или платок. Однако Ее Величество, проникнутая викторианскими представлениями о дружбе, не могла и не хотела понять, что старания ее напрасны. Во многих отношениях Государыня была такой же бережливой, как и ее бабушка, королева Виктория; хотя ей была чужда скарденность дяди, покойного герцога Саксен-Кобург-Готского. Отец Ее Величества был человеком небогатым, и жизнь в Дармштадте порой требовала экономии средств. Государыню с младых ногтей учили быть экономной. И она была экономной.

— После помолвки, Лили, я показала бабушке некоторые драгоценности, которые подарил мне Государь. Как вы полагаете, что она при этом сказала?

— Представления не имею, Ваше Величество.

— Ну так вот... Она посмотрела на мои бриллианты и произнесла: «Смотри, Аликс, чересчур не возгордись!» Королева была крошечного роста, но любила длинные шлейфы... Это была очень сильная и волевая женщина. — Затем, задумавшись, Ее Величество добавила: — Нам с сестрой Эллой всегда нравились англий-

ские коттеджи — славные домики, окруженные чудными садиками. Когда-нибудь вы их увидите, а я — нет.

Королеве Виктории удалось внушить внучке весь спектр обязанностей *Hausfrau*¹. Неизменно придерживаясь раз и навсегда установленных канонов, Государыня демонстрировала черты, присущие немцам и англичанам, но отнюдь не русским. Я уже упоминала о том ужасе, который охватил ее, когда она, впервые прибыв в Петроград, выяснила, что прислуга не имеет ни малейшего представления о том, для чего используют жидкий графит. Это по-настоящему обеспокоило Государыню.

— Я хотела, чтобы у меня в доме каминные решетки чистили графитом каждый день, — заявила она. — Они были в ужасном состоянии, поэтому я вызвала к себе одну из моих служанок и велела ей привести в порядок решетки. Но тут выяснилось, что она даже не знает, о чем идет речь. Послали за лакеем, но вы только представьте себе, Лили, мне самой пришлось показывать ему, как следует покрывать графитом решетки.

Практичность, деловая смекалка Ее Величества были не по нраву свите — над этими ее качествами злопыхатели посмеивались и осуждали Государыню за то, что она достаивала своей дружбой лиц, которые, по их мнению, не стоят внимания Императрицы Всероссийской. Мы с Анной попадали под эту категорию, поскольку, хотя мы и происходили из хороших семей, в наших жилах не текла «sang azure»², в отличие от некоторых великосветских дам, жаждавших попасть в число особ, приближенных к Императорской Семье. Ее Величество обвиняли в том, что она слишком демократична. Но Государыня была непреклонна: она никому не позволяла диктовать ей вкусы. Меня иногда удивляло, почему она предпочитает друзей попроще, а не из более привилегированных кругов. Однажды я набралась смелости и задала ей такой вопрос. Она мне призналась (хотя я об этом догадывалась), что она болезненно застенчива и незнакомые лица чуть ли не пугают ее.

— Мне безразлично, богата та или иная особа или же бедна. Друг для меня, кем бы он ни был, всегда остается другом.

Действительно, этого у нее не отнять, Государыня поистине была верным другом, и дружбу, как и обязанности, которые она

¹ Домашняя хозяйка, мать семейства (нем.).

² Голубая кровь (фр.).

налагает, ставила выше любых материальных выгод. Как женщина, она поступала правильно, а как Императрица, возможно, и нет.

Великосветская чернь никогда не пыталась понять подлинную натуру Ее Величества. Ослепленные гордыней, аристократы ополчались на нее, не зная никакого снисхождения. Мне вспоминается один случай, подтверждающий это. О нем тогда было много разговоров.

Княгиня Барятинская, одна из фрейлин Ее Величества, была дамой очаровательной, но, подобно большинству представительниц аристократических семейств, большой гордячкой. Однажды, узнав, что Ее Величество собирается на прогулку, княгиня приготовилась сопровождать ее, но Государыня вышла из дворца через другой подъезд в обществе мадемуазель Шнейдер, русской дамы, дававшей Ее Величеству уроки русского языка.

Невольно нанесенную ей обиду княгиня не смогла стерпеть. Она нацепила на себя шляпу и ушла навсегда из дворца, заметив напоследок: «*Quand une Bariatinsky met son chapeau, c'est pour sortir*»¹. Ее Величество не переносила снобизм. Как-то раз (это произошло во время русско-японской войны) она работала в одном из помещений Зимнего дворца. Окна его выходили на набережную Невы. С того места, где сидела Ее Величество, можно было наблюдать за солдатами и офицерами, проходившими мимо Царской резиденции. Неожиданно она внимательно посмотрела в окно и недовольно вздохнула. На лице ее появилось выражение крайнего негодования. Кто-то из офицеров, находившихся во дворце, осмелился спросить у нее, в чем дело. Ее Величество указала на набережную.

— Вот в чем, — проговорила она. Выяснилось, что проходившие мимо одного из офицеров солдаты отдали ему честь, но тот им не ответил. — Почему же офицер не уважает солдат, рядом с которыми он может однажды пасть? Терпеть не могу таких зазнаек, — добавила она с холодком в голосе.

Клеветническим измышлениям и злобным сплетням, задевающим Ее Величество, люди — увы! — будут еще долго верить. Ей приписывают склонность к оккультизму, участие в спиритических сеансах и даже попытке вызвать тени великих людей с

¹ «Если дама из семейства Барятинских надевает свою шляпу, то лишь для того, чтобы больше не вернуться назад» (фр.).

целью повлиять на Государя, который якобы и сам занимался спиритизмом в залах Зимнего дворца. Очевидно, слухи эти объяснялись тем, что Ее Величество вела довольно уединенную жизнь. Зачастую уединение это было вынужденным: Ее Величество не отличалась крепким здоровьем. Хотя многие авторы утверждают, будто она страдала болезнью, унаследованной от отца, сама Императрица никогда мне об этом не рассказывала. Из-за частых родов у нее развился порок сердца, а иногда появлялась одышка. Но ни малейших признаков истерии я в ней не замечала. Иногда Ее Величество охватывал внезапный гнев, но она обычно умела сдерживать свои чувства. Кроме хрупкого здоровья, были и другие причины избегать общества. Цесаревич и их Высочества часто болели, а Государыня, как преданная мать, желала непременно находиться рядом с детьми и выполнять обязанности сиделки. В Государыне было сильно развито материнское чувство; она была особенно счастлива, когда могла о ком-то заботиться. Если какое-то лицо завоевывало ее привязанность и доверие, то она начинала проявлять интерес к малейшим деталям его или ее жизни.

Ее склонность к оккультизму была сильно преувеличена. Она была суеверной, но ее суеверия были вполне безобидного свойства. Императрица полагала, что в путешествие следует отправляться в ясную погоду; что получить в подарок икону — недобрый знак. Что же касается пристрастия Ее Величества к свастике, то оно объясняется тем, что в ее глазах она представляла собой не амулет, а некий символ. По ее словам, древние считали свастику источником движения, эмблемой Божественного начала.

«Вера, Надежда, Любовь — это все, что имеет значение», — имела обыкновение говорить Ее Величество. Я готова признать, что в ее жизни присутствовал элемент мистицизма; в этом было что-то сродни способности предвидения, которыми был наделен ее дед, принц-супруг одной царствующей особы. Что же касается ее окружения и православия, которое она приняла, то они лишь способствовали развитию в Ее Величестве этого мистического чувства.

Английские авторы осуждают в ней эту черту. Передо мной лежит книга, в которой автор приводит мнение одного из самых убежденных противников Государыни. «Александра Федоровна, — изрекает он, — представляет собой интересный тип — объект для будущих психологов, историков и авторов драматических про-

изведений... Немецкая принцесса, получившая воспитание в Англии и оказавшаяся на русском престоле, участница религиозной секты, основанной крестьянином, и адепт оккультизма. Она вылеплена из того же материала, из которого были созданы те ужасные, с тираническими наклонностями, принцессы XV—XVII веков, жившие в западноевропейских странах, — те самые принцессы, которые в одном лице соединяли деспота, не брезгующего колдовством, и фанатического провидца и которые целиком находились в руках их реакционных советников и лукавых исповедников».

Книгу, в которой содержится этот отрывок, я прочитала до того, как принялась писать свои воспоминания о подлинной Царице. Когда я читала некоторые места, то глаза мои были полны слез, и подчас мне казалось, что я берусь за непосильную задачу. Под силу ли мне, лицу, никому не известному в Англии, опровергнуть подобные измышления? Я ни на секунду не допускаю, что автор той книги был настроен против Ее Величества; он писал «в назидание потомству», выражая при этом собственное мнение, как и мнения других лиц. Но любопытно выяснить, сталкивался ли он когда-нибудь с Государыней лицом к лицу, наблюдал ли он в непосредственной близости жизнь Императорской Семьи? Едва ли. Я же знала Ее Величество лично и собственными глазами видела, как живет Царская Семья. Причем не только до войны и в военные годы, но и в дни невзгод, когда жестокая расправа и внезапная смерть поджидали нас на каждом углу. В такое время люди не притворяются — и все же Ее Величество не изменилась ни на йоту. Она оставалась все той же самоотверженной душой, все той же преданной матерью и супругой, все тем же верным другом.

Материал для еще одной книги, которая вышла большим тиражом в Англии, был якобы «передан» автору некоей дамой, хорошо известной и бывшей в большом фаворе при дворе. Мне сообщили о появлении этого романа — во многих отношениях это беллетристика, вымысел чистой воды, — и, прочтя его, я поразились. Я нашла в этой «книге» имена лиц, которых никогда не существовало и которых, следовательно, никогда не было среди придворных. Автор не попытался скрыть эти имена под псевдонимами или инициалами — эти мнимые существа живут, двигаются и исполняют роли реальных людей!

Я так заинтересовалась богатой фантазией этой «придворной дамы», что попросила одну свою подругу написать соавтору и от

моего имени узнать имя этой дамы. В просьбе моей было отказано. Упомянутый соавтор заявил, что дал «честное благородное слово» не раскрывать личность своей помощницы!

О какой честности и благородстве может тут идти речь? В книге было множество клеветнических измышлений в адрес Ее Величества, она кишела неточностями; а истории, рассказанные мнимой «придворной дамой», представляли собой сплошную ложь! Но ведь лицо, которое утверждает, будто все это не выдумки, а правда, должно набраться смелости и открыто ответить на ряд вопросов. Или же вы делаете какое-то заявление и отвечаете за него, или же вы помалкиваете. Если вы убеждены в том, что это правда, то не следует стыдиться сказать, почему, с какой целью вы это заявили, и указать на источник вашей информации. Я склонна считать, что фраза: «Я дал слово не говорить никому о том, откуда я это узнал» — дешево стоит и свидетельствует лишь о том, что мы имеем дело с клеветой и сплетней, которым не место ни в книгах, ни в повседневной жизни.

ГЛАВА IV

Государыня была ранней пташкой. При ней состояло шесть горничных. Старшая из них, Мадлена Занотти, итальянка по происхождению, принадлежала к семье, издавна состоявшей на службе у Великих Герцогов Гессенских. Луиза Тутельберг, которую все звали Тутель, стоявшая на втором месте, была родом из Прибалтийского края. В их распоряжении состояло еще четыре помощницы. Камеристки, в обязанности которых входило одевать и раздевать Императрицу, служили по три дня в неделю; однако ни одна из них ни разу не видела Ее Величество раздетой или принимающей ванну. Государыня поднималась с постели и принимала ванну без всякой посторонней помощи. Когда же ей требовалось прибрать свои волосы, поверх белья она набрасывала японское кимоно — шелковое или же ситцевое.

Причесывалась и одевалась Ее Величество чрезвычайно скромно, в чем снова проявлялось влияние Викторианской эпохи. То же самое можно было сказать и об убранстве ее спальни, где соблюдалась мода Виндзорского и Букингемского дворцов, восходившая к 1840 году. Ей претило все броское, театральное как при выборе белья, так и в убранстве спальни. Белье она носила из тонкого

полотна, с чудными вышивками, но простого покроя. Ее рыжевато-золотистых волос никогда не касались щипцы для завивки, прическу она предпочитала самую простую и лишь для праздников и важных приемов изменяла своей привычке и позволяла себе более замысловатую.

Опочивальня Их Величеств представляла собой просторную комнату с двумя окнами, выходившими в парк. Находилась она на первом этаже: из-за слабого сердца Ее Величеству было трудно подниматься по лестнице. С помощью лифта, расположенного в коридоре, можно было попасть в детские, но во время революции водоснабжение было отключено и лифт не работал. И тем не менее Ее Величество непременно навещала больных Великих Княжон. Я всякий раз сопровождала ее, поддерживая Государыню под руку. Я не могла сдерживать слез, видя, как слаба Ее Величество, которая тем не менее была полна решимости не упустить ни единой возможности повидаться со своими любимыми чадами.

Большая двуспальная кровать светлого дерева стояла около окон, в простенке между ними помещался туалетный столик Ее Величества. Справа от кровати в стене была пробита небольшая дверь, которая вела в крохотную молельню без окон, освещенную лампадами, где любила молиться Государыня. В молельне размещались столик и аналой, на котором находились Священное Писание и образ Спасителя. Образ этот Ее Величество впоследствии подарила мне в память о тех днях, которые мы вместе прожили в Царском Селе. Это одно из самых больших моих сокровищ.

Мебель в Императорской спальне была обита тканью с орнаментом из цветов, на полу — мохнатый ковер лилового цвета. Туалетная комната Его Величества отделялась от спальни коридором. Напротив нее находилась туалетная комната и ванная Государыни, где не было ни следа показной роскоши и «странных» затей, о которых твердили злые языки. Ванна была не из серебра и не из мрамора, а самая обыкновенная, старинная ванна, помещенная в нишу. Ее Величество, которой никогда не изменяло ее викторианское стремление к аккуратности, требовала, чтобы в дневное время ванна драпировалась занавеской из кретона. В туалетной комнате Ее Величества стоял камин. На тот случай, если понадобятся их услуги, горничные находились в соседней комнате. Здесь хранились платья Государыни. В комнате между этажами, в которой стояло множество больших шкафов, хозяйничали

терничные, в обязанности которых входило глажение и починка одежды Ее Величества.

Государыня предпочитала обувь с длинным заостренным носком. Она обычно носила замшевые золотистого или белого цвета туфельки. Атласные туфли никогда не надевала.

— Терпеть не могу атласных туфель, они меня раздражают, — признавалась Императрица.

За исключением платьев, которые Ее Величество надевала в торжественных случаях, они у нее были совсем простого покроя. Она любила носить блузки с юбкой, обожала платья, надеваемые к чаю. Утонченностью своих вкусов в одежде она напоминала английскую королеву Марию. Подобно ей Императрица отрицательно относилась к «последнему крику моды». Никогда не забуду, как неприятно поражена была Ее Величество, когда она увидела на мне узкую юбку.

— Неужели вам действительно нравится эта юбка, Лили? — спросила она.

— Видите ли, Ваше Величество, — растерянно начала я. — *C'est la mode*¹.

— Да разве это юбка? — возразила она. — Что же, Лили, докажите мне, что в ней удобно. Попробуйте-ка пробежаться. Посмотрим, что у вас получится.

Нечего и говорить о том, что больше эту юбку я не надевала.

Ее Величество обвиняли в пристрастии к драгоценностям. Ничего подобного я за ней не замечала. Правда, у нее было множество чудных самоцветов, но ее положение Императрицы Всероссийской давало ей право владеть ими. Перстни и браслеты она действительно любила и всегда носила перстень с крупной жемчужиной, а также крест, усыпанный драгоценными камнями.

Некоторые авторы утверждают, будто бы крест был усыпан изумрудами. Я не согласна с этим. Я уверена, что это были сапфиры, и поскольку я видела этот крест каждый день, то думаю, что я права. У Ее Величества были мягкие, красивой формы руки. Руки, которые никогда не оставались без дела. Ногти она никогда не полировала, поскольку Его Величество терпеть не мог маникюренные ногти.

В девять утра государыня завтракала вместе с Августейшим супругом. Завтрак был простой, à l'anglaise². После завтрака Ее

¹ Это модно (фр.).

² На английский манер (фр.).

Величество поднималась наверх к своим детям. Потом появлялась Анна Вырубова. Если было необходимо с кем-то встретиться, то аудиенции назначались утром. Однако в том случае, если Государыня оказывалась «свободной», то она отправлялась в училище для нянь-воспитательниц, организованное по английскому образцу. Она была твердо убеждена в необходимости таких кадров и вкладывала душу в работу и надлежащее руководство учебным заведением.

Ленч был в час дня, а по воскресным дням — в половине первого; но если Государыня испытывала недомогание, что происходило с ней довольно часто, то его ей подавали в лиловую гостиную, или же она трапезовала вместе с Цесаревичем. После ленча Ее Величество прогуливалась пешком или же каталась в легкой открытой коляске. Чай был в пять часов. Иногда в промежуток между ленчем и чаем устраивались приемы. Императорская Семья собиралась за чаем, проходившим совсем по-семейному. Обедали в восемь. Постоянной столовой не было: Государь не любил обедать в одном помещении, поэтому обеденный стол несли в ту комнату, в которой ему в тот вечер хотелось потрапезовать. После обеда (обычно очень простого, без затей) Императорская Семья проводила остаток вечера вместе. Их Высочества обычно занимались головоломками. Иногда Его Величество читал вслух, а дочери и их родительница в это время работали. Эта дружная семья жила бесхитростной жизнью. Один из русских авторов договорился до того, что, по его мнению, «для блага России было бы лучше, если бы Императрице были свойственны многие слабости, какие приписывали Екатерине II». Даже смешно задерживать свое внимание на заявлениях подобного рода, если вспомнить, с каким осуждением газеты и широкие круги общества относились к ее дружбе с Распутиным. Но, будь она Екатериной II, то, вероятно, эту ее «слабость» могли бы счесть необходимой для «блага» России!

Гостиная Ее Величества, известная как *Le Cabinet Mauve de l'Impératrice*¹, представляла собой чудную комнату, где можно было убедиться в пристрастии владелицы ко всем оттенкам лилового цвета. Весной и в зимнее время воздух в ней благоухал ароматом сирени и ландышей, которые целыми корзинами ежедневно присылали во дворец с Ривьеры. Стены были украшены вели-

¹ Лиловый будуар Императрицы (фр.).

колепными полотнами. Над кушеткой висела огромная картина «Сон Пресвятой Богородицы», на другой стене висела картина, изображающая св. Цецилию, напротив нее — портрет принцессы Алисы, Великой Герцогини Гессен-Дармштадтской, матери Ее Величества. Мебель лиловая с белым, множество уютных уголков. На большом столе ряд семейных фотографий, на самом почетном месте — фотография королевы Виктории.

Вторая гостиная представляла собой просторную комнату, где предметы убранства и обивка мебели были всех оттенков зеленого цвета. По желанию Ее Величества в углу была пристроена небольшая лесенка и антресоли, которые весной утопали в фиалках. В этой комнате висели портреты Их Величеств и несколько изысканных миниатюр их Высочеств, выполненных Каульбахом. Особенно хорош был портрет Великой Княжны Марии Николаевны.

Книг изобилие; Ее Величество очень много читала, ее главным образом интересовала серьезная литература. Библию она знала от корки до корки. Библиотека находилась рядом с зеленой гостиной, где на круглом столике лежали книжные новинки и свежие номера журналов, тотчас же заменявшиеся самыми последними, по мере их выхода в свет.

Ее Величество была большой любительницей писать письма. Писала она повсюду, где ей только заблагорассудится. Бюро ее стояло в комнате рядом со спальней, но я часто видела, как она пишет прямо на коленях, подложив под листок блокнот. Причем неизменно пользовалась вечным пером. До войны Государыня ежедневно писала своей большой подруге, жившей в Германии, и всякий раз читала мне ответные письма от этой дамы. Почтовая бумага и конверты, как и белье, были обыкновенными, но с инициалами и Императорской короной Ее Величества.

Поскольку уже отмечалось пристрастие Государыни к сирени и ландышам, хочу добавить, что Ее Величество любила всякие цветы, но в особенности лилии, магнолии, глицинии, рододендроны, фрезии и фиалки. Любовь к цветам сродни любви к духам, и Ее Величество не была исключением. Из духов она предпочитала «Белую Розу» парфюмерной фирмы Аткинсон. Они, по ее словам, были прозрачными, без всякой примеси, и бесконечно ароматными. В качестве туалетной воды она использовала «Вербену».

Когда я впервые познакомилась с Ее Величеством, она не курила, но во время революции приохотилась к папиросам. Как мне представляется, курение успокаивало ее издерганные нервы.

Государыня имела обыкновение вести дневник. Но мне пришлось сжечь ее дневники, а также дневники княжны Софьи Орбелиани и Анны Вырубовой и, наконец, все письма, которые написал ей Государь — как после их помолвки, так и во время супружеской жизни Их Величеств.

Доктора Боткина, преданного друга и лейб-медика Царской Семьи, представила мне Анна Вырубова. Он мне сразу пришелся по душе. Это был умный, либерально настроенный господин, и, хотя его политические воззрения расходились с идеологией монархистов, он настолько привязался к Его Величеству, что позабыл о своих прежних взглядах.

Полагаю, что на основании моих воспоминаний, которым, я надеюсь, нельзя отказать в объективности, читатель убедится, что правителей одной из величайших империй, которые когда-либо знал мир, окружала простота. Простота была характерна для всех их дел, эта же простота привела и к их падению. Их Величества захотели жить как живут частные лица; они воображали, что это возможно. В России не принято, да и недопустимо, чтобы царь был обыкновенным человеком со свойственными человеку чувствами. Он должен быть символом, воплощением вековых традиций; Царь — это отец народа и в то же время величественный, непобедимый и недоступный монарх. Император или Императрица в домашнем халате никогда не задевали души своих подданных. Подобно тому как английский фермер хранил и берег безобразные олеографии, изображавшие королеву Викторию с атрибутами королевской власти, так и русский крестьянин лелеял дешевые репродукции, изображавшие Государя Императора и его Августейшую Супругу в царском облачении. Ни фермеру, ни крестьянину не пришлось бы по вкусу «семейные» фотографии их властелинов. Воображение простолюдина влекут порфиры, горностаевые мантии, золотые короны и скипетры — символы Царской власти. Все остальное его не интересует и не представляет для него ценности.

В марте после рождения моего Тити Ее Величество написала мне, что ей не терпится повидать своего крестника, которому тогда исполнилось девять месяцев. И я с сыном отправилась в Царское Село. Их Высочества много возились с малышом и по очереди купали его. Устроились мы в домике Анны, где под личным наблюдением Государыни была приготовлена комната для ребенка. Она прислала для него кроватку, а занавески и покрывало свя-

зала собственноручно. Ее Величество часами занималась с мальчиком, играла с ним, фотографировала. После первого визита мне то и дело передавали «повеление» «прибыть и привезти с собой младенца». Помню, однажды я опоздала на поезд и не успела к ленчу. Ее Величество, которая ждала меня, заметив мою усталость, велела подать чай. Посадив Тити к себе на колени, она проговорила:

— Я вижу, Лили, вы голодны и утомлены. — С этими словами она принялась потчевать меня бутербродами — совсем как мать, желающая утешить усталого ребенка. О ней можно сказать, что она была *«plus mère que mère, plus Russe que Russe»*¹.

Любила она Англию и Россию. Я заявляю совершенно определенно, что любви к Германии как к своей родине она не испытывала. Ей дорог был Дармштадт, поскольку в ее глазах это был ее домашний очаг, но никакой привязанности к другим областям Германии у Ее Величества не было.

Шли месяцы, и все больше крепла наша дружба с Государыней. Осенью Императорская Семья отправилась в Ливадию, где я гостила у своего дядюшки и, таким образом, имела возможность часто бывать в Ливадийском дворце Царской четы. В первый же день, как только я встретила Ее Величество в Ливадии, она вручила мне комплект приданого для Тити, изготовленный ею собственноручно. Я было удивилась, когда она телеграфом запросила у меня размер малыша, — теперь я поняла, для чего это ей понадобилось! Ее Величество нередко навещала к моему дядюшке и забирала с собой на прогулку моего малыша. Ребенок научился узнавать Ее Величество, и однажды, разглядывая ее фотографию, он произнес «Беби»; с тех пор Тити начал называть Императрицу Всероссийскую «тетя Беби». Он знал ее лишь под этим именем, и во многих своих письмах Ее Величество, когда речь шла о ней самой, ссылалась на это ласкательное прозвище. Нет нужды говорить, что внимание, оказываемое мне и моему малышу Царской Семьей, стало для придворных темой всяческих пересудов.

И я сделала вывод. Я твердо решила, что никакие материальные соображения не должны повредить этой дружбе, являвшейся источником такой радости для меня. Муж мой целиком был со-

¹ В большей степени матерью, чем сама мать, в большей степени русской, чем сами русские (фр.).

гласен со мной и всякий раз отказывался от повышения, о котором время от времени заходила речь. Государыня поняла и одобрила мою точку зрения.

— Вы всегда можете рассчитывать на мою дружбу, если все останется по-прежнему, — сказала она. — Я не хочу потерять свою Лили, дав ей официальную должность.

Жили мы тогда счастливой жизнью. Великие Княжны на глазах превращались из девочек в цветущих, очаровательных девушек. Не скажу, чтобы они были похожи друг на друга внешне, каждая из Их Высочеств обладала характерной для нее внешностью. Но все они были наделены милым нравом. Не могу себе даже представить, что нашлись нелюди, которые стреляли и кололи штыками эти беспомощные создания в екатеринбургском доме смерти. Не только их красота, но и их приветливость должны были бы послужить им защитой. Однако если они действительно погибли, то лучшей эпитафией им будут бессмертные слова: «Милы и прекрасны они были при жизни, и смерть не смогла разлучить их».

Великая Княжна Ольга Николаевна была самой старшей из четырех этих сестер-красавиц. Это было милое существо, и всякий, кто видел ее впервые, тотчас влюблялся в нее. В детстве она была некрасивой, но в пятнадцать лет как-то сразу похорошела. Немного выше среднего роста, свежее лицо, темно-синие глаза, пышные светло-русые волосы, красивые руки и ноги. К жизни Ольга Николаевна относилась серьезно, была наделена умом и покладистым характером. На мой взгляд, это была волевая натура, одно время ее прочили в невесты румынскому кронпринцу Каролу. Однако Ее Высочество не любила наследного принца, да и тому больше нравилась Великая Княжна Мария Николаевна, поэтому помолвка не состоялась. Все сестры любили друг друга и страстно обожали своего маленького брата. В одной книге, недавно изданной в Англии, Великие Княжны изображены этакими Золушками, которых постоянно затирали в Царской Семье, все внимание уделяя Цесаревичу. Это ложь. Действительно, Ее Величество страстно желала сына и появление на свет четырех дочерей одна за другой было для нее в известной степени разочарованием, однако она любила своих девочек, они были неразлучными ее спутницами, а простое, но довольно строгое воспитание отнюдь не превращало их в Золушек.

Великая Княжна Татьяна Николаевна была такой же обаятельной, как и ее старшая сестра, но по-своему. Ее часто называ-

ли гордячкой, но я не знала никого, кому бы чувство гордыни было менее свойственно, чем ей. С ней произошло то же самое, что и с Ее Величеством. Застенчивость и сдержанность ее приписывали высокомерию, но стоило вам познакомиться с нею поближе и добиться ее привязанности, как сдержанность исчезала и вам предстала подлинная Татиана Николаевна. Она обладала поэтической натурой, стремилась к идеалу и жаждала настоящей дружбы. Его Величество горячо любил вторую дочь, и сестры шутили, что если надо обратиться с какой-то просьбой, то «Татиана должна попросить Папá, чтобы он нам это разрешил». Очень высокая, тонкая, как тростинка, она была наделена изящным профилем камен, синими глазами и каштановыми волосами. Она была свежа, хрупка и чиста, как роза.

Все Великие Княжны были бесхитростными, невинными созданиями. Ничего нечистого, дурного в их жизнь не допускалось. Ее Величество очень строго следила за выбором книг, которые они читали. В основном это были книги английских авторов. Их Высочества не имели ни малейшего представления о безобразных сторонах жизни. Увы! — им суждено было увидеть самое гадкое, что в ней существует, и столкнуться с самыми низменными чертами человеческой природы. Нашлись подлецы, которые посмели утверждать, будто бы Ее Величество под влиянием своей невротической, религиозной экзальтации отдавала своих дочерей в объятия Распутина! Зная Императрицу, зная Государя и Их Высочеств, так как знала их я, я заявляю, что это чудовищная ложь. В обществе ходили слухи, будто бы мадемуазель Тютчева возражала против того, чтобы Распутин появлялся в спальне Великих Княжон с целью благословить их, когда они уже были в постели, а после того, как протест ее был оставлен без внимания, она потребовала освободить ее от должности гувернантки. Но дело в том, что Тютчева никогда не была гувернанткой Их Высочеств и не могла видеть, как Распутин их благословляет. Да этого и не было. Государь не допустил бы подобного даже в том случае, если бы Ее Величество этого пожелала. Да и Императрица не считала, что подобная процедура необходима для спасения душ ее дочерей. С. И. Тютчева стала жертвой собственной заносчивости и зависти.

Характер у нее был вздорный, и всякий раз, когда Императорская Семья отправлялась в Ливадию, Тютчева начинала всех изводить своими капризами, поскольку она не любила Крым.

Вечное недовольство способно вывести из себя и самых терпеливых и покладистых людей. Ее Величество была простой смертной, так что мадемуазель Тютчевой сначала предоставили отпуск, а затем гофмейстераина двора Ее Величества и вовсе уволила ее.

Чтобы объяснить свое увольнение, С. И. Тютчева не преминула заняться сочинением всяческих клеветнических слухов. Она была слишком вздорна, чтобы ограничиться изложением подлинных фактов, и поскольку кампания против Распутина была в самом разгаре, то решила выместить свою злость на Ее Величестве. Я еще раз категорически заявляю, что сплетня о том, будто Распутин благословлял Великих Княжон на сон грядущий, совершенно беспочвенна.

Когда я впервые познакомилась с Великой Княжной Марией Николаевной, она была еще совсем ребенком. Во время революции мы очень привязались друг к другу и почти все время проводили вместе. Она была просто золото и обладала недюжинной внутренней силой. Однако до наступления тех кошмарных дней я даже не подозревала, насколько она самоотверженна. Великая Княжна была поразительно красива, будучи наделена типично романовской внешностью: темно-синие глаза, опущенные длинными ресницами, копна темно-каштановых волос. Мария Николаевна отличалась некоторой полнотой, что служило поводом для шуток со стороны Ее Величества. Она была не такой живой, как ее сестры, но зато имела определенные взгляды на жизнь. Она всегда знала, чего хочет и зачем.

Самая младшая из Великих Княжон, Анастасия Николаевна, казалось, была не из плоти и крови, а из ртути. Она была чрезвычайно забавна и обладала несомненным даром мима. Во всем она умела находить забавную сторону и обожала всякого рода розыгрыши. Думаю, из нее получилась бы великолепная комедийная актриса. Она то и дело проказничала, это был настоящий сорванец, но я бы не посмела сказать, что она отставала в своем развитии, как однажды заявил месье Жильяр, наставник Цесаревича. Во время революции Анастасии исполнилось всего шестнадцать — не ахти какой преклонный возраст, в конце-то концов! Она была хорошенькой, лицо у нее было смышленное, в глазах светился недюжинный ум.

Всем Великим Княжнам была совершенно чужда гордыня, и когда во время войны они ухаживали за ранеными, то называли

себя сестрами Романовыми: Романова первая, вторая, третья и четвертая.

Их Высочества занимали две спальни; в одной из них жили Ольга и Татиана, в другой — Мария и Анастасия Николаевны. Это были просторные, светлые комнаты, с украшениями и мебелью зеленого и белого цвета. Сестры спали на походных кроватях — так было заведено еще в царствование Императора Александра III, который полагал, что Царские дочери не должны спать на более удобных постелях, пока не выйдут замуж. В углах комнат висели образа, обстановку составляли красивые туалетные столики, кушетки с вышитыми вручную подушками. Их Высочества питали пристрастие к картинам и фотографиям. На стенах было развешено множество снимков, сделанных ими самими. Главным образом, это были виды близкого их сердцу Крыма.

Просторная комната, разделенная портьерой, служила Их Высочеств туалетной и ванной. Половина ее была заставлена шкафчиками и комодами, во второй стояла массивная серебряная ванна. Вкусы молодых Великих Княжон несколько отличались от непритязательных вкусов Ее Величества. Принимая вечером ванну, они добавляли в воду духи и, для ее смягчения, — миндальные отруби. Как и их Августейшая родительница, они обожали парфюмерию, непременно фирмы Коти. Татиана предпочитала «Jasmin de Corse»¹; Ольга — «Rose Thé»²; Мария Николаевна то и дело меняла духи, но очень часто останавливалась в конечном счете на «Сирени», а неизменными духами Анастасии Николаевны были «Фиалка».

Горничные Их Высочеств представляли собой нечто среднее между камеристками, служанками и нянями. Все это были девушки из хороших семей. Самой любимой из них была мадемуазель Теглева, которую все звали Шурой. Двух других звали Елизавета и Нюра. Ее Величество, верная своему викторианскому воспитанию, очень хотела, чтобы девушки носили чепцы, но они почтительно, но твердо отказались выполнить такого рода желание Государыни. Их Высочества любили своих горничных и часто помогали им убирать комнаты и стелить постели! В отличие от Августейшей родительницы, они, как и большинство рус-

¹ «Корсиканский жасмин» (фр.).

² «Чайная роза» (фр.).

ских девушек, имели собственные пристрастия в одежде, но Ее Величество, не желая баловать дочерей, сама выбирала и заказывала им платья. В детстве девочки одевались одинаково, но затем две старшие Великие Княжны стали носить похожие платья, а младших одевали, так сказать, под стать их сестрам. Единственная вольность, которую допускала Императрица в одежде Их Высочеств, это парадные мундиры с юбками, соответствовавшие форме полков, шефами которых они были. Великие Княжны очень гордились и своими мундирами, и полками своего имени. Они всегда присутствовали на парадах, надев форму собственных полков, что неизменно доставляло им огромное удовольствие.

Их Высочества жили обычной размеренной жизнью и никогда не кичились своим происхождением. Со свойственной им учтивостью они неизменно пропускали меня вперед, когда мы откуда-то выходили. При этом не было ни церемонности, ни суеты. Это были славные, милые девочки, и я любила их всех. Их Высочества поднимались рано и вскоре принимались за уроки. После утренних уроков они гуляли с его величеством. В перерыв между ленчем и чаем они вновь отправлялись с отцом на прогулку. Разговаривали они по-русски, по-английски, немного по-французски. По-немецки они не разговаривали никогда. Хотя они хорошо танцевали, возможность для этого предоставлялась им редко. Разве только когда Императорская Семья отправлялась в Крым, где княгиня Мария Барятинская устраивала для них танцевальные вечера.

Движущим стимулом в жизни этих очаровательных существ была любовь к семье. Ни о чем другом, как о домашнем очаге, они и не думали. Объектами их привязанности были родители, брат и немногие друзья. На первом месте у них стояли Их Величества. Первое, что неизменно спрашивали Дети, как мы их называли, это: «А Папа́ это понравится?», «Как ты полагаешь, это или то Мама́ одобрит?» К своим родителям они обращались просто: Мама́ и Папа́.

Цесаревич, дарованный Императорской чете в ответ на горячие молитвы, один из самых трогательных персонажей в трагедии Царской Семьи, родился в 1904 году. Это был крепкий малыш, который весил одиннадцать фунтов (около 5 килограммов), когда появился на свет. Многие из рассказов о слабости его здоровья, ставшие известными миру, значительно искажают действитель-

ность, в особенности история о том, будто бы нигилисты изувечили ребенка на борту Императорской яхты. Никакому увечью он не подвергался. Правда, Цесаревич страдал наследственным недугом — непрочностью кровеносных сосудов, что впервые проявилось после несчастного случая в Спале, когда он упал и ударился внутренней частью бедра об уключину. Но в остальном это был нормальный, здоровый ребенок, а к тому времени, когда произошла революция, он по-настоящему окреп и гораздо реже жаловался на болезнь. Я знаю, что он хворал в Тобольске и Екатеринбурге, но стоит ли этому удивляться!

Внешностью он напоминал свою сестру Татиану Николаевну: те же тонкие черты лица, те же прекрасные синие глаза. Наследник обожал сестер, те так же души в нем не чаяли и терпеливо сносили его поддразнивания. Это был живой, веселый мальчуган. Он обладал превосходным музыкальным слухом и великолепно играл на балалайке. Подобно его сестре Татиане, мальчик был застенчив, но стоило ему кого-то узнать поближе и полюбить его, застенчивости как не бывало.

Ее Величество настаивала на том, чтобы Цесаревича, как и его сестер, воспитывали совершенно естественно. В повседневной жизни наследника все происходило буднично, без всяких церемоний: он был сыном своих родителей и братом своих сестер, хотя подчас было забавно наблюдать за тем, как он изображает из себя взрослого. Однажды, когда он увлекся игрой с Великими Княжнами, ему сообщили, что во дворец пришли офицеры его подшефного полка и просят разрешения повидаться с Цесаревичем.

Тотчас оставив возню с сестрами, шестилетний ребенок с важным видом заявил: «Девушки, уйдите, у наследника будет прием».

В матери он души не чаял, о ее же преданной любви к сыну известно всему миру; правда, как и многое другое, материнскую привязанность к своему ребенку неизменно использовали как оружие, направленное против Ее Величества. Для Государыни рождение наследника явилось результатом долгих часов, проведенных в жаркой молитве, символом Божия благословения, апофеозом супружеского счастья. Конечно же, если она и проявляла излишнюю заботу о нем, то поступала лишь таким образом, как это делали, делают и будут делать все матери до самого скончания века. Разумеется, между матерью и сыном существовала нежная привязанность: родительница была для мальчика воплощением

красоты и любви. Мне явственно вспоминается один характерный пример этой трогательной преданности.

Мы с мужем как-то обедали вместе с Императорской Семьей, и после обеда Его Величество предложил нам подняться вместе с ним в спальню Цесаревича, поскольку Государыня имела обыкновение приходить к сыну, чтобы пожелать ему покойной ночи и послушать его молитвы на сон грядущий. Было трогательно наблюдать ребенка и его мать, слушать его немудреные молитвы, но когда Императрица поднялась, чтобы уйти, внезапно мы оказались в темноте: наследник выключил электрическую лампу, висевшую у него над постелью.

— Зачем ты это сделал, Бэби? — спросила Ее Величество.

— Ах, мамочка, мне только тогда светло, когда ты со мной. А когда ты уходишь, для меня наступает темнота.

Наследник обожал отца, и самая большая мечта Государя в «счастливые дни» заключалась в том, чтобы самому заняться воспитанием сына. По ряду причин тогда это было невозможно, и первыми наставниками Алексея Николаевича стали мистер Гиббс и месье Жильяр. Впоследствии обстоятельства изменились, и Государю удалось осуществить свое желание. Он давал уроки Цесаревичу в мрачном доме в Тобольске. Уроки продолжались и в нищете и убожестве екатеринбургского заточения. Но, пожалуй, самым важным уроком, который извлекли Наследник и остальные члены несчастной семьи, был урок веры. Именно вера в Бога поддерживала их и давала им силы в ту пору, когда они лишились своих сокровищ, когда друзья покинули их, когда сами они оказались преданными той самой страной, важнее которой для них не существовало на свете ничего.

У Цесаревича было много друзей — всех возрастов и всех словий, — которые играли с ним. В их числе находились два мальчика — сыновья матроса, служившего ему, двое крестьянских мальчиков, к которым он был очень привязан, и мой Тити, который носился сломя голову вместе с наследником, ставя все вверх дном и получая от этого огромное удовольствие. Наследник престола был столь же учтив, как и его сестры. Как-то раз мы с Ее Величеством сидели в ее лиловом будуаре, и тут из соседней комнаты послышались возбужденные голоса Цесаревича и Тити.

— Думаю, это они ссорятся, — проговорила Государыня и, подойдя к дверям, прислушалась. Потом со смехом повернулась ко

мне: — Вовсе они и не ссорятся, Лили. Алексей настаивает на том, чтобы первым в лиловую комнату вошел Тити, а добрый Тити и слышать об этом не желает!

У Цесаревича были свои чудачества. Самым примечательным из них, мне кажется, была страсть копить разные предметы. Многие представители дома Кобургов отличались исключительной бережливостью. Возможно, от них-то Цесаревич и унаследовал эту черту. За его страсть к накопительству Государь часто немилосердно поддразнивал сына. Однако, при всей своей экономности, Алексей Николаевич был поразительно щедрым ребенком. В период перебоев с сахаром свою порцию сахара он приберегал, а потом с серьезным видом раздавал друзьям.

Животных он обожал, и его спаниель Джой, на свое счастье, обрел дом в Англии. Самым большим любимцем наследника в Царском Селе был некрасивый, песочного цвета с белыми пятнами, котенок, которого он однажды привез из Царской Ставки. Котенка он назвал Зубровкой и в знак особой привязанности надел на него ошейник с колокольчиком. Зубровка не был особым почитателем дворцов. Он то и дело дрался с Артипо — бульдогом Великой Княжны Татианы Николаевны, — и опрокидывал на пол все семейные фотографии в будуаре Ее Величества. Но Зубровка пользовался привилегиями своего положения. Что с ним стало, когда Императорскую Семью увезли в Тобольск, в ссылку, я не знаю.

Животных обожали все Царские дети. Артипо, бульдог Татианы Николаевны, спал у них в комнате, к досаде Ольги Николаевны, которой мешал своим храпом. Любимцем Великой Княжны Марии Николаевны был сиамский кот, а за год до революции Анна Вырубова подарила Анастасии Николаевне собачку породы пекинес.

Это крохотное создание окончило свои дни трагично. Многие считали Джемми несчастливой собакой, но это было такое милое животное. Ножки у Джемми были настолько короткие, что она не могла ни подниматься, ни спускаться по лестнице. Великая Княжна Анастасия всегда носила ее на руках, и Джемми отвечала собачьей преданностью своей хозяйке и ее сестрам.

Джемми вместе с Царской Семьей отправилась в Тобольск, и с тех пор ее судьба ассоциируется с судьбой ее хозяев. Согласно одному из рассказов, труп собачки был обнаружен вмерзшим в лед в верхней части заброшенной штольни; другой автор утверж-

дает, что Джемми защищала своих друзей в екатеринбургском подвале, смело бросалась на убийц и охраняла потерявшую сознание Великую Княжну Татиану Николаевну, пока их обеих не застрелили. Говорят, что скелет Джемми обнаружили в кустах и опознали собачку по ее размерам и пулевому отверстию в черепе.

Если бы это славное существо могло говорить, то, призналось бы, что не желало лучшей судьбы, чем погибнуть вместе с милыми ему людьми, некогда одарившими его любовью и лаской.

Его Величество был удивительно похож на короля Георга V своей внешностью. Но у него были удивительные, незабываемые глаза. Глаза его двоюродного брата, хотя и красивые, лишены того особенного выражения, которое свойственно Государю Императору. В них слились воедино грусть, доброта, смирение и трагизм. Казалось, Николай II предвидел трагическое будущее, но в то же время знал, что за брэнной земной юдолью придет иная жизнь¹.

Он был поистине «Божий человек». Более высокой похвалы, достойной светлой памяти умученного Государя, мне не найти.

Его Величество обладал умением расположить к себе. Когда вы находились в его обществе, то забывали, что перед вами Государь Император, всякая официальность в нем отсутствовала. Он любил разыгрывать знакомых, от него доставалось и мне. Однажды я пешком гуляла по Ливадии, мимо проехало несколько экипажей, но я не обращала внимания на седоков. На другой день вечером во время обеда в Ливадийском дворце, напустив на себя строгий вид, Государь заметил мне:

— *Lili — ce n'est pas bien, vous comprenez, mais ne pas reconnaître vos amis!*²

— *Mais, Votre Majesté, qu'est que vous voulez dire?*³

— Дело в том, — продолжал Император, — что вчера вы сделали вид, будто не заметили меня.

— Ваше Величество, такого не может быть!

— Еще как может, Лили. Я проезжал мимо, несколько раз поклонился вам, но вы и знаться со мной не захотели. Скажите, чем я вас обидел?

¹ Государь действительно знал о своей судьбе, судьбе России и своей семьи. Это ему было предсказано монахом Авелем, жившим при Императоре Павле I, и св. Серафимом Саровским. (Прим. переводчика.)

² Лили, а вы знаете, нехорошо не признавать своих друзей! (фр.)

³ Но что вы хотите этим сказать, ваше величество? (фр.)

Государь продолжал в таком духе до тех пор, пока я не растерялась окончательно.

Супругу он боготворил. Никто не посмел бы усомниться в глубине чувств, связывавших их обоих. Это был идеальный союз — брак по любви, и когда их любовь подверглась испытаниям, то из этого горнила она вышла еще более прочной.

Николая II упрекали за слабоволие, но люди были далеки от истины. Ее Величество, которая была в курсе всего, что говорится о Государе и ей самой, заметила в разговоре со мной, как же плохо знают поданные своего Императора.

— Его обвиняют в слабоволии, — проговорила она с горечью. — Как же плохо люди знают своего монарха. Он самый сильный, а не самый слабый. Уверяю вас, Лили, какого громадного напряжения воли стоит ему подавлять в себе вспышки гнева, присущие всем Романовым. Он преодолел непреодолимое — научился владеть собой, — и за это его называют слабовольным. Люди забывают, что самый великий победитель — это тот, кто побеждает самого себя.

Во время другого разговора Ее Величество заметила, что их с Государем обвиняют в том, что они не желают окружать себя настоящими помощниками.

— Но что вы хотите сказать этим, Ваше Величество?

— Удивительное дело, Лили, — проронила она. — Вот уже двадцать лет мы пытаемся найти настоящих помощников, и все напрасно. Да и существуют ли они — эти настоящие помощники?

Ее Величество всегда возмущалась злобной клеветой, направленной против Государя.

— Удивительно, что его не обвиняют в излишней доброте. Во всяком случае, это было бы правдой! — воскликнула однажды Императрица.

Клевета в собственный адрес ее трогала меньше, хотя тоже досаждала.

— Почему людям так хочется перемывать мне кости? — вырвалось у нее как-то раз. — Почему они не оставят меня в покое?

А однажды она возмутилась:

— С какой стати обыватели утверждают, будто я симпатизирую немцам? Двадцать лет я прожила в Германии, но и столько же в России. Все мои интересы, будущее моего сына связаны

с Россией. Следовательно, разве я могу быть кем-то иной, а не русской?

Ее Величество клеймили за то, что она оказывала вредное влияние на Государя, и этому «вредному влиянию» приписывали все беды, выпавшие на долю России. Но «влияние» ее ничем не отличалось от влияния на своего мужа всякой любящей женщины. Если же оно происходило, то вполне бессознательно. Иначе и быть не могло. Я заявляю это с полной ответственностью, понимая, что тем самым могу навлечь на себя гнев и враждебное отношение. Непременно зададут вопрос, по какому праву я смею вступаться за женщину, которую подвергли суду и признали виновной¹. Да, я встаю на ее защиту. Действительно, имя мое не известно широким кругам публики, но никто из тех, кто жил в Царском Селе и Петрограде, не станет отрицать, что Ее Величество удостоила меня своей дружбы и доверия.

Государю, как и Ее Величеству, свойственна была добросовестность. Прежде чем прийти к какому-то определенному выводу, он лично проверял состояние дел. Во время войны Государю были представлены на утверждение образцы новой формы. Чтобы испытать новое обмундирование, он надел его вместе с полной выкладкой и прошагал тридцать верст. Когда Государь прошел мимо чаевых в форме простого рядового, те его не узнали, что весьма позабавило Его Величество. В результате после некоторых изменений, предложенных Государем, обмундирование было принято.

Главным для себя лицом Государыня считала Государя Императора. Только и было слышно от нее: «Так желает Его Величество», «Так повелел Его Величество»; она была очень нежна с ним: материнское чувство проявлялось даже в любви к своему супругу. Государыня очень заботилась об Императоре, — возможно, это объяснялось тем, что он много страдал из-за любви к Ее Величеству.

Как супруги они составляли одно целое. И стремились они к простому человеческому счастью. Вкусы Государя были самы-

¹ Автор заблуждается. Ни Государя, ни Императрицу не судили и тем более не признали виновными. Об этом свидетельствовал А. Ф. Керенский, узнавший, на основании результатов работы следственной комиссии, что никакого преступления не было. «Выходит, мы напрасно мучили и мучаем невинных людей», — заключил он. Однако не освободил, а отправил в ссылку, отдав невинных в руки палачей. (Прим. переводчика.)

ми непритязательными, Государыня отличалась застенчивостью и склонностью к уединению. Характеры их были схожи, и вот это сходство — которое вполне уместно, когда речь идет о простых смертных, — оказалось роковым для них как правителей империи. Я вовсе не хочу сказать, чтобы они хотя бы на мгновение отстранялись от возложенных на них обязанностей. Напротив, Их Величества всегда готовы были нести бремя Царского служения, но они не учитывали, что наступили «вывихнутые» времена, что долг их состоял в том, чтобы постоянно быть на виду, как бы в огнях прожекторов, заливающих беспощадным светом трон. Я не думаю, что они спасли бы Россию, если бы даже следовали требованиям времени. С Императором Николаем II и Императрицей Александрой Федоровной произошло то же самое, что произошло с Людовиком XVI и Марией Антуанеттой. Российские монархи, подобно французским, были призваны править страной, зараженной революцией, драконы зубы которой были посеяны недобрыми руками их предшественников. Французское общество было столь же экстравагантным и экзотичным, как и русское. Роковое предзнаменование уже было начертано на стенах Версальского и Зимнего дворцов, но государи тогдашнего времени, как и нынешнего, его не замечали. Людовик XVI мечтал о том, чтобы его оставили в покое и дали ему возможность работать у себя в мастерской — изготавливать замки и чинить часы, а Мария Антуанетта вздыхала о бесхитростных радостях Трианона и пасторальной жизни жены земледельца.

Николай II слесарем стать не желал, он хотел одного — жить жизнью получившего хорошее воспитание джентльмена. Рыцарь по своей природе (тут английский автор прав), он больше, чем кто-либо, соответствовал идеалу монарха, каким он представляется ученику английской частной школы. Государыне Трианон был не нужен, ей нужен был домашний очаг. Однако хотя она любила Россию, та всегда относилась к ней враждебно. Этого Императрица так и не осознала, как не осознала того, что крестьяне совсем не хотели, чтобы она попыталась их понять.

Его Величество отличался недюжинным умом и поразительной зрительной памятью, свойственной и его двоюродному дяде, королю Эдуарду VII. Однажды, когда мой муж был удостоен приема Императором после награждения орденом, на приеме присутствовал полковник одного сибирского полка. Его Величество протянул офицеру руку.

— Я уверен, что мы с вами уже встречались, — проговорил он.

— Так точно, Ваше Величество.

— Да, но где? — задумался Государь. Но лицо его тут же прояснилось. — Ах да, мы с вами встречались двенадцать лет назад, когда я проезжал через Саратов.

Его Величество любил бывать на свежем воздухе. Он был отменным стрелком, превосходным спортсменом. У него были чрезвычайно сильные руки. Излюбленным его развлечением являлась гребля. Он любил байдарку и каноэ. Когда Императорская Семья отдыхала в финских шхерах, Государь, бывало, проводил на воде целые часы.

И Государь, и Императрица недолюбливали кайзера. Я заявляю это определенно. Они и до войны редко произносили его имя, и мне определенно известно, что страсть кайзера к театральным эффектам претила им обоим. На борту своей яхты Вильгельм II прибыл в 1903 году в Ревель, чтобы присутствовать на военном смотре. В это же время в Ревеле находился и Император Николай II, приплывший туда на своем «Штандарте». После того как кайзер нанес официальный визит русскому Царю, оба судна обменялись сигналами.

— Что за сигнал он поднял? — поинтересовался Государь.

— Ваше Величество, — доложил один из офицеров, — сигнал с «Гогенцоллерна» гласит: «Адмирал Атлантического океана приветствует адмирала Тихого океана».

Государь рассердился:

— Ах, вот как. Поднимите сигнал: «Благодарю». Этого будет достаточно.

Кайзер произвел невыгодное впечатление на офицеров и экипаж «Штандарта». Он без разбора со всеми здоровался за руку, что вызвало замешательство и насмешки. Все облегченно вздохнули, когда «адмирал Атлантического океана» покинул корабль.

Их Высочествам не нравилось, когда при них упоминали имя кайзера, но некоторые офицеры любили их поддразнивать. Стоило кому-нибудь из офицеров оказаться во дворце, как следовал неизменный вопрос к Великим Князям:

— Как сегодня чувствует себя дядя Вилли?

— Никакой он нам не дядя, и вообще мы слышать о нем не хотим.

Во время войны Россию часто называли страной слез и нищеты, но это совершенно неверно. Никогда еще крестьяне не были так богаты, как во время Великой войны. Ни о каком недовольстве в провинции не было и речи. Жены получали большие пособия за мужей, да и сами могли без труда заработать лишние деньги. Каждый парень щеголял в лакированных сапогах, каждая девушка имела возможность наряжаться. Конечно, погибших оплакивали, но нужды Россия не ведала.

Его Величество разрабатывал планы с целью облегчить жизнь получившим увечья на службе Царю и Отечеству. Он намеревался наделить землей всех раненых, увечных и награжденных орденами воинов, выделив им наделы из земель, принадлежавших короне, после того как война закончится. Разрабатывал различные земельные реформы, но революционеры настраивали землевладельцев против Государя, утверждая, будто бы он хочет стать щедрым за их счет, а не за свой собственный!

Английскому читателю трудно себе представить, сколько заговоров, сколько покушений вынашивалось в ту пору в России. Не раз Ее Величество лишь чудом избегала смерти. Ее недолюбливали все классы общества, но, по счастью, она не догадывалась о пределах низменности, до которой доходила ненависть «доброхотов». Вряд ли можно придумать какое-то преступление, в котором ее бы не обвиняли. Заявляли, что она истеричка, что она одержима религиозным маниакальным чувством, что она германский агент, что она изменница, распутна, как Мессалина. Утверждали, будто это наделенная сильной волей интриганка, подавившая своего слабовольного супруга, орудие в руках похотливого подлого мужика, будто бы она наполовину ведьма, наполовину мистик. Подлинная Царица, твердая в своих убеждениях, верная, преданная жена, мать и друг, никому не известна. Благотворительной ее работе приписаны эгоистичные мотивы, глубокая ее религиозность стала предметом насмешек, сама ее национальность, от которой она с такой готовностью отрешилась, подвергалась незаслуженному осуждению. Она знала и читала все, что говорили и писали о ней, однако, несмотря на то что авторы анонимных писем пытались очернить ее, а журналисты обливали ее грязью, ничто не прилипло к чистой душе Императрицы.

Я видела, как она бледнеет, как глаза ее наполняются слезами, когда что-то особенно подлое привлекало ее внимание. Однако Ее Величество умела видеть сияние звезд над грязью улицы.

ГЛАВА V

Я расскажу о Григории Распутине, каким я его знала. Мое знакомство с ним продолжалось с 1910 по 1916 год, но попытаться сказать хотя бы слово в его защиту — это все равно, что попробовать в одиночку расчистить Авгиевы конюшни. Как мужчина, как человек, оставивший недобрый след в истории, он не представляет для меня особого интереса. Зная, насколько предубеждено против него общественное мнение, сначала я не хотела упоминать его имени на страницах книги. Однако меня вынудили к этому. Мне указали, что мое молчание могло быть истолковано как признание не только его вины, но и вины Ее Величества. Последнее соображение заставило меня отказаться от первоначального решения и представить правдивый рассказ о человеке, который якобы играл столь важную роль в последние годы существования Российской империи.

Если я заявлю, что не видела ничего дурного в Григории Распутине, то меня назовут лгуней или же недалекой женщиной. Причем последнее определение будет самым мягким. И тем не менее это истинная правда. Мы никогда не видели в нем чего-либо отрицательного. Возможно, это объясняется тем, что некоторые люди наделены двойственной натурой. Мне приходилось слышать о лицах, которые в домашней обстановке были ангелами во плоти, но стоило им шагнуть за порог дома, как они погружались в такой разврат, что современный французский роман покажется вам сущим пустяком. Однако их родные и близкие даже не догадывались ни о чем. Им не составляло никакого труда ввести в заблуждение и своих друзей. Порой темная сторона их натуры так и оставалась никому не известной, и они оканчивали свои дни в глазах общества как истинные христиане. Но если даже, вследствие каких-то непредвиденных обстоятельств, становилось известно о тайных пороках этого лица, о его преступных наклонностях, то люди, знавшие его близко в течение многих лет, почти наверняка усомнились бы в их существовании.

Если кто-то посторонний заявит, что ваш близкий знакомый отъявленный лжец и сладострастник, неужели вы ему поверите? Вряд ли, если вы достойны называться другом! Наверняка вы посоветуете «доброжелателю» не попадаться вам больше на глаза. Если же вы позволите, чтобы яд сомнения начал подтачивать ваш ум, то вы встанете на один уровень с клеветником.

Ее Величество отказывалась верить сплетням о Распутине, потому что никогда не видела ничего плохого с его стороны. К тому же они с Государем сами протянули ему руку дружбы. В нежелании Императрицы отвернуться от Распутина не было ни малейшего следа ни привязанности, ни той чувственности, которая отличала Екатерину II и которую столь великодушно прощали в ней ее подданные. Ее Величество унаследовала от своей знаменитой бабушки — королевы Виктории — ее целеустремленность и независимость и не допускала, чтобы кто-то указывал ей, как она должна поступать. Своим сильным характером она напоминала английскую королеву. Не хочу сравнивать Распутина с Джоном Брауном — они так же далеки друг от друга, как Южный и Северный полюс, — но я хочу отметить в этой связи, что как английская королева называла Джона Брауна своим другом, так и русская Императрица называла тем же словом Григория Распутина. В глазах как той, так и другой ни косые взгляды родственников, ни враждебность толпы не были убедительным основанием для того, чтобы пожертвовать другом. Но на этом параллель заканчивается.

В Петроград Григорий Распутин пришел как паломник, пешком. Весь путь он проделал с веригами на теле — с тем, чтобы странствие оказалось трудным и причиняло ему страдания. Если бы какой-то пилигрим решил совершить такое же путешествие из Эдинбурга в Лондон, его бы осудили за бродяжничество и, скорее всего, отправили в сумасшедший дом. Случаи такого рода в Англии — неслыханное явление, но в России подобное происходило сплошь и рядом. Мы так привыкли ко всему необыкновенному, что, полагаю, русский обыватель ничуть бы не удивился, если бы встретил на улице архангела Гавриила!

Распутина познакомили с Гермогеном, иерархом Православной Церкви, другом монаха Илиодора, который пользовался большой популярностью среди жителей Поволжья. Главная идея Илиодора состояла в том, чтобы создать собственную секту, но ему это не удалось, и впоследствии он был отрешен от сана священнослужителя. Почему-то он приписал свое падение стараниям Распутина. Гермоген был твердо убежден в том, что Распутин наделен духовностью, он с интересом отнесся к его самоотверженному паломничеству. Распутин произвел на него такое впечатление, что он решил представить «старца» Великой Княгине Милице Николаевне, черногорской княжне, вышедшей замуж за Великого Князя Петра Николаевича, а также ее сестре, Анастасии Николаевне,

супруге Великого Князя Николая Николаевича-младшего. Обе эти Великие Княгини увлекались оккультизмом, этой разновидностью мистицизма. На них Распутин произвел не меньшее впечатление, чем на епископа Гермогена, и обе на каждом шагу принимались расхваливать своего нового знакомого.

В тот период Великие Княгини находились в очень хороших отношениях с Ее Величеством, так что ничего удивительного, что они мало-помалу вызвали в ней интерес к сибирскому паломнику. Кончилось тем, что Государь и Императрица выразили желание встретиться с Распутиным.

Вскоре «старец» был представлен Их Величествам. Я еще раз подчеркиваю, что подобные вещи могли происходить только в России, поэтому не следует подходить к делу Распутина с английской точки зрения. Этот неотесанный крестьянин, появившийся в обществе Их Величеств босым, в тяжелых веригах, несколько не был поражен дворцовой роскошью, с Государем говорил, не заискивая перед ним. Как и многие другие, Император был поражен простотой и откровенностью Распутина. Никаких заметных перемен в жизни сибирского крестьянина эта встреча не принесла. Для Их Величеств это было всего лишь любопытное знакомство. Когда я впервые встретила Ее Величество, она ни разу не упомянула при мне о Распутине.

По моему убеждению — а я говорю с полной откровенностью, — Распутин, сам того не ведая, стал орудием в руках революционеров: Если бы в период с 1910 по 1916 год был жив Иоанн Кронштадтский, то из него бы сделали второго Распутина. Революционерам надо было найти кого-то, чье имя можно было бы связать с именем Императрицы, — имя, связь которого с Царской Семьей подорвала бы престиж Их Величеств среди высших слоев общества и в то же время скомпрометировало бы и свело на нет преклонение перед Царским именем класса крестьян. Один из членов Государственной Думы как-то прервал оратора-революционера, громившего Распутина такими словами:

— Если вы так настроены против Распутина, то почему же вы его не убьете?

И получил поразительный, но правдивый ответ:

— Убить Распутина! Да пусть он живет вечно! В нем наше спасение!

На положение Распутина смотрели по-разному. Одна часть общества относилась к нему как к провидцу. Не сомневаюсь, что это

был в определенной мере патологический интерес. Другие видели в нем как бы «учителя», придавая ему некое мистическое значение. Третьи заискивали перед ним корысти ради, рассчитывая с его помощью приобрести влияние на Ее Величество. Стыдиться следовало не Распутину, а тем, кто использовал его в собственных эгоистических целях.

Как-то раз Распутин был приглашен в гости одним известным генералом, но когда этот господин понял, что своим радушием никаких благ не добьется, тотчас отвернулся от прежнего своего друга. Распутину пришлось перебраться в тесную квартирку, где он существовал за счет добровольных пожертвований его почитателей. Жилье «старца» было весьма скромным, питался он довольно скудно, а вино ему приносили в качестве дара лишь в последний год его жизни.

Анна Вырубова впервые встретила с Распутиным после того, как решила развестись со своим мужем. Как я уже упоминала, брак ее с лейтенантом Вырубовым оказался неудачным, и их отношения прервались весьма прискорбным образом. Однажды, когда Анна потчевала пришедших к ней в гости Государыню и генерала Орлова, неожиданно из плавания вернулся лейтенант Вырубов. Так как полицейские не узнали офицера, то не захотели впустить его в собственный дом. После того как Ее Величество уехала, между ним и его женой произошла отвратительная сцена, и Анна была жестоко избита. Анна отказалась продолжать с ним совместную жизнь и вернулась к родителям. История эта получила огласку, и для того, чтобы утешить Анну, «черногорки» отвели ее к Распутину.

Была ли в их действиях ошибка или же нет, сказать не решаюсь. На мой взгляд, они оказали ей медвежью услугу, поскольку Анна Вырубова была чрезвычайно впечатлительной, неврастенической особой, на воображение которой было нетрудно воздействовать с помощью удачной мизансцены. И такая мизансцена была налицо. Униженная и оскорбленная молодая женщина была принята во дворце Великой Княгини Анастасии Николаевны с невероятной помпой. Происходившее во дворце скорее всего напоминало собрание сторонников какой-то религиозной секты.

Неожиданно дверь открылась, и появился Григорий Распутин. Он оказался в самом центре смотревших на него с обожанием поклонниц, не обращая внимания на их восторг. Он излучал мир и покой, символизировал сильного мужчину, который является

любимым идеалом всех представительниц слабого пола. Анной, лишившейся иллюзий, чьи чувства были растоптаны, Распутин воспринимался как штиль, который наступает после шторма. Вместе с ней он молился, утешал ее. Она решила, что может ему довериться, совсем забыв о той социальной пропасти, которая их разделяла. Распутин представлялся ей некоей опорой, а Анне всегда был нужен кто-то, на кого она могла бы опереться. Это слабое, милое, доверчивое существо не умело обходиться собственными силами. С этого-то и началось их сближение. Я уверена, что Анна не любила его как мужчину (хотя она всегда была в кого-нибудь влюблена), однако он оказывал на нее влияние — главным образом как духовный наставник.

Я полагаю, что в тот период времени Ее Величество встречала Распутина лишь изредка, зато его можно было встретить в обществе обеих «черногорок», которые «открыли» его и теперь заявляли всем и каждому, что сибирский крестьянин, несомненно, «провидец». Это раздражало Императора, и в следующий раз, встретившись с Распутиным, он спросил, каким тот видит будущее.

— Царь-батюшка, да не могу я наперед-то заглядывать, — возмолвился Распутин.

— Отчего же Их Высочества утверждают, что вы умеете предсказывать будущее? — сердито спросил его Император. Когда же Ее Величество задала крестьянину тот же вопрос, то получила такой же ответ.

Зачем «черногоркам» понадобилось утверждать, будто бы Распутин наделен даром прорицателя, никто никогда не узнает. Возможно, существовали какие-то политические мотивы, однако после того, как Распутин опроверг их заявление, обе Великие Княгини отреклись от своего прежнего протекже и ополчились против него вместе с Гермогеном. Именно к этому периоду восходит начало бесконечных интриг против сибирского крестьянина, поскольку Илиодор и Гермоген испугались, что Распутин может приобрести большее, чем они, влияние при дворе.

Теперь я должна коснуться мнимого влияния Распутина на Ее Величество. Несомненно, ее подсознательная вера в то, что он наделен сверхъестественными способностями, была основана на целом ряде обстоятельств. Цесаревич заболел, приступ недуга угрожал его жизни, и родители были в отчаянии. Всякая мать, имеющая единственного сына, читая эти строки, согласится с тем, что слово «отчаяние» как нельзя точно определяет состояние

родительницы, оказавшейся в подобном положении. Государыня в буквальном смысле была сама не своя; именно тогда кто-то предложил послать за Распутиным. Когда он появился во дворце, бедные родители воспряли духом. Сибирский крестьянин молился у постели больного, и ребенку, казалось, тотчас же стало лучше. В версиях, которые использованы в фильме и «романе», нет ни доли правды. Совпадение, одно лишь совпадение может объяснить улучшение здоровья Цесаревича в тот именно момент, когда Распутин возносил к Господу свои жаркие молитвы.

Я познакомилась с Распутиным незадолго до его стычек с епископом Гермогеном. Муж мой, который на борту яхты «Полярная звезда» сопровождал в Копенгаген Вдовствующую Императрицу Марию Федоровну, с нетерпением ждал меня в Дании. Если бы я поехала к нему, мне пришлось бы оставить Тити у моей мамы, и, хотя я готова была пойти навстречу пожеланиям супруга, покидать ребенка мне не хотелось. Таким образом, я была в некоторой растерянности. Анна заметила, что я чем-то встревожена.

— Послушайте, Лили, я знаю одного человека, который может вам помочь, — произнесла она.

— Кто же этот человек? — спросила я.

— Григорий Распутин, — ответила Анна.

Я совсем не стремилась познакомиться с Распутиным — во мне не было той безграничной веры в него, которая свойственна была Вырубовой, — но, чтобы доставить ей удовольствие, я согласилась. И она повела меня в его «орлиное гнездо». Дело в том, что его квартира была у самой крыши. Затем она оставила меня.

Некоторое время я сидела в ожидании в небольшом кабинете и не заметила, как в него вошел какой-то мужчина — настолько бесшумными были его шаги. Это был Распутин. Наши взоры встретились. Я была поражена его жутковатой внешностью. На первый взгляд это был простой русский крестьянин, но его глаза цепко держали меня в своей власти. Сверкающие стальные глаза, которые, казалось, пронизывают тебя насквозь. Лицо бледное, худое, длинные волосы, темно-русая борода. Роста среднего, а кажется высоким. Одет по-крестьянски: русские сапоги, рубаха навыпуск, длинная черная поддевка. Шагнув вперед, он взял меня за руку:

— Дело ясное. Тебя что-то тревожит (он всем говорил «ты»). Только нет ничего в жизни такого, из-за чего стоит беспокоиться. Все проходит, как сказано в Писании. Вот так-то. — Потом он

посерьезнел. — Надобно верить. Один Господь твой пастырь. Ты разрываешься между мужем и ребенком. Кто из них слабее? Ты думаешь, дитё слабее. Вовсе нет. Дитё слабое ничего не натворит, а вот мужчина может наделать делов.

Распутин посоветовал мне ехать в Копенгаген, но я его совету не вняла. На следующий же день я уехала из Петрограда в провинцию — пожалуй, назло ему! Но впечатление, которое произвел на меня Распутин, было очень ярким. Он одновременно притягивал к себе, отталкивал, тревожил и успокаивал. Глаза его вызывали ужас и отвращение. Когда Ее Величество приветствовала меня со словами: «Значит, Лили, вы видели нашего друга? Он всегда вам поможет», я ничего не ответила.

Вторая наша встреча с Распутиным состоялась зимой. Тити серьезно захворал. Опасались, что у него дифтерит. Бедный мальчуган метался в горячке. Анна, то и дело справлявшаяся о его здоровье, позвонила мне и сказала:

— Лили! Мой тебе совет: попроси Григория прийти и помочь.

Я колебалась, зная, как не любит мой муж все, что граничит со сверхъестественным. Но, видя, как страдает малыш, я решилась. Что предосудительного в том, чтобы молиться об исцелении больного ребенка? Распутин обещал прийти тотчас же. И он действительно пришел скоро. Но не один, а в обществе пожилой женщины в монашеском одеянии. Это странное существо отказалось войти в детскую, а село на ступеньки и начало молиться.

— Не надо будить Тити, — прошептала я, входя вместе с Распутиным в спальню сына: я боялась, что неожиданное появление незнакомого крестьянина может испугать малыша. Ничего не ответив, Распутин сел рядом с постелью ребенка и стал пристально смотреть на спящего. Затем опустил на колени и стал молиться. Поднявшись с колен, он наклонился над Тити.

— Не надо его будить, — повторила я.

— Молчи. Так надо.

Распутин коснулся пальцами крыльев носика Тити. Мальчуган тотчас проснулся, без страха посмотрел на незнакомого человека и назвал его дедушкой. Распутин стал его расспрашивать, и Тити пожаловался ему, что у него «сильно болит головка».

— Ничего, — отозвался Распутин, в стальных глазах которого горели странные огоньки. Затем он обратился ко мне: — Завтра твоё дитя поправится. Дай знать, коли что не так.

Попрошавшись с нами, он ушел в сопровождении своей странной спутницы.

Едва крестьянин ушел, как мальчуган уснул. Наутро исчезли опасные симптомы, температура спала. Через несколько дней, к изумлению доктора, малыш окончательно поправился. Могла ли я сомневаться в необычных дарованиях Распутина после этого случая? Всякий раз, когда он появлялся во дворце — а происходило это в среднем раз в месяц, — я непременно навещала его.

К чести Распутина надо заметить, что такого рода визиты не приносили ему никакой материальной выгоды. Однажды он даже посетовал в разговоре со мной, что ему никогда не оплачивают расходы на извозчика!

Влияние Распутина на Императрицу существовало лишь в воображении ее недоброжелателей. Ее Величество всегда верила в силу молитвы. Распутин же лишь укрепил в ней эту веру, а его способность успокаивать и исцелять людей вносила мир в ее мятущуюся душу. Ни о каком плотском влечении не могло быть и речи. Касаясь этой темы, я испытываю невыносимую боль, но я не вправе уйти от ответа на вопрос. До меня доходили самые отвратительные сплетни, касающиеся Ее Величества: якобы в порыве жертвенности она сама отдалась Распутину и отдала ему милых своих девочек для того, чтобы доказать, что плотская жертва угодна Богу. О таких чудовищных вещах не могло быть и речи. Но когда я выступала в защиту Государыни и заявляла, что Распутин ничем не примечательный человек с неприятной внешностью, неопрятными манерами и отталкивающий во всех отношениях, мне возражали, что такого рода дефекты ничего не значат в глазах некоторых особенно чувственных особ. Я указывала не бесспорный факт, что Ее Величество была крайне брезгливой женщиной, что «животное» начало было ей чуждо, что моральные ее устои были чрезвычайно строги — столь же строги, как и у ее бабушки, королевы Виктории. И что же я слышала в ответ? Дескать, многие брезгливые и чересчур нравственные женщины часто бывают повинны в невероятных грехах благодаря их брезгливости и высокой нравственности. Если такие примеры известны, то почему бы не причислить к таким особам и Императрицу?

На каждом шагу я слышу подобные отвратительные рассказы, и при этом сплетники с сочувствием добавляют: «Но ведь вы любите Императрицу». Да, это так. Но я еще и знала Императрицу. Отношение Государя к распутинскому скандалу было достаточ-

ным основанием для того, чтобы в корне пресечь эти отвратительные сплетни, поскольку Ее Величество никогда не встречалась с Распутиным без ведома и согласия своего супруга. Даже если мы допустим, что Николай II был слабовольной личностью, целиком находившейся под каблуком у жены, он был в достаточной степени мужчиной, мужем и отцом, чтобы не допустить аморальные отношения между Распутиным и его близкими. Прежде всего, Государь был христианином и порядочным человеком, но он к тому же был представителем дома Романовых и Императором. Произойди подобное преступление, о котором заявляли сплетники, наказание последовало бы незамедлительно. Когда ему рассказывали о безобразиях, которые творит Распутин «на стороне», он не хотел им верить. И почему же? Да по очень простой причине: *слишком уж черными были краски, рисующие Распутина*. Если бы «доброжелатели» не перестарались, то, возможно, Государь и прислушался бы к их словам. Всякий, кто задался целью поссорить двух друзей, совершает большую ошибку, когда изображает человека, которого собирается погубить, как совершенно никчемную личность. Желаемого результата можно получить гораздо легче, если, осуждая его или ее, вы слегка их похвалите.

Когда Государыню укоряли тем, что она дружит с простым мужиком, который, по ее мнению, еще и наделен святостью, она отвечала, что Господь наш Иисус Христос не выбирал себе учеников из числа представителей знатных еврейских семейств. Все Его ученики, кроме апостола Луки, были людьми низкого происхождения. Я склонна думать, что Ее Величество уподобляла Распутина св. Иоанну. По ее мнению, оба они были мистически настроенными людьми.

Ее Величество была твердо убеждена в том, что Распутин наделен способностью исцелять больных. Она верила, что существуют люди, которым дар этот ниспослан свыше, и что Распутин — один из них. Когда ее уговаривали обратиться к помощи самых знаменитых докторов, Ее Величество неизменно отвечала: «Я верю в Распутина». Что же касается сплетен о том, будто Распутин и Анна Вырубова «притравливали» Цесаревича, я с негодованием отмечаю их прочь — рассказы эти из области чтива, предназначенного вызвать сенсацию. Анна Вырубова побоялась бы дать дозу лекарства даже котенку, не говоря уже о каких-то манипуляциях со снадобьями, предназначавшимися Наследнику.

Первый крупный скандал, разразившийся над головой Ее Величества, произошел после опубликования ее письма к Распути-

ну, в котором она пишет: «Какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие». Враги Распутина знали, что у него была роковая привычка носить с собой интересные письма, поэтому Распутин приглашали на встречи с отдельными влиятельными людьми (Распутин жаждал популярности), а по пути к ним на него нападали и грабили простака. Так была похищена вся корреспонденция, которая была при нем.

Когда содержание письма Государыни стало известно публике, это нанесло ей огромный вред. Даже Дума придала часто цитируемой фразе «Какое счастье даже чувствовать одно твое присутствие» наихудший смысл. Но ведь речь-то шла не о физическом контакте! Государыня просто хотела сообщить своему другу, что ее душа нуждается в утешении наставника.

В течение того времени, что я живу в Англии, я постоянно встречаю женщин, которые опираются на помощь духовных наставников и обыкновенных консультантов. У большинства католиков имеется особый исповедник, к которому они неизменно обращаются, подобно тому, как большинство людей прибегают к помощи определенного доктора, которому они особенно доверяют. У многих специалистов того или иного рода есть своя клиентура. Разница лишь в том, какие потребности удовлетворяют эти специалисты.

Нападки на Ее Величество очень беспокоили Императора. Но и у него, и у Ее Величества было ложное чувство ответственности перед Распутиным, и вот эта-то ложная ответственность привела в конечном счете к гибели и Распутина, и их самих. Императорская чета решительно отказалась выбросить своего друга за борт. В этом Император был заодно с Государыней. Возможно, они из гуманных соображений не захотели, чтобы кто-то диктовал им свою волю, но, как бы то ни было, положение Распутина оставалось прочным.

Хорошо известно, что Распутин осуждал войну, но не все знают, что он попытался помешать объявлению войны. Когда началась мобилизация, Распутин телеграфировал Анне [из Сибири]. В телеграмме он умолял Императора «не затевать войну, что с войной будет конец России и им самим и что положат до последнего человека». На эту телеграмму не обратили никакого внимания — по той простой причине, что Распутин не имел политического влияния, как не имел его и при решении других вопросов, вопреки широко распространенному мнению.

Однажды генерал Белецкий попросил Распутина походатайствовать перед Императором, чтобы его назначили на пост генерал-губернатора Великого Княжества Финляндского. Распутин обещал выполнить его просьбу и завел об этом речь перед Императором в присутствии Государыни. Император внимательно выслушал просьбу Распутина, но ничего не ответил. Назначение генерала Белецкого так и не состоялось.

По-видимому, так и не удастся беспристрастно рассмотреть все обстоятельства, связанные с Императрицей и Распутиным. Каких только слухов о его пьянстве и дебошах не пускали в оборот! Возможно, в частной жизни Распутин и не был безупречен, но я должна торжественно заявить, что когда он находился в нашем обществе в Царском Селе, ни словами, ни манерами, ни поведением ни разу не скомпрометировал себя.

Князь Орлов, начальник военно-походной канцелярии, никогда не скрывал, что недолюбливает и даже не переносит Ее Величество. При встречах с ней он испытывал что-то вроде нервного потрясения, и все знали, что с целью успокоить нервы он принимал в больших количествах валериановые капли, если ему предстояло встретиться с нею. Императрице было об этом хорошо известно.

— Сегодня я видела князя Орлова, — заметила она мне однажды. — От него просто несло валерьянкой. Бедняга, каких мучений ему стоят встречи со мною.

Князь не стеснялся в выражениях, когда заходила речь об Императрице и Распутине. Казалось, он задался целью вывести ее из себя — ненависть его принимала форму некоей фобии. В конце концов Государь потерял всякое терпение и отправил Орлова на Кавказ.

Вскоре после этого княгиня Орлова была принята Ее Величеством. Государыня очень любила Ольгу, но аудиенция оказалась очень неприятной для Ее Величества, поскольку княгиня пыталась убедить ее, будто князя жестоко оклеветали. Впоследствии Государыня поделилась со мной впечатлениями от этой встречи.

— Это было нечто жуткое, Лили, — проговорила она. — У меня только что была Ольга Орлова. Мне очень, очень жаль ее, она в ужасном состоянии. Когда я поднялась, она запаниковала, стала уверять меня, что ее муж предан мне и нашим интересам. Я знала: стоило бы мне сесть, как я сразу бы разрыдалась. Поэтому я продолжала стоять. Это был кошмарный момент.

Распутин предчувствовал, что умрет насильственной смертью. Он часто говорил с глубоким убеждением в голосе: «Пока я жив, все будет путем, но после моей смерти потекут реки крови. Но с Папой и Мамой (так он называл Государя и Государыню) ничего не случится». Однажды вечером к Распутину пришла одна из почитательниц монаха Илиодора. Это была старая женщина в белом платье, отделанном множеством красных лент.

Распутин пожурил ее за такой наряд.

— Почто ты нацепила эти страшные красные ленты? — спросил он старуху.

— Так надо, — ответила гостя. — Я знаю, зачем я надела красное.

— Она и в самом деле знала, что делает, — с мрачным видом проговорил Распутин, рассказывая мне об этой встрече. — Красное — это цвет крови. А крови скоро будет так же много, как алых лент на ее платье.

Все, кто любил Императорскую Семью, приходили в ужас от все учащавшихся скандалов; ходили самые ужасные слухи, главным образом лживые, где была лишь частица правды. Доходило до того, что утверждали, будто бы Распутин развратничает в Петрограде, а на самом деле в это время он находился в Сибири. Убедить Императрицу в том, что общественное мнение против нее, было невозможно. Правда, она слышала, что о ней говорили, а изредка даже читала, в чем ее обвиняют, но она не обращала внимания на сплетни и лживые статьи продажных писак. Она всем существом своим погрузилась в религию и летом 1916 года отправила нас с Анной Вырубовой в паломничество в Тобольск. В Тобольске незадолго перед этим был канонизирован новый святой [Иоанн Тобольский], и Ее Величество дала обет, что или сама поедет на торжества, или кого-нибудь пошлет вместо себя. Анна попросила меня согласиться на просьбу Государыни, потому что боялась ехать одна, и я дала себя уговорить, чтобы проявить свою преданность Императрице.

Когда я приехала в Петроград, то узнала, что с нами должен ехать Распутин. Мне невольно пришло в голову, что из-за того, что общество враждебно настроено против сибирского крестьянина, вряд ли целесообразно давать огласку нашей поездке, но я не посмела высказать свои сомнения вслух. К поезду был прицеплен специальный салон-вагон, по всем станциям железной дороги были отправлены телеграммы, оповещающие о нашем прибытии, и на платформах толпились зеваки, чтобы взглянуть на нас.

Наконец поздно вечером мы прибыли в Тюмень, а оттуда пароходом отправились в Тобольск. Разве могла я подумать тогда, что год спустя Царской Семье предстоит совершить тот же путь, который станет для нее путем к русской Голгофе! Они тоже увидят черные воды быстрой реки, заброшенные татарские села по ее берегам; как и мне, им суждено будет узреть город на холме, его храмы и дома, четко вырисовывающиеся на фоне вечернего, быстро темнеющего неба.

В Тобольске нас встретил губернатор, главные чиновники и иерарх Православной Церкви Варнава. Затем нас отвезли в дом губернатора, где я спала в небольшой комнате, год спустя ставшей кабинетом Государя Императора.

На следующий день мы посетили могилу святого и присутствовали на богослужении в соборе, произведшем большое впечатление своим благолепием и торжественностью. Распутин ночевал у священника, но, к сожалению, он поссорился с Варнавой. Обстановка стала несколько напряженной, и я ничуть не огорчилась, когда два дня спустя визит наш завершился.

Во время возвращения в Тюмень Распутин настоял на том, чтобы мы остановились в Покровском и познакомились с его женой. Предложение его меня очень заинтриговало: мне давно хотелось узнать, где и как он живет. Я с интересом рассматривала темно-серый деревянный дом с резными наличниками, принадлежавший Распутину. Село представляло собой ряд небольших деревянных домов в два этажа. Дом Распутина был лишь немногим больше остальных. «Старец» выразил надежду, что когда-нибудь Их Величества приедут к нему в гости.

— Но ведь это так далеко, — возразила я, изумленная его словами.

— Они *должны* приехать, — сердито проговорил крестьянин. Спустя несколько минут он произнес пророческие слова: — Волей или неволей они приедут в Тобольск и, прежде чем умереть, увидят мою родную деревню.

День мы провели в гостях у Распутина. Жена его оказалась милой, доброй женщиной. Славными людьми оказались и крестьяне — это были честные, простые люди. Они обрабатывали землю, принадлежащую Распутину, не требуя никакой платы, — как добрые христиане.

Распутин имел троих детей. Две дочери учились в Петрограде, но мальчик крестьянствовал. Селяне были очень дружелюбны к

нам, однако большинство из них были против того, чтобы Распутин возвращался в Петроград.

Поскольку мы решили ехать дальше в Екатеринбург, чтобы оттуда проследовать в Верхотурский монастырь, я подумала, что следовало бы убедить Распутина остаться со своей семьей. Однако он отказался последовать моему совету. Я сказала Анне, что с нас хватит сплетен и что она должна уговорить Распутина покинуть нас. Она обещала поговорить с ним, но в последний момент он-таки поехал с нами в Екатеринбург.

Никогда не забуду своих первых впечатлений от этого рокового города. Только мы ступили на перрон, как меня охватило предчувствие беды — такое ощущение возникло и у остальных. Распутину было не по себе, Анна заметно нервничала. Я искренно обрадовалась, когда мы добрались до Верхотурского монастыря, расположенного на левом берегу реки Туры. Ночь мы провели в странноприимном доме при монастыре, потом Распутин предложил нам отправиться вместе с ним в лес, чтобы посетить келью отшельника, которого местные жители почитали за святого.

В глазах английских читателей паломничество это должно показаться совершенно глупой затеей. Я пытаюсь поставить себя на их место и представить себе, что бы подумала английская публика, если бы в газете «Дейли мейл» появилось сообщение о том, что королева Мария отправила двух своих подруг в подобное путешествие.

«Этого не может произойти — королева Мария достаточно здравомыслящий человек», — заявили бы вы.

Несомненно, королева Мария *чересчур* здравомыслящий человек. Вещи такого рода никогда бы не смогли произойти в Англии, и я привожу подобное сравнение лишь для того, чтобы еще раз объяснить читателям, что о России невозможно судить с английской точки зрения.

Оказалось, что отшельник живет в самой глубине леса, и его келью вполне можно было принять за птичий двор. Он был окружен домашними птицами всех размеров и пород. Возможно, он считал птицеводство чем-то сродни миссии святого. Он снабжал монастырь множеством яиц, но мы поужинали весьма скромно: нам предложили холодную воду и черный хлеб. Что такое кровать, отшельник не имел представления, так что нам пришлось спать на жестком глиняном полу. Должна признаться, что я несказанно обрадовалась, когда мы вернулись в Верхотурье и смогли принять ванну и лечь в мягкую постель.

В Верхотурском монастыре Распутин решил с нами расстаться, поэтому мы с Анной поехали в Пермь, где наш салон-вагон прицепили к другому поезду. Приходили толпы зевак, чтобы поглазеть на Анну, некоторые из их замечаний привели меня в замешательство. Толпа была настроена весьма враждебно. Когда наш вагон отцепляли, сделано это было так резко, что он едва не сошел с рельсов, а меня отбросило из одного конца салона в другой. Однако в Петроград мы вернулись благополучно, Государыня нас встретила и поблагодарила.

— В конечном счете, Лили, — проговорила Анна, приходя к себе после нервного срыва и сердечного приступа, — мы должны верить, что Господу угодно, чтобы мы страдали.

Не знаю, относилось ли это ее замечание к нашему посещению отшельника или же путешествию в салон-вагоне, но я искренне благодарила Бога за то, что мы вновь оказались в цивилизованных местах.

В своем селе Распутин пробыл недолго; он вернулся в Петроград, и снова зазвучали злобные голоса клеветников. Однажды — дело было в 1916 году, когда я находилась в Ревеле, — я получила телеграмму от Ее Величества с просьбой приехать и встретиться с ней.

Я повиновалась и нашла ее в одиночестве, грустной и явно встревоженной. Она не сразу перешла к делу, которое больше всего ее волновало. Потом ее словно прорвало, и она заговорила о жестокости людей, которые злобно нападают на нее.

— Я знаю *все*, Лили, — произнесла она. — Почему Григорий не уезжает из Петрограда? Государь не желает, чтобы он оставался здесь. Я тоже. Но мы не можем выпнать его — он не сделал ничего плохого. Ну почему он сам не хочет нас понять?

— Я сделаю все, что в моих силах, Ваше Величество, чтобы объяснить ему обстановку, — отозвалась я. Сердце мое было переполнено любовью к Государыне, которая показалась мне такой убитой, такой невыносимо печальной.

— Я уже пожурела Анну за то, что она не помогла мне в этом деле, — продолжала Ее Величество. Она разрешила мне тотчас же отправиться на Гороховую, где жил Распутин. Поехали мы к нему вместе с Анной.

Распутин был не один. Было около пяти часов, его окружала стайка поклонниц. Рядом с ним сидела его «*âme damnée*»¹, Аки-

¹ «Потерянная душа» (фр.).

лина Лаптинская, тайный агент, под умелым руководством которой Распутин невольно участвовал в игре, разработанной революционерами. Акилина изображала из себя сестру милосердия, и многие ей верили. Она имела большое влияние на Распутина, и он, забыв об осторожности, сделал ряд имевших печальные последствия признаний Акилине, которая все услышанное использовала во вред Императорской Семье.

Акилина тотчас невзлюбила меня. Анну она считала безвольной и глупой, во мне же, как мне представляется, она увидела противника, более достойного ее железного характера. Поздоровавшись с ней, я спросила Распутина, нельзя ли поговорить с ним наедине.

— Отчего же нельзя, — ответил старец, и мы вышли в соседнюю комнату. Акилина последовала за нами.

— Ну, что скажешь? — спросил Распутин, усаживаясь.

Я тотчас же взяла быка за рога.

— Григорий, — без обиняков начала я, — вы должны немедленно покинуть Петроград. Вы с таким же успехом можете молиться за Их Величеств и в Сибири. Вы должны уехать — ради них. Я вас умоляю. Уезжайте... Вы знаете, что говорят крутом. Если вы не уедете, положение станет опасным для нас всех.

Распутин внимательно, серьезно смотрел на меня, но не произносил ни слова. Я заметила на лице Анны выражение обиженного ребенка, чувствовала на себе злобный и пристальный взгляд Акилины. Распутин, совершенно неожиданно для меня, произнес:

— Пожалуй, ты права. Надоела мне вся эта бодяга. Я уезжаю.

Но тут произошло нечто поразительное. Ударив кулаком по столу, Акилина злобно впилась в меня своим взглядом.

— Да как ты *смеешь* противиться духу отца Григория? — воскликнула она. — А я говорю, он *должен* остаться. Да кто ты такая? Ты пустое место, и не тебе судить, что для кого лучше.

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Анна плакала, Распутин ничего не говорил. Я не желала склониться перед волей Акилины: силы мне придавала мысль о Государыне.

— Что же, вы станете слушать эту женщину? — спросила я холодно.

Акилина снова принялась стучать по столу.

— Если ты уедешь из Петрограда, отец, тебе несдобровать. Ты *не должен* никуда ехать.

— Ну что же, может, так оно и есть. Я остаюсь, — беспомощно проговорил Распутин.

Все мои старания оказались безуспешными. Распутин уперся как осел. Страшно расстроенная, я вернулась во дворец. Ее Величество была очень разочарована.

— Не понимаю, почему сестра так противилась моим пожеланиям, — проговорила Государыня.

Впоследствии нам все стало ясно. Полагаю, что, несмотря на ее козни и хитрости, Акилина все же была привязана к Григорию Ефимовичу и подчас ей было стыдно за свою предательскую роль. Помню, однажды, когда он уехал из Петрограда, чтобы повидаться с семьей, я пошла на вокзал, чтобы проводить его, и там, естественно, встретила Акилину. Когда поезд тронулся, она расплакалась. Это были подлинные слезы, я видела, что горе ее было искренним. Хотя Акилину я недолюбливала, мне стало жаль ее.

— Разрешите, я отвезу вас домой, — предложила я.

Она охотно согласилась, но в автомобиле снова разрыдалась.

— Что случилось? — спросила я. — Ведь вы снова увидите отца Григория.

Акилина вскинула на меня свои заплаканные глаза:

— Ничего-то вы не знаете. Если бы вы знали, если бы вы только знали то, что знаю я.

Она, несомненно, имела в виду нечто такое, что лежало страшным грузом на ее душе и, возможно, тревожило ее нечистую совесть.

Когда Анна заболела корью, то Акилина ухаживала за нею в Царском Селе, однако на второй день революции прислала мне записку с просьбой прийти в левое крыло дворца. Тут она мне сообщила, что у Анны горячка.

— Однако я мало чем могу ей помочь. Прошу вас, сообщите Ее Величеству, что мне нужно съездить на день в Петроград. Я должна повидаться с родными Григория.

Я пообещала выполнить ее просьбу, но после этого мы Акилину больше не видели. Две недели спустя мы узнали, что она живет в семье одного из самых главных революционеров.

Другая «сестра милосердия», Воскобойникова, так же связанная с Распутиным, была старшей сестрой-хозяйкой лазарета Анны Вырубовой. Кроме того, она была в приятельских отношениях с Протопоповым, Царским министром внутренних дел, который часами пропадал в ее обществе. Воскобойникова обладала распо-

дагающей к себе внешностью, но очень уж была любопытной, и мы с нею невзлюбили друг друга. По примеру Акилины она исчезла из Царского на второй день революции, но вечером, прежде чем оставить свою должность в лазарете, она устроила обед в честь выздоравливающих солдат, во время которого вино лилось рекой и произносились разного рода подстрекательские речи. Солдатам заявили, что свободу следует ждать из Петрограда и что револьверы и патроны — вещь полезная. Поистине революция умела использовать женщин в своих целях!

Однако вернемся к Распутину. Злобная кампания, направленная против него, усиливалась изо дня в день. Илиодор однажды послал к Распутину одну женщину, велев ей убить Григория Ефимовича, который получил тяжелое ранение в живот. Не правда, что Анна Вырубова ухаживала за ним после покушения. Она даже не пыталась сделать это.

Князь Феликс Юсупов, имя которого будет навсегда связано с убийством Распутина, впервые познакомился с ним в доме госпожи Головиной, невестки Великого Князя Павла Александровича. Головина восхищалась Феликсом Юсуповым, более того, ее страсть к нему была известна всем. После первой встречи князя и Григория Ефимовича прошло достаточно много времени: последующие два года я жила в основном в Ревеле, но регулярно приезжала на две недели, чтобы повидаться с ее величеством. А после того, как мой муж получил назначение в Англию, я переехала в Петроград и виделась с Государыней каждый день. Я чрезвычайно удивилась, когда узнала от нее, что Феликс Юсупов частый гость в доме Распутина. Настолько это мне показалось невероятным, что я спросила у Григория Ефимовича, правда ли это.

— Правда, как не правда, — ответил он. — Очень уж мне по душе князь Юсупов. Иначе как «Маленьким» я его и не зову.

Мария (Маня) Головина, которой я тоже выразила свое удивление, сказала, что, по словам князя Юсупова, молитвы Распутина очень ему помогают. Большие нам не о чем было с нею говорить.

16 декабря, находясь в Александровском дворце, я уведомила Ее Величество, что завтра хочу встретиться с Григорием Ефимовичем. Но 17 декабря около пяти вечера (я уже собиралась выйти из дома) мне позвонили из Царского Села. Ее Величеству было благоугодно поговорить со мной. Мне показалось, что она взволнована.

— Лили, — произнесла Государыня, — не ходите сегодня к отцу Григорию. Произошло что-то странное. Вчера вечером он ис-

чез, и с тех пор о нем ничего не известно. Но я уверена, что все обойдется. Не сможете ли вы сейчас же приехать во дворец?

Не на шутку расстроенная этим тревожным известием, я, не теряя времени, села в поезд и отправилась в Царское. На станции меня ждала императорская карета, и вскоре я очутилась во дворце.

Государыня находилась в лиловом будуаре. Меня снова охватило предчувствие беды, но я усилием воли попыталась подавить в себе это чувство. Никогда еще в лиловой гостиной Ее Величества не было так по-домашнему уютно. Воздух был напоен ароматом цветов и свежим запахом пылающих дров. Ее Величество лежала на кушетке, рядом с нею сидели Великие Княжны. На скамеечке возле кушетки устроилась Анна Вырубова. Государыня была очень бледна, в глазах тревога. Их Высочества молчали, Анна, похоже, плакала перед моим приходом. Я услышала то, что мне уже было известно. Григорий Ефимович исчез, но, как мне кажется, Государыня и на секунду не допускала мысли, что его нет в живых. Она отвергала все мрачные предположения, утешала продолжавшую плакать Анну, а потом обратилась ко мне:

— Сегодня вы переночуете в домике Анны, — сказала она. — А завтра я попрошу вас встретиться вместо меня с некоторыми людьми. Мне советуют не заниматься этим самой.

Я ответила, что буду только счастлива оказать услугу Ее Величеству, и после обеда пошла в дом Анны. К моему удивлению, он был занят агентами тайной полиции. Уютная столовая была битком набита полицейскими, которые встретили меня чрезвычайно учтиво, объяснив свое появление тем, что недавно раскрыт заговор, целью которого было убить Государыню и Анну Вырубову. Новость была не очень-то утешительная, но я решила не нервничать и, пожелав полицейским офицерам покойной ночи, отправилась в спальню Анны Александровны.

Знакомая комната показалась мне какой-то чужой. В темных углах ее мерещилось что-то жуткое, казалось, сам воздух пропитан запахом смерти. По своей натуре я не суеверна, но, признаюсь, мне стало не по себе, когда с грохотом упала икона, сбив при падении портрет Распутина. Я поспешно разделась и легла в кровать, но уснуть не могла. Я лежала с открытыми глазами несколько часов и, лишь под утро задремав, внезапно была разбужена страшным шумом. Откуда-то издалека до меня донесся грохот бесчисленного множества сапог. Огромная толпа двигалась к Царскому Селу. В голове у меня мелькнула кошмарная мысль: должно быть, в Пет-

рограде произошёл мятеж. Я выпрыгнула из постели, накинула на плечи плед и кинулась в столовую. Но там было тихо: полицейские офицеры спали прямо на полу. Мое появление разбудило их.

— Что случилось, мадам? — спросили они.

— А разве вы сами не слышите? — нетерпеливо ответила я. — Шум... толпа... Я уверена, что в Петрограде произошло что-то ужасное.

— Мы ничего не слышали.

— Уверяю вас, я не могла ошибиться.

Полицейские открыли ставни, затем окна. Вокруг стояла глубокая тишина, какая бывает лишь зимой. Ничего не сказав, офицеры закрыли окна.

— Вам, видно, что-то приснилось, мадам, — произнес один из них сочувственно. — Расшалились нервы, и есть с чего.

Но я была иного мнения. Разумеется, я много пережила в тот день, однако то, что я слышала, не было сном или обманом слуха. Когда я снова вошла в мрачную спальню, где на полу валялись икона и портрет старца, я содрогнулась. Я не всё ещё поняла до конца, но для меня приподнялась завеса, и я слышала быстро приближающиеся шаги мятежа и убийств.

Хотя во дворец я пришла рано, Ее Величество была уже на ногах и очень приветливо поздоровалась со мной. Она сообщила мне, что Протопопов настоятельно рекомендовал ей никого не принимать: раскрыт заговор с целью убить ее. И тут она впервые призналась, что у нее дурные предчувствия относительно судьбы Григория Ефимовича. За себя она не боялась; она была безмятежна и не испытывала ни малейшего страха. Я была так этим поражена, что невольно воскликнула:

— Ваше Величество, вижу, вы совсем не боитесь смерти. А я всегда боюсь умереть — я ужасная трусиха.

Ее Величество удивленно посмотрела на меня:

— Неужели, Лили, вы действительно боитесь смерти?

— Боюсь, Ваше Величество.

— Не могу понять людей, которые страшатся умереть, — проговорила она спокойно. — А я всегда смотрела на смерть как на друга, как на избавление от земных страданий. Вы не должны ее бояться, Лили.

Утро было полно забот и волнений. Меня осаждали посетители, желавшие повидаться с Ее Величеством и с Анной Александровной. Я полагаю, что роль, которая мне была поручена, вызва-

ла зависть со стороны придворных, поскольку на этот раз Государыня поручила мне самой принимать за нее решения, причем официальный этикет не соблюдался.

О Распутине не было никаких известий, до нас доходили лишь тревожные слухи. Некое лицо в течение одного дня двадцать два раза посетило дворец, надеясь встретиться с Ее Величеством, однако, следуя совету Протопопова, Государыня неизменно отклоняла его просьбы.

Два дня спустя из-под льда извлекли труп Распутина. Его отвезли в ближайший госпиталь, где и было произведено вскрытие. Григорий Ефимович был ранен в лицо и в бок, в спине у него было пулевое отверстие. Выражение его лица умиротворенное, окочевевшие пальцы одной руки подняты для благословения; опустить руку в естественное положение оказалось невозможным! Вскрытие показало, что когда старца бросили в Неву, он был еще жив!

Известие об убийстве Распутина привело в неописуемый ужас всех обитателей дворца. Анна Вырубова лежала пластом, убитая горем. Вся Императорская Семья была страшно расстроена. Сплетни о том, будто весть об убийстве Григория Ефимовича вызвала у Ее Величества приступ истерии, не соответствуют действительности. Нельзя сказать, что Государыня не была потрясена и огорчена, однако она держала себя в руках. Государь был встревожен, но тревога эта объяснялась не просто убийством знакомого ему человека, а тем, что убит именно Распутин. Он понял, что это не обыкновенное убийство, а удар, направленный против власти Царя, которая до сих пор была непререкаемой!

Сразу после вскрытия во дворец прибыла Акилина Лаптинская. По ее словам, она хотела обсудить вопрос о погребении Григория Ефимовича. Ее Величество приняла Акилину; при их встрече присутствовали мы с Анной Вырубовой. «Сестра милосердия» сначала поинтересовалась у Ее Величества, не угодно ли ей будет взглянуть на труп.

— Разумеется нет, — ответила Государыня тоном, не допускающим никаких возражений.

— Но остается открытым вопрос о погребении, — продолжала Акилина. — Григорий Ефимович всегда хотел, чтобы его похоронили в Царском Селе.

— Это невозможно, невозможно! — вскричала государыня. — Пусть тело отвезут в Сибирь и похоронят в родной деревне отца Григория.

Акилина заплакала. Она стала утверждать, что дух Григория Ефимовича не найдет покоя, если его тело будет погребено так далеко от дворца. Императрица заколебалась. Я понимала ее. Она подумала о том, что отречься от мертвого друга так же недостойно, как и от живого. Анна уладила вопрос, предложив похоронить тело Распутина в центральной части часовни рядом с ее лазаретом для выздоравливающих. Часовня и лазарет строились на земле, приобретенной Анной на ее собственные средства. Поэтому имя Императорской Семьи не будет затронуто, если разгорится скандал. Недоброжелатели лишь получат возможность лишний раз бросить камень в огород Анны Александровны.

— Ну и пусть, — проговорила Анна, обиженно выпятив губы, как капризный ребенок. — Меня мало заботит мнение света.

Так и порешили. Распутина похоронят в часовне Анны. Поскольку я присутствовала на похоронах, могу поведать, как и где это происходило. Судя по книгам и различным совершенно не соответствующим действительности отчетам репортеров, Григория Ефимовича похоронили глубокой ночью, втайне, в парке Царского Села. Ничего подобного. Похороны Распутина состоялись в 8 утра 22 декабря. Накануне вечером Ее Величество обратилась ко мне с просьбой встретить их Семью возле могилы, что я ей и пообещала.

Утро выдалось чудное. Ярко-голубое небо, сверкающее солнце, блестящий, словно алмазная россыпь, снежный наст. Кругом царили мир и покой. Я с трудом могла поверить, что мне предстоит присутствовать при заключительном акте одной из величайших и скандальных трагедий в истории человечества. Моя карета остановилась на дороге неподалеку от Обсерватории, и меня провели по покрытому ледяной коркой полю к недостроенной часовне. На снег были брошены доски, и когда я приблизилась к часовне, то заметила полицейский фургон, стоявший у свежерытой могилы. Минуту спустя я услышала звон бубенцов и затем увидела Анну Вырубову, с трудом ковылявшую по полю. Почти тотчас же подъехал закрытый автомобиль, и к нам подошли члены Императорской Семьи. Они были в трауре, в руках у Ее Величества — белые цветы. Императрица была очень бледна, но совершенно спокойна. Однако, когда из фургона вынули дубовый гроб, в глазах ее блеснули слезы. Гроб был самый простой. Лишь православный крест на крышке свидетельствовал о религиозной принадлежности усопшего.

Церемония продолжалась. Священник из лазарета Анны Вырубовой прочитал отходную молитву, и после того, как Их Величества бросили на крышку гроба по горсти земли, Государыня раздала цветы Великим Княжнам и всем остальным, и мы бросили их на гроб. После того как были произнесены последние слова молитвы, Императорская Семья покинула часовню. Мы с Анной последовали за нею... Анна Александровна села в свои сани, я — в карету. Было около девяти часов.

Я оглянулась на заснеженные поля, на голые стены недостроенной часовни и подумала об убиенном рабе Божиим, нашедшем там последний покой. Я испытывала огромную жалость к нему, но еще сильнее были моя жалость и любовь к тем, кто верил в него и одарил его своей дружбой, бросив вызов враждебному миру, к тем, на чьи невинные плечи легло тяжкое бремя его безрассудств.

В своем рассказе о погребении Распутина я не стала приводить никаких живописных подробностей. Я изложила факты в точном соответствии с действительностью, и теперь мне предстоит опровергнуть одно из самых несправедливых обвинений, выдвинутых против Ее Величества в связи с похоронами старца.

Некоторые авторы утверждают, что, когда останки Распутина были извлечены из могилы после революции, под щекой покойника нашли образок с подписями Государыни и Великих Княжон. Заявляют, будто бы Ее Величество сама положила этот образок в гроб, но это неправда. Этот образок был одним из многих икон Чудотворной Божией Матери Псковской, которые Государыня привезла из Пскова, куда ездила вместе с Их Высочествами, чтобы посетить один из своих лазаретов. Ее Величество купила эти образки так же, как делают это паломники в Лурде, приобретая сувениры с изображением Божией Матери Лурдской. На оборотной стороне всех этих образков члены Императорской Семьи написали карандашом свои имена и дату и раздали их своим друзьям. Один из образков получил и Григорий Ефимович, и, когда его тело положили в гроб, Акилина, движимая каким-то недобрым чувством, настояла на том, чтобы этот образок сунули под щеку покойнику. Без сомнения, именно она и распустила слух, будто бы это было сделано по распоряжению Ее Величества.

После смерти Распутина в Царское Село приехали его сын и дочери, которых встретила Государыня. Они рассказали, что вечером накануне убийства отца он получил записку от князя Юсу-

пова, в которой тот просил Григория Ефимовича прийти к нему. Похоже, что у дочерей было какое-то недоброе предчувствие, и они стали умолять родителя остаться дома. Тот, однако, захотел навестить Маленького. Когда же обнаружили один из ботишков, которые надел Распутин из-за глубокого снега на улице, возникло подозрение, что случилась беда.

Родные Григория Ефимовича просили Государыню отомстить убийцам за смерть их отца. Ее Величество ответила:

— Я не могу вам ничего обещать. Все в руках правосудия. Мы не вправе вмешиваться в действия должностных лиц.

Таковы были ее слова; таким образом, утверждение, будто бы князь Юсупов и Великий Князь Дмитрий Павлович стали жертвами мстительного нрава Ее Величества, совершенно беспочвенно.

Повторяю, что Распутин, каким я его знала, совершенно не похож на того мужлана, каким его изображают в романе и фильмах. В моих глазах это был малограмотный крестьянин, наделенный свыше редкими способностями; говорил он на малопонятном сибирском диалекте, с трудом читал, писал как четырехлетний ребенок, а о манерах и говорить нечего. Но он обладал гипнотическим воздействием и духовной силой, он верил в себя и заставлял верить других. Мне известно, что говорили о его животных наклонностях, о страстности сатира, о бесчисленных оргиях, во время которых молодые женщины и девушки отдавались ему, становясь жертвами его похоти. Существует поговорка «Нет дыма без огня». Возможно, она применима и к личной жизни Распутина, но ни в коем случае не в такой степени, как это утверждают злые языки. Лишь одна женщина из двадцати в состоянии забыть о приличиях и пожелать вступить в интимные отношения с мужчиной низкого звания. Рассказы о том, как он одевался и сорил деньгами, также сильно преувеличены. Григорий Ефимович жил и умер бедняком. Одевался он обычно по-крестьянски, а чудный крест, усыпанный бриллиантами, существует лишь в воображении писателей и журналистов. Сначала Распутин носил простой медный крест, затем — золотой, который он впоследствии послал Его Величеству в Царскую Ставку. Дарить крест в России не принято, поскольку это означает, что вы вместе с крестом одаряете данное лицо печалью и страданиями, с которыми в нашем сознании связан крест. Посчитав, что крест Распутина не принесет ему удачи, Государь отдал его мне с просьбой передать памятку Анне Вырубовой. Но та упорно отказывалась взять этот крест, и я не знала, что мне с ним де-

лать. Сообщить Императору о том, что Анна не захотела взять распутинский крест, я не посмела, поэтому куда-то его спрятала. Куда он потом исчез, я и не знаю.

Я видела лишь моральную сторону этого человека, которого почему-то называли аморальным. И я была не одинока в своей оценке характера сибирского крестьянина. Мне известно наверняка, что многие женщины моего круга, имевшие интрижки на стороне, а также дамы из полусвета именно благодаря влиянию Распутина вылезли из той грязи, в которую погружались.

Помню, однажды, прогуливаясь по Морской с офицером, сослуживцем моего мужа, капитана 1-го ранга, я встретила Распутина. Он строго посмотрел на меня, а когда вернулась домой, то нашла записку, в которой «старец» велел зайти к нему. Отчасти из любопытства я повиновалась. Когда я увидела Григория Ефимовича, он потребовал от меня объяснений.

— А что я должна объяснить? — спросила я.

— Сама знаешь не хуже моего. Ты что же это, на распутных светских барынек хочешь походить? Почто со своим мужем не гуляешь?

Женщинам, искавшим у него совета, он неизменно повторял:

— Вздумается тебе сделать что-то нехорошее, сперва приди ко мне и все Расскажи, как на духу.

О Распутине я могу рассказать только то, что я видела в нем. Будь я распутницей или жертвой низменной страсти, я бы не жила счастливо со своим супругом, и капитан 1-го ранга Императорского Российского флота Ден не допустил бы, чтобы я встречалась с Распутиным, если бы он вел себя непозволительно в Царском Селе. Его долг мужа превозмог бы преданность Императорской Семье.

Не могу целиком оправдать отношение к Распутину Ее Величества. Я люблю ее, чту ее память, но полагаю, во многих отношениях она придерживалась ошибочной точки зрения. Она вполне справедливо считала, что хотя она и служит России, душа ее принадлежит Богу, и она имеет полное право почитать его так, как считает необходимым. Я уже упоминала о ее безропотном преклонении перед волей Всевышнего. Такое отношение было непонятно обществу, особенно в России, где покорность судьбе была чужда как крестьянам, так и знати. Этот религиозный «коммунизм» государыни казался им нелепым... Крестьяне возмущались тем, что простой мужик — такой же, как и они — держался

запросто с Императором и Императрицей. Что же касается светской черни, то она не скрывала своего презрительного отношения к Их Величествам.

Зная религиозные убеждения Государыни и присущие обоим классам особенности, революционеры нашли в лице Распутина подходящее орудие для разрушения империи.

Православная религия наиболее консервативная. Она совершенно безобидна, если не вносить в ее обиход элементов современности. Современность же — исстари роковое начало для любой религии — особенно вредоносна для православия. Государыня не хотела этого понять. Она верила в существование старцев, отшельников, провидцев. И когда Распутин предстал перед нею в подобном обличье, она не была удивлена, она сочла, что он ниспослан ей свыше — в полном соответствии с ее религиозными воззрениями.

Как я уже отмечала, вера Императрицы в то, что Распутин обладает даром исцеления, основана главным образом на совпадениях. Его молитвы совпадали с моментами, когда поправлялся Цесаревич — сын, вымоленный ею у Всевышнего. В своей любви к ребенку Государыня становилась «более матерью, чем просто мать». Я также убеждена, что в дружбе Распутина с Анной Вырубовой не было ничего такого, что работало бы на публику. Если бы Анна была наделена умом Акилины, я не стала бы этого утверждать. Но Анна Александровна была отнюдь не интриганкой. Предвидя обвинения в адрес Вырубовой как сообщницы Распутина, я еще раз заявляю, что она была сущим ребенком по натуре — безвредным и слабым.

Если отметить в характере Государыни какой-то особенно бросающийся в глаза недостаток, то, как ни парадоксально, это было ее упрямство. Она не позволяла никому вмешиваться в те области, которые принадлежали лишь ей одной. Такой же нетерпимостью были наделены ее бабушка, королева Виктория, и принц Альберт. Дальняя ее родственница, принцесса Клементина Саксен-Кобургская, отличалась сверхъестественным упрямством. Фердинанд Болгарский, находившийся с нею в родстве, также демонстрировал эту особенность рода Кобургов. Если произвести психологический анализ, то можно заметить, что у некоторых представителей этого семейства подобная черта проявляется в неизменном честолюбии, у других — в вопросах нравственности. Если говорить о Ее Величестве, то сферами, где она не

допускала, чтобы ей кто-то перечил, были мораль, отношения в семье и религия.

Если бы Император был наделен менее глубоким религиозным чувством, то он смог бы (если мы встанем на точку зрения обывателя) убедить свою супругу реже видеться с Распутиным. Но он не пытался вмешиваться в вопросы, имеющие отношение к религии, возможно помня, с какой самоотверженностью она отказалась от веры своих отцов, приняв святое православие — религию своего нареченного. Государыню обвиняют в том, что она способствовала крушению Императорской России благодаря ее общению с Распутиным. С презрением и ненавистью указывали на нее пальцем, чуть ли не единодушно восклицая при этом: «Се жена!» Но история если не всегда справедлива, то по крайней мере великодушна. И вполне вероятно, что настанет день, когда сомнение будет истолковано в пользу Государыни Императрицы Александры Федоровны и станет возможно опротестовать вынесенный ей приговор. За много лет до того, как она стала Императрицей Всероссийской, медленно, но верно раковая опухоль «освободительного движения» проникала во все части России, а создание Думы лишь усилило антимонархические настроения. Однако революционерам этого было мало. Некоторые из них — столь же отвратительные и жестокие, как и их французские прототипы — не гнушались прибегать к услугам подлых людей с тем, чтобы достичь своих низких целей. Люди эти использовали Распутина. Результат их интриг налицо. Но разве зверские убийства Распутина и Императрицы очистили Россию от грехов и позволили ей стать новой Утопией?

Прах Распутина развеян по ветру, кровь невинных вопиет к небесам об отмщении, однако Россия — пьяная от кровавых оргий, освобожденная от исконной власти и расправившаяся со своими повелителями — знает лишь одно: плодить новых робеспьеров.

ГЛАВА VI

Прежде чем коснуться Великой войны, я обсудила «распутинский вопрос», но имя Распутина также связано с войной. Ведь утверждали, будто бы он — немецкий агент, будто бы он поощрял прогерманские настроения в Государыне Императрице. Хотя я по-прежнему придерживаюсь своего мнения, что сибирский крестья-

нин был невольным орудием в руках революционеров, не стану отрицать, что он выступал против войны и всегда жаждал мира, но эти взгляды были продиктованы ему собственными желаниями и убеждениями. В 1915 году я спросила у Григория Ефимовича, когда, по его мнению, окончится война. «Куда там кончится! — ответил он. — Неча думать, будто она скоро кончится». Вернувшись из Ревеля в 1916 году, я задала Государыне тот же самый вопрос. «Конца пока не видно, Лили!», — ответила Ее Величество. Оба эти ответа указывают, на мой взгляд, сколь незначительным было влияние Государыни или Распутина на политику. Несомненно, как лицо частное, Государыня желала мира, но как русская Императрица — она не могла желать победы Германии.

В 1914 году вся Россия была проникнута патриотическими настроениями. Все надеялись, что на стороне России выступит Англия. Особенно на это рассчитывали моряки, отдававшие себе отчет в слабости русского флота¹.

Когда Россия стала союзницей Франции, восторгам не было границ. Императорский оркестр ежедневно исполнял национальные гимны союзных государств. Ни о каких прогерманских настроениях при дворе не было и речи: Россия, следуя лучшим традициям, сражалась за правое дело!

Моему мужу было приказано сопровождать Императорскую Семью, отправлявшуюся в плавание на яхте «Штандарт», и я поняла, что день рождения встречу без своего супруга. Однажды вечером, когда мы с ним сидели в Императорском парке, обсуждая, как отпразднуем, хотя и с опозданием, это событие, к нему обратился один из руководителей его ведомства.

— Ден, — проговорил он, — немедленно отправляйтесь к командиру порта. Вас там ждут.

Вернувшись от начальства, муж был очень взволнован.

— Лили! — воскликнул он. — Мне приказано явиться в распоряжение адмирала Эссена. Ехать я должен практически немедленно.

¹ Императорский Российский флот был не так уж слаб. В Черном море безраздельно господствовали русские суда, турки даже опасались перевозить морем войска и снабжение. Балтийский флот был слабее, но минные заграждения, поставленные в начале войны, служили надежной преградой против проникновения германских кораблей в восточные районы Балтики. После «великой и бескровной» Российской флот, по существу, перестал существовать. (Прим. переводчика.)

Так оно и вышло. В три часа пополудни муж распрошался со мной.

Узнав, что Карл уехал, Государыня прислала мне записку.

«Надеюсь, что все окончится благополучно, — писала она: — Бедняжка Лили, не отчаивайтесь».

Я старалась не отчаиваться; как большинство жен военных, я постоянно улыбалась, хотя в любую минуту была готова разрыдаться. Каждый день происходили заседания Военного Совета, то и дело консультировавшегося с Государем. Вечером, накануне объявления войны, я знала, что принято решение начать мобилизацию.

Государь был твердо убежден, что Россия имеет достаточное количество вооружения и боеприпасов. В этом его заверяли Великий Князь Николай Николаевич и военный министр генерал Сухомлинов. Сухомлинов знал, что запасы вооружения у русской армии не отвечают ее потребностям, но продолжал уверять Государя и союзников в обратном. Великий Князь Николай Николаевич, который вел себя далеко не безупречно, создал Особую комиссию под председательством Великого Князя Сергея Михайловича якобы с целью обеспечить армию необходимым ей снаряжением. Прошло три месяца, но ничего не было сделано. Правда, на фронт поступило определенное количество боеприпасов, но от них не было никакого проку: их калибр не соответствовал калибру орудий и стрелкового оружия, для которых эти «боеприпасы» предназначались! Во всех этих бедах несправедливо обвиняли Императора, хотя он был тут ни при чем. Подлинными преступниками были Великий Князь Николай Николаевич, генерал Сухомлинов и их агенты.

На следующий день после отъезда моего мужа Государыня прислала мне записку, в которой просила меня отправиться вместе с ней в храм Уланского Ее Императорского Величества полка. Служба произвела на меня неизгладимое впечатление. Я стояла позади Государыни, которая горячо молилась. По окончании богослужения она повернулась ко мне.

— Не надо так расстраиваться, Лили, — прошептала она. — Эта война была неизбежна.

Всякий раз, когда полки, шефом которых была Государыня, отправлялись на фронт, она встречалась с офицерами и нижними чинами этих полков, благословляла их и напутствовала. Очень много говорили и писали о том, насколько непопулярной была

Императрица среди солдат. Я почти не слышала доброго слова о ней от этих писак. А между тем я знаю, как беззаветно любили Ее Величество многие офицеры и рядовые. Сочту своим долгом сообщить, что во время революции Государыня видела много трогательных знаков внимания с их стороны. Пусть клеветники вершат свой сизифов труд, пытаясь обогатить Императрицу; все их старания не заставят меня забыть, что происходило на самом деле.

Тотчас же после начала военных действий Государыня принялась создавать собственные лазареты и вместе с дочерьми записалась на курсы сестер милосердия военного времени. Преподавала им княжна Гедройц, профессор-хирург, и большую часть своего времени Императорская Семья посвящала лекциям и практическим занятиям.

После того как они сдали необходимые экзамены, Государыня и «четыре сестры Романовы» стали работать в качестве хирургических сестер, часами ухаживая за ранеными и почти всегда присутствуя на операциях.

Общество тотчас осудило этот благородный порыв Царской Семьи. Дескать, Императрице Всероссийской не пристало работать сестрой милосердия. Светская чернь словно не замечала, что в иллюстрированных изданиях полно фотографий коронованных особ, которые выполняли те же обязанности, за которые «скверноподданные» нападали на Ее Величество! Она продолжала нести свой крест, хотя то, что было достойно похвалы в других, считалось в ее случае грехом. Да не упрекнул меня в злопамятстве, но я должна с грустью отметить тот факт, что все слои русского общества, начиная от князя и кончая крестьянином, неизменно проявляли свою враждебность по отношению к собственной Императрице.

*Зло, что человек творит,
Его переживает,
А то, что доброе,
Уходит с ним в могилу.*

Что же касается Государыни Императрицы, то добро, которое она творила, вне всякого сомнения, при жизни, не только ушло с нею в могилу, но не было отмечено и при ее жизни. Невольная ее вина состояла в том, если использовать выражение одного английского автора, что она не отдавала себе отчета, «что в глазах своих подданных она должна сверкать и служить украшением,

а не приносить пользу в обыденном смысле этого слова». Возможно, Государыня не сумела понять склад ума русского крестьянина. Будучи беспристрастным наблюдателем, я склонна думать, что именно так оно и было. Когда она надела платье общины Красного Креста — символа всемирного Братства Милосердия, простой солдат увидел в эмблеме Красного Креста лишь признак утраченного ею достоинства Императрицы Всероссийской. Он испытывал потрясение и смущение, когда она перевязывала его раны и выполняла чуть ли не черную работу. Ему никогда не приходило в голову, что Императрица — женщина, он видел в ней лишь ослепительный, недоступный образ монархини.

О немецких симпатиях Государыни заговорили после того, как во главе армии встал Государь Император. Все стали коситься на нее, и когда она разговаривала со своими дочерьми и фрейлинами по-английски, то солдаты в лазаретах, присутствовавшие при этом, заявляли, что она говорит по-немецки. И эти слухи, однажды пущенные, разрастались с чудовищной скоростью.

Фактически революция началась перед смертью Распутина, но уже во время войны стали открыто заявлять, что конец царизма не за горами. Все наши поражения приписывались влиянию «симпатизировавшей немцам» Императрицы, которую в некоторых светских салонах язвительно называли «полковницей».

Министр внутренних дел Протопопов неоднократно докладывал о готовившихся покушениях на Императрицу. Об одном из них стало известно из перехваченного полицией письма от одной светской дамы своей московской подруге. Автор письма сокрушалась о том, что убийство Государыни не стало «fait accompli»¹, и заявляла, что если ее не удастся убить, то другим методом ее устранения будет заключение ее в сумасшедший дом.

Княгиня Васильчикова² — якобы от имени всех русских женщин — написала Государыне предерзкое письмо, в котором утверждала, будто все классы общества настроены против нее и требуют, чтобы она не вмешивалась в русские дела.

Кто-то писал, будто Государыня была в такой же степени возмущена содержанием письма, как и тем фактом, что написано оно было на клочке бумаги, вырванном из блокнота! Однако дело

¹ Свершившимся фактом (фр.).

² Княгиня Васильчикова, родством связанная с немцами, была германской шпионкой и провокатором. (Прим. переводчика.)

было вовсе не в том, что письмо на клочке бумаги, адресованное монархине, является нарушением этикета, а в ужасных обвинениях, ядовитой враждебности «послания», которое сначала разгневало Ее Величество, а затем глубоко огорчило. Рассказывая мне об этой гнусной цидулке, Государыня горько плакала.

— В чем же меня обвиняют? — проговорила Ее Величество. — Григория больше нет в живых. Неужели эти люди не могут оставить меня в покое?

Затем Императрица получила еще одно письмо, на этот раз анонимное, но тоже с обвинениями в адрес Государыни. Оба письма вызвали невероятное возмущение в лазаретах: офицеры, хорошо изучившие подлинную натуру Ее Величества, были страшно сердиты на злопыхателей. Жизнь стала чрезвычайно трудной и связанной с лишениями. Когда мой муж вернулся из Мурманска и спросил графа Капниста, как дела, граф ответил:

— Скоро узнаете сами и ужаснетесь. Мы вернулись к эпохе Павла Первого. Нас ожидает гибель.

В это время Государыня встречалась со многими людьми. Каждый четверг устраивались музыкальные вечера, во время которых я могла видеть наших друзей — офицеров-артиллеристов, флигель-адъютанта его величества Линевица, графа Ребиндера и его жену (имевшую несколько карикатурное сходство с Императрицей), офицеров со «Штандарта», князя Долгорукова (впоследствии убитого большевиками в Екатеринбурге), госпожу Воейкову, супругу Дворцового коменданта, полковника Гротена и многих других.

Во время этих вечеров играл румынский оркестр под управлением знаменитого Гулеску, и Государыня получала истинное наслаждение, слушая столь изысканную музыку. В салоне всегда топили огромный камин. Государыня садилась рядом с ним, а сразу за ней, специально для меня, ставили небольшой табурет. Если я приходила после того, как Государыня усаживалась, она с милой улыбкой указывала мне на свободное место.

Однажды вечером, приблизительно за две недели до революции, заняв свое обычное место и слушая румынский оркестр, я заметила, что Императрица особенно грустна. Собравшись с духом, я наклонилась вперед и озабоченно прошептала:

— Ваше Величество, почему вы сегодня так грустны?

Государыня повернулась и посмотрела на меня:

— Почему я грустна, Лили? Я и сама не знаю, но музыка меня угнетает. Надрывает душу.

В тот же вечер Анна Вырубова по своей детской наивности заявила:

— Мы все словно бы не в своей тарелке. Давайте выпьем шампанского, сразу веселей станет!

Услышав предложение Анны, Государыня рассердилась.

— Нет, — проговорила она. — Государь не любит вино и терпеть не может женщин, которые пьют. Но дело вовсе не в том, что он любит, а что не любит, просто люди скажут, что он и сам пьяница.

Здоровье Государыни совсем расстроилось. Заботы усугубили ее сердечную болезнь, однако она продолжала выполнять свои обязанности, не обращая внимания на недуги. Во время официального приема после проводов гвардейцев на фронт Императрица мне призналась, что с трудом справляется с нервным напряжением.

— Я держусь лишь благодаря вероналу. Я буквально пропитаю им, — сообщила она.

После того как мой муж приехал на несколько дней на побывку, Государь послал за ним и внимательно выслушал его, задавая ему точные вопросы, чтобы выяснить ряд деталей. Сами мы его ни о чем не расспрашивали. Выяснилось, что муж целых два года участвовал в постановке минных полей, и Государь заметил, как плохо он выглядит.

— Дену нужен отдых, — проговорил Его Величество. — Я оставлю его при себе.

Но осуществить это намерение Государю так и не удалось. Муж вызвал к себе морской министр, и ему было предписано в течение двадцати четырех часов отбыть в Англию вместе с генералом Меллер-Закомельским, чтобы, по повелению Государя, вручить ордена ряду английских офицеров. Когда они прибыли в Англию, ни они сами, ни их английские хозяева еще не знали, что в России произошел переворот, поэтому в их честь был устроен великолепный официальный прием. Почти сразу после этого всем стало известно о том, что случилось в России, и вручить Царские награды стало невозможно. Любопытно, что случилось с этими орденами?

Перед тем как отправиться в Англию, муж попросил меня приехать к нему. Обещать это я ему не могла. Хотя я горячо любила его, я полагала, что мой долг остаться с Государыней.

— Нет, Карл, — сказала я мужу. — Пока я не могу обещать ничего. Но если дела наладятся, я к тебе приеду.

После того как муж отплыл, я чувствовала себя совершенно несчастной. Однако я готова была на любые жертвы ради Императорской Семьи. Слишком горячо я их всех любила.

На этот раз Государь намеревался остаться с семьей, но однажды утром, после аудиенции генералу Гурко, он неожиданно заявил:

— Завтра я уезжаю на Ставку.

Ее Величество удивленно спросила супруга:

— Неужели ты не можешь остаться с нами?

— Нет, — ответил государь. — Я должен ехать.

Почти сразу после отъезда Его Величества заболел корью Цесаревич. Каждый вечер мне приходилось оставаться с Государыней, которая, естественно, была очень встревожена болезнью сына. В эти дни мы с нею настолько сблизились, что я почти все время уделяла Императрице и редко виделась со своими друзьями и родственниками. Но моя тетушка, графиня Коцебу-Пилар, была хозяйкой светского салона, поэтому я знала обо всем, что там происходит. Однажды вечером перед обедом тетушка (которую всегда приводили в ярость сплетни, порочившие Государыню Императрицу) позвонила мне и попросила тотчас же приехать к ней. Я застала ее в чрезвычайно возбужденном состоянии.

— Рассказывают ужасные вещи, Лили, — воскликнула она. — Вот что я должна тебе сказать. Ты должна предупредить Ее Величество.

Затем более спокойным тоном она продолжала:

— Вчера я была у Коцебу. Среди гостей было множество офицеров, и они открыто заявляли, что Его Величество больше не вернется из Ставки. Что ты намерена предпринять? Ты постоянно общаешься с Ее Величеством — ты не можешь допустить, чтобы она оставалась в неведении в отношении подобных разговоров.

— Она им не поверит, — отвечала я.

— И тем не менее, — возразила тетушка, — твой долг — предупредить Государыню.

Вернувшись во дворец, я не находила себе места. Я не знала, как мне лучше всего поступить. Наконец, после внутренней борьбы, я решила передать Ее Величеству слова тетушки. Как я и ожидала, Государыня Императрица с недоверием отнеслась к подобному известию:

— Все это чепуха, Лили. Не могу этому поверить. Это злонамеренные сплетни, больше ничего. Однако, раз вы так взволно-

ваны, позовите Гротена (дворцового коменданта) и расскажите ему все.

Услышав мой рассказ, Гротен сердито закричал:

— Бросьте вы слушать бабьи сплетни. За версту видно, что это враки!

— Ну что же, генерал, — ответила я, досадую на себя за то, что из мухи раздула слона. — Если то, что я узнала от тетушки, окажется бабьими сплетнями, то слава Богу!

— Не сердитесь... Я непременно свяжусь со Ставкой Его Величества, — заверил меня Гротен.

ТРИ ДНЯ СПУСТЯ ПРОИЗОШЕЛ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРЕВОРОТ.

* * *

Раздавался похоронный звон, означавший конец России. Сначала глухо, но не умолкая. Началось с беспорядков в Петрограде. 21 февраля (по старому стилю) началась стачка, толпа требовала хлеба, поставки которого внезапно прекратились. Никто не мог понять, почему такое происходит, поскольку последние слова, которые произнес Протопопов, обращаясь к Ее Величеству, были следующие: «Муки много. Даю честное слово, муки хватит на месяц, а затем будут новые поставки». Перебои с хлебом явились в действительности делом рук Думы. Это была заранее обдуманная акция!

С каждым днем положение ухудшалось. На улицах происходили стычки, бесчинствовали пьяницы, убивали городских — точно так это происходит в Ирландии. Улицы тонули в сугробах. Петроград мертвой хваткой стиснули неслыханные морозы.

Протопопов, министр внутренних дел, всегда отличался излишним оптимизмом. Я лично никогда не любила его и не доверяла. Он не принадлежал к числу людей, способных справиться с кризисной обстановкой. Дума его ценила до тех пор, пока он не дал свое печально известное интервью в Стокгольме, когда он весьма откровенно обсуждал не подлежащие огласке факты, относящиеся к войне. После того как Император назначил его министром внутренних дел, все его возненавидели. Все осуждали Государя за то, что он воспользовался услугами человека, лишенного всяких достоинств¹. Протопопов обещал все, что угодно, не заду-

¹ С. С. Ольденбург в своей книге «Царствование Императора Николая II» придерживается иного мнения о А. Д. Протопопове. (Прим. переводчика.)

мываясь над тем, сможет или нет сдержать свое обещание. То же касается и его докладов: он не любил сообщать неприятные факты, поэтому отделялся любезностями. Он неизменно уверял Императорскую Семью, что ничего опасного не может произойти. «Положитесь на меня», — заявлял Протопопов, принимая соответствующую позу. А когда кто-нибудь робко замечал, что среди рабочих несомненно налицо тревожные настроения, то Протопопов снова важничал, как бы говоря: «Тут что-то говорили о тревожных настроениях, или же мне это послышалось?» Вслух же с надрывом в голосе, но дружелюбно произносил: «Как?! Неужели вас действительно беспокоят какие-то волнения? Мы скоро подавим эти беспорядки. Против *меня* рабочим не выстоять».

У кого-то из читателей может возникнуть вопрос, почему же Императорская Семья, в особенности Государыня Императрица, так полагалась на заявления Протопопова: ведь, зная все, что о ней пишут, она вряд ли вправе была питать какие-то иллюзии? Ответ простой: Государыня знала, что не пользуется популярностью, но ей никогда не приходило в голову, что недружелюбность эта выражается и простым людом, — она приписывала все скандалы и клеветнические измышления классовой ненависти, той жажде сенсаций, без которых определенная часть журналистских кругов не смогла бы существовать. Поскольку меня охватывали все более тревожные чувства, я осмелилась заметить Ее Величеству, что в нынешние времена «простой люд» перестал быть образцом преданности. В ответ Государыня напомнила мне тот вечер, когда мы совсем недавно заехали в небольшую чухонскую деревню неподалеку от Петергофа. Я прекрасно помнила тот случай. Наш автомобиль остановился около храма, и едва государыня вышла из машины, как ее тотчас же окружила толпа крестьян, которые опустились перед ней на колени и со слезами на глазах стали молиться о ее здравии и благополучии. Вслед за тем Ее Величеству поднесли хлеб-соль, и лишь с большим трудом нам удалось пробиться к ждавшему нас автомобилю. Встреча эта произошла за два года до революции.

— И как вы можете говорить мне, Лили, что эти люди желают мне зла!

— Ваше Величество, за последние два года произошло многое.

— Не произошло *ничего такого*, Лили, что могло бы затронуть истинное сердце России.

Я не считаю себя знатоком политики, и у меня никогда не было желания вмешиваться в политические вопросы, поэтому мне трудно судить о так называемом политическом влиянии Ее Величества. Мы почти не касались политических дел, но я со всей определенностью заявляю, что ни разу не слышала от Императрицы ни одного замечания, которое можно было истолковать как даже отдаленно прогерманское. Письма Ее Величества, написанные ею уже после ареста Царской Семьи, которые приводятся здесь впервые, являются гораздо более убедительными доказательствами в ее пользу, чем любые мои слова. Когда ее величество писала их мне, ни она сама, ни я не могли себе даже представить, что часть их сможет прочитать английская публика. Письма эти могли бы не дойти и до *меня*; они были тайно вынесены из Александровского дворца и пересланы мне из Тобольска при чрезвычайно сложных и опасных обстоятельствах. Но каждая строчка в них дышит искренностью: они были написаны в те дни, когда над Царской Семьей нависла тень смерти... Ни в одном из них нет и намека на истерию и интриганство. Письмо, в котором содержатся строки, имеющие отношение к флоту, возможно, поможет восстановить доброе имя Государыни больше, чем что-либо другое. Во всяком случае в том, что касается ее мнимых немецких симпатий. Слепая, но тем не менее всевидящая Судьба распорядилась так, что немцы признались, что именно они выставили мины, на которых подорвался и погиб «Гемпшир». Призванная к ответу, Германия не постеснялась бы свалить вину за гибель крейсера на Ее Величество, тем более что сама она уже не сможет защитить себя. Однако Германия не примкнула к хору клеветников, которые продолжают чернить имя Государыни Александры Федоровны. Хотя бы одно обвинение с нее снято.

Часть II РЕВОЛЮЦИЯ

ГЛАВА I

В субботу 25 февраля 1917 года Государыня повелела, чтобы в понедельник я приехала в Царское Село. Должна признаться, что, когда в десять часов утра зазвонил телефон, я все еще была в постели. То, что я замешкалась с ответом, видно, позабавило Императрицу, поскольку первыми ее словами были следующие:

— Видно, вы только что поднялись, Лили. Мне хотелось бы, чтобы вы приехали в Царское. Поезд отправляется в десять сорок пять. Утро чудное. Мы едем кататься на автомобиле, так что я встречу вас на вокзале. Вы сможете повидать девочек и Анну, а в четыре часа вернетесь в Петроград. Наверняка на этот поезд вы не успеете, но я все равно буду ждать вас на вокзале.

Я стала лихорадочно одеваться и, схватив перчатки, кольца и браслет, выбежала на улицу в надежде поймать извозчика. Я совсем забыла, что идет забастовка! Но тут увидела экипаж господина Саблина. Окликнув его, попросила подвезти меня к вокзалу. По дороге спросила:

— Какие новости, сударь?

— Ничего нового, — ответил мой собеседник, — но все в полном порядке. Хотя, должен признаться, нехватка хлеба мне кажется весьма подозрительной.

Когда выбежала на платформу, поезд на Царское уже тронулся. Я вскочила в вагон и оказалась в обществе госпожи Танеевой, матери Анны, ехавшей навестить свою дочь, которая, как и Великие Княжны Ольга и Татьяна Николаевны, заболела корью. Как и Саблин, госпожа Танеева свежих известий не имела; она была в основном озабочена болезнью Анны. Однако первыми словами Императрицы, которая, верная своему обещанию, ждала меня, были такие:

— Ну что происходит в Петрограде? Я слышала, что положение очень серьезное.

Мы заявили, что тревожиться, похоже, нечего, и Государыня предложила госпоже Танеевой сесть вместе с нами в автомобиль и отправиться во дворец.

Утро выдалось великолепное. Впоследствии я вспоминала тот погожий день: ярко-голубое небо и ослепительно белый снег. По парку кататься было нельзя: на дорожках лежали сугробы. На обратном пути мы встретили старшего лейтенанта Хвоштинского, одного из офицеров Гвардейского экипажа. Императрица выразила желание поговорить с ним, и автомобиль остановился. При упоминании об опасной обстановке моряк улыбнулся:

— Нет никакой опасности, Ваше Императорское Величество.

Успокоенные, мы с Государыней вернулись во дворец. Я сразу же отправилась к Великим Княжнам. Они действительно были очень больны и испытывали сильную боль в ушах. При виде меня обе обрадовались. Сев на стул между их походными кроватями, я стала беседовать с девочками. После ленча я снова поднялась наверх, вскоре к нам присоединилась и Императрица.

Знаком она пригласила меня в соседнюю комнату. Я заметила, что Государыня очень взволнована.

— Лили, — произнесла она, тяжело дыша. — Дела из рук вон плохи. Я только что видела полковника Гротена и генерала Ресина. Они сообщают, что Литовский полк взбунтовался, солдаты убили своих офицеров и оставили казармы. Их примеру последовал Волынский полк. Не могу этого понять. Никогда не поверю, что возможна революция. Ведь еще только вчера все заявляли, что ее не должно быть! Крестьяне любят нас... они обожают Алексея! Я уверена, что беспорядки происходят в одном лишь Петрограде. Но я хочу, чтобы вы сходили к Анне... Наверное, она тоже узнала о происходящем, а вы же знаете, как просто ее напугать!

Оказалось, что Анна больна и в бреду. Войдя в ее спальню, я была поражена контрастом с той прохладной, затемненной комнатой, которую недавно оставила. Ольга и Татиана были настолько терпеливы, что лежали тихо и были благодарны за любые знаки внимания к ним. Зрелище этой же комнаты напомнило мне картину «Утро короля» — сцену времен Людовика XIV. Анну окружала целая толпа сестер, тут же находились и три доктора. Рядом стояла госпожа Танеева, всем своим видом выражая глубочайшее горе. Сестра Анны, близкая к истерике, то и дело восклицала: «Все пропало». Они ждали к ленчу генерала Танеева, но он не приехал, и от него не было никаких известий. Что же делать? Неожиданно

среди этого смятения появился генерал Танеев. Тяжело дыша, с багровым лицом, он сказал:

— Петроград в руках толпы. Останавливают все автомобили... Мой мотор отобрали, пришлось идти пешком от самого Питера.

Услышав это, Алли Пистолькорс (она была замужем за пасынком Великого Князя Павла Александровича) разрыдалась и стала умолять меня узнать у Государыни, как ей теперь быть. Я пообещала тотчас же увидеться с Императрицей, и поскольку за мной приехали Великие Княжны Анастасия и Мария, вместе с ними вернулась в апартаменты Императорской Семьи.

Зимний день клонился к вечеру. Императрица находилась одна в своем будуаре. Никакого сообщения для госпожи Пистолькорс она мне не передала.

— Не знаю, что ей посоветовать, — грустно заметила она. Затем, повернувшись ко мне, спросила: — А что намерены делать вы, Лили? Тити в Петрограде... Не лучше ли вам вернуться к нему сегодня же вечером?

При виде Государыни, такой одинокой, такой беспомощной среди символов и великолепия светской власти, я едва сдерживала слезы. Сделав усилие, чтобы унять волнение, я произнесла умоляюще:

— Позвольте мне остаться с вами, Ваше Величество!

Ни слова не сказав, Государыня посмотрела на меня. Потом заключила в объятия и, крепко прижав к себе, принялась меня целовать со словами:

— Я не вправе просить вас об этом, Лили.

— Но я должна быть с вами, — отозвалась я. — Прошу вас, позвольте мне остаться. Я не могу уехать в Петроград и оставить вас одну.

Государыня сообщила мне, что пыталась связаться с Императором по телефону, но безуспешно.

— Однако я послала ему телеграмму, — добавила она, — умоляя его немедленно вернуться. В среду утром он будет здесь.

После этого разговора мы пошли навестить Великих Княжон. Государыня прилегла на кушетку в их комнате. Я села рядом, и мы стали говорить вполголоса, чтобы не разбудить спящих девочек. Императрица все еще не могла поверить полученным донесениям и выразила желание встретиться с Великим Князем Павлом Александровичем.

— Как я хотела бы, чтобы он приехал, — проговорила она. Затем попросила меня сходить к Анне и сообщить той, что чувствует себя нездоровой и не может приехать сама.

Спальня Анны была в таком же беспорядке. Алли, по словам госпожи Танеевой, покинула их дом, и я отправилась во дворец Великого Князя Павла Александровича. Не теряя времени понапрасну, я передала просьбу Императрицы и тотчас вернулась к ней. Время шло... Поступило сообщение о том, что в Петрограде бунт, что толпы мятежников бродят по городу. Государыня попросила меня позвонить Линевичу, флигель-адъютанту Императора, и узнать у него, что происходит. Линевиц командовал ротой конной артиллерии, расквартированной в Павловске, поэтому связаться с ним оказалось легко.

— Передайте ее Императорскому Величеству, — заявил он, — что я нахожусь здесь вместе со своей ротой и что все будет в порядке.

Вечер я провела вместе с Государыней в ее лиловом будуаре. Она сказала мне, что рада тому, что я рядом с нею.

— Я знаю, Великие Княжны хотят, чтобы вы находились где-нибудь поблизости от их комнат, поэтому я решила, что лучше всего вам устроиться на ночь в красной гостиной¹. Пойдемте со мной. Анастасия ждет нас, — продолжала Государыня.

Красная гостиная была уютной нарядной комнатой; стены были обтянуты алой тканью, кресла — алым и белым ситцем. На одной из кушеток была приготовлена постель. Великие Княжны с трогательным вниманием позаботились обо всем. На покрывале лежал ночной халатик Анастасии; Мария поставила лампу и икону на столик возле кровати. Рядом со святым образом стояла фотография моего Тити, извлеченная из альбома Великих Княжон и торопливой рукой помещенная в рамку. До чего же я всех их любила и как была счастлива находиться рядом с ними в минуту опасности!

Государыня оставила меня в обществе Анастасии, так как захотела повидать графа Бенкендорфа. С удобством расположившись на алом ковре, мы вместе с младшей Великой Княжной занимались разгадыванием головоломок, пока не вернулась Императрица.

¹ Помещения, предназначенные для гостей и свиты, располагались в третьем и четвертом крыльях Александровского дворца. Красная гостиная находилась в частных апартаментах царской семьи. (Прим. автора.)

Она была расстроена и взволнована и, после того как Анастасия легла спать, сообщила мне, что получены еще более тревожные сообщения.

— Не хочу, чтобы девочки что-то узнали до того, как станет невозможно утаивать от них правду, — сказала она, — но все вокруг перепились, на улицах стрельба. Какое счастье, Лили, что с нами самые преданные войска и Гвардейский экипаж. Все они наши друзья, и еще я всецело доверяю стрелкам, расквартированным во дворце.

Мне показалось, что мысль об этом успокоила Императрицу. Когда она пожелала мне спокойной ночи, лицо у нее повеселело.

Во вторник утром я проснулась рано. Я долго не могла сомкнуть глаз, лишь после рассвета погрузилась в тревожный сон. Я торопливо оделась, чтобы опередить Государыню, но она уже давно была на ногах и в половине девятого вошла в красную гостиную. Мы сразу отправились к Великим Княжнам и у них в комнате выпили *safe au lait*¹. Государыня сказала, что неоднократно посылала телеграммы Императору, но ответа так и не получила. Немного позднее она приняла графа Бенкендорфа и полковника Гротена, которые уведомили Императрицу о том, что обстановка стала более тревожной и что Гвардейскому экипажу следует находиться во дворце, так как, судя по донесениям, толпа, поддерживаемая Думой, движется к Царскому Селу.

Императрица тотчас же согласилась. Ее действительно обрадовала мысль, что Гвардейский экипаж расположится во дворце. Что же касается Великих Княжон, те пришли в неописуемый восторг.

— Мы словно опять на нашей яхте, — восклицали они.

Гвардейский экипаж, усиленный Сводно-пехотным полком и казаками из Собственного Е. И. В. конвоя, расположились снаружи дворца и в просторных подвальных помещениях. Часть дворца была превращена в перевязочный пункт. Работы у нас было хоть отбавляй, но Великие Княжны не обращали никакого внимания на опасность и не проявляли каких-либо признаков тревоги в отличие от нас с Государыней. Она по-прежнему ждала ответа на свои телеграммы. Но ответа не было.

Вторник оказался очень тревожным днем. Погода, под стать людям, словно взбесилась. Куда подевалось голубое небо, какое мы видели накануне! Из темных туч сыпала ледяная крупа, север-

¹ Кофе с молоком (фр.).

ный ветер наметал сугробы вокруг Александровского дворца, и без того утопавшего в снегу. Во второй половине дня, возвращаясь от Анны, в одном из коридоров я встретила баронессу Изу Буксгевден. Она очень торопилась и показалась мне весьма озабоченной.

— Я должна увидеть Государыню, — сказала она. — Я только что из города (Царского Села). Все ужасно. Говорят, что в рядах войск недовольство, они бунтуют.

Страх, охвативший Изу, был заразителен. Паника охватила обитателей дворца, но никто из слуг нас не покинул. Правда, сбегали служанки мадемуазель Шнейдер, но на следующий день они вернулись.

Государыня очень хотела встретиться с Великим Князем Павлом Александровичем, о чем он был извещен. Великий Князь был уверен, что, согласно этикету, Императрице следовало самой попросить его прийти к ней, и заявил, что не может приехать без личной просьбы Ее Величества. Поняв, в чем дело, встретившись снова с Ее Величеством, я высказала предположение, что Великий Князь ждет от Государыни приглашения прийти к ней. Самой Императрице в голову не пришло сделать это. Она поручила мне тотчас же телефонировать во дворец Великого Князя и передать ему просьбу Ее Величества прийти к ней после обеда.

Я невольно оказалась в сложном положении. Официальной должности при дворе я не занимала, но Ее Величество, по-видимому, желала, чтобы я взяла на себя ответственность, какой я отнюдь не жаждала, и выступала бы от ее имени.

Я позвонила во дворец Великого Князя и от имени Государыни попросила его владельца явиться в Александровский дворец. К телефону подошел его сын и довольно резко спросил, кто говорит.

— Лили Ден, — ответила я.

— *Ого!* — Это восклицание было красноречивее всяких слов.

Пополудни Ее Величество пригласила меня к себе в лиловый будуар.

— Лили, — сказала она. — Говорят, что враждебно настроенная толпа тысяч в триста движется ко дворцу. Мы не станем, мы не должны бояться. Все в руке Божией. Завтра определенно придет Его Величество. Я знаю: когда он вернется, все встанет на свои места.

Затем Государыня попросила меня позвонить в Петроград и связаться по телефону с моей тетушкой, графиней Пилар, и дру-

гими друзьями. Я обзвонила нескольких знакомых, но новости оказывались все более неутешительными. Наконец позвонила к себе домой. На мой звонок ответил флигель-адъютант Императора Саблин, живший в одном с нами доме. Я попросила его присмотреть за моим сыном и, если можно, приехать к нам в Царское Село, потому что Императорская Семья нуждается в защите. Но он сказал, что здание окружено враждебно настроенными матросами. Однако он смог привести Тити к телефону. Мое изболевшееся сердце сжалось, когда я услышала озабоченный голосок моего мальчика:

— Мамочка, когда ты вернешься?

— Очень скоро, голубчик.

— Ну, *пожалуйста*, приезжай, здесь так страшно.

Я разрывалась между материнской любовью и долгом, но я давно решила, в чем мой долг.

Я передала Государыне то, что сообщил мне Саблин. Она молча выслушала меня, но затем огромным усилием воли обрела прежние свои спокойствие и выдержку. Сила ее передалась и мне. А мужество было нам очень кстати. Бедные дети тяжело заболели. Они находились на грани, отделяющей жизнь от смерти... Анна металась в горячке, обитатели дворца были поражены ужасом, а за его стенами бродил страшный призрак революции.

Неожиданно у Государыни возникла мысль поговорить с солдатами. Я умоляла ее разрешить мне сопровождать ее на случай какой-нибудь предательской выходки. Но Ее Величество не позволила мне этого сделать.

— К чему это, Лили? — проговорила она укоризненно. — Все это наши друзья!

Вместе с Ее Величеством к защитникам дворца вышли Великие Княжны Мария и Анастасия. Я наблюдала за ними из окна. Совсем стемнело, и огромный двор был освещен прожекторами. Издалека доносился гул орудий. Стужа стояла нестерпимая. Оттуда, где я стояла, я видела Ее Величество, закутанную в меха. Она подходила к одному солдату за другим, совершенно не опасаясь за свою жизнь. Она была спокойна, величественна — поистине Царица, супруга Императора Всероссийского. Она вовсе не была той охваченной религиозной истерией, распутной маньячкой, какой ее изображают в дешевых романах! В этой драматической обстановке Государыню охраняли лишь ее доброта и благожелательность. Когда на прекрасное лицо Ее Величества упал свет,

я затрепетала. Я знала о ее слабом сердце, хрупком здоровье и испугалась за нее. Только бы она не упала в обморок!

Вернулась во дворец Государыня во взволнованном, приподнятом настроении. Она сияла, она верила в «народ», и веру в ней поддерживали воспоминания о тех узах, которые некогда связывали ее с ним и которые, увы! были этим народом преданы забвению.

— Они наши друзья, — твердила Ее Величество. — Они так нам преданы.

Увы, скоро ей предстоит узнать, что зачастую слова «иуда» и «друг» становятся синонимами.

Мимолетную ее радость тревожило одно лишь обстоятельство.

— Я не видела роту в подвальном этаже... Какая жалость, что я не спустилась вниз, но я чувствовала себя не вполне здоровой. Возможно, я исправлю свою оплошность завтра.

После обхода войск Ее Величество приняла у себя графа и графиню Бенкендорф, которые обратились с просьбой к Государыне, чтобы та позволила им остаться во дворце. Просьба их была охотно удовлетворена, и было отдано распоряжение приготовить апартаменты для престарелой четы.

Вечером прибыл Великий Князь Павел Александрович. Это был высокий, внушительного вида господин, пользовавшийся репутацией обворожительного и, к его чести, очень добросердечного человека. У них с Государыней состоялся продолжительный разговор. Их возбужденные голоса доносились до нас из комнаты. Ее Величество впоследствии мне рассказывала, что чуть ли не первым вопросом, который она ему задала, был следующий:

— Как обстоит дело с гвардейскими частями?

На это убитым голосом Великий Князь ответил:

— Я ничего не могу поделать. Почти все они на фронте.

Когда мы пошли пожелать покойной ночи Их Высочествам, я с огорчением узнала, что из их окон отчетливо слышится стрельба. Ольга и Татьяна Николаевны, похоже, не замечали ее, но, когда их мать ушла, Ольга спросила у меня, что означает этот шум.

— Дружочек, я не знаю. Пустяки. Из-за мороза все звуки усиливаются, — ответила я небрежно.

— Но вы *уверены*, что это так, Лили? — продолжала допытываться Великая Княжна. — Видно, что даже Мама нервничает, нас так тревожит ее больное сердце. Она слишком перетруждает себя. Непременно скажите ей, чтобы она отдохнула.

Ее Величество решила, что Мария Николаевна должна спать в ее опочивальне.

— Вы, Лили, будете спать у Анастасии, займете кровать Мари. Не снимайте корсет: неизвестно, что может произойти. Государь приезжает завтра утром от пяти до семи, и мы должны быть готовы встретить его. Придите ко мне пораньше, и я вам скажу, когда приходит поезд.

Ни Анастасия Николаевна, ни я не могли уснуть, и мы лежали в темноте, переговариваясь между собой вполголоса. Иногда я умолкала, но Анастасия никак не могла утомониться и то и дело спрашивала:

— Лили, вы спите?

Ночью мы поднялись с постелей и подошли к окнам. Во дворе была установлена огромная пушка.

— То-то удивится Папá! — прошептала Великая Княжна.

Мы стояли несколько минут, рассматривая непривычное зрелище. Стояла такая стужа, что часовые прыгали вокруг пушки, чтобы согреться. На фоне прожекторов ярко вырисовывались их фигуры. Казалось, будто они танцуют карманьолу. Издалека доносились пьяные голоса и одиночные выстрелы. Так прошла ночь.

В среду в пять утра мы спустились в опочивальню Ее Величества. Она бодрствовала, и когда мы открыли дверь, прошептала:

— Тс-с-с. Мари спит. Поезд опаздывает... Вероятнее всего, раньше десяти Государь не приедет.

Государыня была полностью одета. Заметив ее печальный вид, я не удержалась и спросила:

— Ваше Величество, отчего же поезд опаздывает?

Императрица слабо улыбнулась, но ничего не ответила. После того как мы с Анастасией вернулись к себе в спальню, Великая Княжна взволнованно проговорила:

— Лили, а ведь поезд *никогда* не опаздывал. Ах, поскорей бы приехал Папá. Мне что-то нездоровится. Что же мне делать, если я заболела? Тогда я не смогу ничем помочь Мама́... Ну, скажите же, Лили, что я не захвораю.

Попытавшись утешить Ее Высочество, я убедила ее лечь в постель и уснуть. Но у бедной девочки начиналась корь. Анастасия была славным ребенком: в матери она души не чаяла и с радостью бегала выполнять ее поручения. Недаром Государыня всегда говорила о младшей своей дочери: «Это мои ноги!»

Встретив меня в комнате Ольги незадолго до девяти, Ее Величество все еще рассчитывала, что поезд прибудет в десять.

— Возможно, он задержался из-за снежных заносов, — проронила она.

Государыня прилегла на кушетку, я села на пол около нее. Мы негромко переговаривались. Ее Величество заботила моя бессонница.

— Сядьте на кресло, Лили, а ноги положите на кушетку, — посоветовала она.

— Нет, нет, Ваше Величество, — возразила я. — Об этом и речи быть не может.

Однако, по ее настоянию, я все-таки положила ноги на край кушетки.

Пробило десять часов, но никакого поезда слышно не было. Наступило первое марта — месяц, роковой для дома Романовых, поистине можно было сказать: «Бойся мартовских ид!» Первого марта был задушен Император Павел I, а за тридцать лет до нынешнего дня бомбой был смертельно ранен дед Государя, Александр II. Марту 1917 года суждено было стать свидетелем падения династии.

Мы жили в постоянном и неослабном напряжении. Доктор Боткин и доктор Деревенко неустанно заботились о здоровье Великих Княжон, но болезнь отступала медленно. Особенно трудно было заставить смириться с постельным режимом бедняжку Анастасию. Она все время плакала, твердя: «Ну, пожалуйста, не держите меня в постели». К счастью, Цесаревич шел на поправку.

Все службы во дворце работали как обычно, но подача воды, приводившей в движение лифт, которым пользовалась Государыня, прекратилась, и в результате Ее Величество была теперь вынуждена подниматься наверх пешком. На первый взгляд, обстоятельство это кажется не стоящим внимания, но Императрица, и без того измученная и издерганная, еще больше страдала. И прежде не отличавшаяся крепким здоровьем, Государыня, которой хотелось непременно самой видеть детей, подчас близка была к тому, чтобы свалиться без чувств. Идя рядом, я поддерживала Государыню под руку.

Мы не могли понять, что же произошло с Его Величеством. Императрица полагала, что все дело в беспорядках на железных дорогах, которые оказались в руках бунтовщиков.

Унылый день 1 марта ознаменовался неприятным событием. Стоя с Ее Величеством у окна, выходящего на площадь перед

дворцом, мы заметили белые платки на рукавах у многих солдат. После расспросов выяснилось, что по договоренности с членом Думы, приехавшим в Царское Село, войска согласились руководствоваться указаниями Думы.

— Выходит, все теперь в руках у Думы, — с горечью проговорила Государыня, обращаясь ко мне. — Будем надеяться, что она зашевелится и каким-то образом исправит положение.

Ее Величество отошла от окна. Я увидела на ее лице обиду и разочарование. Увы, то была не самая последняя из утерянных ею иллюзий!

Граф Апраксин, гофмейстер Ее Величества, приехал во дворец во второй половине дня: добраться до Царского Села оказалось не легким делом. Новости, которые он привез, были неутешительными. В тот вечер мы засиделись допоздна. К обеду почти не притронулись: мы все были настолько озабочены и встревожены, что было не до еды. Дети опасно больны, где Государь — неизвестно, а у ворот — революция. Когда же я в конце концов пожелала Государыне покойной ночи, она не велела мне раздеваться.

— Сама я раздеваться не стану, — проговорила она, и по ее ровному голосу я поняла, что императрица ожидает самого худшего!

ГЛАВА II

Утром 2 (15) марта Государыня вошла в спальню Великих Княжон. На ней, что называется, лица не было. Я бросилась к ней, чтобы узнать, что случилось, и Ее Величество взволнованно прошептала:

— Лили, войска покинули нас!

Не найдясь что ответить, я словно оцепенела. Наконец я с трудом выговорила:

— Но почему они так поступили, Ваше Величество? Скажите, ради Бога, почему?

— Так приказал их командир, Великий Князь Кирилл Владимирович. — Затем, не в силах сдержать своих чувств, с мукой в голосе, произнесла: — Мои моряки — мои *собственные* моряки. Поверить не могу.

Но случилось именно так. Гвардейский экипаж оставил дворец двумя группами — в час и в пять утра. «Верных друзей», «преданных подданных» с нами больше не было. Утром в лиловой гости-

ной офицеры Гвардейского экипажа были приняты Ее Величеством. Я присутствовала при этой встрече и узнала от одного из друзей моего мужа, что обязанность увезти Гвардейский экипаж в Петроград была возложена на «без году неделя их благородие» лейтенанта Кузьмина. Офицеры были взбешены, в особенности старший из них, Мясоедов-Иванов, рослый, плотно сбитый моряк с добрыми глазами, в которых стояли слезы... Все как один они стали умолять Ее Величество позволить им остаться с нею. Переполненная чувствами, она благодарила офицеров, говоря им:

— Да, да. Прошу вас остаться. Для меня это был ужасный удар. Что-то скажет Его Величество, когда узнает о случившемся!

Она вызвала к себе генерала Ресина, командира Сводно-пехотного полка, и повелела ему включить в состав своего полка оставшихся верными присяге офицеров.

Генерал Ресин впоследствии признался мне, что испытал облегчение, когда трусоватые моряки из Гвардейского экипажа покинули дворец, поскольку одному из подразделений было приказано занять позицию на одной из колоколен, откуда хорошо просматривались окрестности, и если к определенному времени войска не присягнут Думе, то отдать команду расчетам двух огромных орудий открыть огонь по дворцу!

От Государя по-прежнему не было никаких известий, хотя Ее Величество посылала ему одну телеграмму за другой. По слухам, Императорский поезд возвращался на Царскую Ставку, и в то время многие были уверены, что если Государю удастся добратся до нее, то войска встанут на его сторону. Чтобы получить какие-то известия, мы принялись обзванивать лазареты, и Государыня приняла много разных лиц. Всем им она казалась все такой же спокойной, полной достоинства. Когда я выразила свое восхищение ее мужеством, Ее Величество ответила:

— Лили, мне *нельзя* сдаваться. Я твержу себе: *«Нельзя сдаваться»*, — и это мне помогает.

Под вечер из Петрограда приехала с самыми дурными новостями Рита Хитрово (одна из молодых фрейлин и подруга Их Высочеств). После беседы с Ритой Государыня вызвала к себе двух офицеров Сводно-пехотного полка, которые вызвались доставить Государю письмо от Ее Величества. Было условлено, что наутро они уедут из Царского Села. Государыня не переставала надеяться. Прошла ночь, но от Императора по-прежнему не было никаких известий.

3 марта, когда мы с Великой Княжной Марией Николаевной пили *сacé au lait*, к нам подседа Ее Величество. День был ужасный. Здоровье Их Высочеств ухудшилось: началось воспаление среднего уха, казалось, им уже не поправиться. Государыня пыталась заснуть, устроившись на кушетке. Она испытывала мучительную боль в ногах, а состояние ее сердца подчас вызывало тревогу. Трапезы проходили в полном молчании, кусок в горло лез с трудом. В отчаянии я предложила отправить к Императору аэроплан. Может быть, таким образом удастся установить, где он и что с ним? Ее Величество поддержала мое предложение и, вызвав генерала Ресина, попросила его тотчас же выслать на Ставку самолет. Он согласился, но погода была неблагоприятной. Казалось, и природа против нас. Поднялась метель, небо потемнело, из туч валил снег, в печных трубах дворца завывал ветер.

Около семи вечера во дворец прибыл Великий Князь Павел Александрович. Государыня была занята тем, что писала письма, чтобы передать их через офицеров Государю Императору, но Великого Князя приняла не мешкая.

Их беседа состоялась в красной гостиной. Мы с Марией Николаевной находились в соседнем кабинете, и время от времени до нас доносился громкий голос Великого Князя и возбужденные ответы Ее Величества. Мария Николаевна начала волноваться.

— Почему он кричит на Мамá? — спросила она. — Может быть, мне следует выяснить, в чем дело, Лили?

— Нет, нет, — возразила я. — Лучше останемся здесь и будем сидеть тихо.

— Тогда *вы* оставайтесь, а я пойду к себе, — ответила Великая Княжна. — Не могу слышать, как Мамá волнуется.

Едва Мария Николаевна ушла из кабинета, как дверь открылась. Появилась государыня. Лицо искажено страданием, в глазах слезы. Она не шла, а скорее, спотыкалась. Я бросилась к ней, чтобы поддержать государыню и проводить к письменному столу, расположенному в простенке между окнами. Она навалилась на стол и, взяв меня за руки, с мукóй в голосе сказала:

— *Abdiqué!*¹

Я не могла поверить своим ушам и стала ждать, что скажет Государыня еще. Она говорила так, что трудно было разобрать ее слова. Наконец она произнесла — и тоже по-французски:

¹ Отрекся! (*фр.*)

— Le pauvre... tout seul là bas... et passé... oh mon Dieu, par quoi il a passé! Et je ne puis pas être près de lui pour le consoler¹.

— Madame, très chère Madame, il faut avoir du courage².

Не обращая на меня внимания, Государыня повторяла:

— Mon Dieu, que c'est pénible... Tout seul là bas!³

Я обняла Ее Величество за плечи, и мы стали медленно прохаживаться взад и вперед по длинной комнате. Наконец, опасаясь за рассудок Государыни, я воскликнула:

— Mais Madame, — au nom de Dieu — it vit!⁴

— Да, Лили, — ответила она, окрыленная надеждой. — Да, Государь жив.

— Умоляю вас, Ваше Величество, не падайте духом, не сдавайтесь, подумайте о ваших детях и о Государе!

Императрица посмотрела на меня с каким-то чуть ли не страдальческим выражением лица:

— Но вы, Лили, что скажете вы?

— Ваше Величество, я люблю вас больше всего на свете.

— Я это знаю, я вижу, Лили.

— Послушайте меня, Ваше Величество, *напишите* ему. Представьте себе, как Государь обрадуется вашему письму.

Я подвела Государыню к письменному столу, и она опустилась в кресло.

— Пишите, дорогая моя, пишите, — твердила я.

Кротко, как дитя, она повиновалась мне, приговаривая при этом:

— Правда, Лили... как он будет рад.

Поняв, что могу оставить ее одну на несколько минут, я отправилась на поиски лейб-медика. Доктор Боткин дал мне успокоительного для Государыни. Но она не пожелала принять лекарство, и лишь после того, как я проговорила: «Ради *него*, Ваше Величество!» — Государыня выпила микстуру.

Мое внимание привлекли громкие всхлипывания. В углу кабинета на корточках сидела Великая Княжна Мария Николаевна. У нее было такое же бледное, как и у ее матери, лицо. Она все *слышала*! В эту минуту вошел Волков, этот верный слуга, и дро-

¹ Бедный... совсем там один... Боже! А сколько он пережил! И меня нет рядом, чтобы его утешить. Боже, как мучительно знать, что он совсем один! (фр.)

² Ваше Величество, мужайтесь! (фр.)

³ Боже мой, как это мучительно... Совсем один! (фр.)

⁴ Ваше Величество, — во имя Господа — но ведь он жив! (фр.)

жащим голосом объявил, что обед подан. Государыня встала, пытаясь взять себя в руки... Я последовала за ней. Она обернулась.

— А где Мари? — спросила Государыня.

Я вернулась в красную гостиную. Мария Николаевна по-прежнему сидела, скорчившись, в углу. Она была так юна, так беспомощна и обижена, что мне захотелось утешить ее, как утешают малое дитя. Я опустилась рядом с ней на колени, и она склонила голову мне на плечо. Я поцеловала ее заплаканное лицо.

— Душка моя, — проговорила я. — Не надо плакать. Своим горем вы убьете Мамá. Подумайте о ней.

Услышав слова «Подумайте о ней», Великая Княжна вспомнила о своем долге перед родителями. Все и всегда должно отвечать их интересам.

— Ах, я совсем забыла, Лили. Конечно же, я должна подумать о Мамá, — ответила Мария Николаевна.

Мало-помалу рыдания утихли, к Ее Высочеству вернулось самообладание, и она вместе со мной отправилась к родительнице.

В тот вечер мы с Ее Величеством засиделись допозднá: перед этим она, как всегда, навестила Великих Княжон, стараясь при этом казаться внешне спокойной. Но, оставшись со мной наедине, она дала волю своим чувствам. Государыня сообщила мне, что Его Величество отрекся в пользу Цесаревича.

— Теперь моего мальчика отберут у меня, — убивалась она. — Говорят, что будет назначен регент. Что же мне делать?

Ее Величество вздрагивала от каждого шага, дрожала от одного только звука голоса... Ее неотступно преследовала одна мысль: в любой момент могут прийти чужие люди и отобрать у нее сына!

— Ваше Величество, ничего не будет предпринято до тех пор, пока не вернется Государь.

— Ну конечно же, они не посмеют. А он скоро к нам придет, — сказала Императрица.

Затем, верная своей самоотверженной натуре, Государыня решила повидать графа Бенкендорфа.

— Я должна успокоить его, вселить в него мужество. Могу себе представить, каково ему приходится.

Беседа получилась волнующая... Не знаю, что именно произошло, но когда она вернулась, она плакала. «*Le pauvre vieux!*»¹ — повторяла она как бы про себя.

¹ Бедный старик! (фр.)

В присутствии Ее Величества я не подавала и виду, насколько я полна самых тяжелых предчувствий, насколько близка к отчаянию. Я не разделяла ее оптимизма... Положение, в котором мы находились, было чревато непредсказуемыми последствиями, а ухудшающееся состояние здоровья Великих Княжон лишь усугубляло его. Единственное, на что мы надеялись, — это на возвращение Государя. Во всяком случае его присутствие даст нам какую-то моральную защиту! В ту ночь Мария Николаевна и я спали в красной гостиной. Несколько часов мы лежали с открытыми глазами, обсуждая создавшуюся обстановку. Но нас утешало одно — Государь жив!

Во время обычного обхода больных дочерей Государыня сообщила нам, что первым ее желанием было встретиться со всеми, кто находится во дворце, и по возможности успокоить их. Графиня Гендрикова, преданная Государыне фрейлина, которая была в отъезде, чтобы навестить больную родственницу, узнав об отречении Государя, тотчас же вернулась в Царское. Встреча ее с Императрицей была чрезвычайно трогательной. Сначала ни одна из них не произнесла ни слова, но затем графиня, обычно очень сдержанная дама, горько зарыдала.

Утро было печальным. Около полудня Ее Величество послала за мной.

— Лили, — проговорила она. — Дума времени не теряет. Господин Родзянко¹ уведомил меня, что мы должны готовиться к отъезду. Он заявил, что нам следует встретиться с Императором где-то по пути. Но мы не можем никуда ехать: куда с больными детьми? Я разговаривала с врачами, и они говорят, что это роковым образом скажется на их здоровье! Я сказала об этом Родзянко. Позднее он приедет и сообщит мне решение Думы.

Родзянко и его коллеги прибыли в назначенный срок. Их тотчас же отвели к Государыне.

— Решение Думы остается неизменным, — сухо произнес Родзянко.

— Но мои дети... мои дочери... — растерянно проговорила Императрица.

— Когда дом горит, самое лучшее — покинуть его, — проговорил Родзянко с сардонической улыбкой.

¹ М. Родзянко, председатель IV Думы, аристократ, ставший революционером. Всегда был враждебно настроен к Императорской Семье. (Прим. автора.)

Делать было нечего. Мы оказались во власти узурпаторов и тотчас стали готовиться к отъезду. Государыня спросила меня, не хочу ли я сопровождать ее семью. Я стала умолять разрешить мне проехать вместе с нею.

— Я не в силах расстаться с вами, Ваше Величество, — сказала я.

Мы попытались связаться по телефону с некоторыми из наших друзей, но все было напрасно. Наконец испуганным голосом телефонная барышня прошептала:

— Я не могу вас соединить. Телефон не в наших руках. Умоляю, не говорите ничего. Я сама позвоню вам, когда это будет безопасно.

Во второй половине дня лакей сообщил, что какой-то офицер одного из туземных полков просит Ее Величество принять его. Поскольку Государыне нездоровилось, она поручила мне встретиться с этим офицером, и я направилась в четвертому подъезду дворца, где ждал приема офицер. Проходя по длинным коридорам, я услышала чьи-то грубые голоса. У дверей одного из салонов я застыла в ужасе: солдаты Сводно-пехотного полка меняли караул. Но смена караула уже не была той торжественной церемонией, какой она была еще совсем недавно! Когда в салон вошла новая группа солдат, они буквально кинулись в объятия своих товарищей, восклицая при этом: «Поздравляем новоиспеченных граждан свободной страны».

Обойдя стороной «новоиспеченных граждан», я встретила корнета Маркова, которому объяснила причину, по которой я пришла вместо Государыни. Бедный мальчик был ранен, он едва стоял на ногах, но дух его был нестигаем.

— Мадам, — проговорил он, — я пробивался сквозь толпы черни ради того, чтобы увидеть Государыню Императрицу и заверить ее в своей преданности. Эти убийцы хотели сорвать с меня погоны с ЕЕ инициалами. Я им заявил, что их вручила мне Ее Величество Императрица, и только она, и никто другой, вправе лишить их меня. Наконец-то я добрался сюда... Умоляю вас, попросите Ее Императорское Величество разрешить мне остаться где-нибудь рядом с нею. Я готов даже мыть посуду. Буду выполнять любую работу, только позвольте мне остаться!

Я пообещала Маркову передать его слова Государыне. Возвращаясь, я слышала смех и пение солдатни. Расстроенная и возмущенная их отвратительным поведением, я сообщила о нем Ее Величеству.

— Les malheureux, — ответила она, — ce n'est pas leur faute, c'est la faute à ceux qui les trompent¹.

Она пошла навстречу просьбе бедного Маркова и поручила мне встретиться с генералом Ресиным, чтобы тот включил молодого офицера в свою часть.

Как мне представляется, большинство людей, оказавшихся в положении Императрицы, которой нужно было спешно уезжать, стали бы упаковывать свои драгоценности. Но драгоценности всегда были для Государыни второстепенной деталью. Главные ее сокровища относились к области чувств и воспоминаний. Наблюдая за тем, как она собирает любимые книги и фотографии, я подумала, что и в эту минуту, как и всегда, Государыня прежде всего оставалась женщиной, а уже потом Императрицей. И мысль о том, что ей придется оставить этот дом, с которым у нее связано столько счастливых минут, должно быть, была для нее мучительна. Она превратила Дворец в уютное жилище, здесь у нее на глазах росли ее прекрасные дочери и обожаемый сын. И здесь ей придется испытать горькую чашу унижений и страданий.

Разбирая свои сокровища, государыня увидела одну фотографию и, очевидно по ассоциации, вспомнила о Петрограде. Она попросила меня позвонить князю Ратиеву, коменданту Зимнего дворца, и заверить его, что она мысленно со всеми ими. К счастью, мне удалось выполнить просьбу Императрицы. Князь сам снял трубку.

— От всей души благодарю ее Императорское Величество. Мы пока живы, но толпы окружают дворец, — доложил комендант.

После обеда мы отправились к Их Высочествам, а затем — в лиловый будуар. От Государя по-прежнему не было никаких вестей. Ходило множество слухов. Упорно утверждали, что он вернулся на Ставку.

Воскресенье 5 марта не принесло нам новых надежд. Государыня распорядилась, чтобы был совершен молебен, и в комнаты, где лежали больные дети, принесли чудотворную икону из Знаменки². Крестный ход, в голове которого несли чудотворную икону, прошествовал по всему дворцу. К нему присоединилась и Государыня. Рассматривая чудный образ Божией Матери с младенцем Христом, я заметила то же самое выражение глаз у Бого-

¹ Несчастные, но это не их вина, а вина тех, кто их обманывает (фр.).

² Знаменка, или церковь Знамения Божией Матери, находится рядом с Лицеем. В настоящее время в ней происходят богослужения. (Прим. переводчика.)

матери, какое неоднократно видела в глазах государыни — Веры, Надежды и Трагедии!

Странное зрелище представляла собой эта торжественная многолюдная процессия в некогда великолепном, почти опустевшем дворце. Благовонный дым ладана поднимался к Небесам, золотом и лазурью сверкнули ризы Божией Матери, когда икону проносили мимо окна. Над буйством мятежа возвышался символ Креста. Мне показалось, что то был последний призыв к Богу, который, как нам говорят, — Бог Любви и Милосердия.

Государыне захотелось, чтобы чудотворную икону внесли в комнату Анны, поэтому процессия повернула в ту сторону, где лежала больная Анна Александровна. Там, как обычно, царили суета и многолюдье, которые казались неотъемлемым элементом болезни Анны. Все свободное место было занято докторами, сиделками и сестрами, поэтому, пока Государыня молилась у постели больной, я стояла возле двери. Один из врачей из лазарета Анны Вырубовой стоял неподалеку. Узнав меня, он прошептал:

— Знаете, госпожа Ден, пожалуй, пойду-ка я восвою. Слишком уж тут жарко для меня становится.

Однако, если он рассчитывал, что я ему отвечу, то он ошибся. Я только вытаращила на него глаза и ничего не сказала.

Государыня по-прежнему молилась, опустившись на колени возле постели Анны. Та пришла в экзальтированно-истерическое состояние под воздействием ладана и множества молитв и принялась плакать и целовать сложенные в молитве руки Императрицы. Английскому читателю трудно себе представить подобную сцену, но такого рода молебны с участием большого числа духовенства в случае чьей-то болезни были у нас обыденным явлением.

Позднее я зашла навестить Анну. Войдя к ней в спальню, я с удивлением заметила старшую сестру-хозяйку из ее лазарета. Держа в руке свечу, та молилась. Едва увидев меня, она поспешно закончила молитву. Мы давно недолюбливали друг друга, поэтому наш разговор был недолог и по существу.

— Как, вы все еще здесь? — воскликнула она многозначительно.

— Да, я по-прежнему здесь, — не менее выразительно ответила я.

Анна ничего не сказала. Она, как никогда, походила на беспомощного ребенка, и ей было явно не по себе. У меня остался неприятный осадок на душе после этого посещения больной. После того как я рассказала Императрице о встрече с «сестрой», она написала записку доктору, с тем чтобы он вызвал к себе сестру-хо-

зайку, поскольку во дворце в ее услугах не нуждаются. Вскоре она уволилась и, подобно многим «сестрам» такого рода, отбыла из Царского в неизвестном направлении.

К понедельнику 6 (19) марта все было подготовлено к нашему отъезду. Осталось выполнить одно, на мой взгляд, чрезвычайно важное дело. Во время одной из бессонных ночей я вдруг вспомнила, что Ее Величество всегда вела дневник и, кроме того, у нее хранились дневники ее подруги, княжны Орбелиани, заведенные ей княжной.

Они содержали весьма подробные характеристики различных лиц, а также событий, связанных с жизнью двора. Я также вспомнила сентиментальную привычку Государыни хранить письма, относящиеся к каким-то дорогим для нее моментам жизни, и пришла в ужас, подумав о том, что письма или дневники могут попасть в руки революционеров. Я знала, что «сыновья свободы» готовы предположить наихудшее, если им попадется что-то необычное в письмах. Даже привычка Государыни давать людям ласкательные прозвища может быть истолкована как извращенность или измена.

Мне трудно было посоветовать уничтожить это личное достоинство, но моя преданность Государыне преодолела неловкость и смущение. К моему изумлению, Государыня тотчас же согласилась с моим предложением.

Можно утверждать, что я совершила акт наихудшей формы вандализма, убедив Ее Величество уничтожить свои дневники и корреспонденцию. С точки зрения историка и художника, возможно, так оно и было, но как друг я была права. Мы уже убедились, насколько превратно может быть истолкована одна-единственная фраза в письме. Представляю, что бы произошло, попади дневники Императрицы в руки бдительных, с «чистым сердцем» революционных овчарок.

Первыми полетели в огонь дневники княжны Орбелиани. Они представляли собой девять томов в кожаных переплетах, и нам стоило немалого труда сжечь их. Это «аутодафе» воспоминаний происходило в красной гостиной, но мы даже не пытались сжечь дневники и корреспонденцию в один день. Занятие было не из веселых, поэтому решено было растянуть его на неделю, тем более что Их Высочества были тяжело больны и нам следовало находиться с ними постоянно. У Ольги Николаевны началось осложнение, что же касается Анастасии Николаевны, то никаких признаков того, что она поправляется, заметно не было.

После ленча мы с Государыней сидели в лиловом будуаре. Неожиданно мы вздрогнули: вошел Волков. Он был очень взволнован, лицо бледное, руки трясутся. Не дождавшись, когда к нему обратится Императрица, совершенно забыв о правилах этикета, он воскликнул: «Император на проводе!»

Государыня посмотрела на Волкова как на сумасшедшего. Наконец до нее дошло значение услышанных ею слов. Проворно, словно шестнадцатилетняя девочка, она вскочила с кресла и убежала из комнаты.

Я нетерпеливо ждала ее возвращения. И беспрерывно молилась, чтобы Государыне досталась хотя бы частица счастья... Может быть, опасность миновала.

Когда Ее Величество вернулась, она походила на апрельский день: залитое слезами лицо ее улыбалось!

— Лили! — воскликнула она. — Представьте себе, каковы были его слова... Он сказал: «Я думал, что смогу приехать к вам, но меня не пускают. Однако очень скоро я буду рядом со всеми вами».

Государь добавил, что из Киева к нему едет Вдовствующая Императрица, чтобы побыть с ним, и что телеграммы Ее Величества он получил *после* отречения.

— Бедный мой! — проронила Государыня. — Сколько он перестрадал! Как он будет рад встрече с Мамой!

Итак, день, начавшийся так печально, окончился счастливо... Мы тотчас же отправились к Их Высочествам, чтобы сообщить им радостное известие. Цесаревич, которому стало гораздо лучше, страшно волновался при мысли о скорой встрече с отцом. С ним был месье Жильяр, обаятельный швейцарец, который обучал детей французскому, но мистер Гиббс, его учитель английского языка, находился в Петрограде. Я всегда буду помнить мистера Гиббса и его доброе отношение ко мне. Однажды, отправившись в Петроград, он не считал для себя затруднительным справиться относительно Тити и раздобыть для меня одежду. Вопреки множеству трудностей, с которыми ему пришлось столкнуться, он вернулся с утешительными известиями о моем сыне и с новой формой сестры милосердия и набором белья для моих нужд¹.

¹ В этот период Государыня и я носили платья сестер милосердия. Кто-то писал, что Государыня носила обыкновенное платье. Дело обстояло совсем иначе. (Прим. автора.)

ГЛАВА III

Как всегда навестив детей, 7 (20) марта мы с Государыней отправились в красную гостиную, где в камине горел жаркий огонь, и возобновили свой труд.

На столе стоял большой дубовый сундук. В нем хранились все письма, написанные Государем Императрице во время их помолвки и супружеской жизни. Я не смела смотреть, как она разглядывает письма, которые так много значили для нее. Мне кажется, что некоторые она перечитывала. Я слышала сдавленные рыдания и стоны, какие вырываются из груди, когда болит душа. Многие из писем были получены ею еще до того, как она стала женой и матерью. Это были любовные письма от мужчины, который любил ее беззаветно и преданно и по-прежнему любит той любовью, которой он пылал в юности; ушедшей навсегда. Разве мог хоть один из них представить себе, что письма эти будут орошены горячими слезами?

Государыня поднялась с кресла и, плача, одно за другим бросала письма в огонь. Какое-то мгновение бумага алела, словно пытаясь оставить свой пламенный след в душе; затем блекла и превращалась в кучку белого пепла... Увы тебе, Юность! Увы тебе, Любовь!

После того как Государыня предала огню письма, она протянула мне свои дневники, чтобы я сожгла их. Некоторые из дневников представляли собой нарядные томики, переплетенные в белый атлас, другие были в кожаных переплетах. Государыня отважно улыбнулась мне, когда я взяла их. Меня охватило невыразимое омерзение при мысли о тех бедах и несправедливостях, которые причинила ей та страна, в которой я родилась.

— Терпеть не могу Россию! — вырвалось у меня. — Ненавижу ее.

— Не смейте говорить этого, Лили, — проговорила Государыня. — Вы причиняете мне боль... Если вы меня любите, не говорите никогда, что вы ненавидите Россию. Не надо осуждать людей. Они не ведают, что творят.

Из одного из дневников выпала цветная открытка с видом южной России. Я подняла ее. На ней были изображены молодые девушки, стоящие на лугу, усеянном цветами... Мне вспомнилась Ревовка.

— Родные края, — тихо прошептала я.

Однако Государыня услышала мои слова.

— Что вы сказали? Повторите, Лили. Вы сказали: «Родные края». Теперь вы никогда не должны говорить, что ненавидите Россию.

Я горжусь тем, что в то трудное время Государыня Императрица смогла положиться на меня. Для нее я всегда были «Лили» или «Моя храбрая девочка». Для нее я была другом, не оставившим друга в беде. То обстоятельство, что я не занимала никакой официальной должности, не имело для нее никакого значения. Я постоянно писала письма, относила записки, встречалась с людьми по ее поручению и от ее имени. Я беспрекословно повиновалась ей, и ее нежность и воля придавали мне силы, чтобы надеяться и терпеть.

«Аутодафе» продолжалось до среды и четверга. Но в четверг в красную гостиную пришла одна из камеристок Ее Величества и попросила ее прекратить наше занятие.

— Ваше Императорское Величество! — сказала она. — Дворники подбирают обгоревшие клочки бумаги, которые выбросило тягой из трубы. Умоляю вас, перестаньте.... Эти люди о чем-то переговариваются между собой... Они абсолютно ненадежны.

Но мы свое дело сделали: не позволили революционерам удовлетворить их любопытство!

В семь часов Государыня попросила меня еще раз связаться по телефону с Зимним дворцом. Как и накануне, трубку снял князь Ратиев.

— Как ваши дела? — поинтересовалась я.

— Толпа и сейчас у ворот дворца, — ответил он совершенно бесстрастно. — Прошу вас, мадам, передать Ее Императорскому Величеству мои заверения в верности и преданности.... Пожалуй, другой такой возможности мне не представится... Ах! Я так и думал. Не хочу показаться вам неучтивым, мадам, но, полагаю, сейчас меня убьют... Толпа ломает двери этого помещения!

Он умолк — раздался страшный треск... Я не выдержала, и телефонная трубка выскользнула из моих помертвевших рук.

Мы допоздна засиделись в лиловом будуаре и уже собирались лечь в постель, как, смущенный и расстроенный, вошел Волков. Мы с Государыней с трудом поняли, что прибыл господин Гучков, который настоятельно просит Ее Величество принять его. Было уже одиннадцать часов.

— В такой час? Но это же невозможно! — заметила Императрица.

— Ваше Императорское Величество, он *настаивает*, — запинаясь, выговорил камердинер.

Государыня повернулась ко мне. В глазах ее застыл ужас.

— Он приехал, чтобы арестовать меня, Лили! — воскликнула она. — Телефонуйте Великому Князю Павлу Александровичу и попросите его тотчас же приехать.

Справившись с волнением, она снова надела шапочку сестры милосердия и стала молча ждать прибытия Великого Князя. Ни Мария, ни я не смели произнести ни слова. Наконец после мучительного ожидания, которое показалось нам нестерпимо долгим, вошел Великий Князь, и Государыня в нескольких словах рассказала о появлении зловещего гостя. В следующее мгновение из коридора донеслись громкие голоса, громко хлопнула дверь, возвестив о появлении в соседней комнате господина Гучкова.

Гучков, после переворота ставший военным министром, был заклятым врагом Государя, которому он не мог простить то, что Император не захотел признать его некоронованным королем Москвы. Он из чувства мести принудил Государя отречься. Злобное любопытство влекло его во дворец, чтобы насладиться страданиями незащитной женщины! Это был отвратительный тип в больших очках с желтыми стеклами, скрывавшими его бегущие глазки.

— Мы с Марией крепко прижились к Государыне, убежденные, что теперь все кончено. Нежно поцеловав нас обеих, она вышла из будуара в сопровождении Великого Князя Павла Александровича. При виде Государыни мне вспомнилась Мария Антуанетта — эта трагическая фигура, как и Императрица испившая чашу страданий. Верный камердинер Волков, согласно традициям Императорского двора, уведомил нас о том, что Гучков приехал во дворец в обществе двух адъютантов. Один из них обратился к старику со словами:

— Ха-ха! Вот и мы. Что, не ждали нас? Теперь *мы* хозяева дворца!

Мы с Марией Николаевной опустились рядом на диван. Бедная девочка тряслась от страха. Но боялась она не за себя. Как и остальные дети, Мария думала лишь о своей возлюбленной матери.

В трагические эти дни, когда счастье отвернулось от них, никто из членов Императорской Семьи не выказывал сожаления по поводу утраченного ими положения и престижа. Единственное,

что их тревожило, — это страх расстаться друг с другом. Пожалуй, к ним можно было бы отнести слова, которые кто-то нацарапал на стене одной из старинных итальянских тюрем: «Лучше смерть, чем жизнь без тебя». И если сообщение об их гибели правда, то судьба оказалась к ним милосердной: они не узнали боли разлуки.

Наконец в коридоре послышались шаги, и, к несказанной нашей радости, мы увидели Государыню!

Плача и смеясь, Мария Николаевна бросилась к матери, и Государыня поспешила нас успокоить.

— На этот раз меня не арестуют, — произнесла она. — Но если бы вы знали, какое это было унижение — встретиться с этим человеком. Гучков был невыносим — я не смогла протянуть ему руки. Он заявил, что хотел лишь узнать, как я переношу испытания, и убедиться, напугана я или же нет.

Бледные щеки Императрицы покрылись розовыми пятнами, глаза сверкали. В эту минуту гнева на Государыню было страшно смотреть. Но вскоре к ней вернулись ее обычное спокойствие и достоинство, и мы пожелали ей спокойной ночи, благодарные Провидению за то, что оно пощадило ее ради нас.

Среда 8 (21) марта был днем, знаменательным в истории «свободной России», поскольку именно тогда состоялся арест женщины и пятерых ее больных детей вместе с их приверженцами, которым было известно, что значит Дружба и Долг.

Утром явился граф Бенкендорф, который уведомил нас о том, что 9 марта в Царское Село приезжает Император и что революционное начальство решило к полудню объявить об аресте всех, кто находится во дворце. Граф обратился к Государыне с просьбой представить ему список лиц из числа ее свиты, которые желают остаться, и Императрица тотчас же обратилась ко мне:

— Лили... Вы понимаете, что означает этот приказ? После того как он войдет в силу, никто не сможет покинуть дворец, будет прервано всякое сообщение с внешним миром. Что вы решили? Подумайте о Тити... Разве вы сможете обойтись без сына?

Я не колеблясь ответила:

— Мое самое большое желание — это остаться вместе с вами, Ваше Величество.

— Я так и знала! — воскликнула Государыня. — Но... боюсь, для вас это будет тяжелым испытанием.

— Обо мне не беспокойтесь, Ваше Величество, — возразила я. — Мы будем вместе делить опасности.

В полдень во дворце появился генерал Корнилов с приказом об аресте Императорской Семьи. Государыня встретила его в одежде сестры милосердия и искренне обрадовалась, увидев генерала, пребывая в заблуждении, что Корнилов расположен к ней и ко всей ее семье¹. Она жестоко ошибалась, поскольку Корнилов, полагая, что Ее Величество недолюбливает его, не упускал ни одной возможности, чтобы распускать о ней самые отвратительные слухи.

Генерал сообщил Императрице, что дворцовая охрана будет заменена революционными солдатами. Нужды в Сводно-пехотном полку и Собственном Его Величества Конвое больше не было, по дворцу слонялись революционные лица, которые всюду совали свой нос. Когда офицеры Сводно-пехотного полка пришли попрощаться с Ее Величеством, многие не выдержали и разрыдались. Впоследствии Государыня призналась, что и для нее расставание было мучительным. Офицеры попросили у Государыни платок на память о ней и Великих Княжнах... Они намеревались разорвать этот платок на кусочки и распределить их между собой. Но позднее, к их большой радости, мы послали им несколько носовых платков с инициалами.

То был день расставаний. Много офицеров приехало из Петрограда, чтобы попрощаться с Царской Семьей. Уехали Танеевы: Государыня настояла на том, чтобы они вернулись во дворец Великого Князя Михаила Александровича, где можно было рассчитывать на некоторую безопасность.

Наконец Государыня решила сообщить дочерям об отречении их отца... Она не могла допустить, чтобы они услышали это печальное известие от самого Императора. Она поднялась к ним в комнаты и долгое время оставалась с ними одна. Анастасия Николаевна, похоже, догадывалась, что произошло... После того как Государыня вышла от них, она очень спокойно проговорила, глядя на меня:

— Мама нам все рассказала, Лили. Но раз Папа придет к нам, все остальное не имеет значения. Но ведь вы все это время знали, что происходит... Как вы могли скрыть это от нас? Ведь вы всегда такая нервная... Как вам удалось остаться спокойной?

¹ Во время гражданской войны корниловцы носили черные с красными погоны, которые в насмешку называли «Земля и Воля», и пели гимн: «Мы о прошлом не жалеем, Царь нам не кумир!». (Прим. переводчика.)

Я поцеловала девочку и сказала, что мужеством обязана ее родительнице. Она являла собой такой пример отваги, что я не могла не последовать ему.

Когда Государыня сообщила роковую новость Цесаревичу, между ними произошел такой диалог.

— Больше я никогда не поеду с Папá на Ставку? — спросил мальчик.

— Нет, мой голубчик, никогда, — ответила ему мать.

— Неужели я не увижу ни свои полки, ни своих солдат? — озабоченно проговорил Алексей Николаевич.

— Боюсь, что нет.

— О Господи! А яхта, а все мои друзья на ее борту — неужели мы больше никогда не отправимся на ней в плавание? — чуть ли не со слезами на глазах продолжал допытываться мальчуган.

— Да... Мы никогда больше не увидим «Штандарт»... Он теперь не наш.

Чай мы пили вместе с Ее Величеством. Она сказала, что очень рада, что Гвардейский экипаж оставил свои знамена во дворце.

— Мне было бы больно при мысли о том, что знамена находятся в руках Думы, — призналась она.

В эту минуту послышались голоса, пение, возгласы. Вскочив с кушетки, на которой лежала, Государыня кинулась к окну.

— Не надо, Ваше Величество, не смотрите туда, умоляю вас, — вырвалось у меня. Я чувствовала, что произошло нечто ужасное. Но Государыня не слышала меня. Я увидела, как она побледнела и чуть ли не без чувств опустилась на кушетку. Матросы покидали дворец, унося с собой знамена!

Поздно вечером заболела корью и Мария Николаевна. Как и ее сестре Анастасии, ей страшно не хотелось болеть.

— Ах, как мне хочется поправиться, когда придет Папá, — повторяла она до тех пор, пока у нее не поднялась температура и она не потеряла сознание. Последние ее связные слова были следующие:

— Лили, вы не сможете лечь спать у Мама́ нынче вечером?

— Ну конечно, душка моя, — ответила я. — Я не оставлю Мама́ одну. Устроюсь где-нибудь рядышком, даже если мне придется спать в ванне.

Я отправилась к Государыне.

— Ваше Величество, вы позволите мне остаться рядом с вами в эту ночь? — спросила я.

— Конечно же нет, Лили. Если что-то случится, к чему вам быть свидетельницей трагедии? — возразила Императрица.

Я вернулась к Ольге и Татьяне Николаевнам, которые, как и Мария, очень тревожились за свою мать.

— Лили, вы не должны оставлять Мамá одну. Одна из нас всегда ночует у нее! — здоровье у нее неважное. Обещайте же, обещайте, что вы ее не оставите, — твердили Их Высочества.

Когда Ее Величество пришла попрощаться с больными детьми, Великие Княжны повторили свою просьбу.

Сначала Государыня стала возражать, но затем, убедившись, что дочери опасаются оставлять ее без присмотра, согласилась.

— Видите, Лили, — сказала она недовольно, — дети всегда стоят на своем. Но я не допущу, чтобы кто-то подумал, будто я боюсь. Разденьтесь наверху, а после того, как мои горничные уйдут, спуститесь по отдельной лестнице, захватив простыни и одеяла, и сможете устроиться на кушетке у меня в будуаре.

Ночь выдалась лунная. Скованный морозом парк был покрыт снежной пеленой. Стоял лютый мороз. Тишину огромного парка порой нарушали обрывки пьяных песен и грубый хохот солдат. Время от времени откуда-то доносилась оружейная канонада. Великолепие ночи оскверняли низкие страсти людей.

Неслышно ступая, я спустилась в лиловый будуар. Императрица стояла в ожидании меня. «До чего же она похожа на молодую девушку», — мелькнуло у меня в голове. Заплетенные в тяжелую косу волосы ниспадают на спину, поверх ночной сорочки наброшен просторный шелковый халат. Она была очень бледна, очень худа и невыразимо трогательна.

Когда я, чуть не запутавшись в своих простынях и одеялах, вошла в ее будуар, Государыня улыбнулась доброй, чуть насмешливой улыбкой. Продолжая улыбаться, она наблюдала, как я устраиваю себе ложе на кушетке.

— Ах, Лили, вы, русские дамы, ни на что не пригодны. Когда я была девочкой, моя бабушка, королева Виктория, показала мне, как нужно стелить постель. Я вас сейчас научу. — Ловко расправив простыни и одеяла, она заметила: — Обратите внимание, тут сломана пружина. Я давно подозревала, что с этой кушеткой что-то *неладно*.

¹ После того как Император отправился на фронт, одна из Великих Княжон всегда ночевала с Государыней. (Прим. автора.)

Вскоре постель была приготовлена по виндзорской моде. Государыня нежно поцеловала меня и пожелала спокойной ночи.

— Дверь в свою опочивальню я оставлю открытой, — сказала она. — Тогда вы не будете чувствовать себя одинокой.

Мне не спалось. Я лежала на лиловой кушетке — кушетке *Императрицы* — и не могла понять, во сне все это со мной происходит или же наяву. Ну конечно же, все это мне только снится. Наверняка я проснусь в собственной постели в Петрограде и пойму, что революция с ее ужасами — всего лишь кошмарный сон! Но, услышав кашель, донесшийся из опочивальни Государыни, я поняла, что это, увы! не сон... Как и я, Ее Величество ворочалась с боку на бок, не в силах уснуть. Лампада, освещавшая святой образ, отбрасывала дорожку света, соединявшую опочивальню с будуаром. Вскоре Государыня пришла ко мне с пуховиком в руках.

— Холод нестерпимый, — произнесла она. — Хочу, чтобы вы устроились поудобнее, Лили, поэтому я принесла вам еще одно одеяло.

Не обращая внимания на мой протест, Государыня подоткнула под меня пуховое одеяло и еще раз пожелала мне спокойной ночи.

Лиловый будуар был залит лунным светом, который падал прямо на портрет матушки Императрицы и на картину «Сон Пресвятой Богородицы». Обе казались живыми... Грустные глаза давно умершей женщины наблюдали за тем, как развивается трагическая жизнь ее дочери, а сияющая Пречистая Дева, охваченная небесной радостью, приветствовала архангела, прославляющего Ее имя: «Благословенна Ты в женах...»

Перед высокими окнами в вазах стояло множество сирени. Еще недавно с юга Франции ежедневно для лилового будуара присылали свежую сирень, но из-за смутного времени вот уже несколько дней цветы во дворец не доставляли. Перед самым рассветом умирающие гроздья, словно бы испуская дух, в последний раз пахнули ароматом... Будуар наполнился запахом весны... На глазах у меня выступили слезы. Невыносимое благоухание причиняло боль — ведь и вокруг нас, и у нас в сердцах зима. Неужели нам не суждено увидеть веселое голубое небо и великолепие рожденного вновь мира?

Стояла тишина, лишь слышались шаги красного часового, прохаживавшегося взад и вперед по коридору. Сначала мятежники праздновали свое пребывание в Императорском дворце, рас-

певая революционные и похабные песни, но затем утихомирились и уснули. В мыслях я то и дело возвращалась к больным девочкам и их брату, который, на свое счастье, не подозревал об опасности. Как не похожа эта ночь на прежние — покойные, счастливые ночи! Признаюсь, мне трудно было увидеть перст Всевышнего в этих — на мой взгляд, излишних — страданиях и принять их с тем смирением и покорностью, которые проявляла Государыня Императрица.

В семь утра Ее Величество посоветовала мне вернуться в красную гостиную. Я собрала свои постельные принадлежности и незаметно поднялась по лестнице вверх¹.

ГЛАВА IV

9 (22) марта (это был четверг) Императрица пришла утром в спальню Их Высочеств взволнованная и озабоченная. Ее уведомили, что Государь прибудет во дворец между одиннадцатью и двенадцатью часами. Вместе с нею мы зашли навестить Цесаревича и, сев возле его постели, разговаривали с мальчиком. Ребенок был очень возбужден, то и дело поглядывал на часы, отсчитывая секунды, оставшиеся до прибытия отца. Вскоре послышался шум автомобиля. Вошел Волков. Верный слуга отказался принять факт отречения и, следуя правилам этикета, которые истари заведены в Императорских дворцах, объявил:

— Его Величество Государь Император!

Императрица вскочила со стула и выбежала из комнаты. Следом за ней поднялась и я. Разумеется, чужим людям не пристало наблюдать за встречей близких после разлуки. Однако Цесаревич схватил меня за руку.

— Нет, Лили, вы не должны покидать меня, — настаивал он.

Посидев минут пять возле него, я затем проскользнула в комнату Анны Вырубовой, где просидела до тех пор, пока не окончился ленч и меня не вызвали к Их Величествам.

Руководствуясь данными мне указаниями, я направилась в комнату Великих Княжон. Государыни там не было. Неожиданно

¹ Оставшиеся члены свиты занимали помещения в четвертом крыле Александровского дворца. Государыня, опасавшаяся заразить их, лишь изредка навещала их. С Государыней и их Высочествами я находилась одна. (Прим. автора.)

Царица Александра Федоровна

Государыня Александра Федоровна и Цесаревич Алексей.
Петергоф, 1906 г.

Николай II и наследник. 1907 г.

Императорская семья

На берегу Финского залива. Цесаревич и его «дядька»

Цесаревич. 1906 г.

На палубе «Штандарта». Великая княжна Ольга, Император, Алексей, Анастасия, Императрица, Мария, Татьяна

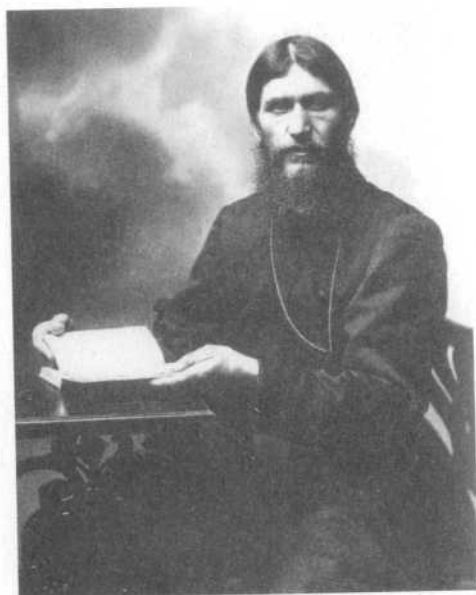
Великие княжны: Мария, Татьяна
(стоит), Анастасия, Ольга

Сиреневая гостиная

Августейшие сестры Александра и Елизавета Федоровны.
Начало XX века

Г. Е. Распутин. 1910-е годы

А. А. Вырубова. 1910-е годы

passe par
 toutes nos
 chambres
 - pas avoir
 peur
 Dieu
 est là.

Vous embrasse
 toutes les
 deux.

Написанная карандашом записка от Государыни: «...[Керенский] проходит по всем нашим комнатам. Не бойтесь. Господь с нами. Целую вас обеих»

каноники
 Релии канниф
 матери Замил.

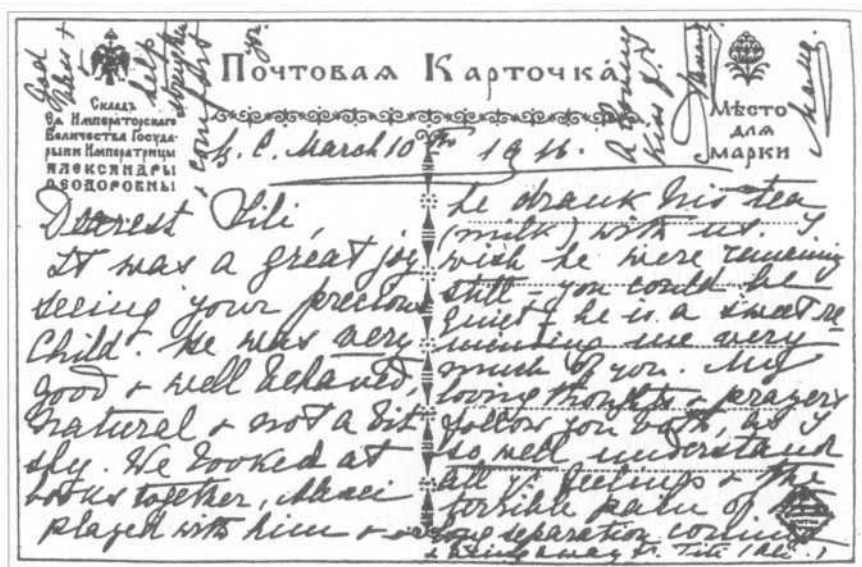
Криво ушло.

Благодарю за
 поздравление.

Алексей

Алексей

Фрагмент письма от Ее Императорского Величества Александры Федоровны, написанного Ю. А. Ден в день отъезда Царской Семьи в Сибирь. В середине — приписка Цесаревича Алексея Николаевича

Фрагмент письма Императрицы от 30 июля 1917 г. накануне отъезда Царской Семьи в Тобольск. Верхняя часть фрагмента написана Великой Княжной Ольгой Николаевной. Постскрипtum принадлежит Её Величеству

утиро и благо.
 Дари Вас Мил
 Душка Люба
 и утешку и
 обраду.
 Ваши Ваши
 Лили

Василиса за Даром
 и утешку - и утешку
 и утешку - и утешку
 и утешку - и утешку
 и утешку - и утешку

"Как будто десница
 Господня
 Разсыпала ниръ и помой
 То ангелы Божьи сегод-
 ня
 Проходят надъ
 спящей землей."

Дорогой Тили.

5.XII.17.

Рождественская открытка, нарисованная Императрицей для Лили Ден в Тобольском заточении

и благополучно за нас. Душа
моя ищет вас. - Васильевич
много и радостно! Это бодрость
и счастливый момент от души
- Это до души вашей надобно.
Тоска и тоска - тоска
так и нас, тоска и тоска и
наше откровение на тоска и тоска.
Те могу сказать, что тоска -
и тоска благополучно тоска -
счастливы. - А тоска тоска
тоска! Как и все тоска
на тоска тоска на тоска
- тоска до тоска тоска тоска
тоска тоска тоска тоска
от тоска: тоска. И тоска
тоска тоска. Тоска тоска
тоска. тоска! Тоска тоска
тоска, что тоска тоска
тоска и тоска тоска - тоска
тоска тоска - тоска тоска
тоска тоска тоска тоска -
тоска тоска тоска тоска -
тоска тоска тоска тоска -
тоска тоска тоска тоска -
тоска тоска тоска тоска -

Фрагмент письма Императрицы от 2/15 марта 1918 г., которое пришло к Лили Ден в Англию через три года

Цесаревич (в центре) и его друзья-кадеты

Цесаревич с наставниками Пьером Жильяром, П. В. Петровым, отцом А. П. Васильевым, князем Тумановым и боцманом А. Е. Деревенько

Императорский железнодорожный павильон в Царском Селе.
Вид до революции

В вагоне Императорского поезда. Цесаревич, Императрица, Император.
1915 г.

Руины Императорского железнодорожного павильона неподалеку от Александровского дворца. Фотография 1997 г. М. В. Кузнецова

я услышала шаги. Я знала, кому они принадлежат. Но теперь то не было походкой уверенного в себе и счастливого человека. Казалось, что шаги принадлежат лицу, которое бесконечно устало.

Я задрожала всем телом, не смея поднять глаза. Но когда я посмотрела на Императора, то увидела его трагический, измученный взгляд.

Подойдя ко мне, Государь взял меня за руки и произнес очень просто:

— Спасибо, Лили, за все, что вы для нас сделали... А я?... Что я сделал для вас? Ровным счетом ничего! Я даже не сумел удержать Дена рядом с вами.

— Ваше Величество, — отозвалась я, не в силах сдержать слез. — Это я должна благодарить вас за ту честь, которую вы мне оказали, позволив остаться с вами.

Когда мы вошли в красный салон и свет упал на лицо Императора, я вздрогнула. В спальне, где освещение было тусклое, я его не сумела разглядеть, но сейчас я заметила, насколько Его Величество изменился. Смертельно бледное лицо покрыто множеством морщинок, виски совершенно седые, вокруг глаз синие круги. Он походил на старика. Увидев ужас на моем лице, Государь грустно улыбнулся. Он хотел что-то сказать, но тут к нам подошла Императрица. Он попытался казаться счастливым мужем и отцом, каким был в лучшие времена. Сев рядом с нами, он принялся говорить о разных пустяках, но я-то видела, что ему не по себе. Ему было трудно совершать над собой усилие, и в конце концов Государь сказал:

— Пойду, пожалуй, прогуляюсь. Прогулка мне всегда на пользу.

Пройдя по коридорам, мы добрались до апартаментов Анны Вырубовой, где Государь покинул нас, а потом спустились вниз. Мы с Ее Величеством вошли в спальню и остановились возле одного из окон, выходивших в парк. Анна была очень возбуждена; она что-то говорила, плакала, но мы не обращали на нее внимания. Глаза наши были прикованы к Государю, который в этот момент вышел из дворца. Быстрым шагом он направился к Большой аллее. Вдруг словно из-под земли появился часовой и заявил Императору, что ему нельзя идти в том направлении. Государь махнул рукой, но повиновался и пошел назад. Но тут произошло то же самое: путь ему преградил другой часовой, а какой-то «офицер» стал объяснять Государю, что поскольку он находится на

положении арестанта, то и прогулка должна быть такой же, как в тюремном дворе!.. Государь повернул за угол, шел он медленно, понуриив голову, совершенно подавленный. Казалось, он совсем пал духом. Думаю, до этой минуты мы не понимали, ни что такое мертвая хватка революции, ни что она собой представляет. Но когда мы убедились, что Император Всероссийский, чьи владения простираются на тысячи верст, может гулять в собственном парке на пяточке в несколько метров, мы осознали это с болезненной отчетливостью.

Государыня ничего не сказала, лишь сжала мою руку. Для нее это была мучительная минута. После некоторой паузы она сказала:

— Пойдемте к детям, Лили. По крайней мере, там мы сможем находиться вместе.

Их Высочества были в восторге, узнав, что их отец вернулся. По-моему, сознание того, что он жив и здоров, подействовало на них как целебный бальзам. Бедняжка Мария, которой так хотелось первой встретить Императора, металась в бреду, лишь иногда приходя в сознание. Когда я вошла к ней в комнату, девочка меня узнала.

— Ну где же вы пропадали, Лили? — воскликнула она. — Я вас так ждала. Папа здесь, правда? — Но спустя мгновение она снова погрузилась в фантастическое и ужасное царство, имя которому — бред: — Толпы людей... Какие они страшные... Идут сюда, чтобы убить Мама! Зачем они это делают?

Увы, бедное дитя! Многие и поныне задают этот вопрос.

В тот день Их Величества обедали и провели вечер вместе. Впоследствии Государыня призналась, что, когда они остались в лиловом будуаре одни, нервы у Императора не выдержали, и он разрыдался. Государыне стоило огромного труда утешить его и заверить, что как супруг и отец ее детей он ей гораздо дороже, чем как монарх, вместе с которым она несла бремя Царского служения.

* * *

Не могу сказать, чтобы революционеры были чересчур неучтивы по отношению к нам, но порой они вели себя предсудительно. Например, когда состояние здоровья Марии Николаевны ухудшилось, понадобилась консультация еще одного врача. Сначала в просьбе пригласить доктора со стороны было отказано, но затем хозяева положения согласились — при условии, что на медицинском осмотре будут присутствовать офицер и двое солдат!

Полковник Коцебу, первый дворцовый комендант, назначенный революционными властями, прежде служил в Уланском Ее Императорского Величества полку. Поскольку он приходился мне дальним родственником, я не поверила своим глазам, увидев его в этой должности. Я пригласила его в комнату Анны для беседы, поскольку полагала, что ему следует объяснить нашей семье свое поведение.

— Ума не приложу, почему меня назначили на этот пост, — сказал Коцебу. — Одно могу тебе сказать, Лили, что меня подняли с постели среди ночи и приказали отбыть в Царское Село. Прошу тебя заверить Их Величества, что я готов на все, чтобы помочь им. Это действительно самая счастливая минута в моей жизни, поскольку моя должность позволяет мне оказаться полезным им.

Когда Государыня послала за мной утром 10 марта, я увидела, что она лежит на кушетке у себя в будуаре. Тут же находился и Государь. Жестом он пригласил меня сесть рядом с Ее Величеством и стал рассказывать¹. Сначала он поведал нам о том, что произвело на него особенно сильное впечатление.

— Когда я проснулся, — начал Государь, — я надел домашний халат и посмотрел в окно, которое выходит во двор². Я обратил внимание на то, что часовой, который обычно там стоял, сидит на ступенях. Винтовка у него выскользнула из рук — он дремал! Я позвал своего камердинера и показал ему необычное зрелище. Я не смог удержаться от смеха — это было действительно забавно. Услышав мой смех, солдат проснулся, но встать даже не подумал, лишь сердито посмотрел на нас, и мы отошли от окна. Это ли не убедительное доказательство общей деморализации! Теперь с Россией покончено, поскольку ни одна Империя не может существовать, если в ней нет закона, послушания и уважения.

Затем Государыня стала расспрашивать супруга о том, что происходило в Ставке.

— Некоторые эпизоды были исключительно неприятными, — ответил государь. — Мама везла меня на моторе по городу, который был украшен красными флагами и кумачом. Моя бедная Мама не могла видеть эти флаги... Но я на них не обращал никакого

¹ Передавая содержание разговоров между Императором, Императрицей и мною, я старалась передать их почти дословно. Я не пыталась их как-то откорректировать, поэтому мой рассказ можно считать точным. (Прим. автора.)

² Опочивальня Императора и Императрицы находилась на первом этаже Александровского дворца. (Прим. автора.)

внимания; мне все это показалось таким глупым и бессмысленным! Поведение толпы, странное дело, противоречило этой демонстрации революционерами своей власти. Когда наш автомобиль проезжал по улицам, люди, как и прежде, опускались на колени.

Мне было трудно расстаться с Воейковым, Ниловым и Фредериксом. Они не пожелали покидать меня. Пришлось настоять. Революционеры твердо обещали не преследовать их¹. Особенно трогательным был такой эпизод, — продолжал Его Величество. — Когда я сел в поезд, то заметил пятерых или шестерых гимназисток, которые стояли на платформе, пытаюсь привлечь мое внимание. Я подошел к окну. Заметив меня, они принялись плакать и показывать знаками, чтобы я что-нибудь им написал. Я нацарапал свое имя на листке бумаги и передал девочкам. Но они никуда не уходили, и, поскольку холодище стоял невыносимый, я стал показывать знаками, чтобы они шли домой. Однако, когда мой поезд отправился два часа спустя, девочки все еще оставались на платформе. Они перекрестили меня, бедные дети, — добавил Государь, растроганный воспоминанием. — Надеюсь, благословение этих чистых созданий принесет нам счастье.

Государь поведал нам, что после опубликования текста отречения он получил множество телеграмм. Значительная часть была оскорбительного содержания, иные были проникнуты неистребимым духом верности и преданности. В своей телеграмме граф Келлер указал, что не признает переворот. Граф отказался присягнуть Временному правительству, после чего сломал саблю и швырнул обломки наземь².

— Генерал Рузский был первым, кто завел разговор о необходимости моего отречения, — продолжал Император. — Он сел в мой поезд en route [по пути] и вошел ко мне в салон-вагон без приглашения. «Гучков и Шульгин тоже едут, чтобы поговорить с вами», — сообщил он мне. Эти господа появились на следующей

¹ Эти преданные Царю люди были арестованы на следующей же станции и отправлены в Петроград, где были заточены в Петропавловскую крепость. (Прим. автора.)

² В ноябре 1918 года граф Келлер был убит в Киеве петлюровцами. Написанная А. Кручининыным статья «Христианский рыцарь» о Келлере напечатана в русском зарубежном журнале «Военная быль» (1993, № 3). Граф заявил, что 3-й конный корпус, которым он командовал, не верит, что Царь мог добровольно оставить армию, и готов прийти ему на помощь, сказав: «Я христианин и думаю, что грешно менять присягу». (Прим. переводчика.)

станции и вели себя чрезвычайно неподобающим образом. Рузский сказал им, что уже обсудил вопрос со мной. Но я не позволил, чтобы кто-то принимал решения вместо меня. Ударив кулаком по столу, я воскликнул: «Я сам могу сказать за себя». — «Вы должны отречься в пользу Цесаревича, а народ назначит регента», — заявили Гучков и Шульгин. «Но вы уверены, вы можете обещать, что мое отречение послужит на благо России?» — возразил я. «Ваше Величество, это единственное решение, которое может спасти Россию во время настоящего кризиса», — отвечали они. «Но я должен подумать... Я дам вам свой ответ через пару часов». Делегаты согласились. Я знал, — отметил Государь, с любовью смотревший на супругу, — что их первой мыслью было разлучить Алексея с Ее Величеством, поэтому я обратился к доктору Федорову, который находился в поезде, и спросил, целесообразно ли отбирать Цесаревича у матери. «Это сократит жизнь Наследника», — без обиняков ответил Федоров. После того как Гучков и Шульгин вернулись, я заявил, что не хочу расстаться с сыном. «Я готов отречься, — сказал им я, — но не в пользу сына, а в пользу брата».

Мое решение, по-видимому, поставило их в затруднительное положение: они попросили меня передумать, но я был тверд. После этого я подписал документ об отречении. Затем поезд повернули назад в Ставку.

Таков рассказ об отречении, который я привожу почти буквально со слов Государя. Барон Штакельберг, кузен моего мужа, который ехал вместе с Императором, впоследствии рассказал мне, что они с господином Воейковым, Дворцовым комендантом, встретили Рузского на платформе, когда тот садился в поезд. Барон и господин Воейков намеревались отправить ряд телеграмм от Императора к Родзянко, в которых Государь отвечал последнему на его просьбу предоставить России ответственное министерство. По мнению Императора, момент еще не настал.

«От кого эти телеграммы?» — спросил Рузский. «От Его Величества», — холодно ответил барон Штакельберг. Рузский выхватил телеграммы у барона и сунул их себе в карман со словами: «Бесполезно!». Так Родзянко и не получил телеграмм от Императора. Это может подтвердить барон Штакельберг, проживающий в настоящее время в Финляндии. Господин Воейков и барон молча переглянулись, но каждый прочел в глазах своего визави то же желание: убить Рузского на месте, чтобы отомстить ему за оскорбление,

нанесенное Императору. Но Рузского и след простыл. Подходящий момент для справедливого возмездия был упущен!

* * *

Первое время после возвращения Государя жизнь во дворце, по существу, ничем не отличалась от прежней. Государь ежедневно просматривал газеты, но грязь, капавшая с кончиков перьев бульварных писак, расстраивала его. Однажды вечером я зашла в библиотеку, где Император читал газету. По выражению его лица я поняла, что он серьезно раздосадован.

— Вы только взгляните, Лили, — произнес он, указывая на портреты членов нового правительства. — Посмотрите на эти лица... Это же настоящие уголовники. А между тем от меня требовали одобрить такой состав кабинета и даровать конституцию, — добавил он с ноткой горечи.

Все мое время было занято. Великая Княжна Мария Николаевна была тяжело больна, и я помогала Государыне ухаживать за ней. Работу, которую прежде выполняла Императрица, я взяла на себя — я обтирала губкой тело бедняжки Марии. Когда же девочка приходила в себя, ей нравилось, когда я расчесывала и приводила в порядок ее чудные волосы, которые у нее жесточайшим образом путались, когда она металась в горячке. Мария Николаевна первой из незамужних Великих Княжон спала на «настоящей» кровати: она так расхворалась, что с узкой походной кровати мы переложили ее на более удобную.

Ее Величество очень умело выполняла обязанности сиделки; особенно ловко, в считанные минуты, она меняла постельное и нательное белье, не причиняя никакого беспокойства пациентам. Когда я вслух высказала свое удивление, Ее Величество сказала совсем просто:

— Делать полезные вещи я научилась в Англии... Я не забыла, чем обязана своему английскому воспитанию.

Мой кузен Коцебу однажды сообщил мне, что некий английский джентльмен, мистер А. Стопфорд¹, друг Великой Княгини Марии Павловны, полон желания оказать услугу Императрице.

¹ Если мистеру А. Стопфорду (Сент-Джеймс-сквер, 1а) когда-либо доведется прочесть эту книгу, то, возможно, ему будет приятно узнать, что ее Величество Императрица была ему очень благодарна за эту любезную услугу. (Прим. автора.)

Он, по-видимому, боготворил Императорскую Семью и, поскольку должен был вернуться в Англию, спросил у Коцебу, не угодно ли будет Государыне послать через него какие-нибудь письма своим родственникам. Я тотчас же уведомила об этом Императрицу. Мне казалось, что представляется великолепная возможность... Ее двоюродный брат, король Георг V, как и его преданная супруга, наверняка обрадовались бы весточке от Императорской Семьи!

Ее Величество была весьма тронута предложением мистера Стопфорда.

— Я подумаю, Лили, — сказала она. Но на следующий день заявила, что решила не писать ничего королю Георгу и королеве.

— Я не могу этого сделать. Что я скажу в письме? Я слишком обижена и оскорблена поведением моей страны... Но и в этом случае я не могу осуждать Россию. Кроме того, Государь особенно встревожен. Он очень опасается, что его отречение и наступившая смута могут сорвать великое наступление... Нет, мы не можем сноситься с нашими родственниками.

Как Император, так и Императрица постоянно говорили об Англии. Сначала Дума намеревалась принудить Императорскую Семью выехать в Англию, но известные круги были настроены враждебно к этому предложению, так как оно было бы неодобрительно встречено лейбористами. Однако тем, кто побоялся предоставить убежище беззащитной семье, единственная вина которой заключалась в том, что она беззащитна, не стоило волноваться.

Государь и Императрица не желали оставлять Россию. «Я лучше поеду в самый отдаленный конец Сибири», — заявил Император. Как для него, так и для Государыни была неприемлема мысль о том, что придется странствовать по всему континенту, жить в швейцарских гостиницах в качестве бывших Их Величеств, попадать в объективы фотоаппаратов репортеров из иллюстрированных изданий и давать интервью шустрым американским журналистам. Их натурам претила всякая дешевая реклама и популярность; оба полагали, что долг каждого русского оставаться в России и вместе смотреть в лицо опасности.

Помимо того, что Августейшая чета исключала возможность уехать в Англию, планам вывоза Императорской Семьи за границу противодействовали совдепы. Они заявили, что всякий поезд, который повезет из Царского Села Августейших беженцев, будет задержан, а пассажиры перебиты, поскольку-де Император знает слишком много, чтобы разрешить ему покинуть Россию.

Государь принес мне газету, в которой было опубликовано это заявление. Он был вне себя от негодования. Едва сдерживаясь, он чуть ли не швырнул мне газету.

— Полпобуйтесь-ка, что они тут пишут, Лили, — воскликнул он с побелевшим от гнева лицом. — *Скоты!* Как они смеют заявлять такое!.. По себе судят!

— Ах, Ваше Величество! — ответила я, сильно встревоженная. — И охота вам читать такие гадости.

— Я должен это делать, Лили. Мне нужно знать все, — возразил Государь.

Порой настроение у него поднималось, и он становился похож на себя прежнего — веселого и жизнерадостного. Государь умел находить забавную сторону в любой ситуации и порой шутил над своим новым званием, — как он сказал, «бывшего». Выходит, тогда все «бывшее». «Больше не зовите меня Императрицей, — засмеялась государыня, — я всего лишь „бывшая“». Подали как-то на завтрак особенно невкусную ветчину, и государь заметил: «Возможно, некогда это действительно была ветчина, а теперь она ничего собой не представляет, это „бывшая ветчина“». Его всегда забавляло сходство его с кузеном, королем Георгом. Однажды он показал мне фотографию английского монарха со словами: «Вы видели мою последнюю фотографию, Лили? Не кажется ли вам, что она мне льстит?»

Он был в восторге от своего кузена, а Государыня часто говорила о королеве Александре — о ее красоте, доброжелательности и щедрой, не знающей пределов благотворительности. «Мне так бы хотелось увидеться с моей замужней сестрой в Англии», — прибавляла она всякий раз, когда заходила речь о ее родных. «Дармштадт всего лишь крохотный ключок в саду моих воспоминаний, — говорила государыня, — но там умерла моя мама, так что вряд ли стоит осуждать меня за то, что я люблю Дармштадт. Разве англичане не называют свои родные места „Дом, мой милый дом?“»

«Ни одна из моих дочерей не выйдет замуж за немецкого принца», — заявила она однажды. Было выдвинуто предположение, что будущее Анастасии может быть связано с Англией, и Государыня одобрила его... Мысль о том, что кто-то из дочерей будет связан брачными узами с Англией, была близка ее сердцу. Однако *«l'homme propose, et Dieu dispose»*¹. Если бы Россия не

¹ «Человек предполагает, а Бог располагает» (фр.).

предала самое себя, если бы она осталась столь же сплоченной, как Франция, то никому бы не вздумалось приписывать германские симпатии своей Императрице. Она во всем была англичанкой — в одежде, в привычках, в ее совершенно викторианских воззрениях. Некоторые ее взгляды на ведение хозяйства были схожи со взглядами немецкой Hausfrau — домашней хозяйки, — но даже они были английского происхождения, поскольку домовитость исстари присуща британцам.

Государыня особо не жаловала тех немцев, которые осели в России. Свидетельства об обратном или неверны, или же сильно преувеличены. Нет никакого сомнения, что германские агенты вели весьма активную деятельность в России, что шпальцы спрута германской разведки проникали повсюду. Но несправедливо возлагать вину за это на так оболганную Императрицу. Каждая европейская страна кишит немцами, а Англия в особенности, и хотя она в гораздо большей степени, чем Россия, была связана с Германией брачными и родственными узами, никому в голову не пришло бросать камни в адрес Августейших и иных особ, которые были в значительно меньшей степени англичанами, чем Государыня Императрица. Говоря о беспристрастности Императрицы, я вспоминаю, как в 1910 году один состоятельный немец по фамилии Фальцфейн страстно захотел стать русским дворянином. Один из его друзей, офицер, которого звали Маслов, обратился к Императрице с просьбой устроить так, чтобы герр Фальцфейн, так сказать, сменил «кожу». Намерение это ей пришлось не по душе, и она уведомила Маслова о том, что ничто не заставит ее передать подобного рода просьбу Государю!

В один далеко не прекрасный день к дворцу подъехал грузовик, набитый солдатами, которыми распоряжался офицер, пользовавшийся очень дурной репутацией. Его встретил Коцебу.

— Я приехал за Императором, — заявил «офицер», прибавив непечатное ругательство. — Он будет заключен в Петропавловку.

— Вы не вправе увозить Государя, — возразил Коцебу. — Я комендант. Я отказываюсь выдать Императора.

— Ага! Так я и знал! — завопил «офицер». — Император удрал! Нам так и сказали в Петрограде. Мы обыщем дворец.

У Коцебу чуть не дошло до драки с ним.

— Говорят вам, что Государь здесь... Я это докажу.

Комендант послал за графом Фредериксом и попросил его предложить Государю медленным шагом пройти по коридору...

«Офицер» с угрожающим видом кинулся к Императору, но Коцебу схватил наглеца, сказав ему:

— Эй ты, такой-сякой, теперь ты видел Императора. Возвращайся в свой совдеп и скажи, что он *на месте*, и больше здесь с дурацкими распоряжениями не появляйся.

Государь гулял в парке ежедневно и всякий раз возвращался, расстроенный очередным знаком неуважения.

— Но ведь это же глупо — полагать, что такое их поведение покалечит мне душу, — замечал он. — До чего же это мелко — они пытаются унижить меня, называя «полковником». В конце концов, это очень почетное звание.

Государыню часто видели печальной. В неизменном платье сестры милосердия, она была олицетворением Милосердия в нашем мире, которому чуждо значение этого слова. Чем ближе я ее узнавала, тем больше любила.

Однажды комендант сообщил, что Тити захворал. Причем *тяжело*. Мне не хотелось волновать Государыню, но пришел Коцебу и попросил у нее разрешения для меня отправиться в подвальный этаж дворца и позвонить. Узнав, что ее крестник болен, Ее Величество очень расстроилась и посетовала, что ее не уведомили об этом раньше.

— Бедная моя девочка, сколько же вы пережили! — проговорила она.

Мы с Коцебу спустились в подвал. Телефон охраняли два солдата. Мне заявили, что разговор должен продолжаться не более пяти минут.

— Как ребенок? — был мой первый вопрос.

— Очень болен, мадам, — ответила моя горничная.

— Прошу вас, очень прошу, принесите его к телефону.

Я с нетерпением ждала. Наконец тоненький голосок пролепетал:

— Маман... *c'est vraiment toi! quand viendras-tu?*¹

В этот момент один из солдат оборвал наш разговор:

— Ваши пять минут кончились!

Я вернулась к Государыне морально убитая, но пыталась придать своему лицу веселое выражение. День казался бесконечным, наступил вечер, начался ставший привычным обход свиты, в котором участвовала и я. Каждый вечер Государь возил Императрицу в кресле-каталке по всему дворцу. Невеселое это было путеше-

¹ Мамочка... это правда ты! Когда ты приедешь? (фр.).

ствие. Сначала Государыня останавливалась, чтобы побеседовать с престарелой четой Бенкендорфов, затем направлялась к оставшимся ей верными служащим, а на обратном пути заходила в комнату Анны, которая была на грани отчаяния, вечно боялась и была полна самых мрачных предчувствий.

В тот вечер я с радостью осталась одна в красной гостиной, где могла без помех выплакаться. Когда я покидала лиловый будуар, Их Величества поцеловали меня и осенили крестным знамением. Я почувствовала, что они любят меня и очень жалеют.

В красной гостиной пылал камин, но раздеваться я не стала, а села перед жарким огнем и стала думать о своем малыше. Сознавая, что ребенок серьезно болен, я все же понимала: мое место — здесь, во дворце. Я сердцем чувствовала, что самое главное для меня — Государыня. И так будет всегда, когда пойдет речь о долге. Я отдавала себе отчет в том, что могу никогда не увидать снова ни мужа, ни сына... Но я знала и другое — я последую за Императорской Семьей повсюду, куда угодно будет Судьбе. Признаюсь, у меня были минуты слабости, когда мне хотелось оказаться у себя дома, зажить, как и прежде, безмятежной жизнью... В тот вечер у меня было особенно подавленное состояние. Угли догорали, и я пыталась в алых язычках угасающего пламени угадать свою судьбу, как делала это в стародавние годы в своей родной Ревовке. Вдруг дверь салона осторожно отворилась, и темноту пронзила полоска света... Кто-то вошел в гостиную!

Я резко обернулась, чтобы посмотреть в глаза человеку, посмевшему нарушить неприкосновенность Императорских покоев... Уж не новое ли это проявление вседозволенности со стороны революционеров?

Но оказалось, что поздний гость вовсе не эмиссар революционных властей. В стройной фигуре, стоявшей в дверях, я узнала Императрицу. Она показалась мне особенно хрупкой. Дышала она с трудом, лицо бледное от усилия, и, когда я вспомнила, по какой крутой лестнице ей пришлось подниматься, я испугалась: как бы не случился с бедной женщиной сердечный приступ.

— Ваше Величество, — воскликнула я, — что-нибудь случилось? Вам грозит опасность?

— Тише, Лили, — успокоила меня Государыня. — Мы с Государем находимся в полной безопасности. Но я не могла лечь в постель, не повидав вас. Я все знаю о Тити, представляю, что вы испытываете.

Обняв меня, словно нежная, любящая мать, она стала меня ласкать и успокаивать.

— Бедное мое, милое дитя, — проронила она. — Лишь Всевышний может помочь вам. Верьте в него, как верю я.

Наши слезы смешались, и Государыня еще долгое время оставалась со мной. Сцена была совершенно необычная, но я хотела бы, чтобы те, кто порочат память Государыни, смогли наблюдать ее тогда и увидеть то сострадание, любовь и понимание, которые были неотъемлемой частью натуры Императрицы. Она придавала мне силы и успокаивала, как не смог бы сделать это никто другой. Прежде чем мы расстались, я услышала подбодрившие меня слова: «Возможно, нам разрешат привезти вашего малыша из Петрограда в лазарет Красного Креста, что напротив дворца. Тогда вы всегда смогли бы посмотреть на него в окно».

ГЛАВА V

Цесаревич почти поправился и, как прежде, носился по дворцу. Не думаю, чтобы он замечал какие-то перемены. Переворот никак не подействовал на него, разве только теперь ему недоставало некоторых знакомых ему солдат и друзей. Это был все тот же веселый и жизнерадостный ребенок.

Императорская Семья не предполагала, что с нею может случиться какое-то несчастье, но Их Величества постоянно заботились о судьбе России.

— Вы даже не представляете, что значит для Его Величества не иметь возможности участвовать в активной жизни, — заметила мне Государыня.

Вскоре после эпизода с телефонированием из подвального этажа Коцебу уехал в Петроград. Я с нетерпением ожидала его возвращения: он обещал навестить моего малыша и рассказать, как дела у нас дома. Дни проходили... Я начала тревожиться и стала выяснять, что с Коцебу. Но мне ответили, что в Царском мы его больше не увидим! Я усмотрела в подобном заявлении недобрый знак, поэтому тотчас же отправилась к Государю и доложила ему о том, что узнала. Их Величества наблюдали за фрейлинами, которые прогуливались по парку, сопровождаемые часовыми. Государыня заметила, что я взволнованна.

— Что произошло, Лили? — спросила она.

— Ваше Величество... Я слышала, что Коцебу намерены сместить.

Император посмотрел на меня. Затем, пожав плечами, проронил:

— Что ж, ничего не поделаешь.

После этого он тотчас же переключился на другую тему — возможно, чтобы утишить наши страхи, а скорее всего затем, чтобы показать, как мало его трогают судьбы революционеров.

Дни шли медленно, монотонно. Мы относились к этому то со спокойным отчаянием, то с благодарностью за их однообразие. Но однажды мы были свидетелями жуткого зрелища. Услышав звуки военного оркестра и топот множества ног, мы кинулись к окнам и увидели похоронную процессию, двигавшуюся по заснеженным аллеям парка. Но это были не обыкновенные похороны: хоронили солдат, убитых в Царском Селе в первый день революции. То были *красные* похороны: гробы обтянуты кумачом, провожающие в кумаче, повсюду развеваются красные флаги. Издали процессия походила на реку крови, которая медленно текла по парку. Повсюду лишь два цвета — красный и белый. Суеверный усмотрел бы в этом зрелище недоброе предзнаменование. И действительно, сколько невинной крови будет пролито! Едва ли снег был белее душ молодых и прекрасных людей; которые ныне у престола Всевышнего, Который воздаст каждому по делам его!

Никто из нас не мог прийти в себя после этих похорон; нам казалось, что всюду кровь, а в тени прячется смерть. Солдат похоронили в парке, неподалеку от дворца, — новый источник мучений для тех, чье воображение и без того рисовало картины одна ужаснее другой. Нервы наши были натянуты до предела, хотя мы и не подавали виду, что нервничаем. Но было трудно сохранять хладнокровие, когда камы-офицеры дерзко обращались с нами и когда некий рядовой отпустил в адрес Императрицы нецензурное слово. Но один солдат вел себя по-рыцарски. У него было английское имя. Отец его учительствовал в Риге. Это был поистине необычный тип. Он не только оказался учтив, но и неизменно старался показать нам, что не разделяет революционных убеждений своих товарищей. Оба полка, расквартированные во дворце, отличились множеством мелких краж — не уцелели даже ложки. Наверное, революционные воры прихватили их в качестве «вспоминания о Царском Селе»!

На монотонность нам теперь было грех жаловаться. Надвигались грозные, не предвещающие ничего хорошего события. Надвигались быстро и неотвратимо.

Великая Княжна Мария Николаевна по-прежнему была очень больна, и Анна, которой об этом было известно, решила навесить ее. Государыня была против этого ее намерения: дескать, Анна сама больна, и как для ее здоровья, так и безопасности лучше всего вести себя тише воды и ниже травы, а не привлекать излишнее внимание к своему присутствию во дворце. Государыня была настроена настолько решительно, что велела отвезти себя в кресле-каталке, чтобы повидаться с Анной. Но вернулась еще больше удрученной, чем до встречи.

Утро я провела в обществе Ее Величества, а обедала с Анной в тщетной надежде отговорить ее от намерения навестить Марию Николаевну. После трапезы мы обсуждали мучившее нас обеих исчезновение Коцебу. Неожиданно в коридоре послышался какой-то шум. Мы вздрогнули... Анна тотчас же позвонила в колокольчик. Появился слуга.

— Кто это там? — спросила Анна.

— Не знаю, — ответил слуга, который был явно встревожен. — Во дворце солдаты.

В этот момент вошел скороход¹ и протянул мне сложенную записку. Я развернула ее. Написанная карандашом рукой Государыни, она содержала следующие слова, не предвещающие ничего хорошего:

«Kerensky passe par toutes nos chambres, pas avoir peur — Dieu est là. Vous embrasse toutes les deux»². По коридору протопали тяжелые шаги. Едва я успела спрятать в корсет драгоценную записку, как дверь распахнулась и вошел какой-то человек, за ним еще двое. Я тотчас же встала и взглянула на вошедшего — это был сам Керенский!

Низенький, бледное лицо, тонкие губы, бегающие глаза с тяжелыми верхними веками, бесформенный нос. Производит впе-

¹ Скороходы были посыльными у Царской Семьи. Они носили старинные ливреи и красивые шляпы с черными и желтыми страусовыми перьями. (Прим. автора.)

² «Керенский обходит все наши комнаты. Не бойтесь. Бог с вами. Целую вас обеих» (фр.).

чатление человека *mal soigné*¹. Худошавый, с вытянутой шеей. Одет в тужурку обыкновенного мастерового.

Керенский обвел нас медленным взглядом.

— Вы госпожа Анна Вырубова? — спросил он, обращаясь к Анне.

— Да, — едва слышно ответила та.

— Немедленно одевайтесь и следуйте за мной.

Анна промолчала.

— Какого беса вы валяетесь в постели? — грубо спросил Керенский, увидев, что Анна Александровна полураздета.

— Потому что я больна, — захныкала Анна, став еще больше похожей на ребенка.

— Вот оно что, — отозвался Керенский и, повернувшись к офицеру, заметил: — Может, нам лучше не трогать ее? Я поговорю с докторами. А пока изолируйте госпожу Вырубову. Поставьте перед дверью часовых. Она не должна ни с кем общаться. Никто не должен входить или выходить из этой спальни без моего разрешения.

Сопровождаемый офицерами, он вышел из комнаты. Ни слова не говоря, мы с Анной обменялись печальными взглядами. Первой моей связной мыслью была мысль о Государыне. Я не должна разлучаться с нею.

— Мне надо увидеться с Их Величествами, — возбужденно проговорила я.

— Конечно, Лили. Ради Бога, ступайте к ним, — рыдала Анна.

Я осторожно приоткрыла двери спальни и убедилась, что часовые еще не успели прийти. Заметив, что Керенский вошел в комнату докторов, я, набравшись смелости, побежала по коридорам и, запыхавшись, добралась до комнат Великих Княжон. Я нашла Государыню в обществе Ольги Николаевны. В нескольких словах я рассказала, что произошло. Отдаленные шаги предупредили нас о приближении Керенского.

— Бегите, Лили... Спрячьтесь в комнате Мари. Там *темно*, — прошептала Ее Величество.

Едва я успела присесть за ширмой в комнате Марии Николаевны, как вошел Керенский. Не обратив внимания на больную Великую Княжну, он принялся разыскивать Императрицу, которая вместе с Его Величеством отправилась в классную комнату.

¹ Неухоженный (фр.).

Из своего укрытия я слышала, как кричит Керенский. Спустя минуту вошла Императрица; было заметно, что она дрожит. На встречу ей бросились Великие Княжны Ольга и Татьяна (они шли на поправку).

— Мама, Мама, что случилось?

— Керенский настоял на том, чтобы я оставила его наедине с Государем, — ответила Ее Величество. — Вероятнее всего, меня арестуют.

Обе девушки прижались к своей матери и медленно пошли назад, к Марии Николаевне. Выбравшись из-за ширмы, я направилась в классную комнату, где решила ждать возвращения Государя.

Спустя какое-то время, показавшееся мне вечностью, появился Император. Он был один.

— Ваше Величество! — воскликнула я. — Умоляю вас, скажите, угрожает ли что-нибудь Ее Величеству?

Государь заметно нервничал.

— Нет, нет, Лили. Если бы Керенский посмел сказать хоть слово осуждения в адрес Ее Величества, вы бы услышали, как я ударил по столу — вот так. — При этом он стукнул кулаком по парте. — Но я слышал, что Анну арестовали. Бедняжка, что же с ней будет?

Услышав голос супруга, Государыня вышла из спальни Марии Николаевны. Государь сообщил ей, что Керенский арестовал Анну, так как подозревает, что она замешана в политических интригах. «Если это окажется правдой, то будет ужасно, — сказал Керенский, — но я полагаю, что теперь все выяснится».

Их Величества подробно рассказали об их встрече с Керенским.

— Первое, что он сказал, — вспоминала Императрица, — это: «Я Керенский. Вероятно, вам известно мое имя?». Мы ничего не ответили. «Но вы, должно быть, слышали обо мне?» — настаивал он. Снова никакого ответа. «Ну что ж, — продолжал Керенский. — Я, право, не знаю, почему мы стоим. Давайте присядем — так будет гораздо удобнее!» Он сел, — продолжала Ее Величество. — Мы с Государем неторопливо последовали его примеру. Видя, что я не склонна разговаривать с ним, Керенский настоял на том, чтобы я оставила их с Государем наедине.

Вскоре к большому нашему облегчению мы узнали, что Керенский покинул дворец и отправился в Городскую управу. Вслед за этим Государыне представили нового коменданта, пол-

ковника Коровиченко, к которому она обратилась с просьбой разрешить ей попрощаться с Анной. Коровиченко согласился, и Государыня отправилась к Анне одна. Вернувшись от нее, Ее Величество сидела, не говоря ни слова. Она болезненно воспринимала разлуку. Подруги, видно, понимали, что, скорее всего, расстаются навсегда!

Государь, Их Высочества и я вошли в «комнату Орчи»¹, из окон которой виден был вход в апартаменты Анны. Вместе с Государыней я сидела возле окна... Неожиданно она схватила меня за руку и произнесла взволнованным голосом:

— Дай Бог, чтобы вы остались. Тогда...

Императрица не успела закончить фразу: кто-то постучал в дверь. Это был граф Бенкендорф, который поспешил уведомить Государыню, что с Анной, он надеется, ничего страшного не случится.

Но передышка была лишь временной. Чуть погодя мы услышали шум автомобиля во дворе. Я посмотрела вниз и увидела два мотора, подъехавшие к Императорскому подъезду дворца. Снова стук! На этот раз вошел скороход, который объявил:

— Новый комендант желает поговорить с госпожой Ден.

Я вышла. Коровиченко, белокурый человек с простоватым лицом и твердым ртом, стоял в конце коридора.

— Госпожа Ден? — резко проговорил он.

— Да... Я госпожа Ден.

— Хорошо. Собирайтесь. Возьмите с собой как можно меньше вещей. Вы едете с Керенским в Петроград.

Я едва не лишилась чувств, однако сумела сбегать в «комнату Орчи». Торопясь, в нескольких словах я известила Ее Величество о распоряжении Коровиченко. Я не в силах была смотреть ни на кого из них. Попыталась сдержаться, но, услышав безутешные рыдания Татианы, обняла Государыню и тоже заплакала.

— Eh bien... — проговорила она, осторожно освобождаясь из моих объятий, — il n'y rien à faire².

— Госпожа Ден готова? — закричал кто-то из коридора.

Императрица позвала Занотти (одну из ее камеристок) и велела собрать мне чемодан. Мы с Государыней не могли произнести

¹ Орчи — ласкательное прозвище мисс Орчард, старой гувернантки Государыни, которая умерла во дворце. После ее смерти в ее комнату не заходили. (Прим. автора.)

² Ну что же... Ничего не поделаешь. (фр.)

ни слова: сердца наши были слишком переполнены. Казалось, мне снится какой-то кошмарный сон. Не помня как, я добралась до комнаты Анастасии... Она лежала в постели. Я многократно расцеловала девочку и сказала, что никогда ее не забуду. Бедняжка Мария спала в своей полутемной комнате... Я чмокнула ее в раздумянившуюся щеку и неслышно вышла. С Цесаревичем я уже не успела попрощаться.

* * *

После того как Занотти собрала мои вещи, государыня попросила ее принести образок, который повесила мне на шею, при этом благословив меня. В последний момент Татиана выбежала из комнаты, затем вернулась — на этот раз держа в руках небольшой кожаный футляр с портретами Их Величеств, которые с младенческих лет стояли у нее на особом столике.

— Лили, — плача, говорила она, — если Керенский все-таки арестует вас, то с вами останутся Папа и Мама, которые будут вас утешать.

Еще один настойчивый окрик напомнил нам, что наступила минута расставания. Я надела шляпу, и мы вышли из «комнаты Орчи»; Их Величества шли по бокам, а Великие Княжны Ольга и Татиана — сзади меня. Могла ли я подумать в прежние, счастливые дни, что мне придется идти по этому коридору с разбитым сердцем и при подобных обстоятельствах? Десять лет я не видела от Императорской Семьи ничего, кроме любви. На моих глазах росли Царские дети, я была участницей их игр, их другом — и вот теперь вынуждена оставить их среди враждебного, грозящего бедами окружения.

Россия успела лишить их высокого положения, имущества и свободы; неужели ей нужно было лишить их еще и друзей?

Мы медленно приблизились к площадке широкой лестницы... Нам предстояло сказать последнее «прости»... Я пыталась сохранять мужество... Наступила тишина, нарушаемая лишь сдавленными рыданиями Татианы Николаевны. Ольга и Ее Величество были совершенно спокойны, но Татиана, которую большинство нынешних историков называют гордой и замкнутой, всецело отдалась своему горю.

На лестнице уже ждали два солдата... Императорская Семья окружила меня, я остановилась... Напрасны были все старания сдерживать свои чувства. Мы прильнули друг к другу, но наши без-

утешные слезы не тронули холодные, как мрамор ступеней, на которых мы стояли, сердца мятежников.

— Пойдемте, мадам, — проговорил один из солдат, схватив меня за руку.

Я повернулась к Государыне. Громадным усилием воли она заставила себя ободряюще улыбнуться мне. Затем голосом, в каждом звуке которого трепетали горячая любовь и искреннее религиозное чувство, произнесла:

— Лили, страдая, мы очищаемся для Небес. Прощание это ничего не значит. Мы встретимся в ином мире.

Солдаты повели меня вниз, но посередине лестницы я замедлила шаг и оглянулась назад. Их Величества и Их Высочества по-прежнему стояли там, где мы с ними расстались. Бесцеремонно подтолкнув меня, охранники стали спускаться вместе со мной. Я больше не могла видеть любимое лицо Государыни.

Подойдя к двери второго подъезда, я увидела нескольких офицеров и солдат, которые смеялись и переговаривались между собой. К подъезду уже подали два автомобиля. Стужа была лютая, ледяной ветер с воем налетал на стены дворца, швырял мне в лицо колючие иголки снега. Я села в открытый автомобиль. Пришлось ждать Анну. Наконец появилась и она; выглядела она ужасно, глаза опухли от слез. Двое офицеров расположились напротив нас, третий уселся рядом с шофером. Мы в последний раз взглянули на Императорский дворец, где осталось мое сердце.

Автомобиль быстро покатил к Императорскому павильону и перед ним остановился. Я поспешно вошла внутрь, высоко подняв голову... Пусть враги не подумают, что мне знакомо слово «страх». Проходя мимо группы солдат, я услышала, как один из них насмешливо произнес: «Погляди-ка, до чего заносчива!» Но я и виду не подала, что услышала ехидное замечание.

Императорский поезд уже стоял у платформы. «До чего же непоследовательные люди эти революционеры», — мелькнула у меня в голове мысль. Ведь Керенский & Ко. не постеснялись завладеть Императорским имуществом и воспользоваться благами, которые сами недавно осуждали. Мы с Анной направились в салон и там сели. Вернее, села я, Анна же полулежала в кресле почти без чувств. В окно вагона был виден дворец, я неотрывно смотрела на него до тех пор, пока поезд не отошел от платформы. Но и тогда, напрягая зрение, я пыталась разглядеть знакомые очертания здания, с которым было связано столько дорогих воспоминаний.

Неожиданно до меня дошло, что кто-то кричит и стучит по полу палкой. Я отпрянула от окна, чтобы узнать, в чем дело, и тут увидела Керенского, злобно уставившегося на меня.

— Послушайте, вы! Почему не отвечаете, когда с вами разговаривают? — неистовствовал он.

Я взглянула на него, не говоря ни слова. Никто еще не обращался со мной таким образом! Женщина я высокая; возможно, мой рост (я смотрела на него сверху вниз) и невысказанное презрение заставили его поубавить тон.

— Просто я хотел уведомить о том, что я везу вас в дом предварительного заключения при Министерстве юстиции, — продолжал Керенский. — Оттуда вас переведут *в другое здание* (многозначительно произнес он эти слова), где вы и останетесь.

Я по-прежнему смотрела на него как на пустое место, и он ретировался в свое купе. Через десять минут мы прибыли в Петроград!

Адъютанты заставили Анну выйти первой, я шла следом. Проходя по вагонам, я увидела Керенского и еще какого-то человека, которые сидели, развалившись, в Императорских креслах! При виде меня Керенский выпрямился и со злобным любопытством окинул меня взглядом с головы до ног. В ответ я посмотрела на него, не скрывая своего презрения... В следующий момент нам приказали подняться в закрытую карету (тоже остаток Царской роскоши) и повезли в обществе адъютантов — совсем мальчиков, — которые с явным интересом разглядывали нас.

При виде революционных перемен, происшедших в Петрограде, я пришла в ужас. Куда подевался его мирный, благовоспитанный облик! Теперь город походил на пьяницу, только что вышедшего из запоя. Повсюду висели красные флаги, возле булочных выстроились длинные очереди раздраженных людей. При виде этого зрелища Анна очнулась, забыв о своем горе, и, совсем по-детски обрадовавшись, заметила:

— Вот видите, Лили. *После революции* стало ничуть не лучше.

Показав глазами на адъютантов, я пресекла ее дальнейшие критические высказывания и почувствовала глубокое удовлетворение, когда карета застряла сначала в одной, затем в другой куче грязного снега, покрывавшего улицы, которые давно не расчищались дворниками. Ни одного городского — закон и порядок перестали существовать, зато на углах улиц собирались группы странного вида личностей. Эти слонявшиеся без дела люди определен-

но были евреями... Ничего удивительного в том, что Петроград приобрел местечковый вид.

Перед зданием Министерства юстиции карета остановилась. Нескончаемыми коридорами нас привели в комнату на четвертом этаже. В комнате не было ничего, кроме двух кресел, небольшого стула и стола, на нем — графин с водой. Адьютанты сообщили, что если нам что-то понадобится, мы сможем сказать об этом часовым. Прежде чем они ушли, я попросила одного из них:

— Не смогли бы известить мою прислугу о том, что я нахожусь здесь?

— Это невозможно, — ответил он. — Зато в тюрьме, куда вас отвезут потом, вам разрешат раз в неделю встречаться со своими знакомыми.

Оба молодых человека ушли. Анна тотчас принялась плакать. Я было попыталась утешить ее, но у меня у самой не осталось сил. Рядом не было никого из тех, ради кого следовало сохранять мужество!

В помещении было ужасно холодно, мы прижались друг к другу, охваченные невеселыми мыслями. Неожиданно в коридоре раздались выстрелы... Уж не предвестники ли это смерти? Вслед за выстрелами послышался грубый хохот. В комнату ворвался какой-то солдат.

— Ха-ха-ха! Струсили? — насмешливо произнес он. — Подумали, наверное, что вам крышка!¹

Оставшись в этом наводящем уныние помещении, я думала о многом. Неожиданно я вспомнила, что у Анны была привычка носить с собой письма и фотографии. Я так и обмерла. Неужели она и сейчас осталась верна себе?

— Анна, — проговорила я, стараясь казаться беспечной. — Какие бумаги вы захватили с собой?

— Ах, множество, Лили, — ответила простушка. — У меня есть при себе несколько писем от Государыни, кое-какие письма от Григория и две его фотографии.

Очевидно, выражение моего лица выдало меня. Анна принялась хныкать:

¹ В ту самую минуту, когда раздались эти выстрелы, генерал Нокс обсуждал какие-то проблемы с Керенским. Услышав стрельбу, генерал спросил, что означают эти выстрелы. «Ах, это только что привезли двух друзей Императорской Семьи», — ответил Керенский. После того как мне удалось добраться до Англии, я встретила с генералом Ноксом, который рассказал мне об этом эпизоде. Я ему сообщила о том, что находилась в числе «двух друзей» (Л. Д.).

— Ах, Лили, почему вы такая мрачная? Неужели они станут с нами плохо обращаться? Что же нам делать?

— Вы должны отдать мне все ваши бумаги.

— Но почему, Лили? — насупилась Анна.

— Потому, что держать при себе что бы то ни было, имеющее отношение к Ее Величеству и Распутину, опасно. Даже вполне невинные фразы могут быть истолкованы самым превратным образом... Ведь вы же не хотите навредить Ее Величеству?

Анна тотчас же отдала мне все письма, но возникла трудность — как побыстрее уничтожить их. Сжечь их мы не могли: в комнате не было печки. Поэтому я решила разорвать письма на мелкие кусочки и спустить их в уборную, которой нам разрешили пользоваться. Таким образом мне удалось избавиться от бумаг, которые наши тюремщики могли счесть «компрометирующими» документами!

Прошло какое-то время, показавшееся нам невыносимо долгим, в коридоре послышались шаги. Дверь распахнулась, и в помещение вошел Керенский. Намеренно повернувшись спиной к Анне, он посмотрел на меня с прежним враждебным любопытством. Мы молча разглядывали друг друга... Наконец он пожал плечами и обратился к одному из офицеров:

— Здесь чертовски холодно. Распорядитесь, чтобы поставили печку.

Не сказав больше ни слова, он вышел и еще долгое время разговаривал с кем-то в коридоре. После этого произошла смена караула. Солдат, оставшийся с нами, обратился ко мне:

— Ах, барышня. До чего же мне вас жаль. Вы такая грустная. Что же вы такое натворили?

— Ровным счетом ничего.

— Вот ужас-то. Какое же они имели право арестовывать таких молоденьких дамочек, как вы.

— Наверно, вышли какие-то новые законы, по которым нас следовало арестовать.

— Какие там новые законы! — рассмеялся караульный. — Скажете тоже... Не думаю, что от них будет какой-то толк. Как мы станем жить без Императора? Неужели вы считаете, что нам этого хотелось? Думаете, мы по своей воле присоединились к ним? Им пришлось применить силу. Мы были безоружны, и сопротивляться не было возможности.

Оказалось, что этот добрый юноша родом из южной России. Когда же я ему сообщила, кто я такая и где находятся мои имения, он сказал, что готов сделать для меня все, что угодно.

— Завтра я снова заступлю в караул, — заявил он. — Так что можете черкнуть письмецо, а уж я постараюсь его передать.

Наступил вечер, мы чуть ли не падали от голода и усталости. Нам принесли немного супа, но мы и ложки не могли проглотить. То и дело в комнату заглядывали солдаты и потешались над нами: «Теперь у нас есть парочка смазливых бабенок. Есть на кого посмотреть». Но смех их был все же лучше грубых шуток. Некоторые из них заставляли меня краснеть от стыда. Я дрожала при мысли, что их грубость может превратиться в нечто невообразимое. Мы захотели помыться, но сделать это оказалось невозможно — ни кувшина, ни таза в комнате не нашлось. Вода была только в графине. Открыв свой чемодан, я нашла вату и корпию, которую вместе с другими вещами положила туда Занотти. Налив воды в стакан, я смочила вату и принялась обтирать лицо. Затем вытерла его марлей. К нашему удивлению, два знакомых нам адъютанта зашли к нам в комнату в сопровождении солдат в час ночи! Один из адъютантов обратился к Анне Вырубовой:

— Мадам, нам приказано увести вас отсюда.

— Ах, Лили! — простонала Анна, хватая меня за руку. — Не разрешайте им уводить меня. Не сможете ли вы поехать со мной? Я боюсь уезжать в другую тюрьму без вас.

— Вы не позволите мне сопровождать госпожу Вырубову? — спросила я у офицера.

— Приказ касается только *госпожи Вырубовой*, — ответил адъютант.

В этот момент вошел какой-то незнакомый офицер.

— Что за шум? — поинтересовался он. Адъютант объяснил, что происходит. — Как, здесь сама госпожа Вырубова? — воскликнул офицер. — Давненько мне хотелось взглянуть на нее... Которая же из них Вырубова?

Адъютант указал на Анну, которая растерянно смотрела то на одного из них, то на другого.

— Поднимайтесь! — приказал офицер.

Анна с кротким видом повиновалась и встала, опираясь на костыль.

— Но в чем дело? — спросил офицер, немало удивившись.

— Я инвалид, — испуганно ответила Анна.

— Этого еще не хватало! — воскликнул офицер.

Больше он не произнес ни слова и только разглядывал Анну на подобие ученого-натуралиста, изучающего доисторическое животное. Он не мог даже допустить и мысли, что это и есть пресловутая Анна Вырубова. Как и множество других людей — не только в России, но и в других странах далеко за ее пределами, — он представлял себе Вырубову совершенно иной. Наверное, он воображал, что встретит авантюристку из мелодрамы, этакую распутную интриганку, ловкую заговорщицу, хитрую наперсницу слабовольной Императрицы!

И что же он увидел на самом деле?

Перед ним стояла мнимая распутинская *sorgiere-en-chef*¹ — крохотное дрожащее существо с миловидным лицом и жалобным детским голоском. Офицер глазам своим не верил.

— Так вы хотите сказать, что вы калека? — неуверенно проговорил он.

— После того как я попала в лазарет, я всегда хожу с костылем, — беспомощно проронила Анна. — Разве я виновата в том, что произошло крушение поезда?

— Поразительно, — пробормотал офицер, по-прежнему разглядывая увечную. — Ну, пойдемте же.

Но Анна обхватила меня за шею и не хотела покидать меня. Послышались душераздирающие рыдания. Нужно отдать им должное, солдаты очень бережно обращались с этой бабочкой, угодившей под колеса экипажа. Появилась стайка журналистов обоего пола, но одинаково растрепанных и неухоженных. Они что-то торопливо записывали, посматривая полупрезрительно-полусочувственно на исчезающую в темноте жалкую фигурку Анны Вырубовой.

ГЛАВА VI

Дни тянулись за днями — однообразные, как две капли воды похожие один на другой. Казалось, что я уже не принадлежу к внешнему миру. Ничего не слышала, никого не видела. Жила будто в склепе. Но если дни мои не отличались разнообразием, то ночи для меня были одинаково наполнены кошмаром. Когда опускалась темнота, и начальство притупляло свою неизменную

¹ Сообщница (фр.).

бдительность, то солдаты начинали вести себя далеко не так, как подобает. Вы поймете, какой я тогда испытывала ужас, если скажу, что боялась и на минуту сомкнуть глаза... До сих пор мне еще не приходилось сталкиваться с похотью, теперь же было нетрудно понять значение взглядов, которые бросали на меня многие солдаты. У меня не было никаких иллюзий относительно морали свободы, скорее, это была свобода аморальности! Я думала о муже в далекой Англии, о своем мальчугане, который лежит больной совсем неподалеку от места моего заключения, и о той дорогой мне семье, ради которой я была готова на новые испытания. Мысленному взору моему как бы открылась книга памяти. На страницах ее я видела людей и события, пробуждавшие в моей душе множество воспоминаний — одновременно радостных и печальных. Я снова бродила по липовым аллеям нашего имения и слушала трели соловьев. Видела заброшенную могилу, на которую ронял свои лепестки-слезы куст диких роз. Снова стояла в Зимнем саду, ожидая встречи с Ее Величеством. Порой играла со своим Тити и Великими Князнями, слышала ласковый голос Государыни. Вспоминала наше паломничество, бледное лицо и гипнотический взгляд Григория Ефимовича... На фоне вечернего неба выделялись очертания храмов и домов Тобольска, а мимо меня несли свои темные, зловещие воды река...

Память перелистывала страницу за страницей. Перед взором моим возникло Царское Село, больные дети, хрупкая фигура Императрицы, лицо Государя, с которым так жестоко обошлась судьба.

Я попыталась сохранять самообладание, но напрасно... Я подумывала о побеге, но комната находилась на четвертом этаже, и спуститься с такой высоты я не рискнула. Меня стала неотвязно преследовать одна мысль. Я должна увидеть Керенского, и идея эта не оставляла меня ни на минуту, в особенности после того, как я узнала, что меня должны вскоре перевести в другую тюрьму.

— Поступил запрос относительно вас, — сообщил мне адъютант.

— У меня к вам просьба. Не смогли бы вы известить министра Керенского о том, что мне хотелось бы с ним встретиться, — обратилась я к нему.

Молодой адъютант был, по-видимому, изумлен моей просьбой.

— Гм... Я постараюсь, однако... — Он сделал жест, как бы свидетельствующий о бесполезности подобной затеи.

Вернувшись, адъютант сухо проронил:

— Я намеревался передать вашу просьбу, но Керенский отдыхает. Он только что пообедал.

— Вы не попросите его прийти ко мне, когда он проснется?

— Хорошо, — отозвался адъютант, снова безнадежно махнув рукой.

Я нетерпеливо ждала. Я понимала, что встреча с Керенским может изменить мое безысходное положение. Я принялась ходить взад и вперед по комнате, и мое возбужденное состояние вызвало сочувственное замечание одного из караульных:

— Бедная дамочка! Совсем вы извелись!

Прошли три часа, показавшиеся мне столетием. Затем вошел адъютант, который заявил: «Министр примет вас».

Я торопливо поправила на себе форму сестры милосердия. По бокам от меня встали два солдата, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками. Адъютант вел меня куда-то вниз по нескончаемым лестницам и длинным коридорам. Наконец мы остановились у приоткрытой двери, откуда доносился нежный аромат роз. Неужели в этой тюрьме кто-то выращивает розы? Но я не могла ошибиться. Впрочем, мне не пришлось долго ломать голову.

Меня ввели в просторную, прекрасно обставленную приемную, принадлежавшую некогда одному из Царских министров. На столе я увидела огромную корзину кроваво-красных роз. На другом — алые гвоздики. Теплый воздух был насыщен ароматами роз и гвоздик, смешавшимися между собой. Выходит, революционные министры могут в стужу наслаждаться благовонными цветами, в то время как «сыны свободы» стоят по колено в снегу и требуют хлеба!

Из двери в дальнем конце приемной вышел Керенский. Взглянув на меня, он подошел к письменному столу и, сев за него, жестом указал мне на стул.

Керенский: Ну, так что вам угодно? Вы хотели меня видеть?

Я: Хочу спросить у вас, почему меня арестовали. Политикой я никогда не занималась, она меня совершенно не интересовала. Я не могу считать себя политической узницей.

Керенский (взяв на столе какое-то досье и разглядывая его): Послушайте... Во-первых, вас обвиняют в том, что вы добровольно остались с Их Величествами, хотя не имели никакого официального положения при дворе. Вы станете это отрицать?

Я: Конечно нет. У меня нет ни малейшего желания делать это. Я осталась с Их Величествами, потому что не могла покинуть их в такую минуту. Я люблю Их Величества как частных лиц. Неужели же вы находите, что это преступление?

Керенский: Хорошо, оставим это... Но отчего такая тесная дружба между вами и Ее Величеством?

Я: Государыня удостоила меня дружбой, и я считаю, что это для меня большая честь. Она знает моего мужа и всегда была добра по отношению к нам, поэтому мы не могли не ответить ей преданностью.

Керенский (нетерпеливо): Довольно об Императрице. Чего же вы хотите?

Я: Я прошу не о том, чтобы мне предоставили свободу, но прошу, чтобы меня заключили в моем доме. Мой сын болен. Я хочу быть с ним.

Керенский (насмешливо): Когда вы решили остаться с вашей драгоценной Императрицей, вы не подумали о своем сыне и бросили его в Петрограде.

Я (сердито): Мне лучше знать причины, по которым я покинула его. Вы называете себя патриотом... Полагаю, что любовь к Родине для вас важнее семейных уз? Я люблю Императорскую Семью, она для меня главнее семейных привязанностей. Вы оторвали меня от нее — сама я уезжать не хотела. Почему же вы хотите лишить меня моего ребенка?

Керенский (зловеще и многозначительно): Послушайте, госпожа Ден. *Вы знаете слишком много.* С самого начала революции вы неизменно находились в обществе Императрицы. Если захотите, то вы совершенно иначе можете осветить некоторые события, относительно которых мы придерживаемся иного мнения. Вы опасны.

Долгое молчание.

Керенский: Как вы объясните, что все распоряжения Императрицы поступали именно через вас? Ведь вы не занимали никакого официального положения... Все это весьма подозрительно.

Я: Мы были практически изолированы от свиты, потому что боялись инфекции. Кроме того, какие же распоряжения могла отдавать Императрица без вашего ведома?

Керенский: Слуги свидетельствуют о том, что все распоряжения отдавали вы. Следствие выяснит причину. Если вы человек честный, то хорошо... Если же нет — пеняйте на себя.

Я посмотрела на нового министра. Он казался неумолимым, но я решила еще раз воззвать к нему. Судя по всему, он любит цветы. Следовательно, если он настолько чувствителен, то у него есть и сердце!

— Если бы у вас у самого был ребенок, вы бы поняли мои чувства, — проговорила я.

Керенский посмотрел на меня с уже знакомым мне пристальным любопытством.

— Я не слишком-то высокого мнения о вас как о матери, — холодно улыбнулся он, — но... Кстати, а сколько лет вашему ребенку?

— Семь.

— Видите ли, сударыня, у меня действительно есть ребенок, и ему тоже семь лет. Я не вправе ничего решать, но я намерен отправиться на заседание Государственного Совета, на котором будет присутствовать князь Львов. Он и должен решить вашу судьбу.

Я взглянула ему прямо в глаза. На этот раз он не отвел своего взгляда.

— Я совершенно убеждена, что вы можете поступать по своему усмотрению, ни с кем не советуясь, — проговорила я.

Этим замечанием я польстила его самолюбию. У большинства мужчин самое больное место — их тщеславие. Стоит вам уязвить их тщеславие, и они вам никогда этого не простят. Поощрите его, и человек этот — ваш друг на всю жизнь. Керенский не был исключением. Я нашла слабое место русского Ахилла.

— Вы совершенно правы. Разумеется, я могу поступать так, как мне угодно. Возвращайтесь к себе в помещение. Я сообщу вам о своем решении позднее. — С этими словами он нажал на кнопку электрического звонка, укрепленную у него на столе. Вошел адъютант.

— Есть кровать в комнате у госпожи Ден? — спросил Керенский. — Если нет, позаботьтесь о том, чтобы ее поставили.

— Мне не нужна кровать, — прервала я его. — Прошу вас, отпустите меня к моему ребенку.

— Я уже сказал вам, что сообщу о своем решении позднее, — сказал Керенский. — Но если я разрешу вам отправиться домой, вы должны дать мне письменное обещание не предпринимать против нас никаких действий.

Адъютант дал знак солдатам. Керенский больше не обращал на меня никакого внимания, и меня вывели из его теплого, напоенного ароматом цветов кабинета в холодный коридор.

Когда я вернулась к себе в комнату, меня охватили безнадежность и отчаяние. Керенский не сказал мне ничего определенного. Единственное, на что я надеялась, — это на то, что мое замечание относительно его всемогущества пойдет мне на пользу. Я села в угол у самой двери, напряженно прислушиваясь, не доносятся ли из коридора шаги.

Вскоре после полуночи появился знакомый мне адъютант и широким театральным жестом как бы обвел безмерное пространство:

— Министр разрешил вам идти домой.

Какие я при этом испытала чувства, легче себе представить, чем описать. Вскочив на ноги, я перекрестилась, и рука моя коснулась бесценного образа, висевшего у меня на груди. Выходит, я действительно свободна! Я едва могла поверить этому. Неужели я не ослышалась?

Адъютант велел мне надеть шляпу и пальто и следовать за ним. Прежде чем я оделась, он попросил меня подписать документ, согласно которому я обязалась не покидать Петрограда и быть готовой к вызову на допрос. Я выполнила его просьбу. Затем, захватив свой чемоданчик, стала спускаться по лестнице.

Молодой офицер оставил меня в вестибюле. По-видимому, он совершенно утратил ко мне интерес: даже не потрудился попрощаться со мной. Лишь указал на дверь и исчез. Я оглянулась, не смея двинуться с места. Я еще не осознала, что вправе уйти отсюда — когда и куда мне вздумается. Толкнув тяжелую дверь, я очутилась на холодной и темной улице. Не видно было ни одного извозчика: я чувствовала себя слишком измученной, чтобы идти пешком, но, преодолевая себя, попыталась сделать несколько шагов. Ноги мои разъезжались во все стороны на покрытой мокрым снегом и грязью мостовой. Вдруг я заметила какого-то мужчину, смотревшего на меня с нескрываемым любопытством. Меня охватил страх. Неужели снова арест?

Мужчина направился в мою сторону.

— Вы госпожа Ден? — спросил он учтиво.

— Да.

— Значит, я не ошибся, мадам. Я несколько раз бывал у вас дома. Раньше я служил в лакеях у госпожи Казариновой. Бедная, бедная мадам, кто бы мог поверить, чтобы такое могло с вами случиться. Позвольте вам помочь. Я знаю, где найти извозчика.

Вскоре он вернулся вместе с извозчиком и помог мне подняться со всей учтивостью и предупредительностью хорошо вышко-

ленного слуги. Я многократно поблагодарила его. Он сообщил кучеру, куда надо ехать, и мы тронулись.

Когда я приехала домой, был час ночи. Я позвонила в звонок, и немного погодя дверь открыла горничная. Увидев меня, она едва не лишилась чувств. Я не могла произнести ни слова. Не в состоянии думать ни о чем другом, я поднялась в детскую. Она была пуста! Что же случилось? Неужели произошло несчастье? Через площадку я бросилась в свою комнату... Там горел свет. На моей постели кто-то лежал... Слава Богу! Я узнала темную головку моего любимого мальчика. Он был жив и здоров. Я опустилась рядом с ним на колени. Легонько вздрогнув, с улыбкой, словно пролившей бальзам на мое истосковавшееся сердце, Тити проснулся.

— Мапочка, мамочка... — Он обхватил меня своими ручонками. Я стала целовать его лицо. — Откуда ты пришла? — спросил ребенок.

— Из тюрьмы.

Мальчик заплакал. Лишь тут я поняла всю бестактность своего ответа.

— Если тебя снова заберут, я тоже пойду с тобой, — рыдал он. — А где тетя Беби? Что с ней случилось? Где папа? Говорят, что его убили¹.

— Я ничего не знаю о папа, голубчик.

Услышав голоса, в комнату вошел мой отец. Он чрезвычайно обрадовался тому, что я жива и здорова: ходили всевозможные слухи относительно моей судьбы и судьбы Анны Вырубовой. Я не могла оторвать глаз от своего мальчика: выглядел он почти здоровым, но что меня поразило, так это холод, стоявший в моей спальне. Я спросила у отца, почему они не истопят печь. Тот лишь пожал плечами.

— Ma chère, — ответил он. — Ответ очень прост: у нас нет дров! Слугам удастся украсть немного топлива в дневное время, а ночью — *c'est bien autre chose*².

Я быстро разделась и юркнула в постель. Крепко прижав к груди своего мальчугана, я принялась осыпать его поцелуями. Я трепетала, охваченная радостью и страхом. Нас никто не разлучит!

¹ Позднее мне сообщили, будто бы он убит, а труп его выброшен за борт (*Л. Ден.*). В книге «Моонзунд» В. Пиккуль пишет, будто бы в 1917 году Лили Ден была убита на одном из островов архипелага, а ее муж перешел на сторону немцев, хотя на самом деле он в это время находился в Англии. (*Прим. переводчика.*)

² Моя дорогая... совсем другое дело (*фр.*).

Что с нами будет, я этого не ведала, но в эти первые часы своей свободы решила, как только это станет возможно, уехать в свои поместья на юге России. Если же Императорскую Семью вынудят покинуть Царское Село, то я последую за нею.

Все в доме изменилось. Я его не узнала. Прислуга все еще оставалась мне преданной, но продовольствие и топливо достать было нелегко. На следующий день утром я не встала с постели. Мне очень нездоровилось: сказалось долгое нервное напряжение. Не раз у меня были сердечные приступы. Но ни на какие внешние события я не откликалась. Однако в десять вечера зазвонил телефон. Горничная сообщила, что со мною желает поговорить командир Гвардейского экипажа.

Известие это удивило меня и раздосадовало. Зная, как вели себя некоторые офицеры экипажа по отношению к Царской Семье, я считала предосудительным продолжать поддерживать с ними знакомство. Однако к телефону подошла.

— Госпожа Ден, — послышался в трубке знакомый голос, — вы действительно вернулись из дворца?

— Да, я вернулась в Петроград несколько дней назад.

— Я слышал, что вы были арестованы. Каким же образом вы оказались дома?

— Керенский разрешил мне ухаживать за моим сыном. Не могли бы вы, ради моего мужа и как один из его сослуживцев, приехать ко мне?

— Это исклочено, — ответил голос. — Послушайте, вам нельзя оставаться там, где вы находитесь.

— Ну что ж, раз вам так угодно, я готова повиноваться. Попытаюсь найти себе какую-нибудь другую квартиру, как только приду в себя.

— Вы должны уехать сейчас же.

— Мне некуда ехать, к тому же ребенок болен.

— Отвезите его в какую-нибудь гостиницу. Я не стану отвечать за вашу безопасность. Ночью может произойти многое. Могут прийти матросы и убить вас.

Затем командир экипажа дал отбой. А мне предстояла ужасная ночь. Но я приняла твердое решение: никуда я не побегу. Если нам суждено умереть, умрем вместе. Я слишком измучена, сын болеет, и на ночь глядя нечего срываться с места.

Я позвонила племяннику мужа, который находился в расположении части. Он обещал держать меня в курсе событий. К сча-

стью, ночь прошла спокойно. Никто к нашему дому не приближался.

Шли недели, Керенский словно забыл о моем существовании. Жизнь моя протекала спокойно, но меня терзала тревога о моих любимых друзьях. Я получила несколько писем от Государыни, постоянно писала сама — и ей, и Великим Княжнам. По поводу этой-то переписки меня и вызвали в Царское Село. Распоряжение явиться туда было отдано комендантом дворца Кобылинским.

Мне приказали выехать из Петрограда тайком, в форме сестры милосердия. Было начало июля, деревья были покрыты яркой, свежей листвой. Как это было непохоже на тот унылый мартовский день, когда земля лежала под снежным покровом и студеный ветер швырял мне в лицо ледяные иголки. Внешне все казалось мирным и безмятежным, но у меня на глаза наворачивались слезы: вспомнились прежние годы... Да уберет Господь невинных от страданий! В душе заблудшей России непременно проснется чувство справедливости, и все еще может наладиться.

Когда я подошла к Императорскому дворцу, меня охватило жуткое чувство. И в облике дворца, и во всем, что его окружало, произошли разительные перемены. И вдруг я поняла, в чем дело. Царское Село стало мертвым городом. Окна дворца почти скрыты разросшимися ветвями деревьев и кустарников, которых давно не касалась рука садовника. Между камней пустынного плаца растет трава. Мне тотчас вспомнилась известная картина русского художника «Заброшенная усадьба». Поистине дворец походил теперь на заброшенную усадьбу! Я ходила взад и вперед перед его окнами, но не смогла заметить никаких признаков жизни. Мне хотелось громко крикнуть, что я здесь, но не стала этого делать, чтобы не подвергать опасности ни владельцев дворца, ни себя самое. И теперь я была уверена, что жизнь моя принадлежит Императрице. Как знать, может быть, ей еще понадобятся мои услуги.

Кобылинский расположился в большом здании напротив дворца, куда я и направила свои стопы. Народу там было немного, кто-то показал мне кабинет коменданта. Он оказался темноволосым, невысокого роста, нервным мужчиной, и, поскольку, по словам Государыни, он был добр к Императорской Семье, я решила произвести на него благоприятное впечатление. Нашей с ним встрече я придаю определенное значение, поскольку я вправе опровергнуть некоторые заявления, приводимые в недавно вышедшей в свет книге. В своих показаниях полковник стано-

вится в тупик при установлении авторства некоторых писем, адресованных в Александровский дворец, и приписывает его совершенно иному лицу. Истинным их автором была я, недоразумение же, возникшее в связи с подписью автора, объясняется тем, что я использовала вымышленное имя, состоявшее из двух имен — Тити и моего. Никакого «тайнственного лица», о котором идет речь в показаниях Кобылинского, никогда не существовало.

— Вы госпожа Ден? — спросил меня офицер, внимательно разглядывая меня.

— Да, господин комендант.

— Это ваши? — продолжал он, протянув мне пачку писем.

— Разумеется. Все они написаны моим почерком, — ответила я.

— Тогда, черт возьми, почему же вы не подписываетесь своим полным именем? — проговорил он раздраженно.

— Потому что у меня никогда не было такой привычки. «Тили» — это вымышленное имя, сочетание «Лили» и «Тити».

— Я вам не верю, — отрезал комендант. — Это имя совсем другой дамы.

— Почему бы вам не навести справки, если вы сомневаетесь в моих словах? — возразила я. — Вам ничего не стоит узнать истину.

— Ладно, — буркнул он. — Допустим, я вам верю. Только вот что, мадам. Вы должны дать мне обещание. Вы должны уничтожать все письма, которые будет посылать вам Государыня Императрица. Если не дадите мне такого обещания, я не разрешу вам ни писать, ни получать впредь никаких писем. Полагаю, — прибавил он, — такой преданный друг, как вы, не мог прийти сюда без каких-нибудь писем для Императорской Семьи.

Я признала, что предположение его справедливо. Кобылинский улыбнулся и взял письма. Затем дал мне понять, что встреча окончена.

После этого комендант дворца «пропускал» много писем — к Императрице и от нее, но меня постоянно мучил страх, как бы не похитили у меня драгоценные письма Государыни, которые я хранила у себя до сих пор, или не заставили бы меня их сжечь. Но судьба оказалась милостивой ко мне, и у меня появилась возможность переправить в Англию мои письма и некоторые личные бумаги благодаря любезности генерала Пула. Бумаги эти впоследствии были помещены в сейф Лондонского банка, принадлежащий князю Георгию Ширинскому-Шихматову.

Ее Величество и Великие Княжны регулярно переписывались со мной и после отъезда из Царского Села, по существу, почти до того момента, как их увезли в Екатеринбург. Письма эти передавались верным людям, которые доставляли их адресатам из заточения. Те, кто рассчитывает услышать сенсационные разоблачения политического характера, будут глубоко разочарованы, увидев эти трогательные листки, упавшие с дерева Дружбы и пролетевшие через страну, раздираемую страстями, «обретя свой дом», как говорится в словах песни, в сердце друга. Однако я полагаю, что они представляют известный интерес для ученого-психолога, для всякого честного мужчины или женщины, для дотошного исследователя «закулисной жизни» Августейших особ. Они в большей степени достойны быть услышанными, чем любые мои негромкие слова. Ни в одном из писем нет ни намека на сожаление по поводу утраченного блеска Царской власти. Та женщина, которой так хотелось оказаться в Крыму в ту пору, когда акации похожи на «ароматные облачка», даже не вспоминает о роскоши Зимнего дворца или же английской пасторали — жизни в Царском Селе. Возможно, слова их автора, который «и мертвый глаголет», помогут хоть как-то очистить от клеветы и лжи имя Государыни, которую столь безжалостно подвергли суду.

После того мартовского дня, когда Государыня сказала мне последние напутственные слова, мы с ней больше не виделись. Я не могу смириться с екатеринбургской трагедией, которая, судя по неоспоримым свидетельствам, все-таки произошла. Время от времени до нас доходили сообщения о том, будто бы Императорская Семья находится в безопасности, но уже минуту спустя мы сталкивались с доказательствами гибели всей семьи. Один Бог ведает правду, но я все еще питаю надежду на лучшее.

После встречи с Кобылинским я вернулась в Петроград, где прожила неприметно еще несколько недель. Бедная Анна была права, когда сказала, что после революции стало ничуть не лучше, чем до нее! Стало трудной проблемой просто выжить: началось голодное время. Подобно множеству других петроградцев, мы нередко недоедали. Невозможно было достать ничего питательного для моего Тити. Совершенно отчаявшись, я подала прошение, чтобы мне позволили уехать в южную Россию.

К моему несказанному изумлению, просьбу мою удовлетворили. Две недели спустя правительство Керенского пало, и на какое-то время обо мне забыли.

Мы жили мирной, спокойной жизнью в Белецковке, но я по-прежнему вынашивала планы добраться до Сибири, чтобы очутиться рядом с теми, кого я любила. Но «l'homme propose et Dieu dispose». Южную Россию захлестнула волна большевизма. Наше положение стало настолько опасным, что мне пришлось бежать с сыном в Одессу, но поскольку наши приключения никоим образом не связаны с темой настоящей книги, от их описания я воздержусь. Достаточно сказать, что нам удалось добраться до Одессы, а оттуда, при покровительстве французских властей, мы оказались в Константинополе.

Из Константинополя мы взяли курс на Гибралтар, с Гибралтара — в Англию, где ждал меня муж после трех лет разлуки.

Выдержка из письма государыни от 5(18) июня 1917 года.
Царское Село

...О как я рада, что нов[ого] Ком[андующего] флота (Балт.) назначили [адмирала Развозова]. Дай Бог, теперь лучше будет — настоящий моряк, и надеюсь, ему удастся восстановить порядок теперь. Сердце дочери и жены солдата ужасно болит, смотреть на многое — не могу привыкнуть и не хочу, такие чудо-богатыри, которые были — все с ними можно делать — и как их испортили, именно, когда нужно начинать избавляться от врагов — а то сколько лет будем еще воевать. — Вы понимаете, как Он [Император] страдает, — читает [газетные сообщения], а слезы все время на глазах — но я верю — кто еще умеет с ними справляться. Столько у нас друзей там на фронтах — могу себе представить, как безумно больно и тяжело им. Конечно, никто не может писать. Вчера видели совсем другие [лица] — такая разница — приятно было наконец на них глядеть. Опять пишу что не следует, но это не по почте, а то Вы не получили бы. Интересного, конечно, у меня нечего писать. — Сегодня молебен в 12 ч. для 16 л. Анаст[асии] — вот как время летит...¹

Вспоминаю прошлое. Нужно более спокойно смотреть на все. Что же делать? Если Он ниспослал нам такие испытания, то Он, верно, полагает, что мы достаточно к этому подготовлены. Это своего рода испытание — необходимо доказать, что мы не на-

¹ Курсивом выделены приведенные в факсимиле отрывки подлинных писем императрицы на русском языке.

прасно прошли через все это. Во всем можно найти что-то хорошее и полезное, какие бы страдания ни испытывали — смиримся с ними, Бог даст нам сил и терпения и не оставит нас. Он милосерден. Надо только покориться Его воле без ропота и ждать — там, на другой стороне, Им уготовано всем, кто любит его, несказанное блаженство. Вы так молоды, как и наши дети — как много их у меня, кроме своих собственных, — Вы еще увидите здесь лучшие времена. Я крепко верю: дурное пройдет и будет ясное и безоблачное небо. Но гроза еще не миновала, и потому душно — но я знаю: потом будет лучше. Нужно лишь немного терпения — а разве это так уж трудно? За каждый мирно прожитый день я славлю Господа...

Прошло вот уже три месяца [после революции]! Народу обещали, что у него будет больше продовольствия и топлива, но все это стало хуже и дороже. Они всех обманули — я их так жалею. Как многим мы помогали, но теперь со всем этим кончено...

Ужасно думать об этом. Сколько людей от нас зависели. А что теперь? Но о таких вещах не говорят, но я пишу об этом, потому что мне так жаль тех, кому теперь станет жить труднее. Но такова Божия воля! Моя душа, я должна сейчас заканчивать. Нежно целую Вас и Тити. Христос с Вами.

«Самый сердечный привет» — [от Царя].

Любящая вас Тетя Беби.

30 июля 1917 г.

Царское Село

Дорогая моя!

Сердечно благодарю за письмо от 21-го. Не могу писать — у него нет времени читать [«он» — революционный комендант, полковник Кобылинский], бедняга так занят все время, что зачастую остается без ленча и обеда. Мне было приятно с ним познакомиться. Е. С. [Е. С. Боткин — лейб-медик] видел вас. Рада, что Вы все о нас знаете.

Вспоминаю ваше прошлогоднее паломничество. А Вы его вспоминаете? Последнее время мне нездоровится — часто болит голова и беспокоит сердце. У меня расширено сердце. Сплю очень плохо. Но ничего — Господь дает мне силы. Приносили икону Знамения [Божией Матери]. Как я благодарна, что это было возможно в такой дорогой для меня день [день рождения Цесаревича]. Я горячо молилась за Вас и вспомнила, как мы прежде

молились перед нею. Как теперь страдает Тина [Анна Вырубова] — в городе у нее никого нет, сестра ее в Финляндии, а друзья уехали так далеко [государыня имеет в виду себя] — сколько приходится страдать людям — жизненный путь так труден. Напишите, пожалуйста, А. В. [полковнику Сыробоярскому — одному из раненых офицеров] и передайте ему сердечный привет и благословение — нежно целую Вас и милого Тити [моего сына]. Храни Вас Господь и Пресвятая Богородица.

Всегда Ваша Тетя Беби.

Самые добрые пожелания [от Императора].

Я помню — Вера, Надежда, Любовь — это все, все в жизни. Вы понимаете мои чувства. Будьте мужественны. От души благодарю Вас. Все тронуты Вашими образками — мы их просто наденем. Попросите Риту [фрейлину Маргариту Хитрово] написать маме вашего земляка [полковника Сыробоярского].

[Приписано рукой Цесаревича]:

Нежно целую Вас. Спасибо за поздравление.

Алексей.

[Приписано рукой Великой Княжны Ольги]:

Целую и благодарю Вас, Лили, душа моя, за открытку и об-разок.

Храни Вас Бог.

Ольга.

[Приписано рукой Императрицы]:

Спасибо за дорогие письма — понимаем друг друга. Тяжело в разлуке. Привет Р. Гор. Лишь теперь я узнала о том, как вы провели первые дни [в тюрьме]. Это ужасно, но Бог вознаградит Вас. Рада, что Ваш муж написал.

29 ноября 1917 года.

Тобольск

Душка нежно любимая,

Очень, очень давно не имею от Вас вестей, и мне так грустно. Получили ли Вы мою открытку от 28-го Октября?

Все здоровы — мое сердце не особенно хорошо, иногда шалит, но в общем лучше.

Я живу очень спокойно и редко выхожу, так как мне слишком трудно дышать на морозе.

Уроки, как обычно. «Т» [А. А. Вырубова] как всегда. Зина [Менштед] видела ее и О. В. [Лохтину], которая очень грустит и все время молится. Отец Макарий скончался 19-го Июля.

По слухам, Горяинов [А. А.] женился, но мы не знаем, верно ли это. Тетя Беби сама это нарисовала. Как поживает Тити? — Я хочу знать так много. Как граф Келлер [Ф. А.]? Видели ли Вы его в Харькове? Все происходящее так ужасно, что нет слов, так постыдно и почти забавно, но Бог милосерден, моя дорогая. Скоро будем вспоминать те дни, которые Вы провели вместе с нами. Боже мой, какие воспоминания!

Матреша [Распутина] вышла замуж, они сейчас все в П[етро]граде], а брат на фронте!

Я много читаю, вышиваю и рисую (все это приходится делать с очками, так постарела). Часто о Вас думаю и всегда за Вас горячо молюсь и нежно Вас люблю.

Крепко, крепко целую.

Христос с Вами.

Ваш земляк [А. В. Сыробоярский] во Владивостоке, и Николай Яковлевич, я думаю, тоже в Сибири. Чувствую себя так одиноко без вас всех. Где Ваш муж и его друзья? Мы все еще ждем Изу [бар. С. К. Букстевден] и других.

Нежно целую Тити. Пишите, я так жду. Вербен [туалетная вода] всегда мне Вас напоминает.

[Рождественская открытка, нарисованная Императрицей, содержала такие строки:]

Как будто десница Господня
Рассыпала мир и покой —
То ангелы Божьи сегодня
Проходят над спящей землей.

Дорогой Тили
5.XII.17

2 марта 1918 г.

Тобольск

Душка нежно любимая,

Большое спасибо за Ваше дорогое письмо. Наконец-то мы получили от Вас хорошие новости; мы так тревожились, так долго не

получая от Вас писем, зная, как плохо обстоят дела там, где Вы живете. Могу представить, через какие ужасные нравственные мучения Вам пришлось пройти, и вы одни. Мой маленький крестник [Тити] всегда с Вами — что ему приходится видеть и слышать! Это суровая школа. Боже, как жаль мне Вас, мой маленький великан; Вы всегда были такой храброй. Думаю о тех днях год назад. Никогда не забуду, что Вы были для меня всем, и верю, что Бог не оставит Вас. Вы покинули своего сына ради «мамы» [она имеет в виду себя] и ее семьи, и Вы будете вознаграждены сторицей.

Слава Богу, что Ваш муж не с Вами, иначе это было бы ужасно, но ничего не знать о нем еще ужаснее. Я не знала целых четыре дня, где находился мой муж «тогда» [во время переворота], но разве может это сравниться с Вашим положением. Но нам, в общем, лучше и легче, чем другим, — так тяжело не быть вместе со всеми нашими дорогими людьми и не делить их заботы. Да, разлука вещь ужасная, но Бог дает силы выносить даже это, и я чувствую рядом с собой присутствие Отца Небесного, и чудное ощущение радости наполняет мне душу (Тина чувствует то же самое), и причину этого понять невозможно, так как все невыразимо печально, но это чувство приходит свыше, оно вне нас, и ты знаешь, что Он не оставит своих чад, укрепит и защитит их.

Наконец получила известия от К., два письма; у бедняжки новое горе, она похоронила своего любимого отца — мать находится вместе с нею. Ей нелегко оставаться в городе, хотя у нее хорошие друзья и она не отрезана так, как Вы, душка моя. Берегитесь некоторых из Ваших знакомых — они опасны.

Если Вы увидите милого графа Келлера снова, передайте ему, что его бывший Шеф [Государыня имела в виду себя] шлет ему самый сердечный привет, и скажите, что она постоянно молится за него. Мне очень хочется знать, получил ли он какие-нибудь известия о своем старшем сыне. Родионов и его брат находятся в Киеве. Я слышала, что Горяинов и его жена были в Гаграх, а теперь — как говорят — находятся в Ростове. Очень хочу узнать, что с ними, всю прошлую неделю *беспокоилась* о них, сама не знаю почему.

Сегодня у нас 20 градусов мороза, но солнце греет, и у нас уже по-настоящему наступили весенние дни. Крестная [имея в виду себя] все делает по дому, проверяет бухгалтерские книги и счета — работы много, я стала настоящей экономкой. Все здоровы — лишь несколько раз были простуды, да болели ноги — не так что-

бы очень сильно, но гулять не ходила. Они все выросли, Мари очень похудела, четвертая толстая и маленькая. Татiana помогает всем и повсюду, как обычно; Ольга ленится, но они все заодно. Они целуют вас нежно — [знак стоит вместо слова «Государь»] шлет сердечный привет. Они уже загорели, много работают, пилят и колют дрова, иначе бы у нас дров не было. Двор полон лесу, поэтому нам надолго хватит.

Нам все еще не разрешают посещать церковь. Мама А. В. [одного из раненых] очень сожалеет, что Вы не навестили ее. Она живет у родственников Вашей мамы. Имение у них отобрали. Сын вернулся, выглядит он теперь больным, как и все они, бледным и несчастным.

Они, бедняжки, больше не в состоянии содержать М. С. и, вероятно, будут скоро вынуждены покинуть этот дом. Она почти не получает писем от сына; он тоже сетует, поэтому я переписываю то, что они пишут мне, и пересылаю им.

Он очень расстраивается тем, что не получает от Вас писем, хотя сам Вам писал. Он едет в Японию изучать английский, он уже выучил больше 900 слов за десять дней и, разумеется, переутомился и чувствует себя неважно. Его оперировали в декабре во Владивостоке. Рита пишет, что Николай Яковлевич [один из раненых] находится вместе со своим другом, братом маленького М., в Симферополе. Их добрый друг [Александр Думбадзе] был там убит, мы его очень любили, он был одним из наших раненых.

Пишу только о том, что осмеливаюсь написать, поскольку в наше время не знаешь, в чьи руки может попасть письмо. Надеюсь исповедоваться на следующей неделе, если нам это разрешат. Я уже с нетерпением жду эти великолепные богослужения — так хочется помолиться в храме: Вспоминаю наш храм [в Царском Селе] и мою маленькую моленную возле алтаря. Природа прекрасна, все сверкает и ярко освещено. Рядом поют дети. Сегодня нет занятий, из-за того что широкая масленица.

Мысленно я заново переживаю, день за днем, минувший год и думаю о тех, кого увидела в последний раз. Все, все здоровы, но последнюю неделю пошаливало сердце, и мне нездоровится, но это пустяки. Мы не смеем жаловаться, у нас все есть, живем хорошо благодаря трогательной доброте людей, которые тайно присылают нам хлеб, рыбу, пироги и прочее.

Не беспокойтесь за нас, душка нежно любимая. — Вам всем плохо и Родине!!! Что больнее всего и сердце сжимается от боли — что в

один год наделали. Господь допустил — значит, так и надо, чтобы поняли и глаза открыли на обман и ложь. Не могу спокойно газеты читать или эти бессмысленные телеграммы. — А немец перед дверьми! К[орова — прозвище А. А. Вырубовой] и все смотрят на брата, как на спасителя — Боже, до того дошли, что ждут врага, чтобы избавиться от внутреннего врага. И кто во главе послан? Брат Тети Беби. Понимаете! Хотели мило поступать, чтобы было бы менее больно и обидно, наверно — но для нее — это гораздо хуже — такая невыносимая боль — вообще все больно — все чувства затоптаны ногами — так и надо и полезно — душа должна расти и подниматься над всем остальным; ранено то, что для нас самое дорогое и нежное, — разве это не так? Поэтому и мы должны понять через все это, что Бог превыше всего и что Он хочет приблизить нас к Себе через наши страдания. Любите Его всей душой. Но моя Родина — Боже мой — как я люблю ее, всем своим существом, и ее страдания вызывают во мне физическую боль.

И кто же вынуждает ее [Россию] страдать, кто проливает кровь?.. Ее же сыновья. Боже мой, какой неопиcуемый ужас все это. И кто же враг? Этот жестокий немец, и хуже всего для Тети Беби это то, что он [враг] отнимает все, как во времена Царя Алексея Михайловича [подразумевается, что Россия вновь окажется в границах, какие у нее были в царствование А. М.]. Но я убеждена, что так будет не всегда, придет помощь Свыше, люди больше ничего не смогут предпринять, но с Богом все возможно, и Он проявит Свою силу, мудрость, милосердие и любовь — только верьте, ждите и молитесь.

По всей видимости, письмо это придет к Вам в день нашего расставания [год назад]; кажется, это было совсем недавно и в то же время словно с тех пор прошли столетия.

Вот уже семь месяцев мы находимся здесь. Мы видели Изу¹ только в окно, и Мадлену [камер-юнгферу Государыни Занотти] тоже. Как нам сообщили, они здесь живут уже три или четыре месяца. Я должна сейчас же отдать это письмо.

Нежно целую Вас и Тити, Христос с вами, мои душки. Привет Маме [Е. Л. Велецкой] и Бабушке [М. К. Хорват]. Дети Вас целуют и любят, а он [Император] шлет наилучшие пожелания.

Ваша старая Крестная.

¹ Баронесса Буксгевден — фрейлина Императрицы Александры Федоровны.

ЭПИЛОГ

Мысль написать эту книгу впервые мне пришла в голову спустя некоторое время после моего приезда в Англию. Я всегда знала, что в России облик Императрицы преднамеренно и злобно искажали, но я не придавала большого значения этому обстоятельству, поскольку понимала, что это результат революционной пропаганды. Что же касается методов, к каким прибегали революционеры с целью опорочить Императорскую Семью, то они мне были хорошо известны.

Каковы же были мое изумление и ужас, когда я убедилась, что тех же взглядов придерживается и население великодушной и просвещенной страны, которая оказала мне, как и множеству других изгнанников, свое гостеприимство.

Как мне представляется, Государыня подвергается осуждению со стороны гораздо более широких слоев английского общества, чем это было в России. Редко ее имя не упоминалось в связи с какими-нибудь недостойными обвинениями — в предательстве, сластолюбии, истеричности и маниакальной религиозности. Мне, которая близко знала Императрицу и всей душой любила ее, было мучительно видеть все это. Случайно мне довелось посмотреть фильм, представлявший собой возмутительную клевету на характер и личность Ее Величества. Режиссер явно задался целью изобразить Государыню Императрицу как особу, в которой сочетаются все преступные наклонности, создав образ, какой потакает низменным вкусам кинодельцов. Я также читала романы об Императрице, которые, помимо того, что вызвали мое негодование как нагромождение лжи, продемонстрировали, насколько богатым может быть воображение известного рода писателей. Более серьезные авторы осуждали Императрицу в более учливой форме, однако подвергали ее не менее жестокой критике. После того как мир узнал о екатеринбургском злодеянии, некоторые писатели стали относиться к ней более терпимо и сочувственно, но тем не менее порицали Государыню.

Вот почему, столкнувшись с подобной ненавистью и презрением к той, от которой я не видела ничего, кроме любви и доброты, я решила описать собственные впечатления о встречах с Государыней Императрицей, какой я знала ее как в счастливые времена, так и в годы войны, смуты и в течение первых мрачных недель революции.

Я исходила — надеюсь, не без оснований — из того, что, хотя большинство всегда склонно верить самому дурному о любом человеке, все же есть и такие люди, которые, движимые чувством справедливости, готовы взглянуть и на обратную сторону медали. Должны же найтись в Англии друзья и родственники Ее Величества, которые доброжелательно воспримут факты, свидетельствующие о приверженности Императрицы своему английскому воспитанию и традиционно добродетельному образу жизни, характерному для потомков королевы Виктории. Похоже, англичане, видя, как Государыню Императрицу поносят на экране и страницах «книг», забыли, что она была дочерью английской принцессы Алисы, чье имя связано с наиболее благородными и прекрасными чертами в женщине. Казалось бы, одно это обстоятельство должно было свидетельствовать в пользу ее дочери. Однако Царицу не защитило ничто — ни то, что ее кузеном был король Англии, ни то, что одна из ее сестер, вступив в брак, жила в этой стране.

Я понимала безмерную трудность, чуть ли не невозможность предстоявшей мне задачи — восстановить доброе имя Императрицы. Однако, хотя с каждым днем задача становилась все более сложной, движимая любовью и состраданием к обожаемому своему другу, я все-таки предприняла эту попытку.

Я отдавала себе отчет в том, что могу прослать «распутинкой», поскольку моя фотография в обществе Распутина была опубликована в одном из английских иллюстрированных изданий; но наиболее убедительным опровержением возможного обвинения является то обстоятельство, что я живу в Англии со своим мужем и сыном и что мой муж одобрил все, что я написала о Распутине, каким его знала я и другие лица. Если бы общение Императрицы с Распутиным носило недозволенный характер или если бы я не имела возможности описать происходившие события в их точном соответствии с действительностью, то эта книга никогда бы не увидела света.

Было бы несправедливым и неверным назвать революцию прямым следствием мнимой слабости Императора или же пресловутых прогерманских настроений и истерической чувственности Императрицы. Я пыталась показать, что Распутин, вероятно, являлся одним из невольных орудий революционеров в их борьбе с Царской властью: нет никакого сомнения в том, что благодаря немецким интригам Ленин был доставлен в Россию

с целью свержения более либерального правительства Керенского, который не сумел ничего противопоставить Императорской власти. Однако Императрицу нельзя никоим образом подозревать в немецких симпатиях. Россия давно созрела для революции. Попытки совершить революционный переворот предпринимались за много лет до того, как Императрица или Распутин появились на свет. Подтверждением моего тезиса является русская политическая история, однако война лишь ускорила продвижение революции к ее кровавой цели. За этот же период были свергнуты или поколеблены и другие европейские монархии, но Россия — страна крайностей. Отсюда крайние методы осуществления в ней идей равенства, методы, во многих отношениях схожие с теми, что применялись во время Французской революции.

Мне прекрасно известно, что в Англию были направлены некоторые «официальные» документы, касающиеся Императрицы, как известны и постыдные заявления, которые в них содержались. Источником этих «документов» была Дума, и сфабрикованы они были Думой для того, чтобы оправдать многие ее действия, которые иначе нельзя было бы объяснить.

Я не задавалась целью привести какие-то подробные описания торжественных приемов при дворе, а также всех тех событий, до которых так падки европейские журналисты. Передо мной стояла скромная задача — рассказать о буднях и о личности Ее Величества, какой я ее знала. При этом я попыталась избежать всего того, что может походить на преувеличение, в надежде, что читающая публика, которая охотно выслушивала лживые измышления и была объектом эксплуатации лиц, в глаза не видевших Императрицу и не разговаривавших с ней, с такой же готовностью выслушает и свидетельство женщины, которая знала и любила Подлинную Царицу.

Йен Воррес

**ПОСЛЕДНЯЯ
ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ**

БЛАГОДАРНОСТИ

Рад воспользоваться предоставившейся мне возможностью выразить благодарность всем, кто помог мне завершить это исследование жизни Великой княгини Ольги Александровны. В числе таких лиц ее сын Тихон Николаевич Куликовский, его королевское высочество герцогиня Мекленбургская, его высочество герцог Лейхтенбергский, покойная виконтесса Нэнси Астор, покойный сэр Эдвард Пикок; вице-адмирал Т. Н. Джеймс, кавалер орденов Бани, королевы Виктории; Л. У. Брокингтон, королевский адвокат; подполковник Бартли Були, мистер Джеймс Армстронг, мистер Эдвард Юинг, мистер Арнольд Мак-Нафтон, сэр Томас Г. Престон, баронет; мистер А. Г. Крейтон и миссис Мессерви. Я также благодарен мистеру Колину Мак-Келлогу за редактирование и поправки, внесенные в текст книги, и Маргарет Фостер, отпечатавшей рукопись.

Наконец, выражаю признательность моим родителям, Эндрю и Стефани Воррес, чья личная поддержка и финансовая помощь помогли мне провести изыскания, потребовавшиеся для проведения настоящей работы и ее завершения.

Йен Воррес

Предисловие Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны¹

На закате моей жизни господин Йен Воррес убедил меня, что мой долг перед историей и собственной семьей поведать о событиях, связанных с царствованием последнего представителя дома Романовых. Судьба, жестокая к моим близким, возможно, столько лет щадила меня, чтобы я, наконец, нарушила обет молчания и защитила нашу семью от стольких клевет и кривотолков. Благодарю Всевышнего за то, что у преддверия могилы он дал мне такую возможность. Удручает меня лишь то, что я не увижу эту книгу опубликованной.

За преклонностью лет я не смогла написать эти мемуары лично. В длительных беседах мы с господином Ворресом обсуждали различные факты и события моей жизни. В распоряжение господина Ворреса, пользующегося полнейшим моим доверием, я передала все письма и фотографии, которые были у меня, и сообщила ему все необходимые сведения.

Пусть эти страницы правдиво осветят два царствования дома Романовых, столь безжалостно искаженные лживыми опусами безответственных авторов. Пусть книга господина Ворреса позволит читающей публике пересмотреть свои взгляды хотя бы на некоторые лица и события, тесно связанные с одной из самых великих и трагических династий Европы.

¹ Настоящие строки продиктованы Великой Княгиней незадолго до ее кончины 24 ноября 1960 года. Здесь и далее примечания, кроме особо оговоренных, принадлежат Йену Ворресу.

От автора

В 1958 году я готовил выставку произведений византийского искусства в Торонто. Разумеется, я знал, что в Куксвилле, милях в десяти от города, живет Великая Княгиня Ольга Александровна. Я предполагал, что у нее найдутся какие-то русские иконы, но, признаюсь, отправился в это недалекое путешествие без особой надежды на успех. Мне было известно, что Великую Княгиню постоянно осаждают праздные туристы, а также охочие до сенсаций журналисты. Я также слышал о ее любви к уединению. Не был даже уверен, что меня пустят на порог ее жилища. Лишенная состояния изгнанница, она по-прежнему оставалась Романовой. Члены ее семьи, возможно, были обаятельными людьми. Но ведь они могли оказаться и высокомерными особами, при одном виде которых у незнакомого человека язык присохнет к гортани.

Некогда небольшая деревушка, Куксвилль превратился в пригород Торонто. Проживает в нем всего лишь несколько тысяч человек. Небольшой кирпичный коттедж, окруженный запущенным садом площадью в несколько акров, отыскать оказалось несложно. Подойдя к нему поближе, я увидел невысокую худенькую женщину, хлопотавшую в саду. На ней были старомодная темная юбка, свитер с обтрепанными манжетами, простая кофта и крепкие коричневые башмаки. Зачесанные назад волосы были стянуты на затылке в узел. Лишь кое-где в них проглядывали серебряные нити. Изрытое морщинами лицо ничуть не походило на лицо человека преклонного возраста, а светлые карие глаза, несмотря на затаившуюся в их глубине печаль, несколько не напоминали глаза старой женщины. Она направилась ко мне навстречу. Меня поразило изящество ее походки, а своей манерой общения она тотчас рассеяла все мои страхи. Каждая жилка подтверждала принадлежность дамы к Императорской фамилии. Необходимо отметить, что

благородство ее манер не имело ничего общего ни со снисходительностью, ни с заносчивостью.

Великая Княгиня пригласила меня в дом, и у нас зашел разговор об иконах. Сидели мы в небольшой жилой комнате, забитой мебелью, книгами, бумагами, всевозможными сувенирами и памятными предметами. Пол уставлен горшками с цветами и растениями, кипами бумаг для рисования, усеян кистями и тюбиками краски. Вскоре я узнал, что живопись и садоводство — главные занятия Великой Княгини. У окна — выпетшая розовая софа, служившая Ольге Александровне рабочим креслом и столом. На стенах — картины, над камином — большой портрет ее отца, Александра III. На столиках множество семейных фотографий, на одной из них — Великая Княжна Анастасия Николаевна — любимая племянница и крестница Великой Княгини. Как ни парадоксально, но в комнате царили одновременно и невероятный хаос, и в то же время порядок.

Мы продолжали беседовать. Время от времени пожилая женщина улыбалась, и я с каждой минутой все больше привязывался к ней. У нее самой, как и у комнаты, в которой мы находились, вид был неказистый. И все же ее манеры выдавали в ней особу, привыкшую к роскоши и красоте дворцов; простота обращения обезоруживала, а безупречное чувство собственного достоинства внушало уважение.

Каких только тем мы не касались. Беседовали об искусстве, о событиях, происходящих в мире, о садоводстве. Уж и не помню, о чем мы только ни говорили во время первой нашей встречи. Зато хорошо помню, что время летело как на крыльях. Как же я удивился, убедившись, что нахожусь в гостях у любезной хозяйки целых три часа. Она пригласила меня зайти к ней еще раз, и я знал, что ее слова искренни. Я действительно пришел к ней снова — не как случайный посетитель, а как друг. Между нами была разница в целых сорок лет, но наша взаимная привязанность росла и крепла. Из каждой поездки в Куксвилль я возвращался в Торонто полный уверенности, что доброта, моральная сила и, прежде всего, непоколебимая вера Великой Княгини в Бога и в людей до конца моей жизни будут вдохновлять меня.

Мне кажется, что в основе привязанности, возникшей между нами, была моя национальность и наша вера. Греция всегда была близка России. Нашу первую королеву, супругу Георга I, тоже зва-

ли Ольгой¹. Она была двоюродной теткой моей хозяйки, которую Великая Княгиня обожала. Дочь королевы эллинов Ольги Анастасия приходилась теткой Великой Княгине, а сын королевы, принц Николай, сочетался браком с русской Великой Княжной Еленой, приходившейся Ольге Александровне двоюродной сестрой.

Узы, связывавшие фамилию Романовых с Грецией, были достаточно прочны, но особенно их связывала общность веры. Киевский Князь Владимир в 988 году взял в жены Царевну Анну и был крещен в православную веру греческими епископами. Впоследствии между патриархами возникали споры, мелкие распри, но суть их взаимоотношений оставалась неизменной. Великий раскол 1054 года кончился тем, что все русские княжества сохранили православное исповедание. Ни падение Византийской империи, ни попытка Рима навязать Московии «унию» — ничто не смогло ослабить приверженности русских православной вере. Великая Княгиня Ольга Александровна и я не были людьми, говорящими на разных языках, когда мы обсуждали церковное искусство и вопросы религии. Иконы, которые у нее имелись, не были для нее лишь предметами, представляющими ценность для коллекционера. Они для нее являлись тем, чем являются иконы для любого православного, а именно символами веры в Христа, Матерь Божию вместе с сонмом святых.

Быстро крепнущая дружба стала для меня большим источником утешения. Еще не ведая, что дни Великой Княгини сочтены, я радовался тому, что сумел внести хоть немного света и разнообразия в ее одинокую жизнь.

Шли месяцы. Я все больше убеждался в том, что Великая Княгиня — сущий кладезь воспоминаний. Мне было известно, что она не раз отвергала заманчивые предложения со стороны редакторов и издателей. Однако я понимал, что если она нарушит обет молчания, то тем самым хотя бы в какой-то мере развеет самые дикие домыслы, если не сказать, клеветы, паутиной которых опутали трагедию дома Романовых авторы сенсационных книг. Великая Княгиня знала такие факты, касающиеся Распутина, о которых никто не упоминал в печати. Ее воспоминания об умученных братьях носили отпечаток непосредственности и достоверности.

¹ Королева эллинов Ольга была одной из дочерей Великого Князя Константина Николаевича, второго сына Императора Николая I и дяди Александра III, отца Великой Княгини. Ольга Константиновна приходилась крестной матерью Великой Княгине Ольге Александровне.

В ее критических замечаниях в адрес других членов Императорской фамилии при всей их нелицеприятности, не было и следа злопыхательства. Но самое главное — эта своеобразная представительница дома Романовых, как я впоследствии убедился, до боли близко знала свою родину. Слушать ее было все равно что бродить по садам истории.

Наконец я собрался с духом и посоветовал ей написать мемуары, хотя бы ради грядущих поколений. Я подчеркнул, что ее воспоминания представят собой огромную историческую ценность. Какие только доводы я не приводил! Помимо ставшей инвалидом сестры, Ксении, которая проживает в Англии, она, Ольга Александровна, — самая последняя Великая Княгиня, внучка, дочь Царей, сестра Царя, родившаяся среди блеска и великолепия, которые нынче даже трудно представить себе, испытавшая такие невзгоды и лишения, которые выпадают на долю не всякой благородной дамы. Несмотря на все это, она принимает жребий мало кому известной изгнанницы с врожденным тактом и кротостью, сумев сохранить веру непоколебимой перед лицом бед и несчастий. Наверняка рассказ такого человека будет представлять огромную ценность в наши дни, когда большинство людей так равнодушно к красоте духовной.

Великая Княгиня выслушала мои доводы достаточно терпеливо. Я закончил. Она покачала головой:

— Неужели еще и я стану писать автобиографию? О Романовых и без того слишком много насочинили. Слишком много слов сказано, слишком много мифов создано. Возьмем одного только Распутина! Ведь мне никто не поверит, если я расскажу правду. Вы же сами знаете, люди верят лишь тому, чему желают верить сами.

Признаюсь, я был разочарован, но слишком уважал ту точку зрения, которой она придерживалась, чтобы продолжать уговоры.

Но, спустя какое-то время, однажды утром Ольга Александровна поздоровалась со мной, одарив меня одной из редких своих улыбок, и спросила:

— Ну, так когда мы начнем?

— Начнем — что? — спросил я.

— То есть как — что? Разумеется, работу над моими мемуарами.

— Значит, вы все-таки решили написать их?

— Писать будете вы, — убежденно проговорила Великая Княгиня. — Думаю, судьба свела нас для того, чтобы вы смогли написать историю моей жизни. Убеждена, что вы сумеете это сделать,

потому что понимаете меня лучше, нежели большинство остальных людей.

Уж и не помню, что я ей ответил. Мы продолжали стоять на пороге ее дома. На Великой Княгине были та же выдававшая виды юбка и тот же потрепанный свитер. Мы находились на земле Канады за тысячи миль от ее любимой Родины, которую ей не суждено было увидеть. Стояли на пороге скромного коттеджа — последнего ее пристанища. И я понял, что мы действительно встретились по воле Провидения. Великая честь, которую мне оказала эта женщина, превратилась для меня как бы в поручение доверителя. Не в силах произнести ни слова, я только поклонился.

— Так, когда же начнем? — улыбнулась она.

— Хоть сейчас, — ответил я.

Мы вошли в загроможденную вещами комнату, и Великая Княгиня села на софу, обитую выцветшей розовой тканью.

— Признаюсь, — проговорила она, — я обдумала все, что вы мне сказали на днях, и поняла, что я действительно своего рода исторический феномен. Если не считать сестру, живущую в Лондоне¹, которая очень больна, я последняя русская Великая Княгиня. Более того, я последний порфирородный член династии².

Так начался мой труд, который продолжался до самой кончины Великой Княгини.

Я не склонен к сентиментальности, но в глубине души понимал, что бедная, тесная комнатенка не может заставить меня забыть о высоком происхождении ее владелицы. Все внешние атрибуты величия были утрачены, но осталось неистребимое чувство породы. По мере того как перед моими глазами разворачивалась панорама ее жизни, я с каждым днем всё больше поражался свойству, сродни таланту, присущему этой маленькой старой женщине. Пожалуй, это была даже гениальность — способность находить общий язык с жизнью, которая наносила удар за ударом, ранила, насмехалась над нею, но не смогла победить и

¹ Великая Княгиня Ксения Александровна скончалась в Лондоне в 1960 г.

² Определение «порфирородный» относилось лишь к сыновьям и дочерям, родившимся у царствующего монарха. Династия Романовых царствовала в течение трех столетий (1613—1917), но порфирородных детей в ней было сравнительно мало. В их числе младший сын Павла I Михаил Павлович, три младших сына Николая I и два младших сына Александра II. Великая Княгиня Ольга была единственным порфирородным ребенком Александра III. Зато все пятеро детей последнего Царя, Николая II, родившиеся после его восхождения на престол в 1894 году, были порфирородными.

ожесточить ее. Петр I и Екатерина II могли бы по праву гордиться таким потомком.

Великая Княгиня обладала необыкновенной памятью. Многие события так глубоко врезались в нее, что казалось, будто они произошли день или два тому назад. По мере продвижения нашей работы я видел, что Ольга все больше убеждается в правильности принятого ею решения. Особый упор она делала на точность и нередко собственноручно описывала некоторые события, как, например, крушение Императорского поезда в Борках (см. стр. 190—191).

Работа с Великой Княгиней требовала ознакомления почти со всеми книгами, которые были написаны о Романовых в течение последних сорока лет. В нужном месте будут приведены ее взгляды на Распутина, екатеринбургское злодеяние и утверждение Анны Андерсон, будто бы она является Великой Княжной Анастасией Николаевной. Следует отметить, что Великая Княгиня была последней живой свидетельницей, которая могла отделить факты от вымыслов. Ее негодованию и гневу, которые вызывали в ней клеветнические измышления о фамилии Романовых, появлявшиеся на страницах мировой печати, не было границ.

К каждой проблеме Великая Княгиня подходила со всей возможной объективностью. Она не испытывала тщеславного чувства оттого, что ее воспоминания имеют большое значение. С осуждением отзывалась как о близких, так и о своей Родине. Однако, несмотря на то что работа шла успешно, в ней все больше росла уверенность, что с книгой следует торопиться.

Однажды Ольга Александровна сказала:

— Надо спешить, у нас осталось совсем мало времени.

Очевидно, у нее было какое-то предчувствие. Вскоре на ней начали сказываться все те лишения и страдания, которые она так мужественно переносила. Она уже не могла трудиться в саду. Миром для нее стала захламленная жилая комната. Но память не изменяла Великой Княгине.

Не мне судить, хорошо ли я справился с задачей, возложенной на меня последней русской Великой Княгиней, но хочу заверить своих читателей, что писал эту книгу с чувством искренней преданности и благодарности за то, что был удостоен дружбы и доверия со стороны одной из самых мужественных и благородных женщин нынешнего столетия.

Глава первая

ПОРФИРОРОДНЫЙ МЛАДЕНЕЦ

Весной 1865 года в Каннах собралось все семейство Романовых. Двдцатидвухлетний Цесаревич Николай, старший сын и наследник Царя Александра II — «надежда и утешение нашего народа», как писал поэт Тютчев, умирал от воспаления легких. Его нареченная, принцесса Датская Дагмара, поспешила на юг Франции, чтобы застать жениха в живых. По легенде, умирающий Великий Князь попросил, чтобы все, кроме его брата Александра и невесты, покинули опочивальню. Что там произошло, знают лишь присутствовавшие, но, как утверждает легенда, Николай взял руки Александра и Дагмары и соединил их, положив себе на грудь. Год спустя молодой Цесаревич (Александр родился в 1845 году) и принцесса из Дании обвенчались¹.

Начавшаяся столь необычным образом семейная жизнь их оказалась счастливой. Цесаревич Александр, унаследовавший трон своего отца в 1881 году и ставший Императором Александром III, был первым Романовым, проявившим себя как добрый муж и отец, в жизни которого требования двора никогда не отодвигали на второй план радости семейной жизни. Александра и Дагмару, получившую при крещении православное имя Мария Федоровна, в самом начале их брачной жизни поразило огромное горе: их первенец, Александр, скончался во младенчестве². Зато в 1868 году у них родился второй сын, будущий Император Ни-

¹ Похожее событие произошло в Англии двадцать семь лет спустя. Принцесса Мэй, нареченная герцога Кларенса, обручилась с его младшим братом принцем Георгом (будущим королем Георгом V) после внезапной кончины от пневмонии в 1892 году герцога Кларенса.

² Автор ошибается. Первенцем был Николай, будущий Император. Александр родился 20 мая 1869 года. Не прожив и года, младенец умер 20 апреля 1870 года. (Прим. переводчика.)

колай II, в 1871 году — третий, Георгий. Следом за ним в 1875 году появилась на свет дочь Ксения, в 1878 году еще один сын, Михаил. 1 июня 1882 года родилась и вторая дочь, Ольга.

1870-е годы были полны важных для России событий. В 1875 году, благодаря мудрой внешней политике Александра II, удалось предотвратить очередной конфликт между Францией и Германией. Два года спустя Император объявил войну Турции, в результате которой Балканский полуостров был навсегда освобожден от турецкого ига. За этот подвиг и за отмену крепостного права в 1861 году Александр II был назван Царем-Освободителем. Но в самой империи положение оставалось далеко не безмятежным. Один за другим возникали революционные кружки. Как правило, это были террористические организации, надеявшиеся добиться своих целей путем убийств. Погибло много преданных слуг Престола. Несколько покушений было совершено на самого Императора, и одно из них завершилось убийством. 1(13) марта 1881 года Император Александр II был убит в Санкт-Петербурге взрывом бомбы. Отец Ольги, которому тогда было тридцать шесть лет, стал Александром III. Убийцы, в их числе девушка из знатной семьи, были схвачены, осуждены и публично повешены. Новый царь не был склонен проявлять мягкотелость. В наследие ему досталась империя, взбаламученная бунтами и беспорядками семидесятых годов.

Вопреки принятым им суровым мерам, революционеры продолжали свою «деятельность», и Александр III, покинув Зимний дворец, переехал в Гатчину, находившуюся в сорока с лишним верстах к юго-западу от столицы. Там-то он и воспитывал свое потомство, уезжая из Большого Гатчинского дворца на летние месяцы в небольшой особняк в Петергофе. Там и продолжал трудиться Александр III, «самый занятой человек России», как сказал о нем его двоюродный брат Великий Князь Александр Михайлович.

Несмотря на продолжавшиеся внутри империи нестроения, в царствование Александра III Россия наслаждалась внешним миром. Сам участвовавший в русско-турецкой войне 1877—1878 годов, Царь заявлял: «Всякий правитель... должен принимать все меры для того, чтобы избежать ужасов войны».

Россия вкушала плоды мира и получила возможность, какой еще никогда не предоставлялось ее народу, — наблюдать за семейной жизнью молодого Царя.

Ни одно семейство Романовых не видело ничего подобного. Для Александра III узы брака были нерушимы, а дети являлись вершиной супружеского счастья. Царствование его продолжалось немногим более года, когда 1 июня 1882 года Государыня Мария Федоровна разрешилась от бремени в Петергофе, произведя на свет дочь. Спустя несколько минут на всех колокольных Петергофа ударили в колокола. Через час или около того сто один выстрел орудий, установленных на бастионах Петропавловской крепости в Петербурге, оповестил о радостном событии жителей столицы. Помчались депеши по телеграфным проводам; в каждом большом и малом городе империи загремели орудийные залпы.

Младенец, окрещенный Ольгой, был деликатного телосложения. По совету сестры, принцессы Уэльской, и руководствуясь примером свекрови, мать девочки решила взять в няни англичанку. Вскоре из Англии прибыла госножа Элизабет Франклин, которая привезла с собой целый чемодан, набитый накрахмаленными чепцами и передниками.

— Нана, — призналась Великая Княгиня, — в течение всего моего детства была для меня защитницей и советчицей, а впоследствии и верной подругой. Даже не представляю себе, что бы я без нее делала. Именно она помогла мне пережить тот хаос, который царил в годы революции. Она была женщиной толковой, храброй, тактичной; хотя она выполняла обязанности няни, но ее влияние испытывали на себе как мои братья, так и сестра.

Слово «защитница», которое употребила Великая Княгиня в отношении миссис Франклин, имеет особый смысл. Естественно, дети монарха ограждались от всякой вероятности попасть в беду, но в обязанности миссис Франклин входила защита иного рода. Она была непререкаемым авторитетом в детских, под ее началом находилось множество помощниц, но русская прислуга отличалась излишней болтливостью. Даже примерные семьи не защищены от сплетен. Обитатели Императорских дворцов не составляли исключения. О том, что рассказы о бесчинствах революционеров, от которых в жилах стынет кровь, доходили до ушей маленькой Ольги, можно заключить из ее рассказа о трагедии, происшедшей в Борках. Однако незнание миссис Франклин обстановки, существовавшей тогда в России, должно быть, служило хорошим противоядием, и англичанка могла успокоить ребенка лучше, чем кто-либо другой.

О роскоши и богатстве, якобы окружавших Романовых в их повседневной жизни, написано много небылиц. Конечно же, Императорский двор блистал, однако великолепие было чуждо покоям, в которых жили Царские дети. Еще в 1922 году можно было видеть комнаты, в которых жили Августейшие дети в Зимнем дворце в Петербурге, в Царском Селе, Гатчине и Петергофе. Спали они на походных кроватях с волосяными матрасами, подложив под голову тощую подушку. На полу — скромный ковер. Ни кресел, ни диванов. Венские стулья с прямыми спинками и плетеными сиденьями, самые обыкновенные столы и этажерки для книг и игрушек — вот и вся обстановка. Единственное, что украшало детские, — это красный угол, где иконы Божией Матери и Богомладенца были усыпаны жемчугом и другими драгоценными камнями. Пища была весьма скромной. Со времени царствования Александра II его супругой, Императрицей Марией Александровной, бабушкой Ольги, были введены английские обычаи: овсяная каша на завтрак, холодные ванны и много свежего воздуха.

Ольга была единственным младенцем: брат Михаил был на четыре года старше ее; однако нельзя сказать, чтобы она чувствовала себя одинокой. Оба старших брата, Николай и Георгий, сестра Ксения и, разумеется, Михаил беспрепятственно могли заходить в детскую, заручившись разрешением миссис Франклин.

Гатчина, расположенная в сорока с лишком верстах от Петербурга и не слишком далеко от Царского Села, была любимой резиденцией Императора Александра III. Великая Княгиня Ольга Александровна тоже предпочитала ее всем остальным царским владениям. Именно там прошла большая часть ее детства. В Гатчинском дворце насчитывалось девятьсот комнат. Он представлял собой два огромных каре, соединенных между собой украшенной пилястрами вогнутой многоэтажной галереей и башнями, которые возвышались по углам каре. В отдельных галереях хранились богатые коллекции предметов искусства. В Китайской галерее помещались бесценные изделия из фарфора и агата, собранные прежними монархами. Чесменская галерея была названа так потому, что в ней висели четыре большие копии с картин Гаккерта, изображающих эпизоды боя с турками в Чесменской бухте в 1768 году, где русские моряки одержали победу.

В отличие от Эрмитажа, галереи Гатчинского дворца в ту пору не были открыты для посещения публики, но ничто не мешало Царским детям заходить туда, особенно в ненастные дни.

— До чего же нам было весело! — вспоминала Великая Княгиня. — Китайская галерея была идеальным местом для игры в прятки! Мы частенько прятались за какую-нибудь китайскую вазу. Их было там так много, некоторые из них были вдвое больше нас. Думаю, цена их была огромна, но не помню случая, чтобы кто-нибудь из нас что-то сломал.

За дворцом простирался огромный парк, рассекаемый рекой и искусственными озерами, выкопанными еще в середине XVIII столетия. На некотором расстоянии от одного из каре находились конюшни и псарни, представлявшие собой особый мир, населенный грумами, конюхами, псарями и другими служителями. На плацу перед двумя полуциркулями возвышалась бронзовая статуя Императора Павла I¹.

Павел I, единственный (законный) сын Екатерины Великой и прапрадед Великой Княгини, был мятущимся призраком: тень его видели в Михайловском замке, в Зимнем дворце в Петербурге, появлялся он и в Гатчинском Большом дворце. Его опочивальня, находившаяся в одной из башен, по словам Великой Княгини, сохранялась в таком же виде, в каком она была при жизни Императора. Все слуги утверждали, будто видели призрак Павла I.

— Сама я его не видела ни разу, — заявила Великая Княгиня, — что вводило меня в отчаяние. Вопреки всему, что о нем говорилось, Император Павел I был милым человеком, и мне хотелось бы встретить его.

Таким было весьма оригинальное суждение о несчастном монархе, обладавшем отнюдь не любезным характером. Великая Княгиня, по-видимому, была единственным членом семьи, который с такой симпатией отзывался о своем предке, обладавшем тиранической и подозрительной натурой, отчего часть современников считала его безумцем.

Каждый уголок Гатчины напоминал о былом величии России под скипетром Романовых. Подвиги русских солдат и моряков во

¹ Мыза Гатчина одно время принадлежала Григорию Орлову. Екатерина II подарила ее своему фавориту в придачу к нескольким тысячам десятин земли; он-то и построил там замок. После смерти князя Григория Орлова вся Гатчинская вотчина была куплена Императрицею у наследников Орлова за полтора миллиона рублей и пожалована Государю Наследнику Павлу Петровичу, который увеличил дворец до нынешних размеров и превратил город в крохотный Потсдам. Александр III был первым Императором, который постоянно жил в Гатчинском дворце после убийства Императора Павла I в 1801 году.

время царствования Петра Великого, Императриц Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны, Екатерины Великой и Александра I Благословенного были запечатлены на гобеленах, картинах и гравюрах. Впоследствии Ольга Александровна стала изучать историю со своими наставниками, но чувством причастности к российской истории, по-видимому, прониклась с самого детства.

В Гатчине было множество челяди. По словам Великой Княгини, их насчитывалось свыше пяти тысяч. В их числе были те, кто работал на конюшнях, на фермах, в садах и парках, но вполне возможно, что память изменила Великой Княгине. Императору Александру III приходилось заботиться о многом. На его попечении находились Гатчина, Петергоф, два больших дворца в Царском Селе, Аничков и Зимний дворец в Петербурге и Ливадия в Крыму. Император Николай II, брат Ольги Александровны, имел на попечении семь дворцов¹, и общее количество прислуги, присматривавшей за ними, редко превышало пятнадцать тысяч человек. Вряд ли треть этого количества обслуживала одну Гатчину.

Тем не менее о челяди Императорской Семьи можно было сказать: «Имя им — легион». Каждый служащий проходил тщательный отбор, многие происходили из семейств, в течение многих поколений служивших дому Романовых². Не одного и не двух Царские дети знали не только по имени. Уважение, безупречная служба и привязанность, с одной стороны, забота и любовь — с другой, связывали детей и прислугу. В числе прислуги были не только русские, но также абиссинцы, греки, негры, финны, черкесы и представители других национальностей. У родительницы маленькой Ольги служили абиссинцы, носившие шитые золотом черные куртки, алые шаровары, желтые туфли и белые тюрбаны. На других были малиновые куртки и белые панталоны.

— Все они были нашими друзьями, — заявила Великая Княгиня. — Я помню старого Джима Геркулеса, негра, который каждый отпуск свой проводил в Штатах и привозил оттуда варенье из

¹ Во время царствования Николая II Аничков дворец служил резиденцией Императрице Матери Марии Федоровне.

² Одним из таких примеров являла собой семья Поповых. Попов, крестьянин Новгородской губернии, был доверенным слугой Екатерины II, единственным человеком из всей прислуги, которому разрешалось производить уборку в кабинете Императрицы. Его сын, внук, правнук служили Императорам Александру I, Николаю I и Александру II. Вполне вероятно, что кто-то из позднейшего потомства Попова служил Царской Семье и в то время, когда Великая Княгиня была ребенком и молодой девушкой.

гуайавы. Это были гостинцы нам, детям. Помню гиганта абиссинца по имени Марио. Однажды, когда Мама́ не было дома, ей пришла телеграмма. В то время в России было принято расписываться в получении каждой телеграммы. Это должен был сделать Степанов, старший лакей матушки, но он отсутствовал, и вместо него расписался Марио, который умел писать по-русски. Окончание его имени «о», видно, смахивало на «а», поскольку гатчинский почтмейстер поместил расписку в рамку и повесил ее на стенку: он решил, что это подпись моей матушки. Рада отметить тот факт, что никто из дворцовых служащих не стал разочаровывать его.

Эти люди были всей душой преданы Царской Семье. И все-таки и они были не прочь посплетничать.

— Не думаю, чтобы они подслушивали наши разговоры, — сказала Великая Княгиня, — но о нас они знали гораздо больше, чем мы сами. Когда я была совсем маленькой, несмотря на бдительность Нана, в детские еще до завтрака успевали просочиться новейшие сплетни. Я узнавала о последних выходках моих братьев и о наказаниях, воследовавших за ними; о том, что у сестры насморк; что Папа́ отправляется принимать парад, а Мама́ дает званный обед, каких гостей ждут во дворце:

Таков был Гатчинский Большой дворец: девятьсот комнат, целая армия слуг и лакеев, огромный парк. Однако, если не считать придворных приемов, под его крышей не было места напыщенности и помпезности. Отец Ольги, Император Всероссийский, вставал в семь утра, умывался холодной водой, облачался в крестьянское платье, сам варил кофе в стеклянном кофейнике и, наполнив тарелку сушками, грыз их. После трапезы садился за свой стол и принимался за работу. В его распоряжении имелась целая армия прислуги. Но он никого не беспокоил. В кабинете у него были колокольчики и звонки. Он не звонил в них. Некоторое время спустя к нему приходила супруга, два лакея вносили небольшой столик. Муж и жена завтракали вместе. На завтрак они ели крутые яйца и ржаной хлеб с маслом.

Нарушал ли кто-нибудь их совместную трапезу? Именно в этот момент в кабинете появлялась маленькая дочурка. Окончив завтрак, Государыня уходила, но крохотная Царевна оставалась с отцом.

Детские комнаты Ольги располагались рядом с рабочим кабинетом Императора. Их было четыре: спальня Ольги, спальня мис-

сис Франклин, гостиная и столовая. Крохотным этим королевством безраздельно управляла Нана, и все лакеи и слуги были обязаны ей повиноваться. В особенности это касалось приготовления пищи для маленькой Ольги.

— Все мы питались очень просто, — рассказывала мне Великая Княгиня. — К чаю подавали варенье, хлеб с маслом и английское печенье. Пирожные мы видели очень редко. Мне нравилось, как варят нам кашу, — должно быть, этому научила поваров Нана. На обед чаще всего подавали бараньи котлеты с зеленым горошком и запеченным картофелем, иногда ростбиф. Но даже Нана не могла заставить меня полюбить это блюдо, в особенности, когда мясо было недожарено! Однако нас воспитывали одинаково: ели мы все, что нам давали.

В годы раннего детства Великой Княгини самые увлекательные минуты бывали после завтрака, когда миссис Франклин приводила свою питомицу в кабинет Императора. Маленькая Ольга тотчас забиралась под рабочий стол отца и тихонько сидела там, прижавшись к крупной овчарке по имени Камчатка. Сидела до тех пор, пока родители не заканчивали свой завтрак.

— Отец был для меня всем. Как бы ни был он занят своей работой, он ежедневно уделял мне эти полчаса. Когда я подросла, у меня появилось больше привилегий. Помню тот день, когда мне было впервые позволено поставить Императорскую печать на один из больших конвертов, лежавших стопками на столе. Печать была из золота и хрусталя и очень тяжелая, но какую гордость и восторг испытывала я в то утро. Я была потрясена тем объемом работы, которую Папá приходилось выполнять изо дня в день. Думаю, Царь был самым трудолюбивым человеком на всей земле. Давал аудиенции, устраивал государственные приемы. Каждый день на стол перед ним ложились кипы указов, приказов, докладов, которые ему следовало прочесть и подписать. Сколько раз Папá возмущенно писал на полях документов: «Болваны! Дураки! Ну что за скотина!»

Иногда Император отпирал особый ящичек в своем письменном столе и, радостно поблескивая глазами, доставал оттуда свои «сокровища» и показывал их своей любимице. «Сокровища» представляли собой коллекцию миниатюрных животных из фарфора и стекла.

— А однажды Папá показал мне очень старый альбом с восхитительными рисунками, изображающими вымышленный город

под названием Мопсополь, в котором живут Мопсы¹. Показал он мне тайком, и я была в восторге оттого, что отец поделился со мной секретами своего детства.

Слушая воспоминания Великой Княгини о ее раннем детстве, я был поражен одним обстоятельством: на первом плане у маленькой Ольги были Император, Нана, братья и сестра, за ними — целый сонм слуг, солдат, моряков и разных простолюдинов. Но о своей матери Великая Княгиня говорила очень мало. Доверительные беседы с отцом начинались лишь после того, как Императрица покидала кабинет супруга. Затем огромный дворец снова наполнялся придворным штатом, но детские воспоминания Ольги не сохранили никаких впечатлений от этих людей. Должно быть, перед ее глазами проходили целые вереницы представителей иностранных владетельных домов, фрейлин, дворецких, конюших. Всех их она видела часто. Должно быть, и слышала о них. Но для маленькой Царевны самые теплые воспоминания были связаны не с роскошью и великолепием придворных церемоний. Утренние встречи с отцом отбрасывали свой яркий и чистый свет на всю дальнейшую жизнь Великой Княгини.

— Отец обладал силой Геркулеса, но он никогда не показывал ее в присутствии чужих людей. Он говорил, что может согнуть подкову и связать в узел ложку, но не смеет делать этого, чтобы не рассердить Мамá. Однажды у себя в кабинете он согнул, а затем разогнул железную кочергу. Помню, он то и дело поглядывал на дверь: как бы кто не вошел!

Ранней осенью 1888 года Ольга впервые покинула дорогую ей Гатчину. Вся Императорская Семья собиралась ехать на Кавказ. В октябре она должна была вернуться домой.

29 октября длинный Царский поезд шел полным ходом к Харькову. Великая Княгиня помнила: день был пасмурный, шел мокрый снег. Около часу дня поезд приближался к небольшой станции Борки. Император, Императрица и четверо их детей обедали в

¹ Альбом с рисунками, изображающими Мопсополь, представлял собой совместное произведение Александра III и его старшего брата Николая. У жителей города были лица, похожие на морды мопсов. Оба Великих Князя нашли в себе, очевидно, достаточно такта, чтобы не сделать свою сатиру слишком уж очевидной, и предпочли вместо бульдогов изобразить мопсов. Рисунки относятся к 1856 году, когда Александру III, тогда еще Великому Князю, было одиннадцать лет и когда все россияне были ожесточены против Великобритании и Франции, затеявших Крымскую войну.

столовом вагоне. Старый дворецкий, которого звали Лев, вносил пудинг. Неожиданно поезд резко покачнулся, затем еще раз. Все повалились на пол. Секунду или две спустя столовый вагон разворотило, как консервную банку. Тяжелая железная крыша провалилась, не достав каких-то нескольких дюймов до голов пассажиров. Все очутились на толстом ковре, упавшем на полотно: взрывом отрезало колеса и пол вагона. Первым из-под рухнувшей крыши выбрался Император. После этого он приподнял ее, дав возможность жене, детям и остальным пассажирам выйти из изувеченного вагона. Это был поистине подвиг Геракла, за который ему придется заплатить дорогой ценой, хотя в то время этого еще никто не знал.

Миссис Франклин и маленькая Ольга находились в детском вагоне, сразу за столовым вагоном. Они ждали пудинга, но так и не дождались.

— Хорошо помню, как при первом же ударе со стола упали две вазы из розового стекла и разбились вдребезги. Я испугалась. Нана посадила меня к себе на колени и обняла. Послышался новый удар, и на них обеих упал какой-то тяжелый предмет. Потом я почувствовала, что прижимаюсь лицом к мокрой земле...

Ольге показалось, что она одна на целом свете. Сила второго взрыва была так велика, что ее выбросило из вагона, превратившегося в грудю обломков. Девочка покатила вниз по крутой насыпи, и ее охватил страх. Крутом бушевал ад. Некоторые вагоны, находившиеся сзади, продолжали двигаться, сталкиваясь с передними, и падали набок. Оглушительный лязг и скрежет железа, крики раненых еще больше напугали и без того перепуганную шестилетнюю девочку. Она забыла и про родителей, и про Нана. Ей хотелось одного — убежать подальше от ужасной картины, которую она увидела. И она бросилась бежать, куда глаза глядят. Один лакей, по фамилии Кондратьев, кинулся за нею вслед и поднял ее на руки.

— Я до того перепугалась, что испарала бедняге лицо, — призналась Великая Княгиня.

Из рук лакея она перешла в отцовские руки. Царь отнес дочурку в один из немногих уцелевших вагонов. Там уже лежала миссис Франклин, у которой были сломаны два ребра и серьезно повреждены внутренние органы. Дети остались в вагоне одни, в то время как Государь и Императрица, а также все члены свиты, не получившие увечий, стали помогать лейб-медику. Ухаживали за ранеными и умирающими, которые лежали на земле возле огромных костров, разведенных с тем, чтобы они могли согреться.

— Позднее я слышала, — сообщила мне Великая Княгиня, — что Мама вела себя как героиня, помогая доктору, словно заправская сестра милосердия.

Так оно и было на самом деле. Убедившись, что муж и дети живы и здоровы, Императрица Мария Федоровна совсем забыла о себе. Руки и ноги у нее были изрезаны осколками битого стекла, все тело в синяках, но она упорно твердила, что с нею все в порядке. Приказав принести личный багаж, она принялась резать свое нижнее белье на бинты, чтобы перевязать как можно больше раненых. Наконец из Харькова прибыл вспомогательный поезд. Несмотря на усталость, ни Император, ни Императрица не захотели сесть в него, прежде чем были посажены все раненые, а убитые, пристойно убранные, погружены в поезд. Число пострадавших составило двести восемьдесят один человек, в том числе двадцать один убитый.

Железнодорожная катастрофа в Борках явилась поистине трагической вехой в жизни Великой Княгини. Причина катастрофы так и не была установлена следствием. Все были уверены, что крушение произошло из-за халатности чинов Железнодорожного полка, в обязанности которого входило обеспечивать безопасность Императорских поездов, и что в железнодорожное полотно были заложены две бомбы. По слухам, руководитель террористической группы сам погиб при взрыве, но доказать это со всей определенностью не удалось.

Сама Великая Княгиня была склонна полагать, что катастрофа произошла вследствие того, что поезд наехал на поврежденный участок пути. Однако ее же собственные слова не подтверждали такой версии:

— Мне было всего шесть лет, но я почувствовала, что над нами нависла какая-то угроза. Много лет спустя кто-то мне рассказывал, что, когда я кинулась бежать прочь от изувеченного вагона, то все время кричала: «Теперь они придут и всех нас убьют!» Вполне вероятно. Я была слишком молода, чтобы что-то знать о революционерах. «Они» имело собирательное значение, слово это обозначало какого-то неведомого врага.

Многие особы свиты погибли или стали калеками на всю жизнь. Камчатка, любимая собака Царевны, была раздавлена обломками провалившейся крыши. В числе убитых оказался граф Шереметев, командир казачьего конвоя и личный друг Императора. К боли утраты примешивалось неосызаемое, но жуткое ощущение

Императрица Мария Федоровна и ее младшая дочь Ольга в Петергофском парке

Александр III — отец Великой княжны
Ольги Александровны

Императрица Мария Федоров-
на, мать Ольги. 1915 г.

Ольга с отцом, Александром III, в Гатчинском парке

Во время визита во Фреденсберг в 1893 г. Цесаревич Николай, Великий князь Георгий, Ольга, Ксения (стоят). Императрица Мария Федоровна, Великий князь Михаил, Царь Александр III (сидят)

Великая княгиня Ксения Александровна с дочерью Ириной, Император Николай II (стоят). Вдовствующая Императрица Мария Федоровна с внучкой Ольгой, Великая княжна Ольга Александровна, Императрица Александра Федоровна (сидят). 1896 г.

Ольга с братом Михаилом и моряками флотского экипажа на берегу озера

Ольга с воспитательницей, верной миссис Франклин

Великая княжна Ольга Александровна рядом с крестной матерью, королевой Эллинов Ольгой Константиновной в Петергофе

На берегу Белого озера в Гатчинском парке, Александр III с сыном Михаилом кормят уток. Позади стоят Великий князь Георгий и Цесаревич Николай

Пикник в лесу близ Гатчины. Май 1908 г. Великий князь Михаил Александрович и Н. С. Вульферт (на переднем плане). Великая княгиня Ольга Александровна и ротмистр полка Синих Кирасир Н. А. Куликовский (на заднем плане)

Ее Императорское величество Александра Федоровна, последняя Императрица Всероссийская. Погибла мученической смертью вместе со всей семьей в ночь с 16 на 17 июля 1917 г. в Екатеринбурге. Великая княгиня Ольга Александровна очень любила этот чудный портрет

Н. А. Куликовский в парадной форме офицера полка Синих Кирасир. 1914 г.

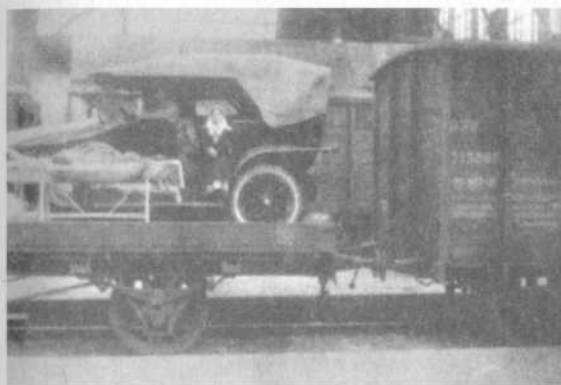
Царские дети (слева направо): Мария, Татьяна, Анастасия, Ольга, Алексей Николаевич

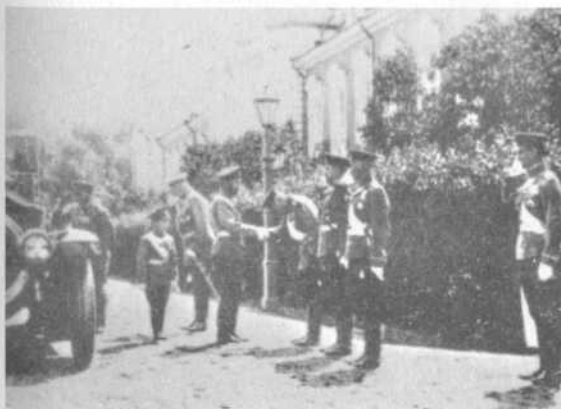
Миссис Анна Андерсон. 1926 г.

В начале Первой мировой войны. Ольга сделала моментальный снимок брата, Николая II, когда он отправлялся на маневры в 1914 г., незадолго до начала войны

Великая княгиня Ольга Александровна на пути к русско-австрийской границе в свой лазарет после начала военных действий. *Август 1914 г.*

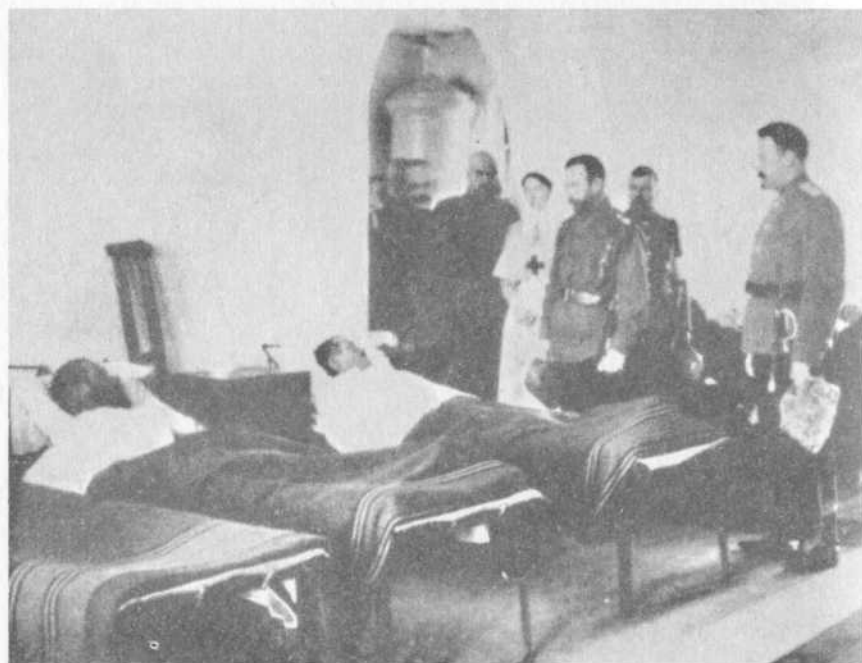
Царь Николай II инспектирует Лейб-Гвардии Преображенский полк перед Петергофским Большим дворцом в сопровождении Наследника Цесаревича Алексея. Офицер, стоящий справа, — Великий князь Михаил Александрович

Во время Первой мировой войны. Великая княгиня в форме сестры милосердия

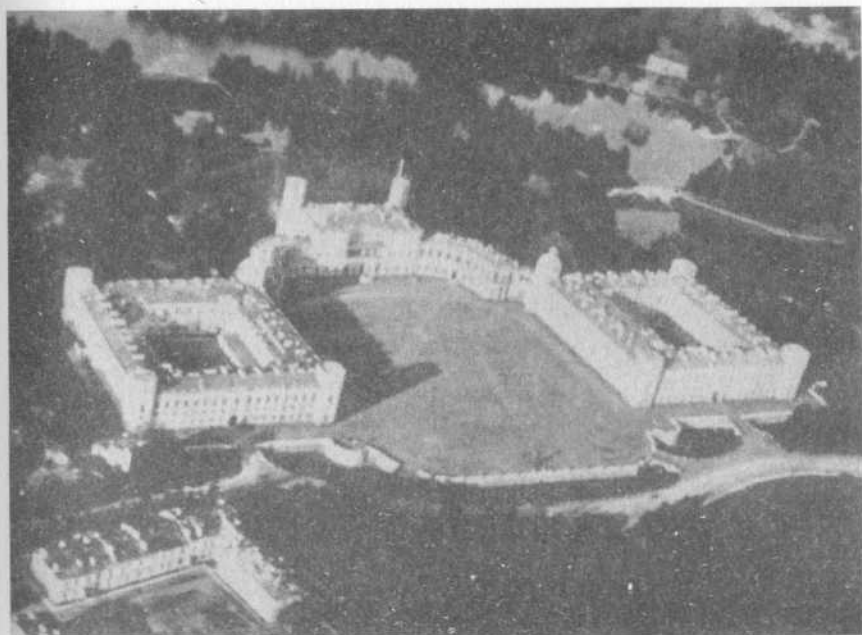
В операционной походного госпиталя на австрийской границе. 1915 г.

Николай II инспектирует палату своей сестры в киевском лазарете за несколько месяцев до отречения. Это была последняя встреча Ольги с братом

Аничков дворец. *Со старой почтовой карточки*

Гатчинский Большой дворец (аэрофотоснимок)

Коттедж Ольги Александровны в Куксвилле, пригороде Торонто

Великие княгини Ольга и Ксения (справа) Александровны в трауре после кончины матери. Хвигор, 1928 г.

Ольга Александровна со вторым мужем и детьми Гурием и Тихоном (справа)

Великая княгиня Ольга Александровна с сыновьями в форме лейтенантов датской королевской гвардии

Ольга и ее муж полковник Куликовский в своем поместье Кнудсминде.
Конец 1930-х гг.

На прогулку. Великая княгиня Ольга Александровна садится в автомобиль
Йена Ворреса

Ольга Александровна в своей гостиной в Куксвилле

Ольга Александровна занимается живописью — своим любимым ремеслом

Последнее жилище Великой княгини в рабочем квартале восточной части Торонто. Ее приютила семья русских эмигрантов. Здесь она и скончалась

Панихида по Великой княгине Ольге Александровне. Русский православный собор во имя Христа Спасителя. Торонто. 30 ноября 1960 г.

ние опасности. Тот хмурый октябрьский день положил конец счастливому, беззаботному детству. В память девочки врезался снежный ландшафт, усеянный обломками Императорского поезда и черными и алыми пятнами. Шестилетняя Великая Княжна вряд ли смогла бы подыскать слова, чтобы выразить те чувства, которые тогда испытывала, но инстинктивно она понимала гораздо больше, чем должен был понимать ребенок в столь нежном возрасте, и, казалось бы, надежно защищенный от внешних опасностей. Пониманию этого способствовало серьезное выражение, которое она не раз видела на лице отца, и озабоченный взгляд матери.

На глазах у родителей Ольги умирал Император Александр II. Они видели его изувеченное тело: результат взрыва бомбы, брошенной террористом в Государя, который в день покушения на него принял важное решение о введении в России суда присяжных¹. Александр III не тешил себя надеждой, что террористы обойдут его своим «вниманием», но продолжал появляться на людях, хотя и сознавал, что самые строгие полицейские меры не могут полностью гарантировать его безопасность.

В Гатчине, куда вернулась Императорская Семья, жизнь пошла по заведенному распорядку, но для маленькой Ольги теперь все изменилось.

— Именно тогда я стала бояться темноты, — призналась мне Великая Княгиня.

Она стала избегать темных углов в галереях и коридорах и впервые в жизни поняла, почему вдоль парковой ограды разъезжают конные полицейские. Поздним вечером можно было видеть, как подпрыгивают фонарики, привязанные к шеям их лошадей. Ей также стало понятно, почему знаменитый полк Синих кирасир расквартирован неподалеку от Гатчинского Большого дворца. Кроме того, Царя охранял Сводно-пехотный полк. В него входили представители всех гвардейских полков. Казармы его также находились в Гатчине. У Великой Княжны была такая натура, что ко

¹ Покушение на Александра II было совершено среди бела дня на набережной Екатерининского канала в Петербурге 1 (13) марта 1881 года. От взрыва первой бомбы пострадали несколько казаков конвоя и прохожих. Карету Императора разнесло в щепы, но сам он остался невредим. Не заботясь о своей безопасности, Император стал помогать раненым. В этот момент подбежал второй убийца и бросил бомбу. Этим взрывом был смертельно ранен Император, убито десять и изувечено четырнадцать человек. Первой бомбой оторвало голову мальчику-разносчику. См. Ю. Гаврилов. Казенный дом. — Огонек, 1989, № 47. (Прим. переводчика.)

всем воинам, охранявшим их семью, она стала относиться как к своим друзьям. Их присутствие как бы исцелило в известной степени раны, полученные ею в Борках.

— Я подружилась с очень многими из них, — рассказывала Великая Княгиня. — До чего же было весело, когда мы с Михаилом убегали к ним в казармы и слушали их песни. Мама, так же как и Нана, строго-настрого запретила нам общаться с нижними чинами, но всякий раз, возвращаясь из казарм, мы чувствовали, будто что-то приобрели. Солдаты играли с нами в разные игры, подбрасывали нас в воздух. Хотя это были простые крестьяне, они не позволяли себе никаких грубостей. Я чувствовала себя в безопасности, находясь в их обществе. После крушения в Борках я впервые обратила внимание на то, что у входа в наши апартаменты в Гатчинском дворце дежурят казаки Императорского конвоя. Слыша, как они на цыпочках проходят мимо моей двери в своих мягких кожаных чуяках, я засыпала с удивительным чувством безопасности. Все они были великаны, как на подбор, и я ощущала себя одним из персонажей «Путешествий Гулливера».

Солдаты и матросы¹ были настоящими друзьями Императорских детей. Но были и такие люди, чье присутствие их раздражало: детективы в штатском встречались на каждом шагу, и никто не мог укрыться от их внимания. Мне показалось, что в зиму 1888—1889 годов маленькая Ольга впервые осознала их назначение.

— Думаю, что присутствие их было необходимо, но отец их не переваривал; они всем бросались в глаза. Мы дали им прозвище «ботаников», потому что они то и дело выглядывали из-за деревьев и кустарников².

Маленькой Ольге не было и семи. Она ни разу не появлялась в обществе. Великолепные приемы, устраиваемые ее родителями в Петербурге и Гатчине, для нее ничего не значили. Она обитала в собственном мирке — хорошо налаженном мире своих детских апартаментов, рабочего кабинета отца, дворцовых галерей и парка. Однако на эту пронизанную солнцем простую жизнь под мудрым присмотром няни-англичанки, уже набегали тучи. И происходило это все чаще и чаще.

¹ Река и многочисленные озера Гатчины находились в ведении Адмиралтейства.

² Князь В. С. Трубецкой в своей книге «Записки кирасира» (М.: Россия, 1991) объясняет это название тем, что чины особой дворцовой охраны вместо погон носили витые зеленые жгуты. (Прим. переводчика.)

КЛАССНАЯ КОМНАТА И ВНЕШНИЙ МИР

Спальня у Ольги в Гатчинском дворце осталась прежней, но, едва девочке исполнилось семь лет, ее столовую превратили в классную комнату. Там вместе с одиннадцатилетним Михаилом она занималась с девяти утра до трех дня. С той поры брат и сестра стали неразлучными.

— У меня с ним было много общего, — рассказывала мне Великая Княгиня. — У нас были одинаковые вкусы, нам нравились одни и те же люди, мы имели общие интересы и никогда не ссорились.

Когда ее разлучали с братом, Ольга приходила в отчаяние. В таких случаях она умудрялась переслать брату записку через кого-то из слуг. Подобный способ общения перерос в привычку. Иногда она посылала Михаилу два или три письма в день. Однажды Великая Княгиня показала мне несколько записок, нацарапанных на бумаге с Императорским гербом, какие она писала брату в Гатчине:

«Мой милый старый Миша! Как твое горло? Мне не разрешают видиться с тобой, я тебе кое-что прищлю! А теперь прощай. Целую тебя. Ольга».

«Милый Миша! Мама не разрешит мне выходить гулять завтра, потому что я гуляла сегодня утром. Пожалуйста, поговори с ней еще раз. Страшно извиняюсь. Ольга».

У маленькой Ольги было несколько ласкательных прозвищ для Михаила, но чаще всего она уже взрослыми, они бывали на официальных приемах, и Ольга Александровна, зачастую называла его «милый Floppy»¹. Это прозвище так и осталось за ним на всю жизнь. Позднее, забываясь, в присутствии онемевших от изумления сановников обращалась к брату: «Милый Floppy».

Слушая рассказы Великой Княгини о далеких ее школьных годах, я ловил себя на мысли о том, что, несмотря на превосходное воспитание, которое получили дети Александра III, образо-

¹ «Floppy» — от «floor» — шлепаться (англ.). По словам Ольги Александровны, брат имел обыкновение с размаху шлепаться в кресло, вытягивая вперед свои длинные ноги. (Прим. переводчика.)

вание их оставляло желать много лучшего¹. Великая Княгиня называла мне имена многих наставников, которые все до одного были выбраны ее родителями. В их числе были мистер Хис, учитель английского, месье Тормейе, учитель французского языка, и один безымянный господин, который преподавал Царским детям географию и раздражал их тем, что слишком серьезно относился к самому себе. Хотя он никогда не покидал пределов Петербурга, учитель имел обыкновение с большим апломбом рассказывать о заморских странах, подробно описывая ландшафты и растущие в этих странах цветы, словно успел объездить весь мир. Великий Князь Георгий всякий раз охлаждал рвение бедняги. Стоило географу заговорить о каком-то очередном памятнике скульптуры или цветке, Джорджи вежливо спрашивал: «А вы сами его видели? А сами вы нюхали этот цветок?» На что бедняга мог лишь робко ответить: «Нет».

По словам его сестры, Георгий был большим проказником. Его классная комната находилась рядом с комнатой брата Николая, Наследника престола, который хохотал до слез, слушая, как терзает учителей Георгий. Николаю было часто трудно сосредоточиться во время занятий, потому что Георгий то и дело отвлекал его.

— Признаться, у Георгия было особенно развито чувство юмора. Всякий раз как он выдавал особенно удачную шутку, Ники записывал ее на клочке бумаги и прятал в «шкатулку курьезов» вместе с другими памятками своего отрочества. Шкатулку эту он хранил у себя в кабинете, когда стал Царем. Зачастую оттуда слышался его веселый смех: Ники перечитывал извлеченные из тайника шутки брата.

Нужно сказать, что у Джорджи был соучастник его проделок, причем весьма своеобразный. Это был зеленый попугай Попка, который почему-то не любил мистера Хиса. Всякий раз как бедный учитель входил в комнату Джорджи, попугай начинал злиться и передразнивать мистера Хиса, щеголявшего своим британским произношением. В конце концов мистер Хис до того рассердился, что перестал давать Джорджи уроки до тех пор, пока Попку не унесли в другое место из классной комнаты брата.

¹ Лишь двое представителей царствующего дома Романовых из девятнадцати получили соответствующее своему высокому положению образование: Александр I, ученик Фредерика Лагарпа, и Александр II, наставником которого был поэт В. А. Жуковский. Основными предметами в обучении младших сыновей Императора были языки и военные дисциплины.

Царских детей обучали танцам, русскому языку и рисованию.

— Танцы были одним из важных «предметов», которым мы занимались вместе с Мишей. Учителем танцев у нас был господин Троицкий, натура артистическая, очень важный, у него были белые бакенбарды и офицерская осанка. Он всегда ходил в белых перчатках и требовал, чтобы на рояле его аккомпаниатора всегда стояла ваза со свежими цветами.

Прежде чем начать па-де-патине, вальс или польку, которую я терпеть не могла, мы с Мишей должны были сделать друг другу реверанс и поклониться. Мы оба чувствовали себя такими дураками и готовы были провалиться сквозь землю от смущения. Мы знали: вопреки нашим протестам, казаки, дежурившие у бальной комнаты, подсматривают за нами в замочные скважины. После уроков они всегда встречали нас улыбками до ушей, что еще больше увеличивало наше смущение.

Похоже на то, что лишь уроки истории и рисования по-настоящему увлекали юную Великую Княжну.

— Русская история, — признавалась она мне, — представлялась как бы частью нашей жизни — чем-то близким и родным, — и мы погружались в нее без малейших усилий.

Утренние визиты в рабочий кабинет отца становились все короче, зато интереснее и разнообразнее. Ольга была достаточно взрослой, чтобы слушать рассказы о прошлом — о Крымской войне, об успехе отмены крепостного права, о великих реформах, которые проводил ее дед, несмотря на отчаянное сопротивление со стороны различных кругов, о русско-турецкой войне 1877 года, в результате которой Балканы освободились от турецкого владычества.

Но в ее познаниях оставалось много пробелов. Как мы увидим дальше, вместе со своей семьей Ольга переезжала из одного дворца в другой, расположенный в северной части империи; изучила Крым, познакомилась с Данией, куда ездила каждый год в гости к деду, датскому королю Христиану IX и бабушке, королеве Луизе. Однако дворцы Петергофа, Царского Села и Гатчины были расположены в том регионе, который был захвачен у шведов Петром I. Сельское население здесь составляли так называемые *чухонцы*. Это древнерусское определение относилось к обитателям восточной

¹ Автор ошибается. Земли, о которых идет речь, и даже те, что нынче входят в состав Финляндии, как явствует из Финского исторического атласа, некогда принадлежали Великому Новгороду. (Прим. переводчика.)

окраины Балтийского побережья. Ни Ольга, ни остальные Царские дети не вполне представляли себе, как живет население центральной части России. Знакомству с условиями жизни подданных препятствовали скорее принимаемые меры безопасности, чем вопросы этикета. Члены Императорской Семьи во время поездок из Санкт-Петербурга в Крым пересекали всю Россию, но путешествовали они в тщательно охраняемых Императорских поездах под бдительным оком солдат Собственного Его Величества Железнодорожного полка. Одним словом, у них не было возможности изучить свою Родину. Можно только удивляться тому, что юная Царевна с младенческих лет полюбила простой народ. Она знала простых людей потому, что никогда не упускала возможности приобрести себе друзей.

— Моего отца называли мужицким Царем, — сказала мне однажды Великая Княгиня, — потому что он действительно понимал крестьян. Подобно Петру Великому, он не переносил помпезности и роскоши, у него были простые вкусы, и, по его словам, он чувствовал себя особенно свободно, когда мог облачиться в простое крестьянское платье. И я знаю, что бы о нем ни говорили, простые люди любили его. Видели бы вы радостные лица солдат во время маневров или после какого-нибудь смотра! Такое выражение не появляется у солдата по приказу офицера. Даже в раннем детстве я знала, как они ему преданы.

После 1889 года Ольга уже не обедала и не ужинала в своей детской столовой каждый день. Часто случалось, что по приказу Императрицы миссис Франклин надевала на девочку новое платье, особенно тщательно расчесывала ей волосы, и младшая дочь Императора отправлялась в дальнейшее путешествие в одну из дворцовых столовых, где ей предстояло обедать с родителями и приглашенными в тот день гостями. За исключением званых обедов, когда хозяева и гости трапезничали в Мраморной столовой рядом с Тронным залом Павла I, — живя в Гатчине, Императорская Семья обедала в просторной ванной комнате на первом этаже, выходящей окнами в розовый сад. Комната эта действительно использовалась в качестве ванной комнаты императрицей Александрой Федоровной, супругой Николая I. У одной из стен стояла огромная мраморная ванна, позади которой были укреплены четыре больших зеркала. Мать Великой Княжны велела наполнить ее горшками с разноцветными азалиями.

— Я была не робкого десятка, — рассказывала Ольга Александровна, — но эти семейные обеды скоро стали для меня сущей мукой. Мы с Михаилом все время ходили голодные, а хватать куски в неурочное время миссис Франклин нам не разрешала.

— Голодные? — переспросил я, не скрывая изумления.

— Ну, разумеется, еды было достаточно, — принялась объяснять Великая Княгиня, — и хотя блюда были простые, выглядели они гораздо аппетитнее, чем те, которыми нас потчевали в детской. Но дело в том, что существовал строгий регламент: сначала еду подавали моим родителям, затем гостям и так далее. Мы с Михаилом, как самые младшие, получали свои порции в самую последнюю очередь. В те дни считалось дурной манерой, как есть слишком поспешно, так и подбедать все, что положили тебе на тарелку. Когда наступал наш черед, мы успевали проглотить лишь один или два куса. Даже Ники однажды так проголодался, что совершил святотатство.

Великая Княгиня рассказала мне, что каждый ребенок из дома Романовых при крещении получал золотой крест. Крест был полый и наполнен пчелиным воском. В воск помещалась крохотная частица Животворящего Креста.

— Ники был так голоден, что открыл крест и проглотил все его содержимое. Потом ему стало очень стыдно, но он признался, что это было аморально вкусно. Я одна знала об этом. Ники не захотел рассказать о своем проступке даже Георгию и Ксении. Что же касается наших родителей, то не нашлось бы слов, чтобы выразить их негодование. Как вы знаете, все мы были воспитаны в строгом послушании канонам религии. Каждую неделю присутствовали на литургии, а многочисленные посты и каждое событие общенационального значения отмечалось торжественным молебном; все это было так же естественно для нас, как воздух, которым мы дышали. Не помню ни одного случая, чтобы кто-нибудь из нас вздумал обсуждать какие-то вопросы религии, и все-таки, — улыбнулась Великая Княгиня, — святотатство моего старшего брата ничуть нас не шокировало. Я только рассмеялась, услышав его признание, и впоследствии, когда нам давали что-то особенно вкусное, мы шептались друг другу: «Это было аморально вкусно», и никто нашего секрета так и не узнал.

Я снова засомневался: неужели Наследник престола мог настолько проголодаться, живя во дворце, где в кухнях, кладовых, складах полно всевозможной снеди.

— Это так, но существовал строгий порядок, — объяснила Великая Княгиня. — Подавали завтрак, лэнч, чай, обед и вечерний чай — все в строгом соответствии с инструкциями дворцовым буфетчикам. Некоторые из этих инструкций сохранились без изменения со времен Екатерины Великой. Скажем, в 1889 году появились маленькие булочки с шафраном, которые ежедневно подавались к вечернему чаю. Такие же булочки подавались при дворе еще в 1788 году. Мы с моим братом Михаилом то и дело проказничали, но никогда не позволяли себе зайти украдкой в буфет и попросить бутерброд или булку. Подобные вещи просто не делались.

Несмотря на то что из-за стола приходилось зачастую вставать голодной, такие семейные обеды были полезны для юной Великой Княжны. Разговаривать за столом она не смела, зато могла слушать. И она с интересом прислушивалась к каждому разговору. Разговору, в котором участвовали члены Императорской фамилии, иностранные владетельные особы, министры и дипломаты ее отца. И маленький ее мирок расширялся с каждой неделей. Портреты отдельных лиц, которые она набрасывала для меня, разительно отличались от тех, которые изображали иные историки. Такого рода портреты основывались на личных впечатлениях Великой Княгини и отражали ее собственные воззрения. Возьмем, к примеру, генерала Черевина, начальника наводившей на всех страх Охраны, который часто приглашался Императором к обеду¹. Благодаря его личной преданности Государю и Императрице Черевин стал другом Императорской Семьи, но я не могу не удивляться тому, что, зная, чем занимается Охрана, Великая Княгиня тем не менее отзывалась о нем: «Дружелюбный, великодушный, скромный. Он был очень популярен в Петербурге».

Неужели она не знала, что тысячи матерей, живших в столице и ее окрестностях, пугали своих детей именем Черевина?

В столовой Гатчинского дворца Великая Княгиня встречала и знаменитого Победоносцева, бывшего некогда наставником ее отца, а затем ставшего могущественным обер-прокурором Святейшего Синода. Ольга Александровна призналась мне, что его боялись во всех частях Российской империи.

¹ Если г-н Воррес подразумевает под словом «Охрана» Охранное отделение, прозванное его негласными сотрудниками-революционерами «охранкой», то он ошибается. Генерал-адъютант П. А. Черевин был начальником дворцовой охраны у Императора Александра ЦІ, а не «охранки». (Прим. переводчика.)

— И все же люди были не вполне справедливы к нему, — сетовала она. — У него была внешность аскета, и иногда глаза его приобретали холодное, как сталь, выражение. Я знаю, что он был ревностным сторонником самодержавия, панславизма и антисемитом. Но в нем было и много хорошего. Я часто наблюдала, как он добр с детьми. И он мог быть забавным. Но при его внешней неуязвимости у него был один изъян: он страшился призраков. Они с женой занимали квартиру на Литейном в Петербурге. В доме, где они жили, водилось привидение. Победоносцев приглашал священников для того, чтобы они изгнали духа. Несмотря на это, невидимое чудовище то и дело своими когтями срывало с Победоносцева одеяла. Победоносцев его до смерти боялся, но продолжал пребывать в этом доме до тех пор, пока жена его не переехала в другое здание, куда последовал и Победоносцев. Он сам рассказывал эту историю. Мне часто приходит в голову мысль, что если бы публика знала, что Победоносцев может чего-то бояться, то она бы изменила свое мнение о нем.

— Разве он не оказывал влияния на Императора? — спросил я.

— Думаю, люди склонны преувеличивать его влияние. Я действительно помню, что мой отец более внимательно выслушивал его, чем других министров, — возразила Великая Княгиня. — Однако отец обычно сам принимал решения, независимо от чьих-либо советов. Вы знаете, сколько он работал! Те короткие утренние встречи с отцом врезались мне в память. Его рабочий стол был буквально завален кучами бумаг. Уже потом я узнала, что он частенько засиживался за работой далеко за полночь. Днем он принимал у себя министров, иерархов церкви, губернаторов и других лиц. Даже в Крыму, где он, казалось, должен был бы отдыхать от государственных забот, к нему то и дело приходили государственные бумаги, а приезжавшие нескончаемой вереницей курьеры и фельдъегери обеспечивали его постоянную связь с правительством.

— Не могу сказать, — добавила Великая Княгиня, — чтобы я хорошо разбиралась во всех деталях его работы, но я твердо знаю, что она ложилась нечеловеческой нагрузкой на него, отнимая у Папы весь его досуг и силы. Он так любил бывать в кругу семьи и очень не хотел тратить время на разного рода официальные увеселения! В этом он походил на Петра Великого.

Настоящими праздниками были те дни, когда, услышав, как часы на дворцовой башне бьют три раза, Великая Княжна и ее

брат Михаил получали оповещение о том, что Его Императорское Величество изволит взять их с собой в гатчинские леса.

— Мы отправлялись в Зверинец — парк, где водились олени, — только мы трое и больше никого. Мы походили на трех медведей из русской сказки. Отец нес большую лопату, Михаил поменьше, а я совсем крохотную. У каждого из нас были также топорик, фонарь и яблоко. Если дело происходило зимой, то отец учил нас, как аккуратно расчистить дорожку, как срубить засохшее дерево. Он показывал нам с Михаилом, как надо разводить костер. Наконец, мы пекли на костре яблоки, заливали костер и при свете фонарей находили дорогу домой. Летом отец объяснял нам, как читать следы животных. Часто мы приходили к какому-нибудь озеру, и Папá обучал нас гребле. Ему так хотелось, чтобы мы умели читать книгу природы столь же легко, как это делал он сам. Те дневные прогулки были самыми дорожными для нас уроками.

После прогулки, часов в пять пополудни, дети пили чай в обществе Государыни Императрицы. Иногда в гости к Императрице приезжала компания дам из Петербурга, и тогда семейное чаепитие превращалось в нечто напоминающее официальный прием. Дамы садились полукругом вокруг хозяйки, которая разливала чай из красивого серебряного чайника, поставленного перед нею безупречно вышколенным лакеем, Степановым. Правда, однажды торжественность чайной церемонии нарушил неисправимый проказник Георгий, причем весьма забавным образом. В тот момент, когда Степанов с обычным своим величественным видом вошел в комнату, Георгий выставил ногу. Неожиданно лицо Степанова исказилось от боли и изумления: он оказался на полу, кругом валялись чашки, тарелки, предметы серебряного сервиза, пирожные. На картину эту с ужасом смотрели знатные дамы и Императрица.

— Только Георгию могло сойти с рук подобное безобразие, — заметила Великая Княгиня. — Дело в том, что Мама́ питала к нему слабость. Очевидно, вещее сердце матери предчувствовало беду. И действительно, когда Георгию было всего двадцать, он заболел туберкулезом и семь лет спустя скончался в Аббас-Тумане, у подножия Кавказских гор.

Для маленьких Ольги и Миши воскресенье было настоящим праздником. В этот день им разрешалось приглашать к себе в гости детей из знатных семейств. Те приезжали из Петербурга на поезде, чтобы напиться чаю и поиграть с Царскими детьми пару часов. В дальней части дворца для юных гостей было отведено

тринадцать комнат, являвшихся частью апартаментов Императора Павла I.

— Однажды один из моих самых любимых товарищей по играм, сынишка графа Шереметева, погибшего в Борках, где-то раздобыл медвежью шкуру — с головой, лапами, оснащенными когтями и прочим. Напялив ее на себя, он стал на четвереньках ползать по коридорам дворца, издавая при этом грозное рычание. Старик Филипп, работавший на кухне, неожиданно наткнулся на страшного «зверя». Похолодев от страха, бедняга вскочил на один из длинных столов, стоявших вдоль коридора, и бросился бежать с криком: «Господи помилуй! Во дворце медведь! Помогите!» Мы так испугались, что Мама́ может узнать об этой проделке!

Именно Император, а не Императрица был ближе к двум младшим детям. По признанию Великой Княгини, их с матерью разделяла пропасть. Императрица Мария Федоровна великолепно выполняла свои обязанности Царицы, но она оставалась ею, даже входя в детскую. Ольга и Михаил боялись мать. Всем своим поведением она давала понять, что крохотный мирок с их мелкими проблемами ее ничуть не интересует. У маленькой Ольги никогда не возникало желания искать у родительницы утешения и совета.

— По существу, это Нана заставляла меня заходить в комнаты Мама́. Приходя к ней, я всегда чувствовала себя не в своей тарелке. Из всех сил старалась вести себя как следует. Но никак не могла заставить себя говорить с Мама́ естественно. Она страшно боялась, что может перейти границы этикета и благопристойности. Лишь гораздо позднее я поняла, что мама ревнует меня к Нана, однако моя привязанность к Нана была не единственной преградой, разделявшей нас. Если мы с Михаилом делали что-то недозволенное, нас за эту шалость наказывали, но потом отец громко хохотал. Например, так было, когда мы с братом забрались на крышу дворца, чтобы полюбоваться на огромный парк, залитый лунным светом. Но Мама́, узнав о таких проказах, даже не улыбалась. Наше счастье, что она была всегда так занята, что редко узнавала о наших проделках.

Однако у матери и дочери были по крайней мере два общих интереса, которые могли бы легко сблизить их обеих. Императрица Мария Федоровна обожала живопись, хотя ни в Дании, ни в России не получила настоящего художественного образования. В одной из галерей впоследствии висела ее картина — портрет кучера в натуральную величину. Их младшая дочь проявила та-

лант художницы в столь раннем возрасте, что Император решил пригласить к ней профессионального учителя живописи.

— Мне разрешили держать в руках карандаш даже на уроках географии и арифметики. Я лучше усваивала услышанное, если рисовала колосок или какие-нибудь полевые цветы¹.

Другой привязанностью, объединявшей Императрицу и юную Великую Княжну, была любовь к животным, в особенности лошадям.

— Для нас, детей, верховая езда была излюбленным занятием. Лошадей мы просто обожали: у каждого из нас был свой инструктор верховой езды — офицер Императорской гвардии. В седле мы чувствовали себя как рыбы в воде. Мама тоже обожала лошадей, но Папа их терпеть не мог, — призналась Великая Княгиня.

Императорские лошади были очень плохо обезджены и часто лягались. Ольга Александровна вспомнила случай, который произошел в Гатчине. Императрица подъехала на изящной коляске к подъезду дворца, чтобы предложить супругу прокатиться вместе с нею. Едва Александр III встал на подножку коляски, лошади начали пятиться, и он тотчас прыгнул на землю.

— Садись же! — воскликнула Императрица, но Государь отрезал:

— Если хочешь разбиться, поезжай одна.

Великая Княгиня рассказывала:

— Мама лично занималась Императорскими конюшнями, а заведовал придворной конюшенной частью обер-шталмейстер генерал-адъютант Артур Грюнвальд. Это был добрый старый господин, не вполне соответствовавший своей должности. Однажды Мама понадобилась для коляски пара лошадей покрупнее. И когда она захотела взглянуть на лошадей, генерал Грюнвальд сказал: «*Oui, je les ai achetés, mais je conseillerais Madame de ne pas les conduire!*»²

Императрица великолепно ездил верхом, правила лошадьми, да и все ее дети сели на лошадь раньше, чем научились ходить. Однако не только лошади владели сердцами детей. Если бы им было позволено держать у себя всех животных, которых дарили им родные и друзья, то дворец вполне мог бы превратиться в зоо-

¹ Талант Великой Княжны (а затем Княгини) развивался и зрел. Ее натюрморты и пейзажи были восхитительны, и она продолжала рисовать до конца своих дней.

² Да, я их купил, но я не советую Вашему Величеству править ими! (фр.)

парк. В качестве подарков им дарили собак, медвежат, кроликов, волчат, зайцев, даже лосей и рысей. Всех этих животных, кроме собак, отправляли в зоологические сады Петербурга и Москвы.

Одной из любимиц Великой Княжны была белая ворона, подаренная ей отцом. Был у нее и волчонок, которого держали на выгоне и кормили фруктами и молоком, а также заяц Куку. Косой стал совсем ручным и ходил за своей хозяйкой повсюду, словно собачонка. Но охоту она терпеть не могла.

— Как-то на Рождество Михаилу подарили его первое ружье. Ему тогда было лет десять. На следующий день он убил в парке ворону. Увидев, как она упала, мы подбежали и увидели, что она ранена. Мы оба сели на снег и горько заплакали. Мой бедный братец весь день ходил расстроенный. Инструктор у него был превосходный, и в конце концов Михаил стал отличным стрелком. Но мне охота никогда не нравилась. Ни сестру, ни меня стрелять не учили...

Двумя самыми памятными днями в году были Рождество и Пасха. У Великой Княгини остались самые теплые и яркие воспоминания об этих праздниках. Прежде всего, это были счастливые семейные торжества, но в эти два дня понятие «семья» включало не только Императора, Императрицу и их детей, но также великое множество родственников. К домочадцам же принадлежали и тысячи слуг, лакеев, придворной челяди, солдат, моряков, членов придворного штата и все, кто имел право доступа во дворец. И всем им полагалось дарить подарки.

Подарки представляли собой целую проблему. Согласно этикету, никто из членов Императорской Семьи не вправе был заходить в магазин ни в одном городе. Лавочники должны были сами присылать свои товары во дворец. Александр¹, Болен, Кабюссю, Сципион, Кноп и другие торговцы отправляли в Гатчину один ящик за другим.

— Однако, — вспоминает Великая Княгиня, — из года в год они присылали одно и то же. Если у них что-то покупали, эти купцы полагали, что нам и впредь потребуется то же самое. Как-то получалось, что у нас никогда не хватало времени отправить эти товары обратно, в Петербург. Кроме того, живя почти безвы-

¹ Магазин в Петербурге, с которым можно сравнить магазин Эспри³ в Лондоне. Все остальные перечисленные магазины примерно такого же рода.

ездно во дворце, мы не имели ни малейшего представления о том, какие появились новинки. По-настоящему солидные магазины свои товары в то время не рекламировали. Но даже если какие-то из них и рекламировали их, мы, дети, все равно их рекламу не смогли бы увидеть: приносить газеты в детские было строго-на-строго запрещено. Подарок, который я всегда дарила Папá, был изделием моих собственных рук: это были мягкие красные туфли, вышитые белыми крестиками. Мне было так приятно видеть их на нем.

Карманных денег Императорские дети не имели. То, что они выбирали в качестве подарков для друзей и знакомых, оплачивалось из казны. Что сколько стоит, они не знали. Старшая сестра Ольги, Великая Княжна Ксения, в которой мать души не чаяла, однажды очутилась в апартаментах Императрицы, когда две фрейлины распаковывали коробки с драгоценностями и безделушками от Картье из Парижа. Тринадцатилетняя Ксения еще не решила, что подарить родительнице. Неожиданно девочка увидела филигранный флакон для духов с пробкой, украшенной сапфирами. Она схватила флакон и стала упрашивать графиню Строганову не выдавать ее секрета. Этот флакон, должно быть, стоил целое состояние, и Ксения подарила его Императрице на Рождество. Немного позднее Мария Федоровна дала понять детям, что они могут только любоваться футлярами от Картье и других ювелиров, не более того.

Император Александр III ненавидел всякую показную роскошь. Ему ничего бы не стоило осыпать драгоценностями своих чад хоть каждое Рождество, но вместо этого дети получали игрушки, книги, садовые инструменты и прочие вещи.

И все-таки, несмотря на бережливость Императорской четы¹, рождественские празднества обходились ей в копейчку. Следовало одаривать всех родственников — как русских, так и заморских, — весь придворный штат, правительственных чиновников, всю прислугу, солдат и матросов, служивших Императорской фамилии... В списках, составляемых в канцелярии министра Императорского двора, насчитывалось по несколько тысяч имен, и на всех карточках, прикрепленных к подаркам, стояли автографы Император-

¹ А. А. Мосолов в своей книге «При дворе последнего Императора» (с. 106 и далее) отмечает безграничную доброту Императрицы Марии Федоровны. (Прим. переводчика.)

ской четы. Такое количество подарков едва ли можно было подобрать индивидуально. Они представляли собой главным образом изделия из фарфора, стекла, серебра. Родственники и близкие друзья получали драгоценности.

За несколько недель до Рождества во дворце начиналась суматоха: прибывали посыльные с какими-то пакетами, садовники несли многочисленные елки, повара сбивались с ног. Даже личный кабинет Императора был завален пакетами, смотреть на которые Ольге и Мише было запрещено. В тесной кухне в глубине детских апартаментов миссис Франклин священнодействовала, готовя сливовые пудинги. Такое блюдо без труда могли бы приготовить и повара, но миссис Франклин и слышать не хотела о том, чтобы переложить эту обязанность на чужие плечи.

К Сочельнику все уже было готово. Пополудни во дворце наступало затишье. Все русские слуги стояли возле окон, ожидая появления первой звезды. В шесть часов начинали звонить колокола гатчинской дворцовой церкви, созывая верующих к вечерне. После службы устраивался семейный обед.

— Обедали мы в комнате рядом с банкетным залом. Двери зала были закрыты, перед ними стояли на часах казаки конвоя. Есть нам совсем не хотелось — так мы были возбуждены, — и как же трудно нам было молчать! Я сидела, уставясь на свои нож и вилку, и мысленно разговаривала с друзьями. Все мы, даже Ники, которому тогда уже перевалило за двадцать, ждали лишь одного — когда же унесут никому не нужный десерт, а родители встанут из-за стола и отправятся в банкетный зал.

Но и дети, и все остальные должны были ждать, пока Император не позвонит в колокольчик. И тут, забыв про этикет и всякую чинность, все бросались к дверям банкетного зала. Двери распахивались настежь, и «мы оказывались в волшебном царстве». Весь зал был уставлен рождественскими елками, сверкающими разноцветными свечами и увешанными позолоченными и посеребренными фруктами и елочными украшениями. Ничего удивительного! Шесть елок предназначались для Императорской семьи, и гораздо больше — для родственников и придворного штата. Возле каждой елки ставили маленький столик, покрытый белой скатертью и заваленный подарками.

В этот праздник даже Императрица не возмущалась суматохой и толкотней. После веселых минут, проведенных в банкетном зале, пили чай, пели традиционные песни. Около полуночи прихо-

дила миссис Франклин и уводила не успевших прийти в себя детей назад в детские. Три дня спустя елки нужно было убирать из дворца. Дети занимались этим сами. В банкетный зал приходили слуги вместе со своими семьями, а Царские дети, вооруженные ножницами, взбирались на стремянки и снимали с елей все до последнего украшения. «Все изящные, похожие на тюльпаны подсвечники и великолепные украшения, многие из которых были изготовлены Боленом и Пето, раздавались слугам. До чего же они были счастливы; до чего же были счастливы и мы, доставив им такую радость!»

Вторым памятным днем календаря была Пасха. Ее праздновали особенно радостно, потому что ей предшествовали семь недель строгого воздержания — не только от употребления в пищу мяса, масла, сыра и молока, но и от всяческих развлечений. На этот период у Великой Княжны прерывались и уроки танцев. Не устраивались ни балы, ни концерты, ни свадьбы. Период этот назывался Великий пост, что очень точно определяло его значение. Начиная с Вербного воскресенья, дети посещали церковь утром и вечером. Некоторое послабление приносила Великая Суббота. Миссис Франклин могла отойти ко сну в привычное для себя время, но Ольга, уже не считавшаяся младенцем, оставалась на ногах. Для заутрени — службы, продолжавшейся свыше трех часов, — Ольга облачалась как для торжественного приема во дворце: на голове усыпанный жемчугами кокошник, вышитая вуаль до талии, сарафан из серебряной парчи и кремовая атласная юбка. Все, кто присутствовал на службе, надевали праздничное придворное платье. Церковная служба в столь непривычное для нее время, должно быть, производила на девочку неизгладимое впечатление благоговения, ожидания и радости.

— Я не помню, чтобы мы чувствовали усталость, зато хорошо помню, с каким нетерпением мы ждали, затаив дыхание, первый торжествующий возглас «Христос Воскресе!», который затем подхватывали Императорские хоры.

За стенами храма мог еще лежать толстый слой снега, но слова тропаря обозначали конец зимы. После возгласа «Христос Воскресе!», на который присутствующие отвечали: «Воистину Воскресе!», разом исчезали заботы и тревоги, разочарования и беды. У всех стоящих в храме — в руках зажженные свечи. Всех охватывает радостное чувство. Долгий пост окончен, и Царские дети бегут в банкетный зал, где ждут их всякие лакомства, к которым им

было запрещено даже притрагиваться с самой масленицы. Начинается разговенье.

— По пути мы ежеминутно останавливались, чтобы похристосоваться с дворецкими, лакеями, солдатами, служанками и всеми, кто нам попадался, — вспоминала Ольга Александровна.

Светлое Христово Воскресение вряд ли можно было назвать днем отдыха для Императорской семьи. День начинался с приема в одном из величественных залов Большого Гатчинского дворца. Государь и Императрица стояли в конце зала, а все обитатели дворца подходили к ним, чтобы похристосоваться и получить пасхальное яйцо, изготовленное из фарфора, яшмы или малахита.

— Особенно мне нравилось стоять рядом с Папá, когда наступала очередь христосоваться с детьми-певчими из церковного хора. Некоторые из них были совсем крошками, и лакеям приходилось их поднимать и ставить на стул. Не мог же мой отец наклоняться по нескольку раз в минуту, чтобы поцеловать малышей.

В такого рода церемониях проходил весь день. Пополудни Император в сопровождении младших детей посещал казармы, находившиеся как рядом с дворцом, так и в других местах города. Когда Ольга подросла, ей разрешили держать в своих руках поднос с фарфоровыми яйцами.

— Каким занятым и счастливым был этот день! И как точно он оправдывал старинную русскую поговорку: «Дорого яичко в Христов день!»

После того как прадед Ольги Александровны Великий Князь Николай Павлович (впоследствии Император Николай I) сочетался браком с Шарлоттой, принцессой Прусской (принявшей православное имя Александры Федоровны), всем казалось, что будущее династии Романовых зависит исключительно от него. Родитель его, Павел I, единственный сын Екатерины II, имел десять детей, из них четырех сыновей. Но у Александра I, его старшего сына, родились лишь две дочери, умершие во младенчестве, Константин был бездетен, а у Михаила, который женился последним из четырех братьев, родилась лишь одна дочь. Именно благодаря Николаю I фамилия Романовых была спасена от угасания. Четыре сына Николая I родили ему семнадцать внуков.

Когда Ольге исполнилось десять лет, ей с трудом удавалось считать всех членов Императорской фамилии. Помимо собственно Романовых в нее входили также принцы Мекленбург-Стрелиц-

кие и Ольденбургские, а также герцоги Лейхтенбергские. Все они, женившись на Великих Княжнах, отказались от своей национальной принадлежности и стали членами Российского Императорского дома. Императорская фамилия была также связана кровными узами с несколькими владетельными германскими домами — Прусским, Кобург-Готским, Гессенским, Баденским и Вюртембергским, с датской королевской фамилией, а через нее и с греческой. В 1874 году единственная сестра Александра III, Великая Княжна Мария Александровна, вышла замуж за герцога Эдинбургского. Короче говоря, единственными владетельными домами, не связанными узами с Романовыми, были Габсбурги, Бурбоны и дом Браганцы, исповедовавшие католицизм, что являлось непреодолимой преградой для брака в глазах русских.

В Императоре Александре III было много от патриарха; к многочисленной фамилии Романовых он относился как к единому семейному клану, и в период его царствования мало кто слышал о каких-то группировках, распрях или соперничестве. Даже его вспыльчивый брат Владимир и его властолюбивая супруга Мария Павловна вынуждены были мириться с политикой Государя, которая объединяла, хотя бы внешне, Императорскую фамилию. Александр III, ненавидевший напыщенность и показную роскошь, придавал большое значение семейным узам. Крестины, бракосочетания, похороны, не говоря о других важных событиях, являлись поводом для того, чтобы всех Романовых собрать вместе, а уж хозяином Император был великолепным.

Такого рода встречи не обязательно происходили в Гатчине. Но именно эта царская резиденция была особенно дорога Ольге Александровне, проведеншей в ней свои детские годы. После того как закрылась книга детства, маленькая Ольга стала переезжать, как это происходило ежегодно, с одного места на другое.

К западу от Санкт-Петербурга, на южном берегу Финского залива, находится Петергоф, славящийся во всем мире своими фонтанами, которые, по приказу Екатерины II, спроектировал архитектор Камерон, шотландец по происхождению. Петергоф был построен на землях, отвоеванных у шведов Петром I¹. Решив ввести у

¹ «Более тысячи лет тому назад вся местность, где Петр Великий заложил новую русскую столицу, была заселена Славянами попеременно с финскими племенами Води и Ижеры... Еще святая Ольга установила размеры дани... в приволжской области». (С. Н. Вильковский. Царское Село. СПб., Титул, 1992. С. 1.)

себя в стране западные порядки, он велел повесить во дворце афишу, гласившую следующее: «Придворные дамы и кавалеры, которые будут обнаружены спящими в постели в обуви, будут немедленно обезглавлены».

— Я слышала, что существовало такое уведомление, но сама я его никогда не видала, — заметила Ольга Александровна. Однако она слышала, как всегда от слуг, что отец однажды застал ее брата Ники спящим в обуви после особенно утомительной поездки верхом. — Ники повезло, что отец не был Петром I, — засмеялась Великая Княгиня.

Летом Императорская семья жила в Петергофе месяца полтора. Несмотря на близость Императорских парков и Большого дворца, жизнь там была лишена всяких условностей. По словам Великой Княгини, кругом полно было дачников, приехавших из Петербурга. В основном это были пожилые, ушедшие в отставку обыватели, которые почти все время проводили в шезлонгах, облачившись в мягкие старые пижамы.

— В этой небрежности дачников было что-то притягательное, — вспоминала Ольга Александровна. Едва ступив на берег с борта Императорской яхты, члены Царской Семьи словно заражались царившей вокруг атмосферой вольготной непринужденности. Направляясь к Императорской резиденции в открытых экипажах, они нередко проезжали мимо групп толстых женщин, которые вместе со своими детьми бродили по воде мелких речек, окружавших Петергоф.

— Наше появление их несколько не смущало. Визжащие и хохочущие дети умолкали лишь на мгновение; их родительницы слегка наклоняли головы и улыбались, узнав своего Царя, а затем снова продолжали барахтаться в воде.

Даже войска, расквартированные в Петергофе и его окрестностях, казалось, усвоили непринужденные нравы дачников. Великая Княгиня вспоминала, что когда однажды Императорская Семья ехала парком, им то и дело попадались солдаты, которые нагишом купались в реках и прудах или стирали свое обмундирование. Внезапное появление Императорских экипажей вызвало сущий переполох. Оценившие солдаты вылезали из воды, но, не успев целиком одеться, лишь хватали головные уборы и натягивали их на свои мокрые головы. Затем, вытянувшись в струнку, отдавали честь и громко приветствовали Императора.

Лишь Нана, воспитанная в пуританских традициях, находила это зрелище «отвратительным» и отворачивалась в сторону.

— Мы никогда не жили в Большом дворце, — сообщила мне Великая Княгиня. — Я знаю, что папа был рад возможности раз в году оказаться подальше от необъятных залов Гатчинского Большого дворца, но Большой дворец в Петергофе был еще просторнее. В нем устраивались государственные приемы и банкеты, однако летней резиденцией сделать его было невозможно.

Царская семья устраивалась в Александрии — части Петергофа, расположенной на берегу залива. Своим названием она обязана Николаю I, посвятившему этот ансамбль своей супруге Императрице Александре Федоровне. Маленькая Ольга полюбила дворец, называвшийся Коттедж, хотя в некоторых комнатах из-за витражей в окнах было довольно темно. Многочисленные террасы и балконы создавали чарующую обстановку. Множество лестниц, площадок, альковов позволяли детям играть в ненастные дни. Младшим детям не надо было учиться, старшие освобождались от тяжелых обязанностей. Все они жили дружной семьей. Именно в Петергофе Цесаревич и младшая его сестра особенно сблизились, несмотря на разницу в возрасте в четырнадцать лет.

— Мне тогда было лет десять или одиннадцать, — рассказывала Ольга Александровна, — но я полюбила Ники всем сердцем. Он был добр и великодушен со всеми, с кем доводилось ему встречаться. Я никогда не видела, чтобы он старался вылезти вперед или сердился, если проигрывал в какой-то игре. И он искренне веровал в Бога. Помню один жаркий летний день, когда брат попросил меня сходить вместе с ним в дворцовую церковь в Большом дворце в Петергофе. Зачем он хочет пойти туда, он мне не сказал, а расспрашивать его я не стала. Помнится, служба уже шла, потому что в храме находились священники. Неожиданно разразилась страшная гроза. Вдруг появилась шаровая молния. Скользя от одной иконы к другой, расположенных на огромном иконостасе, огненный шар как бы повис над головой Ники. Тот крепко схватил меня за руку. Что-то мне подсказало, что для него наступило время тяжелых испытаний и что я, хотя и совсем маленькая девочка, смогу как-то облегчить его страдания. Я почувствовала гордость и одновременно робость.

Когда Великая Княгиня назвала время, когда произошел этот случай, я понял, о чем шла речь. Период с 1892 по 1893 год был тем отрезком времени, когда Цесаревич, искренне и горячо любивший принцессу Гессен-Дармштадтскую Алису, почувствовал,

что ему никогда не удастся завоевать ее. Она неоднократно отказывалась выйти за него замуж, потому что не хотела менять лютеранскую религию на православие. У Николая Александровича действительно был период «тяжелых испытаний», и, по-видимому, только младшая сестра, одна из всей семьи, могла понять его, как никто другой.

Жизнь в Александрии была простой и безыскусной.

— Папá вставал очень рано и отправлялся в лес, к обеду он приносил большую корзину грибов. Иногда он брал с собой кого-нибудь из нас, детей. Мы были свободны с утра до вечера, но Царский труд не позволял Папá отдохнуть в настоящем смысле этого слова. Каждое утро из Петербурга приезжали министры и другие чиновники, и отец был занят как всегда.

Особой достопримечательностью Петергофа были его фонтаны. Огромный парк был открыт для доступа публики; отдыхающие и путешественники приезжали тысячами, и к концу пребывания Царской семьи в Петергофе чины охраны, должно быть, очень уставали. Не проходило, пожалуй, ни одного дня, чтобы Царские дети не приходили полюбоваться на фонтаны: «Самсон, раздирающий пасть льва», «Сахарная голова», «Шахматная горка», «Ниобея», «Адам и Ева» и многие другие.

— В числе фрейлин у Мама́ состояли две древние старые де-вы. Это были сестры — графини Мария и Аглая Кутузовы. Однажды они были приглашены на обед в Большой дворец в Петергофе, и обе решили встретиться у фонтана «Адам». Бедные старушки едва не опоздали к трапезе. Одна из сестер ждала возле «Адама», а вторая — возле «Евы». Ни одна не догадалась, что из-за одной скульптуры не видно вторую.

Почти весь клан Романовых жил или в Петергофе, или же по соседству — в Красном, Стрельне, Ропше, Павловске, так что комнаты для гостей в Александрии были всегда переполнены. Одной из самых частых гостей была герцогиня Эдинбургская, единственная сестра Императора Александра III.

— Приезжала она часто, у нее постоянно были нелады с ее свекровью. По словам Папá, «королева Виктория была противной, всюду сующей свой нос старухой», а та считала его грубияном. Я любила свою тетушку Марию, не думаю, чтобы она была очень счастлива. В Петергофе она отдыхала от своих забот.

Но самые интересные гости приезжали из Греции. Их называли «греческой компанией». Компанию эту возглавляла королева

эллинов Ольга Константиновна, любимая кузина Императора Александра III. Она обычно приезжала к матери, у которой в Стрельне был загородный дворец, но некоторые из ее сыновей ехали в Александрию, где их присутствие способствовало веселому летнему времяпрепровождению.

— Тетя Ольга¹ походила на святую, и ее безмятежность и спокойствие благотворно действовали на нас. Она привозила с собой множество изысканных греческих вышивок с целью продать их в России и вырученные деньги употребить на благотворительные нужды в Греции. Ее энтузиазм был заразителен, хотя, боюсь, лишь из очень немногих ее начинаний выходило что-то путное.

Именно в Петергофе завязалась тесная дружба между Цесаревичем Николаем Александровичем и вторым сыном королевы эллинов Ольги Константиновны принцем Греческим Георгом («Джорджи» греческим)².

— Джорджи был высокого роста, у него были смеющиеся глаза и узенькие усики, придававшие ему хлыщеватую внешность. Все мы его любили, но я еще и побаивалась. Хотя в то время ему было не больше четырнадцати, ходили сплетни, естественно запущенные кем-то из прислуги, будто он в связи с Фотини, одной из греческих служанок. Я была настолько юна, что не отдавала себе отчета в том, о чем шла речь, но была уверена, что происходит что-то ужасное, — рассказывала Великая Княгиня.

— Июнь и июль вы проводили в Петергофе, — решил я. — Но в августе возвращались в Гатчину и вновь садились за уроки?

— Да нет же, — возразила она. — Из Петергофа мы отправлялись в Кронштадт, садились на яхту Папа, которая называлась «Держава», а оттуда плыли в Данию, в Фреденсбург, чтобы погостить у «Апапа» (дедушки) и «Анмама» (бабушки).

Дед Великой Княгини, король Христиан IX, был известен всем как «Европейский тесть». Многолюдные семейные собрания люди, которых на них не приглашали, называли «галереей шепчущихся». В частности, Бисмарк утверждал, что в замке Фреденс-

¹ См. сноску на с. 178.

² Именно принц Греческий Георг спас жизнь русскому Наследнику в 1890 году во время их визита в Японию. Два молодых наследных принца ехали в открытой коляске по узким улицам Оцу. Неожиданно на Цесаревича бросился японский фанатик с саблей в руке и убил бы его, если бы принц Георг не отразил удар своей тростью и не удерживал покушавшегося до тех пор, пока на место происшествия не прибыла японская полиция.

борг разрабатываются политические планы. Королева Виктория заявляла, что ни за что не стала бы слушать «этот ужасный шум».

— Действительно, молодежь страшно шумела, — признавалась Великая Княгиня Ольга Александровна, — но дедушка строго-настрого запретил устраивать политические споры. Уж если на то пошло, то собрания в Фреденсборге представляли собой ярмарки женихов и невест!

Отъезд Императорской Семьи в Данию представлял собой целое событие. Чтобы доставить багаж из Петергофа в Санкт-Петербург, требовалось двадцать железнодорожных вагонов; отсюда его перевозили на баржах в Кронштадт, но маршрут путешествия, некогда разработанный Императором Николаем I, не изменялся ни на йоту. Семью Императора сопровождало свыше ста человек, а в составе багажа находились походные кровати — традиция, введенная еще Петром I.

— Нам разрешали брать с собой некоторых своих домашних животных, но только не зайца Куку и не волчонка, которые были еще слишком дикими. И все равно яхта походила на Ноев ковчег. На борт судна грузили даже корову. Путешествие продолжалось ровно трое суток, и Мама считала, что без свежего молока никак нельзя обойтись.

То было поистине собрание кланов: в Данию съезжались принц и принцесса Уэльские, герцог Йоркский, король и королева эллинов — Георг и Ольга и их семеро чрезвычайно шустрых отпрысков, герцог и герцогиня Кемберлендские, а также множество родственников со всех частей Германии, из Швеции и Австрии вместе со своими детьми и челядью. Многие гости ночевали в домиках, разбросанных по всему обширному парку.

— Мои братья Ники и Георгий всегда поселялись вдвоем в крохотной хижине в розовом саду. Даже во дворце гостям было тесно; кое-кому из мужчин приходилось располагаться на ночь на диванах, но на такие пустяки никто не обращал внимания. Все окупалось добротой и гостеприимством моего дедушки, хотя кое-кто жаловался на пищу. Помню, что сэр Фредерик Понсонби, секретарь моего дядюшки Берти (будущего короля Эдуарда VII), постоянно жаловался на слишком жирные соусы.

Были случаи, когда за обеденный стол в Фреденсборге одновременно садилось свыше восьмидесяти представителей наиболее могущественных королевских семейств Европы. Юная Великая Княжна и Великий Князь Михаил, безупречно одетые их ня-

ней, перед обедом приходили в столовую, чтобы попрощаться с дедушкой и бабушкой и собравшимися гостями. Немного погодя брат и сестра на цыпочках выходили из своих спален и поднимались на обнесенную перилами верхнюю ротонду, чтобы полюбоваться на целое созвездие владетельных гостей. Излюбленным блюдом на таких обедах был фазан. Великая Княгиня вспоминала, что аромат жареной дичи наполнял весь дворец.

— И как же вы проводили время? — любопытствовал я.

— Наслаждаясь свободой, — не раздумывая, ответила Великая Княгиня. — Это была действительно свобода в истинном значении этого слова. От опасностей, которых не существовало, нас не охранял ни один конвойный. Мы с Нана ездили в Копенгаген, затем, оставив экипаж где-нибудь в предместье, бродили пешком; заходили в какую-нибудь лавку. Никогда не забуду того волнения, которое я испытала, когда впервые в жизни могла гулять по улице, разглядывать витрины магазинов, зная при этом, что могу войти в любой и купить все, что мне заблагорассудится! Это было больше чем удовольствие! Это было воспитание! У себя дома я не могла поехать никуда, если не были приняты заранее самые строгие меры безопасности. В Копенгагене же мы чувствовали себя обыкновенными людьми. И Ники, и Михаил были там счастливы.

Фреденсборг сам по себе представлял своеобразную школу.

— По существу, это была компания космополитов. Мы научились с Михаилом распознавать всех по запаху. Представители английской королевской фамилии пахли туманом и дымом, от наших датских кузенов пахло влажным, недавно выстиранным бельем, от нас самих — добротной кожаной обувью.

Греческие принцы могли бы без труда стать заводилами во всех проказах, если бы не один гость, который, устав от общества своих сверстников, участвовал в их законных и незаконных забавах.

— И кто же был этот гость? — любопытствовал я.

— Мой отец! Он был охот до всевозможных шалостей. То, бывало, поведет нас к мутным прудам ловить головастики, то в сады Апапá воровать яблоки. Однажды он наткнулся на садовый шланг для полива и направил его на шведского короля, которого мы все недолюбливали. Папá участвовал во всех наших играх, из-за него мы опаздывали к трапезе, но никто нас не бранил. Помню, иногда прибывали с депешами курьеры, но телефонной связи с Петербургом не существовало, так что три недели, прове-

денные в Дании, действительно обозначали для него передышку. У меня такое чувство, что во взрослом мужчине продолжает жить мальчишка.

Великая Княгиня улыбалась не часто, а смех ее слышался еще реже, но я навсегда запомню ее звонкий хохот, когда она рассказывала о том, что произошло однажды в копенгагенском зоопарке.

— Несколько человек из нас отправились туда вместе с Мама́ и тетей Аликс¹. Мама́ надела большую шляпу, поля которой были украшены спелыми вишнями.

Императрица вместе со своей сестрой остановилась у клетки шимпанзе. Вишни привлекли внимание животного. Оно просунуло руки между прутьями клетки и схватило шляпу. Но резинка прочно удерживала шляпу на голове Марии Федоровны. Шимпанзе взревел и стал тянуть сильнее. Императрица закричала и стала сопротивляться. Принцесса Уэльская схватила сестру за талию и принялась тянуть ее в свою сторону. В конце концов шимпанзе, решив, что горсть ягод не стоит таких усилий, отпустил шляпу. Да так резко, что злополучная шляпа слетела с головы Императрицы и шлепнулась на голову какому-то зеваке.

— То-то было смеху! — заключила рассказ Великая Княгиня. — Это происшествие может дать вам представление о том, как мы наслаждались удивительным чувством свободы в Дании. В России Мама́ даже не пришло бы в голову отправиться в зоопарк. А если бы и отправилась и произошла бы подобная история, то сразу же началось бы нудное дознание, а у кого-то даже могло возникнуть подозрение, что во всем виноват смотритель животного! Ведь без такого дознания в России нельзя было бы обойтись.

В Фреденсборге Великая Княжна познакомилась со своими британскими родственниками.

— Я очень привязалась к дяде Берти и тете Аликс, но мне было так жаль их дочь, принцессу Викторию! Бедняжка Тория постоянно была на побегушках у своей матери, даром что принцесса! Бывало, сколько раз наши игры или беседы прерывались слугой, присланным тетей Аликс. Тория как ветер бросалась к родительнице зачастую лишь для того, чтобы узнать, что та даже не помнит, зачем звала дочь. Это ставило меня в тупик, потому что сама по себе тетя Аликс была доброй женщиной. Мама́ тоже была не прочь обходиться со мной таким же образом, но у меня в натуре есть что-то

¹ Принцесса Уэльская, впоследствии королева Английская Александра.

бунтарское. У Тории этого не было. Стоит ли удивляться, что бедная девочка так и не вышла замуж!

Императрица Мария Федоровна и ее сестра были очень похожи друг на друга. Обе любили красивые платья, драгоценности, веселье. Ни одна из них не отличалась особенно пронизательным умом. Ни та, ни другая не разбиралась в политике и не понимала образа жизни, отличного от того, каким они жили сами. И ни одна не отличалась пунктуальной натурой.

— Мама пришлось научиться пунктуальности, потому что Папа был очень строг в этом вопросе, но вот бедная тетя Аликс повсюду опаздывала. Помню такой случай. Из-за того, что тетя Аликс заставила своих близких ждать ее несколько часов, было нарушено движение всех экспрессов на северо-западе Европы.

В том же Фреденсборге подружились брат Великой Княжны Цесаревич Николай и молодой герцог Йоркский (впоследствии король Георг V).

— Они были так похожи друг на друга, что слуги моего дедушки часто путали их. Сходство это было не только внешнее. Оба были честные, застенчивые и скромные юноши.

Юному герцогу Йоркскому пришлось по душе маленькая кузина Ольга после первой же их встречи в Фреденсборге. Он часто смеялся, завидев ее, и шутливо приглашал ее «пойти покувыркаться с ним на оттоманке».

— Эта фраза стала для нас обоих секретной шуткой, — засмеялась Великая Княгиня. — Уже позднее, когда, став взрослыми, мы оказывались вместе с ним на каком-то официальном приеме, он подмигивал мне и шептал на ухо: «Пойдем, покувыркаемся на оттоманке!» Я краснела и оглядывалась вокруг себя: уж не слышит ли кто-нибудь, как будущий король Английский делает столь непристойное предложение русской Великой Княжне!

Все гости Фреденсборга терпеть не могли кайзера.

— Папа считал его хвастуном и занудой. Дедушка старался не приглашать его, но однажды он-таки появился среди нас, сообщив, что давно хотел приехать. Помню, как он расхаживал, похлопывая всех по спине и делая вид, будто так нас любит. Какое же это было облегчение, когда кайзер уехал!

— А королева Виктория когда-нибудь приезжала в Фреденсборг?

— Ни разу! — Помолчав, Великая Княгиня продолжала: — Возможно, я ошибаюсь, но ни к кому, кроме своих немецких род-

ственников, она не была по-настоящему привязана. Нас она не любила определенно. Моего дедушку она не переваривала и не очень-то хотела, чтобы ее сын Альфред женился на моей тете Мари. Да и тетя Мари была не слишком счастлива, живя в Англии. Виктория всегда презирала нас. Она заявляла, что в нас есть нечто «мещанское», как она это называла, и не желала мириться с таким свойством. Надо же сказать такое! Как говорится, с больной головы на здоровую! Папá просто терпеть ее не мог. Он называл королеву Викторию избалованной, сентиментальной, эгоистичной старухой. Оттого, что Виктория не приезжала в Фреденсбург, никто и не расстраивался¹.

Семейные встречи в Фреденсбурге продолжались ровно три недели. Когда же наступал день возвращения в Россию, Царских детей охватывала грусть. К грусти примешивалось и недовольство: ведь позади оставались все те маленькие вольности, которыми они наслаждались в Дании, на Родине матери, где они были так счастливы.

Глава третья

ПЕРВОЕ БОЛЬШОЕ ГОРЕ

Так повторялось из года в год. После поездки в Данию семейство ненадолго уезжало в Крым, где в Ливадии Александр III построил белый дворец в мавританском стиле². Поместье его простиралось от поросшего лесом подножия Ай-Петри до побережья Черного моря. Весь берег Черного моря от Ялты до Севастополя пестрел прекрасными летними виллами, утопавшими в садах, где росли глицинии, олеандры, багряник, кипарисы и тысячи роз. Великолепные поместья, расположенные на Черноморском побережье Крыма, принадлежали Великим Князьям: Николаю и

¹ Единственным членом Императорской фамилии, который любил королеву Викторию, был старший брат Великой Княжны Николай. Во многом это объясняется тем, что его невеста, принцесса Гессенская Аликс, была любимой внучкой королевы.

² В действительности этот дворец был построен архитектором Красновым в 1909—1910 гг. в царствование Императора Николая II. (Прим. переводчика.)

Петру Николаевичам, Александру и Георгию Михайловичам и Дмитрию Константиновичу. Такие же поместья были у знатных княжеских фамилий, в том числе Юсуповых, Барятинских, Воронцовых, которым не терпелось оказать внимание Императорской Семье. И тогда наступала прелестная пора пикников, игры в теннис, хождения под парусами, купаний; по вечерам устраивались танцы и ужины под открытым небом под аккомпанемент оркестра, исполнявшего музыкальные произведения на борту Императорской яхты. В сентябре Царское семейство возвращалось на север, где старшие братья Ольги снова должны были тянуть лямку, а сама она опять принималась за уроки географии и зубрила французские неправильные глаголы.

Так продолжалась жизнь маленькой Ольги до осени 1893 года, когда она отпраздновала свой одиннадцатый день рождения. Гувернантки у нее не было. За ней по-прежнему присматривала миссис Франклин, обязанности которой стали лишь немногим менее обременительными. Мир, окружавший Великую Княжну, был довольно тесен: отец, брат Михаил и, несмотря на разделявшие их четырнадцать лет, Цесаревич Николай. За ними бесконечной вереницей шли слуги, любимые домашние животные и родственники. Именно в таком порядке. Где-то на самом заднем плане находились придворные и блестящие представители света. Устраивались банкеты и балы (ее сестра, Ксения, к тому времени была уже на выданье), но Ольге все эти развлечения казались страшно докучливыми.

Нет никакого сомнения: она была сорванцом. Но отметим вот что. Равнодушная к обязательным урокам, девочка словно оживала, оставаясь наедине с отцом, ящиком с красками и скрипкой. Шелест деревьев и журчание ручья были для нее дороже стен любого дворца. Крестьянский говорок рядового лейб-гвардейца или садовника волновал ее больше, чем изысканная речь придворных. Хотя девочка вряд ли смогла бы сформулировать достаточно ясно свои мысли, но для нее главные ценности заключались в бесхитростных радостях жизни.

Незаметно пролетела зима 1893—1894 годов. Труд по управлению государством отнимал у ее отца как никогда много времени. Родительница была поглощена собственными заботами. Императорский поезд то и дело сновал между Петербургом и Гатчиной — к нескрываемой досаде Императора и столь же откровенной радости Императрицы.

Год, как всегда, начинался с великолепного приема в Зимнем. Царская фамилия никогда не останавливалась в этом дворце, где происходили все важные приемы и балы. Когда Императорская Семья приезжала в Петербург, то резиденцией ее становился Аничков. В ту зиму маленькой Ольге довелось очутиться в комнатах Императрицы раз или два — в тот момент, когда придворные дамы наводили на свою хозяйку лоск — не то перед балом, не то перед банкетом.

— Все это напоминало мне пчелиный рой — не менее пяти молодых женщин суетились, то вбегая, то выбегая из комнаты, под бдительным надзором «легендарной госпожи Кочубей»¹. Конечно же, Мама выглядела красивой, когда надевала то, что мы называли «Императорскими доспехами» — платье из серебряной парчи, бриллиантовую тиару и жемчуга, всюду жемчуга! Она питала к ним слабость. Иногда у нее на шее я видела сразу десять ниток жемчуга, некоторые из них спускались до самого пояса. Но, признаться, я ей ничуть не завидовала.

В этом Ольга была как две капли воды похожа на своего отца: на балу у него был несчастный вид.

Нередко это приводило к забавным ситуациям. Если Императрица горела желанием покинуть Гатчину сразу после Рождества, чтобы окунуться в веселую светскую жизнь Петербурга, то Государь старался найти убедительные причины, чтобы отложить отъезд. На дворцовых балах Императрица оказывалась в центре внимания, в то время как Государь с хмурым и явно несчастным видом стоял в стороне. В тех случаях, когда балы, по его мнению, слишком затягивались, Император принимался выгонять музыкантов одного за другим из бального зала. Иногда на подиуме оставался один барабанщик, боявшийся и покинуть свое место, и перестать играть. Если гости продолжали танцевать, Император вдобавок выключал еще и свет, и Государыня, вынужденная склониться перед неизбежным, любезно прощалась с гостями, мило

¹ Гофмейстерина княгиня Елена Кочубей была одной из самых замечательных женщин своего времени, возможно, последней гранд-дамой прошлого столетия. Чрезвычайно богатая, большой знаток родословной Императорского дома, отдававшая себе отчет в положении, которое занимала, она устраивала великолепные приемы в своем петербургском дворце, который своим блеском соперничал с дворцами членов Императорской фамилии. Она была на короткой ноге со всеми коронованными особами Европы и, по слухам, помнила наизусть, с начала до конца, «Готский альманах».

улыбаясь: «По-моему, Его Величеству благоугодно, чтобы мы расходились по домам».

— Между моими родителями было так мало общего, и все же более счастливого брака нельзя было и пожелать, — возразила Великая Княгиня, когда я высказал предположение, что подобное несходство в характерах могло привести к трениям в семье. — Они превосходно дополняли друг друга. Жизнь двора должна была отличаться блеском и великолепием, и Мамá играла здесь свою роль без единой фальшивой ноты. Она проявляла уйму такта, общаясь со своей родней, а это была задача не из простых, — вздохнула Ольга Александровна.

Разумеется, ее отец соединял под своей эгидой огромный клан Романовых, но даже его твердость не могла предотвратить возникновение отдельных группировок и распрей. Центром враждебных настроений был дворец его младшего брата Владимира, женившегося на принцессе Мекленбург-Шверинской, чьи подданные были крайне дружелюбно расположены к кайзеру Вильгельму II и Бисмарку. «Владимировичи» были умны, артистичны, состоятельны и честолюбивы до ненасытности. Балы, которые устраивала жена Великого Князя Владимира, Великая Княгиня Мария Павловна, чуть ли не затмевали своим блеском балы в Зимнем дворце. Приемы, которые давали они с супругом в своем роппинском загородном дворце, неподалеку от Петергофа, отличались чуть ли не восточной роскошью. Оба супруга смотрели на Царскую резиденцию — Гатчину — как на помещицью усадьбу.

Единственное, что объединяло братьев — Александра и Владимира Александровичей, — так это их англофобия. Но в глубине души Великого Князя Владимира жила зависть и что-то вроде презрения к старшему брату, который, по слухам, заявил после катастрофы в Борках: «То-то расстроится Владимир, когда узнает, что мы остались живы!»¹

¹ В поезде находились все три сына Александра III. Если бы они погибли вместе с отцом, то Императорская корона перешла бы к Великому Князю Владимиру. До 1797 года в России действовал закон, введенный Петром I, позволявший монарху назначать себе преемника и лишая права престолонаследия своих собственных детей. В 1797 году этот закон («Устав о наследии престола») был отменен Императором Павлом I, который утвердил акт о порядке престолонаследия, в котором было предусмотрено, что престол переходит от отца к старшему сыну. Монарх обязательно должен быть православного вероисповедания.

Но Императрице Марии Федоровне удавалось поддерживать хотя бы внешне добрые отношения между обеими семьями.

— Я знаю, что Мама относилась к «Владимировичам» ничуть не лучше, чем остальные из нас, но я никогда не слышала от нее ни одного недоброго слова в их адрес¹.

Однако в ту зиму 1893—1894 годов Императорской Семье было не до соперничества. Цесаревичу все еще не удавалось заручиться согласием принцессы Алисы Гессен-Дармштадтской на брак, зато Великая Княжна Ксения Александровна обручилась со смазливym молодым кузеном Великим Князем Александром Михайловичем, известным семье как «Сандро», одним из шести сыновей Великого Князя Михаила Николаевича, дяди Императора. Прежде чем было объявлено о помолвке, возникло множество трудностей. Близкая родственная связь нареченных потребовала особого разрешения со стороны Святейшего Синода, к тому же против брака довольно энергично выступала Императрица, заявлявшая, что ее дочь слишком юна.

— Это же чушь, — заявила Ольга Александровна. — Известно, что девушки из дома Романовых выходили замуж и в шестнадцать лет. Просто мама не желала расставаться с Ксенией. Ей хотелось, чтобы дочь оставалась при ней. Но все понимали, что это должно было случиться рано или поздно. Ксения и Сандро знали друг друга с детства. В конце концов Папа и мой внучатый дядя Михаил сделали все возможное для счастья своих детей, ну а Мама смирилась с поражением.

Бракосочетание должно было состояться в июле 1894 года. Ранней весной Императорская Семья находилась в Гатчине. Однажды пополудни Император с младшей дочерью отправились на прогулку в лес. Ольга убежала вперед, надеясь найти фиалки. Отец попытался обогнать ее, но спустя несколько секунд девочка заметила, что он едва поспевает за нею. Почуввав неладное,

¹ Приведем пример умения Императрицы Марии Федоровны обходить острые углы. В январе 1889 года она намеревалась устроить особенно пышный бал. Были разосланы все приглашения и завершены приготовления, когда в Петербурге стало известно о кончине австрийского эрцгерцога в Вене. Общество впадо в уныние, но Императрица возобновила приглашения на бал. Должен был состояться так называемый «Черный бал», где дамы должны были облачиться в черные платья. Императрица, вспомнив, что австрийский двор в свое время пренебрег трауром в России, по-видимому, решила, что ее мысль устроить «Черный бал» будет вежливым напоминанием о допущенной австрийцами бестактности.

Ольга остановилась. Император посмотрел на дочь со слабой улыбкой.

— Детка, ведь ты не выдашь мой секрет? Я что-то устал. Вернемся-ка лучше домой.

Оба повернули назад к дворцу. Ольга шла, не замечая бесподобной красоты весеннего дня. Она то и дело поглядывала на отца. Царь еще никогда не признавался, что хоть немного устал. Но сегодня он выглядел вконец измученным. Казалось, слова, произнесенные Государем, состарили его. С трудом сдерживая слезы, девочка обещала, что все останется тайной.

Свадьба Великой Княжны Ксении и Великого Князя Александра Михайловича состоялась в конце июля в церкви Большого Петергофского дворца. Чтобы приготовить приданое, портным и ювелирам пришлось трудиться шесть месяцев. Со всех концов света прибыло столько подарков, что понадобилось несколько витрин в залах Зимнего дворца, чтобы выставить их.

Было множество бесполезных побрякушек, но среди подарков были и действительно красивые вещи. Например, серебряная посуда, по крайней мере на сто персон; туалетный набор из чистого золота из сотни с лишним предметов, дюжины бокалов, кубков с золотой каемкой и блюд с Императорской монограммой, всевозможные шубы и накидки из горноста, шиншиллы, норки, бобра, каракуля и бесчисленное множество столов, гнувшихся под тяжестью белья, фарфоровых изделий и предметов домашнего обихода. Ювелирные изделия превосходного качества. Жемчужные ожерелья, в некоторых до пяти ниток, свыше сотни жемчужин на каждой, и, разумеется, кольцо — бриллиантовые, рубиновые, изумрудные, сапфировые — с тиграми и серьгами им под стать.

— Согласно обычаю, Папа подарил жениху белье — по четыре дюжины дневных, ночных и других рубашек. В числе предметов, составляющих приданое жениха и невесты, были ночные халаты и туфли из серебряной парчи. Один халат весил шестнадцать фунтов. По традиции дома Романовых Великий Князь и Великая Княгиня должны были надеть их в брачную ночь.

Большой дворец был наполнен представителями королевских домов всей Европы. В этот день Ольга впервые вышла в свет. Ей предстояло развлекать детей, приехавших с родителями. Юная Ольга успела позабыть о жутком открытии в Гатчинском парке. Как всем казалось на первый взгляд, Император

чувствовал себя достаточно здоровым и мог участвовать в празднествах.

— Во время свадьбы я страшно волновалась, — вспоминала Великая Княгиня. Впервые надев придворное платье, она шла вместе с остальными гостями, сопровождавшими жениха и невесту из церкви в банкетный зал. У Императора был счастливый вид. — Таким я не видела Папá больше никогда.

После того как гости разъехались по домам, Большой дворец был снова закрыт, и Императорская Семья вернулась в Александрию. Однако в то лето Государь уже не совершал послеобеденных прогулок. Стал плохо спать, потерял аппетит. Императрица сразу же вызвала лейб-медиков, которые смогли объяснить недомогание Государя тем лишь только, что он переутомился. Они порекомендовали ему длительный отдых и смену климата. Первая рекомендация была неприемлема для Императора Всероссийского, что же касается второй, то она казалась вполне разумной.

Ежегодную поездку в Данию отменили. Решили, что лесной воздух Беловежа, находившегося в Польше, где у Императора был охотничий дворец, окажет благоприятное воздействие на здоровье Государя. В сентябре Императорское семейство готовилось к отъезду из северной столицы.

Однако перед отъездом Императору предстояло дать смотр своим войскам в Красном Селе, находившемся не так уж далеко от Петергофа. Ольге впервые позволили присутствовать на ежегодном смотре войск.

Девочка села позади Императрицы на огромной трибуне, драпированной золотой с алым тканью. Внизу расстился огромный плац-парад. Нескончаемыми рядами на нем выстроились гвардейские полки. Повсюду, куда доставал взор, виднелось море белых плюмажей, сверкающих касок, алых, белых, зеленых, желтых мундиров. Справа и слева от пехотных гвардейских полков стояли полки конной гвардии, восседавшие на вычищенных до блеска, холеных лошадях. Лица гвардейцев застыли, словно каменные. Великой Княжне показалось, будто перед нею не живые люди, а разноцветные статуи.

Верхом на великолепном сером жеребце, в зеленом мундире Лейб-Гвардии Преображенского полка, старейшего полка Императорской гвардии, мимо трибуны проехал Император. Был он один, без свиты. Минуту спустя к нему направился Командующий войсками гвардии Великий Князь Николай Николаевич

(младший)¹, кузен Императора, восседавший на таком же сером жеребце. Подняв к козырьку руку в белой перчатке, Великий Князь отрапортовал Императору, который выслушал доклад, отсалютовал в свою очередь.

— И сейчас помню, как гордилась я своим отцом, всей нашей семьей, всеми этими тысячами солдат, и когда объединенные полковые оркестры грянули «Боже, Царя храни!», я знала, что слова эти значат многое не только для собравшихся на плацу тысяч воинов, но и для многих миллионов подданных. Звуки гимна проникали в самую глубину наших сердец.

Сопровождаемый свитскими и штабными офицерами, Император медленно двигался вдоль каждой из бесчисленного количества шеренг под звуки оркестров. Лишь час без малого спустя Государь вернулся к трибуне и занял на ней свое место.

— Сердце мое готово было разорваться на части. Я увидела, до чего бледен и утомлен Папа. И, глядя на это бесконечно дорогое лицо, я испытала жуткое чувство, что этот большой смотр был прощанием Папы со своей гвардией.

День тогда выдался жаркий. Богатырского сложения Царь стоял очень прямо, отдавая честь. Прохождение войск гвардии началось под звуки гимна «Коль славен наш Господь в Сионе». Время от времени Государь восклицал:

— Молодцы, ребята!

И над огромным плацем гремело дружное:

— Рады стараться, ваше Императорское Величество!

— Окажись вы тогда рядом с нами, — заметила мне Великая Княгиня, — то поняли бы, что в каждое слово солдаты вкладывают всю свою душу. Это не было формальностью, которая требовалась уставом. Никогда не забуду их взглядов, полных любви и преданности. Теперь почти начисто забыли, что для массы русского народа в пору моей юности Царь был Помазанником Божиим, который поставлен свыше, чтобы править им. Преданность Царю питалась его верой в Бога и любовью к своему Отечеству. Поверьте, я видела много примеров такой истинной любви и преданности Государю. Монархи из дома Романовых опирались главным образом на поддержку простого

¹ Войсками гвардии и Петербургского военного округа в это время командовал брат Государя Великий Князь Владимир Александрович. (Прим. переводчика.)

люда в своей трудной борьбе за самодержавную власть. Между Царем и его народом существовала связь, которую вряд ли понимали на Западе. Связь эта не имела ничего общего с многочисленным чиновничьим аппаратом. Царь был связан с народом торжественной клятвой, которую он давал при короновании, клятвой быть Царем, судьей и слугой своего народа. В лице монарха сливались воедино воля народа и Царское служение подданным.

Александр III был так измучен сном, что поездку в Беловеж пришлось отложить на несколько дней.

— Выбор места для отдыха Императора едва ли можно было назвать удачным, — заявила Великая Княгиня¹. — Железнодорожная станция находилась за много верст, и я помню казавшуюся нескончаемой дорогу среди мрачных лесов. Деревянный охотничий дворец со всех сторон окружали огромные деревья. Он производил угнетающее впечатление. Не понимаю, как можно было выбрать именно его.

Поначалу Император вместе со всеми остальными выезжал на охоту, но затем стал к ней безразличен. Потерял аппетит, перестал ходить в столовую, лишь изредка велел приносить еду к нему в кабинет. Во время таких трапез лишь Ольге разрешалось приходить к отцу. Над обитателями охотничьего дворца нависла туча тяжелого предчувствия, но никто не решался высказаться вслух. Наконец Императрица вызвала из Москвы доктора Захарьина.

— Я до сих пор помню его, — заявила мне Великая Княгиня. — Знаменитый этот специалист был маленьким толстеньким человечком, который всю ночь бродил по дому, жалуясь, что ему мешает спать тиканье бабальных часов. Он умолял Папу приказать остановить их. Думаю, от его приезда не было никакого толка. Разумеется, отец был невысокого мнения о враче, который, по-видимому, был главным образом занят собственным здоровьем.

Не прошло и двух недель, как Императорская Семья покинула Беловеж и отправилась в Спалу, охотничье угодье недалеко от Варшавы. Состояние Государя ухудшалось. Вызвали знаменитого берлинского специалиста профессора Лейдена. Он было хотел скрыть диагноз от Августейшего пациента, но Александр III на-

¹ Беловежская пуша, в которой находился охотничий дворец, была единственным местом в Европе, помимо Кавказа, где водились зубры. Площадь ее составляла почти тридцать тысяч акров (около двенадцати тысяч гектаров).

стоял на том, чтобы ему сказали правду. Диагноз оказался страшным: водянка. Профессор Лейден, хотя и неохотно, признал, что надежды на выздоровление нет никакой. Император тотчас вызвал телеграфом в Спалу своего второго сына.

Великий Князь Георгий Александрович в 1890 году заболел туберкулезом и жил в Аббас-Тумане у подножия Кавказских гор. Никто не мог взять в толк, зачем Государю понадобилось заставить сына совершить столь длительное путешествие в далекую Польшу.

— Мне стало ясно, почему он это сделал, — сказала Великая Княгиня. — Поняв, что умирает, Папá хотел увидаться с сыном в последний раз. Помню, как счастлив был Папá в тот день, когда Георгий приехал в Спалу, но бедный Жорж выглядел таким больным. Хотите верьте, хотите — нет, но Папá часами просиживал ночью у постели сына.

Между тем все члены Императорской фамилии узнали жестокую правду. Королева эллинов Ольга Константиновна тотчас предложила отцу свою виллу Монрепо на острове Корфу. Профессор Лейден признал, что пребывание в теплом климате может благотворно подействовать на больного. Было решено отправиться в Крым и на несколько дней остановиться в Ливадии, прежде чем отплыть на Корфу. Но когда Царская Семья прибыла в Ливадию, выяснилось, что ехать никуда нельзя. Состояние Государя стало угрожающим.

— Всякое движение причиняло ему мучительную боль. Папá не мог даже лежать в постели. Ему становилось немного легче, когда его подвозили в каталке к открытому окну, откуда он мог видеть олеандры, сбегаящие по склону к берегу моря.

Стояло начало октября. Воздух был напоен ароматом винограда. Пригревало солнце. Но никто из обитателей Ливадии не замечал ни великолепной погоды, ни красот природы. Государь умирал, и врачи ничего не могли предпринять, лишь каждый день назначали больному новую диету. Всегда с недоверием относившийся к наркотикам, Император отказывался от всяких болеутоляющих лекарств.

— Однажды, — проговорила Великая Княгиня, и голос ее дрогнул, — я сидела на табурете рядом с его креслом. Неожиданно Папá прошептал мне на ухо: «Деточка моя милая, я знаю, что в соседней комнате есть мороженое. Принеси его сюда, только так, чтобы никто тебя не заметил».

Девочка кивнула головой и на цыпочках вышла из комнаты. Она знала, что доктора запретили отцу есть мороженое. Но знала и то, что ему страсть как хочется отведать его. Она бросилась за советом к миссис Франклин.

«Разумеется, отнеси его отцу, — тотчас ответила Нана. — Если он съест немного мороженого, это ничего не изменит. У него и без того радостей мало». Я тайком принесла тарелку в комнату Папá. С каким наслаждением он уплетал лакомство. Никто, кроме меня и Нана, не знал об этом, и мороженое ничуть не повредило Папá.

Дни шли. К середине октября силы Государя стали иссякать. Из столицы приехал исповедник Императора о. Иоанн Кронштадтский, ныне причисленный к лику святых. В тот же самый день Государь уединился со своим старшим сыном¹, и в Darmstadt была послана телеграмма к принцессе Аликс, нареченной Наследника, с просьбой приехать в Крым. Цесаревичу удалось преодолеть сомнения принцессы. Весной того же года, после бра-

¹ Во время их беседы Александр III завещал сыну: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз Государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное. Я принял его тринадцать лет тому назад от истекавшего кровью отца... Твой дед с высоты престола провел много важных реформ, направленных на благо русского народа. В награду за все это он получил от русских революционеров бомбу и смерть... В тот трагический день встал предо мною вопрос: какой дорогой идти? По той ли, на которую меня толкало так называемое „передовое общество“, зараженное либеральными идеями Запада, или по той, которую подсказывало мне мое собственное убеждение, мой высший священный долг Государя и моя совесть. Я избрал мой путь. Либералы окрестили его реакционным. Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России. Охраняй самодержавие, памятуя притом, что ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных пред Престолом Всевышнего. Вера в Бога и в святость твоего Царского долга да будет для тебя основой твоей жизни. Будь тверд и мужествен, не проявляй никогда слабости. Выслушивай всех, в этом нет ничего позорного, но слушайся только самого себя и своей совести. В политике внешней — держись независимой позиции. Помни — у России нет друзей. Нашей огромности бояться. Избегай войн. В политике внутренней — прежде всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

косочетания принцессы Виктории Эдинбургской и великого герцога Гессенского Эрнста, молодые влюбленные обручились в том же Кобурге¹.

— Я сразу же полюбила Алики, — уверенно заявила Великая Княгиня. — А какой радостью был ее приезд для Папá. Я помню, что он долго не отпускал будущую невестку из своей комнаты.

К 29 октября здоровье Государя настолько ухудшилось, что Императрица послала телеграмму в Сандрингем, в Англию, и принц Уэльский вместе с супругой тотчас отплыли в Россию. Наступило 1 ноября². Все вокруг было окутано сырым туманом. Перед полуднем отца Иоанна Кронштадтского пригласили в комнату Императора. Об обеде никто и не вспоминал. В начале второй половины дня в комнате Государя собралась вся семья. Отец Иоанн, стоявший рядом с креслом Императора Александра III, возложил свои руки на голову Царя, покоившуюся на плече Императрицы.

— Хорошо-то как, — прошептал Император.

Все собравшиеся опустили на колени. За окнами дворца сгустился туман. Где-то трижды пробили часы. Голова Государя упала на грудь супруги. Послышались первые слова молитвы об упокоении души в Бозе почившего Государя Императора Александра III Александровича.

— Затем наступила мертвая тишина. Никто не рыдал. Мама по-прежнему держала Папá в своих объятиях. Тихо, как только возможно, все мы поднялись, подошли к Папá и поцеловали его в лоб и в руку. Потом облобызали матушку. Казалось, словно туман, стоявший за стенами дворца, проник и в комнату, где мы находи-

¹ Цесаревич и его будущая невеста встретились в Санкт-Петербурге в 1884 году во время бракосочетания старшей сестры принцессы Аликс, Елизаветы, и Великого Князя Сергея Александровича, брата Императора Александра III. В период с 1884 по 1891 год Аликс дважды приезжала в Россию. Было видно, что оба горячо любят друг друга, однако принцесса продолжала отказывать Цесаревичу, предлагавшему ей свою руку и сердце. Она знала, что в случае их брака придется принять православие, но ей не хотелось отказываться от лютеранства. Лишь в 1894 году Николаю Александровичу удалось склонить Аликс к перемене религии. Вначале родители Цесаревича были против помолвки. Император опасался возможного усиления британского влияния в России, поскольку принцесса Аликс, как известно, была любимой внучкой королевы Виктории. Императрице Марии Федоровне не по душе была сдержанность юной принцессы, а ее застенчивость она принимала за гордыню. Однако в конце концов Государь дал согласие на их помолвку.

² Все даты здесь приводятся по новому стилю.

лись. Все мы повернулись к Ники и впервые поцеловали ему руку. — При этих словах голос Великой Княгини снова дрогнул.

Хотя дворец был наполнен родственниками, девочка, должно быть, чувствовала себя совершенно одинокой. Никто не осмеливался обратиться к Императрице, убитой горем. У молодого Государя была его невеста; у сестры Ксении — муж; брат, Великий Князь Георгий, был совсем плох, и ему было не до маленькой сестренки. У Великого Князя Михаила были собственные обязанности. Остальные, не успев прийти в себя после тяжелой утраты, горько плакали, обсуждали вопросы, связанные с трауром, строили предположения, как изменится атмосфера Императорского двора. Молодой Император, убитый горем, был окружен толпой дядей и министров усопшего родителя.

У Ольги же не было никого, кроме верной Нана. Должно быть, лишь одна миссис Франклин понимала, что для двенадцатилетней девочки детство кончилось. Привязанность к отцу была основой всего ее существования. Детские шалости, невзгоды и печали, радости и успехи, беззаветная любовь к Родине, к простому плоду, гордость за прошлое страны и вера в ее будущее — всем этим она делилась со своим отцом, который был для маленькой Ольги одновременно Государем, советчиком и другом.

Вера, а не строгое воспитание, которое получила Великая Княжна, — вот что помогло ей выстоять в те дни.

Поделившись со мной теми давними воспоминаниями, Ольга Александровна снова заговорила о своем отце — на этот раз более уверенным голосом:

— Сколько злых и несправедливых слов написано о нем! В книге, которая была недавно издана, Папá называют тупицей и человеком, которым постоянно руководили мелкие предрассудки. Люди забывают о том, что со времен Императора Александра I Россия не пользовалась таким уважением во всем мире, как в царствование Папá. В продолжение всего его правления Россия не знала, что такое война. Он старательно избегал всякого рода международных осложнений. Недаром он получил имя Царь-Миротворец. Двуручничество и расчет — оба эти понятия были ненавистны ему. Решая какую-то проблему, он не любил ходить вокруг да около. На угрозы он отвечал резкостью и насмешкой. Однажды на банкете австрийский посол принялся обсуждать докучливый балканский вопрос и намекнул, что если Россия решит

вмешаться в возникший спор на Балканах, то Австрия может немедленно мобилизовать два или три армейских корпуса. Император взял со стола массивную серебряную вилку, согнул ее до неузнаваемости и бросил к столовому прибору австрийского дипломата со словами: «Вот что я сделаю с двумя или тремя армейскими корпусами». Помню, что кайзер однажды предложил отцу разделить всю Европу между Германией и Россией. Папа тотчас оборвал его: «Не веди себя, Вилли, как танцующий дервиш. Ползбуйся на себя в зеркало».

Я хотел задать своей собеседнице вопрос, давно занимавший меня:

— А разве внутренняя политика Императора... — начал было я, но Ольга Александровна оборвала меня:

— Да, да. Знаю, что вы намерены сказать. Отец прослыл реакционером. В известном смысле он и был им. Но вспомните, при каких обстоятельствах он вззошел на престол. Разве у него оставался иной выбор, кроме борьбы с террористами? Он выступал против безответственного либерализма и не желал потакать тем господам, которые собирались вводить в России такие же формы правления, как в Великобритании и Франции. Имейте в виду: интеллигенция у нас в стране составляла меньшинство. А что стала бы делать с демократическим правительством остальная часть населения? Дед мой провел много реформ. Мне известно, что и Папа был готов улучшить систему образования и поднять жизненный уровень народа... Но тринадцать лет — слишком короткий срок, в особенности если вспомнить, какова была обстановка в стране в начале его царствования. Отца не стало, когда ему было всего лишь сорок девять лет! Убеждена, что если бы Папа и дядя Берти были живы в 1914 году, то война бы не началась. Кайзер слишком боялся их обоих.

Великая Княгиня умолкла. По лицу ее пробежала тень.

— Я намерена поведать вам подлинную историю моей жизни, и никакая часть правды не должна быть утаена от людей. Папа был для меня всем, но с возрастом я поняла, что он делал ошибки, и одна из них была непоправимой.

И снова Ольга Александровна мысленно вернулась к тем горестным дням в Ливадии. Она представляла себе, как стояла на веранде и как ее брат Николай подошел к младшей сестре, обнял ее за плечи и зарыдал.

— Даже Алики не могла его успокоить. Он был в отчаянии. Он то и дело повторял, что не знает, что будет с нами, что он совер-

шенно не подготовлен управлять империей. Даже будучи подростком, я инстинктивно понимала, что одной чувствительности и доброты недостаточно, чтобы быть монархом. И в этой неподготовленности Ники был совершенно неповинен. Он был наделен умом, искренне религиозен и мужествен, но был совершенным новичком в делах управления. Ники получил военное образование. Его следовало подготовить к карьере государственного деятеля, но этого не сделали.

Великая Княгиня умолкла.

— Повинен в этом был мой отец. Он даже не разрешал Ники присутствовать на заседаниях Государственного Совета вплоть до 1893 года. Почему — не могу объяснить. Но промах был допущен. Я знаю, Папа не любил, чтобы государственные дела как-то мешали нашим семейным отношениям, но ведь, в конце концов, Ники был его наследником. И какой страшной ценой пришлось платить за этот просчет! Конечно, мой отец, который всегда отличался богатырским здоровьем, не мог даже предположить, что конец его наступит так рано... И все же ошибка была совершена.

Последние дни, проведенные Императорской Семьей в Ливадии, были бы днями кошмара, если бы не присутствие принца Уэльского. Принц и его супруга приехали в Крым через два дня после кончины Государя. Принцесса Уэльская тотчас занялась своей безутешной сестрой. Дядя Берти принялся наводить порядок и успокаивать расстроенных родственников.

Молодому Государю постоянно докучали его дяди, Великие Князья Владимир и Сергей Александровичи. Отцовы министры то и дело приставали к нему со своими требованиями и противоречивыми советами. Его нареченная, которую игнорировали все, кроме Великого Князя Сергея Александровича, пыталась ни во что не вмешиваться, держалась в стороне и критиковалась всем придворным штатом за свои сдержанные манеры. Служащие двора вконец потеряли голову, а прислуга, казалось, только тем и занималась, что оплакивала своего покойного хозяина. Императрица, убитая горем, не отдавала никаких распоряжений и, похоже, не желала, чтобы их отдавал кто-то другой. Никто как следует, не знал, в чем должны заключаться приготовления к похоронам, за исключением того, что прах усопшего Императора следует перевезти в Санкт-Петербург.

Принц Уэльский тотчас пресек нападки Великих Князей на молодого Императора, постарался приободрить своего племян-

ника, привел в чувство высших придворных служащих, тратя многие часы на то, чтобы делами и советами помочь в чрезвычайных сложных приготовлениях к погребению Царя.

— Любопытно, — задумчиво проговорила Великая Княгиня, — что бы сказала его придиричивая старая мать, если бы убедилась, что все склоняются перед авторитетом дяди Берти! Причем где — в России! До сих пор помню те страшные дни. Я тогда ходила, словно в трансе!

Крейсер «Память Меркурия», эскортируемый шестью судами Черноморского флота, доставил прах усопшего Императора из Ялты в Севастополь, где уже стоял Императорский поезд, которому предстоял путь длиной тысяча четыреста миль в Санкт-Петербург. Траурный поезд останавливался в Борках и в Харькове для панихид. Затем — в Курске, Орле и Туле, где тоже совершались панихиды. Трое суток гроб с прахом Александра III находился в Архангельском соборе, расположенном в стенах Кремля. По распоряжению молодого Императора в память об усопшем в Бозе Государе в Москве и Петербурге беднякам раздавались бесплатные обеды.

Наконец траурный поезд прибыл в северную столицу. Целую неделю пролежал в открытом гробу прах Александра III в соборе святых Петра и Павла. Каждое утро члены Императорской фамилии, в их числе и юная Ольга, приезжали в собор на панихиды.

— Я сопровождала дядю Берти и тетю Аликс, — вспоминала Великая Княгиня. — Мы всегда ездили в закрытой карете. Я уже была не в силах плакать.

Похороны Александра III состоялись 7(19) ноября. На них присутствовали короли и королевы почти всех стран Европы. В наполненном людьми соборе, где были погребены все Цари династии Романовых, начиная с Петра I, последним нашел свое вечное пристанище Император Александр III.

— Когда прозвучали слова: «Вечная память», мы все опустились на колени. Дворцовые гренадеры начали опускать гроб. Я ничего не видела и словно онемела. Нужно сказать, что для двенадцатилетней девочки я была слишком впечатлительной, но меня, ко всему, угнетало чувство безысходности. И у меня было такое ощущение, что безысходность эта относится и к будущему. Но своими мыслями я не могла ни с кем поделиться. Мама в те дни я совсем не видела. Все время она проводила в обществе тети Аликс, и, по-видимому, никто другой ей был не нужен. Алики я знала не-

достаточно хорошо. В унылом Аничкове я была одна-одинешенька. Не было даже парка, где я смогла бы затеряться. Все соблюдали строгий траур, и я не могла играть на скрипке. Уроков не было. Однако, несмотря на глубокий траур, не было и покоя! Вокруг постоянная суета, иногда хотелось зареветь. И я бы заревела, если бы не дорогая моя Нана, которая утешала меня.

— А в связи с чем происходила эта суета? — изумленно спросила я.

— В связи с подготовкой к свадьбе Ники, — ответила Ольга Александровна. — Он не хотел, чтобы Алики возвращалась в Дармштадт. Она была так нужна ему. 26 ноября — это был день рождения Мама — было разрешено некоторое послабление траура. Должна признаться, я была рада за Ники и Алики, но это было довольно необычное бракосочетание. Никакого приема не устраивали. Не было и медового месяца. Молодые не имели даже собственного домашнего очага. Они поселились в шести небольших комнатах Аничкова дворца.

— А что подельывали вы?

— Снова начались занятия. Я уже и не помню, сколько времени мы оставались в Петербурге. Разумеется, зимних балов в том году не устраивалось, да это и не имело для меня никакого значения.

Все, что я пересказал читателям, произошло в 1894 году. Об этих событиях я узнал от Великой Княгини в 1958 году. Выражение ее лица, тембр голоса, дрожащие руки — все это красноречиво свидетельствовало о том, что ей пришлось пережить в те дни, положившие конец ее детству.

Глава четвертая

НОВАЯ ЭПОХА

Зима, наступившая после кончины Императора, оказалась унылой порой для двенадцатилетней Великой Княжны. Причем во многих отношениях. Со старшим братом она виделась лишь во время трапез. Девочке хотелось бы получше познакомиться с невесткой, но им обоим с самого начала мешала застенчивость. Великий Князь Георгий Александрович, который по состоянию здо-

ровья не мог жить на севере, сразу же после бракосочетания брата вернулся на Кавказ. Великая Княгиня Ксения Александровна, замужняя женщина, не имела достаточно времени, чтобы уделить его сестре-школьнице, а Флорру, которому шел семнадцатый год, должен был выполнять обязанности как Великий Князь и как военный, в чем принимать участие Ольга не могла. Лица, находившиеся за пределами близкого семейного круга — дяди, тетушки, двоюродные сестры и братья, — уделяли девочке минуту-другую, и не более того.

Сомневаюсь, чтобы кто-либо другой, кроме миссис Франклин, представлял, насколько девочка одинока. Строгое воспитание, которое получила Великая Княжна, не позволяло ей изливать свои чувства за пределами школьной комнаты. Перечень запретов был до боли сердечной длинен, но даже миллион запретов не смог бы убить в Ольге жажду человеческого тепла, потребность во взаимной привязанности, ее любопытство и способность всему удивляться и присущую ей непосредственность.

Жизнь поистине оказалась тяжким бременем для этих хрупких плечиков.

Для начала следует сказать, как отметила в разговоре со мной Великая Княгиня, что в Аничкове дворце они жили «в страшной тесноте».

— При таких размерах здания подобное заявление на первый взгляд звучит нелепо, — согласилась Ольга Александровна. — Но в действительности все обстояло именно так. Ведь под крышей Аничкова оказались как «старый двор», так и «новый двор». Положение было действительно неестественным. Помолвка молодого Императора состоялась еще весной 1894 года. Со свадьбой его пришлось немного поторопиться, но и в этом случае можно было заблаговременно позаботиться о том, чтобы подготовить для молодой четы какие-то апартаменты в Зимнем дворце. Однако Вдовствующая Императрица сочла такого рода приготовления излишними. Она предпочла, чтобы юные супруги жили под одной с нею крышей. После кончины Александра III Аничков дворец стал ее собственностью. Поэтому как Николай, ее старший сын, вместе с молодой женой, так и Ксения со своим мужем поселились во дворце Императрицы Матери без права вмешиваться в хозяйственные дела.

— Первые месяцы своей брачной жизни Ники и Алики провели в комнатах, которые Ники некогда занимал вместе с Жор-

жем. Их было шесть, и находились они на первом этаже. От моих они были отделены длинным коридором. Поначалу я стеснялась заходить к ним. Но так, слава Богу, продолжалось не слишком долго, несмотря на присутствие маленького терьера, принадлежавшего Алики, имевшего обыкновение хватать за шиколотки любого посетителя.

У молодого Государя и его супруги не было даже собственной столовой. Завтракали и обедали они вместе со всеми в просторном помещении за столом, во главе которого восседала Вдовствующая Императрица. Однако первый завтрак и чай Императрица Мать разрешала приносить молодоженам в их комнаты.

— Гостиная у них была небольшая, но уютная, и Алики часто приглашала меня на чай. В углу стояло пианино, и я на нем играла. Постепенно я всей душой привязалась к своей невестке. Между их комнатами и моими апартаментами существовала еще одна связь. Миссис Орчард, которая была для Алики тем же, что для меня — Нана, и миссис Франклин стали закадычными подругами. Пройдя по длинному коридору, Орчи часто заходила к нам с Нана. Она много рассказывала о детстве Алики в Дармштадте.

Однако пребывание в Аничковом дворце имело для юной Великой Княжны и светлую сторону. Вдовствующая Императрица постоянно откладывала возвращение в Гатчину, и Ольга начала знакомиться с Санкт-Петербургом. О незапланированных, как бы экспромтом прогулках пешком пока не могло быть и речи, но даже поездок в карете с верной спутницей в лице миссис Франклин оказалось достаточно, чтобы внушить юной Царевне любовь и преданность этому прекрасному городу, которые она пронесет через всю свою жизнь. Его несравненные набережные с полутора сотнями мостов, соединяющими между собой девятнадцать островов, сады и площади, затихшие под снежным покровом, то и дело меняющие свой облик небеса и переменные ветры — все это запало в душу юной Ольге и распалило воображение. Вернувшись к себе в Аничков дворец, девочка старательнее рисовала и писала маслом.

В том году она как-то разом повзрослела, и мало-помалу атмосфера, царившая в Аничкове, становилась понятнее ей. Напряженность, возникшая в отношениях между Вдовствующей Императрицей и ее невесткой, никогда не приводила к открытому разрыву, но подчас достигала опасной грани.

— Я и поныне верю, что они пытались, но не сумели понять друг друга. Обе женщины разительно отличались характером, при-

вычками и взглядами на жизнь. После того как острота потери притупилась, Мама́ снова окунулась в светскую жизнь, став при этом еще более самоуверенной, чем когда-либо. Она любила веселиться; обожала красивые наряды, драгоценности, блеск огней, которые окружали ее. Одним словом, она была создана для жизни двора. Все то, что раздражало и утомляло Папа́, для нее было смыслом жизни. Поскольку Папа́ не было больше с нами, Мама́ чувствовала себя полноправной хозяйкой. Она имела огромное влияние на Ники и принялась давать ему советы в делах управления государством. А между тем прежде такие вопросы ее нисколько не интересовали. Теперь же она считала своим долгом в них вмешиваться. Воля ее была законом для всех обитателей Аничкова дворца. А бедняжка Алики была застенчива, скромна, порой грустна, и на людях ей было не по себе.

— Должно быть, атмосфера была взрывоопасной, — предположил я.

— Не сказала бы, — покачала головой Великая Княгиня. — Во всяком случае, до открытых столкновений дело не доходило. Но мама любила сплетни. Дамы ее двора с самого начала приняли Алики в штыки. Было столько болтовни, особенно по поводу ревнивого отношения Алики к первенству Мама́. Мне-то хорошо известно, что Алики не испытывала никакой зависти к матушке, наоборот, ее вполне устраивало, что главенствующее положение оставалось не за нею.

— Но ведь ваша невестка была Царствующей Императрицей, — вмешался я. — Как же Вдовствующая Императрица могла претендовать на главенствующее положение?

— Согласно законодательству, — стала объяснять мне Великая Княгиня. — Акт этот был подписан Императором Павлом I в 1796 году. Говорят, что он недолго любил свою невестку. Правда ли это, я не знаю. Однако согласно этому закону Мама́ имела преимущество перед молодой Императрицей. Во время официальных приемов она выступала первой, опираясь о руку Ники. Алики следовала за ними, в сопровождении старшего из Великих Князей. Жорж был болен и находился в далеком Аббас-Тумане. Михаил не всегда имел возможность участвовать в такого рода приемах, поэтому обязанность эта обычно выпадала на долю старшего брата Папа́ — Великого Князя Владимира Александровича, чья англофобия стала притчей во языцех и который решительнее остальных выступал против женитьбы Ники. Разве могла

Алики быть счастливою? Но я ни разу не услышала от нее и слова жалобы. Тот же закон устанавливал, что Вдовствующая Императрица вправе надевать фамильные драгоценности, а также драгоценности, принадлежащие короне. Насколько мне известно, Алики была довольно равнодушна к ювелирным изделиям, за исключением жемчуга, которого у нее было множество. Однако придворные сплетницы утверждали, будто она возмущена тем, что не имеет возможности носить все рубины, розовые бриллианты, изумруды и сапфиры, которые хранились в шкатулке Мама.

Правда, Великая Княгиня призналась, что между двумя дамами с самого начала существовали известные трения. Императрица Мать настаивала на том, чтобы самой подбирать фрейлин и статс-дам для своей невестки. Гофмейстериной была княгиня Мария Голицына, известная тем, что внушала священный ужас даже Великим Князьям.

— Бесцеремонность свекрови вряд ли устраивала Алики, — отметила Великая Княгиня. — Щекотливым был и вопрос, касающийся нарядов. Мама нравились броские, с отделкой платья, причем определенных цветов. Она никогда не учитывала вкусы самой Алики. Зачастую мама заказывала платья, но Алики их не носила. Она прекрасно понимала, что ей идут платья строгого покроя. Кстати, мой собственный гардероб зачастую приводил меня в ярость, хотя я, по существу, была равнодушна к своей одежде. Но, разумеется, я не имела права выбора, о чем бы ни шла речь. До чего я ненавидела всякую отделку! Больше всего мне нравилось льняное платье, в которое я облачалась, когда рисовала!

Итак, откровенных скандалов в Аничкове дворце не случалось. Но именно в тот период были посеяны семена взаимной отчужденности.

— Из всех нас, Романовых, Алики наиболее часто оказывалась объектом клеветы. С навешенными на нее ярлыками она так и вошла в историю. Я уже не в состоянии читать всю ложь и все гнусные измышления, которые написаны про нее, — отозвалась об Императрице Александре Федоровне Великая Княгиня. — Даже в нашей семье никто не попытался понять Алику. Исключение составляли мы с моей сестрой Ксенией и тетя Ольга. Помню, когда я была еще подростком, на каждом шагу происходили вещи, возмущавшие меня до глубины души. Что бы Алики ни делала, все, по мнению двора, Мама было не так, как следовало бы. Однажды у нее была ужасная головная боль; придя на обед, она была бледна.

И тут я услышала, как сплетницы стали утверждать, будто она не в духе из-за того, что Мамá разговаривала с Ники по поводу назначения каких-то министров. Даже в самый первый год ее пребывания в Аничкове — я это хорошо помню, — стоило Алики улыбнуться, как злоки заявляли, будто она насмешничает. Если у нее был серьезный вид, говорили, что она бука.

Никто, кроме двух или трех человек, в том числе Великая Княгиня Ольга Александровна, не знал, какую помощь и поддержку оказывала своему супругу юная Императрица в то время.

— Она была удивительно заботлива по отношению к Ники, особенно в те дни, когда на него обрушилось такое бремя. Несомненно, спасло его ее мужество. Не удивительно, что Ники всегда называл жену «Солнышком» — ее детским именем. Без всякого сомнения, Алики оставалась единственным солнечным лучом во все сгушавшемся мраке его жизни. Я довольно часто приходила к ним на чай. Помню, как появлялся Ники — усталый, иногда раздраженный — после бесчисленных приемов и аудиенций. Алики никогда не произносила ни одного лишнего слова и никогда не допускала ни одной оплошности. Мне нравилось наблюдать за ее спокойными движениями. Она никогда не возмущалась моим присутствием.

«Аничковское сидение» окончилось весной 1895 года, когда молодой Император отвез супругу в Александровский дворец, расположенный в Царском Селе, в двух десятках верст от Санкт-Петербурга.

В мае 1896 года юная Великая Княжна в обществе миссис Франклин отправилась в Москву на коронационные торжества. Это была последняя коронация Царя в России. Обе поселились вместе с остальными членами Императорской Семьи в старинном, из красного камня, Петровском дворце в предместье древней русской столицы. Ольге и ее Нана предоставили комнату в башне дворца, воздвигнутого на холме. Оттуда Великая Княжна могла любоваться на купола многочисленных храмов, на колокольни и высокие стены Кремля.

Младшая сестра Государя не была особенно заметна в ослепительном созвездии царствующих особ и знати. На нее не было возложено никаких обязанностей, ни на одном банкете она не появлялась. Но утром великого дня она отправилась в Успенский собор, где происходило таинство священного коронования, и впечатления от этого события навсегда врезались в память девочки.

— Я была так взволнована, что накануне коронавания почти не спала. Я была на ногах задолго до того, как поднялась Нана. Кажется, мы позавтракали, я уж и не помню. Затем Нана и девушка-служанка начали меня одевать. Я облачилась в длинное придворное платье из серебристой тафты и впервые надела через плечо алую Екатерининскую ленту. На голову мне надели шитый серебром кокошник. К платью полагалась накидка, прикрепленная к левому плечу со шлейфом. Прежде я еще никогда не надевала «доспехи», как мы называли этот наряд, показавшийся мне тяжелым и неудобным. На мне была одна нитка жемчуга и больше никаких других украшений. День выдался такой жаркий!

Великая Княжна ехала в одной из золоченых карет, которые со стороны казались замечательно красивыми, но внутри представляли собой камеры для пыток. На каждой колдобине возки подпрыгивали, и их пассажирам казалось, что они вот-вот переломают себе руки и ноги. Кареты эти использовались крайне редко. Золоченые ручки перед коронацией были обновлены вместе с бархатной обивкой, но, по-видимому, никто не позаботился о том, чтобы проветрить экипажи, поскольку, по словам Великой Княгини, сидя в карете втроем, они едва не упали в обморок от духоты. Девочку с двух сторон зажали ее тетка, королева эллинов Ольга Константиновна, и ее кузина, румынская крон-принцесса Мария.

Кареты двигались со скоростью улитки, пробиваясь к воротам Кремля. Глядя по сторонам, Ольга видела целое море непокрытых голов, поднятых рук, глаз, полных обожания и любви. Даже через толстые стекла до нее доносились радостные возгласы, которые смешивались с колокольным звоном московских «сорока сороков». Постепенно девочка стала забывать о духоте и неудобстве ее «доспехов». Предстоявшая церемония была в ее глазах не просто праздничное, хотя и красочное зрелище. Она задумалась над огромным ее значением и начала молиться за своего Державного брата, который ехал один во главе кортежа.

Очутившись внутри Успенского собора, девочка почувствовала себя «совершенно растерянной и всеми забытой». Собор был невелик, и вся его середина была занята огромным помостом, в глубине которого стояли три трона: средний для Царя, левый — для молодой Императрицы, правый — для Вдовствующей. Но для юной Великой Княжны, по-видимому, места на помосте не нашлось. Она полагала, что ей еще повезло: она оказалась между помостом и одной из колонн, что помогло ей выстоять церемо-

нию коронования, продолжавшуюся пять часов. Самым важным моментом для Ольги был тот, когда Государь, произнеся клятву править Россией как самодержец, принял корону из рук митрополита Московского и возложил ее на себя.

— Этот, казалось бы, простой жест, — торжественно проговорила Великая Княгиня, — означал, однако, что отныне Ники несет ответ только перед Богом. Признаю, теперь, когда абсолютная власть монархов так дискредитирована в глазах толпы, слова эти могут показаться нереальными. Но самодержавная власть навсегда сохранит свое место в истории. Коронация Императора на царство представляла собой таинство священного миропомазания, смысл которого заключался в том, что Бог вручал верховную власть над народом монарху, Своему слуге. Вот почему, хотя с тех пор прошло шестьдесят четыре года, я с трепетом вспоминаю это событие.

Великая Княгиня замолчала, и я представил себе расписанные фресками стены древнего собора, где столько царей Московских спят вечным сном и где собрались представители владетельных домов Европы и даже других частей света, вообразил торжественность, величие и благоговейную тишину, воцарившуюся там в те минуты. Историю эту рассказывала мне Великая Княгиня, находясь в скромном домике за тысячи миль от своей Родины. Торжественность и величие давно обратились в прах. Но благоговейная тишина осталась. Я был до глубины души тронут словами женщины, чей мир был разрушен во время катастрофы, которая последовала. Находясь на закате жизни, она сохранила свою веру в отвергнутые идеалы и святые древние истины. И это несмотря на то, что у нее на Родине на смену дарованному Богом самодержавию пришла диктатура. Диктатура деспота, апологеты которой отрицают существование Бога и узурпированную ими власть оправдывают никчемной идеологией, которая сводится к тому, что интересы личности — ничто перед интересами государства.

— Церемония завершилась на очень теплой и человеческой ноте, — продолжала Великая Княгиня. — Алики опустилась на колени перед Ники. Никогда не забуду, как бережно он надел корону на ее голову, как нежно поцеловал юную Царицу и помог ей подняться. Затем все мы стали подходить к ним, и мне пришлось покинуть свой укромный уголок. Я встала сразу за герцогом и герцогиней Коннаутскими, которые представляли королеву Викторию. Я сделала реверанс, подняла голову и увидела голубые глаза Ники, которые с такой любовью смотрели на меня, что у меня от радости

заплось сердце. До сих пор помню, с каким пылом я клялась быть верной своей Родине и Государю.

Вот они выходят из Успенского собора, идут через Красную площадь к древней Грановитой палате, где цари Московские некогда совещались со своими боярами и принимали чужеземных гостей. Там на помосте, под парчовым балдахином, был накрыт стол для парадного обеда. По старинной традиции Царь и Царица обедали отдельно от гостей. За ними наблюдал цвет русского дворянства. Во время обеда один за другим поднимались со своих мест послы иностранных государств, провозглашая здравие Императорской четы.

— Мне кажется, что я должна была вернуться в Петровский дворец сразу после коронации, но я этого не сделала. Мне удалось вместе с гостями из владетельных домов попасть на галерею Грановитой палаты. Мне было так жаль Алики и Ники. На них все еще были короны и порфиры, отороченные горностаем. Должно быть, они были измучены. Они показались мне такими одинокими — словно две птицы в золоченой клетке.

При виде яств на золотых блюдах, к которым царская чета почти не притрагивалась, Ольга поняла, до чего же она голодна.

— Я была на ногах уже несколько часов. Давно перевалило за полдень, и я почувствовала спазмы в желудке. Я смотрела на все эти вкусные вещи, которые приносили к столу, а затем уносили, и мне вдруг захотелось сбежать вниз по лестнице, добраться до кухни и наесться до отвала!

В конце концов за Ольгой прибыла карета, и девочку повезли в Петровский дворец, где ее ждали Нана и обед. На улицах Москвы было столько народу, что подчас экипаж двигался не быстрее черепахи. Залпы орудийного салюта, звон колоколов, радостные возгласы, пение, крики толпы, — казалось, весь мир обезумел от радости. Да и сама юная Великая Княжна, хотя и совсем обессилевшая, была настолько взволнована, что почти не прикоснулась к пище.

Вечером после священного миропомазания на царство вся Москва была залита иллюминацией и вспышками фейерверков и походила на сказочный город. Огни отражались на золоченых маковках и куполах соборов и церквей.

— Перед тем как уложить меня в постель, Нана позволила мне в последний раз взглянуть из большого окна на далекую картину празднества, — рассказывала Ольга Александровна. — За эти считанные минуты я успела вобрать в себя все великолепие зрелища.

Возможно, именно из этого окна восемьдесят лет назад Наполеон наблюдал, как горит у него на глазах древняя русская столица.

За днем торжества последовали другие, наполненные банкетами, празднествами, балами. Ни на одном из них младшей сестре Царя не позволили присутствовать. Зато ей разрешили поехать на другое празднество — посмотреть, как раздадут населению и гостям Москвы Царские гостинцы. Как и при коронации Александра III, их решили раздавать на Ходынском поле, на окраине города, где обычно происходили учения артиллеристов и саперов. В празднестве на Ходынке должны были принять участие и крестьяне. Приехав тысячами, они отправились на это поле, чтобы получить сувенир — эмалированную кружку, наполненную конфетами, и бесплатный завтрак, как гости Императора, чтобы остальную часть дня провести на Ходынском поле в танцах и пении. В центре поля находились деревянные помосты, на которых были сложены горы ярких кружек с гербами. За порядком наблюдали сотня казаков и несколько десятков полицейских.

Что на самом деле послужило причиной несчастья, так никто и не узнал. Одни говорили одно, другие — другое. Похоже, что кто-то пустил слух, будто подарков всем не достанется. Как бы то ни было, люди, ближе остальных стоявшие к оцеплению, двинулись к помостам. Казаки попытались остановить их, но что может сделать горстка верховых перед напором полумиллионной толпы? В считанные минуты едва заметное движение превратилось в стремительный бег массы обезумевших людей. Задние ряды напирала на передних с такой силой, что те падали, и их затаптывали насмерть. Точное количество жертв катастрофы неизвестно, но оно насчитывало тысячи¹. Утреннее майское солнце равнодушно взирало на сцену ужасного побоища.

Власти совсем потеряли голову. И напрасно теряли время. В конце концов было решено не направлять срочной депеши в Кремлевский дворец. Со всей Москвы пригнали фургоны и телеги, чтобы отвезти раненых в больницы, а убитых — в покойнищие.

— Московские власти действовали неумело, как, впрочем, и чиновники двора. Наппи кареты были заказаны слишком рано.

¹ В своей книге «Царствование Императора Николая II» (М., Феникс, 1992. Т. 1. С. 61) С. С. Ольденбург отмечает, что «погибших на месте и умерших в ближайшие дни оказалось 1282 человека, раненых — несколько сот». (Прим. переводчика.)

Утро выдалось великолепное. Помню, как нам было весело, когда мы выехали за ворота города, и каким непродолжительным оказалось наше веселье.

Ольга и ее спутники увидели, что навстречу им приближается целая вереница повозок. Сверху они были покрыты кусками брезента, и можно было видеть много покачивающихся рук.

— Сначала я подумала, что люди машут нам руками, — продолжала Великая Княгиня. — Вдруг сердце у меня остановилось. Мне стало дурно. Однако я продолжала смотреть на повозки. Они везли мертвецов — изуродованных до неузнаваемости.

Катастрофа привела москвичей в уныние. Она имела много последствий. Враги Царской власти использовали ее в целях пропаганды. Во всем обвиняли полицию. Винили также администрацию больниц и городскую управу.

— Многие разногласия, существовавшие среди членов Императорской фамилии, стали достоянием гласности. Молодые Великие Князья, в частности Сандро, муж моей сестры Ксении, возложили вину за случившуюся трагедию на дядю Сержа, генерал-губернатора Москвы. По-моему, мои кузены были к нему несправедливы. Более того, дядя Серж сам был в таком отчаянии и готов был тотчас же подать в отставку. Однако Ники не принял его отставки. Своими попытками свалить вину на одного человека, да еще своего же родственника, мои кузены, по существу, поставили под удар все семейство. Причем именно тогда, когда было необходимо единство. После того как Ники отказался отправить в отставку дядю Сержа, они набросились на Государя.

Русские социалисты, укрывшиеся в это время в Швейцарии, обвинили Императора в равнодушии к страданиям своих подданных, поскольку вечером Государь и Императрица отправились на бал, который давал французский посол маркиз де Монтебелло.

— Я знаю наверняка, что никто из них не хотел идти к маркизу. Сделано это было лишь под мощным нажимом со стороны его советников. Дело в том, что французское правительство истратило огромные средства на прием и приложило много трудов. Из Версаля и Фонтенебло для украшения бала привезли бесценные гобелены и серебряную посуду. Сюда Франции доставили сто тысяч роз. Министры Ники настаивали на том, чтобы Императорская чета отправилась на прием с целью выразить свои дружественные чувства по отношению к Франции. Я знаю, что Ники и Алики весь день посещали раненых в больницах. Так же посту-

пили Мамá, тетя Элла, жена дяди Сержа, а также несколько других дам. Многие ли знают или желают знать, что Ники потратил многие тысячи рублей на пособия семьям убитых и пострадавших в Ходынской катастрофе? Позднее я узнала от него, что сделать это тогда было очень непросто. Не желая обременять Государственное Казначейство, он оплатил все расходы по проведению коронационных торжеств из собственных средств. Сделал это так ненавязчиво, незаметно, что никто из нас — за исключением, разумеется, Алики — не знал о его поступке.

— Вы долго оставались в Москве? — спросил я.

— Ну что вы! Все чужеземные гости разъехались по домам. Ники и Алики отправились в одну из первых своих поездок по стране.

— А вы что делали?

— Мамá вернулась в Гатчину. Я поехала вместе с ней.

К радости юной Великой Княжны, после кончины Императора Александра III, Вдовствующая Императрица находила для себя все новые и новые занятия. У Марии Федоровны словно открылось второе дыхание. Прежде ее занимали женское образование и больничное дело, теперь же круг интересов охватывал политику и вопросы дипломатии. Неопытность старшего сына как бы оправдывала этот интерес. Надо отдать ей должное, действовала она умело. Давала советы, изучала международную обстановку, черпая много полезных сведений из бесед с послами и Императорскими министрами.

— Для меня было настоящим откровением умение Мамá решать такого рода вопросы, — призналась Великая Княгиня. — Я убедилась: она стала неумолимой. Я находилась в ее апартаментах, когда она принимала у себя некоего князя, занимавшего тогда пост директора всех женских учебных заведений в империи. Это был суетливый, желчный господин, который разводил неразбериху и во всем обвинял своих подчиненных. Его никто не переваривал. В тот день Мамá вызвала его к себе в Аничков дворец, чтобы сообщить ему об отставке. Никаких объяснений она ему давать не стала. Лишь произнесла ледяным голосом: «Князь, я решила, что вы должны оставить свой пост». Бедняга так растерялся, что, заикаясь, пролепетал: «Но... но я не смогу оставить Ваше Величество». — «А я вам говорю, вы оставите свой пост», — ответила Мамá и вышла из кабинета. Я последовала за ней, не смея взглянуть на бедного князя.

Возраст Ольги приближался к двадцати годам. Императрица Мария Федоровна решила вместо миссис Франклин приставить

к младшей дочери выбранную ею самой фрейлину. Известие это дошло до Великой Княжны окольным путем. Своей старой няне девушка не сообщила ничего. Брат и его супруга жили в Царском Селе, но Ольга была твердо уверена в поддержке Государя. Она знала, что не сможет расстаться с Нана, которая одна понимала Великую Княжну. Махнув рукой на этикет и воспитание, Ольга пошла к родительнице и устроила сцену:

— Алики привезла с собой в Россию миссис Орчард. А что я буду делать без Нана? Если ты прогонишь ее, то я убегу. Хоть с дворцовым трубочистом. Убегу и стану чистить, кому угодно, картошку или наймусь в прислуги к какой-нибудь светской даме из Петербурга. И я уверена, что Ники будет на моей стороне.

— Ты всегда была своевольной. Теперь и вовсе сошла с ума! Сейчас же выйди из комнаты, — приказала мать Ольге.

Миссис Франклин осталась при Великой Княжне. В апартаментах Ольги Александровны никакой фрейлины так и не появилось на этот раз¹. Хозяйкой положения оставалась Нана — вопреки всем трудностям. В данном вопросе Император Николай II действительно встал на сторону сестры, и Вдовствующая Императрица стала смотреть на миссис Франклин как на захватчицу, отнявшую у нее привязанность дочери. Прежде сыпавшиеся на нее как из рога изобилия рождественские подарки и другие знаки Высочайшего внимания стали не столь ценными и частыми, как раньше. Для императрицы Марии Федоровны Нана стала «этой противной бабой».

Великая Княжна одержала победу в борьбе за личную свободу, но это была Пиррова победа, отнявшая у молодой девушки много сил. Оказавшись без придворных дам у себя в апартаментах, Великая Княжна с иронией наблюдала за окружением Императрицы Матери. Мария Федоровна любила видеть вокруг себя знакомые лица. У нее при дворе было много дам, от которых давно не было никакого проку, однако уволить их она не могла. При дворе обреталась некая мадемуазель де л'Эскай, бельгийка, — такая дряхлая, что никто не помнил ее даже пожилой. Некогда под ее

¹ У Великой Княжны Ольги Александровны фрейлины не было до 1901 года, когда Императрица Мать заставила ее обзавестись таковой. Выбор Вдовствующей Императрицы оказался неудачным. Госпожа Александра Коссиковская, прекрасно воспитанная, умная и очень красивая женщина, вскоре завоевала доверие своей юной хозяйки, которая называла ее «Диной». Но их дружба оказалась недолгой: Дина вскоре влюбилась в Великого Князя Михаила Александровича и тотчас была уволена.

началом была детская Императрицы. Она ездила из Гатчины в Петербург и обратно, всегда безупречно одетая, в ослепительных перчатках, любила хорошо поесть и сыграть в преферанс, но почти ни с кем не разговаривала. Были две старые девы, сестры графини Кутузовы, потомки знаменитого фельдмаршала, получившие шифр еще в 1865 году. Они тоже давно слонялись без дела, зато очень заботились друг о друге и большое внимание уделяли своему здоровью. Жил при дворе Императрицы Матери и весьма преклонных лет господин, сын поэта В. А. Жуковского, который носил белый парик. Лишь благодаря давно увядшим лаврам отца он имел в своем распоряжении удобные апартаменты, да еще в Большом Гатчинском дворце. Была и любимая придворная дама Императрицы Марии Федоровны, графиня Елизавета Воронцова, обремененная семьей из восьми человек, однако ни муж, ни дети не мешали ей постоянно находиться при дворе.

— Она была невероятной сплетницей. Чуяла скандал за несколько верст. Вынуждена признаться, что Мама нравилось слушать ее, — сказала Великая Княгиня. — В те дни газеты не печатали разного рода досужие вымыслы. Во всяком случае русские газеты. А Лили Воронцова обладала даром сочинять небылицы, основываясь на ненароком оброненном кем-то нескромном замечании. Мне она не нравилась, хотя приходилось быть вежливой с нею — ради собственного спокойствия. Зато я полюбила ее старшую дочь Сандру.

Очень часто, когда Великая Княгиня называла чьи-то имена, она говорила, что «подружилась» или «привязалась» то с одной, то с другой придворной дамой. Но молодых из них было немного. Она по-прежнему вместе с великим князем Михаилом Александровичем принимала у себя молодых людей и девушек из самых знатных семей, но, похоже, ни с кем по-настоящему не сблизилась во время таких собраний аристократической молодежи. Однако Ольга оставалась прежней девочкой — живой, непосредственной, жаждущей привязанности.

Когда Вдовствующая Императрица вмешивалась в частную жизнь дочери и мягко укоряла ее в нежелании занять свое место в светском обществе, в девушке пробуждалась мятежная натура и она забывала о своем воспитании, прежнем опыте и традициях. Однако, когда молодая Великая Княжна становилась посторонним наблюдателем, она совершенно искренно восхищалась собственной родительницей.

— В роли Императрицы она была великолепна. Мама обладала притягательностью, а ее жажда деятельности была невероятной. От ее внимания не ускользала ни одна из сторон образовательного дела в Российской империи. Она немилосердно эксплуатировала своих секретарей, но не щадила и себя. Даже скучая на заседании какого-нибудь комитета, она не выглядела скучающей. Всех покоряли ее манера общения и тактичность. Совершенно откровенно Мама наслаждалась своим положением первой дамы в империи. Те, кто служил ей, например, Шереметевы, Оболенские, Голицыны, относились к своей службе как к почетной обязанности. В России, как и в Дании, происходило одно и то же: то одно лицо, то другое приходило к Мама, чтобы поделиться с нею своими проблемами и заботами. И потом, — добавила Великая Княгиня, — я старалась не забывать, как горячо любил ее Папа.

Великой Княжне исполнилось семнадцать; у нее была ее Нана, ее скрипка¹, ее живопись. И вдруг Ольгу охватила тревога. Старшая сестра Ксения, выйдя замуж за русского Великого Князя, осталась дома, на Родине. Но найдется ли еще один Романов, который женился бы на ней? Покинуть любимую страну было бы невыносимо. Фреденсбург устраивал ее как место, где можно провести летние каникулы, но поселиться навсегда в Дании она бы не смогла. Оставались германские владетельные дома, но Ольга помнила, с каким откровенным пренебрежением относился к ним ее покойный отец, Александр III².

— По ночам мне снились кошмары, будто бы меня отправляют в ссылку. Нана просыпалась и успокаивала меня. Разумеется, поделиться подобными страхами с Мама я бы не посмела.

¹ Уроки игры на скрипке юной Великой Княжне давал Владислав Курнакович, талантливый музыкант, игравший первую скрипку в Императорском оркестре. Николай II подарил своей младшей сестре и ее знаменитому учителю по скрипке, которым не было цены. Одна из них некогда принадлежала композитору Львову, автору музыки русского национального гимна «Боже, Царя храни!» При загадочных обстоятельствах скрипка эта была похищена. Превратившись в сыщика, Курнакович три месяца искал ее по всему миру. В конце концов он нашел ее на витрине антикварного магазина в Лондоне!

² И совершенно напрасно. Германские владетельные дома дали дому Романовых прекрасных и преданных невест. Кстати, супруга Императора Николая I была принцессой Гессен-Дармштадтской, как и Государыня Императрица Александра Федоровна, супруга Николая II. На наш взгляд, отход от традиционных дружественных отношений с Германией и сближение с Францией и Англией; заклятым врагом России, предопределили падение Императорской России. (Прим. переводчика.)

Молодой Император часто наведывался в Гатчину из Царского Села, и «иногда мне разрешали поехать вместе с ним, чтобы повидать Алики. То и дело в Гатчину приезжала графиня Воронцова, сообщавшая Мамá о том, что общество недовольно высокомерием Алики. Думаю, что все это было неправдой. Здоровье Алики становилось все хуже. Сердце у нее начало сдавать. Она страдала от приступов ишиаса. Беременности у нее проходили трудно»¹.

В начале 1899 года Императрица Мария Федоровна сообщила своей младшей дочери, что летом она начнет появляться в свете. У юной Ольги оборвалось сердце. Это значило, помимо всего прочего, что ей придется расстаться со многими незаметными, но так много значившими для нее вольностями: лишним часом игры на скрипке, прогулками по парку, занятиями живописью, приносящими ей столько радости. «Выходы в свет» означали необходимость по всевозможным поводам появляться на людях, поездки в обществе Императрицы Матери, приемы, банкеты, аудиенции. Но Великая Княжна получила передышку сроком на год. И по весьма печальной причине.

В июле 1899 года в предгорье Кавказа, в Аббас-Тумане скончался от туберкулеза ее второй брат, Великий Князь Георгий Александрович. Узнав из телеграммы о кончине брата, Николай II сообщил печальное известие матери.

— Мамá, Жоржа больше нет, — произнес он спокойно, и Императрица зарыдала. Великому Князю Георгию было двадцать семь лет, и его смерть, по словам Великой Княгини, явилась невосполнимой потерей. Умный, великодушный, умевший располагать к себе людей, Великий Князь мог бы оказать большую поддержку Николаю II. По мнению Ольги Александровны, из всех ее братьев Георгий наилучшим образом подходил на роль сильного, пользующегося популярностью Царя. Она была убеждена, что если бы он был жив, то охотно возложил бы на свои плечи бремя Царского служения вместе с короной, от которой брат столь смиренно отказался в 1917 году², и, возможно, спас бы Россию от коммунистической революции.

¹ С 1895 по 1901 год молодая Императрица родила четверых дочерей.

² Государь Николай II пал жертвой заговора, в котором, помимо предателей-генералов, которые некогда были благодетельствованы Императором, изолировавших его от массы народа и от армии, участвовали не только «денежные мешки» и земельная знать, но и некоторые члены династии: Великий Князь Николай Николаевич, «Владимировичи» и другие Романовы, многие годы вредившие царю. Ольга Александровна не могла этого не знать. (Прим. переводчика.)

— Жорж не должен был умереть. С самого начала доктора проявили свою некомпетентность. Они то и дело посылали его с одного курорта на другой. Они не желали признавать, что у него туберкулез. Только заявляли, что у Жоржа «слабая грудь».

Ольга Александровна рассказала, что брата нашла крестьянка. Он лежал на обочине дороги рядом с перевернувшимся мотоциклом. Умер он у нее на руках. Из рта у него текла кровь, он кашлял и задыхался. Женщина, принадлежавшая к религиозной секте молокан, была доставлена в Петергоф, где поведала убитой горем Императрице Матери о последних мучительных минутах жизни ее любимого сына.

— Мне запомнилась высокая, в черном платье и черной с белым накидке, женщина, приехавшая с Кавказа, которая молча скользила мимо фонтанов. Она походила на персонаж из какой-нибудь греческой трагедии. Мама сидела с ней, запершись, часами.

Относительно кончины Великого Князя ходили самые зловещие слухи, но Великая Княгиня была уверена, что смерть его была вызвана легочным кровоизлиянием, вызванным тряской при езде на мотоцикле, кататься на котором ему было строго запрещено.

Смерть Георгия Александровича положила конец ежегодным поездкам всей семьей в далекий Аббас-Туман ранней весной или поздней осенью. Такие поездки всегда вносили большое оживление в жизнь Великих Князей и Княжон. Среди дышащих покоем Кавказских гор Царская Семья освобождалась от тревог, ведя беззаботную деревенскую жизнь. Насколько провинциальной и простой была эта жизнь, свидетельствует удивительная история, которую рассказала мне Великая Княгиня:

— Пицца, которую готовила и подавала на стол кавказская прислуга, была местного происхождения, за исключением сыра, который привозили из Дании. Всякий раз, как нам доставляли большие головы сыра, мы обнаруживали в больших отверстиях крохотных мышат, которые играли там в прятки. Для невозмутимых кавказцев зрелище это было вполне привычным и нисколько их не волновало. Мы настолько привыкли к крохотным проказникам, что, не обнаружив их несколько раз в сыре, по-настоящему расстроились!

Турецкая граница находилась совсем рядом, и кругом полно было разбойников. Все кавказцы были вооружены, и всякий раз, как Вдовствующая Императрица покидала дворец, ее сопровождал телохранитель из числа кавказцев. Среди них, по словам Ве-

ликой Княгини, был Омар — поразительно красивый и сильный горец с горящими черными глазами, любимец Императрицы.

— Каждый раз Мама расспрашивала его про разбойников и шутливо добавляла: «Омар, когда я смотрю вам в глаза, то мне кажется, что вы и сами были когда-то абреком!» Омар избегал глядеть на нее и отвечал отрицательно. Но однажды он не выдержал. Упав на колени, он признался, что в самом деле прежде грабил людей, и стал умолять Мама о прощении. Она не только даровала ему прощение, но и включила его в число своих постоянных телохранителей. С того времени Омар не отходил от нее ни на шаг, словно прирученный. Представляю себе, какой шум устроили бы в Петербурге, если бы узнали, что один из телохранителей императрицы когда-то был обыкновенным разбойником с большой дороги!

Поскольку Великий Князь Георгий был Наследником престола, придворный траур продолжался год. Зато летом 1900 года Вдовствующая Императрица устроила особенно пышный прием в честь младшей дочери.

— Это был суший кошмар. День выдался особенно жаркий. В длинном бальном платье, в сопровождении несносной фрейлины, маячившей сзади меня, я чувствовала себя зверьком в клетке, которого впервые показывают публике. Вы знаете, такое ощущение не покидало меня и позднее. Всякий раз, как мне приходилось выходить в свет, я мнила себя существом, посаженным на цепь. Я видела толпу, и у толпы не было лица. Это было ужасно. Мне следовало бы помнить о собственном происхождении и выполнять свой долг, не испытывая такого рода чувств. Тут кроется какая-то загадка: ведь я гордилась именем, которое ношу, и своими предками, но где-то в глубине моей души гнезвился непонятный страх...

Однажды майским днем 1901 года было опубликовано лаконичное сообщение, исходившее из Царскосельского Александровского дворца и Гатчинского Большого дворца одновременно. Население страны оповещалось о том, что «Ее Императорское Высочество Великая Княжна Ольга Александровна с общего согласия Государя Императора и Вдовствующей Императрицы обручена с Его Высочеством принцем Петром Ольденбургским».

Новость поразила Санкт-Петербург и Москву. Никто не верил, что предстоящий брак основан на взаимной любви. Ольге

исполнилось девятнадцать лет, принц Ольденбургский был на четырнадцать лет старше, и весь Петербург знал, что он не проявляет особого интереса к женщинам. Большинство обывателей не сомневались в том, что, поскольку старшая дочь Императрицы Матери производит на свет одно чадо за другим, Мария Федоровна пожертвовала счастьем своей младшей дочери Ольги ради того, чтобы та по-прежнему находилась под рукой и всегда могла приехать как в Гатчину, так и в Аничков. По мнению же самой Великой Княгини, Вдовствующую Императрицу уговорили отдать дочь замуж за их сына родители принца Ольденбургского, в частности, его честолубивая мать, принцесса Евгения, которая была близкой подругой Марии Федоровны¹.

Великая Княжна и ведать не ведала о подобных планах. Она встречала кузена почти на всех семейных собраниях и находила его слишком старым для своего возраста. Он очень заботился о собственном здоровье. Другой его слабостью были азартные игры. Он терпеть не мог домашних животных, открытые окна и прогулки. Появляясь в свете лишь изредка, все остальное время он сидел дома, а ночи чаще всего коротал за карточным столом в одном из петербургских клубов². При звуках музыки зевал. Живопись оставляла его равнодушным.

— Сказать вам откровенно, меня обвели вокруг пальца, — заявила Великая Княгиня. — Пригласили на вечер к Воронцовым. Помню, мне не хотелось ехать туда, но я решила, что отказываться неразумно. Едва я приехала к ним в особняк, как Сандра повела меня вверх, в свою гостиную. Отступив в сторону, она про-

¹ Начиная с эпохи Петра I на русскую службу поступали представители некоторых второстепенных владетельных домов, к примеру, принцы Гессен-Гомбургские и другие. К середине и концу XVIII века их число увеличилось, поскольку большинство из них предпочитали находиться под властью Императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II, а не Фридриха Великого. Им необязательно было отказываться от своих земель в Германии. К концу столетия прочно обосновались в России принцы Гольштейн-Готторпские, Ольденбургские и Мекленбург-Стрелицкие. Одна из дочерей Павла I была супругой принца Георга Ольденбургского, а другая Великая Княжна вышла замуж за герцога Лейхтенбергского. Таким образом, все три фамилии — Ольденбургские, Мекленбург-Стрелицкие и Лейхтенбергские были связаны узами с династией Романовых. Все они титуловались «Высочествами», а не «Императорскими Высочествами».

² Принц Петр Александрович Ольденбургский (1868—1924) был военным, флигель-адъютантом, затем Свиты Е. В. генерал-майором. Когда же он успевал служить? (Прим. переводчика.)

пустила меня, а затем закрыла дверь. Представьте себе мое изумление, когда я увидела в гостиной кузена Петра. Он стоял словно опущенный в воду. Не помню, что я сказала. Помню только, что он не смотрел на меня. Запинаясь, сделал мне предложение. Я так опешила, что смогла лишь выдать: «Благодарю вас». Тут дверь открылась, влетела графиня Воронцова, обняла меня и воскликнула: «Мои поздравления». Что было потом, уж и не помню. Вечером в Аничкове я пошла в комнаты брата Михаила, и мы оба расплакались.

К рассказу этому Великая Княгиня не прибавила ничего. У меня возникло множество вопросов, но задать их я не посмел. Если родительница Ольги была так жестокосердна, то ведь ее старший брат, Император Николай II, мог запретить такого рода сделку. Великая Княгиня ни разу не упомянула имени брата в связи с этой помолвкой. Возможно, ее удерживало чувство лояльности. Однако сам собой напрашивается вывод: видно, молодой Государь поддался нажиму со стороны Императрицы Матери.

В свое время Ольга сражалась как тигрица, чтобы не допустить увольнения миссис Франклин. В данном же случае она совсем не стала бороться. Хотя молодая женщина была обречена на жизнь с постылым человеком, ей не надо было покидать Родину. Предполагаю, что уже одно только это примирило ее с браком, похожим на фарс. Но даже подобное соображение вряд ли могло прийтись по душе девушке с горячим, жаждущим любви сердцем.

Императрица Мария Федоровна решила ускорить бракосочетание. Состоялось оно в конце июля 1901 года. На торжество были приглашены лишь ближайшие родственники. Свадьба получилась не слишком веселой. После того как новобрачная переоделась, супруги поехали в Санкт-Петербург, во дворец принца Ольденбургского. Первую ночь Великая Княгиня провела одна. Наплакавшись вдоволь, она уснула. Принц Петр отправился к своим старым приятелям в клуб, откуда вернулся под утро.

— Мы прожили с ним под одной крышей почти пятнадцать лет, — откровенно заявила Ольга Александровна, — но так и не стали мужем и женой.

Принцесса Евгения Ольденбургская, сын которой стал теперь зятем Императора, начала щедро одаривать невестку. Она подарила Ольге кольцо из двадцати пяти бриллиантов, размером в миндалину каждый, рубиновую тиару, которую Наполеон некогда подарил Императрице Жозефине, и сказочной красоты сапфировое ожерелье.

— Ожерелье было таким тяжелым, что я не могла его подолгу носить. Обычно я прятала его в сумочку и надевала лишь перед появлением в обществе¹.

Ходили смутные слухи о том, что молодые отправятся на юг Франции, однако медового месяца не было. Вскоре у Великой Княгини начался острый приступ меланхолии. Приступ прошел, но у молодой женщины начали выпадать волосы. Пришлось заказать парик. Она так и не научилась носить его. Однажды во время поездки в открытом экипаже вместе с Императором и Императрицей Александрой Федоровной Ольга почувствовала, что парик вот-вот свалится у нее с головы.

— Я схватилась обеими руками за шляпу и ехала в таком виде. Поскольку о моей болезни нигде не сообщалось, прохожие, видя, приняли меня за сумасшедшую.

Осенью 1901 года принц Ольденбургский неохотно согласился оставить общество петербургских картежников, и супруги отправились в Биарриц в сопровождении «Дины» и миссис Франклин.

— Остановились мы в «Отель дю Пале». Однажды вечером мы устроили у себя прием. Я танцевала фокстрот. Неожиданно кто-то меня толкнул. Парик слетел у меня с головы и упал в самом центре зала. В наступившей тишине перестал играть оркестр. Я аж позеленела от ужаса. Не помню, кто поднял мой парик, но до тех пор, пока у меня не отросли свои волосы, я больше не смела танцевать в парике. К началу 1903 года парик свое отслужил.

Однажды вечером, когда молодые обедали, ресторан отеля наполнился дымом.

— В одном из флигелей возник небольшой пожар, но вашему Императорскому Высочеству нечего волноваться, — уверенным тоном заявил метрдотель. Спустя мгновение все вскочили из-за столов, спасая свою жизнь.

Великая Княгиня бросилась к себе в номер, надеясь спасти хоть какие-то вещи. Когда же она выскочила из отеля и очутилась на газоне перед входом, запыхавшаяся и растрепанная, то обнаружила, что в руках у нее только брошка.

¹ Великая Княгиня сообщила мне: «После того-как в 1916 году мой брак был признан недействительным, я вернула все драгоценности семье принца Ольденбургского. Я была особенно рада тому, что так поступила, узнав, что принц Петр и его мать жили вполне сносно на средства от продажи драгоценностей, вывезенных ими из России после революции».

— Это все, что я сумела захватить с собой впопыхах, — вспоминала Ольга Александровна. На ее счастье, прибежал, тяжело дыша, тучный греческий господин, живший в номере на том же этаже, что и Великая Княгиня. В руках у него была шкатулка, в которой находились все драгоценности Ольги Александровны.

— Впоследствии я узнала, что его дочь замужем за князем Орловым-Давыдовым. Этим-то и объяснялась его забота о сохранности имущества русской Великой Княгини.

Принцу Ольденбургскому повезло не так, как его жене. У него сторел весь гардероб, в том числе все его мундиры и ордена, среди них знаменитый датский орден Белого Слона, специально изготовленный для принца придворным ювелиром Фаберже.

Позднее чета отправилась в Карлсбад, где остановилась у дядюшки Берти. Карлсбад был преднамеренно выбран Эдуардом VII и его приятелями, где под предлогом «принятия лечебных процедур» они могли предаваться таким развлечениям, которые способствовали дурной славе периода, впоследствии названного «Эдвардианской эрой».

— Явственно представляю себе дядю Берти, который сидит с невозмутимым видом перед своим отелем, попыхивая сигарой, в то время как толпы немецких туристов стоят и смотрят на него с благоговейным ужасом и любопытством.

— Как вы это терпите, дядюшка Берти? — спросила я его однажды.

— Что тут такого? Глазеть на них такое же развлечение, как и для них — глазеть на меня, — ответил английский король.

Относительно реакции Эдуарда VII на ее замужество Великая Княгиня ничего не сказала. Но король был добр к свояченице и предоставил в ее распоряжение яхту, с тем чтобы она могла кататься на ней вдоль Средиземноморского побережья Италии.

— В Сорренто мы сошли на берег и устроили небольшой прием на веранде гостиницы. В глаза мне бросился молодой британский офицер-моряк с копной рыжих волос. Он стоял и разглядывал море. Мы начали обстреливать его виноградниками, и в конце концов я пригласила его присоединиться к нам. Он так и сделал.

Молодой британский моряк, представившийся как Джимми, лейтенант королевского военно-морского флота, впоследствии вице-адмирал Т. В. Джеймс, стал одним из близких друзей Великой Княгини. Его храбрость и находчивость во время революции принесли ей неоценимую пользу.

— Разумеется, мы довольно весело провели время в Сорренто, — ответила на мой вопрос Ольга Александровна. — Первый шок миновал, я все еще питала надежду на лучшее будущее. К сожалению, во время нашего пребывания в этом городе возникли осложнения. К нам приехал брат Михаил. Он был давно влюблен в Дину, мою первую фрейлину. Оба решили бежать, но их кто-то выдал. Дину, разумеется, тотчас уволили. Брат был безутешен. Он во всем обвинял Мамá и Ники. Помочь им я не могла. Иногда думала, что нам, Романовым, лучше было бы родиться без сердца. Мое сердце было еще свободным, но я была связана узами брака с человеком, для которого я являлась лишь носительницей Императорской фамилии. Чтобы угодить своей властной, честолюбивой матери, он стал номинальным зятем Императора. Если бы я вздумала рассказать кузену Петру о том, что мое сердце истосковалось по любви и нежности, он счел бы, что я не в своем уме.

Чета Ольденбургских вернулась в Россию перед самым Рождеством. Несколько месяцев, которые оказались очень утомительными, оба провели в Петербурге, но затем, к радости Ольги, отправились в Рамонь — огромное поместье далеко к югу от Москвы, принадлежавшее свекрови Великой Княжны. И там, впервые в своей жизни, Ольга близко соприкоснулась с крестьянами.

— Я ходила из одной деревни в другую, и никто мне не препятствовал. Заглядывала в крестьянские избы, беседовала с мужиками и бабами и чувствовала себя среди них своей. Были у них трудности и даже такая нужда, о существовании которой я и не подозревала. Но я видела их доброту, великодушие и нестигаемую веру в Бога. Думается, крестьяне эти были душевно богаты, несмотря на их бедность, и, находясь среди них, чувствовала себя настоящим человеком.

Но частых посещений деревень для Ольги Александровны оказалось недостаточно. Скука, царившая в нелепом доме принца Ольденбургского, вскоре стала невыносимой, и молодая женщина решила проявить самостоятельность. Сначала ежедневно заходила в лечебницу при имении и наблюдала за работой докторов и сестер милосердия, всякий раз узнавая что-то новое. Затем решила построить небольшой белый особняк неподалеку от Рамони.

Старая чета Ольденбургских возражать не стала. Усадьба была построена. Ее называли Ольгино. Поехал ли молодой принц Ольденбургский за своей супругой в новый дом, сказать не могу. Вполне вероятно, он предпочел остаться в Рамони.

— Я распорядилась, чтобы Ольгино строили на холме, откуда открывался вид на Воронеж, приток Дона. Местность была восхитительная. Поля упирались в леса, из-за которых выглядывали золоченые купола старинного монастыря святого Тихона Задонского, куда приходило множество паломников. Помню, однажды летним вечером я сидела на балконе и наблюдала, как садится солнце. Вокруг царил такой покой, что я поклялась, что если Господь когда-нибудь ниспошлет мне счастье, то своего первенца я нареку Тихоном.

Официально Великая Княгиня считалась принцессой Ольденбургской. Ей необходимо было появляться в Рамони и присутствовать на балах и приемах, которые устраивала ее свекровь. Юной Ольге запомнилась одна гостья — молодая и красивая племянница принца Петра — принцесса Мари-Клер. Она получила образование во Франции и была совершенно незнакома с Россией. Ее визит закончился внезапно.

— Она с трудом поверила мне, что до ближайшего города шестьдесят пять верст. Потом началась охота на волков, и она услышала волчий вой. Он так напугал юную француженку, что она сразу же уехала в Париж.

Великая Княгиня так полюбила Ольгино и своих крестьян, что ей трудно было расстаться с ними осенью. Но, несмотря на все попытки Ольги стать независимой, она не стала хозяйкой своей судьбы. Ей пришлось возвращаться на север. Свою первую зиму в качестве замужней женщины она провела в огромном дворце принцев Ольденбургских на Дворцовой набережной.

— До чего же мне было неприятно находиться там, — вспоминала Ольга Александровна. — Между мужем и его родителями за столом то и дело вспыхивали споры. Родители обвиняли принца Петра в том, что он проматывает состояние за карточным столом. Он оправдывался тем, что ничему другому его не научили. Язык моей свекрови походил на жало скорпиона. А о вспыльчивости свекра страшно даже вспоминать. Всякий раз, как появлялась такая возможность, я выходила из-за стола, но не всегда мне это удавалось сделать. Иногда Петр мчался к себе в клуб, даже не сумев пообедать. Такого рода сцены наблюдали многие, включая прислугу, так что обыватели Петербурга, должно быть, хорошо представляли себе «счастливую семейную жизнь» в доме принца Ольденбургского. И все-таки я была привязана к своему свекру, принцу Александру Петровичу. Хотя он и был известен всей России своей вспыльчивостью, это был человек, а не пешка.

ПОДОБИЕ СЧАСТЬЯ

Год спустя Великая Княгиня с легким сердцем покинула дворец принцев Ольденбургских. Старший брат приобрел для нее большой особняк на Сергиевской улице. Прежде чем Ольга Александровна смогла въехать туда, пришлось произвести некоторые переделки.

— Вы даже не представляете, какое это было наслаждение жить в своем простом доме вдалеке от всех этих дворцов, — сказала мне Великая Княгиня. Впоследствии я с удивлением узнал, что в этом «простом доме» насчитывалось свыше ста комнат, а прислуга составляла шестьдесят восемь человек, не считая семи шоферов для семи автомобилей, а также кучеров и конюхов, в ведении которых находились большие конюшни и просторные каретные сараи. И тем не менее это было первое собственное жилище Ольги, где она могла приказывать подать на обед сельдь, если ей заблагорассудится, могла заменить шторы в любой комнате и позволить своим домашним любимцам располагаться на диванах и креслах. И ни Вдовствующая Императрица, ни принцесса Евгения Ольденбургская не смели отменять распоряжения хозяйки и нарушать ее привычки. Принадлежавшие Ольге комнаты были обставлены просто, если не сказать строго. Был свой уголок и у миссис Франклин, а рядом с опочивальней Великой Княгини помещалась просторная студия.

Однако уединенность по-прежнему оставалась редкостным благом. Как сестра Государя, Ольга Александровна была вынуждена принимать всех представителей царствующих домов зарубежных стран, приезжавших с визитом в Россию, и давать аудиенции всем посланникам. Из-за их мертвящей официальности такие аудиенции были для нее настоящим мучением.

— Слава Богу, что они были непродолжительны. Но я, должно быть, доставила немало *mauvais quart d'heure*¹ этим дипломатам, — вспоминала Великая Княгиня.

Больше всего ей нравилось давать аудиенции эмиру Бухарскому — высокому бородатому господину, повелителю независимо-

¹ Неприятных минут (букв. «четверть часа») (фр.).

го государства, граничившего с Афганистаном. На нем был просторный халат с эполетами русского генерала, усыпанными бриллиантами.

— Приезжая в Санкт-Петербург, эмир всякий раз навещал меня, привозя богатые подарки, что зачастую ставило меня в очень неловкое положение. Однажды он подарил мне огромное золотое кольцо со свисавшими с него, наподобие язычков пламени, рубиновыми гроздьями.

Большой восточный ковер, также один из подарков эмира, оказался в числе немногих вещей, которые Великая Княгиня сумела увезти с собой, покидая Россию во время революции.

Ко всему, Великой Княгине следовало устраивать приемы во время петербургских сезонов. Это требовало нескольких недель приготовлений. Для таких приемов с Кавказа в специально оборудованном вагоне присылали дикорастущие цветы. Их доставляли декоратору, который вместе с целым штатом ассистентов приезжал во дворец, чтобы заняться его убранством. Разумеется, в распоряжении у Великой Княгини были дамы и господа, которые ей помогали. Появляясь в просторном особняке на Сергиевской улице, принц Ольденбургский жил своей жизнью. Никогда не вмешивался в дела жены, но и не помогал ей ни в чем. Вместе они почти никогда не появлялись.

Наконец, приходилось наносить бесконечные, нудные, но неизбежные визиты членам Императорской фамилии и знакомым. Такие визиты представлялись Великой Княгине преступной тратой времени. Очень часто ей приходилось сопровождать свою родительницу. Каждое утро, за исключением Великого поста, независимо от того, где жила в это время Вдовствующая Императрица — в Гатчинском или Аничкове дворце, — Марии Федоровне приносили большой, вычурно украшенный лист с перечислением всех увеселений и приемов, происходивших в данный день в столице.

— Иногда под впечатлением момента Мама́ решала посмотреть ту или иную пьесу и прийти на какой-то званый вечер. В этом случае меня уведомляли, что Мама́ рассчитывает на мое общество. Выбора у меня не оставалось. Как и Папа́, к театру я была безразлична, но Мама́ любила появляться на людях, поскольку внимание всех зрителей было обращено на нее.

Когда в Царской ложе появлялись Вдовствующая Императрица и Великая Княгиня Ольга Александровна, все присутствующи-

щие вставали со своих мест и почтительно кланялись Августейшим зрительницам.

— Если ставилась какая-то опера, в особенности «Аида», то для участия в массовых сценах на роль воинов часто приглашались гусары из полка моего имени или же моряки с Императорской яхты «Штандарт». До чего же забавное зрелище представляли собой эти рослые, крепкие юноши, неуклюже передвигавшиеся по сцене в шлемах, с голыми волосатыми ногами, обутыми в сандалии. Несмотря на отчаянные жесты режиссера, они с широкими улыбками глядели на нас с Мамá.

Зимой я часто сопровождала матушку во время ее прогулок в санях по широкому и нарядному Невскому проспекту. В солнечные дни, особенно по воскресеньям, весь свет Петербурга выезжал на «Набережную», чтобы пощеголять великолепными лошадьми и санками.

У Императрицы Матери была пара вороных, которых накрывали синей сеткой, чтобы снег и лед, вылетающие из-под их копыт, не попадали в седоков. Завидев мать и дочь, проезжавших мимо, господа приветственно снимали свои меховые шапки.

Пребывание в Петербурге становилось все более утомительным для Великой Княгини.

— Подчас случалось, что в один и тот же день мне следовало находиться в трех разных местах. Утром — в Петергофе по какому-нибудь семейному делу, затем в Гатчине, чтобы присутствовать на званом завтраке вместе с Мамá, а затем мчаться назад в Санкт-Петербург, где вечером я должна была присутствовать на встрече с лицом, которое мне было противно, но избежать ее было нельзя.

Однажды Великая Княгиня вместе со своим младшим братом, Великим Князем Михаилом, ехала на моторе в Гатчину, чтобы успеть на ужин к родительнице.

— У бедняги Михаила была злосчастная привычка засыпать за рулем. В тот вечер он ехал очень быстро: мы боялись опоздать. Неожиданно он клонул носом, автомобиль свернул с дороги и перевернулся. Нас обоих выбросило из салона, но мы каким-то чудом остались целы и невредимы. Автомобиль даже не пострадал. Мы просто выкатили его на дорогу и поехали дальше.

«Дикая светская суматоха», как называла приемы Великая Княгиня, требовала иметь такие наряды, которые ей не нравились. В то время все дамы фамилии Романовых одевались у законодательницы женской моды мадам Бриссак.

— Это была высокая, смуглая женщина. Всякий раз, как она появлялась, чтобы проследить за примеркой, я указывала ей на дороговизну ее услуг. Бриссак сначала смотрела на меня с обиженным выражением лица, затем с заговорщицким видом шептала: «Прошу ваше Императорское Высочество никому не говорить об этом в Царском Селе, но для вас я всегда делаю скидку». Позднее Алики рассказала мне о том, как она посетовала на чересчур высокие цены, на что мадам Бриссак ответила: «Прошу вас, ваше Императорское Величество, никому об этом не сообщать, но я всегда делаю скидку для Вашего Величества».

Мы с Алики от души раскохотались! Вот старая пройдоха! Она так хорошо на нас заработала, что могла жить на широкую ногу в собственном особняке в Петербурге.

Жалоба дамы из семейства Романовых на дороговизну услуг модной портнихи может показаться необычной, но ведь стоимость гардероба была отнюдь не единственной финансовой проблемой Великой Княгини.

— Всех нас — Мамá, Ники, Ксению, Михаила и меня — смущало вот какое обстоятельство, — рассказывала мне Ольга Александровна. — Мой годовой доход составлял около двух миллионов рублей (миллион долларов), но я никогда не видела этих денег и не знала, по существу, как они расходовались. Разумеется, велись бухгалтерские книги, но это не помогало. У меня было двенадцать счетоводов и один очень знающий казначей, полковник Родзевич. Счета, которые они вели, конечно же, находились в полном порядке, но средства таяли, словно снег весной. У меня было столько денег — и все же я никогда не имела возможности приобрести себе нужной вещи.

Ольга Александровна вспомнила, что однажды, в конце отчетного года, ей вздумалось купить небольшую картину стоимостью менее четырехсот рублей (двести долларов), но ее казначей заявил, что денег для оплаты по счету нет. У Романовых был неписанный закон — за все свои покупки платить наличными, и мужчины и женщины поколения Великой Княгини неукоснительно следовали ему.

Гардероб, транспортные расходы, стоимость содержания особняков в Петербурге и Ольгине, а также ряд пожертвований на благотворительные нужды, делавшиеся регулярно, — все это не исчерпывало перечня трат. Великая Княгиня должна была также платить за образование детей своей прислуги.

— В штате прислуги в Петербурге состояло около семидесяти человек, что было довольно скромно для сестры Императора.

Причем у всех у них была уйма детей, и все они желали видеть своих сыновей докторами и инженерами. Нетрудно себе представить, каких огромных денег это стоило. Но против этой статьи расходов я не возражала. Во всяком случае, тут был какой-то прок.

Однако корень всех бед находился в том, что муж Великой Княгини был заядлым игроком. От брата Георгия она унаследовала миллион золотых рублей. В считанные месяцы вся эта сумма была до копейки промотана принцем Петром Александровичем.

И все-таки Императорская фамилия была сказочно богата — в особенности, если мы вспомним о замороженных авуарах семьи. Помимо семи дворцов, наполненных сокровищами искусства, они владели драгоценностями, приобретенными за триста лет существования дома Романовых. Их стоимость, по самым скромным подсчетам, составляла сотни миллионов золотых рублей. В их числе был знаменитый бриллиант Орлова в сто девяносто четыре с половиной карата весом, приобретенный графом Алексеем Орловым в Амстердаме в 1776 году и поднесенный им Екатерине II; бриллиант Шаха в восемьдесят два карата; «Горная Луна» — нешлифованный бриллиант весом сто двадцать карат и «Полярная Звезда» — превосходный бледно-красный рубин сорока карат весом. Романовым принадлежала Большая Императорская корона, изготовленная Позье, придворным ювелиром Императрицы Екатерины II. Она имела форму митры, увенчанной крестом из пяти огромных бриллиантов, соединенных вместе гигантским негранным рубином. Пояс, окружавший корону, состоял из тридцати девяти алмазов и тридцати восьми розовых жемчужин. Императорская диадема, сделанная в царствование Императора Александра I, состояла из пятисот алмазов, свыше ста розовых жемчужин и тринадцати огромных старинных жемчужин, которые были извлечены из кольца XV века, которое носила одна царица Московская. Кроме того, в их шкатулке хранились ожерелья и подвески из розовых бриллиантов, сапфиров, изумрудов и рубинов и известное количество драгоценностей, хранившихся особо и предназначавшихся в качестве семейных свадебных подарков.

— Все эти сокровища представляли собой баснословный капитал, к которому ни в коем случае нельзя было прикасаться. Сомневаюсь, чтобы мог отыскаться покупатель хоть одного из этих сокровищ, — заявила Великая Княгиня, и я взглянул на узенький золотой браслет с вкрапленным в него крохотным рубином и еще более крохотным сапфиром. Одним из источников доходов Им-

ператорской фамилии были удельные земли — Императорские имения, разбросанные по просторам империи. Сотни тысяч десятин земли были приобретены прозорливой Екатериной II в качестве меры, обеспечивающей благосостояние Императорской Семьи. В удельные земли входили имения, фруктовые сады, охоты, обширные леса, рыбные промыслы и виноградники. Самые доходные удельные земли находились на юге, в частности в Крыму. Их подлинная стоимость достигала астрономической суммы. Однако из-за неэффективного управления ими и хищений их доходность составляла немногим больше четырех миллионов в год. Цивильный лист Царя и всего дома Романовых составлял сумму в двадцать два миллиона золотых рублей (в начале 1960-х годов это составляло около девяти миллионов двухсот сорока тысяч фунтов стерлингов). Сумма кажется огромной, но лишь на первый взгляд. Финансовый год начинался 1 января. Однако очень часто Ники испытывал материальные затруднения задолго до конца сметного периода, — отмечала Великая Княгиня.

На плечи Государя ложилась забота о содержании двух дворцов в Царском Селе, двух в Петергофе, одного в Москве и одного в Крыму. Следовало платить жалованье тысячам дворцовых служащих и слуг. Все они получали подарки на Рождество и в день тезоименитства Государя Императора. Большие суммы уходили на содержание Императорских яхт и поездов, а также на транспортные расходы. Из средств Министерства двора и уделов расходовались деньги на содержание трех театров в Санкт-Петербурге и двух — в Москве, а также Императорского балетного училища. Императорская Академия художеств и Императорская Академия наук также требовали денег, хотя официально они содержались за счет Государственного Казначейства. На личные средства Государя содержались практически все сиротские приюты, заведения для слепых, дома для престарелых (богадельни), а также многие больницы. Государь должен был заботиться и о содержании Императорской фамилии. Каждый Великий Князь ежегодно получал около восьмисот тысяч золотых рублей. Каждой Великой Княжне при замужестве полагалось приданое в три миллиона золотых рублей¹.

¹ В своей «Книге воспоминаний» (с. 132) В. К. Александр Михайлович отмечает, что Великие Князья получали по двести тысяч в год, а приданое Великих Княжен составляло миллион рублей. (Прим. переводчика.)

— К тому времени, когда Ники взошел на престол, нас стало очень много. Лишь у одного Сандро, мужа Ксении, было пять братьев; у моего дяди Константина было пять сыновей и две дочери, — сообщила мне Великая Княгиня.

Кроме того, в Собственную Его Величества канцелярию приходило множество прошений об оказании финансовой помощи. Так, вдова полицейского просила дать образование ее детям, способному студенту необходимы были деньги на окончание курса, и он обращался с прошением на Высочайшее имя; крестьянину нужна была корова, рыбаку — новая лодка, вдова чиновника просила выдать ей деньги на покупку очков. Чиновникам Собственной Его Величества канцелярии было строго-настрого запрещено оставлять без внимания хотя бы одно прошение. После проверки справедливости требований прошения удовлетворялись.

— По сравнению с некоторыми американскими магнатами брат мой был бедняком, — свидетельствовала Ольга Александровна.

Однако Великая Княгиня отметила, что трудности, с которыми сталкивалась Императорская фамилия, постоянно усугублялись невероятной некомпетентностью чиновников. Император хотел приобрести гору Ай-Петри, находившуюся рядом с его имением Ливадия. Ай-Петри вместе с соседней землей принадлежала одному знатному семейству. В конце концов стороны договорились о цене — которая была огромной, — и владения перешли к новому хозяину. Но когда Император решил построить на Ай-Петри небольшой особняк, то выяснилось, что сделать это он не вправе: уплаченная им сумма не подразумевала такого использования земли.

— Помню, как рассердился Ники, — рассказывала Великая Княгиня, — но в скандальной этой истории было замешано столько влиятельных людей, что он решил махнуть на нее рукой.

Моя собеседница привела мне еще один пример вопиющей безответственности. Перед началом 1914 года общая годовая рента пятерых детей Императора Николая II составила сто миллионов рублей. Вопреки желанию Императора, министр финансов вместе с двумя ведущими банкирами вложил все эти средства в немецкие ценные бумаги. Император выступил против этой операции, но его стали заверять, что средства помещены надежно и крайне выгодно. Разумеется, после первой мировой войны все эти суммы испарились.

— Кроме того, было много попрошаек, — с презрением говорила Великая Княгиня. — Я не имею в виду бедняков из чис-

ла простого народа. Речь идет о знатных попрошайках, в частности об офицерах гвардейских полков, которые жили не по средствам и рассчитывали на то, что мы оплатим их долги.

Однажды во дворец к Великой Княгине пожаловал офицер лейб-казацкого полка, которого она знала с детства, и попросил у нее что-то около трехсот пятидесяти тысяч золотых рублей.

— Я спросила, зачем ему такая сумма. Он был в отчаянии. Сказал, что это долг чести. Я дала ему деньги. Спустя несколько дней мне стало известно, что на эти средства он приобрел конюшню скаковых лошадей. С тех пор я с ним не разговаривала.

Затем Ольга Александровна вспомнила о красавце князе Дадииани, также офицере одного из гвардейских конных полков, оказавшемся в действительно сложных условиях. Чтобы выпутаться из подобной ситуации, этот господин похитил несколько ценных картин из частной коллекции и принес их во дворец Великой Княгини, умоляя ее обратиться к Императору с просьбой приобрести картины для Эрмитажа. Князь заявил, что все это семейные ценности и что ему больно расставаться с подобными шедеврами, но иного выхода у него нет. Картины пришлись по вкусу Великой Княгине. Она сумела убедить Государя согласиться на их покупку, но полиция, извещенная убитым горем владельцем галереи, уведомила Царя о происхождении «семейных реликвий Дадииани».

— Хочу отметить, что этого офицера немедленно выгнали из полка. И все равно скандал был ужасный. Рядовые вели себя гораздо порядочнее. Они никогда не попрошайничали. За все эти годы лишь один матрос, который возвращался к себе домой куда-то на побережье Каспийского моря, попросил меня помочь ему купить рыбацкую сеть. Я ссудила ему деньги, которые он вернул мне до копейки. В ту пору рядовые назывались «нижними чинами». Для меня они были благородными людьми, потому что обладали высокими душами. Они были достойны дружбы. Никто из них не смотрел на Великую Княгиню как на владелицу кошелька, в который можно запустить лапу.

Выйди она замуж удачно и по любви, Великая Княгиня была бы свободна от такого рода финансовых проблем. Но она оказалась одна, и рядом с нею не было мужчины, который смог бы дать ей совет или как-то помочь. Она была слишком совестлива, чтобы досаждать Государю своими домашними заботами. Великий Князь Михаил Александрович, целиком освоившийся с ролью гвардейского офицера, лишь посмеялся бы над трудностями младшей се-

стры. Единственный совет, который она получила бы от своего «мужа», если бы обратилась за ним, состоял бы в том, чтобы попытать счастья за карточным столом. В результате денежные вопросы лишь усиливали ее одиночество и делали Ольгу еще более несчастной.

Живя в Петербурге, Великая Княгиня чувствовала себя неприкаянной, хотя жила жизнью света. Бывала во многих домах, встречалась с разными людьми. Подчас ее природная жизнерадостность помогала ей преодолеть скуку официальных встреч. Однако из ее слов я понял, что ни одно из сотен новых знакомств не переросло в настоящую привязанность.

Неподалеку от особняка Великой Княгини находился великолепный дворец княгини Юрьевской, вдовы ее деда, Александра II, являвшейся его морганатической женой. Княжна Екатерина Долгорукая сначала была любовницей Императора, а в 1880 году вступила с ним в морганатический брак. Эта старая женщина жила на широкую ногу и считала себя Вдовствующей Императрицей, хотя Александр II был убит прежде, чем успел объявить княгиню Юрьевскую Императрицей. Ольга очень привязалась к этой старой даме.

— Она, видно, очень любила моего деда, — рассказывала Ольга Александровна. — Всякий раз как я приходила к ней, мне казалось, будто я открываю страницу истории. Жила она исключительно прошлым. В тот день, когда моего деда убили, время для нее остановилось. Она только о нем и говорила. Сохранила все его мундиры, всю его одежду, даже домашний халат. И поместила их в стеклянную витрину в домашней часовне.

Вместе со своей родительницей Великой Княгине приходилось часто бывать во дворце Юсуповых на набережной Мойки. Княгиня Зинаида Юсупова была близкой подругой Вдовствующей Императрицы. Ходили слухи, что состояние Юсуповых намного превышает состояние Императорской фамилии.

— Вполне допускаю, что так оно и было, — сухо проговорила Ольга Александровна. — До сих пор помню, что на столах в их гостиных стояло множество хрустальных ваз, наполненных нешлифованными сапфирами, изумрудами и опалами, которые использовались как украшения. По-моему, сказочное это богатство ничуть не испортило княгиню Юсупову. Она была добра, щедра и могла быть верным другом. К сожалению, матерью она оказалась никудышной — слишком уж она избаловала своих детей.

Не так далеко от дома Великой Княгини в огромном особняке на набережной реки Фонтанки жили граф и графиня Орловы-Давыдовы. Графиня имела репутацию одной из самых хорошо одетых женщин в мире. Оба супруга пользовались известностью в свете, хотя граф походил на породистого пса и поэтому получил прозвище *l'homme chien*. Среди друзей Великой Княгини были две сестры Нечаевы-Мальцевы и их брат, отличавшиеся щедростью и гостеприимством.

Все трое были холосты, крайне эксцентричны и очень богаты, и хотя многие смеялись над ними у них за спиной, однако первыми являлись на их знаменитые приемы именно эти насмешники. Одна из сестер Мальцевых была низенькая и толстая, вторая высокая и худая, но обе были наивными старыми девами со своими причудами. Однажды во время приема какой-то офицер положил к ним на кровать свою фуражку. «Что мы станем делать, если забеременеет от него!» — в ужасе воскликнули сестры.

Самой знаменитой хозяйкой салона того времени была графиня Клейнмихель, о балах-маскарадах которой говорил весь петербургский свет. Богатая, эксцентричная, чуть-чуть прихрамывавшая, графиня редко покидала свой особняк, и каждый, кто занимал хоть какое-то положение в обществе, считал честью быть приглашенным к ней в дом.

— Это была «гранд-дама» до кончиков ногтей, — свидетельствовала Великая Княгиня, — и в то же время необычайно проницательная и умная женщина. Каким-то образом ей удавалось выведать сокровенные тайны почти всего петербургского общества. Ее особняк прослыл рассадником сплетен. Ко всему, она увлекалась оккультными науками. Я слышала, что однажды вызываемые ею духи до того расшалились, что один из них сорвал с ее головы парик и открыл тайну ее плешивости. Думаю, что после этого случая она прекратила занятия подобного рода¹.

¹ Впоследствии Великая Княгиня рассказала мне историю бегства графини во время революции. Графиня закрыла ставнями окна, заперла все двери и перед входом повесила написанное крупными буквами объявление: «Вход строго воспрещен. Этот дом принадлежит Петросовету. Графиня Клейнмихель арестована и помещена в Петропавловскую крепость». Фокус удался из-за всеобщего беспорядка и сумятицы. Графиня успела упаковать некоторые из своих ценностей и сделать приготовления для своего бегства из России. Лишь после ее бегства местный совдеп узнал, что его одурачили.

Хотя петербургский сезон увеселений был непродолжителен, он, похоже, являлся источником мучений для Великой Княгини. Начиная с праздника Нового года и до Прощеного Воскресенья петербургское высшее общество танцевало, раскатывало на богато украшенных тройках, слушало концерты, посещало оперу и балет, ело, пило, снова танцевало, причем каждая хозяйка дома старалась перещеголять остальных в изобретательности и оригинальности развлечений, которые предлагались гостям. Устраивались «белые балы» для молодых девушек, впервые выходящих в свет, а также «розовые балы» для молодоженов. Большим спросом пользовались оркестры наподобие оркестра Колombo и цыганский оркестр Гулеску. Ни один сезон не обходился без грандиозного бала, который устраивала у себя Великая Княгиня Мария Павловна, и не менее знаменитого бала-маскарада у графини Клейнмихель. К концу Прощеного Воскресенья даже наименее набожные хозяйки салонов Петербурга, должно быть, облегченно вздыхали, радуясь от души окончанию всех увеселений. А уж с Чистого Понедельника, следующего за Прощеным Воскресеньем, и до самой Пасхи ни о каких развлечениях не могло быть и речи.

Сезон начинался утром Нового года церемонией выхода Государя и Государыни. Из дворцовой церкви они направлялись в Николаевский зал, где им представлялись две или три сотни гостей. Господа трижды кланялись, дамы приседали в реверансе и целовали руку Императрицы («безмен»). Примерно за полчаса до выхода все Романовы собирались в одной из гостиных Зимнего дворца и занимали свои места в торжественном шествии в Николаевский зал. В это утро хозяевами положения становились церемониймейстеры и гофмаршалы; нельзя было сделать ни малейшего движения без соблюдения правил самого строгого в Европе протокола.

— Входили мы соответственно возрасту, а не очередности положения, — свидетельствовала Ольга Александровна. — Я обычно шла под руку с одним из моих кузенов: с Великим Князем Борисом или же с Великим Князем Андреем (младшими сыновьями Великого Князя Владимира Александровича). Ники, разумеется, находился во главе процессии; о его руку опиралась Мамá, Алики же, сопровождаемая Михаилом, выступала следом.

Заметим, что особенно ревниво к своему положению на иерархической лестнице относились две Великие Княгини — это се-

стры-черногорки Анастасия и Милица Николаевны¹, жены двух старших Великих Князей — Петра Николаевича и Николая Николаевича (младшего). Они всегда стремились встать сразу за двумя Императорскими парами. Сестры получили прозвища Сцилла и Харибда. Никто не смел сделать и шага, пока черногорские принцессы не займут принадлежащего им, по их мнению, места.

— Хорошо помню, как моя кузина Минни (принцесса Греческая Мария) громко проговорила: «Теперь можно трогаться: Сцилла и Харибда успели занять свои места». После того как все вставали как полагается, двери Николаевского зала открывались, обер-церемониймейстер трижды ударял о пол жезлом из слоновой кости и объявлял о выходе Их Императорских Величеств. Трогались с места и мы — попарно, словно вереница ухоженных, вышколенных пуделей, которые чинно вышагивают на глазах толпы зевак где-нибудь на ярмарке.

Во время зимнего сезона в Зимнем дворце давали два или три бала.

— До чего же не любила я этот дворец! — призналась Ольга Александровна. — Из всей нашей семьи только Мамá обожала его, но почему, я так и не сумела понять.

Вычурное здание дворца тянулось на большое расстояние вдоль набережной. А внутри его выстроились анфилады залов, длиной и высотой способных соперничать с иным собором: Николаевский зал, Георгиевский зал, Белый зал, Малахитовый зал, Тронный зал — с окнами в два яруса. Помимо огромных и гулких этих залов во дворце было множество отдельных апартаментов, помещений для придворного штата и прислуги. Много места занимали лестничные площадки и коридоры, не ведущие никуда. Дворец полностью соответствовал своему названию: он так и не смог подарить своим обитателям тепла домашнего очага. Перед каждым балом его украшали тысячами пальм, экзотических растений, доставленных из Крыма, охапками роз, тюльпанов, сирени из оранжерей Царского Села. Однако никакими стараниями нельзя было вдохнуть жизнь в стылые просторные помещения этого огромного здания.

Всякого поражало буйство цветов. У каждого входа и вдоль лестницы стояли великаны конногвардейцы и кавалергарды в белых мундирах, шитых золотом и серебром, а также казаки Собст-

¹ Урожденные княжны Черногорские, дочери князя Николы I Негоша.

венного Его Величества конвоя в алых и синих черкесках. Слуги-негры в красном с головы до ног. На дворцовых скороходах — шляпы, украшенные перьями. Ливреи дворцовых лакеев расшиты галунами, из-за чего невозможно определить цвета ткани. Балы начинались после выхода Императорской четы.

— Ах, какие там были цвета! — воскликнула Великая Княгиня. — Алые, белые, голубые мундиры гвардейских офицеров, оливковые платья статс-дам, рубинового цвета бархатные платья фрейлин, а на всех нас — серебряная и золотая парча... Рубины, жемчуг, бриллианты и алмазы... И все-таки до чего же я не любила все эти балы в Зимнем дворце, на которых нам надо было непременно присутствовать. Одна лишь Мама их обожала, потому что знала: к ней прикованы глаза всех присутствующих. И выглядела она великолепно.

Каждый бал в Зимнем дворце неизменно начинался полонезом. В первой паре выступал Государь.

— Ники любил танцевать и был превосходным танцором, но, к сожалению, Алики терпеть не могла такого рода увеселений. Она и Ники оставались на ужин, который довольно рано подавали в Малахитовый зал, а затем покидали его. Что касается меня, то я готова была сбежать из дворца после первого же полонеза, но, разумеется, сделать этого не могла.

В подобных случаях оказывался полезным муж Ольги Александровны. Приезжал он не слишком поздно и увозил ее домой. Проведя супругу через дворцовую кордегардию, принц выходил с женой через боковой подъезд. Накинув на плечи поверх парчового платья меховое манто, Великая Княгиня пробегала на цыпочках по помещению, слыша храп солдат.

— Мне так хотелось спать. До чего же я завидовала служивым!

Последним ярким штрихом в живописной истории Зимнего дворца стал знаменитый исторический бал в январе 1903 года. Год спустя началась война с Японией, за которой последовали годы смуты. Окна Зимнего дворца закрыли ставнями. В залы его больше не привозили огромное количество цветов. Под искусно расписанными сводами не звучала танцевальная музыка. Но тот январский вечер 1903 года навсегда врезался в память Великой Княгини.

Ольга Александровна рассказывала:

— Все мы пришли на бал в одеждах семнадцатого века. На Ники было облачение Алексея Михайловича, второго Царя из ди-

настии Романовых. Оно было малинового цвета, расшито золотом и серебром. Некоторые предметы убранства были специально доставлены из Кремля. Алики выглядела просто умопомрачительно. Она была в одежде царицы Марии Милославской, первой супруги Царя Алексея Михайловича. На ней был сарафан из золотой парчи, украшенный изумрудами и серебряным шитьем, а серыги оказались такими тяжелыми, что Алики с трудом могла держать голову прямо.

Тот бал-маскарад оказался прекрасной лебединой песней. Гости Императора, которые танцевали в тот вечер старинные русские танцы, еще не знали, что, после того как прозвучали последние аккорды оркестра, опустился невидимый занавес. Больше в Зимнем дворце балов-маскарадов не устраивалось. Неприятный инцидент, происшедший во время бала в 1903 году, можно было рассматривать как своего рода зловещий знак.

Великий Князь Михаил Александрович попросил у своей родительницы одолжить ему большую алмазную застежку, которую он хотел прикрепить в качестве украшения к своей меховой шапке. Застежка была баснословно дорогой; некогда она принадлежала Императору Павлу I, и Вдовствующая Императрица надевала ее очень редко. Можно себе представить, с какой неохотой она выполнила просьбу сына.

— И надо же было Михаилу ее потерять! Должно быть, украшение упало у него с шапки во время танцев. Оба они — Мамá и Михаил — были вне себя от отчаяния: ведь застежка принадлежала к числу сокровищ короны. В тот же вечер были внимательно осмотрены все залы дворца. Утром пришли сыщики и общарили дворец с чердака до подвала. Но бриллиантовую застежку так и не нашли. Нужно сказать, — заметила Великая Княгиня, — что на этих балах теряли множество драгоценных украшений, но я ни разу не слышала, чтобы хоть одно из них удалось отыскать!

Ольга Александровна радовалась, пожалуй, как никто другой, когда дикому вихрю увеселений наступал конец. Ей претили шум, слепящие огни, толпы людей, чересчур сытная еда, никогда не покидавшее ее ощущение, будто ее выставляют напоказ — раздетую и украшенную драгоценностями игрушку. С началом Великого поста театры и другие увеселительные заведения закрывались, и Вдовствующая Императрица уезжала в Гатчину. Ее младшая дочь оставалась в Петербурге, где почти никого не принимала у себя, ела простую пищу строго по распорядку дня вместе с миссис

Франклин, часами занималась у себя в студии, играя на скрипке или же рисуя.

Каждое утро Ольга отправлялась на прогулку по улицам и набережным Петербурга. Такой привычки не было ни у одной из представительниц дома Романовых. До сих пор ни одна Великая Княгиня не разгуливала по улицам одна. Правда, чтобы не нарушать традиций окончательно, Ольга делала уступку: сзади нее, на некотором расстоянии, шла фрейлина, а еще дальше, с черепашной скоростью, следовал шофер на автомобиле. Однако Великая Княгиня шагала далеко впереди, сопровождаемая борзой, пуделем и крупной лайкой. Этой привычке не могла помешать никакая погода. Она шла гулять, когда мела пурга и когда валил мокрый снег. Не отказывалась она от своего моциона даже тогда, когда ветер, дувший с залива, трепал ее одежду и срывал с головы шляпку.

Во время таких прогулок Великая Княгиня целиком погружалась в собственные мысли. Этот величественный и гордый город, возникший по воле одного из ее предков, разговаривал на понятном ей языке. Его купола и шпили, мрамор и гранит, река, сочетание ветра, воды и облаков сливались для нее в неистребимый символ силы, мужества и надежды на будущее. Мечта Петра Великого создать этот новый город наложила печать на русский народ. Забывать об этом не следует.

Мечта Императора никогда не была бы воплощена в жизнь, если бы не его безжалостная целеустремленность. Более ста пятидесяти тысяч человек погибли среди болот и топей, строя град Святого Петра.

— Но если когда-либо цель оправдывала средства, то именно это и произошло на сей раз, — заявила Великая Княгиня. Она доказывала свою точку зрения весьма убедительным образом, предлагая мне самому судить, что произошло бы с Россией и Европой, если бы не был построен Петербург.

— Если бы Царь Петр сохранил столицей Москву, то Россия, вероятно, пропиталась бы азиатской культурой и к настоящему времени стала бы неотъемлемой частью Азии. Воздвигнув же новую свою столицу на северной границе с Европой, Россия была вынуждена присоединиться к культурной семье западных государств. Таким образом, Европа не оказалась лицом к лицу с Азией, ломящейся в ее двери. С другой стороны, если бы Петр перенес свою столицу куда-то на юг, например, в Крым, тогда славяне

и греки объединили бы свои силы и выступили против Турции, восстановив Византийскую империю с центром в Константинополе. Вполне возможно, что в условиях теплого, размягчающего человеческую натуру климата славяне изнежились бы, утратили лидерство. Тогда северные славяне попали бы под власть немцев, а юг страны оказался под турецким игом.

Нередко, доходя до огромной Сенатской площади, Великая Княгиня останавливалась и разглядывала бронзовую конную статую Петра Великого.

— Мне часто казалось, что он смотрит на меня, своего потомка. Мне по душе была история его жизни. По душе был его город. Думаю, он, этот город, вдыхал в меня силы. В нем было столько мужества и упорства. В доме на Сергиевской никому до меня не было никакого дела. Эти утренние прогулки отвлекали меня от грустных мыслей.

Кроме Нана, у Ольги не было никого. С братом Михаилом она теперь виделась не так часто, как прежде: он был занят военной службой и сердечными делами. С сестрой Ксенией она никогда не была по-настоящему близка. А перекладывать свои проблемы на плечи Императора, и без того обремененного множеством забот, Ольге не позволяла совесть. Алики же постоянно недомогала.

Внешне покладистая, Великая Княгиня в душе была бунтаркой. Мнимый ее брак не ожесточил ее, а лишь усилил стремление к настоящему чувству. Здоровая, нормальная женщина, она мечтала стать супругой и матерью. Вместо этого она лишь носила имя человека, который добросовестно сопровождал ее на всех приемах и вечерах, изредка проводил полчаса в одной из ее гостиных. Разговоры его, по существу, сводились к недавним выигрышам или проигрышам; он был чрезвычайно озабочен своим здоровьем и с откровенной неприязнью смотрел на многочисленных питомцев «жены».

Апрельским днем 1903 года Великая Княгиня отправилась на военный смотр из Гатчины в Павловск. Она беседовала с офицерами, как вдруг заметила высокого пригожего мужчину в мундире Лейб-Гвардии Кирасирского полка. Она никогда еще не встречала его прежде. И ничего о нем не знала. Их взгляды встретились.

— Это была судьба. И еще — потрясение. Видно, именно в тот день я поняла, что любовь с первого взгляда все-таки существует.

Великая Княгиня с трудом дождалась окончания смотра. Она заметила, что высокий офицер разговаривает с ее братом Михаилом.

— Оказалось, что они сослуживцы. Я узнала, что мужчину зовут Николай Куликовский. Что он из известной военной семьи, хотя для меня такие подробности не имели никакого значения. Я просто сказала Михаилу, что хочу познакомиться с этим человеком. Михаил понял меня. На следующий же день он устроил обед. Как все это происходило, я уже и не помню. Мне было двадцать два года, впервые в жизни я полюбила и знала, что любовь мою приняли и ответили взаимностью.

Тому, что затем произошло, невозможно было бы поверить, если бы не откровенный рассказ самой Великой Княгини.

Ольга ни с кем не стала советоваться, да и не нуждалась ни в чьем совете. Она отправилась прямо в Петербург, отыскивала в библиотеке мужа, сообщила ему, что встретила человека, который ей дорог и потребовала немедленного развода.

Принц Петр Александрович ничуть не удивился, словно Великая Княгиня уведомила его о том, что не желает сопровождать его на какой-нибудь прием или в театр. Эмоциональное состояние жены несколько принца не интересовало. Он выслушал Ольгу и затем ответил, что его крайне заботит его собственная репутация и честь семьи. Немедленный развод исключается, но он, возможно, вернется к этому вопросу лет через семь.

Уж не намекнула ли Великая Княгиня о том, что намерена сбежать со своим избранником? Последствия такого события произвели бы на общество гораздо более невыгодное для него впечатление, чем любой развод. По этому поводу сказать ничего не могу. Великая Княгиня мне об этом не говорила, но дальнейшее развитие событий показало, что такой намек был сделан.

Принц Петр Ольденбургский назначил молодого офицера своим адъютантом и велел ему поселиться у них в доме на Сергиевской!

Этот «ménage à trois»¹ в доме Ольденбургских, оставаясь тайной для всех, даже для графини Клейнмихель, продолжал существовать до 1914 года, когда Великая Княгиня в качестве сестры милосердия отправилась на фронт, а Куликовский последовал за своим полком. Обещание принца Петра Александровича «вернуться к этому вопросу через семь лет» так и не было им выполнено, но

¹ Любовный треугольник (фр.).

в 1916 году брак их был аннулирован, и Великая Княгиня стала женой Куликовского. После смерти Ольги Александровны я поинтересовался у вице-адмирала Джеймса, который однажды гостил у Великой Княгини в Ольгине, догадывался ли он о подлинные отношения между Ольгой Александровной и Николаем Куликовским. Он признался, что ему и в голову не могло прийти, что Великая Княгиня влюблена в этого человека. Со стороны их отношения казались корректными и официальными.

— Я очень удивился, спустя несколько лет узнав об их браке, — сказал вице-адмирал.

Все эти долгие годы рослый адъютант, безупречно выполнявший свои служебные обязанности, оставался для Великой Княгини единственной опорой.

Ольга была одновременно счастлива и несчастна. Узнать наконец, что ты желанна и любима, было исполнением мечты, на осуществление которой она иногда не смела даже надеяться. Однако честность натуры и отвращение ко всяческим компромиссам заставляли ее противиться тому отвратительному положению, в котором она оказалась. Возможно, этот абсурдный «любовный треугольник» и соответствовал своеобразному представлению принца о чувстве чести. Но Великую Княгиню ситуация угнетала и внушала ей чувство стыда. Однако молодая женщина была бы еще более несчастной, если бы Куликовский не жил с нею под одной крышей. Во всяком случае, никто не вправе был обвинять ее в двоедушии: ведь именно муж, а не она сама пригласила молодого офицера к ним в дом. Что же касается самого Куликовского, то совершенно ясно, что Великая Княгиня убедила его согласиться на предложенную принцем должность адъютанта.

Более чем сомнительно, что они были любовниками ранее 1916 года. Главным препятствием были религиозные убеждения Великой Княгини. Православная церковь, к которой она принадлежала, была неотъемлемой частью ее взглядов на жизнь и духовного наследия предков Ольги. Она не была ни мистиком, ни религиозной фанатичкой. Но брак ее был заключен в соответствии с законами православной религии, и Ольге Александровне не оставалось ничего другого, как ждать его расторжения той же Православной церковью.

Возможно и другое объяснение. Ольга хотела иметь детей. Если бы у нее тогда родился ребенок от Куликовского, то официальным отцом считался бы принц Петр Александрович. Прежде всего, это-

му бы никто не поверил. Во-вторых, Великая Княгиня отличалась по крайней мере от двух своих прародительниц — Елизаветы Петровны и Екатерины II. Неприятие ее мятежной натурой мертвящих условностей тем не менее не заставило бы молодую женщину подавить в себе чувство порядочности. Вопреки своеобразным привычкам, Ольга была не настолько эксцентричной, какой ее считали некоторые родственники. Двойная жизнь, если бы Ольга стала жить ею, погасила бы единственный светоч, которым она руководствовалась.

Она ждала, а молодые годы уходили. Ожидание становилось все труднее и горше. Порою, должно быть, пребывание в доме на Сергиевской превращалось в нестерпимую муку.

Именно тогда она нашла поддержку в Царском Селе. Знал ли Император о ее тайне, нам неизвестно. Вполне возможно, что знал. Но факт остается фактом: с 1904 по 1906 год Ольга виделась с Государственным братом и Императрицей почти каждый день. Поскольку принц Петр получил под свое начало полк, расквартированный в Царском Селе, чета Ольденбургских переехала туда из Петербурга. К тому времени как Император, так и Государыня почти перестали бывать в свете. В Санкт-Петербурге образовалась партия, возглавляемая Великой Княгиней Марией Павловной, которая подвергала критике молодую Императрицу за все, что та делала или не делала, и постепенно Императорская Семья обособилась ото всех. Ольга стала одним из доверенных лиц Царской Семьи.

— Для меня было такой радостью находиться среди них. Их любовь друг к другу служила для меня источником вдохновения, и я любила своих четырех племянниц. Маленькая Анастасия, тогда еще совсем дитя, сразу стала моей любимицей. Девочкам с нянями не повезло так, как мне с моею Нана. Сперва в детских хозяйничала «Орчи», которую королева Виктория некогда направила в Дармштадт, чтобы нянчить Алики. Она последовала за Алики и в Россию. Она была чрезвычайно властолюбива и в конце концов покинула дворец. После этого там воцарился полный хаос. Няня моей племянницы Ольги любила приложиться к бутылке. Однажды ее застали в постели с казаком и тотчас уволили. Потом я помню мисс Игер, няню Марии, которая была помещана на политике и постоянно обсуждала дело Дрейфуса. Как-то раз, забыв о том, что Мария находится в ванне, она принялась спорить о нем с одной из своих знакомых. Мария, с которой ручьями лилась вода, выбралась из ванны и принялась бегать голышом по

коридору дворца. К счастью, в этот момент появилась я. Подняв девочку на руки, я отнесла ее к мисс Игер, которая все еще разглагольствовала о Дрейфусе.

Каждый день Великая Княгиня гуляла с племянницами в парке.

— Иногда к нам присоединялся Ники, но не Алики. Гулять ей не позволяло здоровье. Должна признаться, подчас мне было трудно призвать своих племянниц к порядку. Они были такие живые, полные энергии и вечно разбегались в разные стороны.

Именно в те дни, когда Великой Княгине приходилось тесно общаться со своим Августейшим братом и его Семьей, она хорошо изучила Царя, оценила его характер и получила известное представление о том, какое бремя ему приходилось нести на своих плечах. Ольга допускала, что он делал промахи, но утверждала, что достоинства его перевешивали его изъяны, хотя мне и не удалось бы доказать ей, что положительные, по ее мнению, черты характера Императора свойственны любому порядочному человеку. Потребности его были скромны, а семейная жизнь безупречна. Ел и пил он умеренно, единственной его слабостью было то, что он много курил — результат постоянного нервного напряжения. На свои личные нужды он тратил мало. Однако свойственные Государю спокойствие и сдержанность заставляли многих думать, что он холоден и высокомерен. К сожалению, такое впечатление, создавшееся у людей, изменить было невозможно. Великая Княгиня утверждала, что бесстрастность Императора была лишь маской, под которой он скрывал свои чувства. И это ее мнение нам следует отметить. Ее брат правил миллионами своих подданных, но никто из них не знал, что Царь принимает все так близко к сердцу и боится сорваться на людях. Великая Княгиня сама затронула суть проблемы, когда заявила:

— Возможно, только мы с Алики знали, как сильно он страдает и чувствует. Ему постоянно недоставало опытных и бескорыстных министров. Что же касается интеллигентов, то единственное, что у них было на языке, — это революция и покушения, за что они и поплатились.

Тут Ольга Александровна прочла мне отрывок из статьи В. Розанова «Революция и интеллигенция», написанной вскоре после захвата власти большевиками в октябре 1917 года:

«Насладившись в полной мере великолепным зрелищем революции, наша интеллигенция приготовилась надеть свои подби-

тые мехом шубы и возвратиться обратно в свои уютные хоромы, но шубы оказались украденными, а хоромы были сожжены».

Самая младшая из четверых племянниц Великой Княгини, Анастасия, родилась в июне 1901 года.

— Ожидали, что родится сын, — рассказывала Ольга Александровна, — однако появление на свет четвертой девочки насколько не уменьшило любви к ней ее близких. Ей не исполнилось и года, а она успела завоевать всеобщую привязанность своими забавными манерами, веселым характером и звонким смехом.

Она поистине была моей любимой крестницей! Я любила ее за бесстрашие. Она никогда не хныкала и не плакала, даже если ей было больно. Это была настоящая сорвиголова. Бог знает, кто из ее молодых кузенов научил девочку лазить по деревьям, но лазить она умела уже тогда, когда была совсем крохой. Мало кому известно, что у нее была слабая спинка и доктора рекомендовали ей массаж. Анастасия, или Швибзик, как я ее называла, не выносила всякую суету. Два раза в неделю во дворец приходила из госпиталя сестра милосердия Татьяна Громова, и моя маленькая племянница — эта шалунья — обычно пряталась в буфет или под кровать, чтобы хотя бы на пять минуток оттянуть противный массаж. Наверное, доктора были правы, когда говорили о дефекте спинной мышцы, но никто из тех, кто видел, как играет Анастасия, не поверил бы этому, столько в ней было жизни и энергии. А что это была за проказница!

Великая Княгиня одарила меня одной из своих редких улыбок, по-видимому, вспомнив собственное детство. Я понял, что у тетушки и ее племянницы действительно было много общего, хотя у племянницы не было такого брата, вместе с которым она могла бы бедокурить. Племянник Великой Княгини, Алексей, страдал болезнью, при которой противопоказано лазить по деревьям и крышам домов. Напротив, Ольга и Михаил были сорванцами. Все четыре дочери Государя очень бережно относились к своему маленькому братцу.

Анастасия уже в младенческом возрасте любила подразнить окружающих. Кто угодно мог стать ее мишенью, даже тетушка. Однажды крестница так разозлила Великую Княгиню, что та влепила ей оплеуху. Девочка не заплакала, но покраснела и выбежала из комнаты. Минуту спустя вернулась. Ее большие серые глаза улыбались, и она схватила крестную за руку.

— Анастасия прекрасно понимала, что получила затрещину за дело. Она никогда не дулась, — добавила Великая Княгиня.

Как это случилось со мной уже не раз, мне трудно было представить себе, что я нахожусь в Канаде, за много тысяч миль от царскосельского дворца и парка. В своем воображении я видел детские, обширный парк, и мысленно сопровождал четверых девочек, бегавших за своей юной тетушкой (в то время Ольге едва исполнилось двадцать четыре года), представлял себе, как вокруг них прыгают и резвятся их собаки. Волосы Великих Княжон растрепаны, а шляпка их тетушки, конечно же, сбилась набекрень.

Снова очутившись в Куксвилле, в своей крохотной гостиной, Ольга Александровна поднялась с софы, выдвинула ящик из комода и повернулась ко мне, держа в руках большую квадратную коробку.

— Мы с вами говорили об Анастасии, — проронила она. — Что это был за добрый ребенок. Я вам сейчас что-то покажу. Это несколько маленьких памяток, которые я получила от нее. — Сев на старую софу, Ольга открыла шкатулку, высланную внутри выцветшим, обветшавшим бархатом.

Вещи, хранившиеся в ней, были не Бог весть какими ценными: серебряный карандашик на тонкой серебряной цепочке, крохотный флакон из-под духов, брошь для шляпки, украшенная крупным аметистом, и другие пустяки. Эта всякая всячина, собранная вместе, с любовью хранилась многие годы, была переправлена через континент и океан. Для Ольги это были бесценные знаки любви и привязанности. Я понял, что Великая Княгиня оказала мне честь, показав дорогие ей предметы. С минуту я не смел поднять глаз. Она перебирала в руках один предмет за другим; затем закрыла шкатулку крышкой и убрала ее в комод. Неожиданно крохотная комнатка наполнилась ароматом духов.

— Она и в самом деле была «Швибзиком», — продолжала Великая Княгиня. — Когда Анастасия подросла, у нее развилась способность к подражанию. Дамам, которые приходили навесить мою невестку, было невдомек, что где-то в глубине комнаты младшая дочь Императрицы следит за каждым их движением, за каждой особенностью их поведения. Что они вновь возникнут перед нами словно наяву, едва мы останемся одни, без свидетелей. Этот талант Анастасии родители не очень-то поощряли. Представьте себе, до чего было смешно, когда толстая графиня Куту-

зова, одна из фрейлин Мама, пожаловалась, что у нее был сердечный приступ при пiske мыши. Конечно, это была выходка Анастасии. Ну до чего же охоча она была до всяких проделок!

Тут лицо Ольги Александровны омрачилось.

— Странное дело — ребенок был полон жизненной энергии, но у меня всегда было предчувствие, что она не жилец на белом свете. Дело в том, что она по крайней мере дважды оказывалась на краю могилы.

Первый раз это произошло, когда Императрица взяла девочку с собой на прогулку по парку в Царском Селе. Без всякой видимой причины лошади вдруг понесли. Совершенно случайно навстречу коляске Государыни ехал граф Илья Воронцов. Спрыгнув с коня, он повис на поводьях и на скаку остановил лошадей Императрицы возле самого озера. Если бы не храбрость и находчивость графа, коляска очутилась бы в воде.

Второй инцидент, свидетельницей которого оказалась Великая Княгиня, произошел в Ливадии летом 1906 года. Император и четверо его дочерей купались недалеко от берега. Неожиданно их накрыло огромной приливной волной. Царь, Ольга, Татьяна и Мария всплыли на поверхность и увидели, что Анастасии нигде нет.

— Маленький Алексей и я наблюдали за происходящим с берега. Ребенок, разумеется, не сознавал опасности и при виде приливной волны хлопал в ладоши. Тогда Ники снова нырнул в воду, схватил Анастасию за длинные волосы и поплыл вместе с ней к берегу. Я вся похолодела от ужаса.

В конце 1906 года принца Петра перевели из Царского Села в другой гарнизон, и Великая Княгиня вернулась в свой особняк в Петербурге. Однако она продолжала часто бывать в Царском. К тому же к ее услугам был телефон. С каждым годом интерес Ольги Александровны к своим племянницам, забота о них росли. По субботам она покидала столицу и проводила весь день с семьей брата. «Тетя Ольга» была своим человеком в Александровском дворце. Дети относились к ней как к подруге по играм. Их подкупала безыскусственность ее манер. Вследствие обстоятельств, над которыми она не имела власти, Императорская Семья вела весьма уединенный образ жизни. Мало событий вносили разнообразие в быт детей, но Великой Княгине никогда не наскучивало выслушивать их рассказы.

— Все они особым умом не блистали¹. Я и сейчас думаю, что моя маленькая Анастасия была самая одаренная из них. Однажды мы с братом и Алики сидели в кабинете Ники. Мы принялись вспоминать разные забавные случаи, которые происходили с нами в прежние годы, и все трое громко хохотали. Тут мы заметили, что открылась дверь. На пороге стояла Анастасия. Сделав гримаску, она проговорила голосом, в котором звучало превосходство: «Действительно, как забавно. Только ничего смешного я не вижу». Прежде чем Алики успела отчитать дочку, та убежала.

Больше всего Великую Княгиню заботили два обстоятельства. Первое из них касалось искусства верховой езды.

— Пожалуй, тут я была бессильна что-то изменить. Девочки любили лошадей, не боялись их, но ездить верхом не желали. Они уверенно сидели в седле, трусихами не были, но я весьма скоро убедилась, что они садятся на лошадей только потому, что мне этого хочется. Никакого удовольствия от езды верхом они не испытывали. К ней пристрастилась лишь одна Анастасия. Не думаю, чтобы ее напугал тот инцидент в Царском Селе. Если бы девочка осталась в живых, то из нее получилась бы великолепная наездница.

Со вторым обстоятельством было сложнее. Оно заключалось в изолированности детей. После 1904 года их родители в Петербурге больше не жили. По мере того как Императорские дочери взрослели, они одна за другой появлялись за обеденным столом родителей.

— Мне хотелось как-то развлечь девочек, — призналась Великая Княгиня. — Я поговорила по этому поводу с Ники и Алики. Они знали, что могут доверить мне своих детей.

Начиная с 1906 года, каждое воскресенье всю зиму дети проводили в обществе «тети Ольги», которая приезжала вечером в субботу в Царское и там ночевала. А утром четыре взволнованные племянницы и их не менее взволнованная тетушка садились на поезд и ехали в Петербург. Первым делом они отправлялись в Аничков дворец и завтракали вместе со своей бабушкой, Импе-

¹ Другие авторы были иного мнения о Великих Княжнах, чем их родная тетка. Известно, что Государь часто советовался со старшей дочерью по важным вопросам и, как известно, намеревался внести изменения в закон о престолонаследии ввиду болезни Цесаревича, с тем, чтобы престол могла унаследовать старшая дочь. Ко всему, Царевны, в особенности Мария Николаевна, были богаты умом сердца — добротой и открытостью натуры, о чем пишет А. А. Тансеева. (Прим. переводчика.)

ратрицей Матерью. Часа два Великие Княжны, и даже непоседа Анастасия, выглядели и вели себя соответственно их положению. Они становились такими чопорными, что тетушка с трудом узнавала в них своих племянниц.

— Эти завтраки раздражали своей церемонностью. К счастью, через какие-то два часа визит заканчивался, и мы с облегчением покидали Аничков!

Самое интересное для юных Великих Княжон начиналось после того, как они оказывались в доме у тетушки. После чая устраивались игры и танцы с «приличными» молодыми людьми столь же юного возраста, которых приглашала Великая Княгиня, чтобы разделить веселье со своими племянницами.

— Спиртных напитков или вин, разумеется, никогда не подавали — даже для взрослых участников праздника. В те дни веселились, не прибегая к помощи водки или коктейлей. Помню, как радовались каждой минуте вечера девочки, особенно моя дорогая крестница Анастасия. До сих пор слышу ее звонкий смех, раздающийся в отдаленных уголках зала. Танцы, музыка, игры — она всецело отдавалась им.

Приблизительно в десять вечера появлялась одна из фрейлин Императрицы, чтобы отвезти Великих Княжон в Царское Село.

Эти воскресные поездки продолжались до 1914 года. Великая Княгиня относилась к ним как к одной из самых важных своих обязанностей.

— В тринадцать лет Анастасия начала полднеть, несмотря на то что много двигалась. Кроме того, ростом она была гораздо ниже своих сестер. Совершенно неожиданно для меня девочка утратила всякий интерес к занятиям. Учителя определили это как лень. Но я с ними не согласна. Мне кажется, что книги сами по себе не представляли для нее ничего особенного. Ей очень хотелось погрузиться в настоящую жизнь. Я знаю, ее многое заботило, она терпеть не могла эскорт казаков, постоянно сопровождавших их во время прогулок. Не нравилось ей и многое другое, но все это не омрачало ее веселья. Именно такой она и запомнилась мне — брызжущей жизненной энергией, шаловливой, звонко хохочущей — иногда без всякой видимой причины, — а это самый лучший смех. Девочка была самой веселой из всего тогдашнего поколения Романовых, и у нее было золотое сердце.

Великая Княгиня умолкла. В тесной комнатке крохотного коттеджа стало очень тихо. Ольга Александровна погрузилась в свои

воспоминания. Прошло много времени, прежде чем я осмелился спросить:

— А что было потом?

— Потом был четырнадцатый год, — с усилием ответила она. — Едва началась война, я поспешила на фронт, где находился мой лазарет. На север я вернулась в 1916 году и больше не видела мою милую маленькую крестницу. — Она помолчала, а затем добавила с особым ударением, в значении которого было невозможно опшиться: — Хочу сказать, я больше никогда не видела *настоящую* Анастасию.

Глава шестая

ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

Не секрет, что царствование Императора Николая II было трудным, причем проблем становилось все больше с каждым годом. По мнению Великой Княгини, в крушении дома Романовых были повинны не столько политики или интеллигенция, сколько сами Романовы.

— Нет никакого сомнения, что распаду Российской империи способствовало последнее поколение Романовых, — заявила Ольга Александровна. — Дело в том, что все эти роковые годы Романовы, которым следовало бы стать самыми стойкими и верными защитниками престола, не отвечали нормам морали и не придерживались семейных традиций. — Тут она отрубила: — Включая и меня. Я был поражен откровенностью Великой Княгини.

За последние десятилетия XIX века Императорская фамилия значительно увеличилась. У некоторых сыновей Николая I было по шесть детей. Они образовали целый клан, и Александр III, целиком отдавая себе отчет в том, что необходимо сохранять честь старинного их рода и выполнять огромные обязательства, которые накладывала на них принадлежность к этому роду, правил всеми ими как патриарх. Он не мог не знать о существовании среди Романовых отдельных партий и соперничества между ними. И не любил их всех одинаково. Мало общего, к примеру, было между ним самим и его младшими братьями, в особенности

Великим Князем Владимиром Александровичем. Тем не менее Александру III удавалось сохранять внешнюю видимость достоинства и единства клана. Он управлял фамилией, и члены ее боялись Царя. Он не терпел бездельников и расточителей. Отсюда не следует, что все члены семейства Романовых вели столь же безупречную жизнь, как и он сам. Но открытых скандалов не было. Ни в самой империи, ни за ее пределами не распространялись смачные истории об альковных похождениях, греховных пристрастиях членов семейства и тому подобное. По существу, Император был стержнем династии. Хотя внутренняя связь между отдельными ее представителями была далека от совершенства, фасад был достаточно прочен¹.

Но Александр III умер слишком рано, и после его смерти эти связи распались. В тех случаях, когда он бы приказал, его сын принимался за уговоры. Александр III не всегда удосуживался надевать бархатную перчатку на свой железный кулак. Николай II не нуждался в бархатных перчатках: его руки были и так нежны. С самого начала было очевидно, что он не сможет принимать собственных решений, не оглядываясь на всю эту толпу дядей и кузенов. Едва орава сорвалась с поводка, все они стали вести себя как им заблагорассудится. Начали образовываться группировки. В те отрезки времени, когда Вдовствующая Императрица уезжала в Гатчину, а затем совершала поездки в Данию и Англию, подолгу там оставаясь, живший в Петербурге Великий Князь Владимир Александрович — очень умный, прекрасно образованный, честолюбивый интриган — играл роль главной скрипки. Независимо от их различий великокняжеские дворы объединяла решимость утвердить себя и, кроме того — общая неприязнь к молодой Императрице, супруге Государя.

— Не хочу сказать, что среди нас не было никого, кто обладал бы достаточным умом и способностями, чтобы служить Государю и своей Родине, — отмечала Великая Княгиня, — но таких было недостаточно. Большинство из нас досаждали Ники и даже устраивали сцены в его присутствии, чтобы удовлетворить собствен-

¹ На наш взгляд, Великая Княгиня идеализирует картину. Вспомним одного лишь В. К. Алексея Александровича, генерал-адмирала Российского Императорского флота, который предпочитал заниматься красивыми женщинами, а не флотом, открыто жил с «Зиной» — герцогиней Лейхтенбергской — при живом-то муже, правда, уже при новом Императоре. Таких примеров можно привести множество. (Прим. переводчика.)

ные мелкие интересы, ничтожные помыслы. Придирались ко всему, что он делал или не делал. Положение стало в конце концов невыносимым, так что вряд ли стоит осуждать Ники за то, что он избегал встреч с некоторыми представителями Императорской фамилии. Оглядываясь назад, — с грустью произнесла Ольга Александровна, — я убеждаюсь, что слишком многие из нас, Романовых, были эгоистами, которых снедала ненасытная жажда наслаждений и почестей. Ярче всего это доказывала ужасающая неразборчивость, какую проявляли представители последнего поколения нашей семьи в вопросах брака. Следовавшие один за другим семейные скандалы не могли не шокировать русское общество. Но разве хоть кого-то из них заботило, какое они производят впечатление? Ничуть. Некоторые даже не возражали против их высылки за границу¹.

До воцарения Николая II среди членов дома Романовых было всего лишь два случая разводов. Петр I развелся со своей первой женой, Евдокией Лопухиной, и отправил ее в монастырь, обвинив супругу в том, что она вмешивается в его планы реформ. В 1794 году Великий Князь Константин, второй сын Императора Павла I и внук Екатерины II, женился на принцессе Юлии Саксен-Заафельд-Кобургской. Детей у них не было, брак оказался неудачным. В 1801 году супруга Великого Князя покинула мужа и навсегда оставила Россию. Лишь в 1820 году Александр I согласился на развод брата, чтобы дать ему возможность жениться на своей любовнице, знатной польке, которой был дарован титул княгини Лович. Однако развод Константина Павловича, а тем более его повторный брак на женщине неравнородного происхождения, что лишало великого князя права престолонаследия, считались государственной тайной².

¹ В начале этой главы я процитировал заявление Великой Княгини, в котором она назвала себя одной из тех, кто нарушал семейные традиции. Справедливости ради следует отметить, что последующее расторжение ее брака с принцем Ольденбургским нельзя назвать разводом. Супружеских отношений между «супругами» не было, и в официальных документах, выданных Святейшим Синодом, отмечается недействительность брака, а не его расторжение. Кроме того, Великая Княгиня не вышла замуж за разведенного. Полковник Куликовский был холостяком.

² Едва ли это было тайной для руководителей восстания в декабре 1825 года. Однако они требовали возведения на престол Константина и Конституции для России. Кстати, простые солдаты, склоненные к мятежу преступниками дворянского звания, были уверены, что выступают за законного царя Константина и жену его Конституцию. (*Прим. переводчика.*)

В соответствии с Основными Законами ни один из членов Императорской фамилии был не вправе вступать в брак без разрешения монарха, не вправе он был также вступать в брак с разведенными особами или в неравнородный брак. Однако в течение нескольких лет после воцарения Императора Николая II произошла целая серия матримониальных бунтов и даже кое-что похуже. Вереницу ослушников возглавил его двоюродный дядя, Великий Князь Михаил Михайлович (Миш-Миш) — один из шести сыновей великого князя Михаила Николаевича, внук Николая I, который женился на особе неравнородного происхождения вопреки запрету Государя. Ему повелели выехать за границу, и он поселился в Англии. В Россию он так и не вернулся. Супруга его (по материнской линии дедом ее был А. С. Пушкин) получила от английской королевы титул графини Торби.

Вторым ослушником был дядя Государя. Великий Князь Алексей Александрович, постоянно пренебрегавший своими обязанностями генерал-адмирала Российского Императорского флота, влюбился в герцогиню Зинаиду Дмитриевну (Зину), супругу герцога Евгения Лейхтенбергского, считавшуюся самой красивой женщиной в Европе. Несмотря на все усилия племянника заставить дядю прекратить эту связь, Великий Князь Алексей Александрович продолжал повсюду сопровождать чету Лейхтенбергских, подвергаясь насмешкам со стороны завсегдатаев европейских курортов, которые называли неразлучную тройцу «*ménage royal à trois*»¹. В данном случае развода не было, но тем скандальнее была история.

Затем Анастасия Николаевна, княжна Черногорская и герцогиня Лейхтенбергская, разошлась с мужем и вышла замуж за Великого Князя Николая Николаевича (младшего), двоюродного деду Императора. Снова послышались увещевания и протесты со стороны Государя, но к тому времени клан Романовых словно сорвался с цепи. Другой дядя Императора, Великий Князь Павел Александрович, овдовев², решил жениться во второй раз на разведенной жене полковника, очаровательной госпоже Пистолькорс. По этому поводу Государь писал родительнице:

¹ Царственный любовный треугольник (фр.).

² Первая жена его была принцесса Александра, дочь короля Греческого Георга I и королевы эллинов Ольги Константиновны. У них было двое детей: Великий Князь Дмитрий, замешанный в убийстве Распутина, и Великая Княжна Мария, неудачно вышедшая за шведского принца Вильгельма.

«Еще весною я имел с ним [В. К. Павлом] крутой разговор, кончившийся тем, что я его предупредил о всех последствиях, которые его ожидают. К всеобщему огорчению, ничего не помогло... Как все это больно и тяжело и как совестно перед всем светом за наше семейство! Какое теперь ручательство, что Кирилл не сделает того же завтра и Борис или Сергей М. поступят так же послезавтра? И целая колония Русской Императорской фамилии будет жить в Париже со своими полузаконными или незаконными женами! Бог знает, что такое за время, когда один только эгоизм царствует над всеми другими чувствами: совести, долга и порядочности!»

Николай II написал это письмо 20 октября 1902 года. Три года спустя, оправдывая мрачное пророчество Государя, его двоюродный брат, Великий Князь Кирилл, старший сын Великого Князя Владимира Александровича, женился на разведенной жене Великого Герцога Гессен-Дармштадтского Эрнста, Виктории-Мелите. Император уволил Кирилла с флота и запретил ему проживание в России. Дядя государя, В. К. Владимир Александрович, устроил скандал и пригрозил оставить все свои официальные посты, если Император не изменит своего решения. Однако Государь остался непоколебим.

Наконец, на Императора обрушился еще более тяжелый удар. Неизбежный скандал сопровождался и тяжелыми личными переживаниями Николая Александровича. Великий Князь Михаил, его родной брат, предпочел нарушить закон, хуже того порвать с традициями дома Романовых. Что пережили его сестры, в особенности, Ольга, трудно себе представить.

В августе 1906 года расстроенный Государь писал матери:

«Три дня назад Миша написал мне, что он просит моего разрешения жениться... Разумеется, я никогда не дам согласия моего на этот брак... Несравненно легче согласиться, нежели отказать. Не дай Бог, чтобы из-за этого грустного дела в нашей семье вышли недоразумения».

Дама, толкнувшая Великого Князя на безрассудство, была некая Наталья Шереметевская, дочь московского присяжного поверенного. В первый раз она вышла замуж за купца Мамонтова¹, вскоре после чего развелась. Затем вышла замуж за поручика Си-

¹ В действительности Н. С. Шереметевская вышла замуж за пианиста Сергея Мамонтова, родственника фабриканта. (Прим. переводчика.)

них кирасир Вульфберта. Командиром (лейб-эскадрона) этого полка был Великий Князь Михаил Александрович. Госпожа Вульфберт стала его любовницей и тотчас же развелась с мужем в надежде стать супругой Великого Князя. Скандальная эта история стала известна многим, начали поговаривать о тайном браке между Великим Князем и этой дамой. Никто не знал, что Великий Князь не нарушал закона, но когда госпожа Вульфберт, получив развод, уехала за границу, Михаил Александрович последовал за ней, вопреки запрету брата. Влюбленная пара переезжала с места на место, не ведая, что русские тайные агенты постоянно держат их в поле зрения. В конце концов они отправились в Вену, где их тайно обвенчал один священник-серб.

Великий Князь изолировал себя от Императорской фамилии сравнительно давно, но известие о его браке скрывать долго было нельзя, и ему было запрещено возвращаться в Россию. Лишь с началом Великой войны Государь разрешил брату вернуться на Родину, и его супруга получила титул графини Брасовой. Ни сам Император, ни обе Императрицы не принимали у себя жену Михаила.

— Представляете себе, как все это воспринял Ники? — спросила Ольга Александровна. — Михаил был единственным братом, который у него остался. Он мог бы оказать Ники большую помощь. Снова повторяю, виноваты мы все. Из троих сыновей дяди Владимира один был выслан за границу, второй, Борис, открыто жил с любовницей, а от третьего, Андрея, не было никакого проку. А ведь они были сыновьями старшего Великого Князя и по закону о престолонаследии стояли на третьем месте — после Алексея и Михаила. Среди членов нашей фамилии не нашлось никого, кто мог бы оказать поддержку Ники. Исключением, возможно, составлял Сандро, мой зять. Да и там со временем начались нелады: между Сандро и Ксенией появились серьезные разногласия. Какой же пример могли мы дать своим соотечественникам? Ничего удивительного в том, что Ники, не находя нигде поддержки, стал фаталистом. Нередко, обнимая меня за плечи, он говорил: «Я родился в день Иова Многострадального. Я готов принять свою судьбу».

Тучи все больше сгушались. Великая Княгиня вспомнила неудачную для России войну с Японией 1904—1905 годов. Держась в стороне от политики, она зачастую становилась в тупик, читая газеты. Но она основывала свои выводы на том, что рассказывал

ей брат, а также на собственных наблюдениях, которые делала в Царском Селе. В тот период Ольга Александровна приезжала в Александровский дворец каждый день. Вечерами, после того как Царь принимал министров и высших военачальников, он мог побеседовать с супругой и сестрой в домашней обстановке, не следя за каждым своим словом.

— Я убеждена, что мой брат и не собирался воевать с Японией. В войну его втянула так называемая партия политиков и генералов, которые были совершенно уверены в скорой и блестящей победе, которая прославила бы их, а затем и Царя. Причем именно в такой последовательности, — подчеркнула Великая Княгиня¹.

К сожалению, военная кампания оказалась неумело подготовленной и осуществленной. Снабжение войск было поставлено из рук вон плохо, одна неудача сменялась другой. А в мае 1905 года в Цусимском проливе японцы почти полностью уничтожили русский флот. Я где-то читал, что когда Императору доставили телеграмму о Цусимской трагедии в Царское Село, он играл в теннис и будто бы, пробежав депешу глазами, скомкал ее и сунул в карман кителя, после чего продолжил игру. Я спросил у Великой Княгини, так ли это произошло на самом деле.

— Это ложь — такая же, как и тысячи других! — воскликнула Ольга Александровна. — И я это знаю, потому что находилась во дворце, когда поступило донесение. Мы с Алики находились у Ники в кабинете. Он стал пепельно-бледен, задрожал и схватился за стул, чтобы не упасть. Алики не выдержала и зарыдала. Весь дворец погрузился тогда в траур².

Неудачная война, окончившаяся унижительным перемирием, явилась лишь одним из эпизодов, отметивших ту эпоху. По всей России не прекращались стычки. Терроризм стал повседневной реальностью. На улицах Петербурга и других городов Империи убивали государевых слуг. Крестьяне грабили, убивали, жгли помещичьи усадьбы. Императору и его Семье стало небезопасно путешествовать по стране.

¹ В отличие от Ольги Александровны, даже советские историки оправдывали движение России к Тихому океану. (*Прим. переводчика.*)

² 19 мая 1905 года Император Николай II записал у себя в дневнике: «Теперь окончательно подтвердились ужасные известия о гибели почти всей эскадры в двухдневном бою. Сам Рождественский, раненый, взят в плен! День стоял дивный, что прибавляло еще больше грусти на душе». (*Прим. переводчика.*)

6 января 1905 года на Неве перед Зимним дворцом происходила традиционная церемония водосвятия. Как всегда, на льду был сооружен помост для Императора, свиты и духовенства. Члены Императорской семьи, дипломаты и придворные наблюдали за происходящим из окон дворца.

Во льду была проделана прорубь — Иордань, — куда митрополит Санкт-Петербургский погрузил свой золотой крест, торжественно освятив воду. После церемонии водосвятия раздался салют из орудий Петропавловской крепости, находившейся на противоположном берегу Невы¹. Обычно салют производился холостыми зарядами. Но в 1905 году, несмотря на все меры предосторожности, группе террористов удалось проникнуть в крепость и зарядить орудия боевыми снарядами. Одним из снарядов был тяжело ранен городской, стоявший позади Императора (фамилия городского была Романов). Второй ударил в Адмиралтейство. Третьим снарядом разбило окно во дворце — всего в нескольких метрах от того места, где стояли Вдовствующая Императрица и Великая Княгиня. Осколками стекла осыпало их туфли и платья. Из разбитого окна снизу доносились крики. Все пришло в замешательство — полицейские и военные бегали во всех направлениях. В течение нескольких минут ни мать, ни дочь не смогли обнаружить невысокую, худощавую фигуру Императора. Затем они увидели Царя. Государь стоял там же, где находился в начале церемонии. Не шевелясь и очень прямо.

Обеим женщинам пришлось ждать, пока Император вернется во дворец. Увидев сестру, он рассказал, что услышал свист летящего снаряда.

— Я понял, что пытаются убить меня. Я только перекрестился. Что мне еще оставалось делать?

— Это было характерно для Ники, — прибавила Великая Княгиня. — Он не знал, что такое страх. И в то же время казалось, что он готов погибнуть.

Три дня спустя над Петербургом разыгралась буря пострашнее. В воскресенье 9 января толпы рабочих, предводительствуемые священником Георгием Гапоном, перешли Троицкий мост и двинулись по набережной к Зимнему дворцу, чтобы передать Царю петицию. Им объяснили, что Император находится в Царском Се-

¹ По словам Императора, стреляло одно из орудий конной батареи с Васильевского острова. (Прим. переводчика.)

де. Но демонстранты не поверили властям и продолжали ломиться вперед. В конце концов жесткость полиции и дикое упрямство толпы столкнулись между собой. Казаки открыли огонь. Девяносто два рабочих было убито, и почти триста — ранено.

Этот день вошел в русскую историю как «Кровавое воскресенье». По-видимому, цензоры пропустили все телеграфные отчеты, посланные за границу иностранными корреспондентами, аккредитованными в Петербурге. Факты сами по себе должны были потрясти Европу, но зарубежные корреспонденты, за немногими исключениями, значительно увеличили число жертв и описали инцидент гораздо более мрачными красками, чем это было на самом деле. В их отчетах не сообщалось ни о том, что полицию забрасывали камнями, ни о множестве автомобилей, разбитых толпой по пути к Зимнему, ни о том, что большинство мирных жителей столицы спрятались у себя дома, закрыв ставнями окна и забаррикадировав двери. В опубликованных репортажах утверждалось, будто демонстрация была мирной, что рабочие якобы хотели лишь поведать Императору о своих бедах, в действиях же толпы не было, дескать, и намека на революционные настроения¹.

Великой Княгини в Петербурге в это время не было.

— За несколько дней до трагических событий Ники получил полицейский рапорт. В субботу он позвонил Маме в Аничков дворец и велел ей и мне тотчас же уехать в Гатчину. Сам он с Алики находился в Царском Селе. Насколько я помню, единственными членами фамилии, остававшимися в Петербурге, были мои дяди Владимир и Николай, хотя, возможно, были и другие. В то время мне казалось, что все эти приготовления совершенно неуместны. Все произошло по настоянию министров Ники и высшего поли-

¹ Шествие 9 января было организовано провокаторами и агентами охраны, в числе которых были Азеф, Пинхус Рутенберг, Манасевич-Мануйлов вместе с Г. Гапоном. Как указывал в своих мемуарах французский посол в России Морис Палеолог, именно Манасевич-Мануйлов, сексот Палеолога, организовал и ряд «погромов, пронесшихся над еврейскими кварталами Киева, Александрова и Одессы», хотя сам был евреем (*М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.: Политиздат, 1991. С. 38.*). Г. Гапон рассчитывал стать «первым советником Царя и фактическим правителем России». Если бы Государь отказался принять депутацию, то поп-провокаатор возглавил бы восстание. «Чем династия Романовых лучше династии Гапонов? Романовы — династия Гольштинская, Гапоны — хохлацкая. Пора в России быть мужицкому царю», — говорил Гапон летом 1905 г. В. А. Поссе (*Ф. М. Лурье. Хранители прошлого. Л., Лениздат. 1990. С. 137.*) (*Прим. переводчика.*)

дейского начальства. Мы с Мама́ хотели, чтобы брат оставался в Петербурге и встретил эту толпу. Я уверена, что, несмотря на агрессивные настроения части рабочих, появление Ники успокоило бы людей. Рабочие передали бы ему свою петицию и разошлись по домам. Но тот злосчастный инцидент во время водосвятия взбудоражил всех высших чиновников. Они продолжали убеждать Ники, что он не вправе рисковать собой, что его долг перед Россией покинуть столицу, что, даже если будут приняты все меры безопасности, возможен какой-то недосмотр. Мы с Мама́ изо всех сил старались убедить его, что министры не правы, но он предпочел последовать их совету и первым же раскаялся в том, когда узнал о трагическом исходе.

Меньше чем месяц спустя террористы нанесли очередной удар. Когда Ольгин дядя, Великий Князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, выезжал из ворот Кремля, пересекая Красную площадь, его разорвало на куски бомбой, брошенной в его сани. Он был погребен в Москве, но на похоронах присутствовали лишь немногие члены Императорской фамилии: обстановка в древней столице была столь напряженной, что нельзя было исключить новых покушений.

— В Царском Селе царило такое уныние, — вспоминала Великая Княгиня. — Я совершенно не разбиралась в политике. Я просто думала, что со страной и со всеми нами происходит что-то неладное. Октябрьский манифест, похоже, не устроил никого. Вместе с Мама́ мы присутствовали на торжественном молебне по поводу открытия Первой Думы. Помню большую группу депутатов от крестьян и фабричных рабочих. У крестьян был хмурый вид. Но рабочие выглядели и того хуже: было впечатление, что они нас просто ненавидят. Помню печаль в глазах Алики.

Два года Великая Княгиня не могла поехать в Ольгино. По всей России — от Белого моря до Крымского побережья, от Прибалтийского края до Урала — бушевали крестьянские восстания. Мужички жгли усадьбы, убивали, насиловали. Местные власти не могли справиться с бунтарями, и на помощь им были направлены войска. Но крамола начала проникать и в военную среду. В конце весны 1906 года на некоторых кораблях Черноморского флота произошло восстание с многочисленными жертвами. За ним последовал мятеж матросов Балтийского флота, и в течение некоторого времени Кронштадт представлял собой осажденную крепость.

— Я гостила у своего брата и Алики в Александрии. Стекла в окнах дворца дрожали от грохота канонады, доносившейся из Кронштадта. То были поистине мрачные времена, — вспоминала Великая Княгиня.

За два года до описываемых событий у Государя и Государыни родился сын.

— Произошло это во время войны с Японией. Вся страна была в унынии: нашу армию в Манчжурии преследовали неудачи. И все же я помню, какие счастливые были лица у людей, когда они узнали радостную весть. Знаете, моя невестка никогда не оставляла надежды, что у нее родится сын. И я уверена, что его принес святой Серафим.

Увидев недоуменное выражение на моем лице, Великая Княгиня принялась объяснять, что она имела в виду. Летом 1903 года Император Николай II пригласил ее поехать вместе с ним и Императрицей в Саровскую обитель, находившуюся в Тамбовской губернии. Паломничество имело определенную цель. Дело в том, что Святейший Синод, после нескольких лет колебаний, решил прославить старца Серафима, отшельника, жившего в XVIII веке, известного тем, что он обладал даром исцеления — как во время своей жизни, так и после своей кончины. Паломничества в Саров совершались в продолжение всего XIX столетия.

Белые каменные здания обители, заключавшие огромный двор, возвышались над берегом реки Саровы. Золоченые купола и колокольня видны были за много верст. Серафим был крестьянским юношей¹, который решил вести жизнь отшельника и построил себе небольшую бревенчатую избушку неподалеку от берега ре-

¹ Отец Серафим родился 20 июля 1759 года в благочестивой семье курского купца и был наречен Прохором. С малых лет его влекли церковные службы, духовно-назидательное чтение. На семнадцатом году юноша Прохор Мошнин получил благословение матери (отца он потерял в трехлетнем возрасте) и отправился в Киев. Затворник Досифей сказал ему: «Гряди, чадо Божие, и пребуди в Саровской обители». Там он стал послушником. В 1786 году Прохор был пострижен в монахи и получил имя Серафим. В 1797 году он поселился в келье верстах в пяти от монастыря в дремучем лесу. Тысячу дней он питался одной травой. Все видения и искушения старец побеждал крестным знаменем и молитвами. Тысячу дней и ночей он стоял на камне. Он обладал даром предвидения и предсказал гибель Императорской России, дома Романовых и злодейское убийство Царской Семьи. Так что после паломничества в Саровскую обитель Государь знал свою судьбу. (Прим. переводчика.)

ки. Многие годы провел он в молитве. Питался медом, корешками, лесными травами. Несмотря на его уединение, люди узнали о праведной жизни отшельника и стали приходить к нему в лесную избушку. С гостями он был ласков и приветлив. Привечал и утешал любого, кто к нему приходил, и очень часто знал, какая беда привела к нему гостя, прежде чем тот успевал рассказать о ней. Среди паломников было много богатых купцов. По старинному обычаю они оставляли свои подношения у дверей его кельи. Однако старец раздавал эти подношения беднякам. Ни золота, ни серебра ему было не нужно. Думая, что старец хранит в своей лачуге целое состояние, несколько разбойников напали на него в лесу, избили и бросили, посчитав его мертвым. Но Серафим остался жив. Когда же разбойники, перевернув все вверх дном в его избушке, не нашли никаких сокровищ, вернулись, чтобы повесить старца на ближайшем дереве, то увидели, что преподобного охраняет огромный медведь. Залечив раны, старец вернулся к себе в келью в сопровождении медведя.

— После кончины преподобного, — продолжала Великая Княгиня, — у его могилы продолжали совершаться чудеса. У моего прадеда, Николая I, была любимая дочь Мария. Однажды она тяжело заболела. Кто-то из знакомых, живший в Тамбовской губернии, прислал в Петербург шерстяной шарфик, который когда-то носил старец. Его надели на девочку, и когда она проснулась утром, жара как не бывало. Сиделки стали снимать с нее шарф, но девочка захотела оставить его у себя, сказав, что ночью она видела доброго старичка, который вошел к ней в комнату. «Шарфик его, — сказал ребенок, — он мне его подарил. Я хочу его сохранить».

Великую Княгиню не раз спрашивали, верит ли она в чудеса. Такой же вопрос задал и журналист.

— Верю ли я в чудеса? Как можно в них не верить? Я их видела в Сарове.

Поездка в Саров была утомительной, главным образом из-за жары. Выйдя из поезда, целый день пришлось трястись в карете по пыльным, извилистым дорогам, которые вели к берегам Саровы.

— Помнится, все мы выбились из сил к концу дня, но никому и в голову не приходило сетовать на усталость. Да мы ее, пожалуй, и не чувствовали. Мы были полны религиозного рвения и надежд. Ехали на тройках: Ники и Алики впереди, Мама́ и я за ними, а дядя Серж, которого убили два года спустя, и тетя Элла —

за нами следом. В самом конце ехали кузены со своими женами. И все время, пока мы ехали, мы обгоняли тысячи паломников, направляющихся к обители.

Поездка прерывалась несколько раз. В каждой деревне, попадавшейся Царственным паломникам по пути, их встречал священник, благословлявший Императора. Государь тотчас же приказывал кучеру остановиться и выходил из кареты.

— И вот он стоял, окруженный толпой паломников и другого люда, и каждый старался приблизиться к Ники, чтобы поцеловать ему руки, рукава одежды, плечи. Это было так трогательно, что у меня нет слов описать эту картину. Как всегда, мы ехали под охраной лейб-казаков, но им не от кого было нас охранять. Для всего этого люда Ники был Царь-Батюшка.

В Сарове Августейших богомольцев отвели в покои настоятеля. А наутро Государь, Великий Князь Сергей Александрович¹ и его двоюродные братья понесли мощи преподобного Серафима, извлеченные из скромной могилы на кладбище обители, в собор с золотым куполом, специально построенный как вместилище мощей святого.

— На берегу узенькой речки я увидела первое чудо. Воды Саровы считались целебными, потому что в них часто купался преподобный старец. Я увидела крестьянку, которая несла совершенно парализованную дочурку, а затем погрузила ее в реку. Немного погодя девочка своими ножками поднималась по травянистому берегу. Доктора, находившиеся в Сарове, подтвердили факт недуга и исцеления от него.

Государыня тоже купалась в Сарове и молилась у раки с мощами святого. Спустя год у нее родился сын; но когда он был еще совсем младенцем, родители узнали, что ребенок болен гемофилией. Великая Княгиня была уверена, что все ее четыре племянницы передали бы эту страшную болезнь своему мужскому потомству, если бы вышли замуж, и утверждала, что и у них бывали сильные кровотечения. Она вспоминала, какая поднялась паника в Царскосельском дворце, когда Великой Княжне Марии Николаевне удаляли гланды. Доктор Скляр, которого Великая Кня-

¹ Великий Князь Сергей Александрович, младший сын Александра II, был убит в Москве два года спустя. Его вдова, принцесса Елизавета Гессенская (тетя Элла) удалилась от света и основала в Москве Марфо-Мариинскую обитель, став ее настоятельницей.

гиня представила Императрице, полагал, что предстоит обычная несложная операция. Но едва он приступил к ней, как у юной Царевны обильно хлынула кровь. Застигнутый врасплох, доктор в страхе выбежал из операционной. И в этой экстремальной ситуации Императрица Александра Федоровна проявила свой характер.

— Алики спокойно взяла трясущегося от страха доктора за руку и негромко, но твердо проговорила: «Прошу вас закончить операцию, доктор». Несмотря на то что кровотечение продолжалось, ему удалось успешно завершить начатое дело.

Рождение сына, которое должно бы явиться самым счастливым событием в жизни Ники и Алики, можно сказать, стало для них тяжелейшим крестом, — грустно проговорила Ольга Александровна.

Между тем тучи продолжали сгущаться. Над страной словно навис покров отчаяния. По словам Великой Княгини, к середине 1906 года вылазки террористов настолько участились, что монархия пала бы, не будь назначен в июле того же года на должность Председателя Совета Министров Петр Аркадьевич Столыпин.

— Он занимал свою должность в течение пяти лет, но я уверена, что он продержался бы на ней и дольше. Его длительное пребывание на этом посту должно стать опровержением домыслов всех тех господ, которые утверждали, будто мой брат опирался только на реакционеров. Столыпин был либералом, и до сих пор люди не знают, что Ники сам назначил его на этот пост. Отставка Горемыкина летом 1906 года поразила всех, в том числе и Столыпина, который был тогда министром внутренних дел. Нельзя сказать, чтобы мой брат был лишен проницательности. Он знал, что в такую минуту нужен Столыпин, и не ошибся.

Столыпин, государственный деятель, наделенный предвидением и мужеством, происходил из рядов поместного дворянства. Мать его была урожденной княжной Горчаковой, отец отличился в русско-турецкой войне 1877—1878 годов. Столыпин был убежденным либералом, но он слишком хорошо знал Россию, чтобы не сознавать, что воплощение в жизнь либеральных идей в их чистом виде, без всякой подготовки, приведет к непредсказуемым результатам. Он хотел бы проводить реформы постепенно, чтобы приучить национальное мышление к необходимости перемен. Сам крупный землевладелец, знавший крестьянские проблемы не из вторых рук, он поставил перед собой грандиозную задачу — про-

вести земельную реформу, благодаря которой крестьяне превратятся в мелких земельных собственников и образуют здоровую общественную прослойку, которая станет опорой престола и надежным оплотом против атак революционеров в будущем.

— Он мог быть беспощадным, — признавала Великая Княгиня. — Он облагал налогами высшие классы, не зная жалости, а когда умирал глава семьи, требовал раздела крупного имения, принадлежавшего покойному хозяину. Крупные латифундисты всех частей империи ненавидели его. Даже некоторые члены Императорской фамилии, в том числе мой свояк Николай¹, были настроены к нему враждебно, но большинство из нас находилось целиком на стороне Столыпина. Мы понимали, что премьер — человек сильный и искренний. Он не преследовал никаких личных интересов. Единственное, что для него имело значение, — это Россия. В некоторых книгах, прочитанных мною, утверждается, будто мой брат завидовал своему премьер-министру и делал все, что в его силах, чтобы повредить Столыпину. Это подлая ложь — как и многое остальное. Прекрасно помню, как Ники однажды сказал мне: «Иногда Столыпин начинает своевольничать, что меня раздражает, однако так продолжается недолго. Он лучший Председатель Совета Министров, какой у меня когда-либо был».

Однако даже лучшие государственные умы, должно быть, обречены в России. Столыпинские реформы уже начали приносить свои плоды, но пуля убийцы положила конец его начинаниям. В киевском театре, где давали парадный спектакль — оперу Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», — во время антракта в Столыпина выстрелил один из участников революционной группы и одновременно полицейский агент. Император вместе с двумя дочерьми находился в ложе напротив. Они увидели, как Столыпин, на кителе и на руке которого была кровь, медленно опустился в кресло. Затем повернулся к Царской ложе и перекрестил ее. Убийца, Мордка Богров, был тут же схвачен и затем повешен. Премьер-министра тотчас же отвезли в лечебницу, но через пять дней он умер.

— Никогда не забуду ужас и горе Ники, — свидетельствовала Великая Княгиня. — Когда Столыпин скончался, Ники находил-

¹ Великий Князь Николай Михайлович, брат Сандро, либерал-историк, слыл крупнейшим землевладельцем в империи.

ся в Чернигове. Поспешив в Киев, он поехал в лечебницу и у тела Столыпина опустился на колени. Те, кто заявляет, будто Ники испытал облегчение, узнав о смерти Столыпина, это люди подлые, и у меня нет слов, чтобы сказать, что я о них думаю. Мой брат был очень сдержан, но он никогда не лицемерил. Он действительно был убит кончиной Столыпина. Я это знаю.

Пока Столыпин находился у руля государственности, обстановка в России стала более спокойной. У Императорской фамилии было такое чувство, что, поскольку произошла разрядка напряженности, можно позволить себе и отдохнуть. Весной 1907 года Великая Княгиня Ольга Александровна одна отправилась в Биарриц, где остановилась в «Отель дю Пале». Вскоре, к ее радости, туда же приезжает и сестра Ксения со своим мужем и шестью детьми.

— Но какая уйма народу приехала вместе с ними, — засмеялась Ольга Александровна. — Их придворный штат, наставники, гувернантки, прислуга. В «Отеле дю Пале» для всех для них не хватило места. Пришлось снять по соседству огромную виллу. Слава Богу, — прибавила она, — что я привыкла путешествовать очень скромно.

Я поверил Великой Княгине на слово. Лишь после ее смерти я узнал значение слова «скромно» применительно к ее путешествиям. Ныне покойная виконтесса Нэнси Астор сообщила мне, что находилась в то же время в Биаррице и много слышала о «скромных» привычках Великой Княгини Ольги Александровны. Виконтесса подсчитала, что штат прислуги и других лиц, сопровождавших ее, составлял тридцать человек. Однако для представительницы дома Романовых, совершавшей поездку за границу, цифра эта была, в общем-то, довольно скромной. Вдовствующую Императрицу сопровождало двести человек! В те дни появление Романовых на Ривьере приносило владельцам гостиниц большой доход. Им очень много требовалось для своих нужд, приемы Августейших особ отличались размахом, а счета свои они оплачивали с похвальной готовностью. Все их расходы во время путешествий оплачивались из средств Фамилии, хранившихся в банках Англии, Франции и других стран Западной Европы.

Из Биаррица Великая Княгиня вернулась в Россию. Прошло почти пять лет с того дня, как она сообщила мужу, что намерена расстаться с ним, но, по-видимому, принц Петр Ольденбургский, предложивший ей отсрочку в семь лет, полагал, что этот своеоб-

разный «модус вивенди» будет продолжаться неопределенно долго. Он по-прежнему играл в карты, все так же ходил обедать к своим родителям, жившим на Дворцовой набережной, все так же на людях вел себя как примерный супруг. Но светское общество трудно обмануть: никто не знал о ревностно скрываемой любви Великой Княгини, зато репутация принца Петра была общеизвестна. Как это всегда бывает, лица, не имевшие об этом никакого представления, утверждали, будто им хорошо известно все, что происходит в семье Ольденбургских.

Тем временем Ольга продолжала ждать. Ей было бы действительно очень одиноко, если бы не преданная старая Нана. Похоже на то, что у Ольги Александровны почти не было душевных подруг среди близких. Ее любимый брат отослан за границу. Сестра все время занята с детьми, которых стало уже семеро. Оставалось Царское Село, где брат и его супруга жили теперь постоянно. Зимний дворец в Петербурге открывался лишь для официальных приемов или по каким-то другим поводам.

Действительно, жизнь в империи стала более спокойной во время пребывания Столыпина на его должности, однако враждебное отношение к Царственной чете не ослабевало. Эта неприязнь, как неустанно повторяла Великая Княгиня в разговорах со мной, исходила не от масс народа, а от светского общества, недовольного тем, что более не устраиваются придворные балы, и увы, со стороны отдельных представителей клана Романовых.

Правда, жизнь в Царском Селе проходила в изоляции от внешнего мира. Министры и другие крупные чиновники приезжали туда со своими докладами, послы получали аудиенции, и их приглашали к Императорскому столу, но никаких других развлечений там, по существу, не устраивалось, а Государь работал больше, чем всегда.

— И Ники, и Алики редко оставались одни, — вспоминала Великая Княгиня. — Во дворце всегда были люди, приглашенные на завтрак, который часто подавали в большом зале, расположенном в стороне от покоев Царской четы. Но в их крыле столовой не было. Завтрак, чай и обед подавали где угодно, ставя их на переносной столик. Иногда к чаю приходили дети — Ники часто работал и после обеда. Кабинет его отделялся коротким коридором от опочивальни. Супруги не только имели общую спальню, но и вместе спали. Однажды Ники в шутку пожаловался, что Алики

никак не давала ему уснуть, хрустя в постели ее любимым английским печеньем.

Николай II, который был превосходным спортсменом, имел небольшой гимнастический зал, примыкавший к его рабочему кабинету. Единственным видом разрядки для него была гимнастика.

— Однажды, в уверенности, что Ники сидит у себя в кабинете, целиком поглощенный работой, я вдруг увидела, что он вернется на турнике.

«Необходимо, чтобы кровь прилиwała к голове», — улыбнулся Царь, увидев недоуменное выражение на моем лице.

Летом 1908 года вся Семья отправилась морем в Ревель, где должна была состояться встреча Императора с английским королем Эдуардом VII и королевой Александрой.

— Это было событие огромного исторического значения, — отметила Великая Княгиня. — Оно ознаменовало новый союз с Англией, к которому так стремился Ники. Во время войны с Японией отношения между нашими странами находились на грани разрыва. Ни британское правительство, ни народ не скрывали, на чьей стороне их симпатии, поэтому приезд дяди Берти доставил нам особенное удовольствие. Мы были уверены, что наконец-то родственные узы между обоими Царствующими домами станут способствовать лучшему пониманию и народов двух держав.

Король Эдуард VII прибыл в Ревель на борту яхты «Виктория и Альберт», Император — на «Штандарте», а Императрица Мария Федоровна — на своей яхте «Полярная Звезда». Визит продолжался три дня.

— У меня была уйма свободного времени, поскольку Мама постоянно находилась в обществе сестры — тети Аликс. Я сама ходила в гости, ко мне ходили гости. Меня очень обрадовала встреча с адмиралом Фишером. Мы с ним подружились еще в Карлсбаде. Стыдно признаться, но я страшно подвела его. Адмирал умел рассказывать очень забавные истории, и мой смех можно было услышать издалека. Как-то за обедом на борту королевской яхты «Виктория и Альберт» я хохотала так громко, что дядя Берти поднял голову и напомнил адмиралу Фишеру, что мы не на орудийной палубе. Со стыда я готова была провалиться сквозь землю, но не нашла что сказать. Когда обед кончился, я сказала дяде Берти, что во всем виновата только я одна.

Иллюминация и фейерверки, вспыхивавшие над Ревельской бухтой и отражавшиеся в северном небе, на несколько мгновений

осветили и жизнь Великой Княгини. Однако вскоре после этого Император и Императрица отправились с государственными визитами в Швецию, Францию и Англию, а Ольга Александровна, оставшаяся в России, по-прежнему сопровождала Императрицу Мать, окунувшуюся в бесконечный круговорот приемов и балов, навевавших на молодую женщину тоску. Но по крайней мере утром она была свободна и в течение тех немногих драгоценных часов, которые у нее оставались, могла гулять, заниматься живописью и работать в больнице. Решение ее тети Эллы посвятить себя помощи страждущим произвело на Ольгу глубокое впечатление.

В 1912 году Императрица Мария Федоровна нанесла последний перед Великой войной визит в Англию, и Ольге пришлось сопровождать родительницу. Великая Княгиня никогда не любила покидать Россию. На этот раз она чувствовала себя особенно подавленной. Семь лет минуло, но принц Петр ни разу не вспомнил о том обещании, которое дал Ольге в 1903 году. Похоже, его устраивало существующее положение. Ольга же, прекрасно отдававшая себе отчет в том, чего стоили прежние скандалы в их семействе Государю, не решалась усугублять ситуацию.

Продолжительное пребывание в Сандрингеме несколько не улучшило ее настроения.

— Мне было так грустно, — вспоминала Великая Княгиня. — Тетя Аликс очень постарела и стала хуже слышать. Они с Мамá все время сидели дома и вспоминали о прошлом. Мы с Викторией катались в коляске и верхом. Когда мы вчетвером садились за стол, у меня было такое чувство, словно всех нас положили на полку кладовки. Мне было всего тридцать, но я ощущала себя совсем дряхлой женщиной. Даже после того как мы покинули Норфолк и поселились у Джорджи и Мэй в Букингемском дворце, жизнь наша не стала намного веселее. Меня не покидало предчувствие чего-то непоправимого. Однажды вечером я отправилась в театр с моей милой подругой, леди Астор. Там мне стало плохо.

Великая Княгиня вернулась в Россию, поскольку ее здоровье по-прежнему вызывало беспокойство. В Англии у нее произошел нервный срыв, и в течение всего следующего года она находилась на грани нового срыва. Императрица Мать, по-видимому, полагала, что признаками болезни могут быть только высокая температура или сыпь на лице. Она намеревалась встретиться со своей сестрой снова — на этот раз в Дании — осенью 1912 года, в уверенности, что ее младшая дочь достаточно здорова, чтобы сопро-

вождать ее. И яхта «Полярная Звезда» снова вышла в море. На сей раз — держа курс на датские берега.

— Наше пребывание в Дании продолжалось, по-моему, недели две, но я так обрадовалась, когда оно подошло к концу. Жили мы на яхте, поэтому я не могла никуда сбежать. Приходилось целыми днями сидеть на палубе и слушать рассказы тети Аликс о том счастливом времени, когда она была молода.

Какая это была радость для Великой Княгини — вернуться в Россию, снова слушать бесхитростные истории своих племянниц и пытаться развеять все возраставшую тревогу Императрицы относительно маленького Алексея.

— К тому времени, — вспоминала Великая Княгиня, — Алики стала совершенно больной женщиной. Дыхание ее стало частым, со спазмами, которые явно причиняли ей боль. Я часто замечала, что у нее синекот губы. Постоянная тревога о здоровье Алексея окончательно подорвала здоровье бедняжки.

Во время празднования 300-летия дома Романовых в 1913 году никто из членов Фамилии не имел своего личного времени. Одно торжество сменялось другим. В честь Императорской четы петербургское дворянство устроило грандиозный бал.

— Было столько блеска, столько роскоши, — невесело проговорила Великая Княгиня, — но все мне казалось ненастоящим и вымученным. Алики совсем выбилась из сил и едва не упала в обморок на балу. Наблюдая все эти праздничные иллюминации, присутствуя на одном балу за другим, я испытывала странное чувство, что, хотя мы веселились так же, как делали это в России столетиями, возникают какие-то новые, ужасные условия жизни. И происходит это благодаря силам, которые нам не подвластны.

Императрица Александра Федоровна была слишком слаба, чтобы путешествовать, и на долю Великой Княгини выпало сопровождать своего Державного брата в сердце России, в частности в Кострому, древнюю вотчину рода Романовых.

— Это было гораздо лучше, чем находиться в бальных залах Петербурга, — с теплым чувством проговорила Ольга Александровна. — Повсюду, где бы мы ни появлялись, мы видели проявления преданности, доходившие до экстаза. Когда наш пароход плыл по Волге, мы видели толпы крестьян, вошедших по пояс в воду, чтобы получше разглядеть Ники. В некоторых городах ремесленники и мастеровые падали на колени, чтобы поцеловать его тень, когда мы проходили мимо. Раздавались оглушительные

приветственные возгласы. Кто бы мог подумать при виде этих восторженных толп, что не пройдет и четырех лет, как само имя Ники будет смешано с грязью и станет предметом ненависти!

В это время Великой Княгине как никогда нужна была душевная поддержка. В конце весны 1913 года навеки уснула ее верная старая Нана. Это произошло в доме Великой Княгини на Сергиевской. Ольга распорядилась, чтобы ее похоронили в Гатчинском парке — на том самом месте, откуда миссис Франклин часто наблюдала, как играет со своим братом Михаилом ее маленькая подопечная.

— Смерть Нана была для меня большим ударом, — призналась Великая Княгиня. — Да она и не была так уж стара. Разве могла я тогда, в 1913 году, предполагать, что смерть избавит ее от ужасов 1917 года и всего, что за тем последовало!

Но вот настал 1914 год. Повсюду слышались разговоры о напряженной обстановке в Европе и агрессивных планах кайзера.

— Я заговорила по этому поводу с Ники. Он ответил, что кайзер нудный человек и любит пустить пыль в глаза, но войну никогда не начнет. И я почему-то подумала о Папá и дяде Берти. Они оба ненавидели войну, как и Ники. Оба были сильными людьми, но достаточно ли силен Ники? Обоих их боялся Вилли, но боялся ли он Ники или Джорджи? Я так не думаю.

После сараевского убийства напряжение достигло своей высшей точки. В июле 1914 года в Санкт-Петербург с государственным визитом прибыл президент Франции Пуанкаре.

— Алики нездоровилось, поэтому мне пришлось всюду сопровождать Ники. Я присутствовала на банкетах и балах, на приеме во французском посольстве, на юбилейном спектакле в Мариинском театре, обеде на борту броненосца «Франция». Пуанкаре мне совсем не понравился. Это был низенький толстый человечек с улыбкой Урии Гипа¹. Я нашла, что он уклончив в своих ответах. Он осыпал нас всех комплиментами и подарками и то и дело произносил напыщенные речи о взаимной дружбе и уважении. Но эти цветистые фразы были лишь сотрясением воздуха. Не прошло и трех лет, как он проявил свою натуру, когда подло обошелся с моей семьей.

¹ Английский король Георг V.

² Отрицательный персонаж романа Чарльза Диккенса.

Ольга Александровна умолкла на мгновение.

— Все это осталось в прошлом, но все беды нынешнего столетия начались именно в 1914 году. И вы знаете, кто повинен в том, что война разразилась? Великобритания. Если бы с самого начала правительство Джорджи дало понять, что Англия встанет на сторону России и Франции, вздумай Германия баламутить воду, то Вилли не посмел бы сделать и шага. Граф Пурталес, посол Вилли, заявил у нас в гостинной, что, по его убеждению, Британия ни за что не вступит в войну.

1 августа 1914 года, когда было объявлено о начале первой мировой войны¹, Великая Княгиня и Император присутствовали на смотре войск в Красном Селе — военном лагере в окрестностях Петербурга. Встревоженная настойчивыми слухами о грядущей войне, Великая Княгиня спросила у брата, следует ли ей остаться в Красном, чтобы она смогла проводить на фронт полк ее имени в случае объявления о начале военных действий.

— Не беспокойся, душка, — ответил Император. — Войны не будет. Поезжай домой, можешь спать спокойно.

— Обрадованная, в тот же вечер я уехала из Красного в Петербург. Я принимала ванну, когда от Ники прибыл курьер и сообщил мне о том, что неожиданно [Германия] объявила нам войну и что я должна тотчас же вернуться в Красное Село. Это доказывает, насколько далек был Ники от мысли о том, что война не за горами.

Ольга Александровна тотчас поехала в Красное, чтобы проводить на фронт офицеров и нижних чинов Ахтырского гусарского полка. Вместе с ним туда отправлялись и другие полки. Ольга мельком увиделась с Николаем Куликовским. Оба на мгновение соприкоснулись руками, шепотом обменялись парой слов, и ее возлюбленный ушел.

— Я смотрела ему вслед. Я доверила Николаю Божьему Промыслу. После его отъезда меня более ничто не удерживало в Петербурге. Город стал для меня темницей. Я пошла к мужу и сказала, что уезжаю сестрой милосердия на фронт и что никогда не вернусь к нему. Тот ничего не ответил. Думаю, что он мне не поверил.

На другой же день Ольга Александровна отправилась на Варшавский вокзал и села в состав, отправлявшийся на Запад.

¹ В этот день Германия объявила войну России.

ЛЕГЕНДА О РАСПУТИНЕ

Настоящей главой я нарушил хронологию жизнеописания Великой Княгини с тем, чтобы подробно обсудить одну из наиболее противоречивых фигур в русской истории. Если многое из того, что узнает читатель, покажется ему неожиданным, если не невероятным, то я прошу его иметь в виду, что это рассказ самой Великой Княгини Ольги Александровны. Я не пытался ни приукрасить те факты, которые она мне сообщила, ни истолковать их по-своему.

И. В.

Пожалуй, ни в одной другой стране мира, кроме России, не мог появиться такой феномен, сочетающий в себе неоднозначные и противоречивые черты, как Распутин. К этому лицу не подходит ни одно определение. Если назвать его шизофреником, то мы не получим ничего для объяснения его личности. Несмотря на резко противоположные особенности его характера, Григорий Ефимович не был ни святым, ни чертом. Если прислушаться к слепым восхвалениям одних и злобной брани других, то этот человек должен бы казаться нам хамелеоном. Слова и поступки его менялись в зависимости от потребностей тех людей, с которыми он сталкивался, его окружения и, наконец, его собственного настроения. Религиозность и фатализм, великодушие и себялюбие, проницательность и непонятная глупость, доброта и жестокость, смирение и заносчивость — список этот можно продолжить — все сочеталось в нем. То игрушка в руках случая, то творец событий, человек этот, вместо фамилии имевший прозвище¹, возник неизвестно откуда в тот самый момент, когда страна была чуть ли не смертельно больна, когда поражения русской армии на полях Манчжурии наряду с произволом на территории России привели к тому, что надежды народа на лучшее будущее вот-вот должны были погаснуть, когда Государь и Императрица, жившие замкнутой жизнью в Царском Селе, терзались тревогой за здоровье их сына-младенца.

¹ Распутин — распространенная в Сибири фамилия. Она происходит не от слова «распутник», как предполагает Воррес, а от слова «распутье» — развилка дорог. (Прим. переводчика.)

Как указывалось выше, Великая Княгиня Ольга Александровна была завсегдатаем Александровского дворца.

— Как мне кажется, Ники и Алики ценили то, что я не вмешивалась в их сугубо личные дела. Я взяла за правило никогда не лезть со своими вопросами, давать непрошенные советы, тем более — вторгаться в их частную жизнь.

Ясное дело, в душе я надеялся, что Великая Княгиня заговорит о Распутине. К моему удивлению, сначала она отнеслась к проблеме с большой неохотой.

— Распутин стал главным персонажем истории, которую весь мир воспринял как сущую правду. Все, что я захотела бы рассказать о нем, люди или пропустили бы мимо ушей, или сочли бы за небылицу. Все, что написано про этого человека, настолько приукрашено или искажено, что публика просто не в состоянии отделить подлинные факты от вымысла.

Но я принялся приводить разного рода доводы и в конце концов сумел убедить Великую Княгиню, что ее долг перед собственной семьей не исключать тему о Распутине из своих воспоминаний. Намекнул, что из всех Романовых, оставшихся в живых, она единственная представительница Императорской фамилии, которая имела возможность наблюдать за частной жизнью брата и его супруги. Великая Княгиня очень терпеливо выслушала мои доводы. Я видел, что тема ей весьма неприятна. Но выбора у меня не оставалось: я был убежден, что обойти тему Распутина в своих воспоминаниях она не должна.

Наконец она проговорила:

— Пожалуй, вы правы. Да, я действительно не только слишком хорошо знала Ники и Алики, чтобы поверить всем гнусным сплетням, но и достаточно изучила сибирского крестьянина, чтобы знать пределы его влияния во дворце. Обо всем этом написаны горы книг. Но скажите на милость, кто из их авторов имел возможность получать сведения из первых рук? На память приходят только два имени.

Ни одного из них Великая Княгиня не назвала, но заявила, что все остальные руководствовались лишь слухами да сплетнями, рождавшимися под крышами великокняжеских дворцов, и еще — неумной болтовней завсегдатаев петербургских и московских гостиных.

— Возьмем, к примеру, воспоминания Палеолога, французского посла. Его посольство было всего лишь большим петербург-

ским салоном. Он похвалялся своей дружбой с тетей Михен¹. Его мнимая конфиденциальная информация относительно моего брата, его супруги и Распутина была всего лишь выжимкой из сплетен и слухов, распространявшихся в гостиных петербургского света, в особенности в салоне тети Михен. Он действительно встречался с этим сибиряком раз или два, но никогда не приезжал в Царское Село неофициально. Что же до аудиенций, то они — вовсе не повод для доверительных разговоров. Палеолог же предпочел выставить себя в качестве авторитета по нашим делам, и читающая публика клонула на его удочку.

Я не сразу решился задать Великой Княгине следующий вопрос:

— Неужели вы не считали Распутина злым гением?

Определение мое оказалось неудачным. Великая Княгиня чуть ли не в сердцах посмотрела на меня.

— Ну еще бы. Ни дать, ни взять — Мефистофель, — заметила она язвительно. — Именно таким он предстает в воображении нынешней публики, не знающей чувства меры, причем легенда эта начала создаваться еще при жизни Распутина. То, что я намерена сказать, разочарует очень многих из таких лиц, кто охоч до пикантных разоблачений. Однако я полагаю, что давно пора низвести этого сибирского мужика до его подлинных размеров и значения. Для Ники и Алики их Друг всегда оставался тем, кем он был, — человеком глубоко религиозным, который был наделен даром исцеления. Ничего таинственного в его встречах с Императрицей не было. Все эти мерзости родились в воображении людей, которые никогда не встречали Распутина во дворце. Кто-то причислил его к штату придворных. Многие сделали из него не то монаха, не то священника. На самом деле он не занимал никакой должности ни при дворе, ни в церкви. Если не считать его несомненной способности исцелять людей, то в нем не было ничего впечатляющего или притягательного, как думают некоторые. Григорий был обыкновенным *странником*.

Странник — это мирянин-богомolec. Таких странников в старой Руси было множество. Они бродили от монастыря к монастырю, от одной деревни к другой, наставляя и утешая людей, иногда исцеляя хворых. Питались они подаянием. Церковные власти не всегда поощряли странников, зачастую подозревая их в ереси.

¹ Тетя Михен, или Михень — Великая Княгиня Мария Павловна, жена Великого Князя Владимира Александровича.

Если же они вздумывали что-то проповедовать простому народу, то их сажали в острог. Но Распутина нельзя было назвать странником. Странник не имел ни дома, ни семьи. У Распутина же была жена и трое детей, а также собственный дом в селе Покровском. По словам Великой Княгини, странствуя, Распутин никогда не оставлял своими заботами семью. Он был крепко привязан ко всем своим близким.

Ничего не известно о том, кем был дед Распутина. Отец же, Ефим, поселился в сибирской деревне неподалеку от Тобольска. Там, в селе Покровском, их семью стали называть просто «новые». Распутин — имя, под которым сын Ефима вошел в историю, представляло собой презрительную кличку (слово имеет два значения: бродяга и сластолюбец), которая закрепилась за Григорием после одной или двух греховных историй с молодыми девушками, жившими поблизости от села. Он решил сохранить это прозвище после его обращения к Богу, в знак уничижений¹.

В Петербурге о нем впервые узнали в 1904 году. Отец Иоанн Кронштадтский, впоследствии причисленный к лику святых, встретившись с крестьянином, был глубоко тронут его искренним покаянием. Распутин не пытался скрывать свое греховное прошлое. Видя, как тот молится, отец Иоанн уверовал в его набожность. Две сестры: Анастасия Николаевна, тогда герцогиня Лейхтенбергская (впоследствии вышедшая замуж за Великого Князя Николая Николаевича-младшего), и Милица Николаевна, жена Великого Князя Петра Николаевича, которые были горячими почитательницами отца Иоанна Кронштадтского, приняли у себя во дворце сибирского странника. Всякий, кто встречался с ним, был убежден, что это — «человек Божий». Однако, несмотря на теплый прием в Петербурге, Распутин долго там не задержался и отправился в очередное свое паломничество.

1 ноября 1905 года Император записал у себя в дневнике: «Познакомился с человеком Божиим — Григорием из Тобольской губ». А 13 октября 1906 года отметил: «В 6 1/4 к нам приехал Григорий, он привез икону св. Симеона Верхотурского, видел детей и поговорил с ними до 7 1/2».

¹ Господин Воррес ошибается. Запись в метрических книгах церкви села Покровского о бракосочетании родителей отца Григория Ефимовича гласит: «...крестьянина Якова Васильевича Распутина...» (О. А. Платонов. Жизнь за Царя. СПб. 1996, «Воскресение». С. 10.) (Прим. переводчика.)

К тому времени, как впоследствии узнала Великая Княгиня Ольга Александровна, вокруг имени Распутина стали ходить какие-то слухи.

— Следует иметь в виду, что Ники и Алики прошлое Распутина было хорошо известно. Не надо полагать, будто они его считали святым, не способным ни на что дурное. Повторяю еще раз — причем с полным правом, — ни Государь, ни Императрица не обманывались насчет Распутина и не имели ни малейших иллюзий на его счет. Беда в том, что публика не знала всей правды; что же касается Ники или Алики, то они, благодаря своему высокому положению, не могли заниматься опровержением лжи, распространявшейся повсюду. Теперь представим себе, как все было. Во-первых, существовали тысячи и тысячи простых людей, которые твердо верили в силу молитвы и дар исцеления, которыми обладал этот человек. Во-вторых, к нему благосклонно относились иерархи церкви. Общество же, падкое на все новое и необычное, последовало их примеру. Наконец, родственница Ники приняла у себя во дворце сибиряка и познакомила с ним моего брата и его жену. И когда это произошло? В 1906 году, когда состояние здоровья моего маленького племянника стало для них источником бесконечных забот и волнений. Я где-то читала, будто Распутин проник во дворец благодаря стараниям Анны Вырубовой¹, которая тем самым надеялась усилить собственное влияние на Императорскую чету. Это совершенный вздор. Анна никогда не имела на них влияния. Сколько раз, бывало, Алики говорила мне, что ей так жаль «эту бедную Аннушку». Она была совершенно беспомощна и наивна, как ребенок, и очень недалеко. В натуре ее было много от истерички. Она цеплялась за Распутина как за якорь, но никогда не обращала на него внимание Алики.

Истинная правда, после того как Распутин несколько раз побывал во дворце, чересчур приукрашенные рассказы о его влиянии при дворе побудили многих использовать этого сибирского крестьянина в своих собственных честолюбивых целях. Распутина осаждали просьбами, щедро одаряли, но для себя он ничего не оставлял. Я знаю, что он помогал беднякам — как в Петербурге, так и в других местах. И я ни разу не слышала, чтобы он что-то просил у Алики или Ники для самого себя. Но за других хлопотал. Я убеждена, что его преданность моему брату и его супруге была

¹ А. А. Тансева (Вырубова) — приближенная Государыни Императрицы.

лишена каких бы то ни было шкурных интересов. Он без труда смог бы скопить себе целое состояние, но когда он умер, то все, что у него осталось, — это Библия, кое-что из одежды и несколько вещей, которые подарила ему Императрица для его личных нужд. Даже мебель в квартире Распутина на Гороховой в Петербурге ему не принадлежала. Он действительно получал крупные суммы, но все эти деньги он раздавал. Себе он оставлял лишь на то, чтобы обеспечить свою семью, жившую в Сибири, пищей и одеждой. А если к концу своей жизни он и приобрел определенное политическое влияние, то лишь оттого, что к этому его принудили некоторые беспринципные, не знающие, что такое жалость, люди.

Тут Великая Княгиня умолкла и посмотрела на меня вопросительно:

— Знаю, судя по всему тому, что я вам рассказала, можно подумать, будто я поклонница Распутина. Скажу прямо, он никогда мне не нравился. И все-таки в интересах истории нельзя руководствоваться собственными симпатиями или антипатиями.

Ольге Александровне отчетливо запомнился осенний день 1907 года, когда она впервые встретила старца в Царскосельском Александровском дворце. В то время Великая Княгиня жила в Санкт-Петербурге, но раза два или три в неделю, иногда чаще, навещалась в Царское Село. В тот день ей предложили остаться на обед. Других гостей не было. По окончании трапезы Император сказал сестре: «Хочешь пойти со мной? Я познакомлю тебя с простым русским крестьянином».

Ольга последовала за Государем и Императрицей и по лестнице поднялась на детскую половину. Няни укладывали в постель четверых Великих Княжон и их маленького брата, надевших белые ночные пижамки. Посредине комнаты стоял Распутин.

— Когда я его увидела, то почувствовала излучаемые им ласку и тепло. По-моему, дети его любили. В его обществе они чувствовали себя совершенно непринужденно. Помню их смех при виде маленького Алексея, который скакал по комнате, воображая себя зайчиком. Неожиданно для всех Распутин поймал ребенка за руку и повел его к нему в спальню. За ними последовали и мы с Ники и Алики. Наступила тишина, какая бывает в церкви. Света в спальне Алексея не было, горели лишь свечи перед чудными иконами. Ребенок стоял, не шевелясь, рядом с рослым крестьянином, склонившим голову. Я поняла, что он молится. Картина произвела на меня сильное впечатление. Я поняла также, что мой маленький

племянник молится вместе с ним. Не могу всего объяснить, но я была уверена, что этот человек совершенно искренен.

После того как детей уложили в постель, Император, Государыня и Великая Княгиня вернулись в лиловую гостиную на первом этаже. К ним подошел и Распутин. О чем-то зашел разговор.

— Я поняла: Ники и Алики надеются, что я почувствую расположение к Распутину. Конечно же, я была под впечатлением сцены в детской Алексея и видела неподдельную набожность сибирского крестьянина. Но, к сожалению, не смогла заставить себя отнестись к нему с симпатией, — призналась Ольга Александровна.

Уж не боялась ли она его? Этого она не сказала. Она призналась, что была поражена его глазами, которые казались то карими, то голубыми. Он ими вращал, «производя устрашающее впечатление», но никакого магнетического их влияния Ольга не почувствовала.

— Распутин никогда не оказывал на меня гипнотического воздействия. Не думаю, что в его личности было нечто роковое. Если уж на то пошло, — добавила Великая Княгиня, — то я находила его довольно примитивным. Голос у него был низкий и грубый, разговаривать с ним было почти невозможно. В первый же вечер я заметила, что он перескакивает с одного предмета на другой и очень часто приводит цитаты из Священного Писания. Но это не произвело на меня ни малейшего впечатления... Я достаточно хорошо изучила крестьян и знала, что очень многие из них помнят наизусть целые главы из Библии.

— Что же явилось главной причиной того, что этот человек в первый же вечер пришелся вам не по душе? — спросил я. — Он же произвел на вас сильное впечатление в спальне вашего племянника. Он понравился вам, когда вы увидели его в детских.

Великая Княгиня тотчас ответила:

— Его любопытство. Назойливое и не знающее никакой меры — вот что. Поговорив с Алики и Ники несколько минут в гостиной, Распутин подождал, когда прислуга накроет на стол для чая, и принялся засыпать меня самыми неуместными вопросами. Счастлива ли я? Люблю ли своего мужа? Почему у нас нет детей? Он был не вправе задавать мне такие вопросы, и я ничего не ответила. Мне кажется, что Ники и Алики чувствовали себя неловко. Какое облегчение я испытала в тот вечер, покидая Александровский дворец. «Слава Богу, что он не стал провожать меня до вокзала», — сказала я, садясь в личный вагон поезда, отправлявшегося в Петербург.

Немного погодя Великая Княгиня снова встретила Распутина — на этот раз не во дворце, а в домике Анны Вырубовой неподалеку от входа в парк. Проведя день в Царском, Ольга Александровна вместе с братом и невесткой после обеда отправилась в гости к госпоже Вырубовой.

— У нее сидел Распутин, — вспоминала Великая Княгиня. — Похоже, он был рад моему приходу. После того как хозяйка вместе с Ники и Алики отлучились из гостиной на несколько минут, Распутин поднялся, обнял меня за плечи и начал гладить мне руку. Я отпрянула, ничего не сказав. Просто встала с места и присоединилась к остальным. Этим человеком я была сыта по горло. Я невзлюбила его еще больше, чем прежде. Хотите — верьте, хотите — нет, но, вернувшись в Петербург, я совершила странный поступок: пошла к мужу в кабинет и рассказала ему обо всем, что произошло в домике Анны Вырубовой. Он выслушал меня и с серьезным видом посоветовал мне впредь избегать встреч с Распутиным в будущем. В первый и единственный раз муж оказался прав.

Спустя несколько дней, когда Великая Княгиня находилась одна у себя в гостиной, лакей сообщил о появлении Вырубовой. Та пришла растрепанная, красная и, видно, взволнованная. Упав на колени перед креслом Великой Княгини, она принялась умолять Ольгу принять Распутина.

— Помнится, она твердила: «Ну пожалуйста, он так хочет снова с вами встретиться». Я наотрез отказалась. С того времени я виделась с Распутиным лишь в присутствии Алики, когда та приходила к Вырубовой в гости. Ники не хотел его больше видеть во дворце из-за злых сплетен, распространившихся в обществе. Насколько мне известно, Ники терпел Распутина только потому, что тот помогал Алексею. Причем, я это знаю, помощь была существенной.

Тут я спросил у Ольги Александровны, есть ли хоть крупица правды в том, будто бы Распутин дерзко вел себя в присутствии Императора и Императрицы. Якобы это наблюдали как во дворце, так и вне его.

— Подобные рассказы выдуманы людьми, которые не имели ни малейшего представления о личности моего брата или Алики и не были знакомы с крестьянской психологией, — горячилась Великая Княгиня. — Во-первых, такое поведение было бы тотчас же пресечено. А во-вторых, и это особенно важно, Распутин всегда оставался крестьянином, в глазах которого Царь — особа священ-

ная. Он всегда был почтителен, хотя не думаю, чтобы он где-то обучался хорошим манерам. Он называл моего брата и Алики Папой и Мамой. Они же называли его как при личном общении, так и без него — Григорием Ефимовичем. Во время его редких появлений во дворце сибирский крестьянин или молился за Алексея, или же вел с Алики беседы о религии. Если судить по глупостям, которые написаны о нем, он безвылазно жил в Императорской резиденции.

Тут Великая Княгиня сослалась на одну книгу, опубликованную сравнительно недавно, где автор описывает столовую в Александровском дворце, в которой Император, Императрица и все их пятеро детей сидят за столом и с нетерпением ждут прихода Распутина. Причем Императрица, по словам автора, сокрушается и заявляет, что, должно быть, произошло несчастье. Дескать, Распутин никогда раньше не опаздывал к обеду.

— Весь этот эпизод — глупая выдумка от начала и до конца, — сердито проговорила Ольга Александровна. — Как правило, дети не трапезовали вместе с родителями. Обед подавали Ники и Алики — кроме тех случаев, когда у них были гости — или же в сиреневую гостиную, или же в маленькую гостиную. В крыле, занимавшемся Императорской Семьей в Александровском дворце, фактически не было столовой. Став, по существу, *une habituée*¹ дворца, я не могла не знать, что Распутина никогда не приглашали к Царскому столу. Те, кто пишут подобную чушь, не имеют ни малейшего представления о том, каков был образ жизни у Ники и Алики. А то, что написано про моих племянниц и Распутина, еще гаже. Я знала девочек с их младенческих лет и была так близка с ними, что иногда они поверяли мне свои маленькие секреты, которыми не решались поделиться даже с матерью. Я до мельчайших подробностей знаю, каково было их воспитание. Даже тень намека на дерзкое отношение к ним со стороны Распутина огорчила бы их! Ничего подобного никогда не происходило. Девочки всегда были рады приходу старца, потому что знали, как велика его помощь их маленькому братцу.

Не изменяя гневного тона, Великая Княгиня рассказала, что всякая провинность со стороны дворцового персонала относилась злыми языками на счет Распутина. Одна такая история, о мнимом изнасиловании одной из нянь, дошла до Императора.

¹ Завсегдатай (фр.).

Тот сразу же приказал произвести дознание. Выяснилось, что молодую женщину действительно застали в постели — но с казаком из Императорского конвоя.

— Хорошо помню разговоры, которые я слышала в Петербурге о том, будто бы моя невестка осыпает Распутина деньгами. Это утверждение так же ни на чем не основано. Алики была, что называется, довольно бережлива. Швырять деньги налево и направо было не в ее натуре. Она подарила ему несколько рубаш, шелковый пояс, который сама вышила, да золотой наперсный крест.

По словам Ольги Александровны, в рассказе, будто Императрицу погружали в транс во время спиритических сеансов, которые устраивал Распутин в домике Анны Вырубовой, не было ни капли правды.

— Это заявление можно было бы назвать смехотворным, не будь оно таким подлым. Возможно, набожность Алики несколько преувеличивают, но она была искренне религиозной, а Православная Церковь запрещает занятия подобного рода. Думаю, вы помните, что в книге Катерины Кольб, у которой было много *points de plume*¹, в том числе княгиня Екатерина Радзивилл, можно прочесть, будто бы у Вырубовой был ключ к дневнику моей невестки и якобы Вырубова знала все ее секреты. Нужно сказать, что свой дневник Алики не шифровала и никогда не была очень аккуратной в своих дневниковых записях. В последние же годы она была слишком занята и слишком часто недомогала и вовсе перестала вести дневник.

Хотя Великая Княгиня недолюбливала Распутина и с трудом понимала его сибирский говор, она никогда не критиковала его в разговорах с братом или невесткой.

— Я понимала, что дружба с этим крестьянином — это их личное дело и что даже я не вправе вмешиваться в их отношения. А ведь могла сделать это, и не раз, поскольку в течение многих лет имела возможность видеться с Ники и Алики практически ежедневно. Однако я этого не позволяла себе никогда — отчасти потому, что точно знала: никаким пресловутым влиянием на Ники Распутин не обладал, но главным образом из-за Алексея.

Великой Княгине было трудно понять, почему в России мало кто понимал, что единственной причиной доверия и дружбы с Распутиным был страшный недуг ее племянника. Ведь вера в си-

¹ Псевдонимы (фр.).

ду молитвы, в дар исцеления, которым наделены некоторые люди, в чудеса широко распространена среди русского народа. А Распутин был, несомненно, наделен этим даром.

— На этот счет нет никаких сомнений, — свидетельствовала Великая Княгиня. — Я сама не раз наблюдала чудесные результаты, которых он добивался. Мне также известно, что самые знаменитые врачи того времени были вынуждены это признать. Профессор Федоров, знаменитейший хирург, пациентом которого был Алексей, сам не раз говорил мне об этом. Однако доктора терпеть не могли Распутина.

Как хорошо известно, малейшая травма Наследника могла причинить и причиняла ему невыносимые страдания, и тогда ребенок оказывался на краю гибели. Первый кризис произошел, когда Алексею едва исполнилось три года. Он упал в царскосельском парке. Малыш не заплакал, на ножке почти не осталось ссадины, но произошло внутреннее кровоизлияние, и несколько часов спустя ребенок корчился от невыносимой боли. Императрица позвонила Ольге, и та тотчас же примчалась в Царское Село.

— Какие только мысли не приходили, должно быть, Алики в голову — а ведь это был первый кризис из многих, которые случались с ним позднее. Бедное дитя так страдало, вокруг глаз появились темные круги, тельце его как-то съежилось, ножка до неузнаваемости распухла. От докторов не было совершенно никакого проку. Перепуганные больше нас, они все время перешептывались. По-видимому, они просто не могли ничего сделать. Прошло уже много часов, и они оставили всякую надежду. Было уже поздно, и меня уговорили пойти к себе в покои. Алики отправила в Петербург телеграмму Распутину. Он приехал во дворец около полуночи, если не позднее. К тому времени я была уже в своих комнатах. Наутро Алики позвала меня в комнату Алексея. Я глазам своим не поверила. Малыш был не только жив, но и здоров. Он сидел на постели, жар словно рукой сняло, от опухоли на ножке не осталось и следа, глаза ясные, светлые. Ужас вчерашнего вечера казался невероятным, далеким кошмаром. Впоследствии я узнала от Алики, что Распутин даже не прикоснулся к ребенку, он только стоял в ногах постели и молился. Разумеется, нашлись люди, которые сразу же принялись утверждать, будто молитвы Распутина просто совпали с выздоровлением моего племянника. Во-первых, любой доктор может вам подтвердить, что на такой стадии недуг невозможно вылечить за ка-

кие-то считанные часы. Во-вторых, подобное совпадение может произойти раз-другой, но я даже не могу припомнить, сколько раз это случалось!

Однажды молитвы Распутина произвели тот же результат, хотя сам старец находился в Сибири, а Наследник Алексей в Польше. Осенью 1913 года¹, находясь в Спале, неподалеку от Варшавы, где у Императора был охотничий дворец, мальчик, неудачно прыгнув в лодку, ударился об уключину. Тотчас были направлены срочные телеграммы профессору Федорову и другим специалистам. Великая Княгиня находилась в это время в Дании вместе с Императрицей Марией Федоровной. От профессора Федорова она узнала, что это была самая тяжелая травма в жизни мальчика. Тогда его бедная мать послала телеграмму в Покровское, моля о помощи. Распутин ответил: *«Бог воззри на твои слезы. Не печалься. Твой сын будет жить»*.

— Час спустя ребенок был вне опасности, — заявила Великая Княгиня. — Позднее я встретила с профессором Федоровым, который сказал мне, что с медицинской точки зрения исцеление совершенно необъяснимо. Я слышала такое утверждение, будто обывателям было бы проще понять роль Распутина, если бы им стало известно о болезни моего племянника. Это ложь чистой воды. Действительно, Ники и Алики не стали трезвонить о недуге ребенка, как только узнали о нем, но ведь сохранять долго в тайне болезнь было невозможно. Сначала стали обвинять мою бедную невестку в том, что она передала сыну хворь, а затем укорять ее за то, что она выбивалась из сил, чтобы найти способ вылечить недуг. Разве это справедливо? Ни брат, ни Алики не считали, что сибирский крестьянин наделен какими-то сверхъестественными способностями. Они видели в нем человека, искренняя набожность которого сделала его орудием Божиим, но лишь для помощи Алексею. Алики ужасно страдала от невралгических болей в ногах и пояснице, но я не слышала, чтобы Распутин помогал ей.

С печалью в глазах Великая Княгиня стала вспоминать о веселом, жизнерадостном характере своего племянника, его мужестве, терпеливости, смирении при мысли, что не может развлекаться, как делают это здоровые дети.

Мы приближались к вопросу, который мог поставить меня в неловкое положение, поскольку я не знал, что делать, чтобы не

¹ Автор ошибается. Произошло это в 1912 году. (Прим. переводчика.)

причинить Великой Княгине страдания. Я имел в виду письма Императрицы к мужу, написанные ею в период с 1915 по 1916 год, в которых она бесчисленное количество раз ссылается на «Нашего Друга» и на советы, которые он давал по вопросам, которые не имели никакого отношения к болезни Наследника, — скажем, таким, как назначение министров. Письма эти создавали впечатление, будто существование или падение империи находилось в руках Распутина. Я прекрасно понимал, что материал использовался недобросовестными людьми, а один автор даже вздумал утверждать, будто бы Император не принимал ни одного важного решения, не посоветовавшись предварительно с Распутиным.

— Меня не было в Петрограде — в это время я находилась на фронте в качестве сестры милосердия, но до меня поневоле доходило много слухов, — спокойно ответила Великая Княгиня. — Во-первых, поскольку я хорошо знала Ники, то должна категорически заявить, что Распутин не имел на него ни малейшего влияния. Именно Ники в свое время запретил Распутину появляться во дворце. Именно Ники отправлял «старца» в Сибирь, причем не однажды. Некоторые из писем Ники к Алики в достаточной мере свидетельствуют о том, что он действительно знал о советах и рекомендациях Распутина. Когда Ники находился в Могилеве, а Алики оставалась совсем одна в Царском Селе, положение с каждым днем ухудшалось. Признаю, из ее писем действительно видно, что она все чаще прислушивалась к мнению Распутина. Но не забывайте, что она видела в нем спасителя своего сына. Издерганная, измученная до невозможности, не видя ниоткуда поддержки, в конце концов, Алики вообразила, что старец является и спасителем России. Однако Ники никогда не разделял такого отношения жены к Распутину. Несмотря на преданность супруге, он отстранял и назначал людей вопреки ее пожеланиям. Сухомлинов был замещен на посту военного министра Поливановым, несмотря на то что Императрица умоляла мужа не делать этого. Ники отрешил Штюмерера от должности министра иностранных дел и назначил Самарина обер-прокурором Святейшего Синода. И снова по собственной инициативе. Некоторые охотно вспоминали, что в 1914 году Распутин был решительно настроен против войны с германцами. Поэтому в 1916 году кое-кто принялся нащептывать, будто Алики выступает за сепаратный мир с немцами под влиянием Распутина, который, мол, стал

всего лишь орудием в их руках. Ложь эта теперь опровергнута, но сколько вреда она причинила в свое время!

Ольга Александровна сделала паузу, а затем продолжила:

— Хотя я была достаточно близка к ним обоим, я никогда не вмешивалась в их дела ни с собственными рекомендациями, ни с критическими замечаниями. В сугубо политических вопросах я мало, вернее, вовсе не разбиралась, все же остальное было личным делом Ники и Алики. Но вы обратите внимание на Императорскую фамилию! Лишь Мама́ и тетя Элла по-настоящему защищали интересы Ники — но ни матушка, ни тетушка не знали, по существу, всех деталей. Они тоже основывали свои суждения на слухах. Однако обе, по крайней мере, искренно болели за дело. Между тем как остальные родичи повадились в Царское Село давать свои советы, которых у них никто не спрашивал. Изрекали предупреждения, не стесняясь в выражениях, и даже устраивали сцены. Некоторые даже требовали отправить Алики в монастырь. В гнусном заговоре активно участвовал вместе с друзьями Дмитрий, молодой кузен Ники. В убийстве Распутина не было ничего героического. Вспомните, что сказал по поводу него Троцкий: «Оно было совершено по сценарию, предназначенному для людей с дурным вкусом». А ведь Троцкого едва ли можно причислить к защитникам монархии. Думаю, на сей раз коммунисты были недостаточно суровы в своих определениях. Произошло не что иное, как заранее обдуманное и невероятно подлое убийство. Вспомните два имени, какие и поныне связывают с этим злодеянием. Одним был Великий Князь, внук Царя-Освободителя, вторым — потомок знаменитого рода, жена которого приходилась дочерью другому Великому Князю¹. Это ли не свидетельство того, как низко мы пали!

Не скрывая своего негодования, Ольга Александровна добавила:

— Чего надеялись добиться эти люди? Неужели они действительно полагали, что убийство Распутина улучшит наше положение на фронте, положит конец безобразной работе транспорта и снабжения? Не поверю этому ни на секунду. Убийство было об-

¹ Речь идет о Дмитрие Павловиче, единственном сыне Великого Князя Павла, сына Императора Александра II. Представителем знаменитого рода был князь Феликс Юсупов, женатый на княгине Ирине, единственной дочери Великого Князя Александра Михайловича и Великой Княгини Ксении Александровны.

ставлено таким образом, чтобы превратить Распутина в исчадие ада, а его палачей — в легендарных героев. Творцы этого мерзкого злодеяния нанесли удар по той особе, которой они присягали верно служить, — я имею в виду Ники. Участие в преступлении двух членов нашего семейства лишь свидетельствовало об ужасающем падении нравов в высших кругах общества. Более того. Оно вызвало возмущение среди крестьян. Распутин был их собратом. Они испытывали гордость, слыша, что он друг царицы. Узнав о том, что его убили, в народе начали говорить: «Ну вот, стоит кому-то из крестьян приблизиться к Царю и Царице, как тут же князя да графя из зависти убивают его. Вот кто вечно стоит между Царем и нами, мужиками».

Глава восьмая

ХАОС И БЕГСТВО ИЗ ХАОСА

В первые месяцы войны Великая Княгиня находилась в Ровно, небольшом городке неподалеку от польско-австрийской границы, где в это время сражался Гусарский Ахтырский Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны полк. Лазарет, в котором она трудилась, располагался в бывших артиллерийских казармах. Великая Княгиня устроилась в одной комнате с еще одной сестрой милосердия. В лазарете ощущалась страшная нехватка медицинского персонала. Работать приходилось по пятнадцать часов в сутки, а иногда и больше. На то, чтобы подумать о собственных проблемах или неудобствах, не оставалось времени. Ежедневно прибывали все новые раненые, и вскоре Великая Княгиня убедилась в полной неэффективности русской военной машины. Постоянно не доставало медикаментов, обмундирования, постельного белья, боеприпасов.

— Лежавшие у нас в палате солдаты рассказывали, что против немцев, вооруженных пулеметами, им приходилось воевать с палками в руках. Главный хирург, Николай, все время просил меня написать Ники. Даже генерал Иванов, тогдашний командующий Юго-Западным фронтом, однажды приехав в Ровно, решил выяснить, не могу ли я попросить Ставку о подкреплениях, — рассказывала Ольга Александровна.

Подобные открытия были для нее ужасны. Ей казалось, будто она лично виновата в такой неразберихе. Ольга испытывала стыд, и это чувство еще больше усилилось, когда поняла, что ничем не может помочь. Лазарет в Ровно был лишь одним из сотен других. Солдаты не верили, что улыбающаяся, хрупкая сестра милосердия, с такой заботой ухаживающая за ними, — родная сестра Государя. Многие крестились, думая, что перед ними видение. Нарушая традицию, согласно которой Великие Княгини возглавляли лазареты или госпитали, Ольга Александровна решила работать рядовой сестрой¹. Лишь позднее, в знак признания ее неустанных трудов, лазарет был назван именем Августейшей покровительницы.

Несмотря на неумелое руководство войсками и прочие промахи, война началась с блестящих побед русской армии. В Восточной Пруссии войска ее Державного брата упорно наступали. В Галиции отступление австрийцев превратилось в их полный разгром. В середине марта 1915 года под ударами русских пал Львов, а несколько дней спустя — крепость Перемышль, считавшаяся неприступною, с гарнизоном в сто двадцать шесть тысяч офицеров и солдат. Было захвачено большое количество боеприпасов, продовольствия и медикаментов. По всей империи победно звонили колокола, и многие решили, что недалек конец войны.

Покинув Ровно, Великая Княгиня отправилась в Галицию и вместе с Государем торжественно въехала во Львов.

— Нас встречали бурными проявлениями радости, из всех окон на нас сыпались цветы. Ники предупредили, что на крышах домов за печными трубами могут прятаться снайперы. Я тоже слышала о подобной опасности, но в ту минуту никто из нас не боялся смерти. В последний раз я ощутила ту таинственную связь, которая соединяла нашу семью с народом. Мне никогда не забыть этот триумфальный въезд во Львов.

Но Великой Княгине предстояло мало радостных дней. 26 августа того же года в битве под Танненбергом Гинденбург разбил

¹ Сестрой милосердия, да еще в хирургической палате, работала Государыня Императрица Александра Федоровна и две ее старшие дочери, Великие Княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна. А всего на попечении Государыни находилось около семи десятков лазаретов и санитарных поездов. (Прим. переводчика.)

два русских армейских корпуса¹. Едва ли не все гвардейские полки погибли в Мазурских болотах. Русские начали отступать почти на всех фронтах. Великий Князь Николай Николаевич был снят с поста Верховного Главнокомандующего. Вопреки советам министров, Император «принял на Себя предводительствование всеми сухопутными и морскими вооруженными силами».

— Это был благородный жест с его стороны, — утверждала Великая Княгиня. — Мы надеялись, что подобный поступок поднимет боевой дух войск и настроение среди народа. Увы, этого не произошло, но у Ники не было иного выхода, кроме как возложить всю ответственность на себя. Как всегда, Ники пошел путем чести, и, как всегда, это привело к катастрофе².

Лазарет, в котором работала Великая Княгиня, был переведен в Киев. Отступление продолжалось, и настроение войск ухудшалось.

— Вскоре я заметила, что многие доктора и сестры избегают смотреть на меня. Среди солдат ослабла дисциплина, все принялось горячо обсуждать вопросы политики. Дальше — больше. Однажды мне едва не размозжили голову. Как-то вечером мы работали с одной сестрой в аптечном отделении. Не знаю, что заставило меня повернуть голову, но я вдруг увидела, что эта женщина, со сверкающими глазами и с искаженным ртом, замахнулась на меня огромной банкой с вазелином. Я вскрикнула, она уронила банку и выбежала на улицу. Медсестру отправили в монастырь.

Спустя несколько дней, когда Великая Княгиня дежурила в палате, она услышала, как кто-то пришел. Она направилась к две-

¹ Г-н Воррес плохо знает русскую историю: Сражение под Сольдау (немцы называли его битвой под Танненбергом) произошло не в 1915, а 1914 году. Отступление русской армии началось в период, когда Верховным Главнокомандующим был В. К. Николай Николаевич. Сместив его с этого поста 23 августа 1915 года, Царь сам встал во главе своей армии, и, по словам А. А. Танеевой (Вырубовой), «как только Помазанник Божий встал во главе своей армии, счастье вернулось к русскому оружию и отступление прекратилось». (Прим. переводчика.)

² В отличие от Великой Княгини, фронтовики приветствовали решение Царя: «...Произошло в полном смысле этого слова чудо! Мы вдруг остановились и встали уже на зимние позиции. Стали поступать снаряды, винтовочные, пулеметные патроны в достаточном количестве, и наш фронт ожил...» (Э. Гуаццино. Записки белого офицера. СПб: Интерполиграфцентр. 1992. С. 55.) Нужно сказать, что лазареты и санитарные поезда были центрами антиправительственной агитации. Лазарет Ольги Александровны не оказался исключением. (Прим. переводчика.)

ри, и тут раненные увидели, что Царская сестра бросилась в объятия очень грязного и небритого офицера. Это был полковник Куликовский, ее «Кукушкин», приехавший на неделю на побывку и решивший провести отпуск поблизости от лазарета. После того как его отпуск окончился, Великая Княгиня поехала в Петроград.

Дело было осенью 1915 года, и хотя Ольга Александровна тогда этого еще не знала, то была ее последняя поездка в город, который она так любила. Всей прислуге дома на Сергиевской она заплатила годовое жалованье. Потом отправилась в Царское.

— Бедная Алики было совсем извелась от тревоги и печали. Разумеется, я не стала ей рассказывать о тех небылицах, которые слышала. Она призналась, как ей недостает Ники. Мы обе заплакали при расставании. Но больше всего я боялась встречи с Мама́. Я должна была сообщить ей, что намерена выйти замуж за человека, которого люблю. Я приготовилась к тому, что Мама́ устроит мне страшный скандал, но она встретила это известие совершенно спокойно и сказала, что понимает меня. Для меня это явилось, можно сказать, потрясением.

Великая Княгиня узнала, что по городу ходят слухи — один нелепее другого, — с целью подорвать престиж их семьи. Некоторые господа даже забывали о том, что она сестра Царя, и повторяли эти небылицы в ее присутствии. Поговаривали о заговоре среди членов Императорской фамилии против Государя. Назывались имена его участников — то одного Великого Князя, то другого.

— Мне хотелось поскорей вернуться на фронт, к своей работе сестры милосердия. В Петрограде меня ничто не удерживало. Местное общество охватили пораженческие настроения, доходившие до крайности. Слушая иных обывателей, можно было подумать, что война уже проиграна.

Вернувшись к себе в лазарет, Ольга Александровна сразу же почувствовала резкое ухудшение настроений. Пока она отсутствовала, из Петрограда приехало несколько медсестер, которые даже не скрывали своей «красноты». В каждой палате ежедневно происходили какие-то столкновения, и малейшему событию в будничной жизни придавался политический оттенок. Узнав, что Императрица Мать решила закрыть Аничков дворец в Петрограде и переехать в Киев, Ольга Александровна с облегчением вздохнула. Великая Княгиня каждый день обедала в обществе своей

родительницы и была рада короткой передышке, позволявшей ей отдохнуть от обстановки в лазарете, которая с каждым днем становилась все напряженнее. Великого Князя Александра Михайловича служебные обязанности привели на Украину. Он жил в собственном поезде, стоявшем на железнодорожных путях недалеко от вокзала в Киеве. В его вагоне имелась ванна, и Ольга Александровна время от времени с удовольствием пользовалась ею. Нехватка топлива в Киеве привела к тому, что горячей воды не доставало даже в госпиталях.

Последние месяцы 1916 года были полны событий для Великой Княгини. Из северной столицы на несколько дней приехал брат Михаил. Свободного времени у Ольги было немного, но каждую лишнюю минутку она уделяла ему. Об унылом настоящем они не разговаривали. Возвращаясь к своему детству, которое провели вместе, брат и сестра смеялись, как дети, вспоминая, как с наслаждением уплетали похищенные конфеты. Когда же отпуск Великого Князя закончился и сестра пришла провожать его на вокзал, она горько зарыдала. Большие они не встретились.

В начале ноября (28 октября по старому стилю) из Могилева в Киев приехал Император. Вместе с родительницей он навестил сестру в ее лазарете.

— Я была потрясена при виде Ники: такой он был бледный, худой и измученный, — вспоминала Великая Княгиня. — Мама встревожило его необычное спокойствие. Я знала, что ему хотелось бы поговорить со мной по душам, но у него не было ни минуты времени: у брата накопилась уйма дел и столько людей хотели с ним встретиться.

Самым памятным для Ольги Александровны оказался эпизод, который произошел в палате лазарета.

У нас там лежал молодой раненый дезертир. Он был судим и приговорен к смертной казни. Его охраняли два часовых. Все мы жалели его: он казался совсем мальчиком. Врач доложил о нем Ники. Тот сразу же направился в угол палаты, где лежал дезертир. Я последовала за братом и увидела, что бедняжка окаменел от страха. Положив руку на плечо юноши, Ники очень спокойно спросил, почему тот дезертировал. Запинаясь, бедный мальчик рассказал, что, когда у него кончились боеприпасы, он испугался и кинулся бежать. Затаив дыхание, мы ждали, что будет дальше. И тут Ники сказал юноше, что он свободен. Тот сполз с постели, упал на колени и, обхватив ноги брата, зарыдал, как малое дитя.

Мы все тоже плакали — даже те петроградские сестры, которые доставляли нам столько хлопот. Затем в палате воцарилась тишина. Все солдаты смотрели на Ники. Столько преданности было в их взглядах! Забыты были все трудности и невзгоды. Снова Царь и его народ стали единым целым. — Голос Великой Княгини затих. — На многие годы запомнился мне этот эпизод. С Ники мы больше не увиделись.

После отъезда Николая II из Киева всеобщее недовольство стало усиливаться, в город просачивались слухи — один нелепей другого; перебои со снабжением участились, очереди за продовольствием увеличились. Всякий раз как Ольга Александровна встречалась с Сандро, тот предупреждал ее о грядущих переменах.

Мрачным было настроение киевлян и в тот день, когда Ольга узнала, что брат аннулировал ее брак с принцем Петром Александровичем Ольденбургским. Теперь она была вправе выйти замуж за человека, которого любила вот уже тринадцать лет. Непродолжительное время спустя их обвенчали в маленькой церкви. Вряд ли у какого-то другого представителя дома Романовых была столь скромная свадьба.

— На церемонию пришли Мама́ и Сандро. Присутствовали также два или три офицера Гусарского Ахтырского полка и многие мои подруги из числа сестер милосердия. Потом персонал лазарета устроил в нашу честь обед. Тем же вечером я вернулась на дежурство в палату. Но я была действительно счастлива. У меня сразу прибавилось сил. Стоя в церкви рядом с моим любимым «Кукушкиным», я решила смело глядеть в лицо будущему, каким бы оно ни оказалось. Я была благодарна Всевышнему за то, что Он даровал мне такое счастье.

Наступило и прошло Рождество. С приближением последних дней монархии зловещие слухи усилились. Из Петрограда писем почти не было. Императрица Мать, Ольга и Сандро не знали, чему верить.

— Известие об отречении Ники прозвучало для нас как гром среди ясного неба, — вспоминала Ольга Александровна. — Мы были ошеломлены. Мама́ была в ужасном состоянии, и мне пришлось остаться у нее на ночь. На следующий день утром она отправилась в Могилев, Сандро поехал вместе с Мама́. Мне же надо было идти в лазарет.

Великая Княгиня не знала, чего ей следует ожидать, поэтому тепло и сочувствие, с какими ее там встретили, глубоко тронули Ольгу. Проходя мимо, солдаты пожимали ей руку. Не произносилось ни слова, но многие из них плакали, как дети. Когда сестра-большевичка подскочила к Великой Княгине и стала поздравлять ее с отречением, санитары, находившиеся рядом, схватили «красную» и вытолкали ее из палаты.

На Императора обрушился целый шквал осуждений, зачастую со стороны близких родственников. «Вероятно, Ники потерял рассудок, — писал Великий Князь Александр Михайлович в своей „Книге воспоминаний“. — С каких пор Самодержец Всероссийский может отречься от данной ему Богом власти из-за мятежа в столице, вызванного недостатком хлеба? Измена Петроградского гарнизона? Но ведь в его распоряжении находилась пятнадцатимиллионная армия...»

Но Великая Княгиня продолжала упорно защищать брата, принявшего это трудное решение:

— Он не только желал прекратить дальнейшие беспорядки, но у него не оставалось иного выбора. Он убедился, что его оставили все командующие армиями, которые, за исключением генерала Гурко, поддерживали Временное правительство. Ники не мог положиться даже на нижних чинов. Он убедился, что «крутом измена и трусость, и обман!» Михаил же с такой женой, как у него, не мог стать его преемником. Но даже Мамá не могла понять причин, заставивших Ники отречься. Вернувшись из Могилева, она не уставала повторять, что это было для нее величайшим унижением в жизни. Никогда не забуду день ее возвращения в Киев.

Когда после отречения сына Вдовствующая Императрица отправилась в Могилев, ей были отданы все подобающие ее положению почести. Она прибыла на Императорскую платформу вокзала в сопровождении эскорта казаков. Провожал ее граф Игнатъев, киевский губернатор. Но по возвращении ее никто не встретил. Вход на Императорскую платформу был загорожен, казачьего конвоя не было. Не было подано даже кареты. Марии Федоровне пришлось ехать на обыкновенном извозчике. Через несколько минут после приезда тещи Великий Князь Александр Михайлович поспешил в лазарет, в котором все еще работала Ольга Александровна, ожидавшая первого ребенка. Он сказал, что ей нужно прийти домой и успокоить Императрицу Мать.

— Хотя в это время я находилась на дежурстве, но мне пришлось поехать домой. Никогда еще я не видела Мамá в таком состоянии. Она ни секунды не могла усидеть на месте. Не переставая, ходила по комнате. Я видела, что она не столько несчастна, сколько рассержена. Она не понимала ничего, что произошло. И во всем винила бедную Алики.

День был такой, что впору поседеть, — продолжала Великая Княгиня. — Торопясь к Мамá, я оступилась и довольно неудачно упала при выходе из автомобиля. Пытаясь как-то утешить мамушку, я все время думала: не повредило ли мое падение ребенку.

Императрица Мать упрямо отказывалась мириться с действительностью. К огорчению всех, кто находился рядом с нею, включая младшую дочь, она продолжала посещать киевские лазареты и госпитали. Настроение окружающих становилось все более враждебным. Чернь распахнула двери тюрем, улицы кишели выпущенными на свободу толпами убийц, грабителей, расхаживавших в тюремной одежде под дикий восторг обывателей.

— Я видела их из окна лазарета. Полиции нигде не было. На улицах патрулировали ужасные на вид хулиганы. Хотя они были вооружены до зубов, но порядка навести не могли. На стенах мелом были написаны всякие гнусные фразы, затрагивавшие достоинство Ники и Алики; со всех учреждений сорваны двуглавые орлы. Ходить по таким улицам, чтобы добраться до дома, где жила Мамá, было делом рискованным.

Великий Князь Александр Михайлович настаивал на том, чтобы обе женщины тотчас же уехали в Крым. Ольга Александровна была готова последовать совету зятя, но ее родительница отвергала даже мысль о бегстве. Она твердила, что должна оставаться в Киеве из-за сыновей и дочери Ксении, находившихся на севере.

Тут произошло событие, сразу образумившее Вдовствующую Императрицу. Однажды утром она отправилась в киевский госпиталь, но перед самым носом у нее двери захлопнулись. Главный хирург грубо заявил, что в ее услугах более не нуждаются. Весь медицинский персонал — доктора и сестры — поддержал хама. Императрица Мать вернулась домой. На следующее утро она сказала дочери, что уезжает в Крым.

В Киеве Романовы подвергались большой опасности, но уехать из него было бы невозможно, если бы не инициатива и нечеловеческие усилия Великого Князя. Большевики ни за что бы не позволили бы им уехать дальше вокзала. Спустя несколько

дней Сандро удалось найти поезд, стоявший на заброшенном полустанке за пределами города. Он сумел привлечь на свою сторону небольшой отряд все еще остававшихся верными Императору саперов, которые строили мост через Днепр. Они согласились сопровождать поезд в течение всего полного опасностей и неожиданностей пути в Крым.

Семейство покинуло Киев ночью. Каждый добирался до железной дороги самостоятельно. Вдовствующая Императрица, Великий Князь Александр Михайлович, Ольга Александровна и ее муж молча сели в поезд. За ними последовали несколько человек из придворного штата Императрицы Матери. Служанка Ольги, верная Мимка, по собственной инициативе отправилась в Петроград, чтобы захватить хотя бы часть драгоценностей, оставшихся в доме ее хозяйки на Сергиевской.

— Ночь была холодная. На мне не было ничего, кроме формы сестры милосердия. Чтобы не привлекать к себе внимания, уходя из лазарета, пальто я надевать не стала, — рассказывала Великая Княгиня. — Муж накинул мне на плечи свою шинель. В руках у меня был маленький саквояж. Помню, я посмотрела на него, на мятую юбку и поняла, что это все, что у меня осталось.

Еще в январе 1917 года Великая Княгиня написала своему управляющему в Петрограде и попросила его переслать ее драгоценности в Киев. Тот ответил, что, по его мнению, пересылка слишком рискованна и что он поместил все драгоценности Ольги Александровны в банковский сейф. Матери ее повезло гораздо больше. Кики, преданная ей горничная, успела упаковать часть драгоценностей, принадлежавших Императрице Матери и доставить их в Киев.

Великая Княгиня так и не поняла, как им все-таки удалось добраться до Крыма. На каждой станции происходили дикие сцены, толпы беженцев пытались атаковать поезд. Однако саперы сдержали свое слово. Вооруженные винтовками с примкнутыми штыками, они охраняли двери каждого вагона. Чтобы добраться до Севастополя, им понадобилось четверо суток. Не став подавать поезд к платформе вокзала, саперы отвели его на запасный путь за чертой города. Там уже стояло несколько автомобилей. Их прислали из военно-авиационной школы, личный состав которой оставался преданным монархии.

— Когда мы вышли из поезда, я увидела кучку растрепанных, неопрятных матросов, разглядывавших нас. Сущей мукой было

для меня видеть ненависть в их глазах. Они ничего не могли с нами поделать: их было немного, и с нами были верные саперы. А ведь с самого моего детства в матросах Ники я видела друзей. Сознание того, что теперь они стали врагами, потрясло меня.

Романовы в Ливадию не поехали. Они направились в Ай-Тодор, имение Великого Князя Александра Михайловича, расположенное в двух десятках верст от Ялты. Спустя несколько дней приехала с севера и Великая Княгиня Ксения Александровна со своими детьми.

— Те несколько недель, которые мы провели в Ай-Тодоре, казались чуть ли не сказкой. Была весна, сад в цвету. Появилась какая-то надежда. Нас оставили в покое, никто не вмешивался в наши дела. Разумеется, мы беспокоились о Ники и всех остальных. Ходило ведь столько слухов. Если не считать одного письма, доставленного с оказией, мы не получали никаких известий с севера. Мы знали одно: сам он, Алики и дети все еще находятся в Царском Селе, — рассказывала Ольга Александровна.

Вскоре в Крым приехали и другие беженцы. Князь и княгиня Юсуповы поселились в Кореизе — имении по соседству с Ай-Тодором. Великий Князь Николай Николаевич жил со своей семьей в Дюльбере неподалеку от Ай-Тодора. Лето 1917 года прошло спокойно. Лишь тревога о тех, кто остался на севере, омрачала это безмятежное существование. 12 августа у Великой Княгини родился сын. По обету она назвала своего первенца Тихоном.

Неожиданно положение изменилось в худшую сторону. Временное правительство прислало в Крым своего комиссара, чтобы «присматривать за Романовыми». Подняли голову местные большевики. Обитатели Ай-Тодора узнали о попытке Ленина захватить в июле власть. Из Царского Села не поступало никаких известий. Лишь радость от появления на свет первенца давала Великой Княгине силы в те трудные дни, когда Вдовствующая Императрица сетовала на то, что ее уговорили ехать в Крым. Ведь следовало отправиться в Петроград и оказать поддержку сыну, от которого отвернулась вся фамилия. Атмосфера в Ай-Тодоре ничуть не разрядилась после приезда верной служанки Великой Княгини, Мимки, которой удалось-таки добраться до Крыма. Приехала она, по сути, с пустыми руками. Почти все драгоценности Ольги Александровны были реквизированы.

— Поэтому милая моя Мимка захватила то, что попало ей на глаза, — огромную шляпу, украшенную страусовыми перьями,

несколько платьев и шелковое кимоно, которое кто-то привез мне из Японии много лет назад. И еще — моего мальтийского пуделя! — вспоминала Ольга Александровна.

Обстановка в Крыму ухудшалась. Неподалеку от Ай-Тодора находился особняк Гужонов, крупных петроградских промышленников французского происхождения. Великая Княгиня Ольга Александровна и полковник Куликовский дружили с ними и часто проводили вечера на их вилле. Однажды ночью в Ай-Тодор прибежал доктор семейства Гужонов и рассказал, что на их виллу напала шайка большевиков, разграбила особняк, убила хозяина, а жену его избила до потери сознания.

То была кровавая прелюдия к продолжительной и страшной драме. Вскоре Черноморский флот подпал под влияние большевиков, в руках которых оказались два самых крупных города Крыма — Севастополь и Ялта. Обитатели Ай-Тодора узнавали то об одной кровавой расправе, то о другой. В конце концов Севастопольский совет вынудил Временное правительство выдать ему ордер, который позволил бы его представителям проникнуть в Ай-Тодор и провести расследование «контрреволюционной деятельности» его обитателей.

Однажды в четыре часа утра Великую Княгиню и ее мужа разбудили два матроса, которые вошли к ним в комнату. Обитателям было велено не шуметь. Комнату обыскали. Затем один матрос ушел, а другой уселся на диван. Вскоре ему надоело охранять двух безобидных людей, и он поведал им, что его начальство подозревает, будто в Ай-Тодоре скрываются немецкие шпионы. «Мы ищем огнестрельное оружие и тайный телеграф», — добавил он. Через несколько часов к Куликовским пробрались два младших сына Великого Князя Александра Михайловича и рассказали, что в комнате Императрицы Марии Федоровны полно матросов и она бранит их почем зря.

— Зная характер Мама, я испугалась, как бы не стряслось беды, — вспоминала Великая Княгиня. — Не обращая внимания на нашего стража, я бросилась к ней в комнату.

Ольга нашла мать в постели, а помещение в страшном беспорядке. Все ящики комодов пусты. На полу одежда и белье. От платяного шкафа, стола и секретера оторваны куски дерева. Сорваны гардины. Ковер, на котором разбросаны вещи, разодран, видны голые доски. Матрас и постельное белье наполовину стасяны с кровати, на которой все еще лежала миниатюрная Импе-

патрица Мать. Глаза ее сверкали гневом. На брань, которой поливала погромщиков Мария Федоровна, те не обращали ни малейшего внимания. Они продолжали заниматься своим подлым делом. Пока особенно ядовитая реплика, которую они слышали от пожилой женщины, лежавшей на постели, не уязвила их. Они заметили, что им ничего не стоит арестовать старую каргу. Лишь вмешательство Великого Князя Александра Михайловича спасло Вдовствующую Императрицу. Однако, уходя, большевики унесли с собой все семейные фотографии, письма и фамильную Библию, которой так дорожила Мария Федоровна.

В результате обыска, во время которого матросы перевернули вверх дном весь дом, не нашли ничего, кроме двух десятков старых охотничьих ружей. Большевики двинулись в обратный путь, но никто в Ай-Тодоре не знал, когда они придут снова. В конце дня шофер Вдовствующей Императрицы решил переметнуться на сторону большевиков и угнал автомобиль, который был в имении. Единственным транспортным средством, оставшимся в Ай-Тодоре, была допотопная конная повозка. В имении Дюльбер, где жили со своими женами Великие Князья Николай Николаевич и Петр Николаевич, тоже все переворостили в поисках оружия.

У ворот Ай-Тодора поставили часовых, и его обитатели распрощались со свободой. Никому не разрешалось ни входить, ни покидать имение. Единственное исключение составляли полковник Куликовский и его жена, которая, выйдя замуж за простого смертного, перестала считаться Романовой.

— Эта распатанная повозка сослужила нам добрую службу. Мы с мужем были заняты целыми днями: покупали продукты, навещали друзей, собирали информацию о последних событиях в Крыму и за его пределами. Со временем наши охранники поняли, что мы такие же люди, а не дикие звери. Некоторые из них даже отдавали честь Мама́, когда встречались с нею в парке.

В конце концов было решено, что Великая Княгиня со своим мужем оставят особняк и поселятся в так называемом «погребе» на опушке парка — напоминающем амбар здании с большим винным подвалом и помещением для хранения винограда. На втором этаже его находились две небольшие комнаты. В погреб перенесли и большую шкатулку с драгоценностями Императрицы Матери. Обшарив ее спальню от пола до потолка, налетчики не догадались даже взглянуть на шкатулку, стоявшую на самом видном месте на столе.

— Мы переложили все ее содержимое в баночки из-под какао. При малейшем признаке опасности мы прятали эти жестянки в глубокое отверстие у подножия скалы на морском берегу. Поскольку вся поверхность скалы была испещрена отверстиями, то перед тайником мы клали побелевший череп собаки. Однажды мы пришли к скале и увидели, что череп находится на отмели. Мы не знали, что и подумать. Неужели кто-то обнаружил наш тайник? Или же просто ветром сбросило череп на землю? Помню, холодный пот выступил у меня на лбу, когда я увидела, как муж шарит рукой во всех отверстиях скалы. С каким облегчением я вздохнула, когда муж извлек из одного из них жестянку, в которой позвякивали самоцветы!

Никто не приходил в гости в Ай-Тодор, и мало кто осмеливался заглянуть в «погреб», за исключением доктора Маламы, личного врача Великого Князя Николая Николаевича, который получил разрешение обслуживать население округа. Он заменял Ольге Александровне и ее супругу еженедельную газету. Бывал у них еще один господин, назначенный местными властями для наблюдения за Кореизом — районом, к которому относился Ай-Тодор. Но поскольку советы кругом понаставили своих людей, у бедняги не оставалось никаких полномочий. Поэтому он частенько захаживал в «погреб», чтобы выпить желудевого кофе, а иногда и пожаловаться на свою долю.

— Это было самое безобидное существо на свете. Единственными его желаниями были мир и порядок. Слово «насилие» заставляло его вздрагивать. Официально он назывался комиссаром, но ничего комиссарского в нем не было. Он скорее походил на заведующего детским садом. Мы знали, что он ведет безнадежную войну с Ялтинским и Севастопольским совдепами.

Когда Великая Княгиня бывала в аулах, ее частенько узнавали, несмотря на крестьянское платье, передник и неуклюжие башмаки. Однако люди относились к ней приветливо.

— Крымские татары по-прежнему оставались преданными Никки. Многие из них встречали его в лучшие времена, но, к сожалению, опытными бойцами они не были. Если бы эти жители аулов были такими же лихими, как казаки, они раздавили бы в Крыму большевиков. А между тем мы знали, что большевики с каждым днем усиливают свое влияние, — свидетельствовала Ольга Александровна.

Обстановка в Ай-Тодоре осложнялась. Немногочисленная группа представителей Императорской фамилии, изолированная

от внешнего мира, не видевшая вокруг себя никого, кроме собственных родственников, волнуемая противоречивыми слухами и, надо признаться, праздно проводившая время, реагировала на свое заточение не самым удачным способом. Императрица Мария Федоровна никогда не считала мужа Ольги ее ровней и намеренно не приглашала зятя на семейные встречи. Великий Князь Александр Михайлович стал не похож на себя самого и утратил интерес ко всем и ко всему, а жена его, Ксения Александровна, предалась отчаянию. Их дети, предоставленные самим себе, отбились от рук. Челядь заполняла досуг пересудами и бесполезными вздохами о былом. Прислуга, на которую действовала атмосфера всеобщей подавленности, обленилась, стала дерзкой. Пожалуй, единственное, что связывало всех, так это тревога за судьбу Государя и его Семьи.

— До нас доходили самые нелепые слухи. Мы не знали, чему и верить. Некоторые из нас надеялись, что им удалось уехать в Англию. Потом мы узнали, что всю Царскую Семью выслали в Тобольск, и это, увы, оказалось не слухом, а истиной. Одного ялтинского дантиста местный совет отправил в Сибирь. Этому доброму человеку удалось доставить Ники и Алики несколько писем и небольших подарков.

По словам Великой Княгини, то было последнее известие, которое они получили из Сибири. С падением Временного правительства положение стало ухудшаться.

За три или четыре недели до Рождества 1917 года в Ай-Тодоре появился верзила в матросской форме. Это был некто Задорожный, представитель Севастопольского совета.

— Это был убийца, но, сам по себе, человек обаятельный, — вспоминала Великая Княгиня. — Он никогда не смотрел нам в глаза. Позднее он признался, что не мог глядеть в глаза людям, которых ему придется однажды расстрелять. Правда, со временем он стал более обходительным. И все же, несмотря на все его добрые намерения, спас нас не Задорожный, а то обстоятельство, что Севастопольский и Ялтинский совдепы никак не могли договориться, кто имеет преимущественное право поставить нас к стенке.

По всей видимости, Ялтинский совет не хотел мешкать с расстрелом всех Романовых, живших в Ай-Тодоре и Дюльбере. Однако Севастополь, которому подчинялся Задорожный, ждал осо-

бых инструкций на этот счет из Петрограда. И моряк умело воспользовался этой неразберихой.

В феврале 1918 года разногласия между обоими советами обострились. Задорожный приказал своим узникам перебраться из Ай-Тодора в Дюльбер — серое, похожее на крепость строение, обнесенное высокой прочной стеной, которое было легче защищать от нападения, чем изящный белокаменный дворец в Ай-Тодоре.

— И снова мы с мужем оказались на свободе. Раньше я и представить себе не могла, насколько выгодно быть замужем за незнатным человеком.

Однако вскоре супруги пожалели об обретенной ими свободе. Они оставались в Ай-Тодоре одни и могли стать жертвами любых случайных налетчиков. Они были также не в состоянии связаться с кем-либо из обитателей Дюльбера. Не желая рисковать, Задорожный приказал своим людям бдительно охранять имение днем и ночью. Иногда Великая Княгиня поднималась на гору, возвышавшуюся над Дюльбером, в надежде кого-нибудь увидеть. Раз или два ей удалось разглядеть Императрицу Мать.

Постоянное ощущение опасности для жизни оказало благотворное влияние на обитателей Ай-Тодора. В Дюльбере им приходилось жить бок о бок с Великими Князьями Николаем Николаевичем и Петром Николаевичем. Их жен недолюбливали как Императрица Мария Федоровна, так и ее дочери. Там же никаких столкновений между ними не возникало, и, как позже узнала от своей матери Ольга Александровна, «черногорки» вели себя лучше некуда.

3 марта 1918 года был заключен Брестский мир. По условиям договора огромные территории в западной части России отходили к Германии. Кроме того, немцам предоставлялось право оккупировать Крым. Ялтинский совдеп решил ликвидировать Романовых до прихода немцев.

Разведчики Задорожного предупредили его о том, что ялтинцы намерены подвергнуть Дюльбер артиллерийскому обстрелу. Гигант-матрос, прекрасно сознавая, что, имея в своем распоряжении сравнительно небольшой отряд, не сможет защитить имение от нападения крупной части, рискнул послать за подкреплениями в Севастополь. Однако Ялта ближе к Дюльберу, чем Севастополь. Доктор Малама предупредил Великую Княгиню и полковника Куликовского о нависшей над ними опасности.

— В тот день я так встревожилась, что едва не лишилась чувств, — вспоминала Ольга Александровна. — Муж пошел на встречу с нашим любезным комиссаром, который совсем потерял голову. Потом к нам снова пришел доктор Малама. Едва он успел присесть, как со стороны дороги послышались дикие вопли. Мы кинулись к двери и увидели нескольких татарок, бежавших мимо нашего дома. Одна из них крикнула мне: «Они убьют нас всех!» — и в этот момент вернулся мой муж. Я завернула ребенка в одеяла, и мы бросились к берегу.

Несколько часов они скрывались среди скал. Потом решили пробираться в сторону Дюльбера. На первый взгляд все было спокойно.

— Вы только подумайте! Я, Романова, стояла у ворот имения и умоляла большевиков, чтобы они взяли меня в плен!

К тому времени почти стемнело. Часовые не хотели их впускать. Ольга и ее муж узнали, что за несколько часов перед этим крупный отряд, прибывший из Ялты, попытался проникнуть в крепость и захватить с собой узников, но люди Задорожного отбили нападение.

— Тогда ялтинцы пообещали вернуться на следующий день. На обратном пути они наткнулись на нашего милого комиссара и закололи его штыками.

Озябшие, голодные, измученные, тревожась за здоровье ребенка, Ольга Александровна и ее муж поднялись на другую гору в поисках убежища. В доме одного из друзей им предоставили кров, пищу и постели.

— Утром нас разбудили возбужденные голоса. У меня чуть не разорвалось сердце, когда я увидела улыбающееся лицо какого-то человека, который сообщил нам, что ночью врагов разбили. Наши родные в Дюльбере свободны.

Оказалось, что по приказу кайзера на спасение членов Императорской фамилии от ялтинского отряда и расстрела была брошена передовая колонна немецких войск. Немцы прибыли на рассвете, когда ялтинские налетчики успели сломать ворота крепости. Императрица Мария Федоровна и остальные члены фамилии находились на волоске от гибели.

— Я даже не знала, радоваться мне или печалиться. Надо же такому случиться! Нас, Романовых, спасает от собственного народа наш злейший враг, кайзер! Что может быть унижительнее этого! — вспоминала Великая Княгиня.

Немецкий офицер, командовавший частью, освободившей Дюльбер, намеревался расстрелять всех большевиков, в том числе людей Задорожного и самого матроса, только что вернувшегося из Севастополя. Каково же было изумление немца, когда Великие Князья принялись уговаривать его пощадить этих людей.

— Этот немец, — сказала Великая Княгиня, — должно быть, решил, что от долгого заточения мы рехнулись! Последний штрих к гротескной этой картине добавила Мама. Полагая, что Германия все еще находится в состоянии войны с Россией, она отказалась принять немецкого офицера, который спас ее от русской пули.

Несколько дней спустя Задорожный и его матросы покидали Ай-Тодор. Они титуловали своих недавних пленников и целовали им руки.

— Я глядела им вслед, и сердце мое было наполнено глубокой благодарностью. Вели они себя порядочно. Люди эти не только спасли нам жизнь, но и возродили в нас веру в природную доброту русского народа. По крайней мере, для меня это было гораздо важнее, чем жизнь.

С немецкой оккупацией в Крыму установилось некое подобие мира. На первый взгляд, Романовы находились в безопасности, однако, несмотря на счастье, в котором купалась, Ольга Александровна предчувствовала грядущие невзгоды. Довольно скоро опасения ее начали сбываться. С севера стали доходить страшные вести. Там происходили массовые аресты и убийства. Петроград, Москва и другие города были схвачены удавкой Чека. В Крыму стало известно о ссылке в Сибирь Великого Князя Михаила Александровича, о том, что за Урал отправили Великого Князя Сергея Михайловича и других особ, и, наконец, о том, что Императора вместе со всей его Семьей перевезли в Екатеринбург.

Однако, несмотря на дурные предчувствия, Ольга Александровна, жившая с Императрицей Матерью в Гараксе, на побережье, неподалеку от Ялты, отказывалась верить «слухам» и все еще «надеялась на лучшее». Полные нервного напряжения месяцы, проведенные в Ай-Тодоре и Дюльбере, остались позади, и все облегченно вздохнули. Члены Императорской фамилии гуляли, работали в саду, ловили рыбу, а молодежь издавала еженедельную газету. Великая Княгиня что-то упоминала о пикниках, но, отмечала она, «все мы должны были приносить свои продукты — из-за

нехватки продовольствия». Видя вежливое отношение к себе со стороны немцев и дружелюбие крымских татар, все были уверены, что это всего лишь своего рода промежуточный период, после которого «что-то произойдет, они вернутся в свои дворцы и забудут пережитый ими кошмар».

— Действительно, наша трагедия состояла в том, что, несмотря на ужасы, свидетелями которых мы были в 1917 году, никто из нас не мог предвидеть террора 1918 года. Я полагаю, именно это и явилось причиной крушения дома Романовых: мы воображали, будто армия и крестьянство придут нам на помощь. Это было слепотой, если только не хуже; многим из нас заблуждение это стоило жизни!¹

Некоторая видимость мира в Крыму исчезла еще до того, как 1918 год подошел к концу. После поражения Германии немцы начали выводить свои войска с Крымского полуострова. Дорога в Крым была открыта для большевиков. Правда, в гавани Севастополя стояли корабли союзников, однако спорадические попытки организовать сопротивление большевикам могли задерживать, но ни в коем случае не остановить их продвижение на юг. Белые армии, действовавшие на Дону и в Кубани, были разъединены и не имели перед собой единой цели. Одни выступали за республику. Другие — за реставрацию монархии. Третьи оставались нейтральными. Всем им недоставало оружия и боеприпасов. К февралю 1919 года Красная армия захватила всю Украину и угрожала Одессе, занятой французами.

Время от времени Вдовствующая Императрица принимала у себя высших британских офицеров, и все они настойчиво советовали ей покинуть Крым на борту английского корабля.

— Но Мама была непреклонна. Она неизменно отвечала, что ее долг — остаться в России. Ей претила сама мысль о бегстве. Кроме того, она не верила тому, что она называла «слухами о екатеринбургских убийствах». Фактически мы все думали так же, как она.

Великая Княгиня ждала второго ребенка. Она отнюдь не сбрасывала со счета опасности, грозившей Крыму. Ольга разрывалась

¹ Мало кто из Романовых, помимо тех, кто уехал в Крым, Великого Князя Дмитрия Павловича, высланного в Персию (после убийства Распутина), и троих сыновей Великого Князя Владимира Александровича, пережил красный террор.

на части. Долг перед родительницей требовал от нее оставаться в Гараксе. Но у Ольги Александровны появились и другие обязанности, и поэтому ей следовало перебраться в более безопасное место.

— Я встала перед чрезвычайно трудным выбором. В довершение всего, Сандро, который один мог мне помочь, успел покинуть Крым на борту британского корабля. Он намеревался отправиться в Париж, чтобы убедить руководство Франции в необходимости бороться с большевистской опасностью. Я оставалась дочерью своей матери. Но, кроме того, была еще женой и матерью собственного семейства.

В конечном счете Ольга Александровна решила с мужем ехать на Кавказ, где Красную армию разбил генерал Врангель. Однако Императрица Мария Федоровна отказалась покинуть Гаракс. При этом она заявляла, что долг Ольги — оставаться с нею, и обвиняла полковника Куликовского во всем, что тот сделал и чего не делал.

Направляясь на Кавказ, беглецы сели на пароход, шедший в Новороссийск, почти ничего не взяв с собой из багажа. Их было пятеро: сама Великая Княгиня, ее муж, их сын, горничная Мимка и Тимофей Ящик, их верный телохранитель. Уроженец Кавказа, он стал их проводником и оказал им неоценимые услуги. Долгое и утомительное путешествие началось своевременно¹.

Приплыв в Новороссийск, они поехали на вокзал в надежде попасть на поезд, отправляющийся в Ростов. Оказалось, что со-

¹ В апреле 1919 года французы оставили Одессу; это позволило Красной армии занять Перекопский перешеек, от которого до Крымского побережья было рукой подать. Вдовствующая Императрица, жившая в Гараксе, наконец-то сдалась. Получив срочное письмо от королевы Александры, она уехала в Англию на британском корабле «Мальборо», настояв на том, чтобы англичане эвакуировали всех ее друзей, живших в окрестностях Ялты. Хотя это противоречило инструкциям Адмиралтейства, ее требование было выполнено. Вместе с дочерью Ксенией и ее детьми, а также Великими Князьями Николаем и Петром Николаевичами и остальными Романовыми Императрица Мария Федоровна оставила Крым. «Мальборо» вышел из Ялты 11 апреля 1919 года. Когда корабль поднимал якорь, мимо него проходил транспорт с войсками. Очевидно, на «Мальборо» был поднят Императорский штандарт, поскольку добровольцы на борту транспорта встали по стойке «смирно» и запели гимн «Боже, Царя храни». Вдовствующая Императрица стояла на палубе британского корабля и махала солдатам рукой до тех пор, пока они не исчезли из вида. В памяти всех тех, кто наблюдал эту сцену, она запечатлелась как лебединая песня по милому и безвозвратному прошлому.

ставов очень мало, и все они забиты солдатами, стремящимися вступить в ряды Белой армии. Видя, что все их надежды рухнули, полковник Куликовский и его жена направились к сараю неподалеку в стороне от платформы, чтобы там переночевать. Совершенно случайно они натолкнулись на генерала Кутепова. Узнав Великую Княгиню, несмотря на ее растрепанные волосы и запредельный вид, генерал тотчас же предложил Ольге и ее спутникам свой вагон и велел прицепить его к составу, с минуты на минуту отправлявшемуся на Ростов.

— Мы почувствовали себя на вершине блаженства, — вспоминала Ольга Александровна, — хотя вагон кишел клопами и другими насекомыми.

Наступление армии Деникина действительно очистило Область Войска Донского от красных. Однако двигаться по тем местам было далеко не безопасно. Расправы, которые устраивала Белая армия во время своего наступления, отнюдь не расположили к ней местных обывателей, чем не преминули воспользоваться большевистские агенты. Каким-то образом местному населению стало известно о том, что в одном из поездов едет Царская сестра. На каждой остановке — а их было множество — собирались толпы крестьян и, вытянув шеи, разглядывали маленькую, хрупкую женщину в грубой, рваной одежде, на голове — мятый платок, которая сидела у окна с младенцем на руках. Глядели молча, без улыбки. На одной из станций кто-то попытался отцепить их вагон. Если бы не находчивость полковника Куликовского, который по крышам добрался до паровоза и сообщил об этом машинисту, который остановил состав и исправил сцепку, быть бы беде.

Ростов встретил их неприветливо. Деникин отказался встретиться с Великой Княгиней.

— Мы рассчитывали, что генерал проявит к нам какое-то сочувствие, но он не захотел сделать этого. Через ординарца он уведомил нас, что в Ростове мы не нужны, — рассказывала Ольга Александровна.

Тогда Ящик предложил поехать к нему в станицу Новоминскую, что в Екатеринодарском крае. Там его семья позаботится о Великой Княгине и ее спутниках. Из Ростова уехали на поезде, потом пересели на подводу, а конечной цели достигли пешком. Но после Ростова и иных городов Новоминская показалась им сущим раем. Куликовские смогли там снять хату, а одна кре-

стьянка согласилась приходить и помогать по хозяйству. Спустя месяца полтора после приезда в станицу у Великой Княгини родился второй сын. Акушеров в округе не было, и роды принимала местная повивальная бабка.

Лето прошло в приятных заботах для Ольги и ее мужа. Она научилась трудиться на огороде, обрабатывать землю, полоть, молоть кукурузу, купленную у соседа-станичника. Пекла хлеб, стирала одежду, какая у них сохранилась, кормила грудью новорожденного сына Гурия и ухаживала за Тихоном. Часто ходила босиком. Муж работал в соседнем хозяйстве и заработную плату получал натурой. Ни голода, ни жажды они не испытывали, с ними были их сыновья. Каждый день приносил вести о новых победах генерала Деникина. К концу июня он изгнал красных из Восточной Украины. Крым снова стал свободным. В августе Деникин захватил Одессу и Киев. В сентябре его войска заняли Курск и наступали на Воронеж и Орел. До Москвы оставалось триста верст с небольшим.

Однако взятие Орла оказалось последним успехом деникинских войск. Коммуникации армий были нарушены. Экспессы его солдат восстановили население против белых. Когда в октябре 1919 года Красная армия начала контрнаступление, о победах Деникина забыли. К ноябрю красные снова взяли Киев. Деникинская армия, ставшая неуправляемой, перестала быть фактором, с которым следовало считаться.

Холодной ноябрьской ночью в хату, в которой жила чета Куликовских, прискакали четыре казака из соседнего гарнизона. Они сообщили, что неподалеку от Новоминской появились разьезды красных. Времени нельзя было терять. Супруги закутали своих сыновей, захватили скарб, какой смогли унести, и вместе с верной Мимкой бежали из станицы.

Следующие два месяца были периодом неописуемых лишений, опасностей и испытаний, потребовавших от них, по существу, спартанской стойкости. Рискуюя собственной жизнью, четыре казака сопровождали семье Великой Княгини, бежавшей к Черноморскому побережью. Была зима, нередко приходилось ночевать в заброшенных амбарах, и, заглядывая в осунувшееся личико младенца, Ольга задумывалась над тем, сумеет ли он выжить.

По всей стране бушевала война. Крупных сражений не было, шли бесконечные стычки между отрядами красных и белых, ко-

торые жгли, грабили и убивали, ни в чем не уступая друг другу¹. Однажды беглецам удалось сесть в поезд, но, узнав, что следующая станция в руках красных, верные казаки на ходу высадили из поезда Великую Княгиню и ее малолетних сыновей. По стылому полно они добрались до деревни, чтобы оттуда попасть в Ростов.

Ростов был занят белыми, но к нему подходили большевики, и начальник станции грозился взорвать поезд. Один из четырех казаков, сопровождавших Великую Княгиню и ее семейство, вынул револьвер и закричал на железнодорожника: «Если через пять минут поезд не отправится, я вышибу тебе мозги».

Новороссийск, где стояло несколько британских кораблей, был заполнен многими тысячами оборванных, исхудавших, голодных беженцев, пытавшихся спастись от красного террора и надеявшихся на то, что их эвакуируют. Великая Княгиня и ее спутники увеличили число отчаявшихся, голодных людей. У них не нашлось денег даже на кринку молока. Маленькие сыновья Ольги Александровны походили на скелетики, а в городе свирепствовал тиф.

Великая Княгиня со своими сопровождающими нашли убежище в датском консульстве, и без того забитом беженцами, среди которых была труппа цирковых артистов из Москвы, но тиф проник и сюда.

— Те из нас, кто был здоров, уступили свои кровати больным, а сами спали на полу. Я страшно волновалась за мужа и детей. О себе я не беспокоилась. Я насмотрелась столько ужасов, что внутри у меня все словно окаменело. Но я должна была жить.

Однажды утром, не успев прийти в себя после ночи, полной мучений, Ольга Александровна услышала знакомый голос, который пел английскую песенку:

На свете лучше не сыскать,
На свете лучше не сыскать
Ичику, Ичику, Ичику...

¹ Г-н Воррес вторит красному агитпропу. В действительности, если со стороны белых и были эксцессы, то они носили разовый характер. У большевиков же террор представлял собой планомерное уничтожение русского народа, начиная с аристократии, духовенства, военных, чиновников и кончая трудолюбивыми рабочими и крестьянами. (Прим. переводчика.)

Ольга так и подскочила на стуле. Ей показалось, что она сходит с ума. Но это действительно был Джимми, который напевал глупую песенку, которую она слышала от него в Ольгине в те дни, которые навсегда канули в вечность. Джимми теперь стал флаг-капитаном Джеймсом на флагманском корабле флота его величества «Кардифф» под вымпелом контр-адмирала сэра Джорджа Хоупа. Судно только что ошвартовалось у причала Новороссийского порта. Первое распоряжение, которое Джимми получил, сойдя на берег, состояло в том, чтобы проверить, справедлив ли слух, будто в городе находится сестра Государя, а если это так, то отыскать ее.

Хотя оба были похожи на оборванцев, Ольга Александровна и ее супруг приняли приглашение на чай на борту «Кардиффа». Там ей подарили целый отрез синего флотского сукна — «самый чудесный подарок. Я сразу же принялась шить нам всем костюмы, и наконец-то мы стали выглядеть вполне прилично»¹.

Перед самым отъездом из Новороссийска Ольга Александровна узнала о том, что «тетя Михен» — Великая Княгиня Мария Павловна — с риском для жизни вырвалась с Кавказа.

— Я отправилась к ней с визитом. Я была поражена, узнав, что она приехала в Новороссийск в собственном поезде, прислуга которого состояла из ее людей, и в сопровождении своих фрейлин. Несмотря на все опасности и лишения, она до кончиков ногтей оставалась Великой Княгиней. Наша семья не очень-то любила тетю Михен, но я гордилась ею. Вопреки всем невзгодам она упрямо цеплялась за все атрибуты бывшего величия и блеска. И каким-то образом у нее это получалось великолепно. В условиях, когда даже генералы считали себя счастливыми, если им удавалось раздобыть телегу и старую клячу, тетя Михен совершила долгий путь на собственном поезде. Конечно, вагоны были старые, расшатанные, но это были ее вагоны. Впервые в жизни я с удовольствием расцеловалась с нею².

¹ Много лет спустя после этого случая вице-адмирал сэр Томас Н. Джеймс рассказал мне о посещении Великой Княгиней крейсера «Кардифф»: «Она увидела у меня в каюте фотографию, которую подарила мне в Ольгине. Это была групповая фотография. Среди прочих на ней был и Великий Князь Михаил Александрович. Посмотрев на нее, Ольга заявила: „Я уверена, что он жив“. Я спросил, где, по ее мнению, он может находиться. Она ответила: „Думаю, что в Гонконге“. Я вспомнил статью в „Таймс“, в которой сообщалось об убийстве Великого Князя в Сибири, но не осмелился сообщить ей эту трагическую весть».

² Покинув Россию в феврале 1920 года, Великая Княгиня Мария Павловна отправилась в Швейцарию, где спустя несколько месяцев умерла.

Однажды февральским утром Ольга Александровна вместе со своим домохозяином наконец-то поднялась на борт торгового корабля, который должен был увезти ее из России в более безопасное место. Хотя судно было набито беженцами, они, вместе с другими пассажирами, занимали тесную каютку.

— Мне не верилось, что покидаю Родину навсегда. Я была уверена, что еще вернусь, — вспоминала Ольга Александровна. — Меня не оставляло чувство, что бегство — это малодушие с моей стороны. Правда, я пришла к подобному решению ради своих малолетних детей. И все-таки меня постоянно мучил стыд.

Через двое суток судно оказалось в турецких водах, но Великой Княгине не разрешили сойти на берег. Вместе с тысячами беженцев она оказалась в лагере для интернированных на острове Принкипо, находившемся в Мраморном море. Первое, что потребовали турецкие власти, — это дезинфекция одежды беженцев.

— Дезинфекция была необходима, — невесело улыбнулась Великая Княгиня, — но операция эта проделана была так поспешно и небрежно, что одежда приобрела весьма неказистый вид, а наша обувь до неузнаваемости села.

К счастью, пребывание на острове Принкипо оказалось весьма непродолжительным, хотя и сопряженным с лишениями — не хватало еды, а иной раз и воды, санитарные условия были кошмарными. Но ничто не сломило Великую Княгиню. Она организовала своеобразный комитет, и, несмотря на бедность, беженцы собрали свои жалкие гроши и послали Георгу V телеграмму, в которой благодарили короля за то, что он послал на юг свои суда и помог им выехать из России.

Тут я не удержался от того, чтобы прервать Великую Княгиню:

— Но почему вы не отправили ему телеграмму от себя лично? Он же приходился вам двоюродным братом. Оказаться интернированной в лагере для простых беженцев...

Великая Княгиня чуть ли не сердито покачала головой:

— Они не были простыми беженцами. Все они были такими же людьми, что и мы сами. Большинству из них пришлось перенести гораздо более тяжелые испытания, чем те, что выпали на мою долю. Кроме того, я была женой простолюдина, а мой муж и наши дети находились в этом лагере.

Но, хотя Ольга Александровна и не подумала о том, чтобы обратиться за помощью к королю, за нее хлопотал ее старый друг. Джимми успел написать капитану первого ранга У. У. Фишеру,

начальнику штаба британской Верховной комиссии в Константинополе, и через две или три недели Ольге Александровне и ее домочадцам разрешили покинуть остров Принкипо и перебраться в Константинополь. Оттуда они направились в Белград, где король Александр оказал им теплый прием.

— Истории свойственна ирония. Надо же было такому случиться: я, внучка Царя, освободившего Сербию и Черногорию от турецкого владычества, сама оказалась в сербской столице в качестве нищей беженки. Но как добры к нам были сербы!

Король Александр надеялся, что Великая Княгиня изберет его страну в качестве новой родины. Ольга Александровна была благодарна за гостеприимство; но она была нужна родительнице, поселившейся в Дании. Вот почему, отдохнув две недели в Сербии, Ольга Александровна вместе с мужем отправилась в Копенгаген.

— Мы приехали туда в Страстную пятницу 1920 года. Я была счастлива снова встретиться с Мама́, но всем нам было грустно. В душе мы понимали, хотя не смели высказаться вслух, что остаток дней нам предстоит провести в изгнании.

Глава девятая

ГОРЬКИЙ ХЛЕБ ИЗГНАНИЯ

Данию Великая Княгиня любила с детства. Фреденсбург и Копенгаген запомнились ей с тех далеких лет, когда под кровом ее гостеприимного деда, короля Христиана IX, там собирались чуть ли не все королевские семьи Европы.

Но все это осталось в прошлом. Нынче же шел 1920 год. Вдовствующая Императрица Мария Федоровна жила в одном из флигелей королевского дворца Амалиенбург в непосредственной близости от покоев племянника, короля Христиана X, который не скрывал неприязни к своим обездоленным родственникам.

— К счастью, другие представители королевской фамилии и датский народ не разделяли его отношения к нам, — заявила Великая Княгиня, — иначе я даже не представляю себе, как бы мы смогли все это вынести. Я и сама не понимаю, как мы толь-

ко терпели все эти унижения. Королева Александрина, которую мы звали Адин, даже расплакалась: так ей было стыдно за своего мужа.

Ольга Александровна вспомнила, как однажды вечером они сидели в гостиной дворца вместе с матерью и неторопливо вязали. Тут дверь открылась, и вошел королевский слуга. Ему явно было не по себе. Смущаясь, он едва слышно пробормотал: «Его королевское величество просит вас выключить яркое освещение. Он хочет уведомить вас, что счет за электричество, который ему пришлось оплатить, оказался слишком велик». Императрица Мария Федоровна побледнела как полотно, но ничего не ответила. С царственным видом она вызвала одного из собственных лакеев и в присутствии королевского посыльного велела ему осветить дворец от подвала до чердака!

— Доходило до того, что король прогуливался по комнатам, где, естественно, каждый предмет обстановки и большая часть декоративного убранства принадлежали ему. Он во все глаза глядел вокруг себя, — свидетельствовала Ольга Александровна. — Если ему вдруг казалось, что недостает какой-нибудь безделушки или миниатюры, он, не стесняясь, спрашивал у Мама, уж не положила ли она эту вещь. Было так обидно, что нет слов.

Финансы беглецов находились в расстроенном состоянии. Положение усугублялось благодаря бездумной щедрости Императрицы Марии Федоровны. Тысячи русских эмигрантов писали ей со всех концов света, просили о помощи, и Императрица считала своим долгом удовлетворять все их просьбы.

— Мама не приходило в голову, что средств едва хватает на то, чтобы содержать собственную семью, — продолжала свой рассказ Ольга Александровна, — но винить ее я не вправе. Всех эмигрантов, к каким бы классам они ни принадлежали, она считала одной семьей. К тому же никто из нас, в том числе Папа, никогда не были практичными.

Однако финансовая помощь, которую Императрица Мать направляла во все уголки света, не была пределом ее щедрот. Несколько знатных эмигрантов приехали в Данию. Мало-помалу они прилепились к крохотному двору в Амалиенборге. Ни одному из них Императрица не пожелала указать на дверь. В течение какого-то времени многие состоятельные друзья Марии Федоровны оказывали ей денежную поддержку, но ситуация с каждым днем ухудшалась. В конце концов, один из ее друзей, американец

датского происхождения, откровенно заявил Императрице, что долго так продолжаться не может.

После того как королю Христиану X стало известно о бедственном положении его тетки, он сказал, что она в любое время может продать свои драгоценности. Дело в том, что Вдовствующей Императрице удалось вывезти в Данию свою шкатулку с драгоценностями. В Амалиенборге она держала ее у себя под кроватью. Время от времени, когда на нее нападала тоска, она открывала футляры и перебирала все эти жемчужины, бриллианты, рубины, сапфиры и изумруды. За исключением бриллиантовой броши, которую подарил ей Александр III в день их бракосочетания, старая Императрица больше не надевала на себя драгоценности. Это невероятное сокровище, переливавшееся всеми цветами радуги, было последней связью с былой роскошью и блеском Семьи Романовых, и Мария Федоровна не могла даже подумать о том, чтобы расстаться с самой незначительной безделушкой.

Дело кончилось тем, что ей на помощь пришел английский племянник, назначив «дорогой тетушке Минни» ежегодную ренту в десять тысяч фунтов стерлингов. Король Георг V также обратился с просьбой к сэру Фредерику Понсонби принять необходимые меры к тому, чтобы двор тетушки оставался платежеспособным. Понсонби в свою очередь попросил отставного датского адмирала Андрупа, давнего друга Императрицы, попытаться убедить старую даму соразмерять свои расходы с теми средствами, какими она располагает. Задача была не из легких, но адмирал превосходно справился с нею.

Одна из первых мер, которые порекомендовал адмирал, заключалась в том, чтобы сменить резиденцию. Императрица Мария Федоровна вместе со своим двором — к несказанной радости короля Христиана X, да и ее собственной — переехала во дворец Видёре. Места там было достаточно для того, чтобы сохранить престиж Вдовствующей Императрицы, зато содержание дворца стоило гораздо дешевле, чем в Амалиенборге. Видере был построен тремя дочерьми Христиана IX и являлся их совместной собственностью, но королева Александра и герцогиня Кемберлендская уступили его своей менее удачливой сестре.

Все картины, обстановка и убранство дворца напоминали Императрице о дорогом ей прошлом. Оказавшись в Видере, Мария Федоровна все больше погружалась в тот мир, где суровые реалии

жизни не имели значения. В ее воображении Ники по-прежнему оставался властелином империй. Она намеренно держалась в стороне от соперничающих партий оказавшихся в изгнании Романовых. В качестве возможных преемников ее сына Вдовствующей Императрице поочередно назывались имена Великого Князя Николая Николаевича, Великого Князя Кирилла Владимировича и даже Дмитрия Павловича¹, причем сторонники каждой из партий писали в Данию, умоляя Императрицу Мать поддержать того или другого из них. Все эти просьбы Императрица Мария Федоровна оставляла без внимания. Ее упорное нежелание глядеть правде в лицо не было поколеблено даже после того, как доставлены были печальные реликвии, привезенные с пожарища в урочище Четыре Брата в лесу под Екатеринбургом, — обгорелые кусочки одежды, несколько пуговиц, обломки драгоценных украшений и иные предметы. Обе дочери Императрицы всплакнули над небольшой шкатулкой с реликвиями прежде, чем ее отправили во Францию и погребли вместе с другими вещами на русском кладбище в предместье Парижа.

Императрица Мать продолжала думать и говорить так, словно ее сын и его семья все еще живы.

— Однако я убеждена, что незадолго до своей кончины Мама все-таки смирилась с жестокой действительностью, — сказала Великая Княгиня.

Стремление Вдовствующей Императрицы сохранить свое достоинство имело, по крайней мере, один благотворный результат. Родственники ею не пренебрегали и все, за исключением короля Христиана X, относились к ней с любовью и почтением. Великая Княгиня вспомнила визит королевы эллинов Ольги Константиновны, которая сама находилась в изгнании в Италии и приехала в Видере, чтобы повидаться со своей крестницей Ольгой Александровной и Императрицей Марией Федоровной. Греческая королева привезла с собой принца Филиппа — ее шестилетнего внука.

— Я помню принца Филиппа мальчуганом с большими голубыми смеющимися глазами, в которых проглядывала натура ша-

¹ Двоюродный брат Николая II и единственный сын Великого Князя Павла Александровича (расстрелянного большевиками в 1919 г.), В. К. Дмитрий Павлович принимал непосредственное участие в убийстве Распутина в декабре 1916 года. Император отправил его в ссылку на юго-восточную границу России, рядом с Персией. Благодаря этой ссылке В. К. Дмитрий уцелел.

луна. Несмотря на нежный возраст, он обладал независимым умом, хотя в присутствии Мама́ чуть-чуть робел. Я угощала его чаем и печеньем, с которым он расправлялся в считанные доли секунды. Могла ли я представить себе тогда, что этот миловидный ребенок однажды станет супругом английской королевы!

Король Христиан X продолжал унижать свою тетку. Однако его грубость подчас наталкивалась на ее спокойствие и чувство собственного достоинства. Один подобный инцидент произошел во время государственного визита короля и королевы Италии. Христиан X не собирался приглашать своих бедных родственников ни на банкет, который должен был состояться во дворце, ни на другие празднества. Он только позвонил по телефону и сообщил, что в один из ближайших дней приедет в Видере вместе со своими гостями из Италии. Приехав во дворец, гости были встречены не гофмейстером, даже не управляющим или дворецким, а простым лакеем, который заявил:

— Ее Императорское Величество искренне сожалеет, но, по причине недомогания, сегодня никого не сможет принять.

Король Христиан был взбешен. Выходка его тетки была отчасти ответом на его собственное недостойное поведение, но главным образом объяснялась тем, что незадолго до этого Италия признала советское правительство.

— Эпизод этот не слишком-то обрадовал нас, — с грустью проговорила Великая Княгиня. — Нам так хотелось увидиться с королевой Еленой. Она родилась в Черногории, выросла и получила воспитание в России. Все мы ее любили, но Мама́ осталась непреклонной. Признаться, она была настолько откровенной в своих высказываниях, что мы постоянно опасались, как бы ее не похитили красные. Кажется, в 1925 году большевики заявили, будто русская Православная Церковь при посольстве Императорской России в Копенгагене является их собственностью. Датское правительство удовлетворило их претензию. Большевики заняли помещение церкви и сделали из нее пристройку к своему консульству. Все эмигранты страшно расстроились, но Мама́ не смирилась с поражением. Прибегнув к услугам одного из лучших адвокатов в Дании, она добилась пересмотра дела в Верховном суде и выиграла его. Хотя она тяжело страдала от люмбаго и артрита, но ничто не смогло помешать ей присутствовать на первой же литургии, которую отслужили в храме после его повторного открытия.

Великая Княгиня не переставала восхищаться нестигаемой натурой своей родительницы. И тем не менее первые годы изгнания для Ольги Александровны оказались чрезвычайно трудными. Сестра ее, Ксения, муж которой, Великий Князь Александр Михайлович, жил теперь во Франции, больше не желала оставаться в Дании. Хотя они с Сандро так и не были разведены, супруги расстались навсегда, и британское правительство не давало Великому Князю разрешения на въезд к себе в страну. В конце концов Ксения Александровна вместе со своими детьми переехала из Дании в Англию. Ольга же всецело находилась во власти родительницы, продолжая оставаться для нее подружкой, сестрой милосердия, горничной и секретарем. В Видере было достаточно прислуги, не говоря уже о фрейлинах Императрицы Матери, но царственная старая дама настаивала на том, чтобы младшая дочь всегда находилась под рукой. А у младшей дочери был муж и двое сорванцов. Заставить детей держаться подальше от Вдовствующей Императрицы было невозможно. Они были непоседливы, шумны и довольно часто становились невыносимы для окружающих.

«Неужели ты не можешь призвать этих мальчиков к порядку?» — сердилась бабушка, если мальчуганы затевали шумные игры у нее под окнами. Ольга сгоряча отвечала родительнице, что может, но лишь тогда, когда они спят.

Ничуть не облегчало жизнь Великой Княгине и подчеркнуто официальное отношение Императрицы к своему зятю. До конца дней своих Мария Федоровна относилась к полковнику Куликовскому как к самозванцу и простолюдину. Когда приходили гости и Ольгу приглашали на обед или чай в апартаменты родительницы, на ее мужа приглашение не распространялось. Если же Императрице иногда следовало присутствовать на какой-то официальной встрече или приеме в Амалиенборге или где-то еще, пожилая дама давала недвусмысленно понять, что сопровождать ее должна только Ольга.

— Муж мой был золотой человек. Он никогда не жаловался — ни мне, ни кому-то еще. Но могло быть гораздо хуже, и мы старались, как могли, воспитать своих сыновей и хоть как-то привыкнуть к несурзной жизни изгнанников.

В 1925 году Великая Княгиня уехала из Дании и провела в Берлине четыре весьма памятных для нее дня. Как Императрица

Мать, так и полковник Куликовский были против этой поездки. Они полагали, что цель ее бессмысленна, и впоследствии Ольге Александровне пришлось признать, что мать и муж оказались правы. По правде говоря, она бы и не поехала в Берлин, если бы не настойчивая просьба ее тетки, герцогини Кемберлендской, повидаться с женщиной, которая якобы осталась в живых после екатеринбургского злодеяния.

— Необходимо раз и навсегда решить этот вопрос, — убеждала ее герцогиня.

Несомненно, Ольге Александровне было проще, чем кому-то другому опознать свою горячо любимую племянницу и крестницу Анастасию, младшую дочь Императора Николая II.

— Вряд ли кто-нибудь обращал внимание на то, что я вынуждена была сказать, по возвращении в Видере, — сетовала Великая Княгиня. — Теперь я понимаю, что напрасно тогда ездила в Берлин.

Но разве могла она не поехать? Дело было не только в настойчивости ее тетки, герцогини Кемберлендской, и дяди, принца Датского Вальдемара. Ольга и сама испытывала непреодолимое желание приблизиться к тайне и разгадать ее, если только это возможно.

Всеми миру теперь известна история о том, как молодая женщина — она ныне известна как миссис Анна Андерсон, а в то время личность ее не была установлена, — была извлечена из канала в Берлине в 1920 году. С этой попытки самоубийства и началась легенда об Анастасии.

— Именно в ту ночь началась эта длинная история, — невесело улыбнулась Великая Княгиня. — Пожалуй, единственным достоверным фактом в ней является то, что налицо была попытка самоубийства.

Незадачливую утопленницу отвезли в больницу. Вскоре одной из ее соседок по палате, некогда работавшей портнихой в Петербурге, показалось, будто она «узнала» в пациентке больницы черты, характерные для Романовых.

— Женщина не была придворной портнихой, — прокомментировала это обстоятельство Ольга Александровна. — Я очень сомневаюсь, чтобы она видела хотя бы одну из моих племянниц.

Со временем история о чудесном спасении стала известна всему Берлину. Некоторые ей поверили. В их числе был датский

посол. Молодая женщина назвалась госпожой Чайковской. Она утверждала, будто ее спасли два брата, за одного из которых она вышла замуж, и который был впоследствии убит. Другой якобы бесследно исчез. В истории было много невероятного и несуразного. И тем не менее некоторые из русских эмигрантов, живших в Берлине, утверждали, будто они узнали в этой женщине дочь своего Императора. Число сторонников этой версии постоянно увеличивалось.

В 1922 году в Берлин отправилась старшая сестра Государыни Императрицы Александры Федоровны, принцесса Ирэн, супруга принца Генриха Прусского.

— Встреча ничего не дала, но сторонники лже-Анастасии заявили, что принцесса Ирэн-де недостаточно хорошо знала свою племянницу и остальное в том же духе, — вспоминала Великая Княгиня.

Пьер Жильяр, который в течение тринадцати лет служил Царской Семье в качестве наставника Царских детей и был женат на Шуре Теглевой, няне Великой Княжны Анастасии Николаевны, также посетил берлинскую больницу. Пациентка не узнала ни одного из них. Баронесса Буксгевден, бывшая фрейлина Императрицы Александры Федоровны, приехала в Берлин из Англии. Результат встречи оказался так же отрицательным. Однако сторонники лже-Анастасии утверждали, что правда за ними. По их мнению, «Великая Княжна» не всегда могла «узнать» своих гостей из-за провалов в памяти.

— К сожалению, — отметила Ольга Александровна, — эту же отговорку приводили и некоторые из наших родственников. Мой дядя Вальдемар стал посылать деньги в Берлин — ведь женщина, судя по всему, крайне нуждалась. Герцог Лейхтенбергский пригласил ее погостить в его замке в Баварии¹, а княгиня Ксения пригласила ее в Америку, но это произошло какое-то время спустя после моего посещения больницы.

Полковник Куликовский и его жена отправились в датское посольство в Берлине. Посол, господин Цале, был ревностным сторонником самозванки.

— Он никогда не встречался с моей племянницей, но был ученым. Эта история показалась ему величайшей загадкой века, и он был полон решимости разгадать ее, — сказала Великая Княгиня.

¹ См. Приложение А.

В Берлине Великую Княгиню встретила чета Жильяр, которая проводила ее в пансионат Моммсена. Когда Ольга Александровна вошла в палату, то женщина, лежавшая в постели, спросила сиделку: «Ist das die Tante?»¹

— Фраза меня озадачила, — призналась Ольга Александровна. — Но в следующее мгновение я сообразила, что, прожив пять лет в Германии, молодая женщина, естественно, выучила бы немецкий язык, но затем я узнала, что когда в 1920 году ее вытащили из канала, она говорила только по-немецки, когда вообще была в состоянии разговаривать. Я готова признать, что страшное потрясение, пережитое в юности, может натворить бед с памятью. Но где это видано, чтобы после кошмарного события человек оказывался наделенным знаниями, которых у него не было до этого события. Дело в том, что мои племянницы совсем не изучали немецкого. Как я убедилась, госпожа Андерсон не знала ни русского, ни английского — то есть тех языков, на которых все четыре мои племянницы разговаривали с младенческих лет. Французский они стали изучать позднее, но по-немецки в семье не говорил никто.

Почти четыре дня Великая Княгиня провела у постели госпожи Андерсон. Час за часом Ольга Александровна пыталась отыскать хоть какой-то ключ к разгадке личности пациентки больницы.

— Когда я видела свою любимицу Анастасию летом 1916 года в последний раз, ей минуло пятнадцать. В 1925 году ей должно было исполниться двадцать четыре года. Мне же показалось, что госпожа Андерсон гораздо старше. Разумеется, следовало учесть ее продолжительную болезнь и общее плохое состояние здоровья. И все-таки не могли же черты моей племянницы измениться до неузнаваемости. И нос, и рот, и глаза — все было другое.

Великая Княгиня призналась, что беседы с госпожой Андерсон особенно осложнялись отношением к ней со стороны этой женщины. Она не желала отвечать на некоторые вопросы и сердилась, когда их повторяли. Ей показали несколько фотографий семейства Романовых, и по глазам лже-Анастасии было видно, что она никого не узнает. Она явно недолгобливалила господина Жильяра, в то время как маленькая Анастасия его обожала. Великая Княгиня принесла с собой небольшой образ св. Николая Чу-

¹ Это тетушка? (нем.)

дотворца — небесного покровителя Императорской Семьи. Госпожа Андерсон равнодушно взглянула на него. Ольге Александровне стало понятно: икона эта для нее ничего не значит.

— Естественно, все это можно было оправдать сильным потрясением нервной системы, — заметила Великая Княгиня. — И все-таки нельзя же все объяснить провалами в памяти. Слишком многое не увязывалось между собой. Я слышала историю о мнимом путешествии из Екатеринбурга в Бухарест. Начнем с того, что госпожа Андерсон утверждала, будто она старалась держаться подальше от «кузины Марии»¹, потому что была беременной и боялась попасться на глаза королеве. А теперь вспомним, что все это происходило в 1918 или 1919 году. Если бы госпожа Андерсон действительно была Анастасией, то королева Мария тотчас же узнала бы ее. Все мои племянницы были знакомы со своей кузиной с самого детства. Обе наши семьи были очень близки друг другу. Марию ничто бы не шокировало, и моей племяннице это было бы известно. Вся история шита белыми нитками. В этом я была убеждена, так же как и сейчас. А что можно сказать о мнимых спасителях, которые словно растворились в воздухе! Если бы дочь Ники была действительно спасена ими, то эти люди знали бы, что их ожидает щедрое вознаграждение. Все королевские дома Европы озолотили бы их. Да я уверена, что Мамá, не колеблясь, отдала бы им все содержимое своей шкатулки с драгоценностями. Во всей этой истории нет ни доли истины. Женщина прячется от родственницы, которая первой бы узнала ее, поняла бы ее бедственное положение и посочувствовала ей. Вместо этого дама едет в Берлин, чтобы обратиться за помощью к тетке, которая была одной из самых нетерпимых в вопросах нравственности женщин своего поколения. Моя племянница поняла бы, что положение, в котором она находилась, шокировало бы принцессу Прусскую Ирэн. Нет и еще раз нет, — решительно повторила Ольга Александровна. — Все это нисколько не убедительно, ведь я хорошо изучила Анастасию.

Помолчав, она взглянула на комод, в котором хранила скромные подарки своей племянницы.

— Ребенок этот, — проронила Ольга, — был дорог мне, как родная дочь. Очутившись у постели женщины, лежавшей в Моммсе-

¹ Румынская королева Мария, дочь герцога и герцогини Эдинбургских, двоюродная сестра Императора Николая II.

новской лечебнице, я тотчас понял, что передо мною чужой человек. Та духовная связь, которая существовала между милой моей Анастасией и мной, была настолько прочна, что ни время, ни любое, самое страшное испытание не смогли бы нарушить ее. Не знаю, как охарактеризовать это чувство, но знаю определенно одно: его не было и следа. Я уезжала из Дании, питая хотя бы искру надежды. Берлин же я покинула, утратив всякую надежду.

Великая Княгиня не поверила истории мнимой Анастасии, но ей было искренно жаль бедняжку.

— Не знаю почему, но она не произвела на меня впечатления явной мошенницы. Свидетельством тому были ее грубость и резкость. Лукавая обманщица сделала бы все возможное, чтобы втереться в доверие к таким лицам, как принцесса Прусская Ирэн или я. Но своими манерами госпожа Андерсон отталкивала от себя. Я убеждена, что все это затеяли беспринципные люди, которые надеялись нагреть руки, заполучив хотя бы долю сказочного несуществующего богатства Семьи Романовых. В 1925 году женщина выглядела очень больной. Ну а в 1920 году состояние ее было, по-видимому, и того хуже. У меня было такое чувство, что с нею провели своего рода инструктаж, правда, недостаточно детальный. Ошибки, которые она допускала, невозможно целиком приписать провалам в памяти. Например, на одном пальце у нее остался шрам, и она всех уверяла, что повредила его, когда лакей слишком поспешно захлопнул дверцу ландо. Я вспомнила, как было на самом деле. Руку поранила, и довольно сильно, ее сестра Мария. И произошло это не в карете, а в Императорском поезде. Очевидно, кто-то, узнав о том случае, передал этот рассказ госпоже Андерсон, но в искаженном виде. Мне стало известно, что во время одного приема в Берлине, когда госпоже Андерсон предложили водки, она заявила: «Как славно! Это напоминает мне о днях, проведенных в Царском Селе!» Будь она моей племянницей, то водка не пробудила бы в ней подобного рода воспоминаний, — довольно сухо проговорила Великая Княгиня. — Мои племянницы не притрагивались ни к вину, ни к крепким напиткам. Да и как могли они позволить себе такое — в их-то возрасте! В молодости Алики пила только воду, а затем изредка выпивала рюмку портвейна за обедом. Водку и закуски подавали перед супом лишь в том случае, когда к обеду приглашались гости, но дети вместе с родителями не обедали. Что же касается Ники, то из всех Романовых он был самым выдержанным.

Встречи в лечебнице начинались на довольно напряженной ноте, но на третий день госпожа Андерсон стала дружелюбнее и начала говорить более непринужденно.

— У меня создалось впечатление, будто ей надоело играть роль, которую ей навязали. Она фактически призналась, что какие-то люди учили ее, как следует отвечать в тех или иных случаях. Выяснилось, что шрам, якобы оставшийся у нее после ударов по голове в Екатеринбурге, на самом деле — результат какого-то заболевания. При расставании с этой женщиной, я испытывала к ней искреннюю жалость. И зачем только я согласилась поехать в Берлин! Мама была права. Каких только историй не насочиняли некоторые беспринципные люди в связи с моей поездкой — всего и не перескажешь. То, что я не признала в госпоже Андерсон свою племянницу, объясняли телеграммой, которую я будто бы получила из Англии от моей сестры Ксении. Та якобы убеждала меня ни в коем случае не признавать в ней родственницу. Такой телеграммы я не получала. Потом за дело принялись с другого конца. Стали утверждать, будто я все-таки признала в ней племянницу, потому что написала ей несколько писем и прислала из Дании шарф. Понимаю, что мне не следовало этого делать, но поступила я так из жалости. Вы представить себе не можете, какой несчастной выглядела эта женщина!

Успев прочесть автобиографию госпожи Андерсон, я спросил у Великой Княгини, совпадает ли описание ее визита в книге с тем, что произошло на самом деле. Госпожа Андерсон пишет, что Великая Княгиня, на которой было красное пальто, взволнованная и радостная, вошла в палату и сразу же обняла и расцеловала госпожу Андерсон.

— Сплошная выдумка, — решительно заявила Ольга Александровна. — Во-первых, у меня никогда не было красного пальто. Во-вторых, эту женщину я и не обнимала, и не целовала. Более того, разговаривала я с ней очень официально, все время обращаясь к ней «Sie» (Вы). Неужели бы я стала говорить «du» (ты) незнакомому человеку?

Когда я поинтересовался, какова, по ее мнению, причина этой аферы, Ольга, не колеблясь, ответила, что, вероятно, кто-то из старых «спонсоров» госпожи Андерсон, давно положил глаз на значительное состояние Романовых, хранившееся в зарубежных банках, в частности в Англии¹. Но легенда не имела под собой

¹ См. Приложение Б.

никакого основания. Ольга Александровна заявила, что Романовы сняли все свои средства со счетов в зарубежных банках, чтобы помочь России в ее военных усилиях. К примеру, хранившиеся в зарубежных банках средства Государь использовал с целью закуп оборудования для госпиталей и лазаретов. Нельзя было получить лишь суммы, хранившиеся в Берлинском банке. Они составляли несколько миллионов, но после поражения Германии и обесценения марки, на эти миллионы можно было купить разве пачку сигарет.

— По этой причине никто из нас, кому удалось уцелеть, не располагал средствами, которые позволили бы нам сносно жить в изгнании. Слухи об этом «состоянии» стали повторяться особенно настойчиво вскоре после появления госпожи Андерсон в Берлине в 1920 году. Назывались астрономические цифры. Все это звучало нелепо и ужасно вульгарно. Неужели Мама приняла бы ренту от короля Георга V, если бы у нас были какие-то деньги в Англии? Концы с концами не сходятся.

В конце 1928 года в Сандрингеме скончалась королева Александра. Обе сестры были словно близнецы, если бы не разница в возрасте. Смерть эта явилась непоправимым ударом для Императрицы Марии Федоровны. Сначала новость просто ошеломила ее. Но после того как она оправилась от потрясения, Императрица стала выглядеть так, словно заблудилась в дремучем лесу. Чуть ли не в одночасье сдала под бременем лет. Стала немощной. Утратила вкус к жизни. Перестала выезжать в свет. Последние три года жизни Императрица, по существу, была узницей Видере.

Три эти года оказались очень трудными для Великой Княгини. Ее родительница, несмотря на многочисленные недомогания, отказывалась от всякой медицинской помощи. Стала с подозрением относиться к своим фрейлинам и всей прислуге и требовала, чтобы дочь постоянно находилась при ней. У Ольги Александровны почти не оставалось времени на мужа и детей. С каждой неделей, с каждым месяцем престарелая Императрица все больше погружалась в прошлое.

— Мама никогда не говорила ни о Ники, ни о детях, хотя целыми часами разглядывала их фотографии, развешанные во всех уголках ее спальни. Затем стала беспокоиться о своей шкатулке с драгоценностями. Она была убеждена, что за ней охотятся злоумышленники, и велела выдвинуть ее из-под кровати, с тем, что-

бы могла видеть свои сокровища, когда пожелает. Иногда из Англии приезжала сестра Ксения, и мы обе просили Мамá подарить нам что-нибудь на память, но она всякий раз отказывала. Думаю, ей было отлично известно, что ни одна из ее дочерей не обладает практической сметкой. Она неизменно отвечала: «Когда меня не станет, вы получите все». Разумеется, никакого золота Романовых в английских банках не было, зато в спальне Мамá в Видере хранилось целое состояние. Я нередко замечала, с какой тревогой она смотрит на эту шкатулку. Мамá словно предвидела, сколько неприятностей будет с нею связано.

Императрица Мария Федоровна была права. Разумеется, Романовых никак нельзя было назвать практичными людьми. У Ольги Александровны не осталось бы ни одного драгоценного украшения, если бы не находчивость и смелость ее верной горничной. Великой Княгине Ксении Александровне удалось вывезти из России бóльшую часть своих драгоценностей. В коллекцию входили ее знаменитые черные жемчужины, однако, судя по словам Ольги Александровны, сестра лишилась почти всего, доверив продажу этих бесценных сокровищ посторонним лицам, которые что-то напутали и провалили сделку.

Последние годы жизни Императрицы Марии Федоровны были омрачены столкновениями с родственниками, которые настаивали на том, чтобы она рассталась со своей знаменитой коллекцией. И действительно, в распоряжении Царицы был поистине клад, стоимость которого многократно возросла благодаря нескольким великолепным ювелирным изделиям, унаследованным ею от покойной сестры, королевы Александры. Вскоре весьма прозрачные намеки стал делать король Христиан X, рассчитывавший получить свою долю от стоимости драгоценностей. Не отставал от него и Великий Князь Александр Михайлович, с комфортом устроившийся во Франции. В своих письмах он постоянно требовал от Вдовствующей Императрицы, чтобы та если не продала, то по крайней мере заложила бы свои драгоценности. Это, дескать, позволило бы семейству открыть бумажную фабрику, которая, по словам Великого Князя, принесла бы баснословные прибыли всем Романовым. Находившаяся в Англии Великая Княгиня Ксения Александровна оказалась в бедственном положении, выход из которого она видела лишь в продаже своей доли сокровищ. Короче говоря, шкатулка Императрицы Марии Федоровны привлекала к себе взоры всех — кроме Ольги.

Полковник Куликовский, неизменно державшийся в стороне от семейных планов, интриг и стычек, не мог не заметить, насколько редко — если это вообще происходило — считались с мнением его жены. В конце концов, он посоветовал Ольге позаботиться и о собственных интересах, однако, как я понял из слов Великой Княгини, она не предприняла ничего в этом плане.

— Все это было так неприятно, — призналась Ольга Александровна.

В своем письме английский король Георг V рекомендовал «дорогой тетушке Минни» поместить ее драгоценности в банковский сейф в Лондоне. Он также обещал лично проследить за подготовкой и соблюдением условий продажи. Однако «дорогая тетушка Минни» упорно отказывалась расстаться со своей шкатулкой, несмотря на все аргументы, приводившиеся ее английским племянником и всеми родственниками, принадлежавшими к семейству Романовых. Знаменитая шкатулка продолжала оставаться в спальне до самой смерти хозяйки.

В октябре 1928 года Мария Федоровна впала в коматозное состояние. Приехавшая из Англии за неделю до этого дочь Ксения и Ольга трое суток не смыкали глаз, дежуря у постели матери. 13 октября Императрица скончалась, не приходя в сознание.

Прах ее отвезли во дворец Амалиенбург. Окончательное решение относительно погребения оставалось за королем. Сначала он было заявил, что нет необходимости устраивать бывшей Императрице торжественные похороны. Сам по себе факт этот не имел большого значения для ее дочерей, однако они оскорбились за мать, положение и достоинство которой попирались столь недостойным образом.

— В конечном счете, — отметила Ольга Александровна, — уступив давлению со стороны общества, кузену пришлось изменить свое решение.

Однако, неохотно дав разрешение на торжественные похороны, король обставил его рядом неприятных условий. Одно из них заключалось в том, чтобы отец Леонид Колчев, духовник покойной императрицы, не вздумал появляться в соборе в облачении православного священника, иначе, дескать, и сторонники римско-католической религии потребуют для себя права совершать богослужения в соборе, принадлежащем преимущественно протестантам. Это, однако, не смутило преданного священника.

Отец Колчев сумел проникнуть в собор, надев поверх своего облачения длинное пальто, и отслужил панихиду по православному обряду у гроба почившей в Бозе Императрицы.

Гроб, задрапированный пурпуром, был доставлен в собор Роскилде, традиционное место погребения членов датской королевской фамилии. Когда воздавались почести последней русской Императрице, на непродолжительное время вновь ожили блеск и величие Императорской России. Были представлены все владетельные дома Европы; сотни русских эмигрантов, в их числе многие представители дома Романовых устремились в Данию, чтобы отдать последний долг Вдовствующей Императрице.

— Я с иронией наблюдала за ними. Многие из них даже не вспоминали о Мамá, когда она жила в изгнании. Однако все они поспешили на ее похороны — даже мой кузен Кирилл, которому следовало бы держаться подальше от нас, — угрюмо проронила Ольга Александровна¹.

Каких-то два или три дня спустя после похорон Ольгу навестил король Христиан X с единственной целью — удостовериться, что драгоценности ее родительницы по-прежнему находятся в Видере. Великая Княгиня, не веря своим ушам, ответила, что не знает этого наверняка. Она полагала, что шкатулка находится на пути в Лондон.

В своих мемуарах покойный сэр Фредерик Понсонби рассказывал, что от короля Георга V он получил указание доставить драгоценности в Англию для обеспечения их сохранности. Понсонби обратился с просьбой к сэру Питеру Барку² отправиться в Данию. Понсонби в своей книге сообщает о приезде Барка в Копенгаген и встрече с обеими Великими Княгинями. Барк объяснил им, что прибыл по поручению короля, который находит целесообразным отвезти драгоценности в Лондон, где они будут храниться в банковском сейфе до тех пор, пока сестры не решат, как ими распорядиться. По словам Понсонби, обе сестры согласились с этим предложением. Шкатулка с драгоценностями в их

¹ В эпилоге отмечается неблагоприятная роль, которую сыграл Великий Князь Кирилл Владимирович во время февральской революции 1917 года. Великая Княгиня Ольга Александровна, как и многие другие члены Императорской фамилии, не простила ему опрометчивого признания Временного правительства.

² Русский министр финансов (1914—1917). После революции поселился в Англии, где был пригрит королем, а затем возведен в рыцарское достоинство.

присутствии была опечатана, доставлена в британское посольство в Копенгагене, а затем отправлена в Англию.

Однако, как Ольга Александровна поведала мне, эпизод, описанный сэром Понсонби, расходится с действительностью. На самом деле с Барком она не встречалась, шкатулка в ее присутствии не опечатывалась и не увозилась. О договоренности знала лишь ее сестра Ксения.

— Я ни о чем не догадывалась, пока на следующий день Ксения не сообщила мне, что шкатулку уже увезли из Дании. План я одобрила и испытала благодарность к Джорджи, который так о нас заботится. В том, что произошло в Копенгагене, его вины я не нашла. Ксения сама занялась сделкой. Мне дали понять: меня все это мало касается, поскольку я замужем за простолюдином. Это было жестоко и несправедливо, — добавила Ольга Александровна.

Я понял, что история со шкатулкой проложила глубокую пропасть между сестрами.

Поставив Ольгу в еще более унижительное положение, Ксения покинула сестру, а сама поспешила в Англию. Она присутствовала при вскрытии шкатулки в Букингемском дворце, когда Понсонби имел первую и последнюю возможность оценить сказочное богатство прежде, чем оно оказалось распыленным. Драгоценности оказались еще более великолепными, чем он вначале предполагал. «Были извлечены целые нитки самых восхитительных жемчужин, все в соответствии с их размерами. Самые крупные были величиной с вишню... — писал он в мемуарах. — Затем разложили изумруды, крупные рубины и сапфиры...»

Оценку произвела фирма «Хеннель и сыновья», которая была готова, не мешкая, выдать в виде аванса сумму в сто тысяч фунтов стерлингов под заклад содержимого шкатулки. По словам Понсонби, «впоследствии эти драгоценности принесли доход в триста пятьдесят тысяч фунтов».

Король Георг V обратился к сэру Эдварду Пикоку, родившемуся в Канаде директору Банка Англии, позаботиться о финансовом положении его обеих кузин из дома Романовых. После смерти Великой Княгини Ольги Александровны сэр Эдвард сообщил мне, что сумма, доверенная ему в 1929 году, составляла около ста тысяч фунтов стерлингов, из которой приблизительно шестьдесят тысяч получила Ксения, а остальное — Ольга Александровна. Однако, судя по мемуарам сэра Понсонби, разница между этой суммой и той, которую принесли драгоценности, сб-

ставляла двести пятьдесят тысяч фунтов. Я указал на это несоответствие сэру Эдварду Пикоку, но он не смог дать толкового объяснения данному обстоятельству, заявив, что, скорее всего, сэру Понсонби изменила память.

Вряд ли следует согласиться с Пикоком. Сэр Понсонби мог ошибиться в незначительных деталях, но едва ли он мог не знать общей стоимости романовских сокровищ. Кроме того, ни для кого не секрет, что коллекция стоила во много раз дороже, чем сто тысяч фунтов. Некоторые знатоки, в их числе сэр Питер Барк, оценивали ее в полмиллиона фунтов стерлингов. Сомневаться относительно суммы, выплаченной обеим сестрам, указанной в заявлении сэра Эдварда Пикок, нет оснований. Поэтому тайна исчезнувших двухсот пятидесяти тысяч фунтов стерлингов и поныне остается неразгаданной.

Вскоре после продажи романовских сокровищ, как рассказала мне Великая Княгиня, в коллекции королевы Марии появились весьма примечательные ювелирные изделия. При этом она добавила, что леди Барк, жена бывшего русского министра финансов, также приобрела украшение из романовской шкатулки.

Каков же может быть ответ на загадку? Возможно, английские правители полагали, что они вправе удержать разницу в двести пятьдесят тысяч фунтов стерлингов, чтобы компенсировать содержание Императрицы Марии Федоровны, ее семьи и крохотного двора в Дании? Если дело обстояло таким образом, то английской королеве следовало объяснить это своим кузинам. Ведь те были уверены, что зависят от щедрости английских родичей! Моральное состояние изгнанников значительно улучшилось бы, если бы они знали, что их долг перед Англией выплачен сполна.

Великая Княгиня старалась не касаться столь шекотливого предмета, но в одном случае она изменила обычной своей сдержанности.

— Действительно, — проговорила она, — в этом деле есть определенные моменты, которые я не могла понять. Да я и не думала слишком много и ни с кем не делилась своими соображениями, кроме мужа. Я знаю, что Мэй [королева Мария] всегда обожала ювелирные изделия хорошего качества. Помню, в 1925 году советское правительство, крайне нуждавшееся в иностранной валюте, отправило для продажи в Англию множество драгоценностей, принадлежавших фамилии Романовых, и, как мне стало извест-

но, Мэй приобрела очень многие из них, в том числе коллекцию пасхальных яиц работы Фаберже. Мне также известно, что среди ювелирных изделий, вывезенных в Англию на продажу, был по крайней мере один предмет, похищенный из моего дворца в Петрограде. Но его цена оказалась слишком высока даже для Мэй, и я полагаю, что изделие это, о котором идет речь, и поныне находится в Кремле. Это был один из моих свадебных подарков — изысканный веер, отделанный перламутром и усыпанный алмазами и жемчугами.

Я мог убедиться, что Великую Княгиню не слишком-то беспокоила окончательная судьба сокровищ ее родительницы и даже распределение средств от их продажи. Но она была уязвлена до глубины души манерой, в какой производились все эти сделки. Видя, как с ней обращаются в те трудные недели после кончины матери, ей жить не хотелось.

Дворец Видере, Ольга вполне это сознавала, не мог служить домашним очагом. Он был слишком велик, а содержание его было ей не по карману.

После отъезда сестры Ксении в Англию Ольга Александровна со своей семьей жила в Амалиенборге. Но оставаться здесь на долгое время им не позволили. Король Христиан послал своего двоюродного брата, принца Акселя, с настоятельной просьбой к Великой Княгине и ее домочадцам незамедлительно покинуть дворец.

На помощь Ольге Александровне пришел датский миллионер, господин Расмуссен. Неподалеку от Видере у него было крупное имение, и он нанял полковника Куликовского, превосходного знатока лошадей, на должность управляющего конюшнями. Великая Княгиня и ее супруг с радостью оставили мрачный Амалиенбург, где король, взбешенный исчезновением сокровищ тетки, не упускал возможности унижить свою кузину.

Вскоре подтвердились юридические права Великой Княгини на дворец Видере. Она смогла продать его и на вырученные деньги приобрести усадьбу. Но на все это ушло почти четыре года. Лишь в 1932 году она и ее семья стали владельцами крупной фермы Кнудсминне в городке под названием Баллеруп, милях в пятнадцати к северо-западу от Копенгагена.

— Мы почувствовали себя, словно в раю, и хотели прожить в мире и покое всю оставшуюся жизнь. Даже не помышляли о том, чтобы куда-то переехать. Амалиенбург стал далеким прошлым.

Кнудсминне принадлежала только нам, мы были там ограждены и от дурного нрава короля, и от его недоброжелательности. Этой скромной крестьянской усадьбе было далеко до дворца или замка, но для нас это был семейный очаг. Нас ожидал тяжелый труд, но я была готова ко всему. Я понимала, что в тысячу раз лучше жить бедным изгнанником среди бедных крестьян, чем нищим среди владетельных богачей и аристократов. Я полюбила этих мужественных, трудолюбивых людей. Думаю, и они приняли нас в свою среду — и не за происхождение, а за наш упорный труд, — рассказывала Ольга Александровна.

Пришлось нанимать помощников, но Великая Княгиня и полковник Куликовский и сами не отлынивали от работы. Они держали лошадей, коров джерсейской породы, свиней и домашнюю птицу. Домашнее хозяйство вели неутомимая Мимка, горничная Великой Княгини, и Татьяна Громова, бывшая няня Великой Княжны Анастасии, которая бежала в Финляндию, а в 1934 году отыскала Ольгу Александровну. Приходили помочь и женщины из соседней деревни.

Впервые после 1914 года Ольга почувствовала, что принадлежит самой себе. Теперь у нее появилось немного свободного времени, и она вновь вернулась к живописи, которой не занималась столько лет. Постепенно ее изящные этюды с изображением цветов и деревьев стали находить сбыт в Копенгагене и других городах.

— То были спокойные годы, — призналась Великая Княгиня. — У меня были муж и сыновья. Никто не вмешивался в нашу жизнь. Богатыми мы не были, но на жизнь нам хватало. Все мы много трудились, и какое же это было счастье — жить своей семьей, имея собственную крышу над головой.

Хотя Ольга упорно называла себя женой фермера, она оставалась дочерью и сестрой Царей, и в Кнудсминне ее навещали Августейшие родственники. Иногда Ольга Александровна ездила в Германию и во Францию. Ее любили и уважали эмигранты, но она держалась в стороне от всех группировок и партий. Раз в год на пароходе отправлялась в Швецию погостить у кронпринца и принцессы в их поместье Софиеру.

— Я бывала в Софиеру еще в то время, когда королем Швеции был Оскар II. Тогда мне там не очень нравилось. Но Густав и Луиза все переделали на свой лад. Замок из красного камня превратился в уютное жилище — так приветливы были его владельцы.

Я получала удовольствие от этих поездок. Густав — известный археолог и ботаник. Всякий раз, когда я возвращалась в Данию, он дарил мне разные растения. А Луиза была просто неповторима. У себя дома они ввели правило, чтобы гости не давали прислуге на чай. Для такой бедной родственницы, как я, это было весьма кстати. В Софиеру было так весело. Возвращаясь домой, я чувствовала себя помолодевшей и повеселевшей, — отмечала Великая Княгиня.

Однако, несмотря на всю ее привязанность к шведским родичам, Ольга Александровна без всякого сожаления возвращалась в Баллеруп. Кнудсминне со своими серыми стенами стал для нее родным. В Ольге пробудилась материнская кровь, и она наконец-то поняла, что язык, на котором разговаривают в Дании, отнюдь не чужд ей. Оба ее сына, Тихон и Гурий, завершив образование, поступили на службу в датскую королевскую гвардию. Вскоре оба они женились на девушках-датчанках. Великая Княгиня занималась живописью, гуляла, работала в саду, в уверенности, что заслужила право мирно окончить дни на Родине своей матери.

Но сестре последнего русского монарха, видно, было не суждено мирно встретить закат жизни. Над Европой пронеслись грозы 1939 года, а к концу 1940 года нацисты захватили Данию. Сначала все было относительно спокойно, но затем король Христиан X был интернирован за его упорное нежелание сотрудничать с захватчиками. Датская армия была распушена, и сыновья Ольги Александровны несколько месяцев провели в тюрьме.

— Потом в Баллерупе была создана база Люфтваффе. Узнав, что я сестра русского Царя, приходили засвидетельствовать свое почтение немецкие офицеры. У меня не оставалось иного выбора, и я их принимала, — рассказывала Ольга Александровна.

Вторжение гитлеровцев в Россию привело к ужасным осложнениям в жизни Великой Княгини. Тысячи русских эмигрантов, поверивших обещанию Гитлера освободить Россию от коммунистов, встали под немецкие знамена. Многие из них приезжали в Данию лишь для того, чтобы увидеть сестру их умученного Императора. Неподалеку от усадьбы Кнудсминне возник временный лагерь, и Великая Княгиня никогда не закрывала двери перед своими соотечественниками. Однако датчан, чувствовавших себя униженными германской оккупацией, один вид ненавистной не-

медкой формы на тех русских приводил в состояние бешенства. Ольга Александровна разрывалась пополам.

Датское сопротивление усиливалось. Многие датчане рисковали своей жизнью и нередко гибли, пытаясь освободиться от чужеземного ига. А рядом с ними жила русская Великая Княгиня, дочь датской принцессы, причем уже столько лет, и вот теперь она заодно с оккупантами, оказывая гостеприимство противнику и его пособникам. Датские фермеры и крестьяне не могли понять точку зрения Ольги Александровны, да она и не рассчитывала на это.

Всю свою жизнь воздерживаясь от участия в политике, Ольга Александровна оказалась втянутой в опасный круговорот интриг. Как представительница рода Романовых, она не могла не принять сторону союзников, сражавшихся с Гитлером. Она не забывала войну, начатую кайзером, сыновья ее служили в датской армии, да она и сама многим была обязана Дании. Но она была русской и полагала, что обязана оказать помощь своим соотечественникам, надевшим немецкие мундиры в надежде, что с победой Гитлера в России будет покончено с коммунизмом. Эти несчастные русские эмигранты жестоко заблуждались. Некоторые из них прибыли в Европу из самых отдаленных уголков мира, и никто из них не представлял себе действительных условий жизни в России. Они тешили себя надеждой, что большевикам не удастся выдержать ударов немецких бронированных полчищ. Победу Гитлера они представляли себе лишь в радужных красках. Никому из них не приходило в голову, что с торжеством нацизма вся Европа оказалась бы под таким же жестоким и ненавистным гнетом, как и власть Кремля.

В конечном счете все надежды русских эмигрантов потерпели фиаско. Сталинские войска подошли чуть ли не к границам Дании. Коммунисты неоднократно требовали от датских властей выдачи Великой Княгини, обвиняя ее в том, что она помогала своим землякам укрыться на Западе, а правительство Дании в то время едва ли смогло бы воспротивиться требованиям Кремля. Обвинение не было совсем необоснованным, хотя в глазах других людей в действиях Великой Княгини не содержалось состава преступления. После разгрома Гитлера многие русские, сражавшиеся на его стороне, приезжали в Кнудсминне в поисках убежища. Ольга Александровна не могла оказать всем им реальную помощь, хотя в разговоре со мной призналась, что один из таких

людей в течение нескольких недель скрывался у нее на чердаке. Но эти эмигранты поистине попали из огня да в полымя, а те из них, кто прибыл из союзных стран, сознавали, что перед ними в Европе откроется не всякая дверь.

Над жизнью Великой Княгини и ее близких нависла угроза. Требования русских становились все более настойчивыми. Атмосфера в Баллерупе накалялась. Не приходилось сомневаться, что дни Ольги Александровны и ее семейства в Дании сочтены.

Великой Княгине, которой исполнилось шестьдесят шесть лет, было не очень-то легко срываться с обжитого места. После многих раздумий и семейных совещаний они решили эмигрировать в Канаду. Датское правительство понимало, что семья Куликовских должна покинуть страну как можно скорее и незаметнее. Существовала реальная опасность похищения Великой Княгини советскими агентами.

В 1948 году гражданским лицам было не просто совершать какие-то переезды, поэтому пришлось преодолеть множество трудностей. Провести ряд предварительных переговоров помог сэр Эдвард Пикок. В конце концов семье Куликовских было позволено выехать в Канаду в качестве «сельскохозяйственных иммигрантов». Это значило, что, добравшись до этой страны, им предстояло трудиться на ферме. Продать усадьбу Кнудсминне оказалось делом несложным. Куда труднее было вывезти деньги, полученные от сделки, а также средства, которыми располагала Ольга Александровна. Неоценимую помощь в решении проблемы оказала супруга принца Вито, американка по происхождению. Именно она открыла долларовый счет в нью-йоркском банке на имя Великой Княгини и согласилась принять платежи в датской валюте.

Все планы строились в глубочайшей тайне. И все-таки, по-видимому, произошла утечка информации. Сначала семье Куликовских следовало отправиться в Англию. За несколько дней до отплытия у них в доме появился служащий судоходной конторы с билетами на теплоход «Баторий», где им предоставлялись каюты. Одним из директоров конторы был принц Аксель. Название судна ничего не говорило Великой Княгине, но когда она упомянула его в разговоре с друзьями в Копенгагене, те пришли в ужас.

«Вы не должны подниматься на борт этого польского судна, — заявили они. — Это же ловушка».

— Я задрожала, — призналась мне Великая Княгиня. — Стоило бы нам появиться на судне, принадлежащем коммунистам, —

нашу семью тотчас бы схватили коммунистические агенты и увезли в Москву. А там предали бы так называемому суду, обвинив нас в государственной измене. Я притворилась больной, и «Баторий» ушел без нас.

Лишь в мае 1948 года семья Куликовских покинула Данию на датском военном транспорте, направлявшемся в Лондон. Однако, распрощавшись с Данией, Великая Княгиня еще не была в безопасности. Насколько реальной и близкой была угроза их жизням, можно заключить из следующего свидетельства, предоставленного мне господином Дж. С. П. Армстронгом, Генеральным агентом провинции Онтарио, аккредитованным в Англии. Очевидно, как британское, так и канадское правительства считали себя ответственными за безопасность Великой Княгини и приняли самые строгие меры для ее защиты.

«После войны, — писал г-н Армстронг, — Скотланд-Ярд часто вступал со мной в контакт, в целях проверки ряда иностранцев, желающих эмигрировать в Канаду. Кажется, где-то в середине апреля 1948 года сотрудники Скотланд-Ярда впервые связались со мной по поводу Великой Княгини. В данном случае речь шла о том, чтобы установить, желателен ли ее приезд, будет ли ей предоставлено право убежища и надлежащей защиты и не приведет ли ее присутствие к трудностям и осложнениям для наших властей. Я заверил их, что приезд этой семьи будет приветствоваться и что как правительство Канады, так и администрация провинции Онтарио предоставят ей всю необходимую защиту.

Из переговоров можно было сделать вывод, что дело не терпит отлагательства, что оно рассматривалось на самом высоком уровне и что для безопасности Великой Княгини и ее семьи необходимо, чтобы они покинули Великобританию как можно скорее. Впоследствии я узнал, что семейству серьезно угрожали в Дании и это вынудило их спешно оставить эту страну. Какие-то люди пытались установить местонахождение семейства и в Англии. Я был приведен к присяге, и ко мне обратились с просьбой всеми способами помочь переезду семьи в Канаду, если будет принято окончательное решение по этому поводу. Я согласился всячески способствовать делу.

Приблизительно неделю спустя сэр Эдвард Пикок обратился ко мне с просьбой принять его по вопросу, носящему конфиденциальный характер. Он хотел выяснить у меня, считаю ли я, что провинция Онтарио будет подходящим местом для проживания

Великой Княгини и хорошо ли она будет встречена. Он рассказал мне историю семьи, поведал о ее бедственном положении и выразил надежду, что семье будет оказано гостеприимство и всяческая помощь.

Сэр Эдвард попросил меня встретиться с Великой Княгиней у нее дома и рассказать подробно о канадском образе жизни, экономических и жилищных условиях, сельском хозяйстве и т. д. Он организовал мою первую встречу с ней, подчеркивая необходимость сохранения в тайне ее домашнего адреса и дальнейших планов.

Хорошо помню обстоятельства, при каких происходил мой визит в апартаменты Хэмптон-корт-пэлис, которые предоставила семейству королева Мария в качестве временного прибежища. Они находились в квартале, застроенном невысокими домами, так что нужный адрес я отыскал с трудом. Подъезжая к указанному мне дому, на противоположной стороне улицы я заметил мужчину, стоявшего под дождем без всякой видимой необходимости. Неожиданно я сообразил, что было бы глупо с моей стороны припарковать свой большой автомобиль с канадскими номерными знаками перед нужным мне домом, поэтому свернул на боковую улицу и, проехав пару кварталов, вернулся назад пешком. Мужчина по-прежнему стоял под проливным дождем. По-видимому, это был переодетый полицейский.

Меня провели в похожую на столовую, скудно обставленную комнату, расположенную на первом этаже. Огонь в камине не горел, шторы на окнах были задернуты. В помещении оказалось так холодно и сыро, что пальто снимать я не стал. Спустя несколько минут вошла Великая Княгиня. Представившись, она предложила мне раздеться и сесть и поблагодарила за то, что я пришел. На даме был теплый костюм из плотного материала темного цвета, закрывавший ее от горла чуть ли не до щиколоток. На плечах теплый шерстяной платок. Великая Княгиня очень нервничала. Она оказалась чрезвычайно обаятельной, умной и интересной женщиной. У нее была царственная осанка, как и у ее знаменитой подруги, королевы Марии. Когда я ее увидел, Великая Княгиня показалась мне усталой, грустной, издерганной и озабоченной, однако, несмотря на все это, в каждой жилке лица, в каждой черте фигуры этой женщины были видны решимость и отвага. Она искала прибежища, где могла бы жить с семьей в мире и безопасности простой деревенской жизнью, как можно меньше

привлекая к себе внимание общества. Сама она смерти не боялась, главной ее заботой было сохранить детей и внуков.

Во время беседы она пригласила в комнату своего мужа, полковника Куликовского, и сыновей, которые стали задавать мне вопросы. Полковник был не вполне здоров и, хотя много вопросов не задавал, слушал меня внимательно. Мне предложили перекусить, и Великая Княгиня, которая, по-видимому, принимала все важные семейные решения, попросила меня принять в ней участие.

Говорила она очень быстро и четко. Объяснила мне проблемы, стоящие перед нею, и подчеркнула, как важно, чтобы она и ее семья как можно раньше уехали из Великобритании. Она полагала, что в Канаде они будут в большей безопасности, чем в США. Поблагодарила меня за готовность помочь ей, более часа выясняла такие проблемы, как иммиграция, транспорт, финансы, стоимость жизни, стоимость фермы, наиболее удобное ее местонахождение и расспрашивала о канадцах вообще. Хотя сыновья ее, очевидно, были довольны ее быстрым решением, муж не проявлял такого же энтузиазма и полагал, что вопрос следует обсудить более досконально. Никакого спора между ними не было. Великая Княгиня заявила, что они едут, и проводила меня до дверей.

Мы договорились о следующей встрече, чтобы я смог сообщить о предпринятых шагах. По причинам безопасности был необходим лишь личный контакт: ни телефоном, ни почтой пользоваться не следовало. В мае я еще два раза нанес визит Великой Княгине. Перед самым отъездом она вместе с мужем и двумя сыновьями зашла ко мне в „Дом Онтарิโอ“, чтобы поблагодарить за помощь.

Рассказ господина Армстронга приводится здесь полностью по двум причинам. Во-первых, Ольга Александровна предстает перед нами совсем не такой, какой хотела бы казаться. Очутившись перед серьезным выбором, мечтательница, непрактичная художница, предстает перед нами как совершенно другой человек — женщина энергичная, полная сил, несмотря на ее усталость, быстро принимающая важные решения. Причем фактически не обращая внимания на реакцию членов семьи. Второй аспект имеет большее значение.

Шел 1948 год. Минул тридцать один год после большевистской революции 1917 года. Казалось бы, семейство Романовых не

должно более заботить Кремль, но все факты свидетельствуют о противоположном. В Дании, недалеко от границ которой стояли советские войска, жизнь Великой Княгини находилась под угрозой. Но то обстоятельство, что подобное происходило и в Англии, говорит само за себя. Магия имени Романовых все еще была жива, и угроза, нависшая над Великой Княгиней, отнюдь не существовала в чем-то воображении.

В спешке, сопровождавшей отъезд из Дании, никто не позаботился о том, чтобы получить паспорт для верной и незаменимой помощницы Ольги Александровны — Мимки, которой к тому времени исполнилось уже восемьдесят три года. Отъезд пришлось отложить на две недели, пока не выправили документы на имя Эмили Тенсо. Великая Княгиня часто отлучалась из Хэмптон-корта, что лишь прибавляло забот Скотланд-Ярду.

— Я обрадовалась задержке, — призналась мне Ольга Александровна. — Мне нужно было повидаться со столькими людьми. Я даже сумела отыскать родственников моей старой милой Нана. Надо было увидеться и с Джимми, который, уйдя в отставку, поселился в Букингемшире. Мы с ним пили чай. На стене у него висела одна из моих картин. Увидев ее, я воскликнула: «Я и не знала, что умею так хорошо рисовать». Мне было так приятно увидеть его и поговорить о прежних временах. Потом мы праздновали день рождения Мэй — ей исполнился восемьдесят один год, затем мне надо было нанести ряд совершенно частных визитов в Марлборо-хаус.

— Вы не коснулись вопроса о драгоценностях при встрече с королевой Марией? — рискнул я спросить.

Ольга Александровна решительно покачала головой:

— К чему было обострять отношения?

2 июня 1948 года Великая Княгиня вместе со своей семьей поднялась на борт судна «Эмпресс оф Канада», стоявшего в Ливерпульском порту. Еще один год жизни ушел на грустные прощания. Кроме шестидесятишестилетней Великой Княгини и ее шестидесятисемилетнего супруга в числе отъезжающих были двое их сыновей — Тихон, которому исполнилось тридцать, и Гурий, который был на год моложе, вместе с их женами-датчанками — Агнес и Рут, шестилетней внучкой Ксенией и пятилетним Леонидом.

— После того как в тумане скрылись свинцовые берега Англии, мне показалось, будто опустился некий занавес, за которым остались годы жизни, проведенные в России и Дании, — вспоми-

нала Ольга Александровна. — Конечно, я твердо знала, что никогда больше не увижу Европу. Но знала и то, что до конца своих дней сохраню в памяти много дорогих и милых сердцу воспоминаний.

Глава десятая

В НОВОМ СВЕТЕ НА СКЛОНЕ ДНЕЙ

На долю Великой Княгини выпало столько бед и невзгод, что она, казалось, должна бы отчаяться, очутившись в незнакомом мире и увидев необходимость приспособливаться к совершенно новым условиям жизни. Ольге Александровне перевалило за шестьдесят шесть. Годы ее не сломили, но оставили свой глубокий след.

Однако, сознавая, что распрощалась с Европой навсегда, Великая Княгиня не стала предаваться ностальгическим воспоминаниям. Переезд в Канаду был для нее чем-то вроде приключения, а в приключение следует пускаться без оглядки или вовсе отказаться от него. Ее мужество подверглось суровому испытанию еще во время плавания. Как сообщил Великой Княгине капитан, это был самый трудный рейс «Эмпресс оф Канада». От морской болезни страдали почти все пассажиры, в том числе и ее семья. Но ни на Ольгу Александровну, ни на Мимку качка совершенно не действовала. Мимка, превратившаяся в ссохшуюся старуху восьмидесяти трех лет, заботилась о своей хозяйке и не спускала глаз с кофты, которую купила ей в Крыму Великая Княгиня много лет назад. Ночью Мимка клала кофту под подушку, а днем надевала на себя. Любому, кто случайно взял бы ее в руки, она показалась бы необыкновенно тяжелой. Однако Мимка следила за тем, чтобы такое не случилось ни в коем случае. Дело в том, что между тканью и подкладкой верная служанка зашила несколько замшевых мешочков, в которых хранилось все, что осталось от драгоценностей ее хозяйки. Ни количество ювелирных изделий, ни их стоимость не шли ни в какое сравнение с содержимым шкатулки покойной Императрицы, но, по мнению Мимки, могла пригодиться даже тонюсенькая золотая булавка, не представляющая особой ценности.

— Старый лайнер все время швыряло с борта на борт. По спокойной воде, думаю, мы плыли не так уж много, — рассказывала Ольга Александровна. — Не понимаю, почему я не страдала от морской болезни, как все мои близкие. Хорошим моряком я никогда не была, бывало, во время плаваний на «Штандарте», я, к огорчению моих племянниц, лежала пластом.

Кто-то из членов экипажа назвал судно «пьяной княгиней». Реплику эту услышал какой-то датский журналист, находившийся на корабле. Решив, что определение относится к Ольге Александровне, он возмущенно заявил капитану: «Замечание крайне непочтительно и совершенно несправедливо — Ее Императорское Высочество известна трезвым образом жизни». Капитан заверил его, что к Великой Княгине шутка не имеет никакого отношения. О происшедшем стало известно самой Ольге Александровне, и фраза, оброненная моряком, ее страшно рассмешила. Она сказала, что ничего не имеет против, даже если замечание касается ее.

«Эмпресс оф Канада» пришвартовался в порту Галифакса. Великую Княгиню и ее спутников встретили датский генеральный консул и многие представители администрации провинции Квебек. Их ожидал поезд на Монреаль. Трудное плавание сказалось на членах ее семьи. У полковника Куликовского снова разболелся позвоночник, травмированный во время первой мировой войны. Внуку и внучке нездоровилось, а остальные волновались: что-то ждет их в конце долгого путешествия.

Но Великая Княгиня по-прежнему была полна оптимизма. Поудобнее усадив мужа, она принялась глядеть в окно вагона.

— Увидев бескрайние дали, я была поражена. Мне показалось, будто я на Родине и передо мной простираются огромные просторы России, — вспоминала Ольга Александровна.

В Монреале переселенцев приветствовала восторженная толпа русских эмигрантов. Многие из них приехали за сотни миль ради того, чтобы увидеть сестру Государя Императора. Двое даже заявили, что находятся в отдаленном родстве с Великой Княгиней.

— Я тогда не знала, что эти «родственники» составят целую плеяду мнимых кузенов, кузин, племянников и племянниц и прочих самозванцев, которые, словно возникая из-под земли, будут приезжать со всех концов планеты. Американский континент особенно способствовал их появлению. Нигде им не жилось так вольготно, как там.

Приезд Куликовских в Торонто прошел спокойнее. Но Ольга Александровна с огорчением узнала, что для «сельскохозяйственных иммигрантов» зарезервированы роскошные номера в «Ройял Йорк-отеле» — одной из крупнейших гостиниц Британского Содружества.

— Пушистые ковры, роскошные портьеры, множество диковинных цветов — чего там только не было! Для меня все это было просто невыносимо. Моим близким весь этот блеск был тоже не по душе. Лишь моя бедная милая Мимка все твердила, что гостиница напоминает дворец и вполне подходит для ее хозяйки. Как сейчас, вижу милую старушку, которая ходит из одной комнаты в другую, цокая языком от удовольствия. Но пришлось ее разочаровать. Два дня спустя мы переехали в очень скромный пансионат, принадлежавший расположенной к нам эмигрантской чете. Там не было ни роскошных ковров, ни удобных кресел, зато какая это была радость — видеть в каждой комнате иконы и есть щи с пирожками. Все жители Торонто были очень добры к нам и помогали, чем могли, — с теплым чувством добавила Ольга Александровна.

В то время американским консулом был господин Малькольм Догерти, который оказал большую помощь семье Великой Княгини. Некогда он со своей семьей гостил у Куликовских в усадьбе Кнудсминне. Не предъявляя ни малейших претензий к Великой Княгине, они считали, что находятся в родстве с ней и называли ее «тетя Ольга»! Оказалось, что у госпожи Догерти была бабушка-турчанка, которая утверждала, будто между ее семьей и Романовыми существовали кровные связи.

Однако Куликовские приехали в Канаду не затем, чтобы ходить с одного приема на другой или уплетать пирожки с мясом, испеченные по старинному русскому рецепту. Следовало подыскивать ферму, а на это требовалось время. Благодаря стараниям господина А. Г. Крейтона, местного чиновника, Куликовские, не имевшие опыта в подобных делах, избежали возможных промахов и ошибок. Он вел все нужные переговоры, не раскрывая личности потенциальной покупательницы. С именем Романовых по-прежнему связывали баснословное богатство, и большинство агентов по продаже недвижимости наверняка захотели бы нажиться на этом. День за днем разъезжала по округе Великая Княгиня в сопровождении мужа и господина Крейтона.

— Да, нужно упомянуть еще о Мимке. Она настояла на том, чтобы мы каждый раз брали ее с собой. Сколько хлопот она нам

доставляла, а сколько ферм нашла совершенно неподходящими! Размеры имения Кнудсминне не имели для нее особого значения, поскольку мы постоянно поддерживали связи с кузенами из владетельных домов. Но здесь, в Канаде, где не было ни королей, ни герцогов или принцев, бедная Мимка считала, что чем больше фермерский дом, тем больше он соответствует моему положению. Однако взгляды ее были так наивны и трогательны, что мы всегда уступали ей.

Лишь осенью 1948 года семейству Куликовских удалось подыскать себе подходящую ферму. Занимала она площадь в двести акров (около восьмидесяти гектаров) и находилась в графстве Холтон неподалеку от Кэмпбеллвилла, милях в пятидесяти западнее Торонто. Даже Мимка, правда очень неохотно, призналась, что «все могло быть гораздо хуже». Среди обширных газонов возвышался дом из красного кирпича. От шоссе к дому шла аллея, окаймленная высокими кленами. Создавалось такое впечатление, словно вы находитесь в небольшом поместье. Благодаря предусмотрительности господина Крейтона ферма была приобретена за четырнадцать тысяч долларов — гораздо дешевле, чем она стоила бы, если бы с самого начала была известна личность покупателей.

— С какой радостью мы покинули Торонто. Я трудилась, как вол, чтобы превратить дом в настоящий домашний очаг. Со временем доставили наши вещи, и в каждой из просторных комнат мы поместили дорогие нам памятки прошлого. Цветов было, как в раю.

Нужно подчеркнуть, что первые месяцы, проведенные в Канаде, в жизни Ольги Александровны оказались самыми счастливыми. С каждым днем, с каждой неделей она дышала все более полной грудью. Местность вокруг фермы напоминала ей знакомые края. Весь свой досуг Ольга Александровна посвящала прогулкам. Отголоски родных просторов, которые ей не суждено больше увидеть, она находила в деревьях, кустарниках, цветах. Чем ближе она узнавала природу Канады с ее ширью, тем ярче становились воспоминания о минувшем, которые дороже жизни. Ольга была не просто довольна: она была счастлива. Полна восторга, словно юная девушка. Она писала одной своей подруге:

«В окрестностях я обнаружила свои любимые весенние цветы — голубые анемоны. Какое это было счастье — ведь я обожаю их и уж думала, что никогда их больше не увижу. Я с таким не-

терпением жду, когда они зацветут. Тогда окончательно пойму, что в Канаде я как у себя дома... У меня на Родине леса весной были покрыты ковром таких же голубых цветов...»

Но так она проводила лишь свой досуг. Они были фермерами, и Великая Княгиня никогда не забывала об этом. Ольга трудилась изо всех сил, главным образом на птичьем дворе. Мало-помалу полковник Куликовский приобрел довольно большое стадо крупного рогатого скота. Кроме того, супруги решили завести свиней. Что же касается размеров фермы, то она оказалась не слишком велика: можно было обойтись собственными силами.

Однако с самого начала пришлось столкнуться с серьезными проблемами. Сельскохозяйственные машины, привезенные из Дании, как выяснилось, непригодны для канадских условий. Трудно было достать запасные части, да и стоили они дорого. В графстве Холтон нелегко было найти наемных рабочих. Вскоре оба сына Ольги Александровны решили попытать счастья в Торонто и вместе с женами покинули Кэмпбеллвилл.

Великая Княгиня огорчилась, но не пала духом. Она была женой фермера в Дании и в Канаду переехала затем, чтобы трудиться на земле. Больше не чувствуя себя «зверьком в золоченой клетке, выставленным напоказ», она с удовольствием занялась домашними делами. Единственным исключением была готовка. Она любила вкусную еду, когда ее ставили на стол, если же ее не было, то Ольга Александровна не слишком переживала. Кулинарные ухищрения она считала напрасной тратой времени, которое можно использовать для прогулок, занятий живописью и даже мечтаний. Мимка, измученная ревматизмом, делала что могла, но большого толку от нее не было. Правда, Ольга умела готовить овощные блюда и любила печь хлеб, а в остальном приходилось рассчитывать на консервированные продукты, купленные в Кэмпбеллвилле.

Приезд Великой Княгини, естественно, произвел сенсацию среди жителей окрести. Выяснилось, что фермеры графства Холтон — люди добрые, готовые помочь и уважительные. Не разбираясь в русских титулах, они иногда величали полковника Куликовского и Ольгу Александровну «царем и его королевой». Большое впечатление произвел на них слух, будто полковник в России владел тысячью лошадей паломинской породы. По-видимому, слух этот основывался на том, что в Гусарском Ахтырском Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны полку, в котором он неко-

гда служил, действительно было большое стадо лошадей этой породы. Соседи никогда не забывали, что новая их соседка принадлежит к роду Романовых, что она дочь и сестра Императоров. Но скромность ее одежды, простота, умение радоваться жизни, всем пришлось по душе. Вскоре для всей округи она стала просто «Ольгой», и Великой Княгине нравилось, когда ее так называли.

К всеобщему удивлению, Великая Княгиня не только легко переносила долгую, холодную канадскую зиму, она ею наслаждалась. Покрытые снегом просторы радовали ее сердце. Жаркий огонь в камине, морозные узоры на окнах, хруст снега под ногами, то особенное безмолвие, которое царит в зимнюю пору в лесу и в поле, — все это были страницы знакомой и любимой с самого детства книги.

К сожалению, уединившись в канадской «глубинке», Ольга Александровна не сумела укрыться от внимания журналистов и фоторепортеров. Когда она жила во дворце, то терпеть не могла всякого рода шумиху вокруг своего имени. Теперь же ненавидела ее еще больше, но была бессильна этому помешать. Некий журналист из Копенгагена переплыл через Атлантический океан с единственной целью написать «историю» внучки короля Христиана IX, которая живет в канадской глуши. Вскоре ею заинтересовались и нью-йоркские издатели. Великой Княгине предлагали выплатить крупные гонорары, если она уступит им право напечатать ее автобиографию. Один издатели надумал направить в Кэмпбеллвилл своего сотрудника, оснащенного магнитофоном. Он рассчитывал на то, что Великая Княгиня сообщит репортеру «основные факты» из ее жизни примерно в десяти коротких интервью, «предоставив остальную работу» парням из Нью-Йорка.

Очевидно, предлагаемые суммы могли ввести Великую Княгиню в соблазн, поскольку финансовое положение ее семьи продолжало ухудшаться. Ольга Александровна отвергла все предложения, хотя деньги эти и помогли бы им выпутаться из ряда трудных ситуаций. Она оставалась непоколебимой в своем решении не извлекать материальной выгоды из собственных переживаний, в чем ее неизменно поддерживал супруг. Полковник полагал, что даже попытка вспомнить многие трагические события прошлого будет непосильной для ее душевного здоровья. Американские издатели один за другим получали вежливый отказ.

Но она не могла справиться с репортерами, которые являлись к ней без всякого предупреждения. Как ни старалась Великая Кня-

гиня избегать подобных встреч, ей это не всегда удавалось. Журналисты устремлялись в графство Холтон целыми дюжинами, они застигали ее в саду, на птичьем дворе, в поле. Делали снимки хрупкой пожилой женщины, наделенной чувством несравненного достоинства и царственной осанкой, несмотря на малый рост. Ее поношенная, кое-как залатанная одежда выглядела на ней словно творение модного кутюрье из дома мод на Рю-де-ля Пэ. Они находили Ольгу в окружении стада коров, в курятнике, возле цветочных грядок. Заставали ее врасплох, когда она отдыхала или чинила простыню. Они даже заглядывали в окна дома и заставляли хозяйку в те минуты, когда она героически, но совершенно безуспешно пыталась справиться с веником и тряпкой.

Некоторые из такого рода господ заявляли, что Великая Княгиня «чересчур уж проста» для лица столь знатного происхождения. Тут они ошибались. Именно происхождение создавало вокруг нее своеобразную ауру. У Ольги Александровны не было нужды ни принижать себя, ни заноситься. Полная сознания собственного значения, она всегда оставалась самой собой — разговаривала ли она с королями или же с дорожными рабочими. Какую бы черную работу она ни выполняла, она никогда не менялась, была Великой Княгиней до самых кончиков ногтей. Репортеры приходили и исчезали, вынужденные основываться в своих рассказах не на том, что слышали, а на том, что видели, поскольку хозяйка фермерского дома оставалась очень вежливой, но немногословной.

Несмотря на все трудности, Канада положительно действовала на душевное состояние Великой Княгини. Теперь Ольга не была бедной родственницей, живущей в изгнании, помня былой блеск, исчезновение которого постоянно оплакивали ее более удачливые родственники.

Немецкая «Анастасия» оказалась отнюдь не единственной претенденткой на принадлежность к семье Романовых. Уезжая в 1925 году в Берлин, Ольга Александровна едва ли представляла, сколько встреч подобного рода ее еще ожидает. По существу, самозванцы обоего пола преследовали ее до конца жизни. В разговоре со мной она сказала:

— Хорошо, что я, так сказать, приобрела иммунитет против их атак. Иначе меня свели бы с ума. Я полагала, что наилучший способ общения с такими людьми — это равнодушие. Но подобная

политика не всегда срабатывала. Вы даже не представляете, какими наглыми, черствыми и упрямыми бывают некоторые из них.

Великой Княгине принялись докучать с самого начала. Какая-то незнакомка принялась осаждать ее пространными посланиями. Одна женщина, жившая в Торонто, не сообщила, кто она, а только намекнула в письме, что она «очень близкая родственница» и вправе просить о встрече с Ольгой Александровной, чтобы поведать ей свою историю. Сначала Великая Княгиня не обращала внимания на письма. Однако, раздосадованная назойливостью корреспондентки, послала ей коротенькую записку, уведомив ее, что отказывается от встречи.

Однако это не остановило «очень близкую родственницу», а только заставило изменить тактику.

— Она стала присылать мне такие душещипательные письма, что я в конце концов сжалась над ней. Я обещала встретиться с нею, но лишь один раз, — рассказывала Ольга Александровна. — Мы договорились о дате. Муж поехал в Моффет, чтобы встретить поезд из Торонто, но к нам в дом эту женщину так и не привез. Едва он ее увидел, то сразу понял, что мне незачем встречаться с нею. По его словам, это было что-то ужасное. Не представляю, как ему это удалось, но он разговаривал с ней на платформе продолжительное время, потом отправил с ближайшим же поездом в Торонто. Должно быть, муж сказал ей нечто такое, что заставило ее навсегда замолчать. Больше я от нее писем не получала и не имею представления о том, за кого она себя выдавала.

Другой самозванкой была еще одна чрезвычайно многословная «Анастасия», жившая в небольшом городке в Иллинойсе. Она тоже принялась бомбардировать свою «любимую тетю Ольгу» письмами. Ее ничуть не заботило, что «любимая тетя Ольга» ни на одно из них не ответила. Дама эта была владелицей салона красоты «Анастасия» и, похоже, преуспевала. Спустя какое-то время даме из штата Иллинойс надоело писать письма. Она отправилась в Торонто собственной персоной, полная решимости заставить «любимую тетю» встретиться с нею. Иллинойсская «Анастасия» намеревалась добраться до самого Кемпбеллвилла, но в Торонто до нее дошел слух, заставивший ее поспешить в немецкое консульство.

Приблизительно в это время госпожа Андерсон обратилась в ряд германских судов с иском. Цель иска состояла в том, чтобы потребовать юридического признания ее претензий. Гневу и возмущению Ольги Александровны не было предела, когда в Торон-

то прилетели два немецких адвоката с целью уточнить некоторые подробности ее визита в Берлин в 1925 году. Германский консул упросил Великую Княгиню дать им краткое интервью. Первой реакцией Ольги было отказать в просьбе: она не хотела больше слышать об этой истории. Однако консул продолжал уговаривать ее, и в конце концов она согласилась на встречу, правда, очень неохотно. «Краткое интервью» оказалось бесконечным, и Ольге Александровне пришлось в голову, уж не пытаются ли заманить ее в ловушку и заставить отвечать на вопросы, которые ей были не вполне понятны. Рассерженная и усталая, она поднялась. Заявив, что ей больше нечего сказать, вышла из комнаты. Сконфуженный консул последовал за ней, бормоча извинения. В коридоре они едва не наткнулись на иллинойскую «Анастасию». Узнав о приезде адвокатов в Торонто, та ждала консула, чтобы просить его о приеме. Она намеревалась заявить о собственных претензиях и обвинить немецкую «Анастасию» в мошенничестве. Иллинойская «Анастасия» услышала, как рассыпался в извинениях немецкий консул, обращаясь к «ее Императорскому Высочеству». Мгновенно сообразив, кто находится перед нею, дамочка бросилась к Великой Княгине, восклицая: «Тетя Ольга! Дорогая тетя Ольга... Наконец-то...»

Вне себя от гнева, Великая Княгиня прошла мимо, не взглянув на «племянницу». Впоследствии Ольге Александровне стало известно, что «Анастасия» из Иллинойса пыталась завоевать себе сторонников у себя в штате, заявив, что она узнала «свою дорогую тетю» по верхней губе.

— В первый и последний раз в жизни мне стало известно, — едко заметила Ольга Александровна, — что меня можно узнать по какой-то особенности очертаний моей верхней губы. Полагаю, что эта женщина вернулась в свой салон красоты в штате Иллинойс. По крайней мере, она сэкономила на марках, прекратив писать мне.

Мы рассказали лишь о двух из многих самозванок. Некая дама, обитавшая в роскошной вилле на берегу озера Комо, выдавала себя за великую княжну Ольгу Николаевну, старшую дочь Императора Николая II. Она в свою очередь называла немецкую «Анастасию» самозванкой, поскольку у нее имелись «неопровержимые доказательства» того, что все ее «сестры» были злодейски убиты в 1918 году. Претендентка с озера Комо, по-видимому, располагала значительными средствами. Те, кто встречался с нею

на ее вилле, свидетельствовали о том, что дом ее полная чаша. Она якобы была помолвлена с господином «королевской крови», имя и национальная принадлежность которого остались загадкой. Появилась «Анастасия» даже в Японии! Православный епископ из Токио, старинный друг Великой Княгини, писал ей, что эта женщина взбудоражила всю Азию. «Вы должны что-то предпринять и положить этому конец», — умолял он Ольгу Александровну.

— Но что я могла поделать? — обратилась ко мне Великая Княгиня. — Все мои родственники, как и я сама, располагали убедительными доказательствами екатеринбургского злодеяния. Как жестоко было со стороны этих авантюристок выдавать себя за моих племянниц лишь ради того, чтобы извлечь материальную выгоду. Но я была не в силах что-либо поделать. Не могла же я опуститься до того, чтобы заняться разоблачением их недостойных уловок. Мне ничего не оставалось, и я решила не обращать на них внимания. Однако все это доставляло мне мучения, — сетовала Великая Княгиня.

Однажды вечером — Ольга Александровна и ее супруг жили тогда уже в Куксвилле — послышался стук. Полковник отворил дверь. Он увидел низенького, с неприятными чертами лица, мужчину. Улыбнувшись, тот произнес по-французски:

— Думаю, спустя столько лет, вы меня не узнали. Я Алексей. Не могу ли я видеть тетю Ольгу. Я принес ей рассказ о моей жизни.

При этих словах Великая Княгиня чуть не упала в обморок. Полковник попытался помешать прищельцу войти в дом, но тот проскользнул в жилую комнату и, положив на стол засаленную объемную рукопись, начал пространный рассказ о каких-то солдатах в Екатеринбурге, которые сжалились над ним много лет назад.

— Я был тяжело ранен, но остался жив, и они тайком вытащили меня из подвала. Потом передали французам. Один офицер усыновил меня и увез во Францию. Я всегда знал, чей я сын, но не хотел делать это достоянием публики. Думаю, настала пора открыться. Я написал рассказ о своей жизни. Прошу прощения, но я совершенно забыл русский язык.

Для хрупкой Великой Княгини, слушавшей эту дикую историю, тот вечер был, должно быть, одним из самых кошмарных в ее жизни. Она давно заставила себя смириться с ужасом екатеринбургского злодейства. Горячо верила, что Державный брат ее вместе со всей своей Семьей почивают о Господе. Постоянно мо-

лилась и хранила память о них. Даже тогда, когда она решила диктовать мне свои воспоминания, она почти не упоминала об Екатеринбурге, да и я не расспрашивал ее. Я знал, что мысль о нем не переставала терзать Ольгу Александровну.

И вот здесь, под крышей ее собственного дома, какой-то неопрятный французик все говорил и говорил об ужасах той июльской ночи 1918 года. Полковник, верно, готов был выпшвырнуть непростеного рассказчика вон. Но Великая Княгиня выслушала его.

— Нам было очень жаль его, — рассказывала она, — и мы согласились прочитать рукопись, хотя, разумеется, он был мне племянником не в большей степени, чем вот этот пес, лежащий возле камина.

В конце концов человек разрыдался и признался в обмане. Рассказал, что он француз, что плавал на судах, а теперь работает мойщиком посуды в Нью-Йорке. Слушая Ольгу Александровну, я хорошо представлял себе, каких мучений стоил ей тот вечер. Но она сказала: «Нам было очень жаль его», и только.

Очередная «Анастасия» появилась совсем недавно, в начале 1960 года. Женщина эта, личность которой так и не удалось установить, была столь настойчивой, что начальник монреальской полиции решил откомандировать одного из своих сотрудников в Куксвилл.

— Меня спросили, не разрешу ли я показать цветной фильм обо мне этой женщине в Монреале. Я согласилась. Я решила положить этой глупой затее конец — раз и навсегда.

Однако спустя несколько недель, когда Великая Княгиня лежала тяжело больная в одной из больниц Торонто, в помещение, отведенное Великой Княгине, несмотря на табличку на дверях: «Посетителям вход воспрещен» вошел полицейский из Монреаля в сопровождении последней самозванки. Раздосадованная Ольга Александровна закрыла глаза, притворяясь спящей, в надежде, что ее оставят в покое, и тут услышала слова «Анастасии»:

— Помню, она всегда делала вид, что ей плохо, когда хотела попросить что-нибудь у моего отца.

— Нужно сказать, — заявила мне Ольга, когда я пришел навестить ее и возмутился тем, что узнал, — что я никогда и не падала в обморок, и не притворялась, будто мне плохо, в присутствии Ники. Мне не было нужды притворяться перед ним. Знаю, я часто досаждала брату, и я надеюсь, что он меня простил, но фальши между нами никогда не было.

При всей ее назойливости, монреальская «Анастасия» ступала и куда-то исчезла.

Как это ни невероятно звучит, но однажды Великую Княгиню обвинили в том, что она выдает себя... за самое себя! В одном канадском журнале были напечатаны несколько моих статей о ней, и я получил пространное письмо на испанском языке от женщины, жившей в Монтевидео. Она утверждала, будто именно она является Великой Княгиней Ольгой Александровной, а «женщина в Канаде» — самозванка. Автор письма предупредила меня, что намерена приехать в Канаду и начать судебный процесс с целью «защитить честь и достоинство семейства Романовых». Я показал письмо Ольге, и она рассмеялась.

— Бывают же такие сумасшедшие на свете! — отозвалась она.

О женщине из Монтевидео мы ничего больше слышали.

Какой гордой и сдержанной была Великая Княгиня, и какую боль, должно быть, причиняли ей все эти «Анастасии»! До сих пор слышу ее голос:

— Я знаю, смерть моя близка. Теперь, в конце долгой жизни, я думаю, что рассказала вам все, что помню об Анастасии. Больше мне нечего добавить. Мне кажется, что я воздала долг памяти бедной моей Маленькой¹.

Я тоже был уверен в этом. Как был уверен и в том, что сбудется ее пламенная надежда: с легендой об Анастасии вскоре будет покончено. Преклонение Ольги перед памятью брата и его Семьи было так велико, что словами этого не передать. Рана, нанесенная ей злодейской расправой в Екатеринбурге, так и не зажила, не зарубцевалась. Все эти претендентки, которые появлялись на горизонте, не просто досаждали Великой Княгине. Они вламывались в дверь святилища, на доступ в которое имели право лишь Великая Княгиня Ольга Александровна, ее сестра Ксения, и никто другой. Истинная дочь Православной Церкви, в канонах и символах которой она находила опору, Ольга видела в своем брате Помазанника Божия, власть которому была дарована не людьми, а Богом. Однажды я осмелился спросить Великую Княгиню, молится ли она за него. Немного помолчав, она ответила:

— Не за него — а *Ему*. Он мученик.

И я понял, что иного ответа Ольга дать не могла.

¹ Так называли в Императорской Семье младшую Великую Княжну Анастасию Николаевну.

От таких чувств и такой преданности некоторые люди, возможно, отмахнутся в наши дни, когда самое жестокое и гнусное убийство едва трогает их; когда во многих странах королевская власть считается нелепым анахронизмом; когда для многих миллионов перестало существовать само понятие о причастии, а большая часть истории не представляет никакого интереса. Однако Великая Княгиня, хотя и не получившая строгого академического образования, обладала чувством непрерывности исторического процесса и ясно сознавала, что является самым важным в жизни. У нее была цельная натура, и даже ее предрассудки не вступали с нею в противоречие.

Поселившись в Кэмпбеллвилле, Ольга Александровна надеялась, что сможет вести более или менее уединенный образ жизни. Но не тут-то было. Последовали приглашения от торонтских дам на обеды, ужины, званые вечера. Сначала она их принимала исключительно ради своих невесток. Великая Княгиня, где бы ни появлялась, совершенно не обращала внимания на то, как и во что она одета. При жизни матери ей приходилось следить за своим гардеробом. Но после кончины Императрицы Марии Федоровны в 1928 году Ольга Александровна перестала обращать на него внимание. Однако, как бы ни была она одета, это не мешало ей сохранить свое достоинство и величественность.

На одном из таких приемов она встретила ныне покойную Мазо де ля Рош. Имя это Ольге ничего не говорило, и она, со свойственной ей прямоотой, призналась, что не читала ни одного романа писательницы. «Но они переведены на семнадцать языков», — заявила мисс де ля Рош и, обратясь к хозяйке гостиной, заметила, что Великая Княгиня, видимо, плохо начитана.

Если одна из собеседниц была откровенна, то вторая — вульгарна. Как бы то ни было, инцидент удалось уладить и обе женщины подружились.

Великая Княгиня всегда ненавидела светскую чернь и поэтому невзлюбила званые вечера с коктейлем. «Это самый дешевый способ отблагодарить тех людей, которых следовало бы пригласить на ужин», — заметила по их поводу Ольга Александровна. Мало-помалу она стала все больше отдаляться от все увеличивавшегося круга знакомых. Приближаясь к семидесятилетию, Ольга Александровна поняла, что должна сохранять силы и уделять досуг лишь друзьям — где бы они ни жили и кем бы они ни были.

В дружбе она проявила свою натуру художника. Ее щедрость, тактичность, умение разбираться в людях, преданность друзьям не имели границ. Если друг в чем-то испытывал нужду, для Ольги не существовало таких трудностей и неудобств, которые она была бы готова ради него претерпеть. Она не делала никаких различий между лицами, принадлежащими к тем или иным слоям общества. Искала лишь то *настоящее*, что было в мужчинах и женщинах, которым она дарила свою дружбу. «Думаю, что знакомство [с Великой Княгиней] было для меня поистине благодеянием», — писал один молодой бизнесмен из Торонто, а ее сосед по Кэмпбелл-виллю отметил присущие Ольге Александровне «удивительные и редкие качества, свидетельствовавшие об ее истинной доброте».

Несмотря на теплый прием, оказанный Великой Княгиней в Канаде, с самого начала жизнь ее в графстве Холтон пошла по тернистому пути. Первым огорчением четы Куликовских было расставание с сыновьями, которые покинули ферму. Они отправились в Торонто, захватив с собой целый ворох рекомендательных писем к главам фирм, но найти хорошую работу оказалось не так просто, как они рассчитывали. Они были хорошими солдатами, но деловым опытом не располагали. Должности, которые они со временем получили, отнюдь нельзя было назвать доходными, и Ольге пришлось испытать немало финансовых трудностей. В довершение всех бед, обе невестки решили развестись со своими мужьями. Одна из них, захватив с собой младшего ребенка, вернулась в Данию.

А в начале 1952 года Великая Княгиня и ее супруг поняли, что им больше не под силу хозяйствовать на ферме.

— Я полюбила нашу усадьбу. Она была такой просторной. Все в ней дышало свободой. Дом обладал каким-то очарованием. Это был поистине домашний очаг. И местность была изумительной. Что за райское наслаждение — в часы досуга гулять по лесам и полям. Я могла писать на пленэре. Но мужу становилось все труднее продолжать работать. Сыновья от нас уехали, а найти наемных работников удавалось не так-то легко. Те же, которых мы нанимали, не всегда нас устраивали.

То было время, полное огорчений для Ольги Александровны. В особенности после того, как за несколько месяцев до этого у нее таинственным образом пропали некоторые из наиболее дорогих ювелирных изделий. Больше всего ее расстроила утрата бесценного перстня с сапфиром размером с вишню, окруженным

крохотными алмазами и сапфирами: его подарила дочери Императрица Мария Федоровна, когда у той родился первенец, Тихон. Перстень и еще несколько украшений лежали в небольшой коробочке, хранившейся в портфеле вместе с некоторыми важными семейными документами. По словам Великой Княгини, опасности, что портфель могут похитить, не существовало, так как он всегда стоял на виду возле кресла-качалки полковника Куликовского. Ко всему, лишь члены семьи знали, что в нем хранится.

Но однажды портфель таинственным образом исчез. Тотчас же вызвали полицию, произвели тщательный осмотр дома и прилегающего к нему участка. Кроме того, всех, в том числе двух работников, трудившихся в это время на ферме, подвергли допросу. После нескольких часов поисков в амбаре нашли пустой портфель. Неподалеку, в кустарнике, на снегу, валялись бумаги. Ни одно ювелирное изделие, как и перстень, отыскать так и не удалось. Полицейские были уверены, что кражу совершил кто-то из обитателей дома.

— Самое досадное было то, что, если бы мы доверили хранение драгоценностей доброй старой Мимке, то кражи бы не произошло, — заключила Великая Княгиня. Дело в том, что верная Мимка, подобно всякой заботливой русской крестьянке, зашивала все драгоценности хозяйки в нижнюю юбку — самое надежное место. Неожиданная потеря перстня очень расстроила Ольгу Александровну, которая усмотрела в ней еще одно доказательство проклятия, нависшего над сокровищами Романовых.

Осенью 1951 года здоровье ее мужа ухудшилось. Полковника вновь начала беспокоить старая травма позвоночника, ему становилось все труднее водить автомобиль и даже передвигаться.

— Я так надеялась, что нам никогда больше не придется переезжать, но делать было нечего, — рассказывала Великая Княгиня.

И вот весной 1952 года ферму в графстве Холтон снова выставили на продажу. Верный друг семейства господин А. Г. Крейтон организовал аукцион, на котором ферма была очень выгодно продана. Он также подыскал чете Куликовских коттедж из четырех комнат на окраине Куксвилла. Дом стоял особняком на пустыре. В нем имелось две спальни, кухня и жилая комната. Ни одному из супругов более просторного дома и не требовалось.

Переезд удалось осуществить своевременно. К лету 1952 года состояние здоровья полковника Куликовского ухудшилось, хотя он держался, сколько мог, и помогал жене в работах по дому.

Приблизительно тогда же случился удар с верной старой Мимкой, которой перевалило за восемьдесят семь лет. В результате она оказалась полностью парализованной. Друзья-«доброхоты» настоятельно советовали Ольге отправить Мимку в пансионат для престарелых. Ольга Александровна возмутилась. Ведь Мимка была ее самым старым и самым близким другом во всем мире, а друзей не бросают как рванные перчатки. Так Великая Княгиня превратилась в сиделку. Она не позволяла никому из соседок помогать ей и сама купала, одевала и кормила старую женщину. Мимка прожила до 1954 года, мысленно вернувшись в Гатчину, Аничков дворец и Ольгино. Умерла она на руках хозяйки, которой с такой любовью и преданностью служила всю свою жизнь. Когда миниатюрный гроб опустили в канадскую землю, Великая Княгиня поняла, что оборвалась еще одна связь с дорогим ее сердцу прошлым.

Живя в графстве Холтон, Ольга Александровна имела в своем распоряжении Мимку и приходившую иногда женщину, которые помогали ей по дому. В Куксвилле же ей приходилось рассчитывать только на себя. Большая часть наличных денег была израсходована, приходилось экономить. Однако, несмотря на все старания, финансы Великой Княгини всегда были в расстроенном состоянии. Ольга никогда не умела распоряжаться деньгами надлежащим образом, а мысль о том, что нужно соблюдать бюджет, даже не приходила ей в голову. Она обходилась без посторонней помощи, поскольку не берегла себя. Средства, какими она располагала, следовало расходовать на то, чтобы облегчить жизнь мужу, сыновьям и друзьям, нужды которых, по мнению Ольги Александровны, были всегда важнее ее собственных.

Вот почему в Куксвилле она не имела работницы, которая приходила бы к ней хотя бы раз в неделю помочь по дому. Тяжелый труд никогда не страшил Великую Княгиню, но она не имела ни малейшего представления, что такое организация домашнего хозяйства. На кухне творился беспорядок, повсюду лежали горы посуды. Кто-то назвал кулинарные способности Ольги Александровны «очаровательно примитивными». Они не распространялись дальше умения работать с консервным ножом и подогреть содержимое банки в первой попавшейся под руку кастрюле. Она не обращала внимания на мух в молоке или тараканов, иногда появлявшихся на кухонном полу.

Для Великой Княгини, которую еще помнил весь мир, это был чересчур непритязательный образ жизни. В глазах рассеянных по всему свету эмигрантов эта хрупкая старая дама оставалась живым символом великой и славной традиции. Не была забыта Ольга Александровна и своими родственниками из королевских домов. Летом 1954 года во время своего довольно насыщенного разного рода встречами визита в Канаду герцогиня Кентская выкроила время заехать на автомобиле в Куксвилл, чтобы повидаться с престарелой родственницей. Великая Княгиня описала эту встречу в письме к подруге, адресованном 1 сентября 1954 года:

«Действительно, разве не мило было со стороны Марины¹ заехать повидаться со своей двоюродной теткой, которую она даже не помнит. Ведь ей было всего два годика, когда она вместе с двумя своими старшими сестрами и няней приезжала ко мне в Санкт-Петербург, чтобы поиграть и напиться чаю... [Она] позвонила мне и сказала, что заглянет ко мне ненадолго, выкроив время между официальными встречами в половине одиннадцатого утра в субботу. Новость эту я сохранила в тайне, чтобы не привлекать внимания любопытной толпы, — а вы знаете, что представляет собою толпа!.. Заблаговременно прибывшие полицейские (кстати, очень милые люди) оцепили наш домик и сад. Марина действительно очень славная женщина — такая дружелюбная и любезная. Она заглянула в наше скромное жилище и съела на кухне несколько сэндвичей. Ее сопровождали фрейлина и секретарь. Мы с нею посидели и поговорили, но разве побеседуешь по душам, когда в комнате столько народу, а комнаты такие маленькие, что негде уединиться... Нас сфотографировали... Фотограф появился неизвестно откуда, словно с неба свалился... Перед тем как Марина уехала, дочка одной из наших соседок принесла корзину персиков. Ее тоже сфотографировали у дверцы машины. После отъезда Марины к нам набегали с расспросами ближайшие соседи. С некоторыми из них мы отправились в сад и за кофе с сэндвичами, которые у нас еще оставались, принялись обсуждать случившееся...»

До конца своей жизни Великая Княгиня поддерживала связь с русскими эмигрантами. Не были ею забыты и рассеянные по всему

¹ Принцесса Марина — дочь Великой Княгини Елены Владимировны, жена греческого королевича Николая, приходившейся Ольге Александровне двоюродной сестрой. Отцом Елены Владимировны был Великий Князь Владимир Александрович, матерью — Великая Княгиня Мария Павловна (старшая).

свету бывшие кавалеристы Гусарского Ахтырского Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны полка. Ольга обладала феноменальной памятью и помнила имена и фамилии почти всех офицеров и даже некоторых солдат. Однажды в Куксвилл приехал полковник Одинцов, чтобы сопровождать Великую Княгиню в Торонто, где в русском православном соборе должна была состояться панихида по убиенным воинам полка. Одинцов привез с собой список всех однополчан, павших во время Великой войны. Внимательно ознакомившись с ним, Ольга Александровна заметила:

— Да, но только вы забыли внести сюда имя Василия... Как же его фамилия? Ничего, я ее вспомню и, конечно же, буду молиться об упокоении его души.

Полковник возразил, что, по его мнению, среди офицеров полка не было ни одного, которого бы звали Василием.

— Он был не офицер, — тотчас отозвалась Великая Княгиня, — а унтер-офицер, я его очень любила. Теперь я вспомнила его фамилию. Это был Баздырев Василий Григорьевич.

Позднее полковник Одинцов изучил списки личного состава полка. Действительно, в полку служил унтер-офицер Василий Баздырев. На службу в Гусарский Ахтырский он поступил в 1898 и погиб в бою в 1915 году¹.

Ольга Александровна сторонилась от участия в общественной жизни. Зато ее сердцу была близка благотворительная деятельность. До конца своих дней Великая Княгиня поддерживала эмигрантские организации в Канаде. Русско-Американская ассоциация помощи ежегодно устраивает большой благотворительный бал. Представители Ассоциации неоднократно приглашали Августейшую председательницу приехать к ним в Нью-Йорк, но Великая Княгиня неизменно отвечала вежливым отказом. Но однажды она решила, что присутствовать на балу — это ее долг, и начала к нему готовиться. Однако иммиграционные власти США отказали ей во въездной визе на том основании, что она не является подданной Канады.

Великая Княгиня была глубоко оскорблена и в то же время удивлена. Впервые в жизни она столкнулась с обескураживающей узостью взглядов людей, которые судят о личности человека

¹ Уже упоминавшийся нами князь В. С. Трубецкой посвятил вахмистру В. Г. Баздыреву несколько живописных страниц. По словам князя, тот был вахмистром третьего эскадрона полка Синих кирасир. («Записки кирасира». С. 118 и далее.) (Прим. переводчика.)

лишь по наличию у него паспорта и визы. Инцидент заставил Ольгу Александровну особенно остро почувствовать себя изгнанницей, у которой во всем мире не осталось корней, однако она говорила по этому поводу без малейшей обиды:

— В самом деле, эти американцы должны знать хоть что-то из истории Европы. Разве Великая Княгиня может быть подданной кого-то, кроме собственного монарха, или же гражданкой какой-то другой страны? Это же просто нелепо.

Хотя она гордилась принадлежностью к Царской фамилии, Великой Княгине было свойственно удивительное чувство смирения. Однажды, в самом начале нашего знакомства, я обратился к ней: «Ваше Императорское Высочество». В это время мы с ней обедали в одном из ресторанов Торонто. Она тотчас оборвала меня:

— Прошу вас, больше никогда не титулируйте меня. Для друзей я Ольга Александровна, или просто Ольга.

Но когда соседский ребенок подбежал к ней и спросил: «А вы правда принцесса?», Ольга Александровна ответила: «Ну, разумеется, я не принцесса. Я русская Великая Княгиня».

К Ольге Александровне приходило огромное количество писем, и на все она отвечала. Писали ей многие лица из придворного штата, некогда служившие Императорской Семье в Гатчине, Царском Селе, в Аничкове дворце и в ее особняке на Сергиевской улице в Петербурге. Более того, Великая Княгиня продолжала получать письма из самой России. Два особенно трогательных были написаны бывшим лакеем принца Петра Александровича Ольденбургского и няней, которая некогда служила в усадьбе Ольгино близ Воронежа. Оба корреспондента писали на смертном одре. Письма обрывались в середине фразы и не были подписаны. Лишь из постскриптума можно было определить личность авторов письма. В числе корреспондентов Ольги Александровны оказался старый казачий офицер, отсидевший в большевистской тюрьме десять лет и сознававший, что всякий раз, как пишет Великой Княгине, он подвергает себя опасности. Однако он не мог ничего с собой поделать, поскольку, по его словам, «все, что у меня осталось в жизни, — это писать Вам».

Четыре раза в год — в Рождество, на Пасху, в день рождения и в день тезоименитства Великой Княгини 11 июля (по старому стилю) жилая комната коттеджа оказывалась заваленной письмами и посылками чуть ли не со всех концов света: из Финляндии и Японии, Норвегии и Австралии, Южной Африки и Китая.

И эти знаки памяти согревали ей сердце. Социальное положение корреспондентов не имело никакого значения. Главным была их привязанность к ней.

Как-то в Рождество я увидел, что стол в жилой комнате Великой Княгини завален открытками и бандеролями. Пришли поздравления из Букингемского дворца, от ее Августейших родственников в Швеции, Германии, Дании, Греции, а также от многих знаменитостей из разных стран, но крохотная пожилая женщина с озабоченным видом продолжала рыться в горах корреспонденции.

— Ничего не понимаю. Надеюсь, что с ним ничего не произошло. Я впервые не получила от него поздравительной открытки.

— От кого именно? — поинтересовался я.

— Да от господина Шоу, владельца мясной лавки в Кемпбеллвилле. Так хочется надеяться, что этот славный человек жив-здор.

Однажды я получил письмо от знакомой Ольги Александровны, которое явилось для меня еще одним доказательством расположения, которое питали к ней люди. Дама, о которой идет речь, в свое время оставила Канаду и поселилась в Мексике.

«Здесь я не читаю никаких газет и не слушаю радио, — писала дама. — Единственное, о чем я прошу Вас, — это известить меня о смерти Уинстона Черчилля, Бертрانا Рассела и Великой Княгини Ольги Александровны».

Как и все Романовы, Ольга всю свою жизнь была тесно связана с Русской Православной Церковью. Монахи одного русского монастыря нередко присылали ей мед со своих пасек. Однажды в Сочельник они позвонили ей по телефону и пропели рождественский тропарь: «Рождество Твое, Христе Боже наш, возсия мирови Свет Разума...» Ольга Александровна поддерживала связь со многими русскими православными общинами и, хорошо зная об их стесненных обстоятельствах, была глубоко растрогана отсутствием всяких жалоб и сетований в их письмах. Время от времени она посылала им небольшие подарки, выкраивая средства из своего бюджета. Русские монахи с горы Афон ежедневно молились за нее. Когда я посетил их монастырь и рассказал, что знаком с Ольгой Александровной, они заплакали и попросили меня отвезти ей в Канаду икону. Стены спальни в ее коттедже были увешаны иконами, завещанными Великой Княгине многими мужчинами и женщинами, которые оставались столь же преданными ей, как и до революции.

В прежние времена равнодушие Великой Княгини к своему гардеробу приводило портных в отчаяние, а изысканное придворное платье, которое ей приходилось надевать в особо торжественных случаях, вызывало в ней такое чувство, будто она находится в клетке, из которой никак не выбраться. С годами это равнодушие лишь усиливалось. Ольга Александровна относилась к одежде лишь с сугубо практической точки зрения. Лишь бы она закрывала тело, защищала от холода, все же остальное не имело значения. Если Ольгу спросили бы, какой одежде она отдает предпочтение, то, скорее всего, она бы ответила, что удобнее всего она чувствовала себя, живя в татарском ауле, где могла ходить с мятым платком на голове, в крестьянском переднике, скрывавшем дыры и заплатки на юбке, босиком летом и в грубых башмаках — зимой.

Разговоры относительно одежды неизменно приводили ее в уныние. «По платью встречают, по уму провожают», — имела обыкновение говорить Великая Княгиня. Живя в Канаде, она почти не тратилась на гардероб. Весь он уместился бы, пожалуй, в небольшом чемодане. Любимой одеждой Ольги Александровны была потертая кожаная куртка, наброшенная поверх такого же поношенного платья неопределенной формы, цвета и материала. Она редко надевала чулки, а туфли ее, пожалуй, не взял бы в починку ни один сапожник. Единственным ее головным убором был берет весьма преклонного возраста.

Как-то утром Ольга уходила из дома. Домашние заметили, что на ней кофта, порванная на спине. Сын попытался убедить ее переодеться.

— Да какое это имеет значение? — отозвалась Великая Княгиня, искренно удивившись тому, что кто-то обратил внимание на такой пустяк. — Дыра же на спине. Никто ее и не увидит.

Но если вопросы высокой моды и фасона не имели для Ольги Александровны никакого значения, то она испытывала прямо-таки сентиментальную привязанность к одной или двум носильным вещам, которые у нее сохранились. Хорошо помню, что когда я пришел в ее коттедж однажды утром, на ней был старый свитер, который настолько вытянулся, что ниспадал складками от самых плеч.

— Вы только посмотрите, — заявила она с торжеством в голосе. — Я только что обнаружила его в ящике комода. Я и не знала, что он еще цел. Помню, я вязала этот свитер двадцать пять лет тому назад. Рада, что он нашелся. Очень я его люблю.

Она любовно погладила свитер по рукаву. В последующие недели и месяцы мне довольно часто приходилось видеть на ней этот свитер. Великая Княгиня носила его с таким видом, будто это изделие, сшитое из самой дорогой парчи и отделанное жемчугом и бирюзой, которое впору надевать на званый обед в Большом Гатчинском или Аничкове дворце. Затрапезный вид Ольги Александровны очень шел ей. Совершенно не сознавая этого, она сохраняла царственную осанку.

Для выставки, посвященной искусству Византии, которую я устроил в Торонто, Великая Княгиня одолжила мне несколько самых дорогих своих икон, и я, естественно, очень хотел видеть ее на открытии выставки. Ольга пообещала, что придет. Дамскому обществу Торонто представилась блестящая возможность продемонстрировать свои роскошные туалеты и драгоценности. И вот в зал, заполненный господами в мундирах и дамами в платьях, сшитых по последнему слову моды, вошла миниатюрная Великая Княгиня в старом хлопчатобумажном платье серого цвета и поношенных коричневых башмаках. Оказавшись в таком окружении, любая на ее месте выглядела бы нелепо. Любая, но только не Ольга Александровна. Осанка ее была поистине осанкой дамы из дома Романовых. Безыскусственность ее манер всех просто очаровала. Когда она шла по залу, присутствующие провожали ее взглядами, полными восхищения. Она выглядела достойной своего высокого рода. Более того. В посадке ее головы было нечто такое, что свидетельствовало о ее нестигаемой воле.

Нечего и говорить о том, что некоторые из друзей Ольги Александровны сожалели о таком ее безразличии к своей одежде. Они заявляли, что стоит ей «немного постараться», и она будет выглядеть просто восхитительно, но такого рода аргументы вызывали у нее улыбку.

— Согласно, — заявила она мне однажды, — иногда я выгляжу просто несуразно. Но какое это имеет значение? Однако друзей моих это, по-видимому, беспокоит. На днях одна очень добрая женщина, моя большая подруга, посоветовала мне каким-то образом избавиться от морщин. Разумеется, я знаю, что они становятся все глубже и глубже. Но я горжусь своими морщинами, о чем я ей так и сказала, потому что так я похожа на русскую крестьянку. Папа понял бы меня.

Великая Княгиня никогда не суетилась, чтобы подготовиться к какому-нибудь «торжественному событию». В 1959 году в То-

ронтон приехали королева Великобритании и принц Филипп, и одной из первых, кого пригласили к обеду на борту королевской яхты «Британия», была Великая Княгиня.

Ее друзья, да, по существу, вся округа, страшно волновались. По словам Ольги Александровны, на нее наседали «утром, днем и вечером, настаивая на том, чтобы я купила себе новое платье». Она сетовала, что люди не понимают: она слишком стара, чтобы обзаводиться новыми нарядами.

Однако после долгих споров и уговоров Ольга Александровна согласилась — таки съездить в Торонто и сходить там в универсальный магазин. Но, очутившись в нем, она потребовала предоставить ей полную свободу выбора. В это время шла распродажа, и Ольга Александровна купила себе простое хлопчатобумажное платье — белое с синим — за тридцать долларов. Подруга, сопровождавшая ее, посоветовала обзавестись еще и шляпкой (жители Куксвилля мысленно видели, как Великая Княгиня отправляется на яхту «Британия» в своем допотопном берете!) и еще одну-две каких-нибудь мелочи. Обрадованная дешевизной покупки, Великая Княгиня согласилась. Но когда она вернулась в Куксвилл, то у нее появилось чувство, будто она совершила непростительный грех, транжиря деньги.

Половина населения городка вышла проводить Ольгу Александровну в то памятное утро. На ней была простая, зато новая одежда, а голубая соломенная шляпка определенно была ей к лицу. Соседи знали все об ее поездке за покупками, о которой сама Великая Княгиня отзывалась таким образом: «Сколько суety ради того лишь, чтобы повидаться с Лиззи и Филиппом!»

Глава одиннадцатая

«ЗАКАТ ЗАВЕРШЕН»

Возлюбленный Ольгой «Кукушкин» не предъявлял никаких претензий к внешнему виду супруги. Несмотря на то что она постарела и была одета кое-как, в его глазах она оставалась все той же ясноглазой молодой женщиной, какой он увидел ее апрельским днем 1903 года, когда они навсегда полюбили друг друга.

Зимой 1957—1958 годов здоровье полковника Куликовского резко ухудшилось. Доктор посоветовал положить его в главный госпиталь Торонто, но Ольга Александровна, сверкнув глазами, заявила, что сама будет ухаживать за мужем.

Нагрузки на нее увеличивались изо дня в день. Конечно же, нужно было как-то облегчить положение больного, и время от времени Ольга Александровна приглашала помощницу для работы по дому. А с деньгами становилось все сложнее. Если бы она решилась написать своим Августейшим родственникам, они тотчас бы отозвались на ее просьбу, но Великая Княгиня, с благодарностью принимавшая добровольную помощь, сама за поддержкой ни к кому не обращалась. Она решила расстаться с теми немногими драгоценностями, которые у нее еще сохранились благодаря стараниям преданной Мимики.

Их было действительно мало: две-три броши, подвеска, пара браслетов и еще кое-какие безделушки. Это были, главным образом, бриллианты, рубины и сапфиры в очаровательной старомодной оправе. Чтобы оценить их, Великая Княгиня отнесла изделия ювелиру. Сумма, которую тот предложил, была смехотворной. Оценщик стал утверждать, будто оправы в значительной степени снижала стоимость камней. Тогда Ольга Александровна решила продать ювелирные изделия частным лицам. Сумма, которую она в конечном счете получила, хотя и оказалась значительной, но, по мнению Ольги, все же недостаточной.

— Лучше об этом не вспоминать, — проговорила она отрывисто, и у меня возникло такое чувство, будто над романовскими сокровищами действительно тяготеет проклятие.

В конце весны 1958 года полковника Куликовского разбил паралич. Он лежал на диване в жилой комнате, и Ольга Александровна заботилась о нем до самого конца. Однажды полковник уснул и не проснулся. Ему было семьдесят шесть лет. Супруги прожили сорок два года совместной счастливой жизни, вынеся сообща все потрясения и невзгоды.

— В ту последнюю ночь, — рассказала мне Великая Княгиня, — я проснулась, как всегда, чтобы спросить, не нужно ли ему чего-нибудь. Он бодрствовал и улыбнулся мне. А утром я увидела, что он мертв. Пожалуй, есть какое-то утешение в том, что смерть избавила его от дальнейших страданий. Но я верю, что он по-прежнему рядом со мной.

Вне сомнения, Ольга Александровна была глубоко верующей. Однако кончина супруга вызвала у ней ощущение невосполнимой потери. Он был всем для нее — этот единственный человек, который оказывал ей ту душевную и умственную поддержку, в которой она нуждалась. В полковнике Куликовском не было жилки предпринимателя, но он обладал практическим складом ума, и это как-то компенсировало полную непрактичность жены. Они были так близки друг другу, что все их реакции и взгляды на жизнь и на людей в конечном счете совпадали. В своем муже Ольга Александровна лишилась не только единственного мужчины, которого любила всю свою жизнь, но и последней ниточки, которая связывала ее с самыми дорогими воспоминаниями об Императорской России. Сыновья, родившиеся во время революции, принадлежали к поколению, которое знало о той России лишь понаслышке. Им трудно было представить себе русскую природу, и красота ее была им незнакома.

Надо с грустью отметить, что со смертью мужа для Ольги Александровны исчез смысл существования. Мир же сузился до размеров ее тесной жилой комнаты. Но если стояла хорошая погода, она по-прежнему гуляла в саду. Рисовала и время от времени выставляла на продажу свои изысканные натюрморты с цветами. Все так же принимала у себя кое-кого из старых друзей, и объем переписки ее нисколько не уменьшился. Великая Княгиня с удовольствием обедала в обществе английской королевы на борту «Британии», ей доставил удовольствие визит лорда и леди Маунтбаттен Бирманских, которые во время официальной поездки по Канаде прилетели из Оттавы, чтобы повидаться с престарелой родственницей. В тот августовский день 1959 года состоялась ее последняя встреча со своими родичами из королевской семьи. Но хотя оба эти знаменательные события и доставили Ольге искреннюю радость, все же не настолько взволновали ее душу, как это произошло бы прежде. Теперь ей не с кем было поделиться впечатлениями в теплой домашней обстановке.

Осенью 1959 года сдала и сама Ольга Александровна, однако она не хотела уступать, как она выразилась, «немощи плоти». Но однажды утром, когда мы с ней просматривали записи, сделанные накануне, она неожиданно проговорила:

— Нам следует поторопиться. Времени осталось немного.

Я посмотрел на Ольгу. В это время она разглядывала небольшую цветную литографию — репродукцию замечательного портрета Императора Николая II кисти Серова.

— Я так рада, что он есть у меня. Это один из самых лучших живописных портретов Ники, — заявила она. А затем добавила: — Он святой. Знаете, трагедии и страдания, по-видимому, неотъемлемые элементы жизни. Никто на свете не в силах избежать ни того, ни другого. Но я твердо верю, что существует иная жизнь, в которой человек обретает счастье. Быть может, чем больше страданий выпадает на его долю здесь, тем больше вероятность того, что он станет счастлив там. Однако, что бы ни произошло, нельзя недооценивать веру в людей и их доброту.

Здоровье Ольги ухудшалось, но она по-прежнему отказывалась обращаться к врачам. Утешение она находила в молитве. Одна мысль попасть в больницу приводила ее в ужас. Она решила окончить дни в собственном домике в Куксвилле. Когда Великой Княгине стало нелегко справляться со шваброй, тряпкой и сковородками, шведская королева Луиза решила прислать ей свою фрейлину, чтобы та помогала Ольге Александровне по хозяйству. Предложили свою помощь и соседи. Все обитатели и обитательницы Куксвилла были готовы облегчить своим трудом ее жизнь. Даже молочник, прежде оставлявший бутылки у порога, входил прямо в дом и ставил их в холодильник.

Великая Княгиня получала многочисленные приглашения от друзей со всего мира. Они настоятельно советовали ей переехать в какую-нибудь страну с более мягким климатом — в Центральной или Южной Америке или даже в Европе. Но Ольга Александровна отказывалась от всех этих приглашений.

— Никуда я не поеду, — твердо заявила она. — Я хочу окончить свои дни здесь, но конец мой не так уж далек, поэтому мы должны с вами торопиться, торопиться. Мне нужно еще так много вам рассказать.

Придя к ней однажды утром, я увидел, что Ольга Александровна читает письмо от какой-то восточно-германской организации.

— У меня их и без того много, — заметила она, швырнув письмо в мусорную корзину. — Уговаривают меня вернуться в Россию. Похоже на злую шутку. Окажись я настолько глупой, чтобы принять их предложение, так бы вы меня и видели. Скорее всего, появилось бы сообщение, будто я внезапно заболела. Представляю себе, что значит заболеть у них и лечиться у какого-нибудь ихнего душки-доктора... Тут бы мне и крышка! — засмеялась Ольга Александровна.

— Я часто видел, как вы смеетесь, — заметил я. — Но вы никогда еще не плакали!

— Стоит мне заплакать, — отозвалась Великая Княгиня с неожиданно посерьезневшим лицом, — и я, пожалуй, никогда не перестану. Поэтому предпочитаю смеяться.

Ольга Александровна упорно не желала обращаться к врачам, но от советов друзей и соседей и не думала отказываться. Шведская королева Луиза в своем письме порекомендовала ей каждое утро пить свежий лимонад, и рецепту этому Ольга Александровна неукоснительно следовала до тех пор, пока ей это не надоело. Другая подруга, заядлая вегетарианка, убедила Великую Княгиню исключить из рациона рыбу и мясо. Следовать этому совету было довольно сложно: в дом к Ольге Александровне приносили столько еды, а среди жителей Куксвилла вегетарианцев вы едва ли найдете.

Очевидно, недоверие и неприязнь к представителям медицинской профессии Великая Княгиня унаследовала от отца.

— До чего же часто люди страдают от ошибок врачей — это просто поразительно, — заявила она. — Доктора нередко предписывают то, что нравится им самим. Один врач порекомендовал мне лечиться водкой, убеждая меня, что она очень полезна. Проверять рецепт на себе я не стала: очень уж красный нос был у этого эскулапа.

Довольно скоро я выяснил, что Великой Княгине доставляет удовольствие ставить диагноз своим недугам. Нередко случалось, что в продолжение одной лишь недели она обнаруживала у себя флебит, какой-то неизвестный порок сердца и вдобавок — артрит. Она так и писала подруге: «Вчера у меня был сердечный приступ... Сегодня я вновь здорова... только чувствую себя усталой и сонной... так что длинное письмо написать не смогу». А другая подруга неожиданно узнает, что Великая Княгиня «была несколько недель прикована к постели... но я снова наслаждаюсь жизнью... сейчас я сижу в саду... солнце сияет, и я чувствую себя как в раю».

Как ни фантастичны были ее собственные диагнозы, но недомогания у Ольги, разумеется, усиливались. Были такие дни, когда все тело Великой Княгини словно деревенело и наполнялось болью. «Мне кажется, что боль меня больше не отпустит, поэтому стараюсь к ней привыкнуть. Солнце светит, я гляжу в окно и чувствую себя счастливой — было бы гораздо хуже, если бы я ничего этого не видела...»

Она никогда не предавалась чревоугодию, теперь же и вовсе едва притрагивалась к пище.

Много дней просидел я в той комнате, которая, при всей ее бедности и беспорядке, который в ней царил, сохраняла, как мне казалось, отпечаток величия дома Романовых. С каждым днем, мысленно переносясь вместе с Великой Княгиней из дворцов в крестьянские избы, с одного континента на другой, я все больше поражался ее памяти. Она почти без усилия вспоминала любое имя. Ко всему, в ее рассказах всегда присутствовали непосредственность и природная любезность, свойственные минувшей эпохе. С безграничной терпеливостью Ольга Александровна выписывала незнакомые мне названия и имена, объясняла местонахождение того или иного города или селения, несколькими меткими фразами обрисовывала какой-то уголок местности, который тотчас же ярко возникал в моем воображении.

При этом ее никогда не оставляло чувство неотложности. «Нужно еще так много рассказать... Нам следует торопиться...» — имела она обыкновение повторять, но в то же время это ощущение настоятельности задачи ни в коей мере не противоречило присущей Ольге безмятежности и спокойствию духа. К своей кончине Ольга Александровна относилась как к началу какой-то иной, новой жизни. Я полагаю, что на этот счет у нее никогда не возникало сомнений. Вера старой дамы была так же чиста и искренна, как и ее изысканные натюрморты с цветами.

Однажды Великая Княгиня рассказала мне:

— В Гатчинском парке был мостик, перекинутый через водопад. Вода неслась с оглушительным ревом, а мостик казался таким непрочным, что многие боялись ходить по нему. Если кому-то все-таки требовалось перебраться на другую сторону, то он пробегал по мостику, не задерживаясь ни на секунду. Так вот, мы с моим братом Михаилом частенько ходили к водопаду и останавливались на мостике. Стояли, вероятно, всего несколько минут. Но минуты эти казались мне долгими часами. Нам было очень страшно, и мы дрожали, разглядывая грохочущие, пенящиеся струи воды, мчавшиеся вниз. Но делали мы это не напрасно. Покидая мостик, мы испытывали волнение и такое чувство, будто мы чего-то достигли. Хотя и небольшое, но это было действительно преодоление. Я хочу, чтобы вы знали про этот мостик, потому что я намерена окончить свои дни с таким же чувством удовлетворения. Хотя я была не в силах дать ей много, все же, думаю,

я старалась, как могла, служить своей милой Родине как представительница фамилии Романовых.

Слова эти она произнесла очень просто, без всякой рисовки. И я знал, что она действительно всю жизнь оставалась истинной Романовой со всеми присущими им чертами характера. Признаться, Ольгу Александровну постоянно преследовал страх пасть жертвой покушения. По ее словам, она никогда не ложилась спать, не выглянув перед этим за дверь и не посмотрев под кровать. Однажды, когда с оглушительным грохотом лопнула водопроводная труба, первой ее реакцией было позвонить в полицию. Она решила, что это взорвалась бомба. Подобно всем по-настоящему храбрым людям, Ольга никогда не скрывала и не стыдилась своего страха. Однако к концу ее жизни ее стали преследовать кошмары. Однажды утром она рассказала мне, что видела ночью, как от стены к стене по ее спальне движется красная звезда.

— Это было что-то жуткое... Неужели они и здесь преследуют меня?

Рассказывая мне историю своей жизни, она ни разу не сгустила краски, когда описывала тот или иной эпизод, который наблюдала сама или же о котором слышала. Однако ее строгая объективность и беспристрастность лишней раз свидетельствовали о том, что страшные испытания тех лет по-прежнему жили в памяти Великой Княгини и преследовали ее.

В начале апреля 1960 года лечащий врач Ольги Александровны решил навестить свою пациентку. Он был настолько потрясен ее состоянием, что тотчас повез ее в главный госпиталь Торонто. Великая Княгиня настолько ослабла, что не могла протестовать. Она перестала бороться за жизнь. Единственное, о чем она молила Небо, — это о скорой кончине. Но молитва ее услышана не была.

— Какой толк от всех стараний докторов? — заявила она, когда я навестил ее. — Я же знаю, что конец мой близок. Почему не дадут мне спокойно умереть? Ну конечно же, врачи очень добры ко мне, но зачем подвергать меня рентгеноскопии? Я так устала. А они еще хотят, чтобы я ела. Мне просто не хочется думать о пище. — Понюхав тарелку с супом, она попыталась улыбнуться: — А вы знаете, половина удовольствия в жизни — это обонять, а не вкушать пищу.

Она нашла, что в больнице «очень уж все по-казенному». Больничные правила раздражали ее. Однажды утром она вспомнила свою юность:

— Мы с матушкой имели обыкновение посещать петербургские больницы. Помню, к больным приезжали их близкие вместе со своими детьми и вещами, чтобы подежурить у их коек. Никто против этого не возражал. Их даже кормили из больничного котла.

Даже в больнице, когда ее изможденное тело представляло собой сплошную боль, Великая Княгиня была не прочь пошутить:

— А вы знаете, тут есть очень симпатичные доктора. Нынче утром приходил один — высокий, темноволосый, настоящий красавец. Я ему сказала: «Какая жалость, что мы не встретились с вами лет этак пятьдесят назад!»

Прошло несколько недель, и Ольга стала забываться. Она возвращалась в прошлое, снова гуляла с отцом по Гатчинскому парку, вместе с братом Михаилом залезала на крышу дворца, передразнивала графа Витте, который был недоволен простыми блюдами, которые подавались во дворце в Гатчине, или же восхищалась парадным платьем своей родительницы. Наряду со столь безобидными экскурсами в прошлое, мысли ее иногда направлялись и по гораздо более опасному пути. Однажды она приказала выгнать медицинскую сестру «за ворота дворца» за то, что та шпионила за ней, и угрожала девушке заключением в крепость. Приказание из уст Ольги Александровны прозвучало так грозно, что бедняжка стала входить в палату с опаской.

«Это же настоящий тиран!» — заявила сестра и с изумлением посмотрела на меня, когда я покачал головой.

«Конечно, тиран, — повторила девушка. — И все в ее семействе были тиранами, разве не так?»

Я понял, что этой фразой она выразила то предубежденное мнение, которое сложилось во всем мире в отношении великой семьи, о которой люди так мало знают. Я мог бы рассказать этой молодой медицинской сестре о том, что ее беспомощная престарелая пациентка — одна из самых добрых и сострадательных женщин, которых я имел честь знать. Некогда она сама боролась за собственную свободу и никогда не ущемляла чужих прав жить свободной жизнью. Но я понял, что семена упадут на неблагоприятную почву, и промолчал.

Друзья Великой Княгини благоразумно утаили от Ольги известие из Лондона о кончине ее сестры, Ксении Александровны, которая в возрасте восьмидесяти пяти лет 22 апреля 1960 года почил в Бозе. Телеграмму от королевы Елизаветы и принца Фи-

липпа, в которой выражалось соболезнование по поводу смерти ее старшей сестры, Ольге Александровн передавать не стали.

Однако в последние месяцы жизни периоды затмения ее рассудка стали непродолжительными. Временами по утрам, когда я к ней заходил, она удивляла меня тем живейшим интересом, с каким она относилась ко всему, что происходит в мире.

— Неужели нигде не была опубликована фотография принца Эндрю? — спросила она один раз и очень обрадовалась, когда на следующий день я принес ей газетную вырезку.

Как-то майским днем, узнав об ущербе, нанесенном населению Японии цунами, она заявила, что очень об этом сожалеет.

— Вы знаете, по-моему, я начинаю сочувствовать японцам, — проговорила она, и я невольно улыбнулся. Для Ольги Александровны со времен войны 1904—1905 годов Япония являлась *bête noire*¹.

Кто-то рассказал ей о том, что советские ученые запустили в космос спутник с собакой на борту. В тот день она была очень рассержена и расстроена.

— Использовать животных в таких целях — жестоко и подло. Ведь собака не понимает, что с нею делают и зачем.

Подходило к концу лето, и докторам стало понятно, что они ничем больше не могут помочь Великой Княгине. Несмотря на интерес к текущим событиям, вдобавок к своим хворям она утратила волю к жизни. В больничном распорядке было много такого, что досаждало и раздражало Ольгу, поэтому было решено дать ей возможность встретить свою кончину в спокойной и более естественной обстановке. О коттедже в Куксвилле, разумеется, не могло быть и речи. Дело кончилось тем, что старые друзья Ольги Александровны — пожилой гвардейский офицер капитан Мартемьянов и его жена — предложили ей поселиться у них дома, где они смогли бы за ней присматривать. Жили оба в скромной квартире, расположенной над салоном красоты в одном из беднейших кварталов Торонто. Ей было далеко до простора и величия Гатчинского или Аничкова дворца, но стоявшая на краю могилы Великая Княгиня чрезвычайно обрадовалась такому предложению. Многое в квартире четы Мартемьяновых напоминало ей о прошлом. Перед иконами в ее спальне теплились свечи. Она слышала милые ее сердцу звуки родного языка. Капитан и госпожа

¹ Предмет ненависти (фр.).

Мартемьянова не щадили себя, чтобы оказать любую помощь и утешить последнюю оставшуюся в живых сестру их последнего Императора.

Прожив в изгнании свыше сорока лет, лишенная состояния, последняя Великая Княгиня умирала в бедности. Но магия знаменитого рода была все еще настолько сильна, что притягивала к себе внимание всего мира. На квартиру Мартемьяновых каждый день приходили письма, выражавшие сочувствие, тревогу, надежду на выздоровление больной. Во время литургии во всех храмах и монастырях Русской Православной Церкви в разных частях свободного мира провозглашалась особая молитва «за болящую рабу Божию Государыню и Великую Княгиню Ольгу Александровну» и служились молебны о ее здравии. Из русского монастыря в Нью-Йорке прислали чудотворную икону Божией Матери, которая находилась у постели больной. Из Калифорнии приехал ее друг, епископ Сан-Францисский князь Иоанн Шаховской, чтобы соборовать Великую Княгиню.

Одним из последних приехавших повидаться с нею лиц, которого Ольга Александровна узнала, был сэр Эдвард Пикок. Прибыл он 27 сентября. Сделав над собой усилие, она обняла его и поцеловала, шепча при этом: «Один из моих самых старых друзей...»

После этого свеча, горевшая в ней, начала мерцать, хотя и не гасла еще в течение двух месяцев. 21 ноября Великая Княгиня впадала в коматозное состояние. Три дня спустя, 24 ноября 1960 года, она скончалась, не приходя в сознание. Произошло это в 11 часов 35 минут вечера. Ей шел семьдесят девятый год.

В тот вечер я ездил в Брантфорд, что неподалеку от Торонто, читать лекцию. Возвращался в Торонто я довольно поздно. В ночном воздухе пахло морозцем, все небо было усыпано звездами. Я уже подъезжал к городу, как вдруг меня охватило чувство одиночества. Я остановил машину и посмотрел ввысь. Звезды сверкали ярче обычного. Я понял, что Ольги больше нет.

Раздавшийся рано утром телефонный звонок подтвердил мое предчувствие. В тот же день, но несколько позднее у нее в спальне собрались на панихиду родные и близкие Ольги — ее сын Тихон, чета Мартемьяновых и я. Панихиду служил отец Дьячина, священник русского православного собора в Торонто. С затепленными свечами в руках, мы преклонили колена, повернувшись ли-

цом к смертному одру. Последняя Великая Княгиня отошла в мир иной. На лице ее была такая просветленность, какой я еще никогда не видел. Я вслушивался в слова заупокойной молитвы: «В покоище Твоем, Господи, идеже вси святии Твои упокоеваются, упокой и душу рабы Твоей, яко един еси Человеколюбец». Но когда я посмотрел на ее лицо, на простой деревянный крест в ссохшихся пальцах усопшей, то понял, что молитва уже услышана. Последняя Российская Великая Княгиня поистине опочила о Господе, и все ее слезы осушил и все ее великие горести утишил своей любовью Тот, Который все эти тяжкие годы был ее другом и заступником.

Именно в этой комнате я сказал свое последнее «прости» Ольге Александровне, великодушная дружба которой так много мне дала и столь многому научила.

То, что происходило в дни, предшествовавшие похоронам, казалось довольно жалкой попыткой возродить величие, которое отошло в прошлое. В течение пяти дней гроб с прахом Великой Княгини стоял в соборе, чтобы с ним могли попрощаться все желающие. День и ночь у открытого гроба несли караул оставшиеся в живых офицеры и нижние чины Гусарского Ахтырского Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны полка.

Церемония погребения состоялась 30 ноября после панихиды, которая продолжалась почти три часа. Краткую поминальную проповедь произнес епископ Афиногор, глава Греческой Православной Церкви в Канаде. Служба состоялась при соборе представителей православных общин со всего Нового Света.

Открытый гроб, задрапированный Императорским штандартом, был поставлен на катафалк, окруженный стеной цветов. В ногах гроба — шитый золотом и серебром щит, увенчанный Великокняжеской короной с инициалами О. А. (Ольга Александровна). В продолжение всей службы гроб охраняли ахтырцы. Пропето «Со святыми упокой», отдано последнее целование, и крохотный гроб закрыли и украсили Императорским штандартом и полковым знаменем, которое спас и привез в Канаду вскоре после революции один из гусар.

В храме собралось много народа — яблоку негде упасть. Многие из прощавшихся вынуждены были остаться за стенами собора на улице. Представители родовитого дворянства, канадские и американские друзья Великой Княгини и многие сотни русских

эмигрантов, принадлежавшие к различным сословиям, — все стояли рядом. Было совершенно очевидно, что собрались они здесь не для того, чтобы воздать должное привычной традиции или вспомнить ушедшее прошлое. Пришли они затем, чтобы сказать последнее «прости» горячо любимому другу, и такую дань своей памяти наверняка оценила бы сама Ольга Александровна.

На лентах венков было множество Августейших имен. Ольгу Александровну вспомнили родные, разбросанные по всей Европе. Из Нью-Йорка приехала ее двоюродная сестра Великая Княжна Вера Константиновна¹.

Всю свою жизнь Великая Княгиня Ольга Александровна, по ее же словам, «презирала политику». Разумеется, она всегда держалась в стороне от нее. Однако такое понятие, как «политическая целесообразность», было затронуто и на ее похоронах. За исключением датчан, ни один из представителей значительного дипломатического корпуса, аккредитованных в Торонто, не присутствовал на заупокойной службе в соборе. Греческий консул объяснил неловкое положение, в котором оказался, тем, что он пришел бы как частное лицо, но не мог присутствовать при отпевании, будучи «официальным лицом, поскольку Греция признала коммунистический режим». Эстонец привел гораздо более резкие доводы. «Мы выступали против царизма по тем же причинам, как и теперь — против коммунизма», — заявил он. В американском консульстве за день до похорон никто не знал о них. Какой-то чиновник поинтересовался, когда и где они состоятся, но отказался сообщить, будет ли присутствовать на церемонии кто-нибудь из сотрудников консульства.

Как жестоко бы оскорбилась Ольга Александровна за честь своей семьи и как убийственно сыронизировала бы над собой. Она наверняка сказала бы: «К чему столько хлопот по поводу по-

¹ Одна из дочерей Великого Князя Константина Константиновича (поэта К. Р.), скончавшегося в 1915 году, который был похоронен в Великокняжеской усыпальнице Петропавловского собора в Петрограде. Вторая дочь Великого Князя, Татьяна Константиновна, в 1960 году была игуменьей Русского Православного женского монастыря в Иерусалиме. Их семейство, известное в старой России как «Константиновичи», больше всех пострадало во время красного террора. Трое из пяти сыновей великого князя Константина Константиновича — князья Иоанн, Игорь и Константин были сброшены живыми в старую шахту вблизи сибирского города Алапаевска в июле 1918 года. Брат Великого Князя, Дмитрий Константинович, был расстрелян в Петрограде в июле 1919 года. По словам очевидцев, перед смертью он молился за своих палачей.

хорон какой-то старухи? Да и большинство иностранцев сомнели бы во время заупокойной службы — она ведь такая длинная».

В полдень все мы поехали на Йоркское кладбище. Небольшой гроб, по-прежнему драпированный Императорским штандартом и бело-сине-красным русским национальным флагом, был вскоре опущен в неприметную могилу рядом с могилой полковника Куликовского. Когда отец Дьячина приблизился к ее краю и бросил на крышку гроба горсть русской земли, на глазах всех присутствовавших блеснули слезы.

День выдался холодный, ненастный, по кладбищу гулял ледяной ветер. Где-то совсем в другом мире остались позолоченные купола и шпили старого Санкт-Петербурга, великолепие Императорских бракосочетаний и траурных кортежей, грохот орудий, оповещающих о рождениях и кончинах Царственных особ. Стоя у могилы под стылым канадским небом, я вспомнил последние слова Великой Княгини.

За день до того, как она впала в беспамятство, я остановился у ее постели. Какое-то непонятное чувство подсказало мне, что это последняя наша встреча на земле. Она узнала меня. Глаза ее, в которых я увидел несказанную усталость, осветились на миг, и из-под одеяла появилась маленькая иссохшая рука. Наклонившись, я поцеловал ее, и тут услышал едва различимые слова:

— Закат завершен.

Больше Великая Княгиня не произнесла ни звука.

Когда мы сидели с нею в гостиной или же саду в Куксвилле, Ольга Александровна часто сравнивала свою жизнь с чем-то напоминающим медленный закат солнца: «Каждое событие в моей жизни мне представляется как бы залитым светом заходящего солнца, и это придает картине особую ясность. Хорошо, что я так долго ждала возможности поведать свою историю. Теперь я сужу о людях и событиях гораздо вернее, чем была бы в состоянии это сделать много лет тому назад».

Она поведала свою историю, рассказ о горячо любимой племяннице, правду о Распутине, какой она представлялась Ольге, о великолении и терроре, о роскоши и лишениях. И через всю эту ткань повествования, освещающая самые мрачные страницы жизни, проходила нитью из чистого золота бесхитростная, как у ребенка, вера в Бога своих предков, своего народа.

А под конец, изложив все факты наполненной событиями жизни, Ольга Александровна позволила себе задуматься и о многом

другом. Мысли, высказанные ею, вполне могут послужить эпилогом к этому повествованию — повествованию о последней русской Великой Княгине.

ЭПИЛОГ

Великая Княгиня Ольга Александровна никогда не имела гувернантки. У нее перебывало много наставников, которые преподавали ей гуманитарные и иные дисциплины, не особенно вкладывая душу в эти предметы. За всю свою жизнь она не нашла ни времени, ни возможности заняться систематическим образованием. Ее нельзя было назвать интеллектуалом. Она так и не научилась всесторонне анализировать то или иное явление. Ольга или тотчас же схватывала его сущность целиком, или же отказывалась от анализа.

Учитывая отсутствие у нее академического образования, можно лишь поражаться осведомленности Великой Княгини в отдельных науках — таких, как ботаника или история. Последняя в особенности представляла собой неиссякаемый клад знаний. Она изучала ее весьма своеобразно. Часто приходила к ложным выводам, свободно поддавалась унаследованным предрассудкам и делала свои умозаключения, которые резко расходились с мнением наиболее признанных авторитетов. Однако именно история оставалась для Ольги Александровны живым предметом, в особенности, история ее родной страны и ее фамилии.

Возведенные на престол всенародным волеизъявлением в 1613 году, Цари династии Романовых правили Россией в течение трехсот четырех лет. Крушение дома Романовых произошло не столько по воле узкого, но влиятельного круга заговорщиков, сколько в силу неестественных условий, которые, следует признать, возникли отчасти и по вине ряда членов Императорской фамилии. Великую Княгиню постоянно заботила мысль о том, какое место уготовит история фамилии Романовых. Ольга не раз говорила:

— Суд истории может кому-то показаться сущим пустяком, но для меня это очень важно. И не потому, что я принадлежу к роду Романовых, а потому, что грядущие поколения должны иметь возможность сделать собственную оценку. Главное для меня — справедливость.

Ольге Александровне было известно стремление западных историков и писателей изобразить Династию Романовых как угнетателей своего народа — снедаемых жаждой единовластия, выскомерных, падких до удовольствий, душителей свободы и мысли. Ольга с готовностью соглашалась, что некоторые из Романовых, принадлежавших к ее поколению, не были верны семейным традициям. Однако ее возмущало огульное осуждение всей династии, неизменно несправедливая оценка мотивов, которыми руководствовались Цари, враждебность, с которой иные относились к их действиям, и карикатурное изображение их как личностей. При жизни Великой Княгини появились книги на двух или трех языках, где давался вопиюще искаженный портрет ее отца, Императора Александра III. Не нужно быть заядлым монархистом, чтобы признать: появившиеся в западной печати репортажи о «Кровавом воскресенье» в январе 1905 года возмущали своей пристрастностью.

— Как выпячиваются все промахи, допущенные нашей фамилией! Сколько написано о нашей «варварской» исправительной системе! Но никто не говорит об Англии, где еще при королеве Виктории бедняка, который украл баранью ногу или буханку хлеба, вешали или отправляли на каторгу. Чего только не написали о наших тюрьмах, но никто не упоминает об условиях содержания заключенных в Испании и Австрии, не говоря уже о Германии. Одно только упоминание о Сибири действовало на жителей западных стран, как красная тряпка на быка. В действительности же, несмотря на существование полиции, цензуры и всего прочего, подданные Российской империи имели гораздо больше свобод, чем население Австрии и Испании, и уж, разумеется, были свободнее, чем теперь, под гнетом серпа и молота. Почему-то никто не удосуживается вспомнить грандиозность и сложность задач, которые стояли перед тремя великими реформаторами — Петром Великим, Екатериной Великой и Александром II.

Дальше Ольга Александровна поведала мне о том, что сегодня забыто всеми, — что именно Царь из династии Романовых установил принцип, согласно которому монарх, при том что он самодержец, является слугой своего народа. Эта идея была выражена в словах приказа, отданного Петром I войскам накануне Полтавской битвы, после которой русскими было сломлено могущество Швеции. Принцип этот лежал в основе священного миропомазания Императора на царство.

— Наш род относился к идее Царского служения как ко священному долгу, от которого ничто, кроме смерти, не могло освободить Государей. Кто-то мне рассказывал, что королева Виктория, узнав о помолвке Алики, ее любимой внучки, с Ники, очень встревожилась. Королева назвала российский престол «треном, усыпанным терниями», и на этот раз старая дама была права.

Великая Княгиня много рассказывала мне о своих предках. Она подчеркивала, что большинство европейских историков изучали их как бы через неисправную подзорную трубу, нередко не учитывая причины того или иного их поступка и столь же часто основывая свои выводы на ненадежных свидетельствах. Однажды Великая Княгиня сослалась на книгу, в которой утверждалось, будто убийство Императора Александра II не произвело почти никакого впечатления на русский народ, который якобы отнесся к этому известию с совершенным равнодушием.

— Клянусь всеми святыми! — воскликнула Ольга Александровна, и в глазах ее вспыхнул гнев. — В молодости я встречала многие сотни людей, которые были свидетелями всенародного горя по поводу убийства Царя-Освободителя. Но ведь гораздо выгоднее вспоминать о жестокости Петра Великого, о любовниках Екатерины II, о мнимом мистицизме Александра I и о прочем в таком же духе. А уж легенда о Распутине стала, естественно, настоящей золотой жилой для голливудских дельцов! Разве кто-нибудь посмеет написать правду о Ники и Алики? Сплетни, распространяемые о них, просто чудовищны. Я уверена, что все подлинные документы о них никогда не будут опубликованы Кремлем — если только они уже не уничтожены.

Великая Княгиня утверждала, что в основе всех этих нелепостей лежит полнейшее незнание западными историками условий жизни в России. В доказательство она привела такой пример. После того как на Западе стали известны романы Толстого, Тургенева и Достоевского, некоторые критики стали утверждать, будто роман — это единственная литературная форма, известная русским, и будто в России вообще не существует поэзии.

— И это говорилось в восьмидесятые и девяностые годы, почти полвека спустя после гибели Пушкина и Лермонтова! Как сходили с ума во всем мире, восхищаясь нашими композиторами и нашим балетом! А многим ли известно на Западе, что возникла русская балетная школа и было положено начало богатейшей коллекции произведений искусства в Эрмитаже именно благодаря

любви Романовых к искусству? Что на их личные средства — а не только на ассигнования из казны — содержались театры, концертные залы и картинные галереи?

За долгие годы изгнания Великой Княгини не раз доводилось слышать упоминания о «немецких правителях России».

— Разве англичане называли короля Георга VI немцем? А много ли английской крови течет в его жилах, интересно знать? Если бы и он женился на иностранке, то нынешняя королева тоже была бы немкой по крови. Однако вряд ли можно найти хоть одну книгу, посвященную нашему роду, в которой их иноземная кровь не считалась бы чем-то вроде вредной примеси. А ведь не кровь решает все. Дело в почве, на которой ты вырос, в вере, в которой ты воспитан, в языке, на котором ты говоришь и мыслишь. Матерью моего отца была принцесса Гессенская. Но вспомните его облик! Можно было подумать, что это потомок древнерусских богатырей. Кстати, его привычки и манеры были такими же, как у простого русского крестьянина.

В разговоре со мной Ольга Александровна как-то заявила:

— Распространение и невероятная мощь коммунизма является прямым результатом промахов и эгоистической политики Запада. Я не испытываю ни малейшего сочувствия к тем странам, на которых сегодня обрушилось бремя холодной войны. Они сами во всем виноваты.

И такого мнения Ольга придерживалась в продолжение всего периода ее пребывания в изгнании. Она утверждала, что когда во время первой мировой войны Россия вступила в смертельную схватку с Германией, союзники намеренно препятствовали и задерживали поставки снаряжения и боеприпасов, в которых Россия так нуждалась, чтобы довести борьбу до победного конца.

Я ей сказал, что в этом не было никакого смысла.

— Смысл был, — парировала Великая Княгиня. — Союзники хотели поймать сразу двух зайцев — разбить Германию и обескровить Россию. Мне ненавистно имя Сталина, но он и его подручные, хорошо помня прошлый опыт России, пострадавшей от своих «союзников», были совершенно правы, когда подозревали, что те примутся за интриги и во время второй мировой войны. Советское правительство не напрасно обвиняло Верховное командование союзников в том, что оно сознательно медлило с открытием второго фронта в Европе.

Ольга была убеждена, что в конце первой мировой войны союзники относились к России как к своему врагу. Под тем неубедительным предлогом, что большевицкое правительство подписало Брест-Литовский договор, они не допустили русских — независимо от того, белые это или красные — к участию в Версальской мирной конференции. Они забыли, что большевистский режим не был выбран всей нацией и что Белые армии сражались с красными на нескольких фронтах. Никому ни в Великобритании, ни во Франции не приходило в голову, что все истинно русские люди рассматривали Брест-Литовский сговор как позорное пятно в истории России и что все условия этого «договора» были бы сразу же аннулированы, как только Белая армия одержала бы победу.

— Союзники предпочли не обращать внимания на это обстоятельство, потому что наконец-то получили возможность наброситься на Россию и, отрывая куски от ее тела, швырять их поджидającym добычи стервятникам. Все страны, граничившие с империей моего брата, увеличили свои территории за наш счет. Польша, Венгрия и Румыния не заставили себя долго ждать. Из территорий, принадлежавших России согласно заключенным в прошлом договорам, возникли такие образования, как Финляндия, Литва, Эстония и Латвия. Свою долю на Дальнем Востоке отхватила и Япония. Во время мирной конференции даже Грузия и Азербайджан превратились в независимые государства, и не прозвучал ни один голос протеста против такого предательства.

— А знаете ли вы, — возмущенно продолжала Ольга Александровна, — что мы с Мамá находились еще в Крыму, когда мой зять, Великий Князь Александр Михайлович, отправился во Францию. Мы все полагали, что один из представителей нашего дома должен поехать в Париж и поставить перед союзными державами вопрос о положении в России. И что же из этого вышло? К Сандро отнесли так, словно он был предателем. Его даже не принял Клемансо. А личный секретарь Клемансо в ответ на предупреждения Сандро о том, какую угрозу представляют собой большевики, имел наглость заявить, что большевизм — это болезнь побежденных наций. Разумеется, никто в Версале даже не вспомнил о тех жертвах, которые понесли русские ради спасения своих союзников. Ведь именно армия моего брата послужила своего рода гигантским амортизатором, принявшим на себя удар немецких войск. Благодаря героизму моих соотечественников французы получили передышку, чтобы укрепить свое положение. Сто пятьде-

сят тысяч русских солдат были посланы на верную смерть под Танненбергом с целью облегчить положение французской армии под Парижем, которому угрожали немцы. Но все это было забыто.

Когда положение нашей армии оказалось хуже некуда, мой брат мог бы согласиться на заключение сепаратного мира. Кайзер был бы рад прекратить войну на Восточном фронте. Но у Ники и мысли не возникало пренебречь союзническим долгом по отношению к Англии и Франции. Когда немцы, надеясь начать переговоры, предложили ему крайне выгодные условия, Ники даже не стал обсуждать их со своими генералами. Свойственное брату чувство порядочности помешало ему предпринять какие-то шаги, и он наотрез отказался от всяких переговоров. Если бы он принял условия кайзера, то вполне сумел сохранить бы и престол, и собственную жизнь, и тогда империя была бы, возможно, спасена от ужасов революции.

Такой взволнованной я не видел Великую Княгиню еще никогда. Ее впалые щеки порозовели, в глазах сверкали молнии. Куда подевалась немогущая старая дама. Я увидел перед собой представительницу дома Романовых, защищающую честь своей семьи и своего народа с пылкостью и отвагой молодого казака.

— А что можно сказать о бездарности западных политических деятелей того времени! — продолжала она после краткой передышки. — Они просто-напросто играли на руку большевикам. Нужно признать, что западные державы не испытывали большой любви к Императорской России. Однако в их же интересах было пресечь распространение коммунизма. Клемансо был твердо убежден, что этого можно добиться созданием санитарного кордона! Большой слепоты и глупости нельзя было и придумать. Ведь именно союзная блокада в сочетании с ужасающими транспортными условиями, к которым следует прибавить несколько неурожайных лет, привели к полнейшему хаосу. В России начался неслыханный голод. Естественно, большевики использовали блокаду, затеянную западными державами в собственных интересах. Иностранцы — вот кто душит страну, заявляли они народу, и миллионы крестьян верили этому. Неужели кто-нибудь на Западе мог разобраться в том, что происходило тогда в России? Президент Вильсон и итальянский премьер Орландо откровенно признались в своей полной неспособности понять русскую проблему. Сделать это оказалось делом непростым, но ведь будущее благополучие Запада зависело от того, сумеет ли он своевременно справиться с возникшими осложнениями.

По мнению Великой Княгини, весна 1919 года была одним из решающих периодов в истории XX столетия. Ленин и Троцкий отчетливо сознавали, сколь шатко их положение. На подступах к Петрограду находился генерал Юденич, бывший главнокомандующий войсками Кавказского фронта. На юго-востоке страны, на Кавказе, собрал вокруг себя значительные силы генерал Деникин. В Сибири изо дня в день укреплялось положение адмирала Колчака, располагавшего большой армией. Но все они нуждались в помощи и рассчитывали на то, что их союзники на Западе пришлют им оружие и другое снаряжение.

— Сложилась крайне благоприятная обстановка. Большевики были окружены со всех сторон. Преступления ЧК против городского и сельского населения озлобили и тех, и других. Красноармейцы обессилели от голода, были разуты, не имели боеприпасов. У них не было таких блестящих генералов, как Юденич или Колчак. Даже Троцкий сомневался в боеспособности тогдашней Красной армии. Однако возможность разбить большевиков была упущена. Объявленная Западом блокада ударила не столько по кремлевским законам, сколько по миллионам простых людей — мужчинам, женщинам, детям, которые никогда не интересовались политикой. А какая помощь была оказана Западом Белым армиям? Действительно, какую-то помощь западные страны предлагали, но на таких условиях, каких белые не могли принять. Потом в Баку высадились англичане. Они двинулись на Батум и объявили его свободным городом, а Азербайджану предоставили независимость. С какой же целью? Чтобы помочь Белым армиям? Восстановить в России порядок? Ничего подобного! Западу понадобилась нефть...

Итальянцы, давно присматривавшиеся к марганцевым месторождениям Грузии, под бой барабанов, размахивая знаменами, вошли в Тифлис, превратив Грузию в независимое государство. Полагая, что и они не лыком шиты, французы заняли Одессу, главнейший порт России на Черном море, и стали заигрывать с украинскими «самостийниками». Боеприпасы, артиллерия и аэропланы, которые следовало бы передать Деникину и Юденичу, достались полякам. А те, под руководством Пилсудского, вторглись в Россию и оккупировали Киев и Смоленск. Верхом глупости и недальновидности была высадка американцев во Владивостоке. Их примеру вскоре последовали и японцы.

В результате такой политики, как утверждала Великая Княгиня, кремлевские вожди одержали крупную моральную победу.

В глазах русских большевики неожиданно стали защитниками суверенитета России, которой угрожали со всех сторон враги. Чуть ли не в мгновение ока, благодаря непродуманным действиям союзников, из «красных дьяволов» большевики превратились в ангелов-хранителей страны. Белые генералы поняли, что больше нет смысла продолжать борьбу. Одна за другой их части начали распадаться. Многие тысячи белых воинов просто разошлись по домам. Тысячи вступили в Красную армию, чтобы сражаться со своими исконными врагами — поляками.

— Под создавшейся ситуацией подвел черту генерал Брусилов, знаменитый герой Императорской армии, — отметила Великая Княгиня. — Когда польские пушки начали бить по Киеву и Смоленску, Брусилов сделал сенсационное заявление: «Поляки осаждают русские крепости, опираясь на помощь тех самых государств, которые мы спасли от верного разгрома в самом начале войны. Я от всей души желаю успехов Красной армии, и да поможет нам Бог!»

К 1920 году обескровленные и дезорганизованные Белые армии фактически перестали существовать. Столкновения, в которые они вступали время от времени то в одном, то в другом месте, лишь озлобляли обывателей. Любая армия, утратившая дисциплину, цель и единство, неизбежно станет допускать эксцессы.

— А вспомните, что произошло после второй мировой войны, — продолжала Ольга Александровна. — Союзники были словно малые дети, которых Сталин со своими бандитами водил за нос. И президент Рузвельт воображал, будто он в состоянии договориться с кремлевскими заправилками. Ничто на свете не сможет снять с него вины за последствия позорных условий Ялтинской конференции. Именно Соединенные Штаты помогли Сталину создать «Железный занавес». Все предупреждения Черчилля отскакивали от президента как от стены горох. Я не испытываю ни малейшего сочувствия к американцам, которые страдают, испытывая такие нервные нагрузки в результате холодной войны. В 1945 году, да и позднее, они были достаточно сильны, чтобы не только помешать целым государствам попасть под иго коммунистов, но и настоять на проведении свободных выборов в самой России. Они упустили свой шанс, и сегодня мир платит за это дорогой ценой.

Затем Ольга Александровна коснулась возникновения сорок лет назад независимых государств в бывшем Прибалтийском крае Российской империи.

— Люди, плохо знающие историю, стали сходиться с ума от радости: дескать, «жертвы имперской политики» угнетения наконец-то обрели свое место под солнцем. Провинции эти отошли к России свыше двухсот лет назад в результате ее победоносной войны со Швецией. Однако никто из тех, кого я знаю, не обезумел от горя, когда после второй мировой войны эти прибалтийские страны стали жертвой террора, о масштабах которого мало кто из жителей западных стран догадывается. Да и сегодня, похоже, никто не сетует по поводу бедственного положения Эстонии и Латвии.

Я все никак не мог собраться с духом, чтобы спросить у Ольги Александровны относительно той роли, которую сыграли тысячи русских эмигрантов во время войны, начатой Гитлером, но она сама заговорила об этом. И в голосе ее прозвучала печаль.

— Генерал Власов и его единомышленники были не в большей мере изменниками, чем вы или я. Они оставались преданными России в течение всей их жизни в изгнании. Они не разделяли нацистской идеологии, но совесть заставила этих людей встать на сторону немцев, потому что, по их мнению, у них появилась возможность освободить Россию от коммунизма. Мне это известно слишком хорошо. Многие тысячи эмигрантов, осевшие в союзных странах, встали перед страшным выбором. Но что им оставалось делать, если союзники были на стороне Сталина? Разумеется, этих несчастных эмигрантов немцы обманули; они совершили непростительную ошибку, вторгшись в Россию. Гитлер твердил, будто намерен освободить мою Родину от большевиков. Немцам следовало бы создать органы местной администрации, целиком состоящие из русских чиновников, и образовать русское правительство. Вместо этого они принялись грабить и убивать, не щадя ни женщин, ни детей, и в результате были наголову разбиты.

Наши встречи в домике Великой Княгини становились все реже. Я не переставал удивляться тому, как хорошо помнит прошлое Ольга Александровна, но ее отношение к текущим событиям ставило меня в тупик. Я испытал некое подобие шока, когда услышал от нее такие слова:

— Я всегда с большим интересом следила за советской внешней политикой. Она вряд ли отличается от того курса, которого придерживались мой отец и Ники.

Но когда мы стали обсуждать вопрос детально, оказалось, что она права. Сугубо националистическая политика, которой руко-

водствовался Император Александр III, была принята на вооружение и Кремлем. Страх и недоверие по отношению к Германии, настороженное внимание к росту народонаселения в Китае, настоячивые требования создания демилитаризованной зоны в Центральной Европе, панславистские тенденции, стремление создавать все новые и новые порты, строгие административные меры на границах государства, принимаемые даже в мирное время — по существу, все характерные особенности политики царского правительства прослеживаются сегодня с такой же очевидностью, как это можно было наблюдать во время царствования Романовых.

Великая Княгиня была убеждена, что быстро изменяющиеся условия жизни за пределами России привели к тому, что режиму пришлось коренным образом пересмотреть свою идеологию.

— Принцип мирного сосуществования — это вопиющее нарушение основ марксизма, который учит, что войны — неизбежное условие развития капитализма. Теперь же русским внушают, что они должны жить бок о бок с капиталистическими странами. Для них это какая-то бессмыслица. Заявляю вам, что рядовой русский думает собственной головой, живет своим умом, чем бы его правители ни занимались. И эти перемены в идеологии когда-нибудь приведут к распаду коммунистической системы. Каждая из таких перемен еще больше ставит в тупик рядового обывателя. Каждая из них заставляет его постепенно терять доверие к режиму, который все дальше отходит от принципов, которые сам же проповедует.

По мнению Ольги Александровны, преследование религии и верующих в прежние годы наряду с террором, сопровождавшим богоборчество, являлись неотъемлемыми элементами советской системы. Терпимость, которая допускается в настоящее время в России, абсолютно несовместима с коммунистическим учением. В результате создается как бы система внутри системы. Подобная политика поощряется Кремлем. Кремлевские вожди поняли много лет назад, что религиозное чувство искоренить невозможно.

— С точки зрения коммунистов, — утверждала Великая Княгиня, — религия неизбежно подрывает их систему. Разумеется, они пытаются противопоставлять ей атеистическую пропаганду среди школьников, но рано или поздно влияние и пример верующих — будь то православные, католики или мусульмане — представят собой проблему. И проблема эта будет далеко не единственной.

Ольга полагала, что все увеличивающаяся образованная прослойка, появление которой она поставила в заслугу советскому обществу, в конечном счете явится для него обоюдоострым мечом.

— С каждым годом уровень образованности растет, — признала Великая Княгиня. — Я не верю хвастливым заверениям, будто бы в Советском Союзе покончено с неграмотностью. Однако бесполезно отрицать, что в нынешней России сделано многое, в особенности, после окончания второй мировой войны. Однако высокий уровень образования и правительственные шоры — вещи несовместимые. Во всяком случае, такое вряд ли может долго продолжаться. Рано или поздно тяга к свободе и правам человека, которые попираются государством, дадут себя знать. Кремлевским вождям будет нелегко справиться с просвещенным народом, не предлагая ему взамен ничего, кроме трескучих фраз, очередных успехов в области ядерной физики да грандиозных демонстраций на Красной площади.

Нищий Китай в большей степени является борцом за идеалы коммунизма, нежели Россия. Поскольку радикалы-коммунисты осуждают несправедливое распределение благ, то Россия, входящая в настоящее время в число «состоятельных» государств, не может больше считаться страной под «красным знаменем». Ведь это все равно как если бы Рокфеллер вздумал выдавать себя за вождя нищих. Ничего удивительного в том, что Китай оспаривает у Советской России право на лидерство. Есть и еще один довод в пользу Китая: коммунизм утвердился в Китае по воле его народа через тридцать семь лет после падения Императорского правительства. У меня на Родине большевики захватили власть спустя восемь месяцев после отречения моего брата, и русский народ так и не получил права на свободное волеизъявление. Так называемые советские выборы — это какая-то нелепая пародия на то, что под этим словом подразумевается.

Великая Княгиня предсказала дальнейший раскол между Москвой и Пекином задолго до текущих событий:

— Вполне возможно, что Россия станет единственной силой, способной умирить агрессивность Китая, и единственным надежным буфером между Европой и Азией. Хочу только надеяться, что, когда это произойдет, Запад поддержит свободно избранное у меня на Родине демократическое правительство, — заключила она.

Однажды после длительных споров о дальнейшем развитии России я задал Великой Княгине вопрос, допускает ли она возврат Ро-

мановых к власти. Она, не колеблясь, ответила отрицательно, что явилось еще одним свидетельством ее кристальной честности.

— Я уверена, что ни о какой реставрации монархии не может быть и речи. Если коммунизм потерпит в России крах, то она, вероятнее всего, станет республикой. Если даже в стране найдутся люди, которые мечтают о возвращении монарха на престол, то кто займет этот престол? Престол некому наследовать.

— Но ведь существуют два претендента, — напомнил я Ольге Александровне, но та лишь пожала плечами.

— Знаю. Князь Владимир, который живет в Мадриде, и князь Роман, который обосновался в Риме¹. Оставив в стороне все мои симпатии и антипатии, я не могу предположить, чтобы в Москве вновь появился Царь. Произошли слишком значительные перемены... Без нас выросло целое поколение. Однако все это лишь детали. Я убеждена, что мечтать о реставрации дома Романовых — сегодня лишь пустая трата времени. — В глазах Ольги Александровны я не увидел грусти. Разумеется, она давно примирилась с действительностью. Но эти несколько фраз, произнесенных сестрой последнего русского Царя, прозвучали для меня как своеобразный реквием трем векам русской истории.

¹ Князь Владимир Кириллович (скончался в Америке в апреле 1992 года и погребен в великокняжеской усыпальнице в Петропавловской крепости) — единственный сын Великого Князя Кирилла Владимировича от брака с Викторией, разведенной женой Великого Герцога Гессенского Эрнста, дочерью герцогини Эдинбургской. По праву первородства притязания князя Императорской крови Владимира Кирилловича были, разумеется, более обоснованными, чем у его кузена, князя Романа, сына покойного Великого Князя Петра Николаевича. Князя Владимира иногда ошибочно называли Великим Князем. В настоящее время ни одного Великого Князя в живых не осталось. Согласно положению, разработанному Александром III, лишь сыновья и внуки монархов по мужской линии имеют право называться Великими Князьями. Отец князя Владимира Кирилловича был внуком Императора Александра II, и поэтому его дети были лишены права на великокняжеский титул. Правда, после получения определенных доказательств злодеяний, совершенных в Екатеринбурге и Перми, некоторые эмигранты признали Великого Князя Кирилла Владимировича Императором, однако представители династии не подтвердили этот титул. Великая Княгиня Ольга Александровна отдавала предпочтение князю Роману на том основании, что отец князя Владимира, Великий Князь Кирилл Владимирович, признал Временное правительство еще до отречения Императора Николая II. Кирилл Владимирович, командовавший Гвардейским экипажем, с частью экипажа (остальные моряки, верные царю, вступили в стычку с изменниками и остались в казармах) пошел к Таврическому дворцу, чтобы присягнуть мятежной Думе. Будучи членом Императорской фамилии, Великий Князь присягал в верности Государю, который один лишь мог освободить его от присяги.

Будущий крах коммунизма она представляла себе как медленный процесс распада.

— Мне очень хотелось бы, чтобы это произошло не сразу, а постепенно, поскольку внезапное и неизбежно сопряженное с насилием падение коммунистической власти могло бы произойти лишь в результате военной победы Запада. Я до мозга костей русская, и чувство собственного достоинства не позволяет мне надеяться на иностранную интервенцию в таких обстоятельствах.

Именно эта фраза помогла мне понять, какую трагическую раздвоенность уготовила судьба Великой Княгини. Почти всю ту жизнь, которая прошла в безрадостном прозябании изгнанницы, Ольга страдала от сознания, что люди, которые предложили ей свою дружбу, принадлежат к нации, которая всегда была несправедлива к ее Родине.

— Как все это ужасно, — призналась она мне однажды. — Лучшие мои друзья и многие мои родственники — англичане, я им предана, да и английский стиль жизни мне по душе. Я совсем не разделяю взглядов Папы на Англию; так же, как и он, я недолюбливала королеву Викторию, однако я так и не смогла понять, почему, испытывая такое уважение к дядюшке Берти, отец так его не переваривал. Я любила дядюшку Берти и Джорджи и многих других своих родных, они столько сделали для меня. Но разве можно было обсуждать с ними совершенно подлую политику британских парламентов — одного за другим? Почти все они были антирусскими, причем зачастую без малейших на то оснований. Политика Англии, по сути, противоречит ею же провозглашенному принципу честной игры.

— А разве в политике такого принципа придерживаются? — спросил я, и Ольга Александровна вздохнула:

— Пожалуй нет. Но я очень наивна и полагаю, что честная игра все же необходима. Если бы в Петрограде в 1917 году на посту британского посла вместо Бьюкенена был смелый и наделенный более богатым воображением чиновник, то я уверена, что жизнь Ники можно было бы спасти. Мне так жаль Мэриел, дочь Бьюкенена. Она познакомилась с герцогом Александром Лейхтенбергским, которого мы все звали Сандро, и оба полюбили друг друга, но Сандро не посмел жениться на ней — столь дурной репутацией пользовался ее отец. Исключение составляли левые круги. Правда, все это мелочи. Ведь в конечном счете главное в другом.

— А что вы считаете главным? — поинтересовался я.

— Главное — свобода моей милой Родины, — не задумываясь, ответила Великая Княгиня.

Во время последних наших встреч и споров я сумел по-настоящему оценить ее доброту, понимание человеческой природы, любовь к отчизне, стоявшую выше всех личных интересов, стойкость и мужество, которые помогли Ольге выдержать бури, выпавшие на долю ее поколения. Учитывая такие достоинства Ольги Александровны, можно простить ей горячность и предрассудки. Она достойно носила великое имя. Причем делала это великолепно. Но в то же время она была дочерью Императора, который всякой другой одежде предпочитал крестьянскую блузу и полагал, что высокий титул обязывает его к ответственности перед своим народом и тяжкому труду Царского служения.

Запомним, что последняя русская Великая Княгиня оказалась такой женщиной, которая сумела доказать свою принадлежность к высокому роду вопреки печалям, трудностям, лишениям и унижениям, которые достаются в жизни не всякому. Ненавидя ложную пышность и мишуру, Ольга Александровна придала особую лучезарность закату славного дома Романовых, к которому она принадлежала.

«АНАСТАСИЯ»

После кончины Великой Княгини я искал подтверждение ее заявлениям у многих лиц, прямо или косвенно связанных с «делом Анастасии». Все без исключения они пошли мне навстречу, и я счел любопытным привести в настоящей работе свидетельства двух из этих лиц.

1. Важное письмо, касающееся дела госпожи Андерсон, целиком подтверждающее слова Великой Княгини Ольги Александровны, получено мною от Его Высочества герцога Дмитрия Лейхтенбергского, сына герцога Георгия Лейхтенбергского, пригласившего госпожу Андерсон погостить у него в баварском замке Зеон в 1927 году. Герцог Дмитрий, живущий в настоящее время в Канаде, помнит ее очень хорошо. Я благодарю его за разрешение целиком привести его письмо:

«Сен-Совер-де-Мон, П. К.

5 марта 1961 года

Любезный господин Воррес!

Причины моего неприятия личности госпожи Чайковской-Андерсон состоят в следующем:

1. Когда госпожа Чайковская приехала в Зеон, она не говорила и не понимала по-русски; она не говорила и не понимала по-английски, если не считать того небольшого, что она выучила благодаря урокам, взятых ею в Лугано и Оберсдорфе, прежде чем приехать в Зеон; она не говорила и не понимала по-французски. Говорила только по-немецки с северогерманским акцентом. Между тем Великая Княжна Анастасия Николаевна всегда разговаривала по-русски с отцом, по-английски с матерью, понимала и говорила по-французски и совсем не знала немецкого.

2. Когда я привел госпожу Чайковскую в наш русский православный храм, то она вела себя как лицо римско-католического вероисповедания, незнакомое с православным богослужением. Между тем Великая Княжна Анастасия, как и вся Императорская Семья были чрезвычайно религиозными людьми, воспитанными в православной вере.

3. Я присутствовал при встрече госпожи Чайковской с Феликсом Шанковским, во время которой последний узнал в ней свою сестру, Франциску Шанковскую, и согласился подписать документ, свидетельствующий об этом. Позднее, посоветовавшись с сестрой, когда оба оказались за пределами слышимости, такой документ он отказался подписать по причинам, которые нетрудно понять. Он был коммунист, бедный горняк, у матери была тяжелая форма рака, жили они без средств, в то время как его сестра обитала в замке и с нею обращались, как с возможной Великой Княжной. Зачем ему было портить „карьеру“ сестре?¹

4. Все лица, лично знавшие Великую Княжну, увидев госпожу Чайковскую, не признали в ней Великую Княжну Анастасию, не нашли в ней никакого сходства или же нашли лишь незначительное сходство. Некоторые из этих лиц имели корыстные помыслы, но в большинстве своем это были „белые“ русские, преданные Императорской Семье, которые надеялись отыскать кого-то, кто уцелел из Императорской Семьи, и к проблеме Чайковской-Андерсон относились как бы в ослеплении именем Великой Княжны.

5. Доктор Кострицкий, дантист Императорской Семьи, письменно засвидетельствовал, что зубы госпожи Чайковской, слепок с которых, изготовленный нашим семейным дантистом в 1927 году, мы ему переслали, не имеют ничего общего с данными о зубах Великой Княжны Анастасии Николаевны.

Мое личное впечатление таково, что госпожа Чайковская-Андерсон — выходец из семьи с низким общественным положением; она была лишена природной воспитанности, свойственной детям Императорской Семьи, и, несомненно, вела себя не так,

¹ В 1927 году частный детектив, расследовавший дело Чайковской-Андерсон, получил убедительные доказательства того, что госпожа Чайковская — не кто иная, как польская крестьянка по имени Франциска Шанковская, об исчезновении которой полиция была извещена приблизительно в то самое время, когда в феврале 1920 года была вытащена из канала госпожа Андерсон. Брат этой польской крестьянки, Феликс Шанковский, был направлен властями в замок Зеон для очной ставки с сестрой. (Прим. автора.)

как подобает даме благородного происхождения. Мои впечатления, разумеется, не являются доказательствами, но приведенные выше факты являются таковыми.

В заключение должен отметить, что мой отец согласился принять госпожу Чайковскую у себя в Зеоне, заявив: „Если это Великая Княжна, то было бы бесчеловечно не помочь ей. Если же это не Великая Княжна, то я не совершу никакого преступления, предоставив кров бедной, больной, подвергающейся преследованиям женщине, и одновременно приму меры к установлению ее личности“.

(подпись) Дмитрий Лейхтенбергский»

II. Привожу копию письменного свидетельства, данного под присягой Томасом Г. Престоном (ныне сэр Томас Г. Престон), британским вице-консулом в Екатеринбурге (Россия), где Николай II и Его Семья были зверски убиты коммунистами в июле 1918 года. Этот документ, датированный 22 января 1960 года, подтверждает все, что Великая Княгиня Ольга Александровна сказала по поводу утверждения госпожи Андерсон, будто бы она является Великой Княжной Анастасией Николаевной.

Я, ТОМАС ГИЛЬДЕБРАНД ПРЕСТОН, проживающий по адресу Пикадилли, 106, Лондонское графство, под присягой заявляю следующее:

1. В сентябре 1913 года я был назначен британским вице-консулом в Екатеринбурге (Россия). Территория, на которой я осуществлял консульские полномочия, была обширной, поскольку охватывала Урал до города Перми на западе и Акмолинскую область и Западную Сибирь на востоке. Позднее я был возведен в ранг консула, и мои полномочия возросли.

2. После отъезда из России сэра Джорджа Бьюкенена, посла Великобритании, в самом начале революции, я не получил никаких указаний (телеграф работал нерегулярно) покинуть свой пост, и у меня не оставалось иного выбора, кроме как продолжать выполнять свои обязанности, тем более что в качестве главы дипломатического корпуса я нес ответственность за безопасность всех иностранных подданных, проживающих там. В силу этого я стал свидетелем, пожалуй, самого страшного в новейшей истории периода террора. Я оставался в Екатеринбурге вплоть до освобождения города 25 июля 1918 года частями Сибирской (Белой) армии и мятежными отрядами чехов, а затем — до июня 1919 года, когда я отправился на

Дальний Восток вместе с остатками вооруженных сил Колчака. С самых первых дней большевизмской революции — с октября-ноября 1917 года — я был единственным официальным представителем Великобритании на территории от Москвы, где нашим представителем являлся сэр Брюс Локкарт, и до Владивостока на Дальнем Востоке, где британским консулом был мистер (впоследствии сэр Роберт) Ходжсон, которого я сменил на этом посту осенью 1919 года. Британская военная миссия, возглавляемая генералом сэром Альфредом Ноксом, прибыла в Екатеринбург вскоре после разгрома большевизмской армии в июле 1918 года, когда в городе были уже восстановлены нормальные условия жизни.

3. После большевизмского государственного переворота в октябре 1917 года я обратился к Уральскому совету, который отказался признать меня в качестве британского консула ввиду того, как заявили представители Совета, что мой посол уехал из России и, по слухам, британские войска намеревались высадиться в районе Архангельска. Я объяснил, что в качестве главы дипломатического корпуса представляю интересы всех иностранцев, включая граждан нейтральной Скандинавии. В качестве такового я смог впоследствии установить деловые отношения с Уральским советом.

4. В начале апреля 1918 года до нас в Екатеринбурге дошли слухи, что советские власти как в Москве, так и в Екатеринбурге проявляют беспокойство в отношении русской Императорской Семьи, находившейся в то время в заточении в Тобольске. Они опасались, что ее присутствие вызывает монархические чувства и что могут быть предприняты попытки позволить ей скрыться. В середине апреля Янкель Свердлов, председатель Центрального исполнительного комитета в Москве, под германским давлением (со стороны графа Мирбаха, германского посланника, впоследствии убитого) направил в Тобольск комиссара Яковлева с поручением доставить Императорскую Семью в Москву с целью принудить Царя подписать Брест-Литовский договор с немцами. Однако Яковлев вел двойную игру: выполняя требование немцев вывезти Императорскую Семью из Тобольска, он одновременно пошел навстречу пожеланиям Уральского совета и позволил ему арестовать Императорскую Семью по пути в Екатеринбург.

5. 30 апреля 1918 года Император, Императрица, Великая Княжна Мария, доктор Боткин и трое слуг — Анна Демидова (комнатная девушка Императрицы), Чемодуров (лакей Императора) и Седнев — прибыли в Екатеринбург. Уральский совет попы-

тался сохранить в глубокой тайне приезд Императорской Семьи в Екатеринбург. Однако известие об этом вскоре просочилось наружу, и на станции Екатеринбург-1, куда подошел Императорский поезд, а затем и около дома Ипатьева, куда должны были поместить Царскую Семью, собралась большая толпа любопытных. Чтобы не привлекать внимание зевак, власти отвели поезд на станцию Екатеринбург-2 (товарная станция), направив туда автомобили, чтобы погрузить в них приехавших. По поводу большевицких чиновников, которые сыграли ведущую роль в этих трагических, но исторических событиях. Членами президиума Екатеринбургского совета были Белобородов (председатель), Сыромолотов, Голощекин, Сафаров, Войков и Чупкаев. Чупкаев не всегда упоминался в качестве члена президиума, но действовал как заместитель Белобородова; именно с ним я встречался почти ежедневно, когда делал представления по поводу безопасности и обращения с Императорской Семьей. Из других членов президиума я много лет был знаком с Сыромолотовым, работавшим в горно-рудной промышленности. С Войковым я тоже был прежде знаком. Что же касается Голощекина, который до революции был помощником зубного врача, то после убийства Императорской Семьи я имел с ним весьма неприятную встречу на екатеринбургском телеграфе.

6. 23 мая Цесаревич и три его сестры приехали в Екатеринбург и под конвоем были доставлены в дом Ипатьева, где присоединились к своим родителям. Через несколько часов в дом Ипатьева были также отправлены повар Харитонов и лакей Трупп. Госпожа Шнейдёр, графиня Гендрикова и генерал Татищев со станции были увезены прямо в тюрьму. Швейцарец г-н Жильяр, учитель французского языка, и мистер Гиббс, учитель английского языка, а также баронесса Буксгевден, фрейлина Императрицы, были освобождены: им сообщили, что они больше не нужны. Князь Долгоруков, который приехал вместе с первой группой узников в апреле, был тотчас брошен в тюрьму, а затем расстрелян. Я получил от него несколько записок карандашом, в которых он умолял меня заступиться за Императорскую Семью. Чтобы не компрометировать его, я ему ни разу не ответил, но он, по-видимому, знал, что я ежедневно делал представления Уральскому совету, чтобы помочь Царю и Его Семье. Баронесса Буксгевден, мистер Гиббс и месье Жильяр часто приходили ко мне в консульство, и мы целыми часами обсуждали возможности и способы спасения Царской Семьи. При наличии десяти тысячного гарнизо-

на, состоявшего из красноармейцев, в условиях, когда красные шпики прятались за каждым углом и в каждом доме, предпринять что-то вроде попытки спасти Императора и его близких было бы безумием, чреватым самыми ужасными последствиями для Императорской Семьи. Мои усилия поневоле ограничивались ежедневными визитами к товарищам Чупкаеву и Белобородову. Чупкаев неизменно заверял меня, что об Императорской Семье заботятся и что их жизни вне опасности. Он также уведомил меня, что мое вмешательство необоснованно и возмутительно, на что я возразил, что предпринимаю эти шаги ввиду родственных уз, связывающих Царя с английской королевской семьей.

7. В мае 1918 года число членов фамилии Романовых увеличилось благодаря прибытию в Екатеринбург Великой Княгини Елизаветы Федоровны, сестры Императрицы, Великого Князя Сергея Михайловича, двоюродного дяди Императора, князей Игоря, Иоанна и Константина Константиновичей, сыновей Великого Князя Константина Константиновича, а также князя Палея. Однако всех их отправили в поселок Алапаевск, расположенный неподалеку от Екатеринбурга. В ночь с 17 на 18 июля большевики сбросили их живыми в шахту, где некогда добывалась железная руда, а вслед швырнули камни и булыжники.

8. Я уже отмечал, что любая попытка похитить Императорскую Семью и спасти ее была бы безумием, чреватым самыми ужасными последствиями для членов самой Семьи, и что, помимо небольшой горстки монархистов, практически никого не волновала судьба Императора и Его близких. Это отчасти объясняется тем, что мы жили в условиях неслыханного террора, когда людей хладнокровно убивали десятками тысяч, а жители города, по существу, заботились лишь о самих себе. Не представляю, чтобы в такой атмосфере какое-то лицо — тем более лицо, имеющее отношение к убийству, — стало бы рисковать собственной жизнью, пытаясь спасти одного, причем не самого главного члена Императорской Семьи, даже если допустить, что человек этот остался жив после злодеяния, совершенного в подвале дома Ипатьева. Судя по тому, что я слышал в то время, и на основании свидетельств, полученных судебным следователем по особо важным делам Соколовым, человеком безупречной репутации, такого я ни на минуту не допускаю.

9. Что касается книги, озаглавленной «Я, Анастасия», которая написана особой, утверждающей, будто бы она является дочерью покойного Императора, то я хотел бы обратить внимание на сле-

дующие несуразности, которые, на мой взгляд, делают неубедительными свидетельства, приводимые автором и претенденткой [на роль Великой Княжны].

10. На стр. 64 упомянутой книги, в третьем абзаце, в третьей строке, указывается: «Была еще ночь, было темно, хоть глаз выколи». Общеизвестно, что в России в середине лета (т. е. в июле) в Екатеринбурге, как и в Петрограде, стоят белые ночи и достаточно светло, чтобы читать и фотографировать¹. И на той же странице, в последнем абзаце, на третьей строчке, мы находим такую фразу: «Шоферу было трудно отыскать дорогу в темноте» — еще одно вопиющее расхождение с действительностью.

11. Что же касается некоего Франца Свободы, который утверждает, будто он спас оставшуюся в живых, но раненную Великую Княжну Анастасию из дома Ипатьева и отвез ее в соседний дом на телеге своего знакомого, то показания Свободы — наиболее важные из всех свидетельских показаний. Привожу свои соображения относительно показаний Свободы, которые, на мой взгляд, не выдерживают никакой критики по следующим причинам:

12. Во-первых, зачем австрийскому военнопленному заботиться, с огромным риском для собственной жизни, о судьбе Императора государства, с которым его родина воевала?

13. Во-вторых, Свобода сочиняет небылицу о каком-то «Г» (имя его он не называет, потому что человек этот до сих пор живет в СССР), который, по его утверждению, был руководителем Чека и помог ему связаться с Царем с целью его освобождения. В условиях террора, свирепствовавшего в Екатеринбурге в то время, и дикой, фанатической ненависти к династии Романовых со стороны Екатеринбургской Чека, состоявшей преимущественно из евреев, у которых были причины ненавидеть царский режим, предательство со стороны одного из ее сотрудников — к примеру, «Г» — немыслимо. Кроме того, являясь британским консулом, я был достаточно хорошо информирован относительно всего, что кругом происходит, и почти наверняка узнал бы о мнимой деятельности Свободы, если бы таковая действительно имела место.

14. В-третьих, и это самое существенное, в ночь злодеяния был объявлен комендантский час, а это значит, что никому не разре-

¹ Г-н Престон ошибается. Переводчик, житель С.-Петербурга, свидетельствует, что сегодня (как и вчера и позавчера — вот уже около месяца) в ночь с 13 на 14 июля было темно. Белые ночи давным-давно кончились.

иналось появляться на улице после восьми часов вечера. Ни один человек, которому дорога жизнь, не посмел бы нарушить запрет. И вопреки таким обстоятельствам нас пытаются убедить, будто бы Свобода и его «знакомый» сумели раздобыть лошадь и телегу, [проникнуть] в дом Ипатьева, опознать и вынести раненую Анастасию (которую они никогда прежде не видели), чтобы отвезти ее в один из соседних домов, когда каждый дом в округе находился под неусыпным надзором вездесущих агентов Чeka.

15. Наконец, в его заявлении, сделанном под присягой, Свобода (стр. 69 книги) утверждает: «Два-три дня спустя по Екатеринбург разнесся слух об исчезновении Анастасии, и по всему городу начались обыски. Я также помню, что было приказано обыскать и окружающую местность, но поиски не дали результатов». Показания Свободы по этому поводу подтверждают другие лица, а именно А. Роше (стр. 70 книги и стр. 72, строка первая). Они утверждают, будто бы «большевики расклеили афиши, в которых сообщалось об исчезновении Великой Княжны». Я категорически отрицаю эти заявления. В это время я занимал свою должность в Екатеринбурге, а также ездил в Пермь, когда генерал Пепеляев вместе со своей Сибирской армией отбил этот город у красных; затем поехал во Владивосток, находящийся на Дальнем Востоке. Однако до меня не доходило ни слухов, ни донесений о спасении Великой Княжны, не видел я и афиш, в которых бы об этом сообщалось.

16. Я полагаю, что искажения общеизвестных фактов, упомянутые выше, а также неубедительный рассказ Свободы, одного из самых важных свидетелей, не может не вызвать недоверие и к остальным сведениям, приводимым автором в ее книге; факт этот лишь укрепляет мое убеждение, что Великая Княжна Анастасия погибла вместе с остальными членами русской Императорской Семьи в ночь с 16 на 17 июля 1918 года.

ПРИВЕДЕН К ПРИСЯГЕ

по адресу Воберн-сквер, 18,

Лондонское графство Т. Г. Престон (подпись)

22 дня января месяца

1960 года

В моем присутствии,

У. Е. Г. Черчер (подпись),

присяжный уполномоченный

РОМАНОВСКИЕ «КАПИТАЛЫ» В АНГЛИИ

Покойный сэр Эдвард Пикок, директор Банка Англии в период с 1920 по 1924 и с 1929 по 1946 год, подвел черту под вопросом о капиталах семьи Романовых, хранившихся в Англии.

Сэр Эдвард находился в Торонто в сентябре 1960 года, незадолго до кончины Великой Княгини Ольги Александровны. Мы имели с ним две продолжительные беседы, после которых картина выяснилась окончательно.

«Я полагаю, что следует сказать правду, — заявил сэр Эдвард Пикок, — в особенности теперь, когда дни Великой Княгини сочтены. И поскольку она поручила вам записать ее мемуары, я предоставляю вам информацию, которая вас интересует.

Я также считаю, что это нужно сделать в интересах Великой Княгини Ольги Александровны. Ведь в конечном счете именно ее кузен Георг V повелел мне защищать ее интересы.

Я совершенно уверен в том, что ни в Банке Англии, ни в каком-либо другом банке Великобритании никогда не было никаких средств русской Императорской Семьи. Разумеется, слово „никогда“, возможно, и не следовало применять, но я убежден, что, во всяком случае, там не было никаких средств как после первой мировой войны, так и в продолжение долгих лет моего пребывания в должности директора банка».

Я расстался с сэром Эдвардом с чувством облегчения, потому что наконец-то, незадолго до смерти Ольги Александровны, он поставил точку на проблеме, которая так беспокоила одну из оставшихся в живых представительниц дома Романовых все долгие годы ее страданий и жизни в изгнании. Великую Княгиню столько лет особенно угнетало обвинение, будто бы она и остальные члены ее семьи отказались признать в госпоже Андерсон Великую Княжну Анастасию, потому что якобы сами «положили глаз» на эти мифические «капиталы».

От переводчика

В данном томе объединены две работы, заслуживающие внимания читателей, интересующихся отечественной историей. Первая из них, «Подлинная Царица», принадлежит перу Лили (Юлии Александровны) Ден, приближенной Государыни Императрицы Александры Федоровны. На английском языке она появилась в 1922 г. и впервые была переведена автором этих строк. Вторая работа — «Последняя Великая Княгиня» — это мемуары Ольги Александровны, младшей сестры Николая II, записанные и обработанные канадским журналистом Йеном Ворресом (так же впервые переведены мною). Они вышли в свет в Лондоне в 1964 г., уже после кончины Великой Княгини. В 1998 г. обе работы в одном томе были опубликованы издательством «Терра» — «Книжный клуб» и очень быстро разошлись. В 1999 г. издательство «Царское дело» переиздало «Подлинную Царицу» Лили Ден с достаточно полным комментарием и вступительной статьей А. Степанова, довольно сурово отозвавшегося о «близкой подруге Императрицы Александры Федоровны» и даже обвинившем ее в «скудости веры».

Настоящий перевод этих произведений был переработан мною. Оба они снабжены иллюстрациями, которые отсутствовали в предыдущем издании.

«Подлинная Царица» — это личные воспоминания Юлии Александровны (Лили) Ден, приближенной и преданного друга Государыни Императрицы Александры Федоровны и всей Императорской Семьи, которую она знала последние десять лет их жизни. Будучи представленной Императрице, Лили Ден горячо полюбила молодую Императрицу, которая стала ее верным другом. Александра Федоровна и сама привязалась к Лили всем сердцем, внушив эту свою привязанность и собственным детям — Великим Княжнам, которые росли на глазах Юлии Александровны,

и сыну, Цесаревичу Алексею. Любящая мать, преданная супруга, верный друг, истинная христианка, наделенная горячей верой в доброту и справедливость Всевышнего, подлинная Императрица Всероссийская, любящая русский народ, — такой предстает перед нами Государыня. Когда Александра Федоровна в марте 1917 г. ожидала ареста Временным правительством, у Лили Ден, возмущенной тем, как обошлись с Царской Семьей представители русского народа, вырвалось: «До чего же я ненавижу Россию!» На это Императрица сказала с укоризной: «Вы причиняете мне боль своими словами. Никогда не смейте говорить, что вы ненавидите Россию!»

Совсем иным, чем изображают его недруги, предстает перед нами и Император. «Он не слабый, он самый сильный из всех, кого я знаю. Потому что он сумел перебороть себя. Он никогда не дает воли гневу, которому подвержены все Романовы, — заявляет Государыня Императрица. — Удивительно, что его не обвиняют в излишней доброте. Во всяком случае, это было бы правдой!»

Из рассказа Лили Ден мы узнаем о планах Императора Николая II к концу войны наделить всех кавалеров орденов, раненых и увечных воинов земельными наделами из казенных земель. Лили Ден свидетельствует, что ни Распутин, ни Вырубова не обладали никаким политическим влиянием. Использовали же Распутина революционеры, и на его месте мог бы оказаться любой другой. Был бы жив Иоанн Кронштадтский, утверждает Лили Ден, враги империи использовали бы для подрыва Царской власти и его.

Вряд ли можно согласиться с критикой Лили Ден в адрес Императорской четы, которая, по ее мнению, была чересчур религиозной и высоконравственной. Она не разделяла уверенности Императрицы в преданности простого народа своему Царю. Между тем сама же Лили Ден признает, что крестьяне, простые солдаты боготворили Государя. Царь и сам постоянно подчеркивал свою близость к простому люду. Недаром после февральского переворота крестьяне говорили: «Это не мы предали Царя-батюшку, а баринишки». Напрасно Лили Ден заявляет, что после революции стало так же плохо, как и перед нею. Ей не пришлось жить ни в большевистском Петрограде, когда, по свидетельству З. Гиппиус, там продавали «китайское мясо» — человечину, ни в других губерниях, когда обреченные села чекисты окружали заградотрядами и не выпускали из них голодное население до тех пор, пока оно не вымирало.

Между тем даже после трех лет мировой войны и восьми месяцев правления Керенского уровень жизни в России, и, в частности, в Петрограде, был такой же, как в лучшие времена «развитого социализма». Чтобы убедиться в этом, стоит прочитать книгу американского социалиста Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир» (несколько десятков лет пролежавшую в спецхране), где приводятся заработки рабочих, цены на продовольствие и услуги в конце октября 1917 г.

Разумеется, Юлии Александровне Ден, не располагавшей тем обилием информации о жизни Царской Семьи и ее окружения, которое теперь доступно нам, трудно было отрешиться от своих узких взглядов. В частности, смущает ее не всегда доброе отношение к Г. Е. Распутину, помощь которого Наследнику она приписывает «совпадению, одному лишь совпадению». А между тем Юлия Александровна сама свидетельствует о *реальной* помощи ее больному ребенку, которого у нее на глазах вылечил Григорий Ефимович. Правда, она находит в нем и положительные черты. Она признает, что Распутин не извлекал никакой для себя выгоды от близости к Царской Семье. Жилище у него было скромное, питался он скудно. Отметим, что в настоящее время в некоторых церквях есть икона мученика Григория, которая мироточит!

Смущает нас и несколько покровительственное отношение автора к А. А. Вырубовой. А ведь та просидела полгода в сыром каземате Петропавловской крепости, постоянно подвергаясь издевательствам и унижениям со стороны охраны.

Отметим, что знакомство Лили Ден с Царской Семьей произошло в 1907 г. после ее замужества за Карлом Деном, тогда старшим лейтенантом Морского Гвардейского экипажа и офицером Императорской яхты «Штандарт». Его называли Ден-Пекинский, поскольку он участвовал в подавлении боксерского восстания в 1900 г. и был награжден орденом св. Георгия, а представители западных посольств ходатайствовали о награждении доблестного офицера орденом Почетного Легиона. Уроженец Ревеля, во время русско-японской войны лейтенант Ден командовал миноносцем «Шука». В конце 1905 г. он был принят в Гвардейский Экипаж и проходил службу на Императорских яхтах «Царевна» и «Александрия». 29 апреля 1914 г. капитан 2-го ранга Ден был назначен командиром эсминца «Войсковой». В марте 1916 г. Николай II назначил «капитана 2-го ранга фон Дена 2-го» командиром крейсера «Варяг», поднятого и отремонтированного японцами, у которого

русское Императорское правительство купило этот легендарный корабль вместе с броненосцами «Пересвет» и «Полтава», последний из которых был переименован в «Чесму». При переходе в порт Романов (нынешний Мурманск) из Владивостока в Средиземном море «Пересвет» подорвался на mine, поставленной немецкой подводной лодкой U-73, и погиб. В. Т. Поливанов и Г. И. Бякин, авторы книги «Морской Гвардейский Экипаж», обвиняют Карла Иоахимовича Дена (произведенного в капитана 1-го ранга), в «ничем не оправданной высокой требовательности» к нижним чинам. Но, как известно, без требовательности — корабль уже не корабль. Поскольку кораблю требовался ремонт, 25 февраля 1917 г. он был отправлен в Англию. На нем находилась делегация из 160 гражданских чиновников и генерал Миллер. После прихода «Варяга» в Англию произошла февральская революция. Среди экипажа начался разброд. К. И. Ден остался в Англии. В 1918 г. «Варяг» был продан на слом, но при буксировке был выброшен штормом на камни на побережье Ирландского моря.

Юлия Александровна не ограничивалась выражением верно-подданических чувств к Царской Семье. Летом 1917 г. она установила контакт с монархической организацией Н. Е. Маркова, которая занималась (тицетно) подготовкой освобождения Царственных Узников. Но многочисленные (зачастую фиктивные) организации «спасателей» находились под контролем Чека, так что исход был предопределен. «Как женщина, Ему вы изменили, и как рабы, вы предали Его»... В годы второй мировой войны Юлия Александровна с детьми (муж умер в начале 1930-х гг.) жила в Южной Америке. Скончалась она в 1963 г. в Риме. Ей исполнилось 78 лет.

Мы должны быть благодарны Юлии Александровне Ден за то, что она пронесла через всю свою жизнь любовь к Царственным Мученикам, набралась мужества и в условиях жестокой критики и клеветы в адрес Императрицы со стороны широких кругов английского общества, в которое она попала, покинув Россию, показала светлый образ Государины Императрицы и всей Царской Семьи.

Долго шли к российскому читателю и мемуары последней Великой Княгини Ольги Александровны. Младшая сестра Императора Николая II сорок лет отказывалась рассказать о своей жизни в России и в изгнании представителям средств массовой информации Запада, несмотря на выгодные финансовые условия, кото-

рые ей предлагали. А жила она с семьей небогато и скончалась, по существу, в нужде. И лишь на закате своих дней (она умерла 24 ноября 1960 года), подружившись с канадским журналистом и знатком иконописного искусства Йеном Ворресом — канадцем греческого происхождения, — она поддалась его уговорам и поведала о своем детстве в Гатчине среди озер и обширных парков, о родителях — Императоре Александре III, которого любила всем своим детским сердцем, и Императрице Марии Федоровне — о сестре, братьях и других родственниках, друзьях и знакомых. Ценны ее свидетельства об Императоре Николае II и добрые слова в адрес невестки — незаслуженно и жестоко оклеветанной Императрицы Александры Федоровны. Интересно и поучительно узнать о жизни семьи Великой Княгини после революции в Крыму, а затем и в изгнании — в Дании, на Родине матери, потом в Канаде. Прекрасная память, четкий, емкий слог, особенное ностальгическое чувство по потерянной Родине — все это подкупает читателя.

Правда, трудно понять, почему Великая Княгиня поверила свои мысли и чувства постороннему человеку, а не своим близким — ведь у нее было двое сыновей — Тихон Николаевич и Гурий Николаевич. Однако, как кто-то заметил, подчас чужому человеку расскажешь такое, чего не откроешь родственнику. Главное же, на наш взгляд, соображение Ольги Александровны заключалось в том, чтобы поведать историю своей жизни наиболее широкому кругу читателей — англоязычным читателям. Вряд ли тогда Великая Княгиня (как и мы сами) могла предположить, что ее воспоминания будут опубликованы у нее на Родине.

Нужно отдать должное Йену Ворресу, сумевшему подружиться и даже полюбить престарелую Великую Княгиню, подкупившую его своей простотой, непритязательностью, детской верой в Бога. С каким сочувствием он повествует о невзгодах, выпавших на ее долю, — как во время Гражданской войны, так и в изгнании. Как трогает его ее скромный, если не бедный, быт, как искренне сожалеет он о кончине Ольги Александровны вдали от любимой ею России, — вдали от родной Гатчины с ее дворцом и парками (ныне, увы, пришедшими в запустение благодаря нам, живущим «без Царя в голове, без Царя во главе») и Петербурга с его набережными, каналами, реками, памятниками, среди которых прошла ее молодость.

Одна за другой появляются — как за рубежом, так и в «новой России» — публикации, продолжающие «традиции» очернитель-

ства памяти умученной Царской Семьи, в особенности Государыни Александры Федоровны. Оттого дорогого стоят слова Ольги Александровны, с детства знавшей и любившей прекрасную германскую принцессу, ставшую, на свою беду, русской Императрицей, — слова участия и дружбы.

Увы, о собственных племянницах (за исключением крестницы, Анастасии) Великая Княгиня отзывается не всегда тепло. Находит она порой и слова осуждения в адрес Державного брата. Недаром в свое время генерал А. Н. Куропаткин говорил об Ольге Александровне, что она «с краснинкой».

Зато ни слова порицания не нашлось у нее в адрес целой колонии Великих Князей, проживавших со своими женами и челядью в их крымских имениях в то самое время, когда Белые армии — разутые, подчас голодные, вели ожесточенную и неравную борьбу с большевиками и интернационалом. В особенности возмутительным было поведение грубого, но малодушного Николая Николаевича-младшего, который в феврале 1917 г. «коленипреклоненно» умолял Императора отречься. Впрочем, задолго до революции барон В. Б. Фредерикс, в ответ на вопрос В. К. Николая Николаевича, «почему все его ненавидят, а отца его [Николая Николаевича-старшего, Главнокомандующего Дунайской армией в 1877—1878 гг.] обожали», сказал: «Ты этого не понимаешь, так я тебе объясню: твой отец был джентльмен» (*Н. А. Епанчин. На службе трех Императоров. М., Наше наследие, 1996, с. 144*). Ни слова протеста не высказано Великой Княгиней по поводу вредоносных действий «великокняжеской фронды» в месяцы, предшествовавшие перевороту в феврале 1917 г.

Интересны и яркие впечатления Ольги Александровны о своих детских годах, об отношениях с родителями, хотя читателя ставит порой в тупик ее критическая оценка матери, Императрицы Марии Федоровны, о бесконечной доброте которой вспоминали знавшие ее люди. Когда же Великая Княгиня берется за политические оценки, то позиция ее зачастую не выдерживает критики. Идеалом правителя для нее является Петр I, «поставивший Россию на дыбы». Отметим, что «птенцы гнезда Петрова» беспощадно разоряли Россию. Один лишь «светлейший князь» А. Д. Меншиков положил в западные банки 5 миллионов рублей, что составляло четверть всего государственного бюджета России. Подобно советским историкам, Петра — который собственно вручную рубил головы стрельцам и предал мучительной казни род-

ного сына — она называет Великим. Но она не в состоянии разглядеть великого Государя в собственном брате, Императоре Николае II. Уж не потому ли, что первым ее мужем был принц П. А. Ольденбургский, во время первой мировой войны занимавший должность адъютанта Николая Николаевича-младшего в бытность его Верховным Главнокомандующим, окружение которого было настроено враждебно к Государю? Ни словом Великая Княгиня не обмолвилась о том процветании, которого достигла Российская империя при Николае II. В своих мемуарах Н. А. Епанчин свидетельствует: «Современники Императора Николая II совершенно не обратили внимания на одну из блестящих сторон его царствования, а именно на постоянно возrastавшее благосостояние России... Только после крушения империи было обращено внимание на это... как русскими, так и иностранными учеными... Полагают, что это экономическое благосостояние, значительно увеличивавшее силы России, было одной из причин Мировой войны, а именно опасение наших „друзей“ на Западе, особенно Германии, что через несколько лет Россия будет так могущественна, что одолеть ее будет трудно или, может быть, невозможно» (Указ. соч., стр. 243).

Великой Княгине следовало бы отметить усилия, предпринятые ее Августейшим братом для возрождения флота после Цусимской трагедии, для укрепления армии и промышленности. Ни слова не сказано ею о подвиге Императора Николая II во время первой мировой войны. Возглавив армию в период ее отступления в августе 1915 года «под водительством В. К. Николая Николаевича», Император сумел переломить трагический ход событий. Как свидетельствует журналист Н. Катков, сразу же улучшилось взаимодействие между военными и гражданскими начальниками, резко возросли и улучшились поставки вооружения и боеприпасов. К концу 1916 года производство винтовок увеличилось вдвое, пулеметов вшестеро, снарядов — в 9 и 16 раз, в зависимости от калибра, тяжелых орудий — вчетверо, аэропланов — втрое. Строились новые огромные казенные заводы, переоборудовались старые. На заводах союзников были размещены большие заказы, за которые казна платила золотом. За 15 месяцев пребывания Государя на посту Верховного Главнокомандующего не было уступлено врагу ни пяди земли. На Волыни, в Галиции, Буковине было отвоевано около 30 000 квадратных километров. Была отбита у турок почти вся Армения. В плен взято

около двух миллионов неприятельских солдат. Была проделана огромная работа по строительству железных дорог. Так, Мурманская железная дорога, длиной 1050 км, была построена всего за 20 месяцев. Спускались на воду и строились тяжелые корабли. Один за другим сходили со стапелей лучшие в мире эсминцы класса «Новик». Большой урон наносил немцам Балтийский флот минным оружием. На Черном море господствовали русские моряки (А. Лукин. Русские моряки в Великую войну 1914—1918 гг. «Бежин луг», 1994, №№ 3—5). Государь самолично разрабатывал широкомасштабную десантную операцию на фланге германских армий, примыкающем к побережью Балтийского моря.

Но чем больше усилий прилагала Царская власть для победы над неприятелем, тем упорнее становилось противодействие ее противников, начиная с «прогрессивного блока» в Думе и кончая вражеской агентурой, щедро финансируемой как Германским Имперским банком, так и международной закулисой. Главной целью их нападок оставалась Императрица. «Профессор исторической клеветы» П. Н. Милоков с думской трибуны обвинял в измене Государыню и премьера. Не остались в стороне и «монархисты» вроде В. В. Шульгина и В. М. Пуришкевича, который подстрекал светскую чернь к убийству Г. Е. Распутина (не игравшего никакой роли в политической жизни государства). К кампании блока присоединился и дворянский съезд. Крамольные настроения укоренялись в придворных кругах. В Москве, под председательством князя Г. Е. Львова, Земский и Городской союзы начали свои тайные совещания с целью «спасения России» путем переворота. Предлагалось, не без участия некоторых членов Императорской фамилии, выслать Государя с Семейей за границу, разработать новый строй государственного управления и венчать на царство В. К. Николая Николаевича в качестве Николая III. Брожение в умах коснулось даже войск фронта: в рядах офицерства появилось множество окончивших ускоренные курсы прапорщиков. Дали себя знать и «усилия» офицеров Генерального Штаба, постаравшихся, чтобы войска гвардии — верного оплота Престола — бросались на самые опасные участки фронта, где несли огромные потери.

В неимоверно трудной обстановке Государь продолжал готовить армию к весеннему наступлению. Кампания 1917 года должна была стать последней и победоносной для России. Однако

«думские дьяки», подстрекаемые английскими масонами, французскими социалистами и международной закулисой, решили во что бы то ни стало вырвать победу из рук Царя, справедливо полагая, что в случае победы под его командованием авторитет Императора станет настолько высоким, что ни о каком свержении Царской власти не может быть и речи. И в марте 1917 года враги России вырвали власть из рук Помазанника Божия.

Но Бог поругаем не бывает. Сбылось предсказание св. Иоанна Кронштадтского: «...Если не будет покаяния у русского народа, конец мира близок. Бог отнимет у него благочестивого Царя и пошлет бич в лице нечестивых, жестоких, самозванных правителей, которые зальют всю землю кровью и слезами».

Напрасно полагает Великая Княгиня, что ее брату следовало бы выйти к демонстрантам 9 января 1905 г. и принять от них петицию. Ей следовало бы знать, что акция эта была организована провокаторами и революционерами — Г. Гапоном, Евно Азефом, Пинхусом Рутенбергом, Манасевичем-Мануйловым, — и ничто не заставило бы последних отказаться от своих кровавых планов. Действия же войск были ответными — их спровоцировали революционные боевики, стрелявшие по войскам с деревьев Александровского сада, из подворотен и т. д. У революционеров был план сразить снайперским выстрелом Императора, едва он появится на балконе Зимнего дворца перед «верноподданными». К тому же Великая Княгиня забыла, что Император с Семейей находился в своей Царскосельской резиденции. Что же, ему следовало приехать и очутиться под обстрелом?

Однако достойно всяческой похвалы осуждение Великой Княгиней травли и убийства Г. Е. Распутина экстремистами из числа представителей высшего света. Достойно уважения и признание ее причастности, как и многих других представителей великокняжеских семейств, к подрыву Царской власти, ее престижа.

Великий Князь Александр Михайлович (Сандро) писал об Ольге Александровне: «...Всегда одетая как простая сестра милосердия и разделяя с другой сестрой скромную комнату, она начинала свой рабочий день в 7 часов утра и часто не ложилась... когда надо было перевязывать вновь прибывших раненых. Иногда и солдаты отказывались верить, что сестра, которая так нежно и терпеливо за ними ухаживала, была родною сестрою Государя и дочерью Императора Александра III».

Не все мемуаристы были столь добры к Великой Княгине. Так, князь В. С. Трубецкой в своих мемуарах, написанных в советское время, оставив в стороне деятельность Великой Княгини, как сестры милосердия, сосредоточился на вопросах ее личной жизни. По его словам, Ольга Александровна, увидев в обществе брата, Великого Князя Михаила Александровича пригожего кирасира, «почувствовала сильное влечение к красивому и статному Куликовскому... [Тот] не преминул ответить взаимностью на зарождавшееся чувство сестры Государя, а так как последняя, несмотря на свой высокий сан и положение, держала себя чересчур свободно и независимо, то в обществе очень скоро заговорили об их романе...» Нужно сказать, что Великая Княгиня избегала всякого этикета, и их с ротмистром можно было видеть разъезжающими по улицам Гатчины в простой извозничьей коляске. Встречали их на аллеях гатчинских парков «прогуливающимися под руку, как полагается обыкновенной и пошлой влюбленной паре». Тут автор ошибается. Жизнь показала, что это была не пошлая интрига, а любовь на всю жизнь. В брак влюбленные вступили лишь в 1916 году, после того, как брак с принцем Ольденбургским был признан недействительным (по словам Великой Княгини, они с принцем Петром никогда не были мужем и женой.) В это время Ольга служила в киевском госпитале.

В письме к своей любимой племяннице Анастасии от 6 сентября 1914 г. Ольга Александровна рассказывала: «...Меня доктор зовет всегда поласкать больного во время трудных перевязок, ибо во время сильной боли я их обнимаю, глажу и ласкаю, так что им известно, вероятно, кричать, и ему легче перевязывать в это время!»

Писала Великая Княгиня и остальным племянницам: «Мои милые душкинские, дорогие... Живу себе очень хорошо и спокойно на душе, т. к. Кукушкин [второй муж Ольги Александровны] мой любимый еще со мною... Раненые со всех концов... Несколько чудных стрелков так называемой „Железной бригады“ 13 и 14 полков. Это удивительные люди — когда перебиты были все офицеры, они сами продолжали атаку и командовали собою... Все их на нашем фронте знают и уважают и — увы! — их мало осталось... Вчера, гуляя по улице... с Н[иколаем] А[лександровичем Куликовским] встретились два молодых солдата — один отдал кое-как честь, но другую руку не вынимал из кармана и был удостоен „милостивым“ словом Н. А. ...Уезжает он [во] вторник в 6 ч. утра на границу Венгрии — где теперь стоят мои дорогие

Ахтырцы... Устала почему-то (ноги) от перевязок... Целую крепко и нежно и ужасно люблю вас всех пятерых и Мамá душку, всех...»

Под словом «Мамá» Ольга Александровна подразумевала Императрицу Александру Федоровну, которая столь же нежно, как и ее золовка; относилась к раненым воинам. Умиравшие просили Государыню посидеть возле их кровати, поддержать им руку или голову. Раненые солдаты и офицеры просили ее находиться рядом во время тяжелых перевязок и операций, говоря, что не так страшно, когда Государыня рядом. Те, кто пережили Великую и гражданскую войны, с благодарностью вспоминали перевязки, сделанные твердой, но нежной рукой племянницы Ольги Александровны — Великой Княжны Татьяны Николаевны. Увы, все труды Царственных сестер милосердия были забыты «скверноподданными», и в знак «благодарности», им достался екатеринбургский подвал...

Нет никакого сомнения: Великой Княгине близки судьбы России, ей обидно, что бывшие союзники так недостойно обошлись с ее Родиной, способствуя расчленению бывшей Российской империи. Предав Императора, они предали и белых генералов. Если при эвакуации белыми войсками Крыма некоторые англичане вели себя по-джентльменски (именно английский корабль эвакуировал Вдовствующую Императрицу Марию Федоровну, Великую Княгиню Ольгу Александровну с ее семьей и семьи уцелевших Великих Князей), то французы, ради спасения которых в самом начале войны была пожертвована армия Самсонова, эвакуируя Одессу, отказались погрузить на свои суда белые части, бросив их на произвол судьбы, вернее, на расправу красному интернационалу. Французский же генерал Жанен продал (в буквальном смысле) большевикам адмирала Колчака.

Не скрывает Великая Княгиня обиды и на своих английских венценосных родственников, по существу, обобравших ее. Насколько больше были бы ее обиды и огорчение, если бы она узнала, что на самом деле, вопреки утверждению сэра Эдварда Пиккока, бывшего управляющего Английским банком, будто бы после революции в Банке не было царских денег, не только Временное правительство и большевики подчистили царскую казну, но и западные демократии и монархии «охулки не положили на руку свою».

Если временно исполнявший должность прокурора екатеринбургского окружного суда Кутузов, посетив неделю спустя после злодейского убийства Царской Семьи дом Ипатьева, обнаружил

там все признаки преступления, определяемого законом как «разграбление после совершенного шайкой убийства хозяев или жителей помещения», то недалеко от них ушли и упомянутые выше банкиры.

Впрочем, цель всякой революции, в том числе и той, называемой «великой и бескровной», со дня которой прошло уже восемьдесят с лишним лет, именно — «разграбление после совершенного шайкой убийства». И всегда находятся люди, не участвующие в революции, но зато участвующие в дележе награбленного. И выразить свое возмущение действиями любителей поживиться на чужом горе потребовало недюжинного мужества от Великой Княгини.

К сожалению, Ольга Александровна, которую вместе с ее родственниками охраняли в Дюльбере революционные матросы под началом «обаятельного убийцы» (слова Великой Княгини) Задорожного, ставит на одну доску и белых, и красных. Думается, потому, что ей не пришлось столкнуться с «обаятельными убийцами» в иной обстановке. Конечно, существовал не только красный, но и белый террор, но это были отдельные акты возмездия, а не «генеральная политика партии», которой придерживались красные, когда уничтожались целые группы населения — не за какую-то вину, а лишь за принадлежность к тому или иному «классу». Впрочем, жертвами большевиков становились представители *всех* классов. Вспомним расстрел из пулеметов рабочих и других простых людей — сторонников созыва Учредительного собрания в Петрограде 5 января 1918 г. после захвата большевиками власти, колпинские, ижевские расстрелы рабочих. Ну а тех, кто осмеливался встать на защиту их прав с оружием в руках, тухачевские травили газами, давили танками. Да и блюхеры не отставали от них, жестоко расправляясь с русскими крестьянами *на китайской* территории, куда те бежали от красного террора.

А разве могла сравниться, скажем, деникинская контрразведка с «чрезвычайкой» — гигантской машиной для уничтожения представителей образованного класса, духовенства, помещиков, зажиточных крестьян, бывших чиновников и военных, независимо от возраста, а также их вдов, семей офицеров-добровольцев (были случаи расстрела пятилетних детей), рабочих и крестьян, подозреваемых в «несочувствии» Советской власти; всех лиц, независимо от пола и возраста, имущество которых (движимое или недвижимое) оценивалось свыше 10 тыс. рублей?

Советские писатели сумели внушить нам, будто Белое движение было делом лишь богатых — помещиков, фабрикантов, генералов и т. д. Но в действительности все обстояло гораздо сложнее, и на стороне белых сражались (и как сражались!) и ижевские рабочие, и балтийские матросы, не говоря о крестьянах, и даже дети-кадеты (по существу, школьники).

Как известно, Великую войну, которая должна была закончиться в 1917 году победой русского оружия, недруги России умело превратили в «последний и решительный бой» с русским народом. Те, кто не склонили головы перед властью комиссаров, были вынуждены покинуть Россию. В их числе находилась и Великая Княгиня вместе с супругом, получившим на фронте травму позвоночника, и двумя сыновьями — Тихоном, родившимся в 1917 году, и Гурием, родившимся двумя годами позже. Поскитавшись по лагерям для беженцев и другим местам, чета Куликовских в 1920 году поселилась в Копенгагене. Вдовствующая Императрица, которую англичане вывезли из Крыма на борту броненосца «Мальборо» в 1919 году, жила в одном из флигелей королевского дворца Амалиенбург и нередко подвергалась унижениям со стороны племянника, короля Христиана X. Нужно сказать, что и сама Императрица третировала своего зятя — мужа младшей дочери, считая его выскочкой. Но именно с этим «выскочкой» Ольга Александровна обрела свое счастье, разведясь с нелюбимым мужем.

Говорят, что очень много романовских драгоценностей осталось на Мальте — там была первая остановка группы Августейших эмигрантов. Местные ювелиры, сговорившись, скупали у «богатых» русских аристократов их сокровища за бесценок. Потом эти сокровища осели у потомков средневековых мальтийских пиратов, которые обзвелись громкими титулами, очевидно, купленными на награбленные деньги.

Трудные для страны военные и послевоенные годы оказались годами счастья для Великой Княгини. И забот. Хотя у самой Великой Княгини было двое сыновей, ей приходилось ухаживать за больной и своенравной старухой, в какую превратилась ее родительница. Нужно сказать, что по отношению к другим русским — независимо от их социального происхождения — Императрица была гораздо внимательнее и щедрее. Она была готова помочь всем, и лишь датский адмирал Андруп, старинный друг Марии Федоровны, удержал ее от полного разорения. Оставшаяся после

ее смерти шкатулка с драгоценностями, не без помощи Великой Княгини Ксении Александровны и короля Георга V, обрела новых хозяев. До последних дней своей жизни Императрица Мать не верила в гибель сына и его семьи.

После кончины в 1928 году Императрицы Марии Федоровны, погребенной в Роскилде — месте упокоения датских королев, — семья Ольги Александровны поселилась на ферме Кнудсминде и занялась сельским хозяйством. Ферму Великая Княгиня приобрела на деньги, полученные от продажи дворца Видере (Хвидор), бывшей резиденции Императрицы Марии Федоровны. В свободное от работы время Ольга Александровна вновь занялась живописью. Начавшаяся вторая мировая война вторглась и в жизнь Великой Княгини. Неподалеку от ее имения была создана база немецких ВВС. Немецкие офицеры приходили в Кнудсминде с целью засвидетельствовать свое почтение сестре последнего русского Царя, кузена кайзера Вильгельма II. Сыновья Ольги Александровны Гурий и Тихон — офицеры датской гвардии — некоторое время находились в лагере для военнопленных (король Христиан X отказался сотрудничать с Гитлером). В усадьбу, где жили Куликовские, навещались и видевшие в Великой Княгине символ Императорской России русские, воевавшие на стороне немецких войск в надежде, что Гитлер разобьет большевиков. Этого не произошло, и несчастные эмигранты пали жертвой своих заблуждений. Впрочем, Великая Княгиня стояла в стороне от политики. Зато политика сама вторгалась в ее жизнь. Бывшие ее соотечественники искали поддержки у Великой Княгини и после войны, и она оказывала им посильную помощь.

С окончанием военных действий пределы Советского Союза приблизились к границам Дании. Возникла опасность, что Великая Княгиня может быть похищена сталинскими агентами. В 1948 году на семейном совете было решено эмигрировать в Канаду. И официальные власти этой страны, и местные жители тепло встретили чету Куликовских с сыновьями, невестками-датчанками, внуком и внучкой. Первые месяцы жизни в Канаде были самыми счастливыми для Великой Княгини. Природа Канады, даже с ее суровыми снежными зимами, очень напоминала русскую. Приехавшие в Канаду в качестве «сельскохозяйственных иммигрантов» Ольга и полковник Куликовский, которым давно перевалило за шестьдесят, занялись фермерским трудом. Правда, спустя некоторое время сыновья их отправились в город на поиски более счастливой жизни.

Затем начались неприятности: Великую Княгиню начали осаждать самозванцы, выдававшие себя за уцелевших после расстрела племянника и племянниц. Особенно много крови попорила Лже-Анастасия — Франциска Шанцковска, она же Анна Андерсон, — десятками лет морочившая головы мировой общественности. Лишь анализ ДНК, уже после смерти самозванки, подтвердил, что она не имела никакого отношения к дому Романовых. В свободное от работы время Великая Княгиня предавалась старинной своей страсти — живописи. Ее изящные натюрморты с цветами охотно приобретали любители искусства. В Канаде Ольга Александровна почти не тратилась на гардероб. Потертая кожаная куртка, надетая поверх поношенного платья, грубые башмаки и выцветший берет — такова была ее привычная одежда. Нравственные и физические нагрузки подорвали ее здоровье. «Мне кажется, что боль меня не отпустит, поэтому стараюсь к ней привыкнуть, — говорила она. — Солнце светит, я гляжу в окно и чувствую себя счастливой...»

Когда Великая Княгиня слегла, то во всех храмах и монастырях Русской Православной Церкви за рубежом провозглашалась особая молитва и служились молебны о ее здравии. Однако 21 ноября 1960-года Ольга Александровна впала в коматозное состояние. Три дня спустя, 24 ноября, она скончалась, так и не придя в сознание. Последняя Великая Княгиня обрела покой. На ее лице была такая просветленность, какой ее друзья у нее еще не видели.

Нужно воздать должное Великой Княгине, сумевшей предвидеть крах коммунистического режима и опасавшейся лишь одного — как бы падение его не явилось следствием военной интервенции. Очередная «бескровная» революция свершилась, но, увы, как и все «бескровные», она принесла и приносит все новые жертвы. Как тут не вспомнить прозорливые слова Царя-Миротворца Александра III: «Падение исконной русской власти [монархии] откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц».

Низкий поклон последней Великой Княгине за доброе слово о своем умученном Августейшем брате и невестке — Императрице Александре Федоровне. Вспомним ее слова: «Я молюсь не о нем, а Ему. Он мученик». Сказано это было сорок с лишним лет назад. 31 октября/1 ноября 1981 года Русская Православная Церковь за границей канонизировала «Царскую семью вместе с сонмом других Новомучеников, от безбожной власти убиенных».

А в 2000 году ее примеру последовала и Московская патриархия. Деяние освященного Юбилейного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 13—16 августа 2000 года о соборном прославлении Новомучеников и исповедников Российских XX века гласит:

«...3. Прославить как страстотерпцев в сонме новомучеников и страстотерпцев Российских Царскую семью: Императора Николая II, Императрицу Александру, царевича Алексея, великих княжон Ольгу, Татиану, Марию и Анастасию. В последнем православном Российском монархе и членах его семьи мы видим людей, искренне стремившихся воплотить в своей жизни заповеди Евангелия. В страданиях, перенесенных Царской семьей в заточении с кротостью, терпением и смирением, в их мученической кончине в Екатеринбурге в ночь на 4/17 июля 1918 года был явлен побеждающий зло свет Христовой веры подобно тому, как он воссиял в жизни и смерти миллионов православных христиан, претерпевших гонение за Христа в XX веке...»

И теперь в храмах нашей многострадальной Родины уже звучат слова молитвы: «Святый Царю-Мучениче и Страстотерпче Николае, со всеми Новомучениками Земли Русской, молитесь Бога о нас, грешных!»

24 ноября 2000 года в Петербурге по поводу сорокалетней годовщины со дня кончины Е. И. В. Великой Княгини Ольги Александровны в часовне надвратной церкви во имя иконы Божией Матери иконы «Всех Скорбящих Радости» состоялась панихида по усопшей в Бозе Великой Княгине и ее близким. Панихиду отслужил насельник Свято-Троицкого монастыря иеромонах Илиян, завершив ее словами:

«В покоищи Твоем, Господи, идеже вси святии Твои упокоеваются, упокой и душу рабы Твоей, боярыни Ольги, яко един еси Человеколюбец».

Содержание

Лили Ден ПОДЛИННАЯ ЦАРИЦА

Часть I. СТАРАЯ РОССИЯ	5
Часть II. РЕВОЛЮЦИЯ	99
ЭПИЛОГ	170

Йен Воррес ПОСЛЕДНЯЯ ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ

Предисловие Ее Императорского Высочества Великой Княгини Ольги Александровны	175
От автора	176
Глава первая. ПОРФИРОРОДНЫЙ МЛАДЕНЕЦ	182
Глава вторая. КЛАССНАЯ КОМНАТА И ВНЕШНИЙ МИР	195
Глава третья. ПЕРВОЕ БОЛЬШОЕ ГОРЕ	219
Глава четвертая. НОВАЯ ЭПОХА	235
Глава пятая. ПОДОБИЕ СЧАСТЬЯ	259
Глава шестая. ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ	284
Глава седьмая. ЛЕГЕНДА О РАСПУТИНЕ	306
Глава восьмая. ХАОС И БЕГСТВО ИЗ ХАОСА	320
Глава девятая. ГОРЬКИЙ ХЛЕБ ИЗГНАНИЯ	344
Глава десятая. В НОВОМ СВЕТЕ НА СКЛОНЕ ДНЕЙ	371
Глава одиннадцатая. «ЗАКАТ ЗАВЕРШЕН»	393
ЭПИЛОГ	406
<i>Приложение А. «АНАСТАСИЯ»</i>	<i>420</i>
<i>Приложение Б. РОМАНОВСКИЕ «КАПИТАЛЫ» В АНГЛИИ</i>	<i>428</i>
От переводчика	429